

INDEXED

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ XIV.

ТИФЛИСЬ.

Типографія канцелярій Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

1892.

Оглавленіе.

	Стр.
Внѣсто предисловія. <i>М. Завадскаго</i>	I—V

Отдѣль первый.

1. Очеркъ быта Кавказскихъ горцевъ. <i>А. Лиловъ</i>	1— 58
2. По истокамъ Кубани и Терека. <i>В. Тетцовъ</i>	59—212
3. Браткія свидѣнія о с. Варташенъ и его жителяхъ. <i>М. Бежановъ</i>	213—262

Отдѣль второй.

1. Сказка о 4 братьяхъ (Абхазская). Сообщ. <i>К. Мачаваріани</i>	1— 8
2. 12-ть цудахарскихъ пѣсень. Сообщ. <i>Б. Далгатъ</i>	9— 72
3. Аварскія сказки. Сообщ. <i>Біакай Абду-маевъ</i>	73—134
4. Кюринскіе тексты (пословицы, сказки и анекдоты). Сообщ. <i>Кн. Ліонидзе и Б. Султановъ</i> .	135—202

Настоящій выпускъ посвященъ исключительно кавказскимъ горцамъ, описанію нравовъ, обычаевъ, и словеснымъ ихъ произведеніямъ. Въ числѣ статей перваго отдѣла нельзя не обратить вниманія на небольшую замѣтку г. Бежанова, сообщающую интересныя свѣдѣнія о бытѣ удиновъ, нѣкогда занимавшихъ обширную территорію, а нынѣ живущихъ въ двухъ—трехъ селеніяхъ Елисаветпольской губерніи. Удины (горцы южно-дагестанской группы) сохранили обычай, напоминающіе о древней формѣ бражѣ, когда отецъ не имѣлъ никакого значенія, когда первенствующую роль игралъ братъ матери и братъ невѣсты, когда послѣдняя приобрѣталась цѣлымъ обществомъ, которому и служила. Періодъ материнства, пережитый почти всѣми народами Кавказа, оставилъ несомнѣнные слѣды въ обычаяхъ и свадебныхъ обрядахъ удиновъ. Такъ, сватовство у нихъ начинается по предварительному приглашенію съ дядею (по матери) невѣсты, ему достаются первые подарки, онъ совершаетъ обрученіе (передаетъ кольцо невѣсты родителямъ жениха). Не менѣе выдающуюся роль играетъ и братъ невѣсты: онъ получаетъ первый богатый „тапакъ“, безотлучно находится при невѣстѣ во время перехода ея изъ дома родительскаго въ церковь для вѣнчанія, охраняетъ и безъ особой платы не впускаетъ ее въ домъ жениха и пр. Невѣсту, съ одной стороны, защищаетъ все ея общество, а съ другой—ее добываетъ (нынѣ деньгами, а прежде силою) все общество жениха. Всѣ родственники жениха собираются на общее совѣщаніе, распредѣляютъ между собою роли, постоянно сопровождаютъ жениха, будучи вполнѣ вооруженными, стрѣляютъ, подходя къ запертымъ воротамъ дома

невѣсты.... но нынѣ все это оканчивается благополучно: вносятся особая плата за ворота и послѣднiя, къ общему удовольствiю, открываются.—Въ свадьбѣ принимаютъ участiе всѣ родственники и близкiе жениха, на ихъ общiй счетъ покупается невѣста. Предъ тѣмъ какъ итти жениху въ домъ невѣсты, къ нему собираются многочисленныя, приглашенныя имъ знакомыя и родственники, приносятъ деньги, платки, затѣмъ все это сосчитывается, всенародно объявляется, сколько чего получено и выражается благодарность всѣмъ присутствующимъ. Эта купля невѣсты всѣмъ обществомъ находится въ связи и съ другимъ обычаемъ, по которому невѣста на слѣдующiй день послѣ свадьбы умываетъ ноги всѣмъ родственникамъ и родственницамъ жениха, какъ бы въ знакъ подчиненности. Сюда же нужно отнести и обычай, по которому невѣста въ присутствiи старшаго деверя и свекра закрывается въ теченiе лѣтъ 10—15, а не говоритъ съ ними до старости.—Невѣста приводилась (или покупалась) изъ другого общества или рода: передъ уходомъ изъ родительскаго дома она цѣлуетъ землю очага, прощается съ отцомъ, съ матерью и своими родственниками, т. е. разстается съ своимъ родомъ и уходитъ въ чужой. Вся вообще обстановка свадьбы удинской носить на себѣ печать отдаленныхъ временъ материнства и экзогамiи. Не менѣе интересны и тѣ свѣдѣнiя, которыя сообщаются въ статьѣ о погребенiи умершихъ и о рожденiи дѣтей. Удины считаютъ нечистымъ, одержимымъ злымъ духомъ какъ больныхъ и умершихъ, такъ и все, что не имѣетъ или лишилось жизни. Сама роженица считается нечистой въ теченiе 40—48 дней, когда она не можетъ печь хлѣба, мыть посуды и пр. Для борьбы съ злымъ духомъ, овладѣвающимъ роженицей, владуть ей подъ подушку винжалъ, шампуръ, окружаютъ постель цѣпью, а также принимаютъ и болѣе рѣшительныя мѣры: являются мужчины, стрѣляютъ изъ ружей, открываютъ ротъ роженицы, впавшей въ обморокъ, хватаютъ

ее за языкъ, тянуть за уши, за волосы, бьютъ по щекамъ, и всѣми мѣрами стараются прогнать злого духа *).

Равнымъ образомъ считается нечистымъ какъ умершій, такъ и тѣ, кто соприкасался съ нимъ: женщина сдѣлается бесплодною, если послѣ родовъ посѣтитъ ее тотъ, кто былъ на похоронахъ; жениха предъ свадьбой купаютъ въ водѣ, смѣшанной съ медомъ, но водой его не можетъ обливаться тотъ, у кого родители умерли. Удинъ принимаетъ всѣ мѣры для борьбы съ злымъ духомъ во всѣ періоды и случаи своей жизни.....

Этой замѣткой я хотѣлъ только указать на статью г. Бежанова, предлагающую интересный матеріалъ для сужденія о бытѣ немногочисленнаго нынѣ народа—удинъ **).

Статья г. Тепцова: „По истокамъ Кубани и Терека“ передаетъ тѣ впечатлѣнія, которыя авторъ получилъ при посѣщеніи описываемыхъ имъ мѣстностей.—Н. Я. Диникъ, хорошо извѣстный своими поѣздками по разнымъ частямъ нагорнаго Кавказа и бывавшій въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ г. Тепцовъ, просмотрѣлъ по нашей просьбѣ всю статью, сдѣлалъ нѣкоторыя указанія и снабдилъ примѣчаніями, которыя и напечатаны въ статьѣ г. Тепцова.

Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены тексты абхазскіе, аварскіе, хюркилинскіе и кюринскіе, которые еще разъ подтверждаютъ степень распространенія и вліянія однородныхъ сюжетовъ въ повѣи народовъ, живущихъ на Кавказѣ. Меликъ Мамедъ кюринцевъ, Медвѣжье ухо аварцевъ (см. наст. вып. Сборн.), Рустемъ удиновъ (Сборн. в. VI), Ломъ-Бацц грузинъ, воспитаникъ Ндеми (Сборн. в. X) мингрельцевъ совершаютъ почти

*) Въ связи съ этимъ возрѣніемъ на большого, какъ одержимаго злымъ духомъ, находится и способъ лѣченія сумашедшаго: зурна играетъ нѣсколько дней подрядъ, а сумашедшаго заставляютъ все время танцовать.

**) Въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника будутъ изданы имѣющіяся у меня нѣкоторыя словесныя ихъ произведенія и небольшой удино-русскій словарь, составленный мною при содѣйствіи братьевъ Бежановыхъ.

одни и тѣже подвиги. Подвиги другихъ героевъ сказокъ, печатаемыхъ въ настоящемъ выпускѣ, напоминаютъ многіе подобныя рассказы, существующіе у разныхъ кавказскихъ народовъ.

Грамматическіе очерки Услара языковъ абхазскаго и аварскаго уже изданы, хюркилинскаго оканчивается печатаніемъ, поэтому я нашелъ излишнимъ приводить здѣсь какіе либо грамматическія указанія относительно формъ, встрѣчаемыхъ въ текстахъ этихъ языковъ. Что же касается кюринскаго языка, грамматика котораго будетъ издана не ранѣе, какъ черезъ годъ, то я 1) разобралъ грамматически часть текстовъ и 2) составилъ очеркъ главныхъ формъ, пользуясь грамматикой Услара, указаніями кн. Ліонидзе и двухъ природныхъ кюринцевъ. Хотя въ концѣ замѣтки и прибавлено, что она составлена по Услару, тѣмъ не менѣе, по избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ здѣсь сказать, что краткія замѣтки о звукахъ не во всемъ согласны съ указаніями Услара.

Разборъ состава словъ абхазской сказки сдѣланъ мною при содѣйствіи г. Аджамова. Хотя, по разнымъ обстоятельствамъ, я не могъ воспользоваться въ должной мѣрѣ содѣйствіемъ природнаго абхаза, говоръ котораго не былъ бы подверженъ значительному вліянію звуковъ другихъ языковъ, тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ отмѣтить здѣсь тѣ краткія наблюденія, которыя я сдѣлалъ относительно нѣкоторыхъ звуковъ. Для звука ч П. К. Усларъ ввелъ четыре буквы: ч и ҇ (҇), ҈ (҈) и ҉ (҉) и говоритъ что ч соотвѣт. рус. ч, ҉ (҉) грузин. ჭ, а ҇ выражается черезъ чч или чш, гдѣ ш мало явственно. Кончикъ языка загибается къ глубинѣ неба и туда устремляется дыханіе: ҇—media, ҈—tenuis. По моимъ наблюденіямъ, ч абхаз. слабѣе, менѣе энергично, чѣмъ русскій, а ҉ (҉) слабѣе грузинскаго ჭ; ҇—ч вышеальвиолярное, ҈ не tenuis, а тоже ҉, но вышеальвиолярное (postalveolaris).

҇, ж, ҈: ҇=з', ж=з" (з среднее между з и ж; Ал. з);

щ=с' (с среднее между с и ш), гдѣ в есть краткій бѣглый
отзвукъ ѱ—в; д соотвѣтствуетъ г:д'—з" (звонкій—глухой съ
соотвѣтственнымъ краткимъ отзвукомъ п), ѣ обозначаетъ звукъ
з" (какой издается при остановѣ лошади); ѱ, ж—суть мягкіе;
ѣ (ц) твердый и мягкій.

Мнѣ остается выразить искреннюю благодарность Н. Я.
Диннику и кн. Ліониде за ихъ содѣйствіе.

М. Заводскій.

7-го Іюля 1891 года.

Г. Тифльсь.

ОТДѢЛЪ I.

ОЧЕРКИ БЫТА КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ *)).

Дики тѣхъ ущелій племена;
Ихъ богъ—свобода; ихъ законъ—война.
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

Лермонтовъ.

Общественное устройство и общественныя отношенія.

Введеніе.—Семья и родъ.—Адаты и шариаты.—Судебное разбирательство и система наказаній по адату.—Общественныя отношенія и судъ у чеченцевъ.—Общественное устройство въ Кабардѣ.—Крѣпостное право у горцевъ.—Гостепримство у горцевъ.—Основные черты характера горца.—Кровомщеніе у горцевъ.—Страсть къ сутяжничеству.

Обширное гористое пространство, отдѣляющее на югѣ Европу отъ Азіи, извѣстное съ незапамятныхъ временъ подъ именемъ *Кавказа*, не только на зарѣ исторіи, но, вѣроятно, и во времена до-историческія, было мѣстомъ, гдѣ сталкива-

*) Статья эта служитъ продолженіемъ статьи, напечатанной подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ пятомъ выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, издаваемого при Управ. Кавк. Учебн. Окр. Въ свою очередь, этотъ Сборникъ далъ матеріалы для настоящей статьи. Кромѣ того, матеріалы для статьи заимствованы изъ слѣдующихъ изданій:

а) *Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ* (томы I—IX), изданный Кавказскимъ горскимъ управленіемъ.

б) *Вспомогательный отчетъ* Главнокомандующаго Кавказской арміей (по военно-народному управл.) 1868—1869 г. С.-Петербургъ. 1870.

с) *Отчетъ по Главному Управленію Намѣстника Кавказскаго за первое десятилѣтіе управленія Кавказскимъ и Закавказскимъ краемъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ 6 де-*

лись разныя народности. Не даромъ древнѣйшія преданія многихъ народовъ уже знаютъ Кавказъ; не безъ причины на этомъ пространствѣ въ настоящее время исторія и филологія находятъ слѣды разныхъ національностей, языковъ и религіозныхъ вѣрованій. Несомнѣнно, что почти всѣ исторически извѣстныя націи перебивали на Кавказѣ. Евреи, греки и римляне, мидяне и персы, арабы и турки, аланы и гунны, армяне и грузины, наконецъ—русскіе,—всѣ эти народы стремились на Кавказъ, сталкивались здѣсь другъ съ другомъ то какъ завоеватели, то какъ сосѣди. Древнѣйшая исторія обитателей Кавказа и совершившихся на этомъ перешейкѣ перемѣнъ и столкновеній еще ожидаетъ своей разработки ¹⁾. Несомнѣнно одно, что Кавказъ даже до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія былъ самымъ безпокойнымъ мѣстомъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь жизнь человѣческая ежеминутно приносилась въ жертву всякимъ случайностямъ. Кавказскія племена, извѣстныя въ нашей исторіи подъ именемъ *горцевъ*, упорно и отчаянно отстаивали въ борьбѣ съ русскими свою дикую свободу. Условія мирной гражданской жизни казались для нихъ тяжелѣе цѣпей невольника; но тѣмъ не менѣе, цивилизація должна была восторжествовать надъ горцами и вступить у нихъ въ свои права. Чего не сдѣлали греки и римляне, то пришлось совершить русскимъ.

Впрочемъ, есть существенная разница между цивилизаціями 6 декабря 1862 г.—6 декабря 1872 г. Представленъ 6 декабря 1872 г. Великому Князю Сенаторомъ Статсъ-Секретаремъ Тайнымъ Совѣтникомъ барономъ Николаемъ

d) *Объяснительная записка къ проекту преобразования военно-народныхъ управленій на Кавказѣ, 1885 г.*

e) *Отчеты г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника К. П. Яновскаго.*

f) *Отчеты Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.*

Прочіе источники указаны на своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Любопытныя указанія на древнѣйшую исторію одного изъ кавказскихъ племенъ можно найти въ статьѣ Д-ра Пфаффа „Матеріалы для древней исторіи осетинъ“. Сборникъ свѣд. т. IV и V.—Осетинскіе этюды, в. III, В.с. Миллера.

цей древняго, и новаго міра. Для первой покоренные народы и рабы были названіями синонимическими, вторая—стремится массы, подавленные силой оружія, возвысить до собственного уровня въ отношеніяхъ политическомъ, общественномъ, умственномъ и нравственномъ. Въ наше время побѣдитель не тотъ, кто одолѣлъ огнемъ и мечомъ, а тотъ, кто подчинилъ себѣ противника превосходствомъ своей цивилизаціи, мудростью политическихъ и общественныхъ учреждений.

Русское правительство, вводя постепенно въ жизнь покоренныхъ полудивихъ горскихъ племенъ начала цивилизаціи и правильныхъ гражданскихъ отношеній, присоединяетъ новый миллионъ человѣческихъ силъ къ своему государственному организму.

При этой трудной работѣ тѣмъ интереснѣе становится прошлое этихъ племенъ. При очевидномъ различіи ихъ отъ русскаго народа по религіознымъ вѣрованіямъ, по степени развитія, по общественному устройству, по преданіямъ и обычаямъ, невольно приходишь къ вопросу: насколько возможна здѣсь ассимиляція, какими она должна совершаться средствами и какими итти путями?

Въ горскихъ обществахъ можно найти многія изъ формъ общественнаго устройства, на которыя указываетъ намъ исторія разныхъ народовъ. Такъ, не говоря уже о *теократическо-военной* системѣ управленія, которую стремились привить къ горской жизни имамы, дѣйствовавшіе на восточномъ Кавказѣ, въ горскихъ обществахъ, еще въ самое недавнее время, можно было найти (да и теперь еще есть) слѣды *патріархально-родового быта*, устройства общества на началахъ *демократическихъ* и *аристократическихъ*.

Безъ сомнѣнія, горское общество развилось такъ же, какъ и вездѣ, изъ семьи. Въ семейномъ быту, какъ можно судить и по современнымъ понятіямъ, господствующимъ у горцевъ, первенствующая роль принадлежала главѣ семейства, отцу

надъ всѣми дѣтьми; потомъ, мужчинѣ—надъ женщиной, мужу надъ женой, брату—надъ сестрой. Семейство, какъ можно судить по сохранившимся преданіямъ, сначала вело жизнь бродячую, оно могло избирать мѣсто жительства по произволу, гдѣ находило для себя жить удобнѣе и выгоднѣе ²⁾).

Въ эту эпоху нельзя предполагать въ горскомъ обществѣ никакой строго организованной общественно-административной власти, тѣмъ болѣе, что горецъ не охотно и въ послѣднее время подчинялся всякой власти: любовь къ абречеству, необузданно-дикой свободѣ, всегда отличала его. Затѣмъ, когда семья прочно осѣлась на мѣстѣ, изъ нея развилась форма быта *родового*. Родъ обнималъ собой множество членовъ, происходившихъ отъ одного родоначальника (*gens*). Это есть семья въ обширномъ смыслѣ со всѣми восходящими, нисходящими и побочными линіями мужскаго поволенія. Чѣмъ бы ни вызвано было это явленіе общественной жизни въ древнѣйшія времена, —узами ли крови, необходимостью ли личной защиты при недостаткѣ положительнаго законодательства; религіозными ли представленіями массы, которая въ родоначальникѣ видѣла и жреца, и пророка, и законоучителя, и судью; личными ли достоинствами старшаго въ родѣ, —въ горской жизни *родъ* (*тахумъ* ³⁾) игралъ весьма важную роль.

Родъ, можно сказать, былъ зерномъ, изъ котораго развились разныя стороны общественной горской жизни.

Отдѣльная личность у горца имѣетъ большее или меньшее значеніе, смотря потому, къ какому она принадлежитъ роду. Чѣмъ многочисленнѣе, сильнѣе, богаче *родъ*, тѣмъ, во

²⁾ О свободномъ выборѣ селеній въ древнѣйшую эпоху можно судить, напр., по преданіямъ о заселеніи разныхъ мѣстъ въ *Ичкеріи* (Ичкерія, Попова, Сборн. свѣд. т. IV, 2, и слѣд.).

³⁾ У чеченцевъ родъ называется *тайна*; всѣ члены рода называются братьями—*вежерей*, а цѣлая связь братствомъ—*вошалла*. Съ размноженіемъ рода, тайны дѣлились на гаары и неки, т. е. на вѣтви и линіи (Чеченское племя, Сборн. свѣд. VI 15).

вышнихъ отношеніяхъ, больше значенія приобрѣтаетъ каждый членъ рода. Ему есть на что опереться, чѣмъ защититься, потому что патриархальныя понятія требуютъ, чтобы родъ защищалъ интересы своего родича всѣми средствами, даже кровью и жизнью своихъ членовъ ⁴⁾. Жертвуя столь многимъ, родъ, съ своей стороны, почти не признаетъ существованія отдѣльной личности; онъ требуетъ отъ нея въ жертву себѣ всего: нѣтъ частной собственности, — каждый все необходимое получаетъ отъ рода и все приобрѣтаемое отдаетъ роду, никто не можетъ разорвать произвольно, по прихоти, связи съ родомъ; родъ, или — лучше — старшій въ родѣ, слѣдитъ за поведеніемъ каждаго члена рода, за неуклоннымъ исполненіемъ всѣхъ древнѣйшихъ *обычаевъ*, опредѣляющихъ мельчайшія отношенія жизни и имѣющихъ для рода значеніе закона; власть старшаго въ родѣ неограничена.

Каждый родъ носитъ свое названіе, большею частью, по имени своего основателя. Имена основателей переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію по преданію и имѣютъ священное

⁴⁾ Сколь великое значеніе имѣетъ родъ у горцевъ вообще, можно видѣть изъ отзыва *Н. Ф. Грабовскаго* о значеніи рода у ингушъ: „Фамилія у ингушъ, говоритъ онъ, въ смыслѣ отдѣльнаго рода, хотя и не даетъ какихъ либо особенныхъ личныхъ преимуществъ, но играетъ въ средѣ ихъ значительную роль, особенно когда фамилія многочислена. Всякій, менѣе сильный, не рискуетъ становиться въ неприязненныя отношенія съ такими фамиліями, и потому-то всякій членъ такой фамиліи наиболѣе гарантированъ, какъ въ отношеніи покушеній на свою собственность, такъ и личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамиліи, убить или ранить его — значитъ нанести себѣ неминуемую гибель, или, по меньшей мѣрѣ, неприятность и беспокойство на очень продолжительное время, такъ какъ потерпѣніе всегда стремится отомстить обидчику всѣми своими совокупными силами. (Сбор. свѣд. т. IX, Ингуши, стр. 41). Въ Абхазіи, для усиленія даже княжескихъ — владѣтельныхъ фамилій, имѣетъ весьма важное значеніе отдача дѣтей, тотчасъ послѣ ихъ рожденія, на воспитаніе въ какой-нибудь аулъ, даже за предѣлы княжества — въ другую область (напр. въ Самурзаканъ, Мнигрелію, Гурію, Имеретію). Этимъ дѣйствіемъ устанавливались самыя тѣсныя родственныя отношенія между владѣтельской княжеской фамиліей и тѣмъ ауломъ, или даже племенемъ, въ которомъ ребенокъ воспитывался до 10 лѣтъ. Обѣ стороны обязывались этимъ другъ другу помогать, другъ друга защищать даже до пожертвованія своей жизни. *Сборн. матер.* вып. 4, отд. 2, стр. 43—44.

значеніе. Эти преданія имѣютъ тѣмъ большую важность, что многіе роды, съ древнѣйшихъ временъ, пользуются разными правами и привилегіями, которыя ревниво охраняются.

Идея рода не ограничивалась предѣлами рода; она повліяла вообще и на общественныя отношенія. Каждый аулъ въ горахъ, говоритъ одинъ изъ жителей-горцевъ⁵⁾, состоитъ изъ двухъ, трехъ громадныхъ семействъ, защищающихъ интересы каждого своего члена противъ другого такого же семейства, на жизнь и на смерть. Изъ этого видно, что тотъ, у котораго больше родства, пользуется и большимъ почетомъ. Далѣе, сгруппированный изъ нѣсколькихъ такихъ семействъ аулъ также составляетъ своего рода одно семейство по отношенію къ другимъ ауламъ, каждый членъ котораго готовъ былъ защищать своего односельца противъ иносельца и идти изъ-за интереса своего односельца на смерть, если того требовали обстоятельства.

По коренному осетинскому праву, преступленіе и злодѣяніе, совершенное надъ чужимъ, т. е. не принадлежащимъ къ тому же роду, не считалось преступленіемъ, а, напротивъ, удалствомъ и геройствомъ⁶⁾. Особенно сильныя роды по числу, или богатству своихъ членовъ, имѣли и имѣютъ всегда рѣшительное вліяніе на дѣла не только своихъ селеній, но и цѣлыхъ обществъ.

Консервативно-демократическія начала въ устройствѣ общественномъ были положены въ тѣхъ горскихъ обществахъ, которые управлялись *по адату* (по народному обычаю).

Обычай (*адатъ*), которымъ держался въ жизни горца весь порядокъ, съ древнѣйшихъ временъ принялъ въ его глазахъ священное значеніе закона; имъ устанавливались и регулировались права личности и ограничивался ея произволъ. Какъ сильно привязаны горцы къ обычаямъ своихъ предковъ, видно

⁵⁾ „Сборн. свѣд. т. IV“. „Какъ живутъ Лаки“, стр. 2.

⁶⁾ „Сборн. свѣд. т. V“. „Исторія осетинъ“, стр. 99.

уже изъ того, что исполненіе требованій шаріата (жизнь по корану) всегда возбуждало въ нихъ болѣе или менѣе сильное противодѣйствіе, несмотря на господство ислама въ горахъ въ теченіе 11 вѣковъ. Шамиль въ теченіе 27 лѣтъ энергиче-ски и настойчиво стремился уничтожить адаты и замѣнить ихъ шаріатомъ. Во времена мюридизма (наиболѣе сильнаго разви-тія мусульманскаго фанатизма въ горахъ), при Шамилѣ, даже была организована съ этой цѣлью система шпионства. Сосѣди, даже родственники, доносили другъ на друга, если замѣчали уклоняющихся отъ исполненія требованій шаріата. Всякій, пропустившій установленную молитву, или небрежно исполня-ющій долгъ мусульманина, объявлялся гяуромъ и былъ осуж-даемъ на смертную казнь¹⁾. Но несмотря на эти жестокости, ни Шамилю, ни его предшественникамъ не удалось достичь своей цѣли. Напротивъ, даже фанатическіе проповѣдники ша-ріата, должны были высказываться въ пользу адата, или дѣ-лать ему значительныя уступки. Въ прокламаціи Шейхъ-Ман-сура, посланной къ народамъ Дагестана, было сказано: „Тотъ, кто рѣшаетъ дѣла по адату, дѣлается нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ Бога, или какъ будто равняется ему въ рѣше-ніи дѣлъ... Да сохранить насъ Богъ отъ того, чтобы мы оши-бались въ рѣшеніяхъ, которыя назначены Богомъ²⁾“.

Этотъ вѣковой, вѣзвѣвшійся въ плоть и кровь горца, кон-серватизмъ, или безотчетное, слѣпое подчиненіе *когда-то* уста-новившемуся порядку, хотя бы нелѣпому, гибельному, какъ нельзя лучше изображаетъ Г. Вороновъ въ своемъ путеше-ствіи по Дагестану. „Вотъ вы жалуетесь, говоритъ пригѣрно пу-тешественникъ горцу, на скудость своихъ полей, на плохіе урожаи, на то, что вамъ ѣсть нечего: отчего бы вамъ въ хлѣбопашеству не прибавить труда по огородничеству,—

¹⁾ Сборн. свѣд. т. III. „Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ гор-цевъ“, 8.

²⁾ Сборн. свѣд. т. I, Адаты, стр. 7.

картофель бы сѣяли, разводили бы лукъ, чеснокъ, капусту, бураки, огурцы и другія огородныя овощи?“ — „Земля не родить“. — „Да вы пробовали?“ — „Нѣтъ, не пробовали“. — „Какъ же вы говорите, что земля не родить, коли не пробовали? А что ваша земля годится подъ огороды, такъ вотъ посмотрите только на русскія уврѣпленія: при нихъ всюду огороды есть, и отличныя“. — „Это у русскихъ такъ, а не у насъ“. — „Да если у русскихъ на этой же землѣ разводятся хорошіе огороды, то и у васъ такіе же будутъ: попробуйте только“... — „Да, оно такъ, только у насъ на это *адата нѣтъ*“. — „Зачѣмъ вамъ адата? Введите его сами, если вы считаете его полезнымъ. Вѣдь картофель ѣли?“ — „Какъ же, ѣли“. — „Чтожь? нравится?“ — „Да, хорошая пища... какъ бываемъ у русскихъ, такъ кушаемъ охотно“. — „Ну вотъ, сами видите: стало быть, эту хорошую пищу у себя слѣдуетъ завести, вотъ вамъ и подспорье въ вашемъ скудномъ хозяйствѣ“. — „Такъ-то, такъ, да только все же у насъ адата на это нѣтъ“. — „И сколько-бы вы ни толковали на эту тему, — результатъ одинъ: хорошо, да адата на это хорошее нѣтъ. А чтобъ, наконецъ, избавиться отъ вашихъ совѣтовъ, горецъ дипломатично уступить вамъ, поблагодарить васъ за совѣтъ, завѣрить, что онъ ему непремѣнно послѣдуетъ, а въ концѣ концовъ, — онъ и пальцемъ не пошевелитъ для выполненія совѣта вашего на самомъ дѣлѣ. — То же и со всякими другими жалобами. — Оспа, наприм., появляется въ горахъ; нужно бы — всѣ про это знаютъ — прививать оспу, да опять: адата на такое хорошее дѣло нѣтъ. И оспа пусть себѣ свирѣпствуетъ! Чтобы защитить адату, иной горецъ, рьяный приверженецъ своихъ тенденцій, начинаетъ доказывать, что и съ привитою оспою умираютъ, что такова ужъ воля Аллаха, что противъ Его воли не стать же итти... Такая тенденція у всѣхъ на умѣ, но она еще сильнѣе у тѣхъ, которые изъ горской вѣжливости будутъ разсыпаться въ благодарностяхъ за вашъ добрый совѣтъ. Это дипломаты, или

хаджи, или потерпіеся оволо русскихъ, вліательные горскіе люди, нерѣдко украшенные медалями и орденами, обладающіе даже почетнымъ военнымъ чиномъ. Но загляните въ ихъ сакли, гдѣ царитъ полный горскій адатъ: дѣти тамъ, навѣрное, въ оспѣ, или перенесли ужъ натуральную оспу ⁹⁾.

Вообще у горцевъ уваженіе къ адату доходитъ до смѣшного, рабскаго повиновенія, не разсуждающаго, справедливы ли разумны ли, или нѣтъ, требованія установившагося обычая. Замѣчательный въ этомъ отношеніи случай разсказываетъ г. Амировъ. Одинъ изъ горцевъ обвиненъ былъ въ убійствѣ и за это былъ осужденъ на 15 лѣтнее изгнаніе изъ аула, съ наложеніемъ, кромѣ того, значительнаго штрафа. Определеніе суда было приведено въ исполненіе. Прошло нѣсколько времени и осужденный оказался невиновнымъ, найденъ былъ настоящій убійца. Неправильно осужденный просилъ отмѣны наложеннаго на него наказанія. Кажется, чего бы естественнѣе, какъ не отмѣнить ошибочно произнесенный приговоръ? На дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. „Нашъ адатъ, такъ разсуждали судьи, не принимаетъ во вниманіе такой просьбы. Признанный убійцей и канлы (т. е. осужденный на изгнаніе) присягой на коранѣ, по нашему адату, не можетъ быть возвращенъ или оправданъ, *чтобы ни случилось впоследствии*. Иначе, это было бы святотатство, оскорбленіе Бога. Это значило бы, что мы готовы принимать присягу на коранѣ, не будучи вполне увѣрены въ справедливости нашего дѣла ¹⁰⁾“. Просителю было отказано.— Не напоминаетъ ли этотъ судъ Пилатовскаго изреченія: „еже писахъ—писахъ?“

Причины, по которымъ горцы такъ привязаны были всегда къ адату, заключаются въ слѣдующемъ: 1) коранъ налагаетъ наказанія слишкомъ строгія (напр.: лишеніе членовъ

⁹⁾ „Сборн. свѣд.“ т. III. Путешествіе по Дагестану стр. 21, 22.

¹⁰⁾ „Сборн. свѣд.“ т. VII. Среди горцевъ свѣд. Даг. 89.

тѣла, наказаніе палочными ударами, арестъ ¹¹⁾, и проч.), тогда какъ по адату такихъ наказаній нѣтъ; 2) чтобы привести въ исполненіе столь строгія наказанія, какихъ требуетъ шаріатъ, нужна была крѣпко организованная власть, а такой въ горахъ почти никогда не было; 3) для правителей выгоднѣе было во всѣхъ отношеніяхъ судить по адату, такъ какъ этотъ способъ рѣшенія дѣлъ пользовался всегда популярностью въ народѣ и давалъ судьямъ значительные доходы отъ штафныхъ денегъ; 4) рѣшеніе дѣлъ по корану требовало извѣстнаго рода начитанности, образованія въ арабской литературѣ, тогда какъ по адату дѣла рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ.

Судъ по адату, обыкновенно, вѣрялся лицамъ, избраннымъ свободнымъ голосованіемъ, изъ народа извѣстнымъ своею честностью, безукоризненнымъ поведеніемъ и знаніемъ адатовъ (карты) ¹²⁾. Всѣ эти качества въ судьяхъ были необходимы особенно потому, что адаты сохранялись большею частью только въ памяти народа и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію путемъ изустнаго преданія. Письменныхъ сборниковъ адатовъ было очень мало и тѣ не полные ¹³⁾. Судьи по адату избирались на одинъ годъ или на меньшій срокъ. Какъ выраженіе народной воли, судъ по адату не боялся *масности*. Разборъ дѣлъ и жалобъ производился всегда на улицѣ или на площади; только въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ были особы, для этого назначенные дома. Каждое утро судьи обя-

¹¹⁾ По шаріату, въ Кабардѣ опредѣлялись слѣдующія наказанія: за воровство не болѣе рубля—лишеніе лѣвой руки; свыше рубля и до 100 руб. асс.—отрубленіе правой руки и лѣвой ноги; за развратное поведеніе и убійство—смертная казнь (Очеркъ суда, Грабовскаго, Сборн. свѣд. IV, 4).

¹²⁾ Должность карта въ нѣкоторыхъ тохумахъ была наследственная. Къ участию въ разборѣ дѣлъ карты иногда приглашали почетныхъ стариковъ селенія (аксакалы) (*Объяснит. зап.*, стр. 6).

¹³⁾ Сборн. свѣд. Т. I Адаты, 9. Старики, присутствовавшіе при рѣшеніи дѣлъ, были представители отъ всѣхъ тохумовъ. Нѣкоторые тохумы, особенно многочисленныя, высылали отъ себя по 2 и по 3 представителя (*Объясн. зап.* стр. 6).

заны были собираться на обычномъ мѣстѣ (большую частію вблизи мечети), куда шли всѣ имѣвшіе въ нихъ надобность. Еще замѣчательная особенность этого народнаго суда та, что онъ совершался непременно въ присутствіи *стариковъ селенія* (джамаатъ, по нашему: *міръ*). Старики только присутствовали; высказывали свое нравственное одобреніе или неодобреніе. Это нѣчто въ родѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей. Кромѣ стариковъ, на сходкѣ могъ присутствовать и каждый житель селенія. Несмотря, впрочемъ, на эти гарантіи судебной справедливости, въ случаѣ возникавшихъ споровъ или недоразумѣній ¹⁴⁾, были и другіе способы рѣшить дѣло. Такъ, тажущіеся могли искать суда въ другихъ селеніяхъ, которыя издавна приобрѣли извѣстность своею непогрѣшимостью, или обращаться въ *маслагату*—третейскому суду ¹⁵⁾.

Формы этого чисто народнаго суда въ главныхъ чертахъ сохранены и теперь, при русскомъ управленіи; но въ настоящее время это судъ смѣшанный: въ немъ участвуетъ и *кадіи* (представитель *шаріата*, т. е. корана) и *юзбаши* (старшина, назначаемый правительствомъ для контроля рѣшеній суда и для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ) и *куалти* (сельская полиція, обязанность которой приводить рѣшеніе суда въ исполненіе). Кромѣ того, дѣло можетъ быть перенесено на судъ *наиба*, или въ одинъ изъ окружныхъ судовъ.

По шаріату, обыкновенно, рѣшались у горцевъ всѣ дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства; прочія же дѣла рѣшались по адату.

¹⁴⁾ Что судьи были не всегда безпристрастны, объ этомъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ г. Амирова: „судьи куалти (полицейскіе) въ прежнее время обогащались въ продолженіе одного года. Доходная статья ихъ—штрафы, а у кадія и судей, сверхъ того, взятки. („Сборникъ свѣд.“ т. VII, Среди горцевъ, стр. 88). По народнымъ представленіямъ, несправедливый кадіи является по смерти оборотнемъ—свиньей, которая, выходя изъ могилы, пожираетъ дѣтей. („Сборн. матер.“ вып. 4, отд. 2, стр. 25).

✓ ¹⁵⁾ „Сбрн. свѣд.“ т. I. Адаты, стр. 6 и 8.

Адаты очень разнообразны. Почти каждое селеніе имѣет свои адаты, что объясняется разрозненностью горскаго общества съ древнѣйшихъ временъ. Но въ принципѣ во взглядахъ на преступленіе, въ способахъ взысканія почти всѣ адаты сходны. Такъ, убійство вездѣ наказывается кровомщеніемъ, или примиреніемъ на извѣстныхъ условіяхъ; вездѣ дозволяется безнаказанно убивать вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, а также и родственнику, замѣченную въ любовной связи, и проч.

Въ основаніи судопроизводства по адатамъ положены всеобщія понятія естественнаго права. Обиженный или потерпѣвшій матеріальный ущербъ можетъ предъявить искъ, и искъ долженъ разбираться, если указанъ отвѣтчикъ. Прежде суда производится слѣдствіе. Повѣренные не допускаются, но мужъ можетъ предъявлять жалобу за жену, отецъ за малолѣтнихъ дѣтей.

Искъ бываетъ двухъ родовъ: прямой, съ доказательствами, и безъ доказательствъ, по подозрѣнію.

Доказательствами служатъ: собственное сознаніе, поличное сознаніе, поличное и показаніе свидѣтелей подъ присягой, несомнѣнные письменные документы, показаніе умирающаго или раненаго. Женщины вообще не допускаются въ свидѣтели; но если и допускаются, то за нихъ присягаетъ мужъ или братъ ¹⁶⁾.

Искъ по подозрѣнію имѣетъ въ себѣ много оригинальнаго. Истецъ по подозрѣнію считается доказавшимъ обвиненіе, если онъ приметъ присягу съ опредѣленнымъ числомъ своихъ родственниковъ и лучшихъ людей селенія, выбранныхъ имъ самимъ, въ томъ, что его подозрѣніе справедливо. Отвѣтчикъ считается свободнымъ отъ обвиненія, если онъ съ опредѣленнымъ числомъ ближайшихъ родственниковъ и домашнихъ приметъ очистительную присягу. Выбрать тотъ или другой способъ рѣшенія иска, т. е. присягу ли истца, или присягу отвѣт-

¹⁶⁾ Объяснит. зап., стр. 7 и 8.

чьея, зависить отъ суда. Если истецъ, или одинъ изъ его свидѣтелей, отказался отъ присяги, то искъ считается недоказаннымъ; если же обвиняемый, или его свидѣтель, откажется отъ присяги, то искъ считается доказаннымъ. Если у обвиняемаго нѣтъ полнаго числа свидѣтелей, требуемыхъ адатомъ, то ему самому дозволяется присягать столько разъ, сколько человекъ не достаетъ. По подозрѣнiю можно обвинять нѣсколько лицъ послѣдовательно; обыкновенно, отъ 1 до 7 лицъ. Хотя женщина, въ большей части Дагестана, не допускается въ число свидѣтелей, за то она въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣеть больше правъ, при взысканiи въ ея пользу штрафа. Такъ, у аварскихъ племенъ за побои, нанесенные женщинамъ, взысканiе съ виновнаго какъ въ ея пользу, такъ и въ штрафъ, опредѣляется больше, нежели за побои, нанесенные мужчинамъ. Если слѣдствiемъ побоевъ или ранъ, нанесенныхъ беременной, будетъ выкидышъ, то виновный считается убийцей плода и подвергается всѣмъ взысканiямъ, опредѣленнымъ за убійство.

Присяга, требуемая судомъ, бываетъ двухъ родовъ: *именемъ Бога* (по шарiату) и *хатунъ-таллахъ*, или *кебинъ-таллахъ* (по адату). Вторая присяга предпочитается первой. Вторая присяга состоитъ въ томъ, что присягающiй клянется, что если онъ скажетъ неправду, то бракъ его незаконенъ; при этомъ онъ долженъ указать предварительно, на которую изъ женъ онъ присягаетъ. Въ случаѣ ложной присяги, жена должна уйти отъ мужа, получивъ все ей слѣдующее, какъ при добровольномъ разводѣ. Многiя лица, изъ опасенiя дать когда-нибудь ложную присягу, даютъ обѣтъ никогда не присягать ¹⁷⁾. Присяга не требуется также отъ кадiя, судей, старшинъ и

¹⁷⁾ Улагдага племени горскаго есть своя древняя присяга; напр. у черкесовъ присяга приносилась на посохѣ, вырубленномъ въ священномъ роуцѣ; у осетинъ присягающiй долженъ убить кошку и произнести заклинанiе; абхазцы клянутся предъ домашнимъ очагомъ; хевсурь и пшавы именемъ св. Георгiя и т. д. („Объясн. зап., стр. 9“).

другихъ лицъ, несущихъ общественныя должности. Съ другой стороны, частое требованіе присяги содѣйствовало упадку ея значенія: явилось много клятвопреступниковъ и наемныхъ присягателей.

По адату могутъ быть налагаемы только слѣдующія наказанія: 1) изгнаніе изъ селенія, съ предоставленіемъ обиженному и ближайшимъ его родственникамъ безнаказанно убить изгнаннаго или простить на извѣстныхъ условіяхъ; 2) изгнаніе изъ селенія на опредѣленный срокъ, но безъ предоставленія права обиженному убить изгоняемаго; 3) взываніе деньгами или имуществомъ съ виновнаго; 4) штрафъ, во всякомъ случаѣ, въ пользу селенія и судей. Смертная казнь по адату не допускается. Но есть случаи, когда всякому дозволяется убить признаннаго виновнымъ, напримѣръ, въ воровствѣ — изъ мечети, въ умышленномъ поджогѣ моста; разведенную женщину, если она не выходитъ замужъ за того, къ кому убѣжала отъ мужа; убійцу врага, съ которымъ уже состоялось примиреніе; обвиняемыхъ въ разрытіи могилъ и похищеніи савановъ. За развратъ, отцеубійство, мужеложество, за нападеніе изъ за-сады, за похищеніе женщины, за воровство (на мѣстѣ преступленія), — за всѣ преступленія, наносящія во мнѣніи народа безчестіе цѣлому семейству, — не только дозволяется, но какъ бы вмѣняется въ обязанность самому ближайшему родственнику убить виновнаго безъ всякаго суда и разбора дѣла. Неисполненіе этого всегда влечетъ за собой укору, насмѣшки и явное неуваженіе къ неисполнившему своего долга, въ особенности если виновный не бѣжитъ изъ селенія въ отдаленное мѣсто.

У чеченцевъ не могла установиться ни жизнь по адату, ни жизнь по шаріату. Они, до подчиненія русскимъ, представляли изъ себя подобіе *федерально-демократической* республики. Чеченскій народъ состоялъ изъ большого числа фамилій (до 100); но эти фамиліи находились между собой постоянно въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Сильныя фамиліи при-

тѣсняли и грабили фамиліи слабыя. Слабыя фамиліи соединялись между собой, или съ сильными фамиліями, чтобы отмстить обидчикамъ. Вообще, было принято не давать перевѣса такой фамиліи. Поэтому, когда какая-либо фамилія, усилившись, приобрѣтала вліяніе на народъ, то другія фамиліи, по зависти, напругали всѣ силы, чтобы низвести ее до общаго уровня. Отсюда и образовалась постоянная вражда фамилій: назрановцы были непримиримыми врагами чеченцевъ на плоскости и на Терекѣ,—они грабили и убивали другъ друга; шатоевцы также нападали на чеченцевъ, жившихъ по Тереку; ауховцы были болѣе близки къ кумыкамъ, назрановцы больше дружили съ осетинами и кабардинцами, чѣмъ со своими единоплеменниками. Вслѣдствіе подобныхъ непріязненныхъ отношеній между фамиліями, чеченскій народъ никогда не представлялъ собой крупной единицы. Всѣ попытки ввести общественное судопроизводство, подчиненіе общимъ законамъ и одной власти оказывались совершенно безплодными. Сначала пытались ввести народный судъ *по адату*. Для этой цѣли были избираемы старики-судьи; они собирались на опредѣленныхъ мѣстахъ и, при стеченіи народа, творили судъ и расправу; но такъ какъ отъ самыхъ тяжущихся зависѣло подчиниться приговору или нѣтъ, то судопроизводство ни къ чему и не вело. Затѣмъ, для устраненія безурядицы, въ нѣкоторыхъ аулахъ прибѣгли къ другой мѣрѣ: стали приглашать изъ другихъ народовъ князей для княженія съ обязательствомъ платить имъ дань (ясакъ). Такъ, были приглашаемы на княженіе аварскіе ханы, кумыкскіе и кабардинскіе князья. Но лишь только князья принимались за свое дѣло, какъ всюду встрѣчали въ народѣ, не привыкшемъ къ повиновенію, сопротивленіе и должны были уходить обратно. Когда чеченцы приняли исламъ, то разборъ дѣлъ по шаріату также не могъ у нихъ привиться; тогда чеченцы стали искать суда по адату, чтобы вовсе уклониться отъ суда. Такое стремленіе чеченцевъ избѣгать всякаго под-

чиненія власти, привело ихъ къ идеѣ полной личной независимости; по ихъ понятіямъ, узденъ чеченскій не можетъ подчиниться, иначе его званіе потеряло бы всякій смыслъ. Поэтому въ чеченскихъ аулахъ прежняго времени не было никакихъ должностныхъ лицъ, въ родѣ старшины и пр.

Аристократическія формы правленія были выработаны преимущественно въ Кабардѣ, въ черкескомъ племени (адыге). Все населеніе Кабарды раздѣлялось на два сословія: *воркъ* (благородный) и *пшитъ* (неблагородный). Во главѣ благороднаго сословія у кабардинцевъ стоялъ такъ называемый *пши* — князь. Интересны тѣ черты благоговѣнія и уваженія, которыми были окружаемы князья кабардинскіе среди своего народа, до измѣненія сословныхъ отношеній, въ концѣ 60 годовъ, уничтоженіемъ крѣпостного состоянія во всѣхъ горскихъ обществахъ. Князю во всякомъ обществѣ принадлежало первое мѣсто. Въ домѣ князь показывался не иначе, какъ окруженный почетной свитой, между лицами которой были распределены разныя услуги князю: одни подводятъ князю коня, другіе подаютъ и принимаютъ оружіе, третьи приготавливаютъ обѣдъ и пр.; въ размѣщеніи лицъ этой свиты около князя наблюдался также опредѣленный порядокъ. Всякій верховой кабардинецъ, при встрѣчѣ съ княземъ въ полѣ, обязанъ былъ вернуться назадъ и провожать его до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ отпущенъ. Если же князь не на конѣ, а пѣшкомъ, то встрѣченные кабардинцы обязаны были спѣшиться. Нѣкоторые изъ кабардинскихъ князей были до такой степени требовательны относительно наружныхъ почестей, что не только верховыхъ кабардинцевъ, но и ѣдущихъ на тяжело нагруженныхъ арбахъ заставляли ворочаться назадъ и сопутствовать себѣ на значительное разстояніе. Впрочемъ, такая непомерная гордость оканчивалась иногда для князя непріятнымъ исходомъ; такъ, одинъ изъ такихъ заносчивыхъ князей былъ лишенъ общественнымъ приговоромъ княжескаго достоинства. — Умер-

пихъ князей не хоронили на общественныхъ кладбищахъ, для нихъ отыскивали особенно видныя мѣста и на могилахъ ставили прочные памятники.

Каждый взрослый кабардинецъ обязанъ посѣтить домъ умершаго князя для совершенія заупокойной молитвы.

Князья считаются у кабардинцевъ защитниками и покровителями народа. Поэтому вся Большая Кабарда раздѣлена была между знаменитыми княжескими родами на 4 части, а Малая—на 2.

Должность *валія* (правителя) принадлежала обыкновенно старшему по лѣтамъ князю, но она была въ извѣстной степени ограничена участіемъ въ управленіи выборныхъ отъ народа и духовенства ¹⁹⁾).

Всякій кабардинецъ обязанъ защищать владѣльца, на землѣ котораго онъ живетъ, не только своимъ имуществомъ, но и жизнію; въ тоже время князь, хотя могъ присвоить все состояніе подвластнаго ему кабардинца, въ томъ числѣ дочь и жену,—но невластенъ былъ надъ его жизнію.

Ниже сословія *пши* стояли другія сословія благородныхъ людей; изъ нихъ наибольшими правами и большею независимостью отъ князей пользовались сословія: *тлакотлешь* и *джиную*. Такъ, они, въ предѣлахъ территоріи, принадлежащей имъ князю, могли жить отдѣльными аулами, могли переселяться съ одного мѣста на другое; отъ нихъ были въ зависимости низшія благородныя сословія *воркъ-шаотлахусы*. Плата за кровь тлакотлешь и джинуго ниже платы за кровь князя, но выше платы за жизнь другихъ сословій свободныхъ.

¹⁹⁾ Но этотъ судъ былъ чисто аристократическій, доступный только привилегированнымъ сословіямъ, низшіе классы народа не принимали въ немъ участія и не были ограждены отъ произвола муллъ, которые всегда отличались замѣчательнымъ своекорыстіемъ („Сборн. свѣд.“ Очеркъ суда, Грабовскаго, IV, 8). Генералъ Ермоловъ хотѣлъ парализовать это зло учрежденіемъ *временнаго* суда, въ которомъ должны были находиться и представители низшихъ классовъ народа; но этотъ судъ до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія не могъ привиться въ Кабардѣ (Ibid. 12 и проч.).

При такой строго выработанной градации сословных правъ, въ Кабардѣ легко выработалось сословіе крѣпостныхъ.

Крѣпостничество и плѣнопродавство—эти двѣ язвы горскаго общества (честь искорененія которыхъ въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія принадлежитъ русскому правительству)—вели свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Главный контингентъ рабовъ доставляла горцамъ ихъ хищническая, наѣздническая жизнь. Всякій плѣнникъ, обыкновенно, обращался въ безправнаго раба, въ вещь, съ которой можно было сдѣлать все, что угодно владѣтелю. Кроме того, были и другія причины закрѣпощенія; наприм., раздача богатыми землевладѣльцами свободныхъ земель бѣднымъ пришельцамъ для поселенія ²⁰), необходимость выручить голодающее семейство или уплатить долгъ ²¹). Привилегіи рода и происхожденія такъ много значили въ глазахъ горца, что особа князя вообще считалась въ глазахъ простолюдина „священною“. „Если бы даже князь и выстрѣлилъ въ кого-нибудь, то простолюдинъ не могъ этого же сдѣлать съ княземъ ²²).

Рабство всего болѣе было развито на Сѣверномъ Кавказѣ въ Кабардѣ и у горцевъ Кубанской области. Въ 60-хъ годахъ, при уничтоженіи крѣпостнаго права, въ этихъ областяхъ было до 40 тыс. рабовъ; но въ большей или меньшей степени рабство было распространено и во всѣхъ горскихъ обществахъ. Оно было, такъ сказать, органическимъ продук-

²⁰) Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, горскихъ обществахъ этотъ принципъ не дѣйствовалъ. Такъ, у чеченцевъ земля была общою, и если случалось, что они селились на княжескихъ земляхъ, съ условіемъ платить подать, то усилившись, переставали ее платить и завладѣвали землею, которую Богъ создалъ для всѣхъ равно; платившихъ ясакъ горные соплеменники осмѣивали и упрекали, называли ихъ *лай*, т. е. холопами. Они не терпѣли у себя всякой власти и не выбирали изъ своей среды предводителей. („Сборн. свѣдѣн.“ „Чеченское племя“, т. VI, стр. 24),

²¹) Частыя неурядицы заставляли нѣкоторыхъ, во избѣжаніе голодной смерти нѣлаго семейства, продавать или мѣнять на хлѣбъ одного семейнаго сочлена, дабы этой мѣрой спасти остальныхъ отъ смерти; тоже самое дѣлалось въ случаѣ несостоятельности должника (тамъ же, стр. 52).

²²) Крѣпостные въ Кабардѣ, т. 1, 17.

томъ всего склада ихъ жизни. Но такъ какъ нигдѣ оно не было ни такъ развито, ни такъ систематически организовано, какъ въ Кабардѣ, то, чтобы познакомить читателей съ этой стороной горской жизни, остановимся преимущественно на характерныхъ чертахъ рабовладѣнія у этого народа. Число рабовъ въ Кабардѣ доходило до 21 тыс. Кабардинцы были преимущественно преданы войнѣ и наѣздничеству. Конь и оружіе— вотъ на чемъ сосредоточены были всю жизнь мысли настоящаго кабардинца. Ни къ какимъ другимъ занятіямъ онъ не былъ способенъ, да и считалъ бы для себя за величайшее униженіе и несчастіе, если бы былъ вынужденъ заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ мысли о набѣгѣ и хищничествѣ. Ни онъ, ни жена его никогда не думали о хозяйствѣ: они знали, были увѣрены, что при множествѣ и безотвѣтственности рабовъ и рабынь, да при легкой наживѣ во время хищническихъ наѣздовъ, ни въ чемъ никогда недостатка быть не можетъ. Кабардинка даже рѣдко выходила замужъ, если только женихъ не покупалъ ей предварительно рабыню. Положеніе рабовъ было такъ тяжело, что каждый изъ нихъ усиливалъ свой трудъ до послѣдней степени, чтобы скопить тотъ капиталъ, который требовался для выкупа на волю. Послѣ этого акта, тотъ же самый крѣпостной, въ свою очередь, мечталъ сдѣлаться рабовладѣльцемъ, кое-какъ сколачивалъ копѣйку и накупалъ себѣ крѣпостныхъ, такъ что въ Кабардѣ число рабовладѣльцевъ было несоразмѣрно велико съ числомъ крѣпостныхъ.

Въ Кабардѣ были различныя степени рабства. Самая низшая и самая жалкая—это *унауты*. По происхожденію своему,—это все незаконорожденные, потому что имъ бракъ былъ запрещенъ. Женщины этого сословія, съ согласія владѣльца, могли имѣть *временнаго* мужа, даже изъ свободнаго состоянія, но всѣ ихъ дѣти дѣлались унаутами; даже дѣти, прижитыя отъ господина, обращались въ унаутовъ,—при этомъ, женщина-унаутка не могла отказаться отъ чести, дѣлаемой ей

господиномъ и даже насиліе съ его стороны не осуждалось обычаемъ. Мужичи-унаутъ, по достиженіи совершеннолѣтія, могъ требовать, чтобы господинъ купилъ ему жену, и дѣти отъ такого брака получали нѣсколько большія права, чѣмъ отъ унаутки, прижившей дѣтей съ своимъ господиномъ. Какъ мужчины, такъ и женщины-унаутки не имѣли *никакой собственности*. Они обязаны были безотлучно жить при дворѣ своего господина, исполнять во дворѣ и въ комнатахъ его всѣ работы по требованію господъ; все продовольствіе и одежду получали отъ господъ; могли быть продаваемы вмѣстѣ и порознь, по желанію господина. Словомъ, это было сословіе людей, лишенныхъ, съ рожденія до смерти, всѣхъ правъ личныхъ, правъ состоянія, правъ брака, правъ семейственныхъ, правъ чести! Между тѣмъ, какъ эта же самая унаутка, „при той спячкѣ, въ которую была погружена, въ продолженіе всей своей жизни, кабардинка, неимѣющая никакого понятія о хозяйствѣ и считающая признакомъ хорошаго тона одно постоянное ничегонедѣланіе,—унаутка была для нея необходима, какъ воздухъ для дыханія, и потому все домашнее хозяйство, какъ то: дворовыя службы, птица, кухня, и пр. находилось на рукахъ унаутокъ“ ²²⁾.

Наиболѣе льготное сословіе изъ рабовъ были *оги*. Вотъ повинности, которыя лежали на нихъ по отношенію къ ихъ господину: каждый членъ семейства, начиналъ съ 16 лѣтняго возраста, обязанъ былъ работать на господскомъ покосѣ и затѣмъ доставлять сѣно въ аулъ въ теченіе 5 дней. Пчеловодъ-огъ долженъ былъ доставить своему господину 3 сапетки (корзинки) меду въ годъ. За пользованіе пахатной землей каждое семейство ога платило своему господину съ cadaго плуга по 60 мѣръ проса, и, кромѣ этого, ежегодно обязано было доставить, смотря по состоянію, отъ 2 до 4 аробъ проса, считая въ каждой арбѣ по 30 мѣръ и отъ 7 до 10-ти во-

²²⁾ Сборникъ свѣдѣн. Крѣпостные въ Кабардѣ, т. 1, 23.

зовъ дровъ. Ежегодно оги поправляли крышу господской сакли, которую они должны были и построить, вывести предварительно изъ лѣса необходимый для постройки ся матеріаль. При женитьбѣ владѣльца или его сына, огъ долженъ былъ дать помѣщеніе въ своей саклѣ новобрачной, кормить и одѣвать ее въ продолженіе одного года, а при выдачѣ своей дочери замужъ—выдать владѣльцу изъ полученнаго имъ калыма двухъ быковъ и двухъ коровъ. При раздѣлѣ имущества между членами какого-нибудь семейства, господинъ бралъ съ него сто рублей, или сто барановъ или же раба (мальчика или дѣвочку 5—6 лѣтъ). Приѣзжающихъ къ своему господину гостей огъ долженъ былъ помѣщать въ своей саклѣ, кормить какъ ихъ, такъ и лошадей. Во время поста (рамазана) всѣ оги по очереди дѣлали своему господину ужинъ, а въ случаѣ смерти господина, или кого-нибудь изъ членовъ его семьи,—обѣдъ, также по очереди. Больше никакихъ повинностей оги не несли и жили отдѣльнымъ хозяйствомъ.

Намъ нѣтъ необходимости характеризовать здѣсь каждый классъ рабовъ ²³). Мы указали высшую и низшую точку ихъ правъ и повинностей, остается вообще замѣтить, что всѣ виды работъ, какъ домашнихъ, такъ и полевыхъ, были распределены владѣльцами между рабами. На мужчинъ падали полевья, болѣе тяжелыя: сѣнокосъ и уборка сѣна, посѣвъ и уборка хлѣба, доставка дровъ и лѣса, постройки, присмотръ за пчелами и скотомъ; подводная повинность и пр.; на женщинъ—всѣ виды домашнихъ работъ: доставка воды, печенье хлѣба, приготовленіе сукна и полотна, засѣваніе огородовъ и уходъ за ними, мытье бѣлья, услуги госпожѣ и пр.

Нельзя не обратить вниманія на слѣдующія своеобразныя понятія о рабахъ, бывшія въ ходу у горцевъ. Рабы вообще

²³) Они въ Кабардѣ дѣлились на 8 разрядовъ (оги, логанпуты, унауты, каракши, ясакчи, чагары, казахи, караваши); въ другихъ мѣстностяхъ этихъ разрядовъ было меньше и названія были иныя. Подробности можно найти въ 1 т. „Сборника свѣдѣній“, въ отдѣлѣ „Горская лѣтопись“.

дѣлились на *правныхъ* и *безправныхъ* (адатныхъ и безадатныхъ). Безадатный рабъ считался вещью, имуществомъ своего господина. За обиды и убійство этого рода рабовъ господинъ получалъ вознагражденіе, какъ за вредъ нанесенный его имуществу. Кульминаціоною точкою правъ адатныхъ рабовъ было слѣдующее: нѣкоторые изъ нихъ (напр. каракиши) не могли быть продаваемы господиномъ, а, для полученія свободы, могли уплачивать господину цѣну своей годовой повинности; семейства другихъ (оговъ, логанапутовъ), при продажѣ, не могли быть разрозниваемы; наконецъ, нѣкоторые изъ крѣпостныхъ (оги, логанапуты, ясагчи, чогары) могли имѣть своихъ крѣпостныхъ, которые, впрочемъ, при выпускѣ на свободу ихъ хозяина, оставались, со всѣмъ ихъ имуществомъ, въ собственности владѣльца. Для логанапуты, когда онъ достигалъ совершеннолѣтія и желалъ жениться, владѣлецъ обязанъ былъ купить жену.

Права на собственность у всѣхъ вообще сословія рабовъ были весьма ограничены. Адатные могли считать своею неотъемлемою собственностью только: 1) вѣнчальный подарокъ, который дѣлалъ господинъ новобрачной, при женитьбѣ своего крѣпостного, состоявшій изъ 3—5 руб., или изъ телушки, по стопности, равной этой суммѣ; 2) приданое рабыни, вышедшей замужъ, заключавшееся въ одной коровѣ. Весь приплодъ отъ этихъ скотинъ считался неотъемлемою собственностью новобрачной, которою она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію. Затѣмъ весь прочій скотъ, приобретенный трудами крѣпостного, послѣдній не имѣлъ права ни мѣнять, ни продавать, ни вообще распоряжаться имъ по своей волѣ; тогда какъ владѣлецъ имѣлъ право это имущество раздѣлить и продать, при чемъ двѣ части онъ бралъ себѣ, а крѣпостному оставлялъ одну, которая и дѣлалась уже неотъемлемою собственностью раба. Имущественное безправіе рабовъ еще болѣе выступало на видъ при выкупѣ рабовъ на волю. Земля вообще не выкупалась, а

оставалась въ пользу владѣльца. Но, кромѣ этого, владѣлецъ имѣлъ право взять себѣ въ выкупъ *все имущество* крѣпостного, если тотъ былъ человѣкъ зажиточный, т. е. имѣлъ много скота, денегъ, домашней рѣхляди,—и назначалъ еще особый выкупъ. „Словомъ, чѣмъ богаче былъ крѣпостной, тѣмъ онъ больше платилъ, и, какъ бѣдный, такъ и богатый были сравнены въ выкупѣ: оба, по выходѣ на свободу, оставались почти нищими, потому что имущество богатаго не входило въ счетъ выкупной платы; владѣлецъ, по обычаю, имѣлъ на него полное право“.

Опальное положеніе раба продолжалось и по выкупѣ его на волю. Выкупившіеся на волю вообще носили въ нисходящихъ поколѣніяхъ названіе того поколѣнія, къ которому принадлежали ихъ предки-рабы, и съ этимъ именемъ всегда соединялось опредѣленнаго рода представленіе о личности. Такъ, напр. въ Дагестанской области названіе „*кула*“ оставалось за всѣми потомками когда то освободившихся рабовъ того же имени. Сохрани Богъ, человѣку свободнаго сословія выдать свою дочь за потомка кула, хотя бы десятый прадѣдъ былъ когда-то чымъ-либо рабомъ. „Прозвище куловъ оставляется за такимъ родомъ навсегда, и уздени неавидятъ ихъ, величая ихъ къ тому же ослами. Невѣжество, измѣна, непостоянство, трусость, ложь,—словомъ, всевозможные пороки и недостатки приписываются такому происхожденію ²⁴⁾“. Въ различныхъ селеніяхъ изобрѣтены были различные способы матеріальнаго и нравственнаго униженія, которому подвергались потомки рабовъ. Въ одномъ изъ селеній Гунибскаго округа каждую пятницу, послѣ молебствія въ мечети, принято обходить всѣхъ, предки которыхъ когда-либо были рабами и говорить каждому: „помни, что ты приходишь не отъ узденя“. Освобожденный рабъ и его потомство не имѣли права рѣзать для пищи болѣе 3 барановъ въ годъ на цѣлое семейство, хотя бы по со-

²⁴⁾ „Сборникъ свѣдѣній“ Воспоминанія муталима, т. I стр. 38.

стоянію своему и были богаче кровныхъ узденей. Въ другомъ селеніи въ случаѣ какого-либо экстреннаго наряда для дачи подводы, для разработки дороги и т. п., исполненіе его возлагалось, не въ очередь, на семейства освобожденныхъ рабовъ. Въ третьемъ селеніи освобожденные рабы и ихъ потомки „до 4-го колѣна обязаны, при раздѣлѣ общественныхъ пашень, происходящемъ чрезъ каждыя 10 лѣтъ, давать по одному котлу изъ особаго сплава, называемаго охи, цѣною 8—10 р.; одинъ изъ котловъ разбивался въ мелкіе куски, остальные продавались и на вырученную за нихъ сумму дѣлалось угощеніе для членовъ сельскаго управленія. Кромѣ того, разъ въ годъ, послѣ раздѣла покосовъ и пастбищныхъ мѣстъ каждый освобожденный рабъ и его потомки до 4-го колѣна обязаны угостить всѣхъ узденей, живущихъ на одной съ ними улицѣ. Наконецъ, въ одномъ селеніи, въ опредѣленный день, разъ въ годъ, освобожденные рабы должны выходить изъ дома на цѣлую ночь; въ ихъ отсутствіе приходятъ партіи молодыхъ людей и могутъ пить и ѣсть все, что найдутъ у нихъ въ домѣ и на дворѣ ²⁵⁾).

Таково, въ общихъ чертахъ, было положеніе рабовъ въ горскихъ обществахъ.

У горцевъ какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, *гостеприимство* было священною обязанностью каждаго. Гость-лицо не только близкое, но и священное, неприкосновенное. Не принять гостя, не угостить его самымъ радушнымъ образомъ, а тѣмъ болѣе нанести ему какое-нибудь оскорбленіе или вредъ (напр. украсть у него что-нибудь) считается и всегда считалось дѣломъ самымъ унижительнымъ, позорнымъ. Поэтому обрядъ принятія гостей сложился вѣковою практикою въ строго-опредѣленные формы. Въ языкѣ горцевъ находимъ особенный терминъ для выраженія отношеній хозяина къ принимаемому имъ гостю—*кумакъ*. Куначество прежде всего, ко-

²⁵⁾ „Сборн. свид.“ Адагы, т. I стр. 75—76,

печно, распространялось на единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. При патриархальной простотѣ быта, при семейной замкнутости, а также по совершенному отсутствію общественныхъ учреждений (въ родѣ гостиницъ или постоялыхъ дворовъ), путешественникъ, или вообще житель чужого аула, нигдѣ не могъ бы найти себѣ пріюта и даже ночлега, если бы освященный вѣками обычай куначества не являлся въ этомъ случаѣ на выручку. Поэтому каждый горецъ, въ тѣхъ аулахъ, въ которыхъ ему приходится бывать, имѣетъ непременно одного *камаличу*, т. е. близко знакомаго человѣка, у котораго всегда и останавливается. Обязанность останавливаться у своего *камаличу* переходитъ изъ рода въ родъ. Не остановиться въ томъ домѣ, гдѣ останавливались предки, значило бы нанести этому дому величайшее кровное оскорбленіе. Камаличу—это членъ семьи, родичъ. Поэтому, куначи принимаютъ близкое участіе въ дѣлахъ друга. Хозяинъ долженъ защищать интересы своего гостя даже своею кровью, жизнью. Арестовать, или обидѣть человѣка, вступившаго за порогъ савли кунача, не возможно. Мы увидимъ впоследствии, какое важное значеніе этотъ обычай имѣетъ въ жизни горца, когда будемъ говорить о кровомщеніи. Хозяинъ, хотя бы былъ бѣднякъ, долженъ, по обычаямъ куначества, не только оказать всякую ласку и почетъ гостю, но и окружить его всяческимъ комфортомъ. Если онъ не имѣетъ на это средствъ подъ рукою, долженъ занять.—Для почетнаго гостя въ обычай рѣзать барана (дѣлать *кусартъ*), хотя бы въ домѣ было довольно мяса. Вообще пріемъ кунача, особенно почетнаго, это *событіе* въ аулѣ.

„Когда является въ аулѣ какой-нибудь чужестранецъ, въ особенности европеецъ, сейчасъ же окружаетъ его толпа мужчинъ и дѣтей, а женщины толпятся по плоскимъ крышамъ своихъ домовъ и смотрятъ оттуда на заѣзжаго человѣка. Всѣ пристально глядятъ на гостя, осматривая его съ ногъ до головы, словно диковинку какую и разсуждаютъ на

своимъ лзыгѣ. Мальчики прыгаютъ или врываются въ средпну толпы, поближе къ гостю, чтобы хорошенько разглядѣть его²⁶⁾. Такимъ образомъ, визгъ, пискъ, толкотня, шумные разговоры этой толпы сопровождаютъ гостя до дома кунака, — по и здѣсь она не оставляетъ его: она вваливается вслѣдъ за гостемъ въ кунацкую и чуть не на плечахъ другъ друга тѣснится на относительно небольшомъ пространствѣ кунацкой во все время приема гостя хозяиномъ; говоръ этой толпы не умолкаетъ. Но она, какъ увидимъ, имѣетъ при этомъ свои расчеты.

Устройство *кунацкой* не затѣйливо: въ ней есть кампъ, небольшое окошко и постель для гостя; по стѣнамъ кунацкой на колышкахъ развѣшана на веревкахъ разная посуда — бутылки, глиняныя и деревянныя чашки и тарелки, — всѣ эти предметы вывѣшиваются на показъ, какъ украшеніе кунацкой; по нимъ гость долженъ заключить о состоятельности и гостепримствѣ хозяина. Ритуаль приема гостей — прѣзжихъ заключается въ слѣдующемъ: гостя встрѣчаетъ хозяинъ, или, за его отсутствіемъ, кто-либо изъ находящихся въ томъ домѣ мужчинъ, или даже сосѣдъ; при входѣ гостя въ кунацкую, съ него снимается оружіе; хозяинъ не долженъ стѣснять гостей своимъ присутствіемъ, а потому, перебросившись съ гостемъ нѣсколькими словами, хозяинъ, обыкновенно, удаляется (принято также, что хозяинъ не можетъ сѣсть въ кунацкой безъ приглашенія гостя, особенно, если гость чиновный); спустя часа два по приходѣ гостя, предъ подачей закуски, въ кунацкую является мальчикъ съ рукомойникомъ, тазомъ и полотенцемъ; почетнѣйшіе гости умываютъ руки прежде другихъ; чиновный — прежде всѣхъ и ему же одному подается полотенце вытереть руки, прочіе могутъ обойтись и безъ полотенца; затѣмъ слѣдуетъ закуска: она ставится предъ гостями на низенькомъ столигѣ (скатертей, пожей, ви-

²⁶⁾ Сборн. свѣд. Какъ живутъ лаки, III, I.

локъ и вообще столовыхъ приборовъ не полагается); первый блюда закуски: пашлыкъ (баранина, жареная на вертелѣ), сыръ и чурекъ (хлѣбъ). Въ закускѣ съ гостемъ могутъ принять участіе лица только равныя съ нимъ по положенію; изъ прочей публики—свидѣтельница закуски—никто не рѣшится сѣсть за столъ, потому что обычай не позволяетъ сидѣть за однимъ столомъ со старшимъ. Публика, молчаливо созерцающая процессъ закуски, получаетъ на свою долю остатки, вмѣстѣ со столомъ, за который и усаживается. Сѣвшіе за столъ изъ публики, хотя бы на ихъ долю пришлось и очень незначительные остатки, звучно причмокиваютъ, истребляя остатки; обычай даже требуетъ сѣсть за столъ, хотя бы на немъ ничего не было, чтобы не компрометировать хозяина. Второй актъ закуски—вареная баранина. Голова барана всегда предназначается для почетнѣйшаго гостя; прочіе должны начинать барана съ курдюка. Почетнѣйшимъ изъ публики лицамъ главный гость можетъ удѣлить по кусочку баранины и чурека. Остатки переходятъ опять въ публику. Въ заключеніе закуски подается супъ, въ которомъ варился баранъ. Супъ, обыкновенно, приправляется сметаной и чеснокомъ. По окончаніи закуски, является хозяинъ пожелать гостямъ спокойной ночи; вмѣстѣ съ этимъ расходится и публика.

Затѣмъ почетнѣйшаго гостя укладываютъ спать на постели: для этого приносятся тюфякъ, подушки и одѣяла; прочіе располагаются на полу.

Изъ этого можемъ видѣть, что, особенно для бѣднаго чловѣка, приемъ гостей стоитъ немалыхъ хлопотъ и издержекъ ²⁷⁾; за то и купаки, обязанные предупредительностью хозяина, стараются отплатить ему за гостепримство. Такъ, есть обычай, по которому вунаки являются на помощь во время

²⁷⁾ Въ Абхазіи для угощенія гостя употребляютъ всѣ средства: занимаютъ у сосѣдей—одвоульцевъ, ѣздятъ въ другіе аулы, не стѣсняются даже украсть необходимое для угощенія. (*Сборн. матер.* вып. 4, отд. 2, стр. 49.)

полевыхъ работъ. Гость долженъ подарить хозяйну вещь, которая ему приглянется, хотя бы эта вещь была очень цѣнная²⁸⁾.

Въ связи съ куначествомъ, какъ дальнѣйшее его развитіе, можно разсматривать обычай *побратимства*, существующій между молодыми людьми. Молодые люди, близкіе между собой по происхожденію, характеру, занятіямъ, иногда вступаютъ между собой въ особенный договоръ—жить душа въ душу, какъ родные, не желать другъ другу зла, исполнять желанія другъ друга съ охотою и искренностью, никогда не измѣнять, и пр. Союзъ этотъ обыкновенно скрѣпляется клятвой и переломленіемъ копья²⁹⁾.

Какъ ни сильны были у горцевъ родственныя и бытовыя связи, какъ ни велико уваженіе къ постановленіямъ адата, но всѣ эти связи были слишкомъ недостаточны для того, чтобы прочнымъ образомъ организовать общество. Въ характерѣ горца и въ условіяхъ его быта заключались причины, которыя должны были привести рано или поздно общество, если не къ распаденію, то къ убѣжденію въ слабости связывающихъ его узъ.

Остановимся на этихъ причинахъ.

Выдающимися чертами въ характерѣ горца всегда были— крайняя обидчивость и вспыльчивость. Самаго пустого и ничтожнаго повода всегда достаточно было, чтобы вызвать кровавую ссору между самыми близкими родными и друзьями.

²⁸⁾ Сборн. свѣд. Экономическій и домашній бытъ жителей ингушскаго округа, т. III, 4—7. 16. Какъ живутъ Лаки, стр. 1—2. Воспоминанія муталима, I, 27.

²⁹⁾ Кабардинская старина, „Сборн. свѣд.“ т. VI, стр. 96—97. Надобно полагать, что побратимство есть прямой продуктъ рода (тохума). Г. Ф. Грабовскій говоритъ объ ингушахъ: „Вліяніе сильныхъ фамлій (рода) создало между ингушами особый типъ родства—*фамильное братство*. Фамильные братья не связаны узами кровнаго родства, но, соединившись нѣкогда для защиты своихъ общихъ интересовъ, они продлили этотъ союзъ до настоящаго времени. Слабые по количеству члены примыкали къ сильнымъ и, увеличивая собою численность послѣднихъ, пользовались покровительствомъ ихъ („Сборникъ свѣд.“ т. IX, Ингуши, стр. 41).

Вотъ примѣры, взятые изъ уголовной горской статистики 1870 года:

Жительница одного изъ селеній Даргинскаго округа, дѣвушка 16 лѣтъ, повѣсилась въ домѣ своей матери. Причиною самоубійства оказалось то, что старшая сестра заставляла эту дѣвушку приготовить ужинъ и за непослушаніе ударила ее.

Двоюродные братья Ника и Аду, находясь въ гостяхъ, разговаривали между собой. Аду, въ видѣ насмѣшки, напомнилъ Ника, что невѣста его вышла замужъ за другого. Въ завязавшейся по этому поводу ссорѣ братья нанесли другъ другу раны кинжалами, отчего Ника на другой день умеръ. Во время драки раненъ третій, старавшійся разнять ихъ.

Жительница одного селенія, дѣвица 50 лѣтъ, бросилась въ глубокую кручу и убилась на смерть. Поводомъ было неудовольствіе ея на брата, женившагося на дѣвушкѣ, выборъ которой она не одобряла.

Нѣкто Тапоръ, мальчикъ 16 лѣтъ, встрѣтивъ поздно вечеромъ своего отца, возвращавшагося съ поля, выстрѣломъ изъ пистолета нанесъ ему рану. Раненый на слѣдующій день умеръ, а отцеубійца сознался, что отецъ грозился убить его, и онъ, боясь, что отецъ угрозу эту приведетъ въ исполненіе, предупредилъ его.

Въ 1867 году въ одномъ изъ ауловъ Кабардинскаго округа два человѣка поссорились за мѣсто на водопоѣ; послѣдствіемъ ссоры былъ одинъ убитый и три человѣка тяжело раненыхъ.

Въ одномъ участкѣ совершено убійство при спорѣ за барана.

Въ другомъ одинъ назвалъ другого въ шутку милиціонеромъ и за это былъ раненъ.

Тамъ же одинъ старикъ, замѣтивъ, что 8-ми лѣтній мальчикъ, прогоняя мимо быковъ, пустилъ ихъ травить его сѣно, сталъ бранить его и ударилъ хворостинкой. Послѣдній выхватилъ кинжалъ и убилъ старика.

Тамъ же два молодыхъ челоѣва проходили около огорода своего одноаульца; одинъ изъ проходившихъ зашелъ въ огородъ и сорвалъ нѣсколько пучковъ луку; это замѣтилъ хозяинъ огорода и, прибѣжавъ туда, ранилъ похитившихъ лукъ.

Подобныхъ примѣровъ нетерпѣливости, обидчивости и кровавой мстительности можно бы привести сотни. „Вообще, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей горскаго быта, самаго незатѣйливаго и невиннаго спора, хотя бы о курицѣ, баранѣ, достоинствѣ лошади, красотѣ дѣвушекъ и т. п. было совершенно достаточно для того, чтобы освирипѣвшіе старцы и молодежь взялись за кинжалы и пистолеты, всегдашніе спутники каждаго. Возникали цѣлыя свалки, въ которыя, съ копьями въ рукахъ, вступали и холопы за честь и достоинство своихъ господъ. До сихъ поръ кабардинцы сохранили въ памяти преданіе объ одной чудовищной свалкѣ изъ за самой пустой причины. Одинъ бѣднякъ выпросилъ у сосѣда своего на короткое время для сѣянія муки сито и затерялъ его. Хозяинъ сита былъ въ претензіи, поссорился и слѣдствіемъ происшедшей по этому случаю драки было умерщвленіе до 500 душъ обоого пода. Всѣ они погребены на одномъ мѣстѣ и могилу ихъ называютъ *кузанака*, т. е. ситовая могила ³⁰⁾.

Итакъ, несомнѣнно, что въ минуту вспышки, пылкая натура горца забывала обо всѣхъ и всякихъ постановленіяхъ адата и шаріата, для нея не существовали ни дружескія, ни родственныя связи. Сильно развитое чувство чести, подталкиваемое раздражительнымъ и вспыльчивымъ характеромъ, направлялось съ обидчикомъ средствами, которыя были подъ рукой. Кинжалъ, — эта неизбѣжная принадлежность горца съ малыхъ лѣтъ, — удовлетворялъ немедленно чувству оскорбленнаго достоинства. По понятіямъ горца, челоѣвкъ, пемсти-

³⁰⁾ „Сборн. свѣд.“ Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, т. IV. 22—25. Тамъ же: „Горская лѣтопись“, стр. 76, 80, 83, 85.

вѣй за свои обиды немедленно, былъ достоинъ полнаго презрѣнія со стороны всѣхъ, его окружавшихъ ³¹⁾.

Сколь ни почтенно столь ревливо поддерживаемое каждымъ въ себѣ чувство самоуваженія, сколь ни /достойно уваженія чувство страха предъ общественнымъ мнѣніемъ,—но рѣшеніе всѣхъ вопросовъ чести лишь помощью кинжала, слѣдовательно, замѣна всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій понятіями о кровавомъ наспліи, прибѣгающемъ, кромѣ того, часто къ лукавству, лести и обману для достиженія своей цѣли,—невольнo заставляетъ содрагаться всякаго чловека иной сферы ³²⁾.

Не возможно объяснить этихъ ежеминутныхъ вспышекъ звѣрства одною раздражительностью и цекотливостью. Гдѣ же другая сторона—собственно чловеческая? Мы пока видимъ только звѣря, бусающаго, терзающаго жертву, случайно попавшую ему въ руки. Но гдѣ же, спрашиваемъ мы, столь естественныя въ разумномъ существѣ: привязанность и уваженіе къ жизни своей и чужой? Гдѣ ограниченіе произвола? Гдѣ конецъ праву сильнаго? Есть ли какая-нибудь возможность существованія чловеческаго общества при этихъ кровавадныхъ инстинктахъ? Размышленіе надъ подобными вопросами невольнo приводитъ насъ къ мысли, что кровавадной мстительности нельзя объяснить только пылкостью характера. Вспышка, нетерпѣливость предполагаетъ и успокоеніе, спо-

³¹⁾ По народнымъ рассказамъ, мстить за свои оскорбленія даже такой святой, какъ Георгій-Побѣдопосецъ, и мстить, не разбирая чистоты средствъ. „Сборн. матер.“ вын. 7-й. Отд. 2-й. Ахсартъ и его дѣти.

³²⁾ „Дербендцы, говоритъ въ своемъ Путешествіи г. И. Березинъ, не воздержаны на слова, въ гнѣвъ до крайности бурны. . . . Одинъ правовѣрный за рѣзкое слово отрубилъ другому руку среди бѣлаго дня, а тотъ взялъ тутъ же и убилъ его вавопаль. И это происходило на базарѣ! Другое происшествіе еще трогательнѣе: дядя оговаривъ у племянника, за кокой-то проступокъ, шашку, какъ у недостойнаго носить оружіе, по потомъ, смилостивившись, возвратилъ ее ему, а племянникъ попробовалъ острее тотчасъ же на самомъ дѣлѣ: оказалось, что шашка была очень остра, такъ остра, что изрубила дядю въ куски“. (Часть 2, стр. 55—56).

войное размышленіе, обдумываніе своихъ дѣйствій, слѣд. и болѣе или менѣе искреннее раскаяніе.

Но горецъ, разъ ставши на скользкую стезю кровомстителя, преслѣдуетъ эту задачу не только цѣлую жизнь, но и передаетъ ее въ наслѣдство нѣсколькимъ поколѣніямъ. Значить, причины этого явленія кроются гораздо глубже, чѣмъ только въ раздражительности и нетерпѣливости.

Въ самомъ дѣлѣ, если присмотримся ближе къ горцу, то мы увидимъ, что понятія о чести, о чести рыцарской, о нравственной щекотливости у него или вовсе не существуютъ, или, если и существуютъ, то совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ мы привыкли это понимать. Въ этой жестокой, неумолимой мстительности нѣтъ, и не можетъ быть, ничего нравственного, возвышеннаго, ничего, кромѣ полного отсутствія нравственныхъ и религіозныхъ началъ. Да и гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, возьмешь опъ эти понятія? ³³⁾

Адагы! Но адагы... это какое-то темное преданіе, устанавливающее тоже одни внѣшнія отношенія, на которое привыкли указывать старики;—да его можно безнаказанно и нарушить. Наконецъ, кровомщеніе адатомъ дозволено, освящено.— Общественныя отношенія? Да развѣ они могутъ быть обязательны, когда можно отъ нихъ избавиться, сдѣлавшись абрекомъ; когда лихими наѣздами, молодецествомъ, удалью можно и врагу отомстить и нажить славу, богатство?—Уваженіе и привязанность къ жизни? Но что значитъ жизнь для человека, который рискуетъ ею на каждомъ шагу, по условіямъ своего общественнаго положенія, котораго, съ малыхъ лѣтъ, бое-

³³⁾ „На Кавказѣ, особенно въ горахъ, существуютъ народности, представляющія въ своихъ вѣрованіяхъ такую пеструю смѣсь различныхъ религій, что трудно сказать, имѣешь ли дѣло съ христіанствомъ, мусульманствомъ или язычникомъ. Случается, что магометане, наравнѣ съ христіанами, посѣщаютъ въ извѣстные дни развалины христіанскихъ храмовъ; въ свою очередь христіане многихъ мѣстностей воздерживаются отъ употребленія свинины. Хевсурь, признающіе себя, по преданію, христіанами и враждующіе съ сосѣдями мусульманами, суть въ дѣйствительности настоящіе язычники“. (*Объяснит. Зап.* стр. 18).

были привычки тянуть на удалые набѣги, на кровавыя дѣла? ³⁴).

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на этотъ вопросъ, представляется очевиднымъ, что только полное отсутствіе религіозныхъ и нравственныхъ началъ могло дать возможность развиться кровомщенію до тѣхъ страшныхъ предѣловъ, до какихъ оно было развито въ горахъ. Поэтому-то эту необузданную распущенность стремились всегда ограничить, сводить положительными законами люди, въ руки которыхъ попадала власть надъ горскими обществами. Шамиль, когда власть его надъ горцами значительно усилилась, стремился, если не уничтожить, то ограничить кровомщеніе отмѣною адатовъ, усиливавшихъ кровомщеніе, а также строгимъ наказаніемъ убійць, или примиреніемъ ихъ ³⁵). Къ тому же стремится и русская власть. Но одного запрещенія и кары, хотя бы самой строгой, въ этомъ случаѣ мало: законъ безсиленъ, если онъ не находитъ опоры въ нравственномъ чувствѣ и совѣсти человѣка ³⁶).

Кромѣ случаевъ ссоры, драки, обидчивости, случайно вызывающихъ кровомщеніе, оно полагается въ горскихъ обществахъ, какъ законная форма взысканія, въ слѣдующихъ случаяхъ: за изнасилованіе женщинъ, за прелюбодѣяніе съ замужней женщиной, за мужеложство съ насиліемъ ³⁷).

³⁴) Вотъ какъ отзывается ученый наблюдатель о характерѣ горца: „я дажекъ отъ того, чтобы отрицать въ горцѣ присутствіе какого нибудь похвальнаго качества: я признаю горскую храбрость, готовъ допустить небольшую дозу и другихъ добродѣтелей, но въ массѣ все это представляетъ свирѣпаго дикаря“. (Путешествіе по Дагестану, И. Березина, стр. 97, т. 1). Онъ же свидѣтельствуетъ, что одинъ изъ горцевъ писалъ о своихъ соотечественникахъ: „Дагестанцы только по наружности люди, а на самомъ дѣлѣ они звѣри“ (стр. 83).

³⁵) „Сборн. свид.“, т. I, 45.

³⁶) Тамъ же, 35.

³⁷) Свирѣпая мстительность горца ярко рисуется въ слѣдующихъ словахъ г. Грабовскаго: „Говоримъ безъ преувеличенія, что за каждаго повѣшеннаго (ингуша) и вообще убитаго нами, мы платились живыми десятка людей“. („Сборн. свид.“, т. IX, Ингуши, стр. 16).

Итакъ, въ горскихъ обществахъ общеобязательнымъ закономъ, устанавливавшимъ общественныя отношенія, должно признать *личную расправу*. Видимое ея проявленіе всегда—кровь. Кровь вызываетъ кровь. Око за око, зубъ за зубъ. Отсюда начало кровомщенія.

Сколь ни произвольнымъ представляется актъ кровомщенія, но и для него вѣковой практикой были выработаны нѣкоторые регулятивы. Такъ, въ Кабардѣ никто не имѣлъ права мстить за убійство человѣка, застигнутаго мужемъ въ прелюбодѣянніи съ его женой; вора, убитаго на воровствѣ: мстителя, не обратившаго вниманія на то, что человѣкъ, на котораго онъ нападалъ, желалъ судиться по шаріату ³⁸); человѣка, напавшаго на кого-либо вооруженною рукою безъ законнаго повода и права; при этомъ существовалъ, однако, обычай примиренія посредствомъ угощенія и подарковъ. Въ Дагестанѣ кровомщеніе допускается только между лицами одного сословія. Такимъ образомъ *бекъ* (владѣтельное лицо), убившій узденя незначительнаго рода, подвергается только изгнанію на короткій срокъ (три мѣсяца), по истеченіи котораго родственники убитаго *обязаны*, за опредѣленное вознагражденіе, съ нимъ примириться. За убійство раба виновный обязанъ только уплатить владѣльцу высшую плату, какая полагается при оцѣнкѣ рабовъ. Рабъ, убившій узденя или бека, не подвергается кровомщенію; за него отвѣчаетъ его владѣлецъ, если его не освободить ³⁹). Въ Кабардѣ за убійство узденя холопомъ, убійца поступалъ въ рабство къ семейству убитаго или платилъ за кровь по стоимости самого себя. За намѣреніе холопа убить узденя или за обиду словами, холопъ, если онъ былъ адатный, обращался въ безадатнаго и владѣлецъ имѣлъ право продавать членовъ его семьи въ разныя руки ⁴⁰).

³⁸) „Сборн. свѣд.“. Очеркъ суда въ Кабардинскомъ округѣ. IV, 21, 29.

³⁹) Тамъ же „Адаты“ 1, 24.

⁴⁰) Тамъ же, „Судъ въ Кабардѣ“, Грабовскаго, IV, 30.

Но, при равныхъ условіяхъ, процессъ кровомщенія развивается слѣдующимъ образомъ.

Убийцу, по совершеніи преступленія, родственники убитаго могутъ преслѣдовать.

У кумыковъ, по адату, кровомщеніе обязательно прежде всего для ближайшаго родственника убитаго; если родственника нѣтъ, то для друга убитаго; если нѣтъ ни того, ни другого, то для знакомаго, для хозяина дома и т. д. Словомъ, мстить за кровь считается честью, а уклониться отъ мести—безчестіемъ ⁴¹). Чтобы затруднить это преслѣдованіе убійцы и вмѣстѣ наказать его, общество приговариваетъ его къ изгнанію. Подвергшійся такому приговору называется *канлы*. Но, помню общественнаго приговора, простое благоразуміе заставляетъ его тотчасъ удалиться изъ аула. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, впрочемъ, существуютъ даже принудительныя мѣры къ удаленію канлы. На неудалившася налагается обыкновенно штрафъ, и довольно тяжелый ⁴²). Если убійца рѣшился не покидать своего селенія, то этимъ самымъ онъ осуждаетъ себя на осадное положеніе. Ему нигуда нельзя выдти изъ дому, даже выглянуть въ окошко. При всякомъ случаѣ ему угрожаетъ кинжаломъ. Если же онъ удаляется, то обыкновенно въ отдаленнѣйшее селеніе къ своимъ родственникамъ или знакомымъ, у которыхъ ищетъ покровительства и ходатайства о примиреніи съ родственниками убитаго.

Между убійцами различаются: убійцы съ отягчающими обстоятельствами (убійцы по подбупу, изъ засады, въ мечети, ночью и пр.). Эти убійцы называются *кара-канъ*. Убійцы этого рода подвергаются сильнѣйшему наказанію, значительнѣйшему штрафу и имъ весьма трудно бываетъ получить прощеніе.

⁴¹) Тамъ же, „Адаты жителей Кумыкской плоскости“, стр. 6.

⁴²) Въ даргинскомъ обществѣ этотъ штрафъ опредѣленъ во столько *быковъ*, сколько было призывовъ на молитву послѣ убійства, а этихъ призывовъ въ сутки бываетъ 5 (*ibid* 27).

ніе отъ родственниковъ убитаго. Прочіе убійцы—простые, обыкновенные.

Въ убійствѣ признается виновнымъ обыкновенно одинъ; но если убійство произведено во время ссоры или драки нѣсколькими лицами и никто не признается, то выбираются нѣсколько человекъ, которые объявляются канлы; но во всякомъ случаѣ число признанныхъ убійцами не должно превышать числа ранъ на убитомъ. За убійство беременной женщины выходятъ въ канлы двое: убійца и ближайшій родственникъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ за убійство *кадія* назначается семь человекъ канлы; въ другихъ, во всѣхъ случаяхъ, кровомщенію, подвергается не только убійца, но и все его семейство.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ опредѣленное число родственниковъ убійцы не подвергаются кровомщенію, а изгоняются на опредѣленный срокъ изъ селенія, до уплаты пени. Эти изгнанники называются *малъ-канлы*, въ отличіе отъ *башъ-канлы*, который собственно подвергается кровомщенію. Преслѣдовать убійцу—обязанность ближайшаго родственника убитаго, но въ этомъ могутъ принимать участіе и другіе родственники—наслѣдники убитаго. Также точно, кромѣ убійцы, родственники убитаго могутъ преслѣдовать кровомщеніемъ и родственниковъ убійцы, но это послѣднее, т. е. месть родственникамъ убійцы, предоставляется только тогда, когда между родственниками убійцы и убитаго не произошелъ обрядъ примиренія (*бетъ-гермекъ*), который полагаетъ конецъ враждѣ между родственниками обѣихъ сторонъ тѣмъ, что родственники убійцы платятъ родственникамъ убитаго установленную адатомъ пеню и дарятъ для угощенія быка. Актъ примиренія сопровождается чтеніемъ одной главы корана.

Время изгнанія канлы продолжается не менѣе, обыкновенно, года, но можетъ быть и болѣе: два, три года и даже болѣе, такъ какъ опредѣленіе этого срока зависитъ отъ родственниковъ убитаго. Во все время изгнанія канлы не имѣетъ

опредѣленнаго мѣста жительства. Такъ какъ онъ можетъ быть убитъ вездѣ (кромѣ мѣстъ общественныхъ собраній—мечети, суда, сходки), то для своей безопасности, онъ долженъ свѣтаться съ мѣста на мѣсто, избѣгая встрѣчи съ родственниками убитаго. Въ знакъ раскаянія, онъ не брѣжетъ головы; онъ не можетъ заниматься земледѣльческими работами.

Всякій, пріютившій у себя канлы, обязывается этимъ самымъ содѣйствовать его примиренію съ родственниками убитаго. Онъ не можетъ выдать канлы, а тѣмъ болѣе убить его, или содѣйствовать его убійству; въ противномъ случаѣ, онъ самъ подвергается штрафу или кровомщенію и вообще пятнаетъ честь своего дома и право гостепрѣимства. Поэтому у горцевъ считается со стороны всякаго нравственною обязанностью покровительствовать канлы и содѣйствовать примиренію его съ родственниками убитаго, не только словомъ, но и дѣломъ. Часто, въ случаѣ несостоятельности канлы и его родственниковъ, средства на расходы по примиренію даютъ односельцы. Убийца и его родственники должны заплатить родственникамъ убитаго алымъ—штрафъ, размѣръ котораго въ разныхъ мѣстностяхъ различенъ. Онъ платится деньгами и вещами (домашнею скотиной, разнаго рода матеріалами, пшеницей или другимъ хлѣбомъ, домашней утварью и пр.). Размѣръ денежнаго штрафа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигаетъ до 300 руб. У кабардинцевъ за убійство человѣка изъ свободнаго сословія платилось 150 руб. За убійство князя княземъ же въ Кабардѣ кровной платы не существовало; убійца обязанъ былъ примириться съ семействомъ убитаго и для этого взять въ себѣ въ домъ малолѣтняго, ближайшаго родственника убитаго, воспитать его, одѣть, дать полное оружіе и двѣ лошади съ надлежащею сбруею ⁴³). Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, кромѣ полученія алыма, родственники убитаго имѣли право грабить и разорять имущество убійцы въ теченіе 3 лѣтъ.

⁴³) „Сборн. свид.“ Очеркъ Суда, Грабовскаго, IV, 28.

Алымъ долженъ сохраняться родственниками убійцы въ цѣлости. Въ случаѣ, если канлы будетъ убитъ мстителями, алымъ долженъ быть возвращенъ въ цѣлости наслѣдникамъ канлы; въ случаѣ примиренія алымъ не возвращается.

Если родственники убитаго соглашаются примириться съ убійцею и отказываются отъ кровомщенія, то убійца обязанъ имъ выплатить выкупъ — *дiягъ*. Дiягъ имѣетъ тотъ же видъ, какъ и алымъ, но денежный размѣръ его больше—до 600 р., не говоря уже о подаркахъ и угощеніи, на что совершенно разоряется убійца.

Кровомщеніе вообще прекращается естественною смертью канлы. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мѣсто умершаго канлы заступаетъ его ближайшій родственникъ; иногда эта преемственность продолжается до 7-го человѣка.

Кровомщеніе часто сопровождалось самою звѣрскою жестокостью и принимало громадныя размѣры. Мстители, обыкновенно, если имъ удавалось, убивали канлы или на могилѣ убитаго, или на мѣстѣ убійства, или же, отрѣзавши голову и уши, показывали ихъ родственникамъ убитаго. Кровомщеніе имѣло мѣсто не только между отдѣльными лицами и семействами, оно съ ужаснымъ ожесточеніемъ возгоралось иногда между цѣлыми тохумами (родами), между селеніями и длилось цѣлыя столѣтія. Въ одномъ изъ селеній темир-ханъ-шуринскаго округа кровомщеніе, начавшееся между двумя тохумами, вслѣдствіе убійства въ дракѣ за курицу, продолжалось болѣе 200 лѣтъ. Въ другомъ селеніи въ Андіи, вражда, начавшаяся между двумя тохумами, вызвала убійства, продолжавшіяся нѣсколько дней сряду и прекратилась лишь тогда, когда изъ всего селенія остались въ живыхъ только четверо.

Кровомщеніе, иногда разгоралось до такой степени, что цѣлыя селенія, опасаясь истребленія, должны были выселяться въ инныя мѣста, въ чужое общество ⁴⁴⁾.

⁴⁴⁾ „Сбръ. свѣд.“ Адаты, I, 44—45.

Канлы можетъ искать примиренія съ родственниками убитаго только по истеченіи извѣстнаго срока. Примиреніе можетъ состояться только въ томъ случаѣ, если *всѣ* родственники убитаго согласны простить убійцу.

Посредниками при этомъ бываютъ родственники канлы и лица, принявшія его подъ свою защиту. Успѣхъ примиренія зависитъ отъ разныхъ причинъ: отъ связей, родства, матеріальной состоятельности убійцы, отъ авторитетности лицъ, принявшихъ его подъ свою защиту. Чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему добиться прощенія, чѣмъ богаче и значительнѣе, тѣмъ меньше онъ ищетъ случаевъ къ примиренію.

Обрядъ примиренія въ различныхъ обществахъ совершается различно. Вотъ, въ чемъ состоитъ онъ у кюринцевъ: „Когда получится согласіе родственниковъ убитаго на примиреніе и будетъ выданъ имъ сполна дятъ, тогда на убійцу надѣваютъ саванъ и опоясываютъ его шашкой. Въ этомъ нарядѣ старики и почетные люди ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, въ знакъ того, что онъ самъ является съ повинной головой, принося съ собой оружіе для отпущенія за кровь убитаго имъ и саванъ для погребенія. Подведя къ воротамъ дома, убійцу останавливаютъ; изъ дому выходитъ выбранный изъ числа родственниковъ убитаго, снимаетъ съ канлы шашку, саванъ и папаху и гладитъ его по головѣ; мулла читаетъ первую главу корана (фатихе) и затѣмъ всякая вражда считается совершенно оконченною“ ⁴⁵⁾. У кумыковъ прощенный канлы приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на угощеніе. Какъ только они подойдутъ къ дверямъ дома, гдѣ дѣлается угощеніе, канлы съ обнаженной головой падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближайшій родственникъ убитаго не скажетъ ему: „встань, мы простили тебя!“ прочіе присутствующіе должны поднять его. Во время прощенія, прощенный остается безъ папахи и пьетъ изъ

⁴⁵⁾ Адаты 1, 34.

одной чашки съ родственниками убитаго. По окончаніи угощенія, родственники убитаго возвращаются домой. У воротъ становится заранѣе приготовленная лошадь, осѣдланная и обвѣшанная оружіемъ. Ближайшій родственникъ убитаго беретъ лошадь и раздаетъ оружіе остальнымъ своимъ родственникамъ. Женщины семейства убитаго получаютъ въ подарокъ шелковой матеріи на платье ⁴⁶⁾. „У чеченцевъ родственники убитаго, при примиреніи брили голову прощеннаго канлы и обрѣзывали его ногти.“

Примирившійся замѣняетъ собой убитаго имъ въ его семействѣ и считается кровнымъ. Онъ долженъ, какъ можно чаще, посѣщать могилу убитаго и оказывать его родственникамъ всѣ возможныя услуги. У чеченцевъ прощенный дѣлался названнымъ сыномъ матери убитаго; но чтобы снискать это право, онъ долженъ былъ приложиться къ ея груди, какъ младенецъ. Часто названный сынъ навсегда оставался въ новомъ семействѣ ⁴⁷⁾.

У ингушъ примиреніе совершается такъ: родственники той стороны, которая считаетъ за собой послѣднюю кровь, т. е. которая сдѣлала послѣднее убійство, идутъ на могилу убитаго. Тамъ они ложатся на могилу ничкомъ, рыдаютъ и бьютъ себя и остаются въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока другая враждебная сторона не придетъ поднять ихъ. Обыкновенно, эта послѣдняя является на кладбище не скоро: особенно женщины крикомъ, заклинаніями, плачемъ убѣждаютъ своихъ не мириться, и родственники убитаго стараются показать видъ, что не желаютъ примиренія, даже иногда серываются изъ аула, но односельцы преслѣдуютъ ихъ и уговариваютъ примириться. Въ большинствѣ случаевъ согласіе получается, потому что обычай клеймитъ позоромъ и презрѣніемъ тѣхъ, которые не согласились на примиреніе. Прибытіе родственниковъ на

⁴⁶⁾ Тамъ-же 85.

⁴⁷⁾ Сборн. свѣд. Чеченское племя VI, 50.

кладбище бывает заключительнымъ актомъ примиренія, послѣ чего слѣдуетъ пирь ⁴⁸⁾.

Говоря о горской мстительности, нельзя не упомянуть объ одной, рѣзко выдающейся въ нѣкоторыхъ обществахъ чертѣ этой страсти. Это—страсть къ сутяжничеству. Этотъ порокъ особенно развитъ, напримѣръ, въ Абхазіи. Одною изъ главныхъ причинъ его развитія нужно считать столь свойственную натурѣ горца мстительность. Мы уже видѣли, что, по понятіямъ горца, всякая обида должна быть отомщена, даже смыта кровью. Но, съ примѣненіемъ русскихъ законовъ къ странѣ, убійства и насилія строго преслѣдуются. Что же дѣлать оскорбленному горцу,—какъ отомстить? По народному обычаю, обиженный можетъ быть удовлетворенъ также денежнымъ или вообще вещественнымъ вознагражденіемъ изъ имущества обидѣвшаго, но по рѣшенію суда. И вотъ изобрѣтательный горецъ является въ судъ съ обвиненіемъ въ какомъ нибудь преступленіи противъ того, кому онъ желалъ бы отомстить. Судъ, по существующему обычаю, не можетъ не принять къ разбирательству жалобы, какого бы рода она ни была. Истецъ, уже заранѣе зная порядокъ и формы народнаго судопроизводства, вполне увѣренъ, что ему удастся посредствомъ суда ограбить, разорить, довести до нищенства своего противника.

Вотъ основныя черты этого оригинальнаго судопроизводства: истецъ въ длинномъ, самомъ подробномъ, разсказѣ передаетъ судьямъ свое обвиненіе, какъ будто онъ самъ былъ очевидцемъ преступленія, въ которомъ обвиняетъ; далѣе—если потребуется, онъ представляетъ свидѣтелей, которыми по большей части бывають его же родственники, знакомые, друзья; они поддерживають обвиненіе съ тѣми же подробностями. Если этого мало для убѣжденія судей, то истецъ объявляетъ, что онъ готовъ принять присягу. Затѣмъ, выступаетъ обвиня-

⁴⁸⁾ Сбор. свѣд. Экономическій и домашній бытъ жителей Ингушевскаго округа III, 23—24.

емый съ своей рѣчью, исполненной тѣхъ же подробностей; также подтверждаетъ свое оправданіе свидѣтельскими показаніями своей стороны и также готовъ принять присягу. Тогда истецъ, какъ послѣдній и самый неопровержимый доводъ представляетъ слѣдующее и говоритъ судьямъ: „я узналъ всѣ подробности этого дѣла отъ *доказчика*, которому заплатилъ столько то“ (послѣднее прибавляется потому, что обвиняемый долженъ уплатить изъ своего имущества не только штрафъ въ пользу истца, но и все заплаченное истцомъ доказчику). Указаніе истцемъ на доказчика, котораго онъ не долженъ называть по имени, считается неопровержимымъ доказательствомъ обвиненія. Судьи также не могутъ требовать отъ истца объявленія имени доказчика, потому что „доказчикъ“ — лицо неприкосновенное по народнымъ обычаямъ. „Народъ сознаетъ всю гадость темныхъ доносовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ считаетъ это единственнымъ путемъ, могущимъ иногда открывать истину, то не только пользуется услугами ихъ, но даже народнымъ обычаемъ гарантирована неприкосновенность доносчиковъ. Тотъ, кто откроетъ фамилію лица, сообщившаго ему о преступленіи, считается болтливымъ и не пользуется никакимъ довѣріемъ; точно также не пользуется никакимъ довѣріемъ высказавшій желаніе разузнать, кто доказчикъ. Какъ тотъ, такъ и другой не допускаются въ обсужденію вопросовъ общественныхъ и въ ихъ присутствіи другіе стараются быть осмотрительными въ своихъ словахъ“⁴⁹⁾).

Послѣ вышеописанной судебной процедуры слѣдуетъ объявленіе судебного рѣшенія. Истцу дается право, въ доказательство правоты своего дѣла, первому, со свидѣтелями съ его стороны, принять присягу. Если присяга имъ принята, то искъ считается доказаннымъ и отвѣтчикъ долженъ безапелляціонно полностью уплатить полагаемое обычаемъ вознагражде-

⁴⁹⁾ „Сборн. свѣдѣн.“. „Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству въ Абхазіи“, IV, 32.

ніе истцу и его доказчику. Если истецъ откажется дать присягу, а приметъ ее отвѣтчикъ со своими свидѣтелями, то онъ считается оправданнымъ и избавляется отъ всякой отвѣтственности. Въ случаѣ же отказа обѣихъ сторонъ принять присягу, отвѣтчикъ уплачиваетъ истцу половину исковой суммы.

Къ чему же приводять обѣ тяжущіяся стороны всѣ эти приемы судопроизводства?

Съ одной стороны, мы видимъ полную возможность злонамѣренному, мстительному или завистливому человѣку затѣять искъ, противъ человѣка, ни въ чемъ не виновнаго;—самый легкій способъ доказать обвиненіе, какъ бы оно нелѣпо или неправдоподобно ни было, принятіемъ присяги, или ссылкой на доказчика. Съ другой стороны, безвыходное положеніе обвиняемаго, который долженъ подвергнуться непременно разоренію, если только истцу вздумается принять присягу;—естественное стремленіе обвиняемаго свалить обвиненіе съ себя на другія плечи, и отсюда новый ложный извѣтъ на другого, и т. д. Это нравственная сторона дѣла, показывающая отсутствіе въ жизни всякихъ нравственныхъ принциповъ. Не менѣе печальна и сторона матеріальная. Истецъ, легко выигрываетъ процессъ, разоряетъ часто въ конецъ своего врага, дѣлаетъ нищими всю его семью; свидѣтели той и другой стороны, иногда весьма многочисленные, должны отправляться на судбище, пробывать тамъ нѣсколько дней, вернуться назадъ,—на все это время они отрываются отъ хозяйства и работъ. Изъ всего этого получается слѣдующая картина, по отзывамъ людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ: „месть за обиды и оскорбленія, заглашая всѣ хорошія качества натуры абхазца, дѣлаетъ его въ высшей степени неразборчивымъ въ обвиненіи. Случалось иногда, что абхазецъ обвинялъ своего отца или брата въ проступкѣ, заслуживающемъ не только отвѣтственности по народному обычаю, но и преслѣдованія, на основаніи законовъ имперіи, и раскаявался въ своемъ промахѣ тогда, когда обвиняемаго

постигало наказаніе. Но не всегда такимъ образомъ оканчивалось судебное разбирательство; въ большей части случаевъ отвѣтственность падала на имущество обвиняемаго и онъ, лишась всего, что имѣлъ, при первомъ случаѣ, тѣмъ же путемъ старался вредить своему обвинителю⁴. Если же обвиняемый во время процесса судопроизводства рѣшался оговорить другого, чтобы избавиться отъ отвѣтственности, то результатомъ этого часто бывало слѣдующее: искъ, начавшійся по поводу украденной козы или коровы, велъ за собою послѣдовательно присягу двадцати или тридцати человѣкъ и оканчивался на самомъ бѣднѣйшемъ, не имѣющемъ возможности представить назначеннаго судомъ числа присягателей. Въ этомъ случаѣ, потерявъ безъ вины часть своего имущества и не имѣя средствъ въ продолженіи короткаго времени честнымъ трудомъ поправить свое разстроенное хозяйство, отвѣтчикъ дѣлается дѣйствительнымъ преступникомъ и неправильно отнятое онъ пополняетъ воровствомъ, рассчитывая, что авось на него не падетъ подозрѣніе и что за слѣдланый имъ проступокъ заплатится кто-нибудь другой, точно также, какъ заплатился онъ за другого. Въ Абхазіи весьма достаточное число бездомныхъ, отказавшихся отъ своихъ семействъ, — проживающихъ сегодня у одного, завтра у другого и исключительно занимающихся, если не воровствомъ, то перепродажею и отводомъ въ Мингрелію украденнаго скота⁵⁰). Если прослѣдить ихъ жизнь, то легко убѣдиться, что очень многіе изъ нихъ дошли до настоящаго положенія именно сказаннымъ путемъ. Лишившись безъ вины своего рабочаго скота или коровъ, кормившихъ все семейство, они тѣмъ же безъ

⁵⁰) Угонъ скота, составляющаго все богатство горца, есть одинъ изъ видовъ мести, по понятіямъ горцевъ, за нанесенныя оскорбленія. См. *Сборникъ матеріаловъ*, вып. 3-й, стр. 164 и дал. „Разсказъ о карча“. Съ другой стороны воровство, грабежъ есть выраженіе удалства, прославляющаго мужчину. Ему обучаются молодые люди обою пола съ ранняго дѣтства, подъ руководствомъ опытныхъ людей, предводителей разбойничьихъ шаекъ. Этому удалству обучаются даже дѣти княжескихъ владѣтельныхъ фамилій. Тамъ же вып. 4, отд. 2, стр. 52—61.

законнымъ путемъ хотѣли возвратить отнятое и, потерявъ все свое состояніе, увидѣли свои семейства въ полной нищетѣ: тогда, бросивъ послѣднія на произволъ судьбы, они начали скитаться изъ двора во дворъ, промышляя себѣ пропитаніе воровствомъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь неудавшаяся попытка не сажала ихъ въ острогъ.

Свидѣтели и присягатели, являющіеся иногда по судебному разбирательству изъ отдаленныхъ мѣстностей, въ силу горскаго гостепрїимства, живутъ, обыкновенно, на счетъ жителей того селенія, въ которомъ производится судъ⁴⁾. Подобныхъ гостей вѣждодневно бываетъ до 100 человекъ и они въ буквальномъ смыслѣ объѣдаютъ селенія, гдѣ расположены оружныя управленія⁵⁾.

Горцы подъ русскимъ управленіемъ.

„И смолкнулъ ярнй крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно“.

Пушкинъ.

Русская администрація у горцевъ.—Распредѣленіе земель между горцами.—Освобожденіе крѣпостныхъ у горцевъ.—Постепенное устраненіе туземныхъ правителей.—Форма судовъ у горцевъ.

Съ паденіемъ Шамиля (1859 г.), замиренъ былъ Восточный Кавказъ, а вслѣдъ за тѣмъ (1864 г.) и Западный. Война повсюду окончилась и русское правительство могло приступить къ гражданскому устройству замиреннаго края. Но и прежде русское управленіе было введено въ нѣкоторыхъ пунктахъ, имѣвшихъ нѣкоторое отношеніе къ горскимъ обще-

⁴⁾ „Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ“. „Сборн. свѣд.“ т. IV, стр. 34, 38, 42.

ствамъ. Такъ, въ *Дербентъ* уже съ 1806 г. существовало русское управленіе, которое знакомило горцевъ съ русскими обычаями и законами. Въ 1840 году, когда стали вводить такое же управленіе въ *Кайтагъ* и *Табасарани*, то туземное населеніе, недовольное новыми порядками, подчинилось имъ съ большой неохотой. Недовольные новыми порядками, а также и тѣ, которымъ грозило наказаніе за совершенныя преступленія, оставляли свои общества и удалялись въ вольныя горскія селенія, гдѣ ихъ принимали, какъ людей, гонимыхъ за правду. Въ горахъ накопилась такимъ образомъ масса недовольныхъ, а изъ нихъ образовались разбойничьи шайки, которыя мстили русскому правительству, предпринимая наваги на мирныхъ горцевъ, жившихъ подъ русскимъ управленіемъ, подвергая грабежу, огню и разоренію ихъ селенія ⁵²⁾. Въ 1843 году возсталъ весь Дагестанъ. Прежній порядокъ управленія былъ отмѣненъ и управленіе было поручено сыну бывшаго уцмія. Это возстаніе показало русскому правительству и настоящую причину недовольства горцевъ: она заключалась въ томъ, что русскіе администраторы дѣйствовали по русскимъ законамъ, не сообразуясь съ понятіями, нравами и обычаями горцевъ. Надлежало согласовать русскіе законы и обычаи горцевъ такъ, чтобы не было со стороны горцевъ раздраженія, недовольства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣло цивилизаціи ихъ подвигалось постепенно впередъ. Такую мысль высказалъ въ первый разъ фельдмаршалъ князь Барятинскій и привелъ ее въ исполненіе въ 1852 г.

Опытъ, произведенный кн. Барятинскимъ въ Чечнѣ, былъ настолько удаченъ, что, послѣ паденія Шамиля, онъ сталъ примѣняться къ управленію горцами вообще. Такимъ образомъ

⁵²⁾ Такіе навазники—удальцы носили названіе *абрековъ*. „Составляя изъ себя въ былое военное время нѣчто въ родѣ политической партіи недовольныхъ русскимъ правительствомъ, абреки, послѣ войны на Кавказѣ превратились въ простыхъ разбойниковъ“. Сборн. свид. т. IX, ингуши, Грабовскаго, стр. 17.

появилось положеніе объ управленіи Дагестанскою и Терскою областями, утвержденное кн. Барятинскимъ въ началѣ 1860 г. Во главѣ управленія горцами поставлены были княземъ Барятинскимъ лица военныя, съ одной стороны, какъ лица, близко знакомыя съ понятіями и бытомъ горцевъ, съ другой какъ лица по своему званію, имѣвшія въ глазахъ горца большое значеніе и авторитетъ

Такимъ образомъ явилось *военно-народное* управленіе горцами.

Управленіе горцами было вообще основано на томъ принципѣ, чтобы дать имъ судъ, „имъ понятный и ихъ понимающій.“ Для этого судъ былъ составленъ изъ выборныхъ представителей отъ народа. Онъ долженъ былъ рѣшать дѣла въ духѣ народныхъ горскихъ воззрѣній. Эти воззрѣнія, однако, тамъ, гдѣ онѣ рѣзко противорѣчили началамъ гуманности и справедливости (напр. въ горскихъ понятіяхъ о кровомщеніи, воровствѣ какъ удалствѣ и пр.), предполагалось постепенно смягчать и сближать съ понятіями народовъ цивилизованныхъ. Такой цивилизующій элементъ въ управленіи горцами долженъ былъ олицетворять въ себѣ участвующій въ управленіи горцами представитель русской правительственной власти.

При Намѣстникѣ, Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, военно-народное управленіе горцами, какъ давнее удовлетворительный результатъ, распространено было и на другія кавказскія мѣстности: въ 1863 г. оно было введено въ Закавказскомъ округѣ, среди горскаго населенія Кубанской области и въ Сухумскомъ отдѣлѣ.

По замиреніи Кавказа, первую заботою горскаго управленія было привести въ извѣстность количество горскаго населенія и принадлежащихъ ему земель, дабы со всѣми удобствами положить начало правильному развитію экономическаго быта горцевъ. Такимъ образомъ въ 1870 году получились слѣдующія свѣдѣнія о горцахъ: всего горскаго населенія—

944 тысячи; площадь занимаемыхъ имъ земель 71,541 квадрат. вер. Затѣмъ приступлено было къ правильному распредѣленію земель между горцами и къ строгому опредѣленію поземельныхъ правъ каждаго, чтобы дать населенію побужденіе къ сельско-хозяйственному труду и тѣмъ привязать его къ землѣ, сдѣлать вполне осѣдлымъ и расположеннымъ къ гражданскому развитію и преуспѣванію ⁵³).

Въ 1863 г. учреждена была поземельная коммисія для *Терской области*. По ислѣдованіямъ этой коммисіи, оказалось, что въ Кабардѣ частной поземельной собственности не было, а земля была общимъ достояніемъ народа, и періодически распредѣлялась между членами аула для пользованія; при чемъ, — оставшюся послѣ раздѣленія, свободную землю важнѣйшіе князья и уздени пользовались правомъ отдавать въ аренду сосѣднимъ обществамъ, или уступать ее бесплатно тѣмъ, въ услугахъ которыхъ они нуждались. Въ 1865 году полукочевое населеніе Кабарды, разсѣянное по разнымъ мѣстностямъ небольшими хуторами и аулами, было соединено въ большіе аулы и обложено государственною податью. Лица высшихъ сословій въ Кабардѣ, какъ выше было сказано, имѣли нѣкоторыя

⁵³) Еще прежде этого времени (послѣ возмущенія въ Дагеставѣ), Высочайшимъ рескриптомъ отъ 6 декабря 1846 г. на имя намѣстника князя Воронцова было повелѣно при распредѣленіи земель на Кавказѣ держаться слѣдующихъ принциповъ: 1) независимо отъ земель, пожалованныхъ ханамъ и бекамъ за отличія и подвиги, утвердить въ ихъ потомственномъ владѣніи всѣ тѣ земли, которыми роды ихъ обладали во время присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи и которыя находятся въ безспорномъ ихъ владѣніи; 2) возвратитъ земли, отобранныя отъ владѣльцевъ послѣ 1840 г., поселянъ, жившихъ на пожалованныхъ земляхъ оставить на мѣстахъ ихъ жительства, причисливъ къ разряду государственныхъ поселянъ и обязавъ отправлять въ пользу владѣльцевъ земли разнаго рода повинности, въ вознагражденіе за пользованіе ихъ землею. При этомъ владѣльцамъ земли предоставленъ былъ надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ между поселянами и полицейское управленіе (См. Отчетъ по главн. управл. стр. 1—6).

Кромѣ этого, въ 1863 и 1865 г. г. повелѣно было выдать денежное вспомошествованіе бекамъ и ханамъ, у которыхъ были отобраны поземельныя владѣнія въ казну, по недоказанности правъ владѣнія, чтобы не лишить ихъ средствъ къ жизни (тамъ же, стр. 9 и 11).

права при распредѣленіи земель между аулами; они имѣли также права на рабовладѣніе, — тѣ и другія права были этими лицами утрачены при введеніи русскаго управленія въ краѣ. Чтобы вознаградить ихъ за эту утрату, правительство роздало имъ въ частную собственность часть общественныхъ земель. Нормою такихъ участковъ было 300 десятинъ для князей и 250 дес. для узденей. Участки назначались для безраздѣльнаго пользованія всего семейства и могли быть увеличиваемы, смотря по числу членовъ семьи и заслугамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ предъ правительствомъ. Кромѣ того, эти лица могли участвовать въ общинномъ владѣніи землею наравнѣ съ простымъ народомъ. На устройство такихъ участковъ въ Большой и Малой Кабардѣ было назначено болѣе 70 т. десятинъ земли. Нормою для надѣла жителей аула было принято 43 десятины на 1 дворъ. Всего пошло въ надѣлъ ауламъ 245,000 десятинъ. Впрочемъ, населеніе Кабарды мало было расположено къ земледѣлію; оно было болѣе склонно къ скотоводству. Къ 1870 г. богатства Кабарды заключались въ 30 тысячъ табунныхъ лошадей, до 700 т. овецъ и до 120 т. штукъ рогатаго скота.

Въ плоскостной Осетіи было нарѣзано земли на каждый дворъ отъ 24 до 39 десятинъ.

Въ Кумукскомъ округѣ издавна установился взглядъ на землю, находившуюся въ предѣлахъ округа, — что вся она есть собственность высшаго сословія (князей). Признаніе за высшимъ сословіемъ такихъ правъ Русскимъ правительствомъ поставило бы слишкомъ 30-ти тысячное населеніе области, оставшееся безъ земли, въ обязательную зависимость навсегда отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ; — чтобы устранить это неудобство, былъ избранъ самый безобидный способъ рѣшенія — взаимное соглашеніе между владѣльцами и народомъ. Въ февралѣ 1865 г., по такому соглашенію, землевладѣльцы уступили народу до половины всего количества земель, и народу было отрѣзано до 200 тыс. десятинъ; при чемъ нормой надѣла было для

живущихъ осѣдло—по 28 десятинъ на дымъ, а для кочующихъ—по 36 десятинъ.

Въ 1866 г. назрановскому обществу предоставлено въ надѣлъ по 18 десятинъ на дворъ, что составило около 80 т. десятинъ земли. Въ Надтеречномъ наибствѣ въ 1863 г. была распределена земля между аульными обществами среднимъ числомъ по 33 десят. на каждый дворъ.

По отношенію къ неспокойному населенію Чеченскаго Округа правительствомъ было принято—не только не препятствовать стремленію нѣкоторыхъ чеченскихъ семействъ къ переселенію въ Турцію, но даже, временно, поощрять это стремленіе. Вслѣдствіе этого масса наиболѣе безпкойнаго и фанатичнаго чеченскаго населенія, въ числѣ 5 тыс. семействъ (до 20 тыс. лицъ обоего пола), въ теченіе лѣта 1865 года ушла на жительство въ Турцію. Вслѣдствіе выселенія такой массы, стало возможнымъ въ 1866 г. проектировать въ надѣлъ чеченцамъ около 14 дес. земли на каждый дымъ.

Огромная масса горскаго населенія *Закубанскаго края* (болѣе чѣмъ 400 тыс. душъ) въ теченіе 1863—1864 годовъ выселилась съ Кавказа въ предѣлы Турціи, остатки же этихъ племенъ (около 90 т. душъ) выселены были къ лѣвому берегу Кубани. Въ 1865 г. этому населенію предназначено было къ раздачѣ—простому народу отъ 9 до 14 десятинъ на каждую душу мужскаго пола; что же касается лицъ высшаго сословія, лицъ заслуженныхъ и извѣстныхъ своею преданностію правительству, то таковымъ лицамъ произведены надѣлы, смотря по ихъ заслугамъ, полезному вліянію на народъ, а также и по степени ихъ преданности правительству.—

Для разбора сословныхъ и поземельныхъ правъ въ *Дагестанской области, Сухумскомъ отдѣлѣ и Закавказскомъ округѣ* были собираемы необходимыя данныя и учреждаемы особыя комиссіи въ 1864—1870 годахъ.—

Обложение горцев государственными податями началось съ 1866 года. Размѣры ихъ были опредѣляемы, сообразно со степенью достатка жителей, а равно съ количествомъ и качествомъ занимаемыхъ ими земель. Въ Кубанской области обложение простиралось отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ р. въ годъ съ дыма;— въ Терской отъ 75 коп. до 5 р. (большинство платило по 3 руб.); въ Дагестанѣ—населеніе внутренней нагорной и бѣднѣйшей части вносило по 1 руб.; жители же плоскостныхъ частей отъ 2 до 3 руб.; въ Сухумскомъ отдѣлѣ—1 руб. Подымной подати въ 1879 г. поступило 277 т. руб. Сверхъ того, установлена была поземельная подать (2 коп. съ десятины), которая въ томъ же году въ Терской и Кубанской областяхъ дала болѣе $5\frac{1}{2}$ т. руб. Официальными данными было удостовѣрено, что установленныя подати вообще всѣми горцами вносились повсемѣстно съ чрезвычайною аккуратностью въ назначенные сроки и совершенно безнедоимочно. Обложение податями совершилось вполнѣ спокойно, безъ всякаго неповиновенія и явнаго противодѣйствія со стороны населенія. Мы думаемъ, столь блистательный результатъ податного обложения былъ достигнутъ главнымъ образомъ тѣмъ, что надѣлы землею были даны горцамъ довольно щедро.—

Въ 1866 г., по Высочайшему повелѣнію, въ Тифлисѣ былъ образованъ особый Комитетъ, на который была возложена выработка тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ должно было совершиться дѣло окончательнаго *уничтоженія крепостныхъ отношеній въ горскихъ обществахъ*. Съ другой стороны, горскіе рабовладѣльцы, видя неизбежность освобожденія холоповъ, стали представлять свои соображенія и условія по этому предмету. Такъ, Кабардинскіе рабовладѣльцы первые представили въ томъ же 1866 г. правительству свои условія, на которыхъ они желали бы освободить своихъ холоповъ съ возможно меньшими потерями. Имъ было разрѣшено освободить рабовъ путемъ добровольныхъ соглашеній, за выкупъ. Во-

общее же были выработаны особые правила освобождения зависимых сословий у горцев, по соглашению чинов горской администрации и выборных от населения. По Высочайшемъ утверждениі этихъ правилъ, къ половинѣ 1867 года въ Терской области было освобождено болѣе 26 т. душъ рабовъ обоого пола.

Условія освобождения были выработаны самыя умѣренныя. Такъ, въ Кабардѣ холопъ платилъ выкупъ отъ 150 до 500 руб. и, кромѣ того, оставлялъ владѣльцу все свое имущество. Впослѣдствіи размѣръ платы былъ пониженъ до 200 руб. и имущество холоповъ дѣлилось между ними и владѣльцами пополамъ и старики освобождались бесплатно; дѣвицы—тоже, но если выходили замужъ, то выплачивали выкупъ изъ калыма. Въ случаѣ неимѣнія холопами средствъ уплатить выкупъ, они оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ ко владѣльцу на извѣстный срокъ (не болѣе 6 лѣтъ). Въ 1867 году были освобождены рабы въ Дагестанской области, а въ 1869 г. въ Кубанской. Чтобы облегчить освободившимся возможность выполнения выкупныхъ сдѣлокъ, и для возможно-прочнаго устройства на будущее время ихъ быта, они были освобождены отъ государственныхъ податей и повинностей на 8 лѣтъ, считая съ 18 ноября 1866 года.

Въ первые годы послѣ замиренія Кавказа, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были оставлены свои, туземные, правители.

Временно удерживать ихъ правительство имѣло много причинъ. Во-первыхъ, нѣкоторые изъ этихъ правителей, какъ видно изъ предыдущаго, дѣйствовали на подчиненныя имъ массы въ духѣ русскаго правительства и содѣйствовали замиренію края. Благодарность уже требовала поощрять такихъ правителей. Во-вторыхъ, нужно было щадить чувства народа, привыкшаго видѣть во главѣ своего управленія лицъ извѣст-

нихъ родовъ и успѣвшаго привязаться къ установленнымъ порядкамъ. Наконецъ, въ мусульманскомъ духовенствѣ, стремившемся всегда къ укрѣпленію своего вліянія на народъ, туземные правители видѣли своего врага и должны были стремиться къ ослабленію этого вліянія. Этой борьбой они помогали русскому правительству, которое также желало ослабить пагубное вліяніе на народъ фанатически настроеннаго мусульманскаго духовенства.

Но, оставляя временно на своихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ туземныхъ правителей, русское правительство желало также согласовать ихъ взгляды и дѣйствія со своими видами. Съ этою цѣлію, къ нѣкоторымъ изъ туземныхъ правителей были назначаемы русскіе офицеры въ качествѣ помощниковъ и ихъ снабжали соотвѣтственными инструкціями.

Въ то же время горцы, находившіеся подъ вліяніемъ своихъ правителей, могли, съ теченіемъ времени, присматриваться къ дѣйствіямъ русской администраціи въ другихъ обществахъ, сравнивать то и другое и должны были приходиться къ сознанию превосходства русской администраціи. Такъ, туземныя населенія не могли не замѣчать въ своихъ правителяхъ произвола, деспотизма, стремленія отягощать народъ излишними поборами и т. п., тогда какъ русская администрація стремилась всегда дѣйствовать по правиламъ, основаннымъ на идеяхъ справедливости и законности, по правиламъ, сообразованнымъ съ понятіями и обычаями народа. Тогда, естественно, возникали бы жалобы со стороны туземныхъ населеній на своихъ правителей—или на совершенное ихъ бездѣйствіе, или на произволъ и притѣсненія. Такія жалобы сами собой вели къ устраненію туземныхъ правителей и водворенію въ этихъ мѣстахъ русской администраціи. Бывали и такіе случаи, что правители, видя затрудненность своего положенія, сами просили русское правительство объ освобожденіи ихъ отъ обязанностей правителей. Такъ именно въ 1865 г.

упразднено было ханство Кюринское, во главѣ котораго стоялъ генераль маіоръ русской службы Юсуфъ-ханъ, возведенный въ ханы въ 1859 г.; еще раньше, въ 1863 г., устраненъ былъ ханъ Аварскій, полковникъ флигель-адъютантъ Ибрагимъ Ханъ Мехтулинскій. Въ 1866 г., по смерти владѣтеля Абхазіи князя М. Шервашидзе, эта область была присоединена къ Россіи. Въ томъ же году устранены были ханы Кайтага и Табасараней. Въ 1868 г. въ краѣ уже не осталось ни одного туземнаго владѣтеля или правителя. Вездѣ введено было русское управленіе.

Введеніе русскаго управленія, а также и освобожденіе рабовъ вызывало иногда горячіе протесты горскаго населенія, оканчивавшіеся даже вооруженнымъ возстаніемъ или выселеніемъ въ Турцію недовольныхъ ⁵⁴). Впослѣдствіи времени правительство уже само прибѣгало къ этой мѣрѣ, чтобы избавиться отъ неспокойной части горскаго населенія ⁵⁵). Но въ 1870 году всѣ волненія и протесты уже улеглись на столько, что Главнокомандующій въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ высказалъ слѣдующее предположеніе: „Несмотря на убѣжденіе въ полной пригодности военно-народной администраціи для горцевъ, и при дальнѣйшемъ ходѣ ихъ гражданскаго развитія, я напелъ необходимымъ ходатайствовать о сліяніи всѣхъ смежно живущихъ элементовъ населенія обѣихъ областей, Терской и Кубанской, подъ вѣдѣніемъ одной, общей для всѣхъ, *гражданской администраціи* ⁵⁶)“.

До 1 іюля 1883 г. высшее руководство и высшія права по военно-народному управленію на Кавказѣ принадлежали Главнокомандующему Кавказской арміей. Съ этого-же числа завѣдываніе военно-народнымъ управленіемъ перешло къ глав-

⁵⁴) Изъ числа 500,000 горцевъ, проживавшихъ за Кубанью въ началѣ 60-хъ годовъ, къ 1865 г. осталось не выселенными въ Турцію всего лишь до 90,000 (Всеподдан. отчетъ, стр. 109).

⁵⁵) См. Всеподдан. отчетъ, стр. 111—115.

⁵⁶) Стр. 118.

ноначальствующему гражданскою частію на Кавказѣ. Выше мы уже указали, что еще въ 1870 г. Намѣстникомъ Кавказскимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ была высказана мысль о необходимости введенія въ нѣкоторыхъ пунктахъ Терской и Кубанской областей *одной общей гражданской администраціи*. Эта мысль о необходимости гражданской администраціи, которая должна наконецъ замѣнить собою военно-народныя управленія на Кавказѣ не въ нѣкоторыхъ только пунктахъ, а вообще повсюду, эта мысль естественно еще болѣе приобрѣла правъ съ подчиненіемъ всего Кавказа власти Главноначальствующаго *гражданскою частію* въ этой странѣ. Терминъ— „военный“, прилагаемый къ управленію краемъ или частію его, естественно, противопоставляется термину— „гражданскій“, и самъ собою вызываетъ у каждаго представленіе о господствѣ въ такомъ управленіи особенныхъ мѣръ строгости, или вообще о необходимости примѣненія къ этому краю военной силы. Эта мысль о введеніи вообще гражданского управленія на Кавказѣ, а равно и необходимости пересмотра и согласованія между собой выходившихъ одновременно положеній по военно-народному вѣдомству, легла въ основаніе составленнаго въ 1885 г. проекта преобразованія военно-народныхъ управленій на Кавказѣ.

Въ настоящее время *система управленія Кавказскими юрцами* состоитъ въ слѣдующемъ:

1) *Сельское управленіе*. Это низшая инстанція суда. Оно существовало въ горахъ съ незапамятныхъ временъ и представляетъ собою народный судъ, основанный на выборномъ началѣ. Народъ самъ выбираетъ себѣ судей изъ лицъ вліятельныхъ и уважаемыхъ въ обществѣ и вмѣстѣ—такихъ, которые хорошо знакомы съ мѣстными адатами. Шамиль во время своего господства въ горахъ, стремился къ тому, чтобы этотъ народный судъ отмѣнить и замѣнить его судомъ по ша-

ріату, основаномъ на Коранѣ, гдѣ главными дѣйствующими лицами были бы муллы и кадїи. Зная фанатическое настроеніе этихъ лицъ, ихъ ненависть ко всему русскому и, напротивъ, преданность ихъ своему духовному главѣ—имаму, Шамиль вполне на нихъ полагался и чрезъ нихъ старался утвердить свое вліяніе въ горахъ. Но замыслы Шамиля не удались. Судъ по шаріату, несмотря на сопровождаемую жестокостями, при введеніи его, настойчивость, не привился въ горахъ; когда Шамиль палъ, судопроизводство по адату возникло само собой, безъ всякихъ усилій. Разбирательство въ сельскихъ судахъ словесное.

2) Въ сельскихъ судахъ разбираются дѣла не важныя. Для разбора дѣлъ болѣе значительныхъ устроены *суды окружные*. Они основаны на слѣдующихъ началахъ: 1) судьи (диванбеги) выбираются народомъ изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ жителей округа; 2) предсѣдательствуетъ въ судѣ начальникъ округа или его помощникъ, какъ представители русской администраціи; 3) всѣ дѣла рѣшаются на основаніи мѣстныхъ обычаевъ (адатовъ); 4) разбирательство дѣлъ словесное. Эти суды налагаютъ слѣдующія наказанія: 1) имущественный штрафъ; 2) арестъ; 3) ссылку во внутренніе губерніи Россіи на опредѣленный срокъ; 4) ссылку въ Сибирь навсегда. Послѣднія наказанія, какъ важнѣйшія, налагаются за преступленія, не подлежащія взысканію по адату (наприм. за политическія преступленія, за конокрадство и угонъ скота, за упорное непослушаніе административнымъ распоряженіямъ и пр. ⁵⁷⁾).

Горскіе сельскіе и окружные суды при томъ устройствѣ, какое они имѣютъ, пользуются большимъ вліяніемъ на мѣстное горское населеніе. Во-первыхъ, вслѣдствіе общности языка и юридическихъ понятій между судьями и подсудимыми, рѣше-

⁵⁷⁾ Въ настоящее время въ Дагестанской области, имѣющей похмилліона жителей, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи, дѣйствуютъ 9 окружныхъ словесныхъ судовъ и одинъ главный народный судъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи (см. Объясн. записка, стр. 2—20.).

ніе дѣлъ въ этихъ судахъ производится очень быстро ⁵⁸); во вторыхъ эти суды пользуются полнымъ довѣріемъ горскаго общества ⁵⁹); въ третьихъ, присутствіе въ нихъ русскаго администратора, какъ представителя европейской интеллигенціи, даетъ этимъ судамъ направленіе цивилизующее горцевъ ⁶⁰).

А. Лиловъ,

Директоръ 2-й Тифлисской гимназіи.

⁵⁸) Опытъ показалъ, что для рѣшенія довольно сложныхъ дѣлъ въ словесныхъ горскихъ судахъ требовалось около 4 мѣсяцевъ, тогда какъ дѣла этого рода въ обыкновенныхъ окружныхъ судахъ тянулись цѣлыми десятками лѣтъ. (см. тамъ же, стр. 15).

⁵⁹) Дагестанская область представляетъ теперь поразительное явленіе въ томъ отношеніи, что ни одно почти преступленіе, совершенное въ ней, не остается не открытымъ. Причина этого явленія кроется, несомнѣнно, въ томъ, что судопроизводство отправляется въ ней и взысканія опредѣляются на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, и при томъ лицами, избранными самимъ населеніемъ. (См. Объясн. записка, стр. 16).

⁶⁰) Вліяніемъ администраціи отмѣнено или измѣнено въ Дагестанѣ множество вредныхъ обычаевъ. Этому же вліянію надобно приписать немаловажную заслугу примиренія множества токумовъ, находившихся во враждѣ, по кровомщенію. Съ введеніемъ въ Дагестанской области военно-народнаго управленія, т. е. съ 1860 г., администрація унаслѣдовала отъ прежнихъ временъ болѣе 800 канліевъ и враждовавшихъ съ ними семействъ. Усиленными стараніями мѣстныхъ начальниковъ уже къ концу 1865 г. удалось окончить примиреніемъ 542 дѣла по враждѣ, вслѣдствіе чего такое же количество канліевъ получило возможность возвратиться въ свои родныя селенія. (Тамъ же стр. 24—25).

ПО ИСТОКАМЪ КУБАНИ И ТЕРЕКА.

Самая высокая, самая дикая, непроходимая и въ то-же время самая живописная часть Главнаго хребта Кавказскихъ горъ лежитъ между истоками Кубани и Ріона, отъ вершины Донгузь-орунъ до вершины Цигить-баши-кая, составляющей первое звено Дигорскаго отрога. Къ востоку и западу отъ этой части начинается уже пониженіе гребня. Такъ, на востокѣ Мамисоновскій переваль имѣетъ уже высоту только 9390 фут., а на западѣ Нахарскій—9617 фут. и Клухорскій нѣсколько ниже, тогда какъ ни одинъ изъ переваловъ указанной части не спускается ниже 11000 фут., т. е. ниже снѣговой линіи. Высота указанной части гребня доходитъ до 4 верствъ, а отдѣльные пики поднимаются выше 5 верствъ. На этомъ стоверстномъ протяженіи гребня и на его отрогахъ (изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., Эльборусскій и Дыхъ-тау, превосходятъ высоту самый гребень) находятся и высочайшіе пики Кавказскихъ горъ: Эльборусъ—18526 фут., Донгузь-орунъ болѣе 17000 фут., Ужба (Учь-башъ) столько же, Дыхъ-тау—17096 фут., Коштанъ-тау—16923 фут., Тетвульдъ болѣе 17000 фут. (по опредѣл. Дечи) *), Ушкульскій пикъ, который англійскіе альписты приравниваютъ по высотѣ къ Эльборусу, Пасисъ-мта (Фазиса-вершина) около 17000 ф.

*) Къ этимъ пикамъ надо еще прибавить слѣдующіе: Шхара (17038 ф.), Джанга-тау (16657 ф.), Катынъ-тау (16296 ф.) и Гестола (15943 фут).

Ир. Н. Я. Динника.

и многіе другіе. Громадные ледники названныхъ пиковъ питаютъ три большихъ рѣки Кавказа: Кубань, Терекъ и Ріонъ. Кромѣ того ледниками южнаго склона этой части еще питаются: Цхенись-цкали (большой притокъ Ріона), Ингуръ, орошающій Сванетію и Мингрелію, и Кодоръ, орошающій Абхазію.

Мертва природа на вершинѣ гребня и его отроговъ. неподвижныя сѣрыя скалы громоздятся другъ на друга и склопляютъ свои утесы надъ голубыми глетчерами. Бѣлоснѣжныя вершины замерли въ своемъ величіи. Мертвая тишина окружающаго наводитъ уныніе, а трескъ въ ледникахъ и неожиданные обвалы—страхъ и трепеть на душу. Ни кустика, ни травинки: мертвыя сѣнныя поля, грозныя скалы и вершины—и ничего болѣе! И только счастливый путникъ увидитъ вдали торчащаго на скалѣ тура или прчущуюся въ камняхъ горную индѣйку, да могучаго орла, парищаго иногда надъ вершинами. А внизу, у подножія гребня, природа ликуетъ въ своемъ роскошномъ весеннемъ убранствѣ....

Истоки рѣкъ пробиваютъ себѣ путь въ гранитныхъ глыбахъ отъ ледниковъ по глубокимъ живописнымъ долинамъ. Нѣсколько отдѣльныхъ долинъ соединяются въ одну общую, убранныю въ темную зелень хвоевъ и ниже въ свѣтлую зелень листвы. Такая долина уже обитаема и человекомъ—горцемъ. По долинѣ къ самому берегу горной рѣки лѣпятся убогія землянки, сакли горцевъ, а на предгорьяхъ у самыхъ ледниковъ на живописныхъ альпійскихъ лугахъ пасутся ихъ многочисленныя стада овецъ, лошадей и пр. скота.

Земли по истокамъ Кубани (отъ Картджурта), по истокамъ Малки, Баксана, Чегема и Черема заняты горскимъ племенемъ, которое называютъ общимъ именемъ горскихъ татаръ. Прежде всего этихъ горцевъ слѣдуетъ отличить отъ сѣверныхъ сосѣдей ихъ—кабардинцевъ, съ которыми они въ исторической враждѣ и ничего общаго не имѣютъ. Кабардинцы, занимая плоскія предгорья и часть степей Кубанскихъ и

Терскихъ, отрѣзываютъ горцевъ отъ казачьихъ поселеній Кубанскаго и Терскаго войска. Другіе западные сосѣди горскихъ татаръ, черкесы, отдѣлены отъ нихъ значительными возвышеніями и дружба не водятъ, ибо жизнь ихъ строго обособлена, замкнута. Обычай черкесовъ строго воспрещаютъ смѣшивать кровь своего племени съ какою-либо иною кровью. Виновниковъ такого смѣшенія, какъ намъ говорили на Кубани, черкесы изгоняютъ изъ своей среды, а зачастую и убиваютъ. Восточные сосѣди горскихъ татаръ—дигорцы (осетины) отдѣлены отъ нихъ высокимъ Дигорскимъ кражемъ, что тоже не выгодно для сношеній этихъ племенъ. На югѣ Главный хребетъ съ его ледниками, а за нимъ сваны и вольные рачинцы, которые изрѣдка лѣтомъ, когда ледники и горные проходы становятся относительно доступными, посѣщаютъ горскихъ татаръ съ цѣлями коммерческими, закупая у нихъ скоть или на деньги или на товары (дешевые ситцы, веревки, табакъ и т. п.). Рачинцы имѣютъ даже свои убогія лавченки въ нѣкоторыхъ обществахъ и нанимаются въ батраки къ горскимъ узденямъ.

Горскіе татары, такимъ образомъ, заперты въ своихъ труппобахъ со всѣхъ сторонъ, что дало имъ возможность сохранить до послѣдняго времени свои національныя особенности.

Сами они природными условіями дѣлятся на группы, обособленныя мало проходимыми горными хребтами. Каждая изъ этихъ группъ, имѣя много общаго съ другими, имѣетъ и свой особенный отпечатокъ. Разновидность группъ является слѣдствіемъ природныхъ условій, историческаго прошлаго и сторонняго вліянія. Такъ, горцы истоковъ Кубани и долины Баксана (Урусбій) называютъ себя карачаевцами, производя это названіе отъ древняго князя ихъ Карчи, который живетъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ устроитель ихъ рода, какъ герой, которому равнаго они не знаютъ. Къ этой-же группѣ

причисляють себя и чегемцы, занимающіе долину Чегема.

Долину Черек-гхахо *) занимает группа Безинги и ниже—Хуламъ. Первая изъ этихъ группъ по внѣшнему виду мало походить на чегемцевъ. Громадный ростъ, соответствующая ширина плечъ, выдавшіяся скулы, широкія челюсти, толстыя губы, большіе рѣдкіе зубы и меньшіе злые глаза—вотъ отличительныя особенности безингійцевъ. Это самая дикая изъ всѣхъ группъ **).

Хуламцы и особенно балкарцы, занимающіе долину Балкарскаго Черка, представляютъ несомнѣнный конгломератъ племенъ: кабардинскаго, осетинскаго, еврейскаго и собственно татарскаго. Такую смѣсь племенъ возможно объяснить лишь тѣмъ, что мѣстность эта, открытая съ востока широкими долинами рѣвъ, была театромъ кровопролитныхъ войнъ между осетинами, древнѣйшими ея обитателями и ордами кочевниковъ, двигавшихся съ востока. Случаи-же переселенія сюда изъ Кабарды и другихъ мѣстъ верѣдки и въ настоящее время: ассимилируясь съ коренными обитателями, переселенцы вносятъ въ обычаи и нравы кое-что и изъ своего племени.

Горскіе татары представляютъ, такимъ образомъ, не мало интереса для изслѣдователя какъ своимъ прошлымъ, такъ и настоящимъ.

Мнѣ пришлось за каникулы проѣхать всѣ указанныя группы татаръ, пришлось полюбоваться чудными картинами природы и наблюдать кое-что изъ жизни этого племени. На-

*) Называютъ также «Хуламскій Черекъ» въ отличіе отъ Черка, вытекающаго изъ Балкара. *Н. Д.*

**) Безингійцы мало отличаются отъ карачаевцевъ, урусбійцевъ, чегемцевъ и хуламцевъ и несомнѣнно принадлежатъ къ той-же татарской расѣ, какъ и всѣ только что упомянутыя племена. Что-же касается балкарцевъ, то они, дѣйствительно, отличаются гораздо замѣтнѣе отъ прочихъ горскихъ татаръ. Это признаютъ и сами горцы. *Н. Д.*

блюденія эти и послужили матеріаломъ для предлагаемаго очерка, въ которомъ отведено мѣсто и описанію мало извѣстной природы этого края.

Мы ѣхали черезъ Сванетію. Сванеты всѣ земли за хребтомъ отъ нихъ называютъ Карачаемъ, когда говорятъ только о землѣ и употребляютъ названія группъ, когда говорятъ о народѣ. Этихъ названій будемъ придерживаться и мы въ своемъ очеркѣ.

Изъ литературы о горскихъ татарахъ мы пользовались только прекраснымъ очеркомъ Ковалевскаго и Иванюкова: «У подошвы Эльборуса» («Вѣстникъ Европы» 1886 г., кн. 1-ая и 2-ая). Авторы этого очерка изслѣдовали на мѣстѣ только населеніе Баксанской долины. Трудъ нашъ можетъ послужить нѣкоторымъ образомъ дополненіемъ и иллюстраціей указанному очерку и является вполне самостоятельнымъ, хотя, конечно, не научнымъ.

В. Я. Тенцовъ.

I: Карачай.

Долина Накры.—Донгузь-орунъ.—Истоки Баксана.—Ледникъ Азау.—Перевалъ Джиперъ.—Эльборусъ съ юга.—Ледяная котловина.—Ледникъ Улу-кама.—Истоки Кубани.—Долина Улу-кама.—Карачаевскіе пастухи.—Въ гостяхъ у Шовгаля.—Боча-бохъ.—Суслики.—Хурзукъ и его обитатели.—Преданія карачаевцевъ.—Камень Карча-ташъ.—Настоящее Карачай.—Карачаевскіе новики и консерваторы.—Абраки.—Положеніе женщины.—Торговля.—Карачаевскіе пьяницы.

Наилучшій путь въ Карачай изъ Сванетіи пролегаетъ черезъ Главный хребетъ по перевалу Донгузь-орунъ. Долина рѣки Накры (притокъ Ингура) служитъ воротами въ Мингрелію изъ Карачая и Сванетіи. Красота этой долины выше всякаго описанія. Ее окаймляютъ два, значительной высоты, гребня: Гвирьширъ—съ запада и Нейракъ—съ востока. На нихъ ютятся бѣлоснѣжныя вершины, съ которыхъ висятъ небольшіе глетчеры. Изъ-подъ глетчеровъ съ шумомъ вырываются ручьи и красивыми каскадами падаютъ со скалъ въ долину. Плоское узкое дно долины заросло дремучимъ первобытнымъ непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ преобладаютъ хвойныя и особенно ели, а березы и осины красивыми группами выдѣляются на темномъ фонѣ хвойныхъ деревьевъ; на прогалинахъ въ лѣсу встрѣчаются густые пестрые ковры красивыхъ цвѣтовъ; ароматы ландыша наполяютъ воздухъ.—Долина на сѣверѣ замыкается двумя красивыми вершинами: Донгуза-оруномъ и Кормашемъ. Послѣдній составляетъ первое звено цѣпи Гвирьширъ. Съ стѣсныхъ боковъ Кормаша скатываются къ подножью его большіе снѣжные обвалы, которые, подобно ледникамъ, питаютъ Накру. Тутъ-же, у подножья Донгузь-

оруна и Кормаша, на пространствахъ нѣсколькихъ квадратахъ версты, лежатъ остроконечные гранитные валуны, образуя хаотическое нагроможденіе, почти недоступное для пѣшехода. Мѣсто это сванеты называютъ Узгадъ. Къ Донгузъ-оруну по обнаженнымъ бокамъ Главнаго гребня вьется узкая, едва замѣтная, тропинка. Колесить она неправильными зигзагами по разнымъ направленіямъ, подымаясь все выше и выше къ бѣлоснѣжнымъ пикамъ; близко къ вершинѣ гребня тропа терается въ снѣжныхъ поляхъ, которыя даютъ многочисленныя ручейки, шумно сбѣгающіе къ подножью, чтобы тамъ соединиться и образовать рѣку. Поля эти иногда вовсе исчезаютъ подъ палящими лучами лѣтняго солнца. За снѣжными полями торчатъ острый гребень Главнаго хребта. Тропа прорѣзываетъ его поперекъ. Ворота эти ядѣ самую шапку Донгузъ-оруну и составляютъ крайнюю высоту перевала,—высота эта не ниже 11,000 фут.—Съ вершины Главнаго гребня отрываются великолѣпные ландшафты и перспективы горъ къ югу и сѣверу. Горы складываются въ симметричныя группы, тянутся параллельными гребнями и составляютъ красивыя пониженія—террасы горъ. Террасы украшаются растительностью, каскадами, водопадами и развоцвѣтными, причудливыхъ формъ, скалами. Далеко, далеко изрѣдка торчатъ одиноко бѣлоснѣжныя пики параллельныхъ хребтовъ и отроговъ, а къ нимъ тянутся волнообразныя яркозеленыя плоскогорья, на которыхъ зоркій глазъ можетъ отыскать копошящіяся темныя пятна и точки,—это стада горныхъ овецъ. Глубокія долины прорѣзываютъ горы въ разныхъ направленіяхъ и горные потоки этихъ живописныхъ долинъ дополняютъ и оживляютъ красоту ландшафтовъ. Привлекательно-живописны южныя склоны гребня, грозно-суровы его сѣверные склоны. Куда ни взглянешь—всюду пропасти, одна другой мрачнѣе и глубже. Надъ пропастями со скалъ нависли могучіе глетчеры, производящіе весьма частыя завалы. Страшное и красивое зрѣлище пред-

ставляет заваль! Влекомая собственной непомерною тяжестью ледяная глыба переламывается надъ скалоу, съ трескомъ летить внизъ, разбивается о встрѣчаемыя на пути паденія камни въ куски, въ искрающуюся ледяную пыль; камни, въ свою очередь, рушатся и летятъ вмѣстѣ со льдомъ внизъ на дно зіяющей пропасти; а на днѣ реветъ потокъ, унося свалившіеся камни и льдины. Опустошительныя разрушенія дѣлаютъ все болѣе и болѣе недоступными склоны горъ. Одни только многочисленные бѣлоснѣжныя пики торчатъ уже многія тысячи лѣтъ, пока непоколебимо и равнодушно внимаютъ разрушенію ихъ основаній... Дальнѣйшій путь лежитъ по леднику Донгузъ-оруна. Ледникъ этотъ занимаетъ уголь между главной цѣпью и Эльборусскимъ отрогомъ. Онъ имѣетъ видъ опрокинутыхъ вверхъ дномъ нѣсколькихъ гигантскихъ котловъ, между которыми лежатъ углубленія, изрѣзанныя въ разныхъ направленіяхъ трещинами. Въ выемки, свободныя отъ трещинъ, собирается вода, образуя красивые озерца на льду. Трещины въ этомъ ледникѣ не широки, отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ арш. Для путника узкія трещины опаснѣе широкіхъ: онѣ часто заносятся снѣгомъ, и присутствіе такой трещины можетъ только открыть замѣчательная чуткость проводниковъ изъ мѣстныхъ горцевъ:

У подножія Донгузъ-оруна красивое небольшое альпійское озеро. Чистая, какъ хрусталь, вода его отливаетъ цвѣтомъ неба. Далѣе, множество валуновъ, вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ пудовъ, заграждаютъ путь и дѣлаютъ его непроходимымъ.

Изъ-подъ ледника вырываются съ оглушительнымъ шумомъ двѣ рѣки, которыя, соединясь въ полуверстѣ отъ устья ледника, даютъ начало Баксану—одному изъ наибольшихъ притоковъ Терека.

Долина Баксана—одна изъ наиболѣе красивыхъ долинъ сѣвернаго склона, о чемъ свидѣтельствуетъ и самое названіе

рѣки: Бакъ-санъ въ переводѣ — «посмотри самъ». Особенную красоту придаетъ ей начинающійся въ верстахъ пяти отъ ледника стройный хвойный лѣсъ, заполняющій все плоское дно долины, которая, постепенно расширяясь, уходитъ, наконецъ, въ темносинюю даль степей. Горцы Урусбиевскаго общества, между прочимъ, промышляли и этимъ превосходнымъ лѣсомъ; теперь-же, какъ намъ говорили, лѣсъ этотъ находится подъ запретомъ и составляетъ казенную собственность, оспариваемую князьями Урусбиевыми.

Долина Баксана принимаетъ въ себя боковыя долины, образуемая отрогами Главнаго хребта. Наиболѣе дивн изъ нихъ тѣ, что ведутъ отсюда къ Эльборусу.

Какъ по долинѣ Баксана, такъ и по зеленымъ плоскогорьямъ между боковыми долинами, у самымъ ледниковъ, бродятъ многочисленныя стада рогатаго скота, сопровождаемыя страшными волкодавами и добродушными пастухами, которые вооружены часто только одною дубиною съ врючкомъ на концѣ. Крупный скотъ и лошади бродятъ безъ присмотра и сами, по привычкѣ, собираются къ ночи на мѣста стоянки (кошъ). Скотъ загоняется на ночь въ особыя загороженныя помѣщенія или базы.

Названіе Донгузь-оруна (въ переводѣ — «свиной базъ») мѣстные горцы объясняютъ тѣмъ, что карачаевцы *) до пріятія магомеданства пасли здѣсь свиней, для которыхъ устраивали многочисленныя свинныя базы.

Отрогъ, оканчивающійся на сѣверѣ Эльборусомъ, служитъ границею между Кубанскою и Терскою областями. Изъ долины Баксана есть два пути въ Кубанскую область: черезъ Эльборусскій отрогъ переваломъ Джипперъ по леднику Азау къ истокамъ Кубани и по притоку Баксана, Кыртыкъ, во-

*) По словамъ князя Измаила Урусбиева сюда пригоняли свиней на пастбу не карачаевцы, а сванеты.

кругъ Эльборуса съ сѣвера и далѣе по истокамъ Малки и по плоскогорью Садырларъ въ аулъ Хурзукъ на Кубани.

Жители Баксана имѣютъ постоянныя сношенія съ карачаевцами, живущими по истокамъ Кубани и избираютъ для этихъ сношеній болѣе удобный, хотя и болѣе далекій путь, по Кыртыку; черезъ глетчеръ-же Азау ходятъ очень немногіе смѣльчаки и преимущественно воры со скотомъ. Недоступность пути, дремучіе лѣса въ истокахъ Кубани и Баксана даютъ ворами съ краденымъ скотомъ надежное убѣжище отъ карауловъ, которые горцы содержатъ на свой счетъ у всѣхъ горныхъ проходовъ въ Сванетію и Рачу. Горцы не помнятъ, проходили-ли кто-либо изъ путешественниковъ черезъ Азау, такъ какъ и за большую плату рѣдкій изъ карачаевцевъ рѣшится проводить путешественника по этимъ дебрямъ и скаламъ. Только безпечные и безучастные къ своей жизни сваны пойдутъ съ путешественникомъ хоть въ самый адъ. Мы рѣшились пройти въ Карачай переваломъ Джишперъ чрезъ Азау. Проводники предупреждали насъ объ опасности пути и совѣтовали ити по Кыртыку, но мы встрѣтили подъ Азау осла съ вьюкомъ и погонщика—карачаевца, который, подтверждая трудность пути, сказалъ, что если мы обладаемъ хотя небольшою опытностью въ лазаніи по скаламъ, то побѣдимъ и этотъ перевалъ. Въ помощь нашимъ сванамъ мы взяли одного изъ карачаевскихъ караульщиковъ.

Глетчеръ Азау лежитъ въ широкой плоскодонной долинѣ между оголенными гранитными скалами. Долина его входитъ въ долину Баксана. Дно этой долины сплошь заросло дремучимъ сосновымъ боромъ, въ которомъ, по мѣрѣ приближенія къ нижнему концу ледника, попадаются громадныя валуны гранита. Внимательный осмотръ окрестностей убѣждаетъ путника, что боръ этотъ выросъ на мѣстѣ древняго глетчера и его морень. Послѣднія свидѣтельствуютъ о томъ, что глетчеръ Азау уменьшился въ ближайшее къ намъ время не ме-

нѣ какъ на версту, и нынѣ по словамъ горцевъ, замѣтно уменьшается *). Лѣсъ начинается саженьхъ въ 100 отъ ледника. Конецъ глетчера имѣетъ не болѣе 20 саж. въ ширину и представляется сплошною стѣною въ 6—8 саж. высоты. Изъ-подъ стѣны съ большимъ шумомъ вырывается рѣка Баксанъ.

Перевалъ черезъ Азау сдѣланъ былъ нами при ясномъ безоблачномъ небѣ. Едва замѣтная тропа вначалѣ колесить по лѣвой, сѣверной, моренѣ и скоро теряется въ ней. Множество остроугольныхъ камней во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ путь положительно невозможнымъ, что заставляетъ путника сойти на ледникъ и отыскивать путь среди зіяющихъ трещинъ. Поверхность глетчера въ устьѣ производитъ впечатлѣніе застывшихъ морскихъ волнъ. Болѣе часу мы карабкались по моренѣ, а затѣмъ вступили на отлогую и почти ровную поверхность глетчера. Глетчеръ какъ-то вдругъ расширился и образовалъ обширное зеленовато-сѣрое поле, окаймленное со всѣхъ сторонъ скалами и бѣлоснѣжными вершинами. На скалахъ нависли меньшіе глетчеры, а за ними снѣговья поля, среди которыхъ кое-гдѣ торчатъ исполнискими зубцами одинокіе гранитные утесы. На поверхности ледника намъ попадались скелеты лошадей, воловъ, овецъ, перепелокъ, замерзшіе мотыльки и мухи, чаще-же всего — скелеты погибшихъ туровъ и большое число турьихъ роговъ, достигающихъ иногда въ длину 2 арш. Путь по леднику вначалѣ былъ легокъ, подъемъ незначителенъ; шероховатая поверхность льда не позволяла ногамъ скользить; встрѣчались трещины, но ихъ или обходили, если онѣ были широки, или перепрыгивали, если онѣ были узки. По поверхности ледника журчатъ ручейки, которые большею частью исчезаютъ или въ бездонныхъ трещинахъ, или въ воронкообразныхъ колодцахъ. Немно-

*) До пятидесятихъ годовъ ледники Кавказа увеличивались, теперь же они отступаютъ.

Н. Я. Д.

гіе изъ ручьевъ достигаютъ конца глетчера, гдѣ они каскадами падаютъ съ ледяной скалы въ вырвавшуюся изъ-подъ льда рѣву. Черезъ трещины до слуха путника долетаетъ отдаленный гулъ и ревъ подледной рѣвки, увидѣть которую намъ не удалось даже черезъ самыя широкія трещины. Иногда слышались глухіе выстрѣлы въ ледникѣ—это трещалъ ледъ, образуя новыя щели.

Большинство трещинъ имѣютъ поперечное направленіе, что обуславливается, по всей вѣроятности, поступательнымъ движеніемъ глетчера по неровной, волнистой, поверхности его ложа. Долевыя трещины на Азау очень рѣдки и обыкновенно узки—не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина, тогда какъ поперечныя достигаютъ $1\frac{1}{2}$ саженой ширины. Двѣ отвѣсныя зеленоватыя стѣны льда уходятъ въ неизмѣримую глубину, изъ которой доносится зловѣщій ревъ подледной рѣвки и водопадовъ. Въ стѣнахъ встрѣчаются отверстія—естественныя ледяныя штольни, по которымъ течетъ вода до трещины, гдѣ она образуетъ красивые водопады. Брызги отъ этихъ водопадовъ разсыпаются въ искрящуюся водяную пыль, которая облакомъ стоитъ въ трещинѣ и скрываетъ отъ взоровъ наблюдателя дно пропасти. Много прогоняемаго скота гибнетъ въ такихъ трещинахъ. Встрѣчаются трещины, суживающіяся на глубинѣ нѣсколькихъ саженой до полуаршина. Упавшій въ такія трещины скотъ извлекается слѣдующимъ способомъ: смѣльчакъ горець обвязывается веревкой; товарищи спускаютъ его въ трещину; тамъ онъ рубитъ на куски застрявшее животное, привязываетъ части его къ другой веревкѣ; товарищи, вытащивъ все мясо, вытаскиваютъ и его на свѣтъ Божій.

Узкія трещины часто заносятся предательскимъ снѣгомъ. Чуткіе ослы и катера, осторожно ступая, угадываютъ присутствіе такой трещины и перепрыгиваютъ ихъ, часто завязая въ снѣгу задними ногами. Едва замѣтная выемка, на подобіе канавки, даетъ знать проводникамъ о занесенной трещинѣ.

Особенное вниманіе наше привлекли колодцы. Они образуются въ широкіхъ, котлообразныхъ углубленіяхъ; вода, падая въ нихъ, размываетъ ихъ все глубже и глубже; такимъ образомъ получается во льду глубокая яма и колодезь готовъ. Наибольшій изъ колодцевъ, видѣнныхъ нами на Азау, представлялъ собою воронкообразное углубленіе, верхній діаметръ котораго равнялся $2\frac{1}{2}$ аршинамъ. Въ воронку эту съ разныхъ сторонъ вливалось пять ручьевъ. Вода, повидимому, не вмѣщалась въ воронкѣ и вертѣлась въ одну сторону на глубинѣ двухъ аршинъ. Надъ воронкой подымался столбъ водяной пыли, а въ столбѣ была видима радуга.

Часа черезъ два пути по леднику сѣверная морена какъ бы разорвалась, и мы увидѣли новый ледникъ, который шелъ параллельно Азау и посылалъ большой волнистый потокъ въ этотъ послѣдній черезъ отверстіе въ моренѣ. На мѣстѣ слиянія потока съ Азау громадныя нагроможденія ледяныхъ глыбъ и камней; потокъ, начинаясь гораздо выше поверхности глетчера Азау, своею силою, видимо, прорвалъ его сѣверную морену и слился съ нимъ.

Противъ устья этого потока начинается замѣтный подъемъ на глетчерѣ Азау. Здѣсь-же и начало вѣчнаго снѣга. Поднявшись на снѣговья поля, мы увидѣли, что ледникъ, смежный съ Азау, гораздо болѣе его и начинается непосредственно отъ двухъ коническихъ пиковъ на общемъ пьедесталѣ. Пики эти оказались Эльборусомъ, ледникъ-же Терсъ-коль (Кривое ущелье); по послѣднему обыкновенно и подымаются на Эльборусъ. Всѣ горцы, какъ мы убѣдились, называютъ Эльборусъ татарскимъ именемъ—Минги-тау, что значитъ двуглавый. Особенно величественный видъ на Минги-тау открывается съ высшей точки перевала Джипперъ. Обѣ вершины кажутся отсюда доступными. Склоны ихъ лишены отвѣсныхъ скалъ, которыя обыкновенно и дѣлаютъ нѣкоторыя вершины недоступными. Западнѣйшій пикъ замѣтно выше восточнаго.

(18526 фут.) и кажется отсюда правильнымъ, слегка усѣченнымъ конусомъ. Восточный пикъ имѣетъ отсюда видъ кошака, верхушка котораго нѣсколько наклонена къ востоку. Онъ ниже и уже западнаго пика (18431 фут.). Оба пика раздѣляются довольно глубокой сѣдловинной, и каждый изъ нихъ отсюда рисуется самостоятельной вершиной; съ сѣвера-же оба пика имѣютъ подобіе прямыхъ роговъ на исполинской головѣ. Снѣговья поля Эльборуса и глетчеры его отличаются обширностью. Съ перевала Джипперъ наблюдатель во всѣ стороны видитъ теряющееся въ воздушной дали бѣлое поле, прорѣзанное во многихъ мѣстахъ темными гребнями скалъ и моренъ, которыя окаймляютъ глетчеры и даютъ начало горнымъ долинамъ.

Кромѣ Терсъ-кала съ восточныхъ склоновъ Эльборуса сползаетъ еще длинный и узкій глетчеръ Ирикъ, а за нимъ короткій, но весьма широкій глетчеръ Кыртыкъ. Послѣдній нависъ надъ скалами, составляющими правый берегъ рѣчки Кыртыка. Глетчеръ Азау начинается отъ конического пика, который сванеты называютъ Лопá. Восточные и западные склоны этого пика испещренны темными отвѣсными скалами, сѣверные-же—отлоги; съ нихъ-то и свѣшивается глетчеръ въ видѣ дугообразной извилины (на подобіе плеса рѣки).

При стараніи идти, какъ можно быстрѣе, ледникъ Азау пройденъ былъ нами въ $5\frac{1}{2}$ часовъ. Отбросивъ $1\frac{1}{2}$ часа на остановки для отдыховъ и, положивъ наименьшую скорость— 2 версты въ часъ, можно заключить, что длина глетчера (включая сюда и снѣговья поля его) не менѣе 8 верстъ; наибольшая-же ширина около 4-хъ верстъ.

О высотѣ перевала Джипперъ мы могли судить только гадательно. Снѣговая ливія по картѣ вокругъ Эльборуса показана на высотѣ 11000 фут., переваль-же Джипперъ лежитъ далеко за ея предѣлами. Мы могли быть на высотѣ между 12000 и 13000 фут., если не выше. Вліяніе разрѣженнаго воз-

духа сказалося не только на насъ, но и на нашихъ проводникахъ сванетахъ, ко всему, казалось-бы, привывшихъ. Дыханіе у всѣхъ было частое, порывистое, несмотря на получасовой отдыхъ; пульсъ былъ отъ 90 до 100 ударовъ въ минуту; кровь приливала къ головѣ и клонило ко сну; ощущеніе тошноты чувствовалъ всѣ. О большой разрѣженности воздуха можно было судить еще и по тому, что разговаривавшіе проводники наши уже на разстояніи какихъ нибудь 40—50 саж. не слышали другъ друга. Звукъ въ разрѣженномъ воздухѣ глухъ, а выстрѣлъ не производитъ обычнаго гула. «Гайда—пошелъ, баринъ! Не хорошъ! Голова пропалъ!»—такъ поднимали обыкновенно насъ сванеты, и мы спѣшили покинуть перевалъ.

Съ высшей точки перевала видна на востокъ главная цѣпь и ея пики. До Эльборуса отсюда рукой подать; кажется одна, много двѣ версты. Но, судя по картѣ, отъ перевала до пиковъ Эльборуса было не менѣе 10 верстъ. Такъ зрѣніе скрадываетъ разстояніе въ горахъ и въ чистомъ воздухѣ.

Эльборусскій отрогъ круто обрывается къ западу, вслѣдствіе чего западные склоны этого кряжа во многихъ мѣстахъ обнажены, а ледники, лежащіе между скалами не длинны; за то снѣговья поля необъятны по своей ширинѣ. Скалы къ западу отъ вершины Лошя нагромождены въ такомъ безпорядкѣ, что вѣтъ возможности опредѣлить направленія ихъ, и что хуже всего—глазъ не въ состояніи отыскать пути, которымъ возможно было-бы слѣдовать черезъ эти нагроможденія, утесы и глубокія ямы, заваленныя островочными валунами. Опытные въ дѣлѣ путешествія проводники наши—и тѣ растерялись, когда пришлось имъ отыскивать спускъ къ истокамъ Кубани. Подумывали и о томъ, чтобы бросить здѣсь лошадей на попеченіе проводника-барачаевца. Въ поискахъ за удобнымъ путемъ прошло болѣе часа, но такового не оказалось, и пришлось тронуться на авось: каждый избиралъ путь по

своему вкусу. Особенное затрудненіе представляла глубокая яма, начинавшаяся непосредственно за переваломъ. Она имѣетъ видъ глубокаго котла и поражаетъ правильностью своихъ очертаній. Верхній діаметръ этого котла болѣе версты, нижній вдвое меньше, глубина-же болѣе 100 саженой. Плоское дно заполнено льдомъ, въ которомъ зіяютъ страшныя трещины, а въ нихъ со всѣхъ сторонъ стремятся ручьи. Ни единого выхода изъ котла нѣтъ. Куда-же дѣвается вода, стремящаяся въ трещины? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы не могли, сколько ни старались уяснить себѣ видѣнное. Судя по формѣ ямы, мы осмѣлились предположить, что она, быть можетъ, кратеръ угасшаго вулкана—такъ она напоминаетъ описанія нѣкоторыхъ кратеровъ *). Предположеніе это имѣетъ еще нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что бока этого котла-кратера усыпаны массою шлаковъ въ перемежку съ рыхлымъ темнымъ вулканическимъ туфомъ. Изъ этихъ-же породъ состоятъ и окружающія котель скалы вплоть до снѣговыхъ полей Эльборуса.

Быть можетъ, болѣе насъ свѣдущіе путешественники когда-либо встрѣтятся съ этой ямой и объяснятъ ея происхожденіе. Со всѣхъ почти сторонъ надъ ямой висятъ зеленоватые глетчеры, грозящіе ежеминутно рухнуть на дно. Обойти котель видно не было возможности ни съ юга, ни съ сѣвера: на сѣверѣ высоко громоздились обгаженные исковерканныя скалы, а за ними начинались обширныя снѣговыя поля Эльборуса, до которыхъ отсюда не менѣе 8—10 верстъ; на югѣ котель-кратеръ окаймляется высокимъ гребнемъ съ скалистыми вершинами, бока которыхъ отвѣсными рядами стѣнъ спускаются въ яму. Спуститься на дно ямы казалось невозмож-

*) Едва-ли въ этомъ мѣстѣ былъ кратеръ; вода-же, вѣроятно, поглощается рыхлыми вулканическими породами и, можетъ быть, гдѣ нибудь ниже снова выходитъ на поверхность земли. По этой-же причинѣ страшно бѣдны водой склоны Арабата.

Н. Я. Д.

нымъ отъ страшнаго нагроможденія шлаковыхъ камней; итти же по дну, изборожденному массою трещинъ, казалось еще труднѣе. На сѣверной сторонѣ котла-кратера замѣчалась рыхлая осыпь, состоящая изъ мелкихъ обломковъ и пыли отъ вѣтрившихся и разрушившихся скалъ. Осыпь эта, начинаясь высоко подъ скалами, своимъ потокомъ достигала дна котла-кратера. Рѣшились добратся до этой осыпи и по ней уже слѣдовать до западной стѣны котла, гдѣ нужно было подняться, такъ какъ путь къ истокамъ Кубани лежалъ въ той сторонѣ. Двое смѣльчаковъ-сванетъ какимъ-то чудомъ въ нѣсколько минутъ очутились съ лошадьми на днѣ кратера и искусно лавируя между трещинами, добрались до западной стѣны котла скорѣе, чѣмъ мы до осыпи. Мы шли по осыпи, увязая по болѣево въ песокъ и пыль. Склонъ осыпи до того былъ крутъ, а самая осыпь до того подвижна, что неосторожный шагъ одного изъ насъ чуть не послужилъ причиною его гибели: осыпь подъ ногами его тронулась и поползла съ нимъ вмѣстѣ ко дну котловины; валуны, лишенные опоры, покатались за осыпью и грозили сорвавшемуся смертью. Палка съ острымъ стальнымъ наконечникомъ спасла сорвавшагося отъ большой опасности: на-лету ему удалось вонзить палку въ болѣе уплотненный нижній слой осыпи, и это дало ему возможность задержаться до тѣхъ поръ, пока верхній рыхлый слой осыпи сползъ изъ-подъ него на дно котла, послѣ чего сорвавшійся былъ вытащенъ на-верхъ при помощи веревки проводниками. Все обошлось страхомъ и незначительными царапинами. Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ караванъ нашъ былъ напуганъ заваломъ, причиною котораго оказалась горная индѣйка. Птица эта гнѣздится въ неприступныхъ скалахъ. Напуганная нашими криками, она карабкалась по осыпи на скалы; изъ-подъ ногъ ея скатывались камешки, которые своимъ паденіемъ двинули осыпь, а съ нею двинулись и валуны. И вотъ

оглушительный заваль пронесся на разстояніи нѣсколькихъ саженьей отъ насъ и рухнулъ на дно котла.

Пройдя осыпь, мы вскарабкались съ большимъ трудомъ на скалы западной стѣны котла-вратера, и здѣсь открылась новая панорама горъ. Отсюда начинался весьма крутой спускъ по снѣговымъ полямъ на глетчеръ Улу-кама. Рѣчка, вытекающая изъ-подъ этого глетчера и считается началомъ Кубани.

Спускъ по снѣговымъ полямъ настолько былъ крутъ, что итти даже съ палкой не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что приходилось спускаться по прямой линіи. Но сваны оказались изобрѣтательными и въ этомъ случаѣ....

«Садись, гайда-пошелъ! Трещина нѣту, не боится!» Съ этими словами одинъ изъ нихъ сѣлъ и помчался внизъ по мягкому снѣгу. Въ нѣсколько секундъ онъ очутился у начала пологаго глетчера, до котораго было отсюда не менѣе 2 вер. Оставшіеся послѣдовали его примѣру, и всѣ мы сѣхали въ нѣсколько секундъ съ высоты, на которую возможно подняться въ 2—3 часа и то съ большими усиліями.

Далѣе намъ пришлось пройти еще около версты по леднику, и вотъ мы, наконецъ, у истока Кубани послѣ пятидневнаго томительнаго пути по горамъ изъ Сванетіи.

Видъ ущелья Улу-кама у его истоковъ отличается особенной дикостью, которой мы до того не встрѣчали. Мрачныя скалы террасами спускаются съ трехъ сторонъ ко дну ущелья; высоко, высоко, подъ самымъ сводомъ темнаго неба горятъ пурпуровымъ цвѣтомъ заката бѣлоснѣжныя вершины и величественною своею красотою смягчаютъ впечатлѣніе окружающей дикости. Вершины здѣсь отличаются особелною красотою и причудливостью формъ. Обыкновенная, стереотипная форма снѣжной вершины—конусъ, болѣе или менѣе правильный, часто слегка усѣченный. Здѣсь-же вершины выдѣляются изъ бѣлаго снѣжнаго поля на подобіе башенъ, шатровъ, готическихъ замковъ и т. п. Множество вершинъ и утесовъ высятся не

на самомъ гребнѣ, а выдвигаются прямо на гладкомъ снѣжномъ полѣ глетчеровъ, что составляетъ исключительную особенность этой мѣстности и вида. Тутъ-же въ первый разъ мы замѣтили морену, которая шла не по краю ледника Улу-кама, а по самой его серединѣ и двигалась съ самымъ ледникомъ. Направленіе морены имѣеть нѣкоторое сходство съ буквою S, нижній конецъ которой обрѣзанъ. Замѣчено было нами и то обстоятельство, что подледная рѣка текла прямо подъ мореню, о чемъ свидѣтельствовалъ ревъ воды, долетавшій до нашего уха изъ-подъ морены. Тонель, изъ котораго вырывается рѣка, расположенъ какъ разъ противъ конца морены. Изъ всего этого слѣдуетъ, что морена своимъ положеніемъ указываетъ на направленіе дна ущелья, служащаго русломъ подледной рѣки. Удивило насъ и то обстоятельство, что начало морены вовсе не совпадаетъ ни съ гребнемъ, съ котораго ползеть ледникъ Улу-кама, ни съ какой-либо вершиною надъ глетчеромъ. Морена эта занимаетъ около $\frac{1}{3}$ всей длины ледника и начинается прямо на ледяномъ полѣ весьма узкою лентою и у своего устья имѣеть около 8 саж. Ледникъ Улу-кама, какъ и многіе другіе, уменьшился значительно, о чемъ свидѣлствуютъ боковыя морены, далеко опередившія ледникъ въ его движеніи. Длина глетчера, считая отъ скаль гребня, около трехъ верстъ, ширину-же опредѣлить невозможно, такъ какъ въ этомъ направленіи онъ составляетъ одно цѣлое съ боковыми глетчерами, лежащими на скалахъ. Освобожденное отъ льда русло ущелья загромаждено массою валуновъ сѣраго гранита; между ними пробиваетъ себѣ путь бурная рѣка. На разстояніи версты отъ конца глетчера рѣка стремится внизъ каскадомъ по весьма крутому склону. На этомъ пространствѣ ни травинки, ни мха, что указываетъ на довольно значительную высоту. Конецъ ледника находится на высотѣ не меньшей 10000 фут., такъ какъ еще на высотѣ 9000 фут. въ Кавказскихъ горахъ встрѣчаются кое-какія

растения: подснежники, лютики, тоция травы, мхи, лишай. Здѣсь-же все голо,—нѣтъ и признака растительности *). Верстахъ въ 2—3 отъ устья ледника въ глубинѣ долины начипаются уже альпійскіе луга. Здѣсь мы встрѣтили кошъ и поспѣшили въ него на ночлегъ. На кошѣ нельзя найти пріюта подь кровомъ: сами пастухи спятъ подь открытымъ небомъ. Кошъ—это мѣсто стоянки стадъ. Для доенія овецъ и козь огораживается часть пространства въ видѣ круга каменною оградою; въ базѣ этотъ загоняются дойныя овцы и козы и выпускаются въ отверстие по одной; у отверстия сидитъ пастухъ, ловитъ козу или овцу за заднія ноги, обхватываетъ ее обѣими руками, выдавливаетъ изъ вымени молоко въ деревянное ведро или въ мѣдный котель и отпускаетъ мать къ ея ягнѣтамъ, которые тутъ-же отчаянно блеютъ. За этимъ занятіемъ мы и застали пастуховъ. Насъ встрѣтила стая громадныхъ собакъ, отъ которыхъ мы едва отбились. Пастухи смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, но не прекращали своего занятія и не спрашивали о насъ проводниковъ. Мы заявили, что желаемъ остаться ночевать у нихъ на кошѣ. Пастухъ поспѣшилъ выразить сожалѣніе, что не можетъ принять насъ достойно и что угоститъ насъ, кромѣ молока, нечѣмъ. Мы поспѣшили выразить ему благодарность за его расположеніе къ намъ и разбили свою палатку подь адскую музыку козлятъ, ягнѣтъ, телятъ и прочей скотины. Смотри на полныя румяныя лица пастуховъ, мы не мало завидовали ихъ здоровью, беззаботности и вѣчно праздничному настроенію духа. У пастуховъ не нашлось хлѣба, а свой мы уже съѣли весь. Оказалось потомъ, что всѣ пастухи живутъ только айраномъ (кислое молоко) и сыромъ; мясо ѣдятъ весьма рѣдко, а мучного не видятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ послѣдній

*) По опредѣленію Г. Абиха этотъ ледникъ оканчивается на высотѣ 8720 фут. надъ ур. моря.

разъ здѣсь проводники наши накормили насъ хлѣбомъ дорожнаго приготовленія. Дивились мы много смѣтливости и практичности нашихъ сванетъ. Они предлагали намъ запастись мукой еще въ Сванетіи, предупреждая, что въ Карачаѣ очень трудно добыть хлѣбъ и за деньги. Мы недоумѣвали: для чего мука въ дорогѣ и что изъ нея сдѣлаешь безъ печи! Но когда насъ накормили подъ Азау пирогами и свѣжимъ хлѣбомъ, поняли мы, что и отъ сванетъ можно кое-чему научиться.... Одинъ изъ нихъ въ Сванетіи еще прибавилъ къ своей тяжелой кошѣ фунтовъ двадцать муки, о чемъ мы узнали уже только въ долинѣ Баксана. Вотъ какъ сванеты стряпаютъ въ дорогѣ. Въ травѣ выбиваютъ небольшую ямку, напитываютъ ее водою, застилаютъ ее потомъ чисто вымытымъ ситцевымъ платкомъ, насыпаютъ на платокъ муки и замѣшиваютъ тѣсто. Изъ внутренностей барашка и курдюка, сваренныхъ съ просырю, готовятъ начинку и устраиваютъ пироги на подобіе ватрушекъ. Въ костеръ бросаютъ камни и когда они достаточно накалятся, вытаскиваютъ ихъ на край костра. Пироги кладутся на горячіе камни; пропекаются они прекрасно, подвергаясь дѣйствию костра съ одной и раскаленныхъ камней съ другой стороны. Точно также пекутъ и прѣсный хлѣбъ въ дорогѣ. Обиліе дарового масла и сыру на кошѣ дало поводъ сванетамъ ознакомиить насъ съ приготовленіемъ ихъ охотничьяго сыра. Сванеть-охотникъ, отправляясь въ скалы за турами иногда дня на два, не можетъ взять съ собою сумы съ съственными припасами: они были-бы ему большою помѣхой при лазаніи по скаламъ. И вотъ онъ додумался до охотничьяго сыра. Обыкновенный горскій сыръ бросается въ котель, въ которомъ кипитъ уже масло. Отъ дѣйствія жира сыръ скоро обращается въ тѣстообразную массу: къ ней прибавляютъ муки, и всю смѣсь непрерывно и быстро мѣшаютъ чистой палкой до тѣхъ поръ, пока она не станетъ тягучей. Затѣмъ горячую массу вытягиваютъ въ веревку, а послѣднюю накручиваютъ на

смоченную холодной водою палку. Когда сырная веревка остынетъ, то становится эластичной и крѣпкой на столько, что ее трудно цорвать. Сванеть-охотникъ обвязывается этой съѣстной веревкой черезъ плечо и идетъ на охоту. Сырная веревка очень вкусна. Ее можно ѣсть безъ хлѣба, такъ какъ она уже представляетъ смѣсь хлѣба (муки) съ сыромъ. Масло дѣлаетъ веревку эластичной, и она не сохнетъ, не черствѣетъ и не ломается. Проводники наши сванеты удивляли насъ и своею экономіей въ пищѣ. Любя ѣсть много, они ухитряются съѣдать барана, напр., до послѣдней кишки, выбрасывая только содержимое ихъ и желчный пузырь. Впрочемъ, послѣдній употребляется знахарями какъ лѣкарство и противъ поноса особенно. Изъ кишекъ, сала и внутренностей сванеты устраиваютъ довольно вкусныя салтысоны. Печень пекутъ въ горячей золѣ и ѣдятъ ее въ такомъ видѣ. Кости искусно разбиваютъ ножемъ и выпиваютъ изъ нихъ вкусный мозгъ. Каждая косточка обглаживается съ помощью ножей до послѣдняго волокна.

Съ наступленіемъ утра тронулись мы далѣе по долинѣ Улу-кама. Пастухи отказались взять деньги за угощеніе по обычаямъ гостепрѣимства, которые чтутся ими свято.

Ущелье Улу-кама до впаденія въ него Кичкене-кала особенно живописно: массы валуновъ загромаждаютъ его дно. На предгорьяхъ растутъ только тощія травы. Ущелье узко, часто мѣняетъ свое направленіе. Видны только огненные отвѣсныя скалы. Версты за двѣ до устья Кичкене-кала ущелье Улу-кама расширяется на столько, что образуетъ довольно ровную долину версты въ $1\frac{1}{2}$ шириною. Рѣка здѣсь течетъ плавно по плоскости съ весьма незначительнымъ уклономъ. На плоскости долины кое-гдѣ еще валяются громадные валуны гранита, скатившіеся съ боковыхъ скалъ. По долинѣ пасутся табуны лошадей и крупнаго рогатаго скота. Слышны пѣсни пастуховъ; изрѣдка долетаютъ до слуха звуки пастушь-

ей дудки. Долина уже потеряла свой дикій видъ и бока ея варяжаются въ темную зелень хвойныхъ лѣсовъ. Нѣсколько боковыхъ долинъ отъ Эльборуса входятъ въ долину Улу-кама и позволяютъ видѣть снѣговья поля этого пика. Въ одну изъ такихъ долинъ открылся прекраснѣйшій видъ на Минги-тау съ юго-западной стороны. Отсюда Эльборусъ рисуется дѣйствительно гигантомъ, его пики превосходятъ высоту всѣхъ окрестныхъ вершины. Оба конуса упираются своими остроко-нечными верхушками въ голубой сводъ неба, и, казалось, ни одно облако не пролетитъ надъ ними, не зацѣпившись за ихъ бѣлоснѣжныя шапки. Это единственный видъ на Эльборусъ почти отъ его подножья. Полагая высоту долины Улу-кама въ этомъ мѣстѣ въ 7000 фут. надъ уровнемъ моря (предѣльная линія лѣсовъ въ Кавказскихъ горахъ), получаемъ солидную высоту вида на Эльборусъ въ 11500 фут. (высота пика 18526 фут.). Западные склоны Эльборуса круто обрываются въ долину Улу-кама, образуя нѣсколько красивыхъ скалистыхъ уступовъ, убранныхъ у подножья темною каймою хвойныхъ дере-вьевъ. И вотъ на этомъ-то гигантскомъ скалистомъ пьедеста-лѣ въ 3 версты высотой наблюдатель видитъ множество кра-сивыхъ снѣжныхъ вершинъ, а между ними гордо поднимаютъ въ высь неба свои бѣлоснѣжныя головы два пика Эльборуса. Картина, достойная талантливой кисти художника!

На западъ Минги-тау не посылаетъ ни одного значитель-наго глетчера въ боковыя ущелья, которыя имѣютъ видъ уз-кихъ, почти вертикальныхъ, щелей въ гранитной массѣ, спу-скающейся стѣною къ Улу-каму. Для путешественника съ этой стороны отрѣзана всякая возможность достигнуть верши-ны Эльборуса.

Любуясь красотой открывшагося пейзажа, мы не замѣ-тили, какъ къ намъ подошелъ татаринъ, фізіономія котораго могла служить только пугаломъ для капризныхъ ребятъ. Это былъ здоровенный дѣтина лѣтъ подъ сорокъ. Рябое лицо,

толстыя вздутыя губы, громадныя на-выкатъ глаза, саженный ростъ, вызывающая боевая поза, громадный винжалъ на серебряномъ поясѣ, изодранная черкесска, мохнатая баранья шапка съ плоскимъ сузовнымъ верхомъ,—все это какъ-то невольно наводило на мысль, что передъ нами по крайней мѣрѣ абрехъ (разбойникъ). Онъ заговорилъ что-то на своемъ горскомъ языкѣ, но такъ заговорилъ, что руки наши невольно потянулись къ револьверамъ. Татаринъ что-то оралъ по своему, размахивалъ руками, указывая на скалы и окрестныя табуны. Мы уже думали, что провинились въ чемъ нибудь передъ нимъ, что онъ сердится на что-то, чего-то требуетъ. Видя, что его не понимаютъ, онъ отсталъ отъ насъ и дождался проводниковъ, а мы, отѣхавъ отъ этого чудовища на небольшое разстояніе, остановились и ожидали уже какой-либо бури. Вскорѣ всѣ подошли къ намъ и начался опять гамъ. Татаринъ, казалось, неистовствовалъ, размахивая руками и указывая на окрестности. На наши вопросы—въ чемъ дѣло?—проводники, по обыкновенію, не отвѣчали и продолжали горланить не хуже татарина. Понадобились угрозы, чтобы проводники отвѣтили, наконецъ, намъ.

Вотъ рѣчь татарина, переданная намъ однимъ изъ проводниковъ:

«Мое имя Шовгай. Я горскій дворянинъ и помѣщикъ. Все, что вы можете видѣть вокругъ, принадлежитъ мнѣ. Вы ѣдете черезъ мою землю. Не нужно знать мнѣ—куда и зачѣмъ, не нужно знать и кто вы: быть можетъ, землемѣры, или судьи, или доктора—мнѣ все равно! Я чту обычай моихъ отцовъ. Мнѣ будетъ стыдно передъ людьми и моею совѣстью, если вы мпнуете домъ мой. Я желаю принять васъ у себя какъ гостей (кунакъ); я желаю этого для того, чтобы вы потомъ не говорили, что въ Карачаѣ нѣтъ гостепріимства! Не гнушайтесь-же мною и моей пищи; заверните въ мою саклю. Я васъ не задержу долго,—вы можете ѣхать далѣе хоть черезъ

часть, хоть через недѣлю. Я вижу, что вы люди достойные и угощу васъ достойно, чѣмъ могу. Хотите, для васъ зарѣжу лучшаго быка или десятковъ лучшихъ барановъ. Я богатъ, очень богатъ и такое угощеніе для меня ничего не значитъ».

Этого, признаться, мы никакъ не ожидали и были поражены случившимся. Но чего-же онъ сердился? На этотъ вопросъ проводники объяснили намъ, что они убѣждали татарина оставить насъ въ покоѣ, такъ какъ мы торопимся въ путь, и частыя остановки для насъ весьма нежелательны; за это татаринъ разсердился на нашихъ проводниковъ и сталъ кричать, что онъ не простой пастухъ, а дворянинъ и помѣщикъ, что если мы не желаемъ сдѣлать чести пастуху, то должны, по крайней мѣрѣ, оказать вниманіе дворянину, что пусть господа не обращаютъ вниманія на его костюмъ—онъ рабочій, но что подъ нимъ не пастухъ, а дворянинъ,—это могутъ подтвердить здѣсь всѣ отъ мала до велика. Мы велѣли благодарить Шовгая за его приглашеніе и отправились къ нему.

Кошъ Шовгая постоянный; довольно вмѣстительная сакля прочно сложена изъ сосновыхъ бревенъ. Неподалеку было еще нѣсколько такихъ-же кошей. Лѣсъ здѣсь близко, и не только коши, но и базы для скота строятъ изъ бревенъ. Въ такихъ кошахъ пастухи и сами хозяева, какъ напр., Шовгай, живутъ съ семьями все лѣто. На кошѣ насъ встрѣтила семья Шовгал. У него оказалось три жены и цѣлая толпа ребятишекъ, что указывало не только на его дворянское званіе, но и на зажиточность. Многоженство среди горцевъ—большая рѣдкость: оно обуславливается зажиточностью и стало привилегією дворянства, такъ какъ обыкновенные горцы по своей бѣдности не въ силахъ прокормить и себя, не только нѣсколькихъ женъ. Многоженство горцамъ навязано мусульманствомъ въ противность обычаямъ страны.

Насъ пригласили въ саклю, но тамъ оказалось темно и душно, и мы попросили позволенія расположиться на дворѣ

передъ саклей, па что хозяинъ, видимо, польщенный нашимъ любезнымъ обращеніемъ, изъявилъ свое согласіе, и намъ разостлали ковры въ тѣни сакли, поставили скамеечки и принесли въ деревянныхъ мискахъ кефиръ. Одинъ изъ подростковъ отправленъ былъ въ стадо за бараномъ. Хозяинъ переодѣлся въ легкій домашній опрятный костюмъ и бесѣдовалъ съ нами. Шовгай, надо отдать ему справедливость, не докучалъ намъ разспросами, но, видимо, горѣлъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ узнать, кто мы и съ какою цѣлью пріѣхали сюда. Зная, что горцы съ большимъ недоброжелательствомъ относятся къ землемѣрамъ и топографамъ, которые, по ихъ мнѣнію, посягаютъ на ихъ земли,—мы поспѣшили увѣрить Шовгаю, что мы не землемѣры. Шовгай выразилъ желаніе быть записаннымъ въ нашу памятную книжку, чтобы его не забыли и рассказали о немъ у себя дома. Мы обѣщали. «Нѣтъ ты запиши сейчасъ, а то забудешь». Пришлось вынуть записную книжку и начертать въ ней имя честолюбиваго магометанина подъ его диктовку. Онъ еще нѣсколько разъ повторялъ потомъ: «смотри-же—не забудь, что ты былъ въ гостяхъ у Шовгаю, что онъ дворянинъ и очень богатъ».

Любопытство привлекло съ сосѣднихъ кошей нѣсколькихъ старцевъ, украшенныхъ сѣдиною и сохранившихъ еще замѣчательную бодрость, несмотря на то, что каждому изъ нихъ, по словамъ Шовгаю, не менѣе ста лѣтъ.

Передъ обѣдомъ жены Шовгаю подали намъ воды вымыть руки. Предложена была намъ вареная и жареная баранина съ «тузлукомъ», который готовится изъ кефира (или сметаны), соли и зеленаго луку и замѣняетъ собою горчицу. Хлѣба здѣсь не оказалось, за что хозяинъ извинился: и для зажиточныхъ горцевъ хлѣбъ—лакомство. Сами они пшеницы почти не сѣютъ за недостаткомъ удобной земли для хлѣбопашества, а купить его по близости негдѣ, да и доставить купленное въ горы не легко. Въ мѣсяцъ разъ,

много два, карачаевецъ ѣдетъ на базаръ въ казацки станицы, продаетъ нѣсколькихъ барановъ и покупаетъ въ гостиницѣ семь пудъ кукурузной или пшеничной муки, изъ которой все-таки не пекутъ хлѣба, а дѣлаютъ болтушку, т. е. въ кипятокъ бросаютъ нѣсколько горстей муки, взбалтываютъ ее и ѣдятъ или ложками, или обмакивая въ нее куски баранины.

Наскоро пообѣдавъ, мы начали собираться въ путь. Хозяинъ не задерживалъ насъ и, по обычаю, предложилъ намъ своихъ лошадей, отъ чего мы отказались, имѣя своихъ. Шовгай скрылся на нѣсколько минутъ въ саклю и вышелъ оттуда въ богатомъ праздничномъ нарядѣ, обвѣшанный оружіемъ: на немъ черезъ плечо висѣла красивая шапка въ серебряной подѣ чернью оправѣ, на серебряномъ поясѣ громадный кинжалъ; за поясомъ пара пистолетовъ; ружье въ чехлѣ онъ только показалъ намъ, но не взялъ съ собою. Ретиваго сѣраго коня его сдерживали два подростка. Сбруя на конѣ блестяла серебромъ. Шовгай молодцовато вскочилъ на коля и сдѣлалъ на немъ нѣсколько красивыхъ аллюровъ: на всемъ скаку онъ вмигъ поворачивалъ коня въ стороны или назадъ; перепрыгивалъ черезъ камни; сразу на всемъ скаку останавливалъ скакуна; подымалъ коня на дыбы и заставлялъ его дѣлать громадные прыжки; бросалъ кинжалъ и подымалъ его на всемъ скаку за рукоятку; стрѣлялъ изъ пистолета, положивъ дуло его на голову ретиваго коня. Гордость и самодовольство выражались въ каждомъ движеніи джигита. Онъ, видимо, рисовался, желая показать намъ всю ловкость и проворство горца-джигита.

Шовгай, по обычаю, проводилъ насъ до границы своихъ владѣній, т. е. до устья Кичкене-кала и любезно распрощался съ нами, сказавъ: «Прощай! не забудь, что ты былъ въ гостяхъ у Шовгай. Когда въ чемъ будешь нуждаться въ Карачаѣ или, быть можетъ, тебѣ кто вздумаетъ обидѣть, скажи, что ты кунакъ Шовгай, и клянусь своимъ рожденіемъ, что неуважившій гостя Шовгай или обидѣвшій его, заплатитъ мнѣ

не только своею головою, но и головами всего его рода! Ступай смѣло: всѣ здѣсь знаютъ Шовгая и всѣ его боятся и уважаютъ».

Отъ устья Кичкене-кала долина Улу-кама принимаетъ живописный видъ. Колесная, уже хорошо раздѣланная, дорога идетъ по правому берегу рѣки. Берега рѣки убраны въ свѣтлую зелень кустарниковъ, а по скаламъ тянется высоко къ альпійскимъ нагорьямъ стройный хвойный лѣсъ. Здѣсь намъ встрѣтился шиповникъ съ ярво-красными цвѣтами; мы его сперва приняли-было за одичавшую розу. Долина все-таки узка еще, а бока ее настолько высоки, что закрываютъ видъ на горы.

Къ вечеру добрались до устья Узунъ-кала, гдѣ по берегу Улу-кама раскинулась большая пустая деревня, оказавшаяся просто повинутомъ на лѣто зимнимъ кочевьемъ. Скотъ карачаевскій лѣтомъ угоняется высоко въ горы къ ледникамъ; зимою-же споняется въ долину Улу-кама, гдѣ настроено изъ сосновыхъ бревенъ множество теплыхъ бараконъ для скота и пастуховъ. Долина Узунъ-кала весьма живописна. Она открываетъ видъ на Главный хребетъ и ледники; чрезвычайно высокіе и скалистые бока ея густо обросли боромъ. Отсюда Улу-камъ течетъ уже по просторной долинѣ, принимая размѣры значительной рѣки, въ которой не трудно узнать Кубань по ея плавному слегка извилистому теченію, низкимъ болотистымъ берегамъ, по торчащимъ изъ воды «карчамъ» (стволы большихъ деревьевъ, снесенные рѣкою и застрявшіе однимъ концомъ въ ея илистомъ днѣ) и т. п. До Хурзука оставалось отсюда еще верстъ 20—25. По дорогѣ встрѣтилась намъ еще одна боковая долина отъ главнаго гребня—долина рѣчки Гараны-кола. Рѣка эта, по словамъ нашихъ проводниковъ, была границею древнихъ сванетскихъ владѣній. Одинъ изъ нихъ попросилъ насъ взглянуть на оригинальный естественный мостъ черезъ Улу-камъ. Въ этомъ мѣстѣ Улу-камъ, соединившись

съ Гараны-коломъ, пробилъ себѣ путь черезъ скалы; громадная глыба скалы перевалилась черезъ рѣку и легла на обѣихъ берегахъ, образовавъ естественный мостъ, по которому свободно можно проѣхать четверней. Около глыбы сохранились еще остатки искусственныхъ сооружений, поддерживавшихъ когда-то мостъ въ исправности. Мостъ носить сванетское названіе «Боча-богъ», что значить—крѣпкій мостъ. Отсюда въ долину Гараны-кола видны ледники и вершины главнаго гребня. Одна изъ вершинъ замыкаетъ долину у ея верховья и носить названіе Даларъ. Мѣсто это довольно живописно.

Сванеты наши разразились проклятіями и ругательствами по адресу карачаевцевъ.

«Здѣсь давно, очень давно былъ нашъ сванетскій городъ и крѣпость; здѣсь жилъ нашъ царь», такъ жаловались сваны, рассказывая намъ дошедшіе до нихъ отрывки преданій старины глубокой: «у насъ было тогда много скота, много хлѣба. Сванеть было много, много, но пришли эти черти (карачаевцы), началась война, и наши всѣ погибли, потому что ихъ во сто разъ было больше. Царь нашъ тоже былъ убитъ, городъ разрушенъ, а кто живъ остался,—бѣжали на Ингуръ и начали тамъ строить башни для защиты отъ татаръ. Земли наши взяли, лѣсъ взяли, скотъ взяли. Но этого имъ еще мало показалось: они хотѣли и души наши взять, и бѣжали еще за горы на Ингуръ воевать съ нами. А на что имъ столько земли? Смотри: здѣсь былъ прекрасный хлѣбъ, пашни, а что теперь есть?»

Дѣйствительно, кромѣ кустарниковъ и голой земли, въ окрестностяхъ ничего не замѣчалось. Впрочемъ, небольшая полоска засѣяна была пшеницей, но прожорливые суслики оставили на ней только нѣсколько десятковъ тощихъ колосьевъ.

«Эти черти хорошую землю обратили въ пустыню. Они не хотятъ работать и не умѣютъ. Татаринъ только умѣетъ овецъ пасти. За наши обиды Богъ наказалъ татаръ, и послалъ

сюда большихъ мышей (такъ называютъ сванеты сусликовъ), а у насъ въ Сванетіи ни одной мыши нѣтъ. Не хорошъ татаръ! Шайтанъ лучше!»

Кто видѣлъ сванетъ въ подобныя минуты патріотическаго воодушевленія, тотъ повилъ-бы причину той племенной вражды, какая существуетъ между горцами обѣихъ сторонъ хребта и выражается во взаимныхъ грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ.

Отъ устья Гараны-вола долина Кубани значительно расширяется и на ея плоскихъ берегахъ встрѣчаются каменные курганы, которые увеличиваются въ числѣ по направленію къ Хурзуку. Въ иныхъ мѣстахъ курганы расположены сплошною массою на протяженіи версты и болѣе. Кто оставилъ эти курганы? Карачаевцы не считаютъ ихъ своими, сванеты тоже отрещиваются отъ нихъ. Авось когда-либо археологи заглянутъ и въ эти дебри и повѣдаютъ намъ тайны минувшихъ временъ по тѣмъ остаткамъ, которые еще сохранило время. А остатковъ этихъ можно было-бы собрать не мало, какъ намъ говорили потомъ въ Хурзукѣ.

Въ долинѣ Улу-кама мы въ первый разъ встрѣтили кавказскихъ сусликовъ *). Звѣрки эти живутъ здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, что поля и луга буквально изрыты ихъ безчисленными норами, а въ воздухѣ слышенъ несмолкаемый гулъ отъ ихъ пронзительнаго свиста. Суслики—бичъ полей и луговъ карачаевскихъ; они съѣдаютъ все до корня и опустошаютъ поля и пастбища не хуже саранчи. Звѣрки эти забираются высоко, подъ самые ледники и отнимаютъ тамъ кормъ у скота. По всей долинѣ Кубани, начиная отъ устьевъ Кичкене-кала могъ-бы родиться хлѣбъ, но прекрасныя плодородныя земли этой долины обращены сусликами въ пустыню

*) Этотъ сусликъ въ первый разъ былъ описанъ Менетриэ въ его *Catalogue raisonne des objets de zoologie* (изд. Акад. Наукъ. 1832 г.). Названіе его *Spermophilus musicus*.

Н. Я. Д.

и являютъ жалкій видъ опустошенія. Не разъ пробовали карачаевцы бороться съ сусликами, но всѣ ихъ мѣры не принесли желаемыхъ результатовъ. Карачаевцы проводили каналы, затопляли поля, перепаживали нѣсколько разъ землю, зажигали осенью бурьянъ, пробовали травить, но все напрасно: суслики не уменьшались, видимо, въ числѣ и весной снова спустились съ горъ на поля и луга, уничтожая труды земледѣльца. Мудрено, дѣйствительно, уничтожить полчища этихъ звѣрковъ, занявшихъ всѣ долины и плоскогорія горскихъ земель до самой Осетин.

Посѣвы встрѣчаются только вблизи домовъ и оберегаются здѣсь только тѣмъ, что вокругъ полей проведены каналы съ проточною водою; когда суслики все-таки проникнутъ въ посѣвы, воду пускаютъ на ниву, и выгоняютъ сусликовъ, затопляя ихъ норы. Кромѣ того, бабы и ребятишки съ раннего утра и до поздней ночи, а иногда и во всю лунную ночь, ходятъ по нивѣ и пугаютъ сусликовъ ударами въ мѣдные тазы, косы, доски и т. п. Кавказскій сусликъ величиною съ крысу. Шерсть на немъ желтовато-сѣраго цвѣта, короткая, мягкая и довольно густая. Короткій, вершка два въ длину, хвостъ суслика сдавленъ сверху внизъ и покрытъ длинными рѣдкими грубыми волосками. Лапы вооружены загнутыми черными острыми когтями, которыми сусликъ роетъ себѣ нору. Мордочка по формѣ напоминаетъ крысью, но гораздо тупѣе ея. На слезка раздвоенной верхней губѣ суслика растутъ бѣлые щетинистые усы. Уши небольшія. Зубы остры; суслики дѣйствуютъ ими какъ пощипцами. Норы суслики роютъ неглубокія, но довольно вмѣстительныя. Отверстіе въ нору узкое, по величинѣ самого суслика. Живутъ суслики по одиночкѣ. Каждый имѣетъ свое жилище, и если случайно, спасаясь отъ непріятеля, два суслика въ попыткахъ заберутся въ одну нору, то между ними происходитъ кулачный бой передъ порою, причемъ бойцы забываютъ даже объ угрожающей опасности. Су-

слики, хотя и живутъ въ-одиночку, но семья ихъ, иногда въ 5--8 особей, вырываетъ норы рядомъ, весьма близко другъ къ другу. Трава около норъ съѣдена до корня и звѣрки должны поневолѣ отлучаться изъ дому шаговъ за двадцать. Это максимальное разстояніе, на которое трусливый сусликъ рѣшится покинуть свою нору. Если-же необходимость заставляетъ отлучаться и далѣе, то сусликъ предпочитаетъ переселяться, повидая старую нору. У каждой семьи есть облюбованный участокъ корма, и если на этотъ участокъ случайно забредутъ сосѣди, то вся семья дружно выступаетъ въ походъ и прогоняетъ незваныхъ гостей, награждая ихъ оплеухами.

Нерѣдки также и драки изъ-за самокъ. Повидимому, между сусликами нѣтъ паръ. Маленькихъ сусликовъ намъ не пришлось видѣть: они уже успѣли подрости и сравняться со взрослыми.

Что по истинѣ невыносимо—такъ это однообразный рѣзкій прерывистый свистъ сусликовъ. Точно колокольчики перекликаются они непрерывно между собою. Звѣрекъ этотъ и шагу не сдѣлаетъ безъ того, чтобы не подняться на заднія лапы и не засвистать.

Суслики безпечны, какъ стрекозы,—живутъ только настоящимъ. Изъ нѣсколькихъ разрытыхъ нами норъ ни въ одной не нашли мы запасовъ. Въ нѣкоторыхъ норахъ встрѣчается, впрочемъ, трава, но это не запасъ, а постель суслика-сибарита. Да и самая нора роется сусликомъ для того, чтобы спрятаться въ ней отъ непріятеля.

На зиму сусликъ зарывается въ норѣ своей и окоченѣваетъ до весны. Мѣхъ суслика не заслуживаетъ того, чтобы изъ-за него охотиться на этого грызуна.

Взглянемъ теперь на народъ, населяющій верховья Кубани.

Карачаевцы въ Кубанской области занимаютъ земли по истокамъ Кубани: Улу-каму, Учъ-кулану и Хурзуку. Намъ

называли только слѣдующіе аулы, населенные этимъ племенемъ: *Хурзукъ* на Улу-камѣ при впаденіи въ него рѣчки Хурзукъ, берущей начало съ сѣверо-западныхъ глетчеровъ Эльборуса, *Учь-куланъ* на рѣкѣ того-же имени, *Куртджортъ* на Кубани и *Урусбиево* въ Терской уже области въ истокахъ Баксана. Точной цифры численности этого племени мы не могли узнать, а такъ, приблизительно, говорили намъ, ихъ наберется здѣсь болѣе 10,000 человекъ: Въ одномъ Хурзукѣ около 1000 домовъ и болѣе 5000 душъ.

Ауль Хурзукъ расположенъ по правому возвышенному берегу Улу-кама, который, сливаясь съ Учь-куланомъ верстахъ въ пяти отъ аула, получаетъ уже названіе Кубани (Кобанъ, по-горски). Бревенчатая съ плоской земляной крышей сакли тянутся по берегу рѣки на нѣсколько верстъ. Видимость аула крайне непривлекательна: мрачныя грязныя сакли, узкіе кривые ходы между ними, вонь, грязь и пустота. Окрестности тоже не особенно живописны. Единственный красивый видъ по долинѣ Хурзука. Долина заключается Эльборусомъ, снѣжная вершина котораго царитъ надъ темными исполинскими силуэтами кряжей и скалъ при заходящемъ солнцѣ. Видъ на сѣверъ закрытъ плоскогорьемъ Садырларъ; оно оканчивается у Хурзука отвѣсною стѣною, на которой еще сохраняются остатки бывшихъ крѣпостей и башня.

Пріютились мы здѣсь въ семьѣ мѣстнаго кади-эфенди (духовное лицо, соотвѣтствующе нашему протоіерею; онъ-же и судья по шаріату и адату). Самъ старикъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ. Насъ приняли радушно его сыновья. Старшій изъ нихъ оканчиваетъ Владикавказскую гимназію; младшій окончилъ курсъ въ Учь-куланской горской школѣ и весьма бойко говоритъ по-русски. Съ ихъ помощью мы узнали отъ стариковъ и отъ нихъ кое-что изъ прошлаго и настоящаго Карачая. Самъ эфенди, какъ намъ говорили, большой знатокъ Карачая въ его прошломъ. Онъ пользуется уваженіемъ

и любовью къ нему всѣхъ карачаевцевъ. Въ немъ карачаевцы видятъ живой типъ своихъ предковъ, жившихъ честно, по законамъ и обычаямъ своей родины и религіи.

Карачай еще сохранилъ немногихъ ветерановъ стариннаго домостроя. Мы видѣли до 10 старцевъ въ Хурзукѣ, которымъ, по увѣренію многихъ, отъ 100 до 130 лѣтъ. Всѣ они еще бодры, сохранили зрѣніе и слухъ, украшены сѣдыми бородами по колѣна и ходятъ еще, съ помощью клюки, на общественныхъ сходки. Они еще руководятъ пока нравственною сторопою общества и связываютъ руки плутамъ новаго теченія. О прошломъ Карачая вотъ что намъ рассказывали старики.

Карачаевцы не помнятъ сами—откуда и когда вышли ихъ предки. Преданія ихъ говорятъ, что они пришли съ востока подъ предводительствомъ князей своихъ и заняли вѣмъ-то разоренныя земли по истокамъ Терека. Предки ихъ знали, что занятыя ими земли принадлежали сванетамъ, но послѣдніе сами были разорены, обизсилены и покинули эти земли, спрятавшись за горы. Одинъ изъ князей карачаевскихъ, по имени Карча, развѣзжая по долинѣ Баксана, случайно нашель путь къ истокамъ Кубани, собралъ свое храброе небольшое войско (племя) и отправился на развѣдки. Онъ нашель земли въ истокахъ Кубани никѣмъ не занятыми: ихъ также опустошилъ какой-то непріятель, неизвѣстно куда скрывшійся. Карча занялъ эти пустыя прекрасныя земли, и многіе изъ долины Баксана переселились въ долину Кубани. Князь Карча далъ своимъ именемъ и названіе племени «карачаевцы». А какъ они назывались раньше—никто не знаетъ. Оставшіеся въ долинѣ Баксана горцы были потѣснены какими-то европейцами съ сѣвера и перебрались тоже на Кубань подъ защиту князя Карча. Кто были эти европейцы, карачаевцы доподлинно не знаютъ: кто говоритъ—«англичане», кто—«французы», но только не рускіе. Въ истокахъ Малки и

близъ Хурзуга на скалистыхъ гребняхъ указываютъ развалины крѣпостей и башни, построенныя именно этими европейцами. Говорятъ, что въ башнѣ около Хурзуга и около нея находятся различныя мѣдныя, серебряныя и золотыя вещи: кольца, монеты, пряжки, остатки мечей и шлемовъ. Вещи эти, какъ намъ говорили, весьма изящной работы, и поэтому карачаевцы думаютъ, что они принадлежатъ европейцамъ. Обладатели вещей боятся показывать ихъ постороннимъ, думая, что власти, узнавъ объ этомъ, отберутъ у нихъ драгоценности безъ всякаго вознагражденія, да еще накажутъ за недозволенное разрытіе памятниковъ старины. Говорятъ также, что находимыя драгоценности передѣлываются мѣстными мастерами на различныя азіатскія украшения.

Европейцы, по преданіямъ, не долго хозяйничали здѣсь. Сосѣди карачаевцевъ, кабардинцы, живущіе и нынѣ на сѣверѣ отъ нихъ, поднялись и, подъ предводительствомъ князя Казы, прогнали европейцевъ въ союзъ съ карачаевцами. Европейцы двинулись отсюда частью на сѣверъ, частью на востокъ и неизвѣстно, куда скрылись. Долина Баксана снова занята была карачаевцами, и тамъ утвердилась, долгое время спустя, фамилія князей Урусбиевыхъ.

Князь Карча живетъ въ карачаевскихъ преданіяхъ, какъ неутомимый воинъ-богатырь, умный и дѣятельный устроитель ихъ рода. Онъ привелъ въ порядокъ свое племя, посадилъ его на пашни, составлялъ оборонительные союзы съ сосѣдами для защиты своихъ земель отъ наступавшихъ съ востока и сѣвера враговъ-пришельцевъ, и вообще больше заботился о мирной жизни своихъ подданныхъ, чѣмъ о завоеваніяхъ. Первые баксанскіе князья были его родственниками и отличались тѣми-же свойствами. Такъ, въ долинѣ Баксана, на древнемъ кладбищѣ, верстѣ за пять до Курхужана по дорогѣ изъ Урусбія, указывали намъ памятникъ въ видѣ часовни, поставленный, по преданіямъ, на могилѣ баксанскаго князя Камгута

который былъ роднымъ дядею князю Карча. Къ памяти Камгута карачаевцы относятся съ благоговѣшемъ, и ни одинъ горецъ не пройдетъ мимо памятника, не совершивъ молитвы передъ нимъ за душу князя, которой не было послѣ подобной въ Баксанѣ. Камгутъ былъ образцомъ честности, строгой правды и добродушія.

О князѣ Карча и намъ рассказывали преданіе, записанное учителемъ Алейниковымъ и помѣщенное въ третьемъ выпускѣ «Сборника матеріаловъ». Преданіе это мы здѣсь опускаемъ, отсылая читателя къ указанному выпуску, а скажемъ нѣсколько словъ о легендарномъ камнѣ, упоминаемомъ въ преданіи.

Между истоками Малки, текущей на с.-востоки въ Терреку, и истоками Хурзука, текущаго на западъ въ Кубань, находится водораздѣльный отрогъ, начинающійся прямо отъ сѣвернаго подножья вершины Эльборуса. Гребень этотъ составляетъ границу между землями баксанцевъ и карачаевцевъ. Въ древности здѣсь была граница съ кабардинскими землями. Черезъ этотъ отрогъ пролегаетъ и перевалъ изъ Карачая въ Баксанъ, т. е. изъ Кубанской области въ Терскую. Перевалъ представляетъ совершенно ровную площадь въ 1—2 кв. версты на высотѣ около 10,000 фут. Площадь эта касается южной своею стороною оконечностей Эльборусскихъ сѣверныхъ глетчеровъ, спускающихся съ вершины пика. Одинъ изъ этихъ глетчеровъ, окаймляя площадку съ востока, ползетъ узкою лентою въ глубокое ущелье Малки и даетъ ей начало. На оголенной площадкѣ лежитъ единственный громадный валунъ темнаго съ бѣлыми глазками камня, скатившагося, по всей вѣроятности, со скалы Эльборуса. Валунъ окружаютъ четыре большихъ угловатыхъ осколка отъ него. Что осколки принадлежатъ камню—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: на верху камня можно замѣтить выемки, форма которыхъ одинакова съ формою осколковъ. Камень этотъ производитъ впе-

чатлѣніе такого рода: какаѣ-то громаднѣя сила (быть можетъ, молнія) ударила по камню сверху, отчего онъ раскололся и далъ четыре большіхъ осколка вокругъ себя. Камень этотъ легендарный и тотъ самый, о которомъ въ карачаевской легендѣ сказано, что его раздавилъ Карча, разсердившись на кабардинскаго князя Кази за то, что послѣдній не соглашался на условія мира, предложенныя Карча. Камень этотъ носитъ названіе Карча-ташь (камень-Карча); названіе кампѣя переносится и на перевальный гребень.

Вліяніе такихъ рыцарей, какъ Карча и Камгутъ, сказалося на ихъ племена. Карачаевцы прослыли честнѣйшими изъ всѣхъ горскихъ племенъ. Когда карачаевцы приняли магометанство, никто не помнитъ, какъ не помнятъ и того, какую религію исповѣдовали ихъ предки до появленія въ истокахъ Кубани и Баксана. Многіе изъ нихъ думаютъ, что предки ихъ были христіане, ибо сохранились преданія, что они ѣли свиней. Старики еще помнятъ, что между ихъ предками были и такіе, которые, исповѣдуя магометанство по наружности, придерживались древнихъ христіанскихъ обычаевъ и обрядовъ, съ чѣмъ мулламъ приходилось бороться. Въ настоящее время магометанская религія свила себѣ прочное гнѣздо въ Карачаѣ и на Баксанѣ, и едва-ли найдутся гдѣ еще такіе добрые и религіозные, но далеко не фанатичные, мусульмане. Религіозные обряды исполняются ими съ большіхъ раченіемъ и отъ всей души, какъ старшими, такъ малышами. Карачаевцы сотнями рублей отсчитываютъ пожертвованія въ Каабу и другія святія мѣста. Они посылаютъ на свой счетъ молодыхъ людей въ Константинополь для изученія наукъ и богословія въ тамошнихъ мусульманскихъ училищахъ. Богатыя пожертвованія деньгами и скотомъ собираются муллами на поддержаніе и процвѣтанія этихъ училищъ и на содержаніе въ нихъ софтовъ (студентовъ). Софты готовятъ для поступленія въ училище на мѣстѣ муллами, а потомъ, перенявъ отъ своихъ учи-

телей муллъ все, что послѣднимъ извѣстно, отправляются на собранія пожертвованія въ Константинополь. Ученіи муллъ носятъ для отличія бѣлую чалму, которою обвертываютъ коническую войлочную шапку.

Карачаевцы издревле ведутъ пастушескій полукочевой образъ жизни. Они имѣютъ постоянную осѣдность въ аулахъ, а лѣтомъ идутъ со своими стадами на кочевья въ горы, оставляя по большей части семьи въ аулахъ.

Никогда никакихъ войнъ, по ихъ рассказамъ, они не предпринимали и только заботились о сохраненіи земель, занятыхъ ими и объ огражденіи своей свободы. Народъ этотъ мирный и способенъ ужиться съ какимъ угодно владычествомъ, лишь-бы дана была ему возможность жить у себя дома по традиціямъ ихъ предковъ.

По типу карачаевцы ближе всего подходятъ къ осетинамъ. Типы настоящихъ татаръ, подобныхъ Шовгаю, встрѣчаются какъ исключенія и преимущественно въ княжеской и дворянской средѣ. Горскихъ дворянъ преданія считаютъ пришельцами изъ Крыма и Востока.

Карачаевцы составляютъ особое племя, рѣзко отличающееся отъ другихъ сосѣднихъ съ ними племенъ. Между ними и черкесами, обитающими къ западу отъ нихъ, или кабардинцами — сѣверными сосѣдями ихъ, ничего нѣтъ общаго. Карачаевцы низкаго, по большей части, роста, но плечисты и мускулисты. Черты лица мелки, но правильны, и форма головы не представляетъ никакихъ отклоненій отъ правильной обыкновенной формы, какъ у черкесовъ, напр., у которыхъ черепъ имѣетъ форму надутаго бычачьяго пузыря. Цвѣтъ кожи бѣлый и румяный. Волосы, по большей части, русаго цвѣта, иногда рыжеватаго и рѣдко темнаго. Движенія ловкія и не лишены присущей горцамъ граціи. Костюмъ такой-же, какъ и у большинства народовъ Кавказа: черкесска, сапоги безъ каблуковъ (иногда на очень большихъ каблукахъ съ подковками

для шку—переняли отъ русскихъ) или цуги (башмаки безъ ваблукъ), широкія шаровары и проч. Карачаевца возможно отличить издали только по особой мохнатой, съ плоскимъ суконнымъ верхомъ, овчинной шапкѣ.

Уваженіе старшихъ—это основной законъ карачаевского нравственнаго кодекса. Обычай этотъ доведенъ до крайности, которая постороннимъ можетъ показаться даже смѣшною. Если въ комнату, напр., входитъ старшій братъ, то младшій обязанъ встать и не имѣетъ права сѣсть и говорить до тѣхъ поръ, пока не получитъ на это разрѣшенія отъ старшаго. Но и въ этомъ случаѣ этикетъ требуетъ отказываться до трехъ разъ отъ приглашенія старшихъ сѣсть или говорить. Въ свою очередь, если въ комнату входитъ отецъ, то встаетъ и старшій братъ. При появленіи въ домъ старца обязаны встать всѣ, кто моложе его лѣтами. За обѣдомъ дѣти изъ уваженія къ отцу ѣдятъ за особымъ столомъ стоя и не всегда садятся, получивъ троекратное приглашеніе. Гость въ домѣ пользуется уваженіемъ, одинаковымъ со старцами. Старшій въ семьѣ управляетъ всѣмъ въ домѣ бетконтрольно и, отлучаясь изъ дому, передаетъ свою власть слѣдующему за нимъ по старшинству. Никто изъ членовъ семьи не смѣетъ отлучаться изъ дому или начать какое либо дѣло, не получивъ на то разрѣшенія старшаго въ домѣ.

Съ нами случился маленькій эпизодъ, иллюстрирующій нѣкоторымъ образомъ сказанное о правахъ старшихъ. Въ сельскомъ управленіи Хурзука насъ весьма нелюбезно принялъ старшина съ прочимъ штатомъ властей аула. Боясь насъ, какъ случайныхъ ревизоровъ ихъ темныхъ дѣлъ, какъ намъ потомъ говорили, сельскія власти направили насъ въ другой аулъ, говоря, что въ Хурзукѣ ничего нельзя добыть: ни дровъ, ни пищи, ни даже удобнаго ночлега. Младшій сынъ эфенди, исправляя обязанности сельскаго писаря за его отсутствіемъ, все это слышалъ и возмущался наглою выходкой

властей. Мы уже выехали из аула, как на дорогѣ догонять насъ старшій братъ его и любезно приглашаетъ къ себѣ въ домъ. Оказалось слѣдующее: улучшивъ свободную минуту, «вольнотпущенный крестьянинъ», какъ назвался намъ младшій сынъ эфенди изъ желанія скрыть отъ насъ свое происхожденіе съ тою цѣлью, чтобы мы потомъ не отозвались дурно о семьѣ эфенди, не сумѣвшей оказать намъ гостепріимства,—прибѣжалъ домой и рассказалъ брагу о случившемся. Послѣдній поспѣшилъ догнать и воротить насъ. «Если-бы былъ дома отецъ, то сельскія власти не осмѣлились-бы такъ по-свински поступить съ вами», говорилъ намъ старшій братъ. Младшій братъ не осмѣливался при старшемъ бесѣдовать съ нами. Въ отсутствіе старшаго онъ поспѣшилъ объясниться.

«Обычай нашей страны не позволи мнѣ предложить вамъ гостепріимства безъ разрѣшенія старшаго въ домѣ. Мнѣ было стыдно за нашихъ властей, но я не имѣю права при нихъ, какъ при старшихъ, сказать вамъ, что они лгутъ, что они желаютъ только избавиться отъ васъ, боясь, чтобы вы не провѣдали о ихъ худыхъ дѣлахъ,—я не долженъ былъ говорить при нихъ, хотя они ни слова не понимали по-русски. Не думайте, однако, что всѣ карачаевцы таковы, какъ наши власти: это наши испорченные люди, но найдется еще большая половина среди насъ и честныхъ горцевъ».

Очерченное нами обычное уваженіе къ старшимъ и особенно къ старцамъ, руководящимъ еще нравственною стороною общества, заставляють пока прятать свои змѣнные головы—темныя силы карачаевского аула. Но, тѣмъ не менѣе, общество уже раскололось на два враждебные лагеря: въ одномъ приверженцы стараго домостроя, въ другомъ «новаки», тяготѣющіе къ тому теченію, которое, какъ язва, проникло и у насъ, на святой Руси, въ деревню, разлагая своею заразою все лучшее, что оставила намъ старина,—«новаки», словомъ, напоминають нашихъ деревенскихъ пьявокъ—кула-

ковъ. «Новакъ» оставилъ пастушество, обратилъ большую половину своего имущества въ капиталъ и живетъ на проценты съ него. Съ обществомъ онъ еще не потерялъ связи, напротивъ, онъ присосался къ нему, подобно пьявкѣ и сосеть бѣдняка. У него, напр., оставлена земля вблизи деревни, и онъ сдаетъ ее въ аренду безземельнымъ, которыхъ въ каждомъ горскомъ обществѣ найдется добрая половина, а иногда и больше. Арендную плату кулакъ получаетъ рѣдко деньгами: арендующій обыкновенно даетъ ему $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ часть жатвы и обязуется пасти его скоть, при чемъ получаетъ въ видѣ подарка десятую часть приплода отъ рогатаго скота. Весь трудъ карачаевскаго кулака состоитъ только въ контролѣ работающих на него и въ продажѣ лишняго скота. Живетъ онъ бариномъ, помѣщикомъ, у котораго въ кабалѣ нѣсколько семействъ бѣдняковъ. Главное-же его вниманіе обращено на капиталъ. Онъ ссужаетъ нуждающихся деньгами за очень большіе проценты и нерѣдко натурою: скотомъ, хлѣбомъ и т. п. Карачаевскій кулакъ постепенно мѣняетъ и наружную оболочку, рветъ связь съ прошлымъ и злорадно топчетъ свое національное. Живетъ онъ уже не въ саклѣ, а въ домѣ русскаго стила: съ деревянной крышей, окаймленной рѣзбою, съ росписными ставнями, съ русской печью, выбѣленными стѣнами и проч. Изъ костюма онъ пока завелъ только русскія базарныя рубахи, русскіе сипоги и брюки на выпускъ. Съ черкесской и мохнатой шапкой пока не рѣшается еще разстаться, но скоро, вѣроятно, броситъ и это платье и нарядится въ пиджакъ и картузь изъ подражаниа въ всемъ русскимъ кулакамъ, съ которыми онъ сводитъ дружбу на ярмаркахъ въ казачьихъ станицахъ и въ своихъ походахъ вообще по торговымъ и инымъ дѣламъ. Принимая виѣшній лоскъ базарной грошевой цивилизаціи, карачаевскій кулакъ не въ силахъ еще проникнуться ея сущностью, и въ обыденной домашней жизни онъ еще пока горецъ. У него есть са-

самоваръ, но чаю онъ не пьетъ; у него русскій домъ, но семейство его не покидаетъ прилѣпившейся къ дому старой темной сакли; на пустой голой кровати хозяинъ дремлетъ только въ минуты полного бездѣлья, услаждая свою душу сладкими мечтами о предстоящихъ барышахъ. Даже сапоги и брюки надѣваются имъ тогда только, тогда онъ выходитъ показать себя обществу, а это бываетъ по праздникамъ у мечети и на общественныхъ сходахъ. Карачаевскій кулакъ напоминаетъ, такимъ образомъ, крыловскую «ворону въ павлиньихъ перьяхъ».

Ища почлега въ Хурзукъ, мы забрели именно къ такому кулаку. Онъ уже говоритъ по-русски ломанымъ языкомъ; въ выраженіяхъ его много наглости и нахальства. За ночлегъ въ его пыльномъ русскомъ домѣ онъ запросилъ съ насъ 5 руб., за самоваръ 1 руб., за постели по 50 коп. Не слушая его дальше, мы послѣшили оставить негостеприимный аулъ и рѣшились уже ночевать въ степи, но получили неожиданное приглашеніе отъ сына эфенди и отправились въ его домъ.

Карачаевского кулака ненавидятъ и чуждаются не только старики, но и «новаки» другихъ категорій. Собственно въ лагерь «новаковъ» замѣчаются три группы и каждая съ своими характерными особенностями: 1) кулаки, сосущіе отдѣльныя семьи и личности; 2) кулаки, сосущіе общество и умѣющіе извлекать выгоды изъ своего положенія, и 3) отчаянные, отрешившіеся отъ всего своего и бьющіе на эффектъ своею удалью,—это кандидаты въ абреки.

Представителей первой группы мы уже очертили въ лицѣ карачаевского кулака. Представителями второй—являются иногда аульные старшины съ прочимъ штатомъ аульных должностныхъ лицъ. Эти люди также помѣшаны на богатствѣ. Жажда наживы легкимъ путемъ гложетъ ихъ, и они не брезгаютъ средствами для обогащенія. Въ молодости они занимались грабежомъ и разбоемъ, учась этому искусству у своихъ

сосѣдей кабардинцевъ. Они уже ознакомились съ русскими тюрьмами, понаучились многому отъ арестантовъ, набрались жизненной опытности, познали искусство надувательства, хищенія, запусканія рукъ въ карманы ближняго и проч. Но самое главное, что они познали,—это искусство пролазить въ должности, изловчаться и стойко держаться на своемъ посту. Съ помощью подкуповъ и ухищреній разнаго рода они сумѣли таки занять общественныя должности—старшины, помощника, казначея и проч. Общественный сундукъ оказался въ ихъ цѣпкихъ рукахъ, а сундуки въ карачаевскихъ обществахъ далеко не пусты. Въ Хурзукѣ, напр., общественный капиталъ, какъ намъ говорили, достигаетъ почтенной цифры—35000 руб. наличными. Есть общества гораздо богаче, какъ напр., Учъ-буланское. Шайка этихъ воровъ искусно расхищаетъ общественныя суммы на виду у всѣхъ. Народъ не успѣлъ еще хорошо ознакомиться съ новыми порядками управленія, не въ силахъ понять требованій, идущихъ часто въ разрѣзъ съ установившимися племенными традиціями, и вотъ онъ въ недоумѣніи только разводитъ руками, чувствуя свое безсиліе справиться съ новыми порядками. Жили они по-просту, безъ затѣй, по своему. Была у нихъ своя община, свои власти, которыхъ они понимали. Теперь-же, не понимая сущности новыхъ порядковъ, они поневолѣ довѣряются тѣмъ, кто заявляетъ о себѣ на сходахъ, какъ ознатокѣ новаго управленія. И выползли темныя силы на свѣтъ Божій. Въ способахъ наживы эти общественные воры изобрѣтательны до виртуозности. Практикуется обыкновенно надувательство и вымогательство. Общественныя суммы, жаловались старики, расходуются якобы на дѣла общества, а дѣла эти затѣваются шайкою правителей и оканчиваются въ ихъ карманахъ. Старшина часто бываетъ въ разрѣздахъ по общественнымъ надобностямъ, и эти отлучки оцѣниваются имъ по счетамъ внушительными цифрами рублей. Взяточничество свило себѣ прочное гнѣздо здѣсь, подъ ледниками. Взятки ча-

ще всего берутся за укывательство ворованнаго скота, воровъ и вообще преступниковъ изъ аула. Провинившагося въ чемъ либо противъ новыхъ порядковъ угрозами заставляють искупить свою вину приношеніемъ. Старики ведутъ войну съ этими кровопійцами чуть-ли не каждый день, но успѣха имѣють мало, а иные изъ нихъ уже сложили въ безсиліи оружіе и не ходять на сходы. Оскорбить чѣмъ-либо старика, убѣленнаго сѣдиною, по старымъ понятіямъ, чуть-ли не кровавый грѣхъ, а новыя власти не разъ уже осмѣливались и на это, и когда разъяренная толпа грозила имъ смертію, они прятались и убѣгали изъ аула, представляя предъ начальствомъ дѣло дутымъ бунтомъ и неповиновеніемъ. Хищники торжествуютъ, а оскорбленные старцы не показываются уже на сходахъ, не желая подвергаться новымъ оскорбленіямъ.

Третья группа «новаковъ»—это молодежь, жаждущая славы и удали. Мирныя времена для удалого горца хуже тюрьмы. Кровь кипить, жаждетъ брани, а ея нѣтъ. Ну и отправляется удалая молодежь разбойничать, грабить, воровать не изъ нужды, а единственно для утоленія воинственнаго пыла.

По словамъ стариковъ группа эта выдѣлилась тоже недавно. Карачаевцы, занявъ прекрасныя пастбищныя мѣста подъ ледниками, мирно предавались пастушеской жизни, не знали войны, не знали грабежей. Они были отрѣзаны отъ русскихъ владѣній на западѣ черкесами, на сѣверѣ и с.-востокѣ ордою кабардинцевъ, съ которыми издревле жили во враждѣ, продолжающейся и донинѣ. Правда, дѣлали они набѣги на Сванетію, но чаще всего въ погоню за награбленнымъ скотомъ и въ отмщеніе вообще за сванетскіе грабежи. Такъ было по крайней мѣрѣ на памяти стариковъ. Замкнутые со всѣхъ сторонъ въ трупобахъ карачаевцы за цѣлыя столѣтія уже успѣли примириться съ пастушескою мирною жизнью и утратили былую удаль и молодечество. Карачаевскіе пастухи, рѣдко вооруженные только винжаломъ, и нынѣ производять впе-

чатлѣвнѣе людей тихихъ, добрыхъ до безконечности, прямыхъ и честныхъ. Вы смѣло довѣряетесь этимъ румянымъ полнымъ лицамъ съ ласковой улыбкой на толстыхъ губахъ. Они не смотрятъ на васъ звѣремъ, напротивъ, рады вашему приходу и готовы угостить васъ, чѣмъ только могутъ. Съ пастухами мы еще встрѣтимся, а пока взглянемъ на «золотую молодежь».

Кабардинцы—это одно изъ самыхъ ловкихъ и удалыхъ племенъ. Они занимаютъ степи и долины, прилегающія къ горамъ. На границахъ съ кабардинцами карачаевцы и горскіе татары имѣютъ сѣнокошныя мѣста. Вотъ тутъ-то, главнымъ образомъ, карачаевская молодежь и дружится ея лихими кабардинцами, здѣсь-то она и заслушивается рассказами удалыхъ наѣздниковъ о ихъ воровскихъ похожденияхъ, здѣсь она и научается всему тому, что пужно для абрека. Кабардинцы имѣютъ такое-же значеніе для остальныхъ горцевъ, какое французы имѣли, а отчасти и теперь имѣютъ, для европейцевъ: они вносятъ моду во всемъ; имъ стараются подражать и въ одеждѣ, и въ удали, и въ музыкѣ и т. д. Старики ихъ ненавидятъ, молодежь—боготворить.

Знаменитые абреки выходятъ чаще всего изъ Кабарды. Абрекъ—это отчаянный разбойникъ ради удали. Его не любятъ и свои, но свои укрываютъ его изъ боязни мести со стороны родственниковъ абрека и сочувствуютъ ему, а чужіе трепещутъ, ибо для абрека ничего нѣтъ святого.

«Абрекъ», говорятъ карачаевцы, «хуже черта: отъ черта можно чѣмъ-либо откупиться, а отъ абрека ничѣмъ. Срубить голову чью-бы ни было для абрека великое наслажденіе». Абрекъ одинаково ненавидитъ какъ своихъ, такъ и чужихъ. Онъ не щадитъ ни старости, ни младенчества, ни дѣвчества. Абрекъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста жительства,—онъ скитается по горамъ и дорогамъ и является всегда неожиданно. Онъ ухитрится пробираться тайкомъ въ станицы и горо-

да и безчинствуетъ на глазахъ у начальства, потѣшаясь своею удачею. Цѣлыя сотни казаковъ посылаются иногда для поимки какого-нибудь одного—двухъ абрековъ и преслѣдуютъ ихъ безуспѣшно цѣлые мѣсяцы, ибо абрекъ неуловимъ: онъ въ это время все-же ухитряется грабить на дорогахъ, тащить награбленное въ горы, трущобы и предается тамъ безшабашному разгулу въ кругу себѣ подобныхъ. Нерѣдки случаи, когда абреки похищали дѣвушекъ и женщинъ изъ аула и ругались надъ ними въ своихъ трущобахъ.

«Къ стыду нашему появляются абреки уже и изъ нашего племени, чего никогда не бывало», жаловались намъ карачаевскіе старцы, «а все проклятые кабардинцы тому виной; они соблазняютъ нашихъ юнцовъ, и эти глупыя головы безъ всякой причины убѣгаютъ изъ дому и обращаются въ абрековъ на нашу погибель».

Тѣ изъ молодежи, которые еще не пошли въ абреки, безчинствуютъ у себя дома: они смѣются надъ родными обычаями и религіей, почти не ходятъ въ мечеть, издѣваются надъ старцами, насилуютъ дѣвушекъ, пьянствуютъ и т. п. Любимое ихъ занятіе—кража и преимущественно скота. Воруютъ больше у сванетъ и у казаковъ.

«Золотая молодежь» находится, какъ говорятъ старики, подъ особымъ покровительствомъ кулаковъ и аульныхъ властей, потому что—«рука руку моетъ». Власти нуждаются въ нихъ и кулакахъ для рѣшающаго большинства на сельскихъ сходахъ, въ свою очередь молодежь прибѣгаетъ подъ ихъ защиту отъ преслѣдованія старцевъ и русскихъ властей. Сельскія власти не брезгаютъ эксплуатаціей и золотой молодежи и нерѣдко сообщаютъ дѣлать награбленное. Такова третья группа «новаковъ» изъ карачаевцевъ.

Такимъ образомъ «новаки» являются язвой, безобразнымъ наростомъ на здоровомъ общественномъ тѣлѣ карачаевцевъ. Болѣзнь эта даетъ уже себя чувствовать, а лѣкарствъ про-

тивъ вся карачаевцы отыскать не въ силахъ. Военская повинность и школа могутъ карачаевцамъ оказать большую услугу въ этомъ отношеніи. Первая избавила-бы ихъ, хотя отъ части буйной молодежи, вторая приготовила-бы изъ ихъ среды опытныхъ и честныхъ руководителей, которые смѣнили-бы современныхъ хищниковъ и обуздали-бы кулаковъ.

Какъ ни консервативны старцы въ своихъ обычаяхъ и взглядахъ на жизнь, но и они уже желаютъ этого. «Лучше видѣть внуковъ нашихъ полезными слугами Русскаго Царя, чѣмъ разбойниками, срамящими наши сѣдины и позорящими наше честное племя»,—вотъ ихъ заключеніе.

Обратимся теперь къ бытовой сторонѣ карачаевского аула.

Положеніе женщины въ Карачаѣ гораздо лучше, чѣмъ у остальныхъ горцевъ. Хотя ова здѣсь и не пользуется особымъ почетомъ, но и не презирается, не считается только самкою. Дѣти обязаны уважать мать такъ-же, какъ и отца, а мужъ дорожить женой, какъ хозяйкой и работницей. Дѣвушки не запираются подъ замокъ и въ обыденной жизни пользуются нѣкоторою свободой. Вечеринки, напоминающія нѣсколько наши посидѣлки, въ большомъ ходу въ Карачаѣ и на Баксанѣ. Передъ покосомъ парни и дѣвушки особенно много гуляютъ, празднуютъ. Собираются въ домъ у одной изъ дѣвицъ и цѣлыя ночи проводятъ въ танцахъ подъ гармонику. Хозяйка угощаетъ гостей домашними произведеніями: пирошками, сыромъ, бараниной, кашей изъ проса и т. п., парни-же приносятъ дѣвицамъ дешевыя сласти, если таковыя найдутся въ аулѣ.

Дѣвушки и замужнія женщины имѣютъ и свое хозяйство, до котораго мужчины, по обычаю, не имѣютъ права касаться. Курь, яйца, огородъ, шерсть и издѣлія изъ нея, подаренный ей скотъ и приплодъ отъ него—все это собственность женщины, которою она вольна распорядиться по своему усмотрѣнію. Путемъ продажи своихъ произведеній и подарковъ отъ отца и братьевъ дѣвица сама заготавливаетъ себѣ приданое,

которое остается ей собственностью и по выходѣ замужъ. Тѣмъ не менѣе религія, въ разрѣзъ съ правовыми обычаями, низводитъ женщину до существа низшаго, нечистаго. Женщина, напр., не имѣетъ права вовсе являться въ мечеть для молитвы. Нечистота женщины можетъ осквернить храмъ молитвы, къ которому карачаевцы относятся со всей строгостью предписываемыхъ религіей правилъ почитанія. А правила эти сводятся къ слѣдующему: войти въ мечеть можетъ только тотъ, кто очистилъ себя большимъ утреннимъ омовеніемъ; при мечетяхъ обыкновенно бѣжить ручей, который проводится въ особые общественные ватеръ-клозеты, гдѣ и совершаются омовенія. Но и омовенія мало: при входѣ въ храмъ каждый молящійся обязанъ снять обувь и войти въ мечеть босыми ногами.

Въ обыденной жизни карачаевцы производятъ впечатлѣніе народа, живущаго еще по разъ установленнымъ правиламъ. Время принятія пищи у нихъ, напр., строго распределено и въ зависимости отъ намазовъ. Обѣдъ послѣ второго большого намаза. Намазъ же обязанъ совершать каждый в въ опредѣленное время, гдѣ-бы оно его ни застало. Молятся они пять разъ въ день обязательно: при восходѣ солнца, въ 10 часовъ утра, въ полдень, при заходѣ солнца и въ 9 часовъ вечера. Ъдетъ магометанинъ верхомъ; застаетъ его часъ намаза: лошадь привязывается, разстилается на землѣ платокъ, на который магометанинъ становится колѣнами лицомъ къ къ югу и, снявъ предварительно обувь, въ которой молиться не положено, читаетъ нужныя молитвы съ положеннымъ чи-сломъ поклоновъ и вздоховъ. Намазъ совершенъ и магометанинъ съ облегченной душою продолжаетъ свой путь. Карачаевцы носятъ особыя башмаки безъ задниковъ, чтобы легко было скинуть ихъ при частыхъ намазахъ. Для опредѣленія юга (гдѣ находится Кааба и гробъ Магомета) зажиточные карачаевцы имѣютъ маленькіе компасы, которые носятъ ими на цѣпочкѣ часовъ въ видѣ брелоковъ. Неуважающіе религію и

неисполняющіе обычныхъ правилъ, требуемыхъ ею, караются общественнымъ презрѣніемъ и иногда по общественному приговору даже не допускаются въ мечеть.

Обычныя правила стремятся поддержать также и падающую уже любовь къ труду: трудолюбіе находитъ себѣ почетъ и уваженіе въ обществѣ, а лѣнь—порицаніе и презрѣніе, которое выражается всенародно старцами. Презрѣніе старцами въ своемъ родѣ наказаніе и клеймо позора для провинившагосл. Ни одна дѣвушка не выйдетъ за презираемаго старцами.

Трудолюбіе у карачаевцевъ—наслѣдіе прежнихъ временъ, лѣнь «новаковъ»—мода, занесенная со стороны. Въ древности карачаевцы были народомъ трудолюбивымъ: кромѣ хлѣбопашества и скотоводства занимались и ремеслами, которыя давали имъ возможность имѣть все необходимое у себя дома; теперъ-же о ремеслахъ нѣтъ и помину, и все необходимое приобрѣтается на сторонѣ. Аулы не имѣютъ даже собственныхъ кузнецовъ и оружейныхъ мастеровъ.

За скотомъ пастухи и нынѣ ухаживаютъ не хуже любящей матери, ухаживающей за своимъ дѣтищемъ. Въ прошломъ у карачаевцевъ были и поля, засѣяныя злаками и очищенные отъ камней, изъ которыхъ они складывали ограды вокругъ полей. Сусликъ заставилъ ихъ охладѣть къ хлѣбопашеству, и большая часть полей пришли въ жалкое запустѣніе. Карачаевцы поддерживаютъ въ исправности дороги и мосты, проводятъ оросительные каналы. Дороги у нихъ преимущественно вьючныя, но есть немало и колесныхъ.

Въ суевѣріяхъ карачаевцы не отстаютъ отъ другихъ горцевъ. Вотъ нѣкоторыя суевѣрія. Въ Хурзукѣ на кладбищѣ, среди сплошной группы древнихъ каменныхъ кургановъ стоитъ единственное чрезвычайно старое дерево—сосна. Дерево это считаютъ священнымъ. Никто не осмѣлится къ нему прикоснуться или сломать вѣтвь—иначе ослѣпнетъ. По расска-

замъ дерево это въ темныя ночи бываетъ озарено какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, а иглы его бросають отъ себя яркія красноватыя искры. Явленіе это, говорятъ, предвѣщаетъ хорошую погоду и внушаетъ суевѣрный страхъ не только въ сердца бабъ, но и мужественныхъ джигитовъ.

Карачаерцы думаютъ, что въ курганахъ погребены какіе-то необыкновенные люди, богатыри древности, воевавшіе чуть-ли не съ силами небесными. Камни, по мнѣнію суевѣрныхъ старухъ, натасканы на могилы этихъ людей не людьми, а шайтанами, дьяволами, эмегенами, которые и по-днесь охраняють эти безчисленныя могилы. Когда въ Карачаѣ долго вѣтъ дождя, мѣстные суевѣры тайно отправляются на древнія могилы и разворачивають камни, бросая ихъ въ стороны отъ кургана: эмегены сердятся и посылають въ Карачай грозу и дождь. Когда-же дождь становится уже излишнимъ и вреднымъ, то тѣ-же суевѣры снова идутъ на могилы и собирають разбросанные ими камни, укладывая ихъ на прежнее мѣсто: дождь прекращается.

Могилы запрещено разрывать мѣстной администраціей, но жадные до драгоценностей «отчаянные» тайкомъ роются въ курганахъ. Разныя вещи (кольца, серьги, бляхи и т. п.) находятъ иногда прямо на поверхности кургановъ и, во всякомъ случаѣ, не нужно, говорятъ, рыть глубоко подъ грудой камней, чтобы добраться до сокровищъ. Карачаевскіе старцы грозятъ гнѣвомъ Божиимъ разрывающимъ могилы и говорятъ, что причина всѣхъ бѣдъ, которымъ подвергается съ недавняго времени Карачай—именно эти безбожники, тревожація кости, быть можетъ, своихъ-же предковъ. А обидѣть предковъ—значитъ навлечь на себя кару Аллаха.

Школы еще только начали здѣсь свое просвѣтительное вліяніе. Карачаевцы сами придають уже большое значеніе русской школѣ и охотно даютъ средства на ея содержаніе. Школа даетъ имъ прежде всего практическія матеріальныя

выгоды, что карачаевцы цѣнятъ выше всего. Живутъ они скотомъ, который гонятъ на продажу большею частью въ Закавказье черезъ горы. Грамотные люди въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ весьма необходимы. Да и обыденная жизнь подъ русскимъ владычествомъ складывается такъ, что волей-неволей приходится знать и русскую рѣчь, и русскую грамоту. Школа пока еще существуетъ только въ Учъ-куланѣ. Въ Хурзукѣ-же большинство давно уже желаетъ имѣть свою школу, но темныя силы, ворочающія дѣлами общества, противодействуютъ этому желанію, какъ намъ говорили.

Одни возстаютъ противъ русской школы потому, что она-де подорветъ религію и обратитъ ихъ дѣтей въ христіанство. Этого мнѣнія придерживаются и нѣкоторые муллы. Другіе говорятъ, что дѣти ихъ, прельщенные наукой и служебной карьерой, оставляютъ родину, забудутъ родные обычаи и нравы и уйдутъ служить въ русскіе города безъ всякой пользы для ихъ отцовъ и племени. Такъ думаютъ нѣкоторые изъ консервативныхъ старцевъ. «Власти» (въ Хурзукѣ, напр.) подхватываютъ эти мнѣнія и разжигаютъ населеніе противъ школы, увѣряя его въ несомнѣнномъ вредѣ, который можетъ принести племени русская школа и запугиваютъ его громадностью средствъ, которая, яко-бы, потребна будетъ на содержаніе школы, безъ пользы для общества. Ученики Учъ-куланской и Нальчикской школы доказываютъ противникамъ школы ошибочность ихъ предположеній своимъ примѣромъ. Питомцы русской школы живутъ по-прежнему среди своего племени, по-прежнему религіозны, не измѣняютъ ни въ чемъ обычаямъ родной страны и отличаются отъ прочихъ развѣ только тѣмъ, что на нихъ лежитъ отпечатокъ серьезности и строгой нравственности. Пользу русской грамоты горцы тоже начинаютъ чувствовать осязательнымъ образомъ. Горцы вообще народъ крайне подозрительный и недовѣрчивый. Получается, напр., какая-либо бумага въ управленіи. Писарь объясняетъ ея содержаніе. Ему

не вѣрятъ, кричатъ, ругаются, просятъ у него бумагу. Писарь съ сердцемъ швыряетъ ее крикунамъ. Крикуны съ бумагой отправляются въ укромное мѣстечко, призываютъ школьника, который и объясняетъ имъ бумагу, послѣ чего дѣло уже спокойно объясняется на сходѣ.

Бывшіе школьники (ихъ еще очень мало—не болѣе десятка на всѣхъ горскихъ татаръ, не считая Учъ-кулана) охотно помогаютъ писарямъ въ перепискѣ бумагъ и скоро постигаютъ эту трудность. Они уже пишутъ сами разныя ходатайства. Ихъ приглашаютъ односельцы въ суды и по другимъ дѣламъ въ качествѣ переводчиковъ. Словомъ, многіе изъ горцевъ постигаютъ уже практическую пользу отъ школы и ратуютъ за нее на сходахъ.

Внутренняя торговля для Карачая такой-же жгучій вопросъ, какъ и школа. Продавать или промѣнивать что-либо другъ другу въ своей средѣ считается позоромъ: каждый долженъ имѣть все необходимое для себя дома, а излишнее покупать на сторонѣ. Въ Хурзукѣ и вообще во всемъ Карачаѣ нѣтъ ни одной лавченки, если не считать грязныхъ темныхъ чуланчиковъ, наполненныхъ сафьяномъ и пѣсолюками кусками дешеваго ситца. Чуланчики эти служатъ складомъ для товаровъ, разносимыхъ по Карачаю урями (горскіе евреи). Покупать въ складахъ можно только по секрету. Въ Хурзукѣ болѣе 1000 домовъ и около 6000 населенія. Неужели-же тутъ не нуждаются ни въ какихъ товарахъ? На этотъ вопросъ намъ отвѣчали, что народъ, дѣйствительно, нуждается во многомъ и вынужденъ отправляться за необходимымъ (косы, веревки, оружіе и т. п.) на базары въ казачьи станицы за десятки и сотни верстъ. Помочь этому горю пока нельзя: старики на сходахъ ратуютъ изо всей силы противъ лавочекъ и не хотятъ дать никому, даже изъ своихъ, общественнаго приговора на право торговли. Только въ видѣ исключенія допускаютъ торговать уривѣмъ ситцами и сафьяномъ. Уривъ торгуютъ, какъ

разносчики товаровъ. На Баксанѣ рачинцы и балкарцы продають сафьянъ, какъ свое издѣліе.

«Наши предки и мы», говорятъ старики, «жили безъ всякихъ лавочекъ, и жили хорошо, по-своему, ни въ чемъ не нуждаясь: насъ кормилъ скоть, и одѣвалъ скоть, а оружіе и необходимыя въ хозяйствѣ вещи приготавлиались своими мастерами. Для чего-же вамъ понадобились лавки? Вы уже и такъ на половину развратились, забыли обычаи и жизнь своихъ отцовъ, соблазняетесь водкой, щегольствомъ наряда, русскими украшениями, русскою пищею... Или вы уже хотите развратиться совсѣмъ и обезславить честное племя свое! Заводите лавки, но мы проклянемъ васъ, а лавки сождемъ: лучше попасть въ тюрьму, чѣмъ видѣть поруганіе родной страны и обычаевъ». Такое упорство стариковъ и ихъ угрозы вынуждаютъ жаждущихъ вкусить отъ плода цивилизаціи ожидать болѣе благоприятныхъ временъ для осуществленія ихъ мечтаній.

Но не одна слѣпая любовь къ старинѣ заставляетъ стариковъ такъ упорно отстаивать свою самобытность и горячо возставать противъ водворенія въ аулахъ безнравственной культуры кулака и пьяной трактирной цивилизаціи: старцы и болѣе привязанные къ старому изъ молодыхъ видать за водвореніемъ въ аулахъ коршуновъ-торгашей всеобщее разореніе, развратъ и нищету, что и подтверждается примѣрами на сосѣднихъ кабардинскихъ аулахъ и казачьихъ станицахъ, по словамъ очевидцевъ—карачаевцевъ. Соблазнъ великъ, могучъ, а кулакъ и торгашъ милосердія и жалости не имѣютъ. «И вотъ потащутъ наши дѣти въ кабакъ и лавку добро, пѣтомъ и кровью нами пріобрѣтенное, намъ на посрамленіе и разореніе. Переведутъ, промѣняютъ наше добро, нашъ скоть, на разныя ненужныя мелочи: сласти, гармоники, чай, сахаръ, водку и проч. И теперь уже, благодаря тому, что все можно достать готовое на базарахъ, наши бросили почти всѣ ремесла и,

оставшись безъ дѣла, бражничаютъ, развратничаютъ и шляются вдали отъ дома, наполняя этимъ свою праздную жизнь. А что будутъ дѣлать женщины, когда то, что готовится теперь ими, будетъ имѣться готовымъ въ лавкахъ: сукно, носки, рубахи и проч. И онѣ развратятся отъ бездѣлья».... Мы слушали эти жалобы стариковъ, и какъ-бы въ подтвержденіе ихъ словъ, гдѣ-то вблизи раздавалась разгульная пѣсня.

«Это наши отчаянные, будущіе абреки, пьянствуютъ», пояснили намъ старцы: «одинъ изъ нихъ сегодня возвратился съ базара, продалъ тамъ за полцѣны, по обыкновенію, нѣсколько штукъ барановъ, а на вырученныя деньги накупилъ закусокъ, сластей, водки,—и вотъ теперь угощаетъ своихъ пріятелей, кутить. И стыда нѣтъ! Орутъ, какъ шайтаны!... Да и пѣсня не наша, не карачаевская, а кабардинская. Спросите,—о чемъ онъ поетъ,—самъ не знаетъ, ибо по-кабардински онъ столько-же знаетъ, сколько мы по-русски».

Пѣвецъ, дѣйствительно, пѣлъ во всю мочь пѣсню безъ опредѣленнаго напѣва; временами онъ останавливался, заикался, какъ-бы подыскивая, припоминая слова пѣсни. Густой басъ вторилъ ему безъ словъ, а пискливая гармоника визжала себѣ свое, душу раздирающее,—визжала безъ всякаго отношенія къ пѣснѣ. «А вѣдь еще не такъ давно ничего подобнаго у насъ не замѣчалось. Водка презиралась такъ-же, какъ и вино, а отчаянные говорятъ, что Магометъ въ Коранѣ запрещаетъ пить только вино, не упоминая о водкѣ, ну и пьютъ ее на нашу погибель. Пили мы свое сладкое пиво и были счастливы. Никто не осмѣлился-бы такъ орать и развратничать, какъ эти шайтаны, которыхъ ждетъ уже тюрьма и висѣлица. Видно, Алахъ разсердился на насъ за нерадѣніе къ религіи и вотъ посылаетъ намъ этихъ безбожниковъ!»

Изъ любопытства мы пошли съ однимъ изъ сыновей эфенди поглядѣть на карачаевскихъ полуночниковъ гулякъ и

убѣдились въ справедливости словъ старцевъ. Въ пустой сак-
лѣ на полу при слабо-мерцающемъ свѣтѣ сальной свѣчи си-
дѣли трое молодыхъ карачаевцевъ, а передъ ними на войлокѣ
—графинъ водки, два—три бублика, сласти, рыба, сыръ. Всѣ
они были въ полупьяномъ состояніи и каждый былъ занятъ
только собою: одинъ игралъ, другой оралъ, а третій силился
ораторствовать, но его не слушали.

II. Баксанъ.

Садырларъ.—Пастухи.—Горные дожди, грозы и туманы.—Эльборусъ съ сѣвера.—Истоки Малки.—Ташъ-бурунъ.—Балыкъ-башъ.—Водопадъ и озеро.—Карачаевскіе аристократы.—Перевалъ въ долину Кыртыка.—Урусбиевскій аулъ.—Озеро Сальтранъ.—Долина Баксана.—Курхужанъ.—Кесанты.—Могилы древнихъ христіанъ.—Музыкантъ-кабардинецъ.—Хребетъ Лха.—Акъ-топравъ и его чудеса.

Изъ Хурзука мы тронулись со своими сванетами по долинѣ рѣчки того-же названія. Долина Хурзука начинается у западныхъ склоновъ Эльборуса и ничего особеннаго не представляетъ. Тропа идетъ по правому берегу быстрой рѣчки и верстахъ въ шести отъ аула поворачиваетъ къ с.-востоку на зеленныя плоскія горы Садырларъ. По верховьямъ Хурзука нѣтъ возможности добраться до Эльборуса по причинѣ множества обваловъ и отвѣсныхъ скалъ. Въ узкихъ свалистыхъ и лѣсистыхъ ущельяхъ верховьевъ Хурзука нѣтъ жизни, нѣтъ даже пастуховъ *). Въ трупобахъ этихъ скрываются иногда абреки. Мы направились черезъ зеленые холмы Садырлара. Началось скучное, утомляющее шествіе подъ палачими лучами солнца. Ни вустика, ни полѣна дровъ... Вода тоже встрѣчается рѣдко и непріятнаго вкуса отъ гвѣющихъ въ ней травъ. Къ вечеру добрались до коша. Пастухи, по обыкновенію, принимаютъ радушно: угощаютъ насъ вефиромъ, удѣляютъ намъ дровъ изъ своего скуднаго запаса. Они сочли своею обязанностью предупредить насъ—быть на сторожѣ, такъ-какъ въ послѣднее время въ Карачаѣ, по ихъ увѣреніямъ, развилось

*) Пастухи съ своими стадами бродятъ и здѣсь, хотя, можетъ быть, и не каждое лѣто.

много воровъ и разбойниковъ. Грабятъ уже и своихъ и чужихъ.

Безлѣсные зеленые холмы Садырлара начинаются у сѣверныхъ склоновъ Эльборуса и нѣсколькими грядами направляются на западъ къ Кубани. Здѣсь были еще недавно богатая альпійскія пастбища; теперь-же все оголили суслики. Табуны карачаевцевъ, по ихъ словамъ, сократились значительно, а черезъ нѣсколько времени могутъ и вовсе исчезнуть, если карачаевцы не найдутъ средствъ избавиться отъ сусликовъ. Норами этихъ звѣрковъ изрыта вся почва. Скотъ весьма неохотно ѣстъ остатки травы, извѣденной и испорченной сусликами. Полчища сусликовъ увеличиваются съ каждымъ годомъ и пробираются даже къ самымъ ледникамъ.

Нѣдра Садырлара содержатъ много свинцу. Карачаевцы знаютъ мѣста, гдѣ встрѣчается хорошая руда этого металла. У мѣстныхъ охотниковъ пули изъ добытаго на Садырларѣ свинца. Встрѣчаются минеральные кислые источники. Плоскогорье въ разныхъ направленихъ изрѣзано глубокими оврагами, на днѣ которыхъ тихо журчатъ ручьи чистой ключевой воды, а на берегахъ послѣднихъ устраиваются коши пастуховъ. Густые туманы погружаютъ во мракъ окрестности. Холодъ и сырость прохватываютъ и въ бурѣ. По пробитой тропѣ встрѣчаются горцы, возвращающіеся съ кошей мальчуганы, везущіе на ослахъ въ аулъ молоко и сыръ. Молоко везятъ въ особыхъ кадкахъ, выдолбленныхъ изъ ствола дулистого дерева.

На зеленыхъ холмахъ Садырлара мы встрѣтили карачаевца на статной кобылицѣ, за которую бѣжалъ необыкновенно красивый, дымчатой масти, жеребенокъ-кобылка. Одинъ изъ нашихъ проводниковъ, сванетъ Дзюба, до того восхитился красивыми, точно выточенными, формами кобылки, что пожелалъ пріобрѣсти ее во что-бы то ни стало. Начался торгъ. Карачаевецъ запросилъ 25 руб.,—Дзюба давалъ 12 руб. Ко-

былка была внимательно осмотрѣна. Дзюба засматривалъ и въ ротъ, и въ ноздри, проводилъ рукою по спинѣ, тянулъ за уши, съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовалъ каждую ногу. Каждое изъ этихъ дѣйствій имѣло глубокой смыслъ: недочетъ и порча зубовъ, носовая болѣзнь (сапъ), порча позвонковъ и ногъ—это изъяны, которые или умаляютъ цѣну лошади, или дѣлаютъ ее негодною вовсе. О порчѣ позвонковъ догадываются, если лошадь содрогнется при проведеніи рукою по спинѣ. Порча ногъ у горскихъ лошадей—очень частое явленіе: копыта обламываются объ острые камни; скачки по оврагамъ производятъ частые вывихи; отъ постоянной мокроты на альпійскихъ пастбищахъ подъ копытами появляются особаго вида лишай, извѣстные у русскихъ подъ именемъ «мокрешовъ». Послѣдняя болѣзнь портитъ копыто, но проходитъ сама собою съ пастушленіемъ сухого времени. Намъ встрѣчались табуны на половину хромые отъ мокрешовъ. Все изложенное необходимо знать покупщику, такъ-какъ малѣйшій изъянъ въ ногѣ значительно понижаетъ цѣну и достоинство лошади. У кобылки никакихъ изъяновъ не оказалось, что подтвердили послѣ дружнаго осмотра всѣ товарищи Дзюбы. Соплились на 17 рубляхъ. Ударили (буквально) по рукамъ. Татаринъ поймалъ кобылку и передалъ ее съ рукъ въ руки Дзюбѣ, а тотъ, потянувъ три раза за оба уха кобылку, передалъ деньги карачаевцу. Послѣдній хлестнулъ три раза плетью проданную кобылку, вскочилъ на своего коня и умчался. Покупка эта дала поводъ къ остромамъ по адресу Дзюбы со стороны его товарищей.

«Не къ твоей бородѣ эта кобыла», острилъ одинъ (у Дзюбы была весьма некрасивая борода). «Самъ не будетъ ѣздить—барыши важиветъ», говорилъ другой. «Теперь нашъ Дзюба богачъ: одна кобылка цѣлаго табуна стоитъ. Эй, Дзюба! Смотри, охоту, небось, бросишь!»—смѣялся третій. Дзюба былъ рьяный охотникъ; онъ имѣлъ только катера, теперь-

же у него будутъ и лошади, да не простыя, а такіе-же красавцы, какъ ихъ будущая мать! Такъ мечталъ въ-слухъ Дзюба. «Эй, Дзюба! отъ красивой женщины, не забудь, шайтанъ родился!»—острилъ юный Коста. Дзюба, наконецъ, вышелъ изъ себя и чуть-чуть не приколотилъ остряка.

Бъ полудню второго дня мы уже заканчивали скучное шествіе по Садырлару и думали къ вечеру перевалить къ истокамъ Малки, но послѣ обѣда разыгралась гроза, затѣмъ дождь, который черезъ минуту смѣнился градомъ, а послѣдній—снѣгомъ. Мы только-что успѣли перейти ручей Чумартъ-коль, какъ всѣ эти прелести легли на наши головы. Всѣ мы бросились внизъ по ручью въ надеждѣ напасть на кошъ. Дѣйствительно, скоро подъ грозой и градомъ, мы добрались до мѣста сліянія Чумартъ-кола съ Чурчхуромъ и здѣсь увидѣли кошъ, да ещекрытый. Пастухъ принялъ насъ весьма радушно, уступилъ даже свое мѣсто въ кошѣ, заставлепномъ бочками, котлами и полвами съ сыромъ; онъ укрылъ кошъ войлоками, чтобы уменьшить течь черезъ крышу. Вообще-же заботился о насъ, какъ мать о маленькихъ ребятахъ, такъ что намъ стало даже неловко. А гроза все разыгрывалась. Громадные зигзаги молніи ежеминутно ослѣпляли зрѣніе. Ломанья огневья линіи имѣли большей частью вертикальное направленіе и вѣзались въ десяти шагахъ отъ насъ. Мы находились въ серединѣ грозовой тучи. Оглушительными выстрѣлами со страшнымъ трескомъ молнія ударяла въ скалы. Сванеты наши говорили, что на томъ мѣстѣ, гдѣ молнія ударяетъ въ землю, получается воронкообразная впадина, стѣнки которой обливаются какимъ-то сплавомъ. Часа два мы находились подъ страхомъ горной грозы. Потомъ все это смѣнилось непроницаемымъ туманомъ и холодомъ. Термометръ показывалъ 0°. Сидѣть въ кошѣ, несмотря на любезность хозяина, не было никакой возможности отъ дыму, для котораго трубы не полагалось. Обстоятельство это вынудило насъ вы-

браться изъ коша и разбить свою палатку прямо въ грязи среди стада овецъ. Пастухъ удѣлил намъ дровъ и войлоковъ для постилки, помогая устраиваться, принесъ въ угощеніе цѣлый котелъ молока, бурдюкъ кефиру, кругъ сыру и каймакъ—сливочная пѣнка, намотанная на чистую лучинку.

Пастухъ Ахія-Огурло-Кармановъ—безобразный типъ тарина. Рябое широкое лицо, толстыя, несоразмѣрно большія губы, маленькій вздутый носъ и громадные на-выкатъ глаза—все это могло только пугать; но добродушная улыбка, открывавшая два ряда бѣлыхъ большихъ зубовъ и ласковое выраженіе глазъ приковывали всѣ наши симпатіи къ этому широкоплечему богатырю. Въ его присутствіи такъ было легко и свободно, какъ у себя.

Ночь принесла намъ надежды на хорошую погоду: небо очистилось отъ тумановъ, заблестали звѣзды; при слабомъ свѣтѣ ихъ, выдѣлился изъ окружающей тьмы силуэтъ гиганта Эльборуса: до его глетчеровъ отсюда было не болѣе 2 верстъ. Виденъ былъ только восточный пикъ, западный-же закрывался отъ насъ однимъ изъ снѣжныхъ пиковъ Садырлара. Мы, какъ оказалось, находились подъ самой снѣговой линіей, на высотѣ 11,200 фут., какъ показано на пятиверстной картѣ. Ночью здѣсь былъ морозъ: утромъ трава была покрыта бѣлымъ инеемъ; вода въ лужицахъ за ночь покрылась тонкимъ льдомъ. Термометръ въ тѣни показывалъ въ 7 час. утра только 1° тепл. Къ 8 часамъ термометръ поднялся еще на два градуса и болѣе уже не поднимался, пока мы не спустились въ ущельѣ Малки, выбравшись изъ области тумановъ. Обыкновенно туманы начинаютъ окутывать горы съ 8 час. утра; къ полудню горы открываются снова; съ 3 часовъ по полудни туманы снова ползутъ на вершины горъ и скрываютъ ихъ до наступленія ночи. Это явленіе повторяется изъ дня въ день. Но выпадаютъ очень рѣдкіе дни, когда горы и вершины открыты въ продолженіе сутокъ и болѣе. На небѣ ни облачка.

Тишина невозмутимая. Прекрасенъ тогда бываетъ закатъ въ горахъ, и еще прекраснѣе утро!

Въ такое именно утро мы успѣшили покинуть стоянку у пастуха и черезъ полчаса очутились на перевальной площадкѣ у сѣвернаго подножья Эльборуса. Теперь уже ничто не мѣшало смотрѣть на эту гору: она вся передъ нами отъ подножья до маковки. Отъ площадки прямо начинаются снѣговыя поля Минги-тау. Оба его пика, имѣя громадное общее основаніе, раздѣляются довольно глубокой сѣдловиной и каждый изъ нихъ является, какъ и съ юга, самостоятельнымъ конусомъ. Западный пикъ имѣетъ болѣе правильную форму, чѣмъ восточный, шире и выше послѣдняго. Восточный и отсюда кажется наклоненнымъ къ востоку. На снѣжныхъ поляхъ западнаго пика торчатъ мѣстами обнаженныя темныя скалы, восточный-же весь окутанъ бѣлою пелесою. Эльборусъ съ площадки кажется вполне доступнымъ. Впрочемъ, одно зрѣніе не можетъ дать точнаго представленія о доступности вершинъ. Чаше бываетъ даже обратное впечатлѣнію. Съ пунета, гдѣ мы находились, нельзя судить и о величинѣ Эльборуса: несмотря на близость разстоянія, онъ отсюда кажется небольшимъ снѣжнымъ холмомъ съ двумя рогами, тогда-какъ изъ Хурзука, напр., онъ кажется гигантомъ. Самъ по себѣ Эльборусъ ничего величественно-грознаго не представляетъ: для вида, пейзажа, картины необходима къ Эльборусу декоративная обстановка, а отсюда, съ площадки, вы видите только два конуса Минги-тау и ничего болѣе. Вотъ почему на Эльборусѣ можно любоваться только издали, въ обстановкѣ окружающихъ его горъ и вершинъ. Тѣмъ не менѣе мы испытывали наслажденіе отъ присутствія вблизи насъ гиганта Кавказскихъ горъ. Площадка, съ которой мы любовались на Эльборусѣ, составляетъ крайнюю высоту перевала къ истокамъ Малки. На ней ни травинки. Кое-гдѣ еще лежатъ сугробы не успѣвшего стаять снѣга. Вода въ углубле-

ніяхъ покрыта льдомъ. Съ востока и запада площадка примыкаетъ къ глубокимъ ущельямъ, въ которыя ползутъ Эльборусскіе глетчеры. Одни изъ нихъ питаютъ Малку, другіе — Хурзукъ. Площадка эта является водораздѣльной линіей между водами Кубани и Терека. Она составляетъ первое звѣно водораздѣльной цѣпи, которая тутъ-же раздѣляется на три гребня: правый направляется на востокъ по лѣвому берегу Малки подъ именемъ Ташъ-буруна, средней идетъ прямо на сѣверъ подъ именемъ Ташъ-сырта и лѣвый направляется нѣсколько волнистыми грядами на западъ подъ именемъ Сдырлара. Самый высокій изъ нихъ средней: онъ достигаетъ 11,380 фут. высоты и имѣетъ снѣжныя вершины съ миниатюрными глетчерами.

Къ 8 час. утра подулъ сильный холодный вѣтеръ на горы; за нимъ потянулись туманы, и скоро Эльборусъ закрылся. Мюнеческій камень Карча-ташъ защитилъ насъ отъ провизывающаго вѣтра на время завтрака, послѣ котораго мы поспѣшили спуститься по лѣвой моренѣ глетчера Малки. Туманы поднялись на вершины и открыли замѣчательную по красотѣ долину Малки. Большимъ каскадомъ стремится внизъ къ подножію Эльборуса Малка, вырываясь изъ-подъ узкаго глетчера. Глубокая долина ея окаймляется на сѣверѣ оригинальной стѣной Ташъ-буруна и на югѣ не менѣе оригинальнымъ гребнемъ Балыкъ башъ. Стѣна Ташъ-буруна увѣнчана рядомъ вершинъ самыхъ причудливыхъ формъ. Не вѣрится, чтобы все это было естественное: и эта стѣна, почти отвѣсная, прямая, скрывающая сѣверную даль, и эти многочисленные утесы на подобіе башенъ, призмъ, пирамидъ, конусовъ, падающихъ колоколенъ, и тѣ осыпи, что ползутъ отъ утесовъ къ подножію стѣны на подобіе лентъ красныхъ, зеленыхъ, синихъ, черныхъ и сѣрыхъ. Цвѣта этихъ лентъ чередуются въ указанномъ порядкѣ и повторяются все въ томъ-же порядкѣ нѣсколько разъ. Особенно красивъ одинъ утесъ,

формы многогранной призмы, до того правильный, что даже зоркіе сванеты приняли его издали за искусственную башню на развалинахъ готическаго замка.

Другой гребень, Балыкъ-башъ, начинается высоко и непосредственно отъ восточнаго пиба Минги-тау. Скалистый Балыкъ-башъ, какъ намъ казалось, могъ образоваться потокомъ лавы, выбрасывавшейся когда-то восточнымъ кратеромъ Эльборуса. Скалы его тоже разнообразныхъ причудливыхъ формъ, но не сплошныя: онѣ разбросаны утесами по гладкой зеленой поверхности гребня. Точно гигантскіе грибы, утесы выползаютъ изъ земли и, кажется, вотъ подгниютъ корни этихъ грибовъ, и покатыяся они на дно глубокой долины Малки. Намъ казалось издали, что утесы эти—гигантскихъ размѣровъ валуны, снесенные сюда глетчерами Эльборуса, но ближайшій осмотръ убѣдилъ, что зубья эти составляютъ породу Балыкъ-баша и не отдѣлены отъ нея. Порода эта (красноватый гранитъ съ бѣлыми глазками кварца) цвѣтомъ своимъ, а самый гребень формою напоминаютъ рыбій балыкъ. Отсюда, быть можетъ, и названіе этого гребня.

На вершинѣ Балыкъ-баша встрѣчаются котловины, въ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, еще не такъ давно покоились альпійскія озера. Дно этихъ котловинъ не успѣло еще зарости травою. Тутъ-же, между утесами Балыкъ-баша, встрѣчаются совершенно горизонтальныя площадки, покрытыя густою сочною травою. Въ глубинѣ долины Малки въ зеленыхъ берегахъ покоятся красивыя альпійскія озерца. Они составляютъ восхитительныя группы. Особенно красива игра лучей въ чистой, какъ хрусталь, водѣ этихъ озеръ. Издали озерца кажутся то голубыми, то зелеными, то огненно-желтыми. Впечатлѣніе это исчезло только на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей отъ озера, и мы видѣли не зеленую или голубую, а чистую безцвѣтную прозрачную воду. По долинѣ и гребню бродятъ табуны лошадей, овецъ и крупнаго рогатаго

скота. Своимъ крикомъ они оживляютъ окрестности. Все это составляетъ прекраснѣйшую декорацию для вида на Эльборусъ, который изъ глубины долины рисуется дѣйствительно грознымъ, величественнымъ царемъ живописныхъ окрестностей. Изъ дикихъ обитателей мы встрѣтили у подножья Эльборуса только лисицу и дикихъ козъ *). Птицъ не видѣли вовсе. Суслики звонятъ и здѣсь.

Къ подножью Эльборуса скатываются валуны желѣзняка, зеленоватаго и красноватаго съ молочными глазками кварца, гранита и куски молочнаго кварца. Другихъ минераловъ не встрѣчали **). Въ долинѣ Малки встрѣчаются маленькіе желѣзисто-кислые источники. Къ полудню добрались мы до коша на берегу Малки. Здѣсь пріютились мы отъ зноя подъ навѣсомъ изъ хвороста. Два молодыхъ пастуха взбивали масло въ подвѣшенной на треножникъ бочкѣ. Они имѣли весьма скучный, озабоченный видъ. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ намъ слѣдующее на просьбу нашу дать молока и сыру, за что мы обѣщались заплатить: «Мы не торговцы, и пищу продавать не можемъ, ибо свято чтимъ наши обычаи. Мы не имѣемъ возможности достойно принять здѣсь гостей: у насъ нѣтъ шатра, хлѣба, пива. Все, что мы здѣсь имѣемъ, отдаемъ въ полное распоряженіе господь, а платы не надо: Аллахъ намъ заплатить. Мы просимъ только не осудить насъ за худой приемъ». По-русски значило: «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады». Намъ оставалось только благодарить и извиниться передъ дѣтьми природы за предложеніе платы по незнанію обычаевъ ихъ. Угрюмый видъ пастуховъ заставилъ насъ предположить, что имъ не особенно по сердцу наше посѣщеніе, почему мы и поспѣшили предложить плату за пищу. Но ошиблись въ сво-

*) Вѣроятно, самокъ туровъ (*Sariga Caucasica*), дикихъ же козъ, т. е. косуль, здѣсь вовсе нѣтъ.

Н. Д.

***) Преобладающими породами здѣсь являются трахиты и лавы.

Н. Д.

емъ предположеніи. Пастухи два три тому назадъ, схоронили старики отца и находились еще подъ впечатлѣніемъ горя.

Намъ принесли войлоки, чашку сметаны, чашку сливокъ, бурдюкъ кефиру, фунта три свѣжаго масла, три большихъ круга сыру. Все предлагалось радушно, почтительно, съ серьезнымъ видомъ. Они какъ-бы священнодѣйствовали. Въ манерахъ и рѣчи ихъ сквозило сознаніе исполняемаго долга. Быть можетъ, имъ въ первый разъ пришлось примѣнить на дѣлѣ обязанности гостепримства, которымъ учили ихъ старцы. Мы предложили имъ сѣсть съ нами и раздѣлить пищу,—они отказались, сказавъ, что обычаи запрещаютъ имъ ѣсть вмѣстѣ съ гостями и обязываютъ ихъ прислуживать гостямъ во время ѣды. Они отошли къ сторонѣ и стояли, видимо, ожидая нашихъ приказаній. Стоять передъ гостемъ—значитъ оказывать ему почетъ и уваженіе, равные отцу и старцамъ. Такъ принимаютъ пастухи. Лица нашихъ свановъ просіяли при видѣ изобилія пищи. Для нихъ такое угощеніе было цѣлымъ праздникомъ, пиромъ. Много ѣсть, и еще больше пить—необходимыя условія сванетской пирушки.

Дружелюбно разставшись съ пастухами, мы перешли вбродъ Малку и начали подъемъ на Балыкъ-башъ. Пастухъ показывалъ намъ дорогу. По берегу Малки въ этомъ мѣстѣ нѣтъ пути: его преграждаютъ отвѣсныя скалы, спускающіяся съ обѣихъ сторону въ Малку. Рѣка прорѣзываетъ Балыкъ-башъ наискось и образуетъ при выходѣ изъ скалистыхъ воротъ большой живописный водопадъ. Водопадъ, этотъ лежитъ верстахъ въ 8—10 отъ истоковъ Малки. Мы видѣли его издали, со слѣдующаго за Балыкъ-башемъ уса отъ Эльборуса. Эльборусъ составляетъ горный узелъ для множества цѣпей, идущихъ отъ него въ разныя стороны на подобіе длинныхъ усовъ. Между этими цѣпами лежатъ глубокія долины, по дну которыхъ мчатся горные потоки. Сѣверныя и восточныя изъ этихъ долинъ безлѣсны и не такъ живописны, какъ осталь-

ныя лѣсистыя. Изъ безлѣсныхъ долинъ наиболѣ живописна долина истоковъ Малки. Безлѣсность долинъ объясняется высокимъ положеніемъ надъ уровнемъ моря. Лѣса прекращаются на сѣверномъ склонѣ на высотѣ 7000 фут.

Кромѣ Балыкъ-баша путь изъ долины Малки въ долину Баксана перерѣзывается довольно высокимъ Эльборусскимъ отрогомъ, который называли намъ Кыртыкъ-башъ по имени рѣки Кыртыка, берущей отъ него свое начало. Отрогъ этотъ ошибочно названъ на картѣ Балыкъ-башемъ, въ чемъ мы убѣдились изъ разспросовъ у пастуховъ. Высота отрога Кыртыкъ-башъ 12,908 фут., проходъ-же нѣсколько ниже, однакожъ за предѣлами растительности, т. е. 10,000 фут.

Мы думали въ этотъ день перевалить въ долину Кыртыка, но подъ переваломъ насъ окуталъ такой густой туманъ, что мы не разъ сбивались съ пути и блуждали по плоскогорью. Къ довершенію всѣхъ благъ полилъ дождь, которому конца не предвидѣлось. Чутье свановъ привело насъ на кошъ, и мы рѣшились переждать здѣсь непогоду. Пастухъ, по обыкновенію, принялъ насъ весьма любезно. Кошъ былъ не крытый, и намъ пришлось разбить свою палатку подъ дождемъ прямо въ водѣ. Здѣсь мы снова встрѣтились съ «новаками» Карачая. Карачаевскіе кулаки, какъ уже сказано было, живутъ аристократами, бѣлоручками. Свои табуны они нанимаютъ пасти бѣдбыхъ карачаевцевъ, а сами только развѣзжаютъ по кошамъ для наблюденія и развлеченія. Поднявшись на плоскогорье между Валыкъ-башемъ и Кыртыкъ-башемъ, мы стѣхались съ цѣлой кавальядой (до 10 человекъ) карачаевской аристократіи. Они засыпали насъ грубо вопросами по-русски: кто? куда? зачѣмъ? что надо? и т. д. Мы сразу почували, съ кѣмъ имѣемъ дѣло и не отвѣчали. Не дождавшись отъ насъ отвѣтовъ, аристократы пришпорили лошадей и вихремъ понеслись по горамъ, видимо, желая хвастнуть передъ нами удалью наѣздниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ снова подѣ-

бѣжали къ намъ, навязывали купить у нихъ лошадей, засыпали опять насъ вопросами, но мы молчали, а сванеты тоже отдѣлывались отъ нихъ незнаніемъ. Съ видимымъ неудовольствіемъ они оставили, наконецъ, насъ въ покоѣ.

Пастухи никогда не спрашиваютъ васъ: кто вы? куда? зачѣмъ? Они молча, какъ-бы по священной обязанности, предлагаютъ вамъ гостепрѣимство и считаютъ обязанностью еще извиниться за скудость того, что могутъ предложить. Вы прѣзжаете на кошъ, привѣтствуете пастуха обыкновеннымъ: «алла-согласъ» и располагаетесь, какъ у себя дома. Вамъ молча подають молоко или сыръ, вѣжливо спрашиваютъ, не нужно-ли еще чего. Удовлетворивъ требованія гостя, пастухъ почтительно отходитъ отъ него и продолжаетъ свою работу, если только онъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь или-же, стоя невдалекѣ въ почтительной позѣ, молча наблюдаетъ за гостемъ. Рѣчь ихъ всегда звучитъ тихо, мягко, радушно. Не таковы кулаки аристократы: они грубы, смотрятъ на васъ свысока, презрительно улыбаются. Двое изъ вышеупомянутой кавалькады рыжебородыхъ нашли насъ на кошѣ и безъ всякой церемоніи забрались къ намъ въ палатку, занявъ въ ней лучшія мѣста передъ востромъ. Безцеремонность эта возмутила не голько насъ, но и пастуха, около котораго мы пріютились: онъ шепнулъ намъ, что съ этими негодьями церемониться нечего; пусть господа выгонять ихъ изъ палатки,—у нихъ есть собственный крытый кошъ неподалеку отсюда. Начать ссору намъ не хотѣлось: Богъ знаетъ, чѣмъ она могла окончиться, но и терпѣть нахальство рыжебородыхъ тоже было не желательно. Намъ необходимо было разложить свои вещи въ палаткѣ, приготовить для себя мѣста и уложить въ ней нашихъ сванетъ, которые были весьма легко одѣты и ежились отъ холода. Мы вѣжливо попросили рыжебородыхъ отодвинуться къ краю палатки, но они, обвинувъ насъ презрительнымъ взглядомъ, проворчали что-то недоброжелательное для насъ и не тронулись съ мѣста. Пришлось

повориться и терпѣть. Пригласили пріютившаго насъ пастуха ужинать, но тотъ очень любезно отказался, ссылаясь на то, что законъ и обычай запрещаютъ магометанамъ ѣсть мясо, зарѣзанное христіаниномъ. Пришлось пожалѣть о томъ, что не предоставили самому пастуху зарѣзать барана, какъ это дѣлалось раньше. Рыжебородые видѣли, какъ рѣзалъ барана сванеть, слышали отказъ пастуха, и тѣмъ не менѣе присоединились къ нашей трапезѣ безъ всякаго приглашенія съ нашей стороны. Они чуть-ли не изъ рукъ вырывали у нашихъ сванеть лучшіе куски мяса и ѣли такъ, какъ будто никогда еще не ѣли баранины. Послѣ ужина мы, по обыкновенію, напились чаю сами и предоставили въ распоряженіе свановъ остальной чай. Рыжебородые не замедлили и тутъ присоединиться къ нашимъ сванамъ, и тѣ вынуждены были напоить ихъ чаемъ. Когда мы собрались спать, то оказалось, что намъ нѣтъ мѣста въ нашей собственной палаткѣ: пока мы сушились и отогрѣвались у костра, рыжебородые успѣли уже расположиться въ ней и захрапѣть. Приказали проводникамъ приготовить мѣста въ палаткѣ. Тѣ растолкали рыжебородыхъ и просили ихъ отодвинуться. У одного изъ нихъ шевельнулась совѣсть: онъ скоро убрался на свой кошъ, приглашая и другого, но тотъ отвѣтилъ, что ему и здѣсь хорошо и, сдвинутый сванами въ уголъ палатки, храпѣлъ сномъ праведника. Пришлось разыгрывать роль гостепріимныхъ хозяевъ и терпѣть нахальство рыжебородыхъ до конца.

Ночь эта была одна изъ самыхъ непріятныхъ за все время путешествія. Утро не принесло намъ надеждъ на хорошую погоду, но изъ долины Кыртыка пріѣхали баксанцы и сообщили, что тамъ дождя не было и теперь тамъ хорошая солнечная погода. Мы поторопились на переваль, но кобылка Дзюбы на цѣлыхъ три часа задержала наше выступленіе. Ловили ее всѣ, но она ни за что не хотѣла разстаться съ родными лугами и вихремъ летала по оврагамъ и косогорамъ.

Рыжебородый придрался къ случаю содрать еще съ насъ въ благодарность за гостепріимство и предложилъ свои услуги поймать кобылку на арканъ за 3 рубля. Узнавъ, что кобылка не наша, онъ понизилъ цѣну до 1 рубля. Дзюба согласился. Долго кобылка не давалась и на арканъ. Нашъ Коста—сванеть—бѣгалъ за нею наравнѣ со скакуномъ карачаевца, перерѣзывалъ ей путь по косогорамъ, хваталъ ее съ разбѣгу за хвостъ, но она вырывалась. Всѣ и особенно карачаевцы дивились ловкому, неумолимому, быстрому бѣгу свана. Это было нѣчто необыкновенное. Такъ можетъ бѣгать только сванеть. Сванеть рѣдко садится на лошадь, да ихъ и очень мало въ Сванетіи. Большіе переходы по ледникамъ и скаламъ сваны всегда дѣлаютъ пѣшкомъ. Обстоятельства эти вырабатываютъ изъ сванетей необыкновенно выносливыхъ скороходовъ. Наконецъ, Коста, поддравшись, схватилъ кобылку за хвостъ, а въ это время рыжебородый навинулъ арканъ. Надъ рыжебородымъ всѣ смѣялись: поймалъ, молъ, кобылку на арканъ, когда другой держалъ ее за хвостъ. Рыжебородый озлился и хотѣлъ пустить снова кобылку, но Дзюба успѣшилъ дать ему рубль и получилъ свою животину. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе подробности, находимъ нужнымъ привести здѣсь съ тою цѣлью, чтобы возможно полнѣе фактами очертить фізіономіи «новаковъ» и пастуховъ.

Скоро караванъ нашъ тронулся на переваль черезъ Кыртыкъ-бапъ. Дождь моросилъ безпрестанно; лошади и люди скользили по грязи, спотыкались и падали. Туманъ былъ такъ густъ, что въ пяти шагахъ не видно было человѣка.

Спустившись въ долину Кыртыка, мы, дѣйствительно, увидѣли сіяющее солнце. Въ глубинѣ долины показался лѣсъ; насъ тянуло туда. Въ лѣсу мы и думали остановиться, запастись всѣмъ необходимымъ па копахъ, которыхъ въ долинѣ было не мало. Но, оказалось, у нашего проводника—свана Химурзы были на Баксанѣ родственники изъ магометанъ, дво-

городные братья; они имѣли свой кошъ въ лѣсу; туда-то насъ и потащилъ Хамурза въ надеждѣ, что родственники обрадуются его посѣщенію и угостятъ его съ товарищами на славу.

Какимъ чудомъ у христіанъ-сванетъ оказываются родственники мусульмане,—это насъ весьма занимало. Отъ Хамурзы мы могли добиться только одного: его тетка по матери почему-то вышла замужъ за татарина урусбѣевскаго общества и сама отатарилась. Какъ потомъ оказалось, это не былъ единственный случай: татары частенько воруютъ женъ и дѣвицъ (конечно, не безъ согласія послѣднихъ) у свановъ и женятся на нихъ, если они принимаютъ магометанство; если-же похищенные захотятъ остаться христіанами, то ихъ обращаютъ въ наложницъ.

За одного изъ князей Урусбѣевыхъ выдана была княжна изъ рода сванетскихъ князей Дадешкиліанъ. Мужъ этой несчастной княгини принялъ было до брака христіанство, но послѣ брака опять отатарился, не имѣя силъ бороться съ презрѣніемъ въ нему со стороны родственниковъ. Въ мусульманской-же религіи воспитаны и всѣ его дѣти. За княгиней пошли въ приданое нѣсколько крѣпостныхъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ они умерли мусульманами. Одинъ, впрочемъ, живъ еще; онъ забылъ уже и рѣчь сванетскую, а себя считаетъ мусульманиномъ.

Такъ или иначе, а у нашего Хамурзы оказались родственники татары и, къ сожалѣнію, изъ партіи вулаковъ. Двородный братъ Хамурзы очень и очень любезно принялъ насъ всѣхъ, а за молоко и сыръ запросилъ невѣроятно дорого. «Не думайте, что мнѣ все это даромъ достается: я тружусь, работаю. Угощать не намѣренъ!». Онъ потребовалъ даже деньги впередъ за молоко, боясь, что мы его обманемъ. Потребовалъ плату и за ночлегъ въ его кошѣ.

Долина Кыртыка одна изъ довольно живописныхъ долинъ сѣвернаго склона. Мѣстами она суживается до того, что на

разстояніи версты и болѣе вы идете узкими воротами, прижимаясь къ отвѣснымъ стѣнамъ скалъ. У истоковъ Кыртыка долина довольно широка. Здѣсь она образуетъ обширное зеленое нагорье, окаймленное высокими вряжами. На западномъ краѣ видна цѣпь утесистыхъ островочныхъ снѣжныхъ вершинъ, а на восточномъ такая-же цѣпь желтыхъ причудливыхъ формъ утесовъ и пещеръ. Пещеры встрѣчаются на лѣвомъ берегу и по всему протяженію долины. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно обширны, расширяясь, по всѣмъ вѣроятіямъ, искусственно, и, несомнѣнно, въ древности служили надежнымъ убѣжищемъ для разоренныхъ обитателей долинъ во времена нашествія съ востока. Въ пещерахъ этихъ горцы находили кости человѣка, остатки одеждъ и мѣдныхъ украшеній.

Туманы скрывали отъ насъ оконечность Эльборусской цѣпи, которая вмѣстѣ съ Эльборусомъ заключаетъ красивый пейзажъ долины Кыртыка. Въ глубинѣ долины растутъ могучіе хвойные лѣса, замѣтно порѣдѣвшіе въ послѣднее время. Массы деревьевъ срублены безъ всякой пользы: громадныя ели и сосны, сваленныя безжалостною рукою человѣка, заграждаютъ путь на каждомъ шагу. Намъ говорили, что баксанцы нарочно, со злости, повалили эти лѣса, когда прослышали, что они скоро должны отойти въ казну. Они пытались уже и поджигать эти лѣса, но неудачно.

Долина Кыртыка имѣетъ южное направленіе и подъ прямымъ угломъ входитъ въ долину Баксана. Съ противоположной стороны въ долину Баксана отъ Главнаго гребня входитъ долина Адырь-су. Долина Адырь-су весьма живописна: она открываетъ одинъ изъ лучшихъ видовъ на Главный гребень и его глетчеры. Темные хвойные лѣса тянутся по этой долинѣ до самыхъ глетчеровъ.

При сліяніи Кыртыка и Адырь-су съ Баксаномъ лежитъ аулъ Урусбиевъ. Мѣсто для аула избрано самое выгодное и чрезвычайно живописное. Здѣсь сходятся четыре пути: два

изъ Сванетіи—черезъ Донгузь-орунъ, черезъ Гвалду (по Адылу), изъ Карачая по Кыртыку и на сѣверо-востокъ, на плоскость— по долинѣ Баксана *). Долина Баксана открываетъ прекрасный видъ къ Донгузь-оруну. Изъ-за могучихъ корабельныхъ лѣсовъ глядятъ громадныя снѣжныя пики Главнаго гребня. Пики эти отсюда кажутся громадными особенно потому, что главная цѣпь обрывается въ долину Баксана сплошною, мѣстами почти отвѣсною, стѣнною, а самая долина весьма глубока: Урусбіевъ аулъ лежитъ на высотѣ только 5136 фут. Большинство-же второстепенныхъ пиковъ этой части гребня, какъ напр., Ужба, Донгузь-орунъ, Гвалда и т. д. достигаютъ высоты въ 3 раза большей. Боковыя долины отъ Главнаго гребня: Адыр-су, долина Адыла и верховьевъ Баксана,—открываютъ наблюдателю цѣлое море глетчеровъ и снѣговыхъ полей. Всѣ виды изъ долины Баксана чрезвычайно живописны, но грозно-суровы, не привѣтливы.

Въ Урусбіевскомъ аулѣ насъ встрѣтилъ аульный писарь изъ русскихъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы насъ отвели на общественную квартиру, по мѣстному «кунацкую». Квартира оказалась неособенно удобною: мрачная маленькая сакля безъ оконъ и съ большимъ очагомъ, труба котораго замѣняла окно и служила прекраснымъ вентиляторомъ. Грязи и пыли въ саклѣ было болѣе, чѣмъ достаточно. Половину сакли занимала неуклюжая кровать, на которую, вмѣсто досокъ, положены были кривыя бревна. «Лѣсу-то у насъ много, а вотъ обработать, распилить хотя-бы его на доски, не кому и не чѣмъ», объяснялъ намъ писарь. Кунацкая сакля служила и залой для сельскаго суда. Писарь сообщилъ намъ, что Измаила Урусбіева, о которомъ мы слышали много очень хорошаго и съ которымъ очень желали познакомиться, не было

*) Въ Сванетію есть еще дорога черезъ перевалъ Юсенги, а въ Карачай черезъ Джиперъ.

дома. У князя Измаила, какъ намъ говорили, есть прекрасная коллекція древностей, собранныхъ имъ на горскихъ земляхъ. Онъ большой знатокъ прошлаго и настоящаго горцевъ, прекрасный ходокъ по горамъ и знаетъ природу, какъ собственный домъ. Князь славится радушнымъ гостепріимствомъ и патриархальной простотою. Дома у князя оставались однѣ женщины. Двѣ дочери его оказали намъ радушное гостепріимство. Старшина былъ тоже въ отсутствіи, а помощникъ его и здѣсь оказался изъ партіи «новаковъ» Карачал. Онъ всѣми силами старался поссорѣ выжить насъ изъ аула.

Въ Урусбѣевѣ мы познакомились и съ княгиней христіанкой, о которой упоминали уже раньше. Больная чахоточная женщина въ самомъ несчастномъ положеніи, какое только можно представить. Она, какъ христіанка, вынуждена переносить презрѣніе мужа, собственныхъ мусульманъ-дѣтей и дѣлаго общества. Ей не даютъ спокойно помолиться Богу: стучать въ окна во время молитвы, севернословяты, ругаются надъ иконами, надъ ея религіей. Одинъ изъ князей картджуртскихъ похитилъ у нея старшую дочь, и она повѣнчалась съ нимъ по мусульманскому закону. Другую тоже собирается похитить одинъ изъ чегемскихъ князей. Горе загнало ее въ чахотку и изъ красавицы сдѣлало какую-то замогильную тѣнь женщины. Бѣдная женщина хотѣла отвести съ нами свою наболѣвшую душу, вылить свое горе, но объясняться приходилось черезъ переводчиковъ, что было не особенно удобно. Она просила у насъ лѣкарствъ, просила помочь чѣмъ-либо ей, облегчить ея страданія. Въ нашей дорожной аптечкѣ нашлись кое-какія капли отъ кашля. Когда послѣ принятія ихъ ей стало легче, кашель утихъ немного, то она умоляла насъ остаться хотя-бы дней на десять въ Урусбѣевѣ, наивно думая, что мы можемъ ее вылѣчить, и она за это время можетъ выздороветь окончательно. Жаль было эту мученицу, такъ радушно принявшую насъ, смотрѣвшую на насъ, какъ на близ-

кихъ ей по духу, по вѣрѣ, какъ на вѣстниковъ съ ея родины. Но что было дѣлать—наша помощь больной ничего не значила-бы въ этомъ случаѣ: она была уже почти на смертномъ одрѣ.

Вѣсть о томъ, что княгинѣ стало легче отъ нашихъ капель, быстро облетѣла весь аулъ, и вотъ потянулись къ нашей саклѣ больные аула, прося облегченія въ ихъ страданіяхъ. Тутъ были и хромые, и больные глазами, съ перебитыми и отмороженными руками и ногами, съ язвами, опухолями. Но слабыхъ грудью и лихорадочныхъ не было ни единого. Въ толпѣ больныхъ были и женщины, и дѣти. Мы заявили черезъ писаря, что лѣчить не умѣемъ, что мы вовсе не доктора. Намъ отвѣчили: «вы народъ ученый, а этого достаточно, чтобы умѣть лѣчить». Толпа упрекнула насъ въ томъ, что мы помогли княгинѣ изъ особенной пріязни, а для нихъ, людей бѣдныхъ, жаль намъ лѣкарства. Волей-неволей пришлось разыграть роль врачей и раздать лѣкарства съ свѣтами. Толпа разошлась очень довольною.

Въ подарокъ за лѣченіе княгиня и нѣкоторые изъ пациентовъ прислали намъ по хлѣбу, который здѣсь цѣнится чуть-ли не на вѣсь золота и составляетъ лакомство не только для бѣдныхъ, но и для зажиточныхъ.

Урусбиевцы одолѣли насъ какимъ-то цыганскимъ попрошайничествомъ. Чуть-ли не цѣлый аулъ явился съ просьбой: «давай табакъ». Просили сахару, чаю, просили подарить ружье, револьверъ, ножъ, бутылку и т. д. Любопытство, свойственное особенно горцамъ, можно еще имъ простить, но попрошайничество, это большой порокъ, замѣченный нами только въ Урусбіѣ.

Народности, населяющей Урусбію мы не воснемя, такъ какъ пришлось-бы повторить все то, что сказано уже о карачаевцахъ. Урусбиево населено карачаевцами, выпедшими сюда не такъ давно изъ долины Кубани. Князья Урусбиевы утвердились здѣсь сравнительно тоже недавно. Вотъ что объ

этомъ говорится въ очеркахъ Ковалевскаго и Иванюкова (см. «Вѣстникъ Европы» 1886 г., кн. 1-я и 2-я—«У подошвы Эльборуса»):

«Выходцы изъ Безинги (общество горцевъ въ долиниѣ Урвана), родоначальники князей этого племени (Урусбиевыхъ), поселились прежде всего на Кумыкѣ, задолго предъ этимъ оставленномъ карачаевцами и въ то время пустопорожнемъ, а затѣмъ перешли въ Баксанскую долину. Съ Урусбиевыми прибыли сюда и двѣ семьи каракшей или подчиненныхъ имъ вассаловъ, а также незначительное число крестьянъ (чагаръ) и рабовъ (касаковъ). Позднѣйшіе поселенцы должны были просить земли у Урусбиевыхъ, которые, впрочемъ, надѣляли ихъ съ большой щедростью, дорожа пріобрѣтеніемъ рабочихъ рукъ. Тѣмъ не менѣе до временъ Мурзакула, отца теперешняго главы рода, населеніе аула было такъ малочисленно, что составляло всего на всего двадцать дворовъ, и съ этой-то горстью храбрецовъ пришлось Урусбиевымъ отстаивать свою независимость отъ сосѣдей; они то попадали подъ главенство Кабарды и платили дань ея князьямъ, то обращали эту зависимость въ пустой звукъ, въ неотвѣчающую содержанію форму».

Въ настоящее время аулъ еще не великъ—въ немъ насчитывается до 300 дворовъ и до 2¹/₂ тысячъ душъ. Удобныхъ для хлѣбопашества и сѣнокосныхъ земель насчитывается болѣе 200 десятинъ. Прочія земли не приведены еще въ извѣстность. Десятина пахатной земли оцѣнивается въ 1000 р. десятина сѣнокосной 50 руб. Пахатная земля находится въ частномъ подворномъ владѣніи съ правомъ продажи и перепродажи ея только въ руки односельцамъ или вступившимъ въ общество по рѣшенію схода. Большинство пастбищъ принадлежитъ князьямъ. Имъ-же принадлежитъ и болѣшая часть пахатной земли, сѣнокосовъ. Пахатныя земли и сѣнокосы арендуются у князей исполу. За аренду пастбищъ платятъ со 100 барановъ одного. При расчетахъ платы съ крупнаго

рогатаго скота два барана считаются за одну штуку рогатаго скота. Крупнаго рогатаго скота насчитываютъ въ аулѣ болѣе 5000 штукъ, мелкаго болѣе 50,000 штукъ, лошадей не болѣе 2 тысячъ. Лошадь на мѣстѣ стоитъ отъ 30 до 50 руб.; наилучшія отъ 100 до 200 руб. Крупный рогатый скотъ отъ 10 до 20 руб., мелкій—отъ 2 до 5 руб. Ягнята отъ 75 к. до 1 руб. 20 коп. Подати распредѣляются сельскимъ сходомъ, при чемъ принимается въ расчетъ число взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ и состоятельность послѣдней. Молодые люди до 25 лѣтъ и старики, къ труду неспособные, въ расчетъ не входятъ. Право голоса на сельскихъ сходахъ мужчина получаетъ по достиженіи 25 лѣтъ и старцы до 90 лѣтъ. Старцамъ и здѣсь, какъ въ Карачаѣ, предоставлено нравственное руководство обществомъ.

Податей казенныхъ сходить отъ 1 до 5 руб. на дворъ, земскихъ сборовъ—1 р.—1 р. 50 к. Въ другихъ аулахъ почти тоже самое. Урусбиевцы, по сравненію съ карачаевцами истоковъ Кубани, выглядятъ бѣдняками. Общественная казна почти пуста. Ауль грязенъ, сакли слишкомъ ужъ убогія. Сельское управленіе помѣщается въ частномъ зданіи одного изъ мѣстныхъ кулаковъ-богачей. Это единственное зданіе, выстроенное на русскій манеръ, если не считать кунацкой и дома князя Измаила. Да и домъ князя выстроенъ скорѣе для случайныхъ гостей, чѣмъ для жилья: семейство его предпочитаетъ жить по-старому, въ темныхъ и душныхъ сакляхъ. Общественная квартира или «кунацкая» тоже нанимается. Общество не имѣетъ достаточно средствъ на удовлетвореніе нуждъ первой необходимости. Дороги крайне запущены. По долині Баксана существовала когда-то порядочная колесная дорога; теперь она становится часто невозможной и для пѣшехода.

Въ Урусбиевскомъ аулѣ мы разсчитали своихъ славныхъ проводниковъ-свановъ и простились съ ними. Жаль было разставаться съ этимъ добрымъ народомъ, жаль было и имъ по-

явнѣе насъ, — такъ мы привыкли почти за три недѣли пути другъ къ другу. Сваны говорили, что съ удовольствіемъ пошли-бы съ нами и дальше, но горячая рабочая пора призывала ихъ на родину. Сѣнокосная пора для нихъ дороже денегъ. Въ благодарность за вѣрную службу мы заплатили имъ сверхъ положеннаго по уговору и одарили кого чѣмъ могли.

Разстались мы большими друзьями, сохранивъ въ памяти много пріятныхъ воспоминаній о Сванетіи и сванахъ вообще и о нашихъ проводникахъ особенно. Довѣріе къ послѣднимъ съ нашей стороны было безгранично: съ ними мы могли итти хоть на край свѣта, не боясь никакихъ преградъ и презирая опасности. Въ лѣсахъ, тущобахъ, на ледникахъ, въ грозу, холодъ, бурю — сваны одинаково невозмутимы, одинаково веселы, безпечны, въ опасностяхъ и нуждѣ находчивы, въ трудахъ выносливы, въ обращеніи почтительны, безгранично преданы. Оцѣнили мы особенно достоинство свановъ, когда узнали вконецъ карачаевцевъ и особенно слѣдующихъ нашихъ проводниковъ-татаръ. Сваны сдѣлали съ нами около 300 верстъ отчаяннаго пути, часто задыхались въ невообразимо трудныхъ переходахъ подъ тяжелою ношею нашего богажа, дрожали отъ холода, — но не единого упрека намъ, не кланчили прибавки въ платѣ, не роптали на свое положеніе, какъ это дѣлали потомъ проводники татары. Послѣдніе требовали лошадей и подъ себя, хотя шли за вѣкомъ на-легкѣ и по относительно легкимъ путямъ. Намъ не разъ приходилось потомъ чередоваться съ проводниками-татарами въ ѣздѣ на лошади, иначе они отказывались итти дальше, жалуясь на усталость, на непривычку ходить пѣшкомъ. Послѣднее считается большимъ неприличіемъ у татаръ и особенно для князей и дворянъ. Со сванами ничего подобнаго не бывало. Въ опасностяхъ намъ-же приходилось ободрять проводниковъ-татаръ и чуть-ли не насильно тащить ихъ далѣе. Между тѣмъ достаточно было взглянуть въ спокойное улыбающееся лицо свана,

чтобы хладнокровно взглянуть въ лицо опасности. Сванеть—одушевленная скала, горець-татаринъ—хрупкая тросточка въ сравненіи съ нимъ. Сванеты развлекали насъ во время пути пѣснями, шутками между собою, — татары-проводники допекали насъ жалобами, протестами, грубостью и нахальствомъ. Не хотимъ сказать этимъ, что всѣ татары таковы: конечно, есть и между ними герои и хорошіе люди, но они на пастбищахъ, въ трудѣ, заняты домашними дѣлами, намъ-же въ проводники попадались праздные лѣнтяи, составляющіе добрую половину населенія горскихъ татаръ. Приходилось по-неволѣ довольствоваться тѣмъ, что съ трудомъ могли отыскать даже за тройную противъ сванеть плату. Въ числѣ нашихъ докучныхъ посѣтителей былъ нѣкто Омаръ, кое-какъ говорившій по-русски. Онъ оказался человѣкомъ бывалымъ: былъ и въ Питерѣ и за границей—служилъ лакеемъ у одного изъ князей Урусбиевыхъ. Этотъ-то бывалый человѣкъ и выразилъ желаніе служить и сопутствовать намъ. Въ числѣ посѣтителей нашихъ оказался и одинъ изъ знаменитыхъ карачаевскихъ охотниковъ—нѣкто Ахія. Онъ уже не разъ служилъ проводникомъ у путешественниковъ, взбирался и на Эльборусъ съ англичанами. Мы старались залучить и его, но у него оказались важныя домашнія дѣла, почему онъ и отказался сопутствовать намъ. Онъ предложилъ намъ въ проводники своего старшаго брата. Ахія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе своей мощной фигурой, дѣловою серьезностью и почтительнымъ обращеніемъ. Онъ не разъ усовѣщевалъ толпу попрошайекъ и прогонялъ ихъ, когда они очень надоѣдали. Ахія былъ охотникъ, а этого достаточно, чтобы причислить его къ лучшимъ людямъ Карачая. Онъ видѣлъ, напр., что мы очень нуждаемся въ хлѣбѣ, и прислалъ намъ его на дорогу, на отрѣзъ отказавшись отъ платы. Братъ его оказался угрюмымъ, молчаливымъ, плечистымъ старикомъ за 50 лѣтъ. Онъ ни слова не говорилъ по-русски. Для вещей наняли вьючную лошадь по 2 руб. въ сутки. Двѣ

верховья лошади пошли за ту-же цѣну. Омаръ пошелъ съ платою 1 руб. 50 коп. суточныхъ, старикъ согласился за 1 рубль.

Изъ Урусбіева мы сдѣлали экскурсію въ альпійскому озеру Сыльтранъ-кѣль, о живописности котораго намъ много наговорили. Озеро лежитъ верстахъ въ 10—12 къ с.-западу отъ аула. Дожди и туманы заставляли было отказаться отъ поѣздки, но Ахія предсказалъ къ обѣду погоду, и мы рѣшились отправиться.

Путь изъ аула идетъ по правому берегу ручья Сыльтранъ, который прорѣзываетъ аулъ и на его окраинѣ сливается съ Кыртыкомъ. Ручей этотъ получаетъ начало изъ озера того-же имени. Въ 1881 году Сальтранъ надѣлалъ много бѣдъ въ Урусбіевѣ. Въ одну ночь озеро напоромъ воды прорвало свои берега, и вода стѣною хлынула въ аулъ, сокрушая все на своемъ пути. Болѣе десятка домовъ спесено было до основанія, погибло много скота, запасовъ всякаго рода. Въ волнахъ разъярившагося ручейка утонуло нѣсколько карачаевцевъ, неуспѣвшихъ выскочить изъ домовъ.

Тропа по скаламъ ведетъ только на разстояніи 5 верствъ отъ аула и теряется въ небольшомъ зеленомъ нагорьѣ, по которому пасется аульный скотъ, оставляемый дома для хозяйственныхъ нуждъ. За нагорьемъ возвышается скалистый кряжъ, составляющій оконечность одного изъ Эльборусскихъ отроговъ. Кряжъ этотъ спускается въ долину Кыртыка нѣсколькими красивыми уступами. Онъ прорѣзывается Сыльтраномъ въ поперечномъ направленіи. Прорѣзъ этотъ образуетъ чрезвычайчо узкое и дикое ущелье, загроможденное острово-нечными валунами. Уступы кряжа образуютъ въ ущельѣ Сыльтрана трое скалистыхъ естественныхъ воротъ. За каждымъ воротами небольшая площадка, а за нею снова отвѣсныя скалы. У озера были немногіе и изъ урусбіевцевъ, а путешествен-

ниги, по словамъ Омара, не заглядывали туда и вовсе *). Причиною этому дѣйствительно невозможный путь, или, лучше сказать, отсутствіе какого-бы то ни было пути. Приходилось кошкой карабкаться на скалы, срываться съ уступовъ, прыгать съ валуна на валунъ. Руки и лица наши были въ крови отъ царапинъ и ушибовъ, но мы уже побѣдили много опасныхъ препятствій, и обидно было-бы возвратиться, не достигнувъ цѣли. Сопровождалъ насъ только братъ Ахив. Онъ ободрялъ насъ своимъ спокойствіемъ, хотя самъ шель къ озеру тоже только въ первый разъ. Вотъ, наконецъ, добрались мы и до послѣднихъ воротъ, и, дѣйствительно, увидѣли чудную панораму альпійскаго озера. Озеро лежитъ на послѣдней террасѣ, западная сторона которой окаймляется снѣговымъ крижемъ съ коническими пиками и глетчерами, которые сползаютъ прямо въ озеро. Озеро не велико,—не болѣе квадратной версты. Форма его близка къ эллиптической, съ выемкой на большой восточной дугѣ. Вода въ немъ отливаешь голубовато-зеленымъ цвѣтомъ. Поверхность воды спокойна: ее не рябитъ здѣсь и сильный пронизывающій вѣтеръ, который проносится надъ вершинами и утесами, не достигая поверхности озера. Глубина озера, по всей вѣроятности, не маленькая: несмотря на хрустальную прозрачность воды, дна не видно уже на разстояніи сажени отъ берега. До прорыва 1881 года оно замѣтно было глубже, по крайней мѣрѣ, аршина на 2—3. Озеро это лежитъ подъ снѣговою линіей, на высотѣ не менѣе 10,000 фут. Растительности вокругъ него никакой: она прекращается уже передъ послѣдними воротами. Съ западной стороны въ озеро падаютъ осовы снѣга съ коническаго пика Кель-башъ. Въ озеро проникаютъ только косые лучи заходящаго солнца. Глетчеры и снѣговья поля, обращенные

*) Это озеро въ 1872 году посѣтили Грове, Гординеръ, Муръ и Уокеръ.
Н. Д.

въ озеру, почти весь день находятся въ тѣни и не таютъ. Ни на одномъ глетчерѣ мы не замѣтили и малѣйшей борозды, которую обыкновенно промываютъ во льду ручьи. Температура воды въ озерѣ въ 4 часа пополудни была 4° R.

Охотники, посѣщавшіе озеро ранней весною, рассказывали, что видѣли на озерѣ громадныя плавающія ледяныя глыбы причудливыхъ формъ. Мы ихъ уже не застали.

Восточные берега озера низки и стѣною обрываются въ ущельѣ Сыльтрана. Здѣсь возвышается футовъ на двадцать надъ озеромъ скалистый утесъ съ оголенной, какъ-бы срѣзанной, вершиной. Съ вершины утеса открывается прекраснѣйшій видъ въ долину Кыртыка и Бавсана, на Главный хребетъ и на Эльборусскій кряжъ. Эльборусъ былъ въ туманѣ, но онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ быть видимъ отсюда. Съ вершины же утеса наблюдатель видитъ и все озеро, и окружающіе его съ трехъ сторонъ глетчеры, и свѣжныя пики, тѣни отъ которыхъ купаются въ хрустальной водѣ озера. Юго-западные глетчеры сползаютъ прямо въ озеро и тоже купаются въ немъ; западные-же нависли надъ гранитными скалами и грозятъ рухнуть въ озеро. На восточныхъ берегахъ озера масса помету туровъ, медвѣдей и индѣекъ. Горныя индѣйки (джумарики) гнѣздятся тутъ-же въ окрестныхъ скалахъ. Передъ нашимъ приходомъ пастухъ спугнулъ большое стадо туровъ съ зеленаго нагорья, куда они на зарѣ спускаются пастись.

Было уже около 5 часовъ вечера. Солнце то показывалось, то пряталось въ туманахъ, которые ползли цѣлыми волоннами въ ворота озера изъ глубины долины Кыртыка. Временами моросилъ мелкій дождь. Въ долинѣ передъ нами показалась радуга въ видѣ совершенно правильнаго кольца—явленіе очень рѣдкое въ природѣ. Кольцо рисовалось въ туманѣ, который медленно подымался въ намъ изъ глубины долины. Величина кольца около 10 сажень въ діаметрѣ. Внутри

кольца отчетливыми силуэтами рисовались наши фигуры такъ, что ноги стояли на нижней его дугѣ, а голова яемного не упиралась въ верхнюю дугу. Кольцо и наши силуэты были въ вертикальномъ положеніи и очень близко отъ насъ. Солнечный спектръ поражалъ насъ своею яркостью и отчетливостью цвѣтовъ. Явленіе это продолжалось около 5 минутъ и исчезло вмѣстѣ съ заходомъ солнца за вершины. Передъ заходомъ солнца термометръ показывалъ 12° R, но лишь только солнце спряталось за вершины, онъ быстро упалъ до 5° и продолжалъ медленно опускаться до 3° . Подулъ сильный холодный вѣтеръ отъ снѣговыхъ полей и въ пѣсколько минутъ разогналъ туманы. Небо и вершины очистились. На коническихъ пикахъ догорали яркимъ заревомъ послѣдніе лучи заходящаго солнца. Долины погружались во мракъ. Спустились мы по другому с.-восточному истоку Сыльтрана. Истокъ этотъ заваленъ массою остроконечныхъ валуновъ, упавшихъ съ утеса, на которомъ мы стояли. Напоръ воды въ 1881 году, по всей вѣроятности, прорвалъ утесистый берегъ именно въ этомъ мѣстѣ. Причиною наводненія, быть можетъ, послужилъ большой свѣжный или ледяной обвалъ, свалившійся въ озеро съ окружающихъ его пиковъ и глетчеровъ.

Озеро Сыльтранъ-кѣль не показано на пятиверстной картѣ. Ручей Сыльтранъ обозначенъ тоже не вѣрно: онъ впадаетъ въ Кыртыкъ не передъ ауломъ, какъ показано на картѣ, а въ самомъ аулѣ и въ полуверстѣ отъ аула образуетъ водопадъ.

Въ аулѣ мы вернулись уже при лунѣ, озарявшей фантастическимъ свѣтомъ живописныя окрестности и служившей намъ фонаремъ въ опасномъ пути отъ озера. Всю ночь аулъ оглашался пѣснями, звуками гармоникъ, выстрѣлами и криками ликующей молодежи обоюго пола. Наступилъ предпраздничный праздникъ, приближалась рабочая пора. Горцы заранѣе вознаграждали себя увеселеніями и разгульной праздностью за тѣ труды и лишенія, которые понесутъ въ рабочую пору.

Сѣновосная пора для горцевъ, дѣйствительно, самое дорогое время: необходимо сдѣлать большіе запасы сѣна, чтобы прокормить свой скотъ въ суровую долгую зиму. Къ сѣновосу готовятся цѣлую недѣлю. Молодежь празднуетъ и веселится, бродя съ гармоникой и пѣснями по аулу. Ночью-же собираются у каковой-либо дѣвницы въ домѣ и танцуютъ тамъ до зари. Солидные-же горцы налаживаютъ косы, грабли, вилы, галдятъ на сходахъ, ѣдутъ на базары за необходимыми покупками. Старики на сходахъ опредѣляютъ день начала сѣновоса. Наступаетъ желанный день, и аулъ подымается въ походъ съ пѣснями, гиканьемъ, свачкой, пляской, кто пѣшемъ, кто верхомъ. Дома остаются только убогіе старики и старухи, малыя дѣти и аульныя аристократки. Покосы отстоятъ большею частью далеко отъ аула,—иногда верстъ за 20 и болѣе. Дѣлежи покоса и недоразумѣнія съ сосѣдями кабардинцами, которые часто успѣваютъ выкосить траву и на татарскихъ земляхъ до прихода послѣднихъ, оканчиваются иногда кровопролитными схватками. Поэтому на покосъ отправляются во всеоружіи. А такъ-какъ покосъ въ одно время и трудъ, и празднествъ, то всѣ запасаются и праздничнымъ платьемъ.

Покинули мы Урусбиевскій аулъ въ самый разгаръ предпокоснаго праздника. Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ по долинѣ Баксана въ Чегемъ. Изъ Урусбіи въ Чегемъ ведутъ два пути: старшій—отъ Курхужана (обозначенъ на картѣ) черезъ горы Джабугушеинъ и Атмышъ-коль, и новшій—по р. Кесанты и южному нагорью хребта Лха (на картѣ не обозначенъ еще). Первый короче, но труднѣе. Въ Курхужанѣ намъ сказали, что онъ въ то лѣто былъ недоступенъ отъ множества обваловъ. Мы направились вторымъ путемъ.

Долина Баксана довольно широка и безлѣсна. Верстъ за 5 до Курхужана почти у самой дороги лежитъ древнее кладбище. Могилы на немъ въ видѣ небольшихъ ваменныхъ кургановъ и только одинъ памятникъ въ видѣ часовеньки съ

пирамидальною крышею. Омаръ говорилъ намъ, что кладбище это барачаевское, а памятникъ-часовенька стоитъ на могилѣ барачаевского князя Камгута, дяди родоначальника барачаевцевъ—Карча. Набожные мусульмане помолились у памятника Камгута.

Къ ночи добрались мы до Курхужана. Курхужанъ—маленькій, грязный, нестерпимо вонючій выселокъ изъ Урусбѣевского аула. Жители его разводятъ уже огороды, засѣянные картофелемъ и фасолью. Нивакихъ аульныхъ властей здѣсь не обазалось, а изъ бывшихъ на лицо жителей никто не изъявилъ желанія пріютить насъ. Мы уже думали покинуть негостепріимный выселокъ и заночевать подъ дождемъ въ полѣ, но работавшій здѣсь землемѣръ предложилъ намъ свою квартиру и выручилъ насъ, такимъ образомъ, изъ большой непріятности.

Отъ Курхужана долина Баксана утрачиваетъ свой оригинальный дикій видъ и мѣстами являетъ просторъ полей, широко раздвигаясь въ стороны. Долина когда-то была въ лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь. По всѣмъ признакамъ здѣсь когда-то жили культурныя племена. Видны во многихъ мѣстахъ остатки оросительныхъ каналовъ, подымавшихся высоко на горы. Кое-гдѣ сохраняются еще остатки башенъ, развалины церквей и другихъ сооружений. На пологихъ склонахъ горъ видны ряды террасовидныхъ площадокъ—несомнѣнные слѣды бывшихъ полей. Нынѣ-же долина Баксана, какъ и долина верховьевъ Кубани, представляетъ жалкій видъ запустѣнія. Изрѣдка, вблизи береговъ рѣки, встрѣчаются клочки ячменя, кое-гдѣ по возобновленнымъ кое-какъ каналамъ течетъ вода, которую напускаютъ на покосы. Такіе обработанные, видимо, неумѣлою рукою клочки земли встрѣчаются весьма рѣдко. Все остальное выбито светомъ и сѣдено сусликами. Отъ Курхужана по долину Баксана встрѣчается уже и пернатое племя: вороны, грачи, сороки, жаворонки, множество

коршуновъ и орловъ. Долина принимаетъ особенно живописный видъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ лѣвому берегу Баксана примыкаетъ обрывистый хребетъ Алмалы-кая. Въ скалахъ Алмалы-кая множество зеленыхъ террасъ и темныхъ пещеръ. На скалахъ торчатъ утесы самыхъ причудливыхъ формъ. Красивымъ каскадомъ скалы прорѣзываются рѣчкой Гижгадь, долина которой, по словамъ Омара, весьма красива, лѣсиста и въ древности была густо населена, о чемъ можно судить по множеству развалинъ. На лѣвомъ берегу Баксана видны древнія кладбища съ памятниками, а по правому низкому берегу тянется рядъ каменныхъ кургановъ. Хребетъ Алмалы-кая на западѣ обрывается оригинальною вершиною, туземное названіе которой означаетъ Бабій-зубъ. Утесъ этотъ, дѣйствительно, напоминаетъ зубъ человѣка, торчащій раздвоеннымъ концемъ вверхъ.

Скоро мы оставили долину Баксана и свернули въ долину его праваго притока Кесанты. Въ устьяхъ этой рѣчки тоже была стоянка землемѣра, который весьма любезно пригласилъ насъ къ себѣ на отдыхъ. Тутъ вблизи находились два маленькія поселенія: хуторъ Атажуква и поселокъ Озроковъ. Расположены эти выселки на развалинахъ старинныхъ христіанскихъ поселеній,—первый на лѣвомъ берегу Баксана у подошвы хребта Алмалы-кая,—второй на правомъ берегу у подошвы хребта Лха. Хребетъ Лха тянется широкой скалистой грядою отъ Чегема до Баксана, перерѣзывая эти рѣки порогами. Террасовидные склоны известковаго хребта Лха мѣстами, въ долинахъ рѣкъ, весьма живописны. Все нагорье этого хребта покрыто густою сочною травою. Изъ-за этихъ прекрасныхъ пастбищъ велись и ведутся еще жаркіе споры между урусбиевцами и чегемцами. Съ западной стороны Лха обмывается довольно большою рѣчкой Кесанты, долина которой весьма живописна: она тянется змѣеобразной лентой между отвѣсными известковыми скалами и уходитъ въ лѣса и

высокій скалистый гребень Сокашили-тау. Долина производит впечатлѣніе скрытаго, уединеннаго мѣста. Пещеры ея скаль и таинственныя дебри въ истокахъ не разъ прятали бывшее населеніе отъ алчныхъ хищниковъ, направлявшихся по долину Баксана.

На правомъ высокомъ берегу Кесанты, вблизи Озрокова, оставлено бывшимъ населеніемъ древнее кладбище. На лѣвомъ берегу развалины церкви и тоже могилы вокругъ нея. На остаткахъ восточной стѣны сохранился выбитый на камнѣ крестъ,—фактическое указаніе на то, что долина Баксана въ древности была обитаема христіанами. Въ подтвержденіе этому предположенію является и то обстоятельство, что всѣ склепы могилъ расположены по направленію съ запада на востокъ, къ восходу солнца, по древнему христіанскому обычаю. Лучшимъ-же доказательствомъ того, что данное кладбище христіанское, служатъ предметы, найденные въ могилахъ. Священнослужители и въ древности погребались вблизи церкви. Одинъ изъ озроковцевъ показалъ намъ, повидимому, бронзовые гвоздики, шляпки которыхъ имѣли изображеніе или креста, или круга. Предметы эти, прекрасно сохранившіеся, найдены имъ въ склепѣ около развалинъ церкви. Гвоздики очень мелки и, по всей вѣроятности, служили украшеніемъ священнической ризы.

Взглянемъ теперь на кладбище. Издали на террасовидной площадкѣ замѣчаются только три большихъ кургана почти на самомъ берегу Кесанты. Вблизи-же на самомъ кладбищѣ глазъ отличаетъ множество, едва замѣтныхъ, зеленыхъ возвышеній въ формѣ кургановъ. Курганы эти и суть могилы исчезнувшихъ христіанъ. Всѣ курганы уже разрыты жадными до драгоценностей татарами, несмотря на запрещенія властей. Открыть склепъ—минутное дѣло. Хищникъ опредѣляетъ западную сторону кургана, вырываетъ здѣсь киркой или лопатой небольшую яму, $\frac{3}{4}$ аршина глубиною, находитъ верти-

кальво стоящую плиту, которая закрываетъ отверстие, ведущее въ склепъ. Остается только отвалить эту плиту, и могила разрыта. Отверстіе, ведущее въ склепъ, узко настолько, что въ него съ большимъ трудомъ можетъ пролѣзть человекъ средней дородности. Склепъ на извести изъ сѣраго песчаника и имѣетъ форму ящика $2\frac{1}{2}$ —3 ар. въ длину, $1\frac{1}{2}$ арш. въ ширину и 2— $2\frac{1}{2}$ арш. въ глубину. Сверху склепы закрыты большою частью цѣльными плитами песчаника. Промежности между камнями и всѣ щели залиты известью. Входная и верхняя плиты тоже залиты прочнымъ известковымъ цементомъ. На закрытый склепъ насыпался небольшой курганъ земли для именитаго. Форма могилъ, такимъ образомъ, напоминаетъ гробъ Господа нашего Иисуса Христа,—пещеру, входъ въ которую закрыть каменною плитою. Такой формы могилъ придерживались христіане первыхъ вѣковъ. По берегу Кесанты потомъ намъ встрѣчались настоящія пещерныя могилы, высѣченныя въ скалахъ Лха. Отваленныя хищниками плиты открывали склепъ со множествомъ костей и череповъ покойниковъ, но не въ саванахъ, а одеждахъ съ украшеніями. На костяхъ мы нашли остатки шелковыхъ тканей довольно тонкой работы. Во многихъ могилахъ находили мы стеклянныя бусы, преимущественно сянга цвѣта. Одинъ изъ озроковцевъ продалъ намъ нѣсколько украшеній, томпаковыхъ и бронзовыхъ, вынутымъ имъ изъ этихъ могилъ: тутъ были пряжки и бляхи отъ поясовъ, какіе-то кружки, птичья томпаковая голова, томпаковыя пуговицы, украшеніе, напоминающее птицу съ опущеннымъ внизъ хвостомъ, часть, повидимому, выточенного, каменнаго стержня, нѣчто въ родѣ бронзовой серьги и друг. вещички неизвѣстнаго назначенія. За украшенія съ ризы священника татаринъ просилъ дорого, думая, что они золотыя. Золото покойникамъ, вѣроятно, было еще неизвѣстно: его не оказалось, по словамъ татаръ, и въ склепахъ подъ большими курганами. Сожалѣемъ, что не имѣли средствъ при-

обрѣсти всѣ украшенія, добытыя въ могилахъ этихъ христіанъ. Въ стѣнахъ склеповъ устроены ниши, въ которыя ставилась посуда и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не пустая: въ одномъ изъ глиняныхъ кувшиновъ, какъ намъ говорили, замѣчено было содержимое, видомъ своимъ напоминавшее порохъ. На воздухѣ оно быстро обратилось въ легкую пыль. Содержимое это могло быть просомъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Быть можетъ, въ могилы ставили кушанья усопшимъ, и вообще все то, что необходимо для жизни человѣка, по суевѣрію, что покойникъ, какъ и живой человѣкъ, нуждается во всемъ матеріальномъ, въ родѣ того, напр., какъ наши малороссы зарываютъ съ покойникомъ трубку, кисеть съ табакомъ, огниво и штофъ воды, думая, что «люлька козаку—щобъ скучно не було, якъ будетъ предъ райскими воротами Петра (апостола) съ ключами ждаты (покурить люльки), и якъ приде Петръ, то упочтуеть ёго горилкой, за те жъ винъ ёго и въ рай пуге». Посуда, найденная нами въ склепахъ, по большей части деревянная, нерѣдко раскрашенная красною и черною краской. Попадались больше круглыя миски. Нѣкоторыя прекрасно сохранились.

Но болѣе всего насъ поразили черепа, валяющіеся въ склепахъ въ грудѣ множества костей. Каждый склепъ служилъ, повидимому, усыпальницей для цѣлой семьи: въ одномъ склепѣ попадались черепа и дѣтей и взрослыхъ; число череповъ въ каждомъ склепѣ отъ 2 до 7 и болѣе. Только около трети всѣхъ осмотрѣнныхъ нами череповъ приближались къ обыкновенной правильной формѣ. Большинство-же череповъ имѣло форму тупого, закругленнаго сверху, наклоннаго конуса, основаніемъ котораго могла-бы быть плоскость, проведенная отъ переносья къ затылку. Наибольшій изъ найденныхъ нами череповъ былъ въ длину, отъ переносья, немного болѣе 7 вершковъ, при нижнемъ діаметрѣ около 4 вершковъ.

Христіане, обитавшіе въ долинѣ Баксана, во всякомъ

случаѣ не были кочевниками; объ осѣдлости ихъ достаточно свидѣтельствуяють и развалины церквей и самыя кладбища. Они были народомъ культурнымъ, что видно изъ остатковъ въ могилахъ, занимались хлѣбопашествомъ и проводили оросительные каналы съ большимъ искусствомъ. Остатки такихъ каналовъ особенно хорошо сохранились, по словамъ нашего собесѣдника—землемѣра, на предгорьяхъ хребта Алмалы-кая, около хутора Атажукова. На предгорьяхъ-же Лха землемѣръ указалъ намъ множество площадокъ правильной десятичной формы—мѣста бывшихъ пашень, по его и нашему мнѣнію. Пашни эти орошались каналами, проведенными на довольно значительную высоту. Теперь-же все здѣсь подъ пастбищами. Нынѣшніе обитатели долины Баксана пока еще только пастухи, имѣющіе весьма смутное представленіе о хлѣбѣ и считающіе его излишнею роскошью.

Подробныя археологическія изслѣдованія пока еще не коснулись данной мѣстности, а слѣдовало-бы предпринять ихъ немедленно, иначе будетъ поздно: хищники тайкомъ поразрують всѣ могилы и растащуть скрытыя въ нихъ древности, а памятники разрушать. Мы такъ увлечены были осмотромъ кладбища, что и не замѣтили, какъ день склонился уже къ вечеру. Пришлось заночевать у гостепріимнаго землемѣра. Одинъ изъ его рабочихъ, кабардинецъ, угостилъ насъ концертомъ на дудѣ. Мы, не зная, заслушались кабардинскими напѣвами, въ которыхъ выражалось то унылое отчаяніе, то беззавѣтная удаля. Дудѣ аккомпанировали въ унисонъ голоса другихъ кабардинцевъ. Характерны были напѣвы, но еще характернѣе былъ самый инструментъ и способъ игры на немъ. Въ горахъ встрѣчается какое-то лопуховидное растеніе; длинный стебель его пустой въ серединѣ; изъ него-то и устраивается дудка—сыбысхе по-горски. Сыбысхе представляетъ съ обоихъ концовъ открытую трубку, около аршина длиною; ближе въ нижнему концу прорѣзываются три дырочки, какъ у кларнета;

роль закрывающихъ клапановъ играютъ пальцы правой руки. Въ другой конецъ дудки вставляется верхній глазной зубъ. Затѣмъ играющій легко и медленно дуетъ въ трубку, при чемъ какъ-бы поетъ горломъ. Сыбысхе издаетъ чудесные мягкіе звуки, близкіе къ звукамъ хорошей флейты. Регистръ этого примитивнаго музыкальнаго инструмента никакъ не менѣе регистра флейты. Быстрота, съ которою выдѣлываются всевозможныя варіаціи на сыбысхе, особенно поражаетъ слушателя. Мотивъ мы постарались записать, хотя схватить всѣ характерныя мелочи и не удалось намъ, да врядъ-ли это и возможно: мелочи эти—плодъ фантазіи самого музыканта, который самъ не сумѣетъ повторить ихъ въ точности, а повтореніе для точной записи необходимо.

На утро мы тронулись далѣе по долиинѣ Кесанты и верстахъ въ пяти отъ ея устья свернули къ востоку—въ боковую долину ея притока. На поворотѣ въ эту боковую долину у самага берега рѣки стоятъ развалины шестиугольной, внутри круглой, древней церкви, а вблизи остатки древняго поселенія. Изъ камней этихъ развалинъ выстроены хуторъ въ долиинѣ рѣченки.

Тропа подымается на западныя предгорья Лха и все время идетъ по берегу рѣчущки. Тутъ, верстахъ въ 3—4 отъ Кесанты, у самой тропинки открытый пещерный склепъ, въ которомъ множество костей. Кладбища вокругъ не замѣтно: могила, вѣроятно, была одиночной. Саженьхъ въ 8 внизъ отъ склепа подымаетъ я зеленый курганъ совершенно правильной острой конической формы, около 3 сажень въ высоту и аршинъ 10 въ нижнемъ діаметрѣ. Могила-ли это, или просто естественный холмикъ—рѣшить трудно безъ раскопки. Такимъ образомъ и здѣсь покоятся еще остатки исчезнувшихъ племенъ. Древніе обитатели этого уединеннаго уголка, по всѣмъ вѣроятіямъ, промышляли камнемъ и плитами для склеповъ и построекъ. Объ этомъ ясно свидѣлствуютъ каменно-

ломни въ долинь этой рѣчущки: сходство могильныхъ плеть и породъ этихъ древнихъ каменоломень полное. Ломать здѣсь песчаникъ не представляло особаго труда, такъ-какъ онъ за-
легаеть въ каменоломняхъ слегка наклонными слоями.

Долина рѣчущки вывела насъ на красивое волнистое плоскогорье Гаргудунъ. Передъ нами широко разстилалась изумрудная равнина, окаймленная съ сѣвера хребтомъ Лха и съ юга хребтомъ Кѣкъ-ташъ. На востокъ глубоко подъ нами прорѣзывало скалы узкое ущелье Чегема. По этой нагорной равнинѣ текли довольно большіе ручьи, встрѣчались болота и топи. Табуны лошадей и овецъ унизывали собою многочисленныя холмы, которые и формою и расположеніемъ въ совокупности производили впечатлѣніе застывшихъ волнъ моря.

Плоскогорье это составляетъ перевалъ въ долину Чегема. На плоскогорьѣ небольшой, въ 3—4 двора, выселокъ изъ Чегема. На югъ плоскогорья среди зеленыхъ холмовъ серебристою лентою извивается внизъ къ Чегему, притокъ его Кѣкъ-ташъ, а за нимъ возвышается зеленый гребень того-же имени. Кѣкъ-ташъ—значить козлиный камень. Въ бокахъ гребня вырыто нѣсколько пещеръ; въ одной изъ нихъ копошились люди: они добывали кѣкъ-ташъ—камень, изъ котораго готовится ими порошокъ для червѣнія козыхъ кожъ—сафьяна. Промысломъ этимъ занимаются исключительно болгарцы, обитающіе въ долинь Череха; они-же поставляютъ и сафьянъ во всѣ горскія общества.

У южной подошвы Лха почти отъ самаго берега рѣки Чегема тянется верстъ на 5 параллельно Лха глинистый сѣрый гребень—Акъ-топракъ. Название это означаетъ—бѣлая глина. Гребень этотъ какъ-бы нарочно изрытъ множествомъ пещеръ и темныхъ ходовъ. Говорятъ, одинъ изъ подземныхъ ходовъ идетъ черезъ всю 2—3-верстную ширину гребня. Черезъ эту естественную тунель проходитъ скотъ изъ одной до-

лины въ другую. Овцы, козы и телята прячутся отъ жары въ пещерахъ и галлерейхъ Акъ-топрава.

Южная сторона гребня извилиста и отвѣсна. Отъ гребня здѣсь отдѣляются точно выточенные нарочно столбы и круглыя башни; множество карнизовъ и выемокъ украшаютъ отвѣсныя стѣны. Въ общемъ получается такое впечатлѣніе: кажется, что гребень этотъ служилъ нѣкогда берегомъ моря или большого озера, которое плескомъ своихъ волнъ выбило въ мягкомъ грунтѣ гребня всѣ эти изгибы, выемки, столбы, пещеры и галлерей, а само куда-то потомъ умчалось.

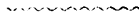
Но не это одно только привлекаетъ вниманіе путешественника къ Акъ-топраку: въ немъ туристъ найдетъ оригинальныя произведенія природы, поражающія правильностью и разнообразіемъ формъ. Въ нѣдрахъ Акъ-топрава въ мягкой глинѣ лежатъ точно нарочно выточенные искусною рукою камни разнообразной величины и въ большинствѣ случаевъ правильной круглой концентричной формы,—формы стопы блиновъ, когда они уменьшаются поочередно отъ середины. Ко многимъ изъ камней прилѣпились сбоку такіе-же маленькіе камешки, будто дѣти къ матери. Величина отдѣльныхъ камней отъ 1 линіи до 8 дюймовъ въ діаметрѣ. Составъ—кажется, дилувіальная глина сцементированная известью. Одни по формѣ напоминаютъ черепахъ, другіе бисевиты, третьи правильный овалъ и т. д. Изрѣдка встрѣчаются уклоненія отъ правильныхъ и симметричныхъ формъ. Встрѣчаются формы сплюснутаго съ двухъ сторонъ шара. Всѣ камни въ грунтѣ покоятся въ горизонтальномъ положеніи; встрѣчаются одинаково въ большомъ количествѣ какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ пластахъ. Какой либо особенной системы въ ихъ расположеніи нами не наблюдалось, за исключеніемъ горизонтальнаго положенія. Судя по нѣкоторому разнообразію формъ можно было-бы предположить въ камняхъ Акъ-топрава овамѣности морскихъ допотопныхъ животныхъ, какъ думаютъ

многіе, видѣвшіе образчики ихъ. Но окаменѣлости, насколько намъ извѣстно, сохраняютъ оболочку, какъ окаменѣлости, или отпечатокъ этой оболочки въ твердой породѣ, какъ отпечатокъ раковинъ, листьевъ и т. п., или, наконецъ, структуру строенія клѣточекъ, какъ окаменѣлости древесныхъ стволовъ, клѣточки которыхъ заполняются веществомъ породы. Въ камняхъ Акъ-топрака ничего подобнаго не замѣчается, и одна только сомнительная форма, яко-бы напоминающая нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, даетъ основаніе предположенію объ окаменѣлостяхъ. Мы съ своей стороны сдѣлали совсѣмъ иное предположеніе объ образованіи камней Акъ-топрака, рассуждая на мѣстѣ о этихъ чудесахъ. Намъ казалось, что камни эти суть оригинальныя произведенія воды, для которой скалы Лха когда-то служили берегомъ. У известковыхъ береговъ Лха вода осаждала въ большомъ количествѣ глину, которая уплотнялась отъ собственной тяжести. Скалы Лха могли посылать многочисленныя ключи въ эту массу глины; струи известковой воды, пройдя массу, встрѣчались съ водою бывшаго моря или скорѣе прѣсноводнаго озера; два противоположныя теченія воды, встрѣчаясь другъ съ другомъ, производятъ воронкообразныя коловороты. Камни Акъ-топрака не суть-ли произведенія нижней известковой воронки этихъ струевыхъ коловоротовъ *)? Известковая вода, вертя глинистую мас-

*) Г. Управляющій горною частью Кавказскаго края, разсмотрѣвъ образцы, найденныя въ Акъ-топракѣ, высказалъ слѣд.: «образцы представляютъ собою мергельныя (известково-глинистыя) конкреціи или стяженія, совершенно аналогичныя такъ называемымъ „иматровскимъ фигурнымъ камнямъ“, которые во множествѣ попадаются въ руслѣ р. Вуоксы, близъ водопада Имата. Они вымываются атмосферными водами изъ глинъ, слагающихъ берега названной рѣки и имѣютъ иногда весьма причудливую, чаще же всего бисквитообразную форму. Образование этихъ конкрецій среди глинъ обуславливается подземною, углекислою водою, циркулирующей, по капиллярнымъ трещинамъ, въ самой породѣ (въ данномъ случаѣ глинѣ, болѣе или менѣе известковистой); постоянно растворя заключающіяся въ

еу, на подобіе того, какъ комъ глины вертится на кружалѣ гончара, сцементировала, скрѣпляла ея частички и уплотняла вертящуюся массу въ камень. Все это тѣмъ болѣе вѣроятно, что подземные ключи и нынѣ журчатъ во многихъ галлерейхъ Акъ-топрака. Изъ нихъ у подножья этого гребня составляется довольно большой ручей. Вода въ ручѣй грязна, сильно насыщена известью и почему весьма неприятна на вкусъ.

Проводникъ нашъ плохо говорилъ по-русски, и отъ негомы не могли добиться, что думаютъ объ Акъ-топракѣ горцы. Они боятся заглядывать въ его темные ходы изъ суетѣрнаго страха — встрѣтить тамъ шайтановъ. Пастухи прогоняютъ скотъ черезъ тоннели Акъ-топрака на другую сторону, но не нашлось еще смѣльчака, который сопровождалъ-бы стадо по этимъ подземнымъ галлереймъ.

послѣдней известковой части, она отлагаетъ ихъ вновь, вмѣстѣ съ суспедированными въ ней глинистыми частицами вокругъ какого-нибудь встрѣчающагося ей на пути твердаго тѣла, напр. кварцевой песчинки или т. п., притомъ болѣе или менѣе правильными концентрическими рядами и обыкновенно въ нѣсколько слоевъ».

III. Чегемъ.

Долина рѣки Чегема.—Общество Чегемъ и его типы.—Ущелье Джикки-су.—Памятники старины.—Древнее кладбище.—Бытъ и нравы чегемцев.—Заемъ лошади.—Праздникъ „Курманъ“.—Горская свадьба.—Истоки Чегема.

Долина рѣки Чегема, по которой лежалъ дальнѣйшій нашъ путь, отъ Агъ-топрака, узка и глубока. Рѣка реветъ въ тѣснинахъ скаль. Узкая тропа вьется по карнизамъ этихъ скаль, и путникъ не разъ вздрогнетъ надъ пропастью. Скучно ѣхать по такимъ опаснымъ замкнутымъ мѣстамъ: ни дуга, ни лѣса, ни красиваго пейзажа... Торчатъ все время передъ глазами сѣрыя, желтыя и красныя скалы, да встрѣтитса изрѣдка горець, съ которымъ и разѣхаться бываетъ мудрено на узкой тропѣ. Скалы сплошною извиристою стѣною стоятъ до самаго аула Чегемъ, гдѣ онѣ внезапно обрываются, образуя естественныя узкія ворота, за которыми долина расширяется и открываетъ красивые виды на вершины и ледники Главнаго гребня.

Въ горахъ близъ Чегема, какъ намъ потомъ говорили, охотники находятъ въ чистомъ самородномъ видѣ сѣру, селитру и свинець. Порохъ мѣстные охотники готовятъ сами изъ находимыхъ ими минераловъ. Мѣста добычи этихъ минераловъ сохраняются охотниками втайнѣ даже отъ своихъ изъ боязни, что придуть сюда русскіе, понастроятъ заводовъ и вытѣснятъ горцевъ изъ роднаго пепелища. Скалы близъ Чегема при приближеніи къ нимъ, дѣйствительно, издаютъ опутительный запахъ сѣры. Изъ аула видна на предгорьяхъ Главнаго гребня конусообразная гора, которую чегемцы называютъ свинцовой, полагая тамъ мѣстонахожденія свинца.

Чегемское общество составляетъ изъ большого аула Чегемъ и близлежащихъ поселковъ: Думала, Сузарь, Кямъ, Орсундахъ и Булунгу. Къ нему-же причисляются и хутора по долинь Чегема, Кесанты и зеленого нагорья Гаргулдунъ у Агъ-топрава (последнихъ нѣтъ еще на 5-верстной картѣ). О числѣ жителей всѣхъ этихъ поселеній свѣдѣній не добыли. Приблизительно во всемъ обществѣ болѣе 1000 домовъ и около 8000 душъ, если вѣрить показаніямъ чегемцевъ.

Въ аулѣ насъ довольно любезно приняли дѣти старшины; отецъ ихъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ службы. Изъ русскихъ былъ здѣсь только писарь съ женою. Многіе изъ чегемцевъ говорятъ сносно по-русски. Довольно правильной рѣчью владѣютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ Нальчикской школѣ. Не хотѣлось вѣрить, чтобы истый горецъ, отъ костюма до волосъ, могъ такъ хорошо говорить, бѣгло читать и бойко писать по-русски.

Разнообразіе въ типахъ бросается въ глаза и въ Чегемѣ. Большинство населенія приближается къ типу осетинъ. У большинства русые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, низкій ростъ и мелкія черты красиваго лица. На ряду съ низкорослыми, не болѣе 2 аршинъ, встрѣчаются и атлеты съ развитыми скулами и широкими челюстями. Татарскаго элемента относительно мало, а кабардинскаго и вовсе не видно.

Женщины и дѣвушки не могутъ похвастаться красотой. Горская красавица была-бы только посредственностью, хотя-бы напр., въ Закавказьѣ.

Карачаевская красавица можетъ похвастаться тонкою, красивою, точно выточенною, тальею. Въ тѣлосложеніи ея замѣчается большой изъянъ—это плоская, какъ доска, грудь. Для дѣвушки, по старымъ обычаямъ, считается большимъ неприличіемъ имѣть развитыя груди, и ростъ ихъ поэтому задерживается искусственно. Съ 12 лѣтъ, т. е. съ періода, когда начинаютъ развиваться грудныя желѣзы у женщинъ, дѣвушка зашиваются

въ кожаный корсетъ и снимаетъ его только въ день свадьбы. Корсетъ этотъ выработываетъ талью, но искажаетъ грудь. Одни говорятъ, что обычай этотъ заимствованъ у кабардинцевъ, другіе-же думаютъ, что его знали и предки горскихъ татаръ. Первое вѣрнѣе, такъ-какъ у кабардинцевъ, дѣйствительно, существуетъ этотъ нелѣпый обычай, а о вліяніи кабарды на карачаевцевъ мы уже говорили: кабардинцы вносятъ моду во всемъ.

Горскій нарядный костюмъ дѣвушки тоже заимствованъ у кабардинокъ и, какъ-бы богатъ онъ ни былъ, не достигаетъ своего прямого назначенія—не дѣлаетъ красавицу эффектиѣе, и некрасивую интересною. Вы любуетесь костюмомъ, но не видите въ немъ красавицы, если-бы она даже и не закрывала своего лица.

Парадный костюмъ горской дѣвицы состоитъ въ слѣдующемъ: обыкновеннаго покроя платье съ пришивнымъ лифомъ, который застегивается на груди на подобіе мужского чекмена; рукава у платья узки и оканчиваются у запястья; платье изъ шелковой матеріи розоваго или голубого цвѣта; оно по длинѣ достигаетъ только щиколотки; изъ-подъ платья видны узкіе, обыкновенно синяго или краснаго цвѣта, штаны, заправленные въ желтые сафьянные чевяки съ узкими, загнутыми кверху, носками. Талья перехватывается богатымъ широкимъ поясомъ, съ кованными, украшенными красиво рѣзбою, пряжками и бляхами. На поясѣ отъ 2 до 5 фунтовъ серебра; стоимость его отъ 100 до 300 руб. и дороже, когда къ украшеніямъ прибавляются драгоценные камни и золото. Поясъ—необходимая принадлежность костюма, какъ богатаго, такъ и бѣднаго. Съ поясомъ дѣвица разстается только на ночь. Онъ дорогъ ей не только какъ любимое украшеніе, но и какъ подарокъ блажайшаго родственника. Изъ другихъ украшеній дѣвицы носятъ кольца и браслеты; головной уборъ не позволяетъ носить серегъ. Затѣмъ, сверхъ платья надѣва-

ется еще одежда, покроемъ своимъ напоминающая мужскую черкеску или бешметъ. Полю женскаго бешмета открываютъ подъ угломъ передъ платья, а лифъ его застегивается на одинъ—два врючка выше пояса и открываетъ даѣе почти всю грудь. Довольно широкіе рукава женскаго бешмета обанчиваются громаднымъ разрѣзнымъ, округленнымъ на концѣ, обшлагомъ, достигающимъ до полу. Рука теряется въ обшлагѣ, потому-что приличная поза дѣвушекъ требуетъ опущенныхъ рукъ. Женскій бешметъ обыкновенно пестритъ красками. Обшлагъ дѣлается обыкновенно изъ желтыхъ, голубыхъ и розовыхъ полосъ атласа; самъ бешметъ изъ шелковой матеріи бѣлаго или желтаго цвѣта; по бокамъ бешмета иногда дѣлаются узкія вставки изъ цвѣтнаго атласа. Обшлага бешмета и края его обшиваются часто золотымъ или серебрянымъ галуномъ. Подъ бешметъ надѣвается нерѣдко ярко-краснаго цвѣта шелковый или атласный нагрудникъ, расшитый узорами.

Всего-же замѣчательнѣе парадный головной уборъ. На голову надѣвается высокій (иногда въ $\frac{1}{2}$ арш.) цилиндръ, украшенный спереди рядами монетъ, побрякушекъ и расшитыми золотомъ и серебромъ полосками, а также и галунами; полоски иногда украшаются еще драгоценными камнями. Поверхъ цилиндра, округленнаго сверху, повязывается большой шелковый платокъ такимъ образомъ, чтобы передняя сторона его была открыта. Платокъ замѣняется иногда бѣлымъ газомъ. Какъ платокъ, такъ и газъ скрываютъ часть лица и подбородокъ.

Таковъ парадный костюмъ. Домашній-же костюмъ исключаетъ бешметъ и цилиндръ и шьется изъ простыхъ ситцевъ. Карачаевки особой повязкой скрываютъ подбородокъ и щеки. Дѣвушки въ Урусбіи и Чегемѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Обратимся теперь къ окрестностямъ Чегема: онѣ не только живописны, но и богаты интересными памятниками глубокой старины.

Аулъ Чегемъ расположенъ у южной подошвы высокаго скалистаго известковаго гребня Лаварги; гребень обрывается въ рѣку близъ аула отвѣсными скалами саженей до 200 въ высоту. Такими-же отвѣсными стѣнами съ другой восточной стороны обрывается въ рѣку гребень Ахъ-каа. Въ аулѣ, такимъ образомъ, ведутъ естественныя скалистыя ворота съ сѣвера. По обонмъ берегамъ Чегема высоко въ скалахъ надъ пропастями вьются двѣ узкія тропинки, сходящіяся у воротъ. Чегемскія ворота отърываютъ замѣчательно красивую панораму горъ и долинъ. Рѣка за ними круто поворачиваетъ въ юго-западу и, раздвоившись верстахъ въ 15 отъ аула, теряется въ хвойныхъ лѣсахъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ красивыя бѣлоснѣжныя вершины Главнаго гребня. Въ самомъ аулѣ, въ Чегемъ несется съ запада ручей Джилки-су. Изъ аула въ глубокое ущелье Джилки-су ведутъ тоже узкія скалистыя ворота, высотой и грандіозностью вида далеко превосходящія первыя. Ущелье Джилки-су образуется съ сѣвера скалистымъ гребнемъ Сокашили-тау и съ юга недоступнымъ кряжемъ Гунхаръ-тау. Оба кряжа идутъ отъ горнаго узла, вершины Гунхаръ, и такъ близко другъ къ другу, что на всемъ своемъ протяженіи касаются подошвами своихъ громадныхъ скалъ. Гора Гунхаръ въ свою очередь оканчиваетъ снѣговую цѣпь, отдѣляющуюся на с.-востокъ отъ Главнаго гребня подъ именемъ горъ Аддыръ-тау, Башиль-тау, Кенчатъ, Сырынъ и наконецъ Гунхаръ. Мрачное ущелье Джилки-су отличается необычайною дикостью и таинственностью. Царствующую въ ущельѣ тишину нарушаетъ только журчанье чистаго, какъ слезы, ручья. Сюда не проникаетъ ни одинъ даже самый легкій вѣтерокъ. Ущелье это замкнуто во всѣхъ сторонахъ высокими скалами и не принимаетъ ни единой боковой долины. Надъ скалами описываютъ свои загадочныя круги громадные орлы, обучая иногда свое молодое поколѣніе искусству добывать пищу. Во многочисленныхъ пещерахъ слоистыхъ

известковыхъ скалъ гнѣзятся ночные хищники. Мракъ въ ущельѣ наступаетъ задолго до заката солнца. Совы и филины вылетаютъ изъ своихъ уѣжищъ и своимъ непріятнымъ крикомъ наводятъ уныніе на посѣтителя ихъ таинственнаго царства. Если посѣтитель вздумаетъ произнести слово или крикнуть, то испугается собственнаго голоса. Есть мѣста, гдѣ эхо повторяетъ сказанное слово 6—7 разъ. Выстрѣлъ раздается здѣсь, какъ грохотъ орудійнаго залпа, и гулъ отъ него долго не смолкаетъ.

Остатки на скалахъ какихъ-то древнихъ сооруженій, до которыхъ уже нѣтъ никакой возможности добраться, когда-то обитаемыя пещеры, въ которыхъ вели высѣченныя въ скалахъ лѣстницы, разрушенныя уже временемъ, громадная четырехгранная башня у воротъ въ ущелье, силуэты памятниковъ на древнихъ кладбищахъ у южнаго подножья скалъ,—все это дѣлаетъ ущелье Джилки-су еще болѣе таинственнымъ и красивымъ.

Скалы ущелья Джилки-су и горы Лаварги по всѣмъ признакамъ служили надежнымъ уѣжищемъ отъ хищниковъ-варваровъ древнимъ культурнымъ обитателямъ Чегемской долины: объ этомъ свидѣлствуютъ разныя сооруженія на скалахъ и пещеры. Но варвары были сильны своею численностью и настойчивостью, полчища ихъ двигались одно за другимъ, не давая населенію опомниться и собраться съ силами. Не выдержали дружнаго натиска безчисленныхъ ордъ и скалы,—не спасли опѣ своихъ обитателей: пали всѣ ихъ сооруженія, исчезло и самое племя, не сохранивъ о себѣ никакихъ воспоминаній у современныхъ обитателей долины Чегема.

Врѣмя хранить еще пока могилы древнихъ обитателей этого края, да остатки ихъ оборонительныхъ сооруженій. По этимъ памятникамъ старины и строить догадки нынѣшніе обитатели каждый на свой ладъ. Не лишнимъ будетъ описать по возможности эти остатки культурной старины въ горахъ Кавказа.

Ворота, ведущія въ ауль, словно стражи, охраняють два столба, высѣченные изъ цѣльнаго камня въ ростъ человека. Одинъ изъ нихъ, надъ самой пропастью воротъ, смотрится въ бѣшенныя волны разъяренной рѣки, другой вѣнчается противоположную скалу. Первый у самой тропы, до второго еще никто не достигалъ изъ современныхъ обитателей. Мѣстные «догадчики» говорили намъ, что первый изъ этихъ памятниковъ поставленъ очень давно ихъ предками по слѣдующему поводу: кто-то изъ чегемцевъ выѣхалъ изъ аула по своимъ дѣламъ, но его сразила вражеская пуля на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ ему памятникъ. Неизвѣстный убійца стрѣлялъ, какъ полагають, съ противоположной скалы отъ второго столба. Быть можетъ, это такъ и было, а все-таки для сомнѣній и догадокъ остается большой просторъ. Преданіе предполагаетъ подъ памятникомъ могилу, но онъ стоитъ на твердой скалѣ, что очевидно исключаетъ предположеніе о могилѣ. Скорѣе всего памятникъ этотъ должно отнести къ отдаленнымъ временамъ и приурочить его въ культурной старинѣ. Онъ стоитъ на древней дорогѣ, сооруженной надъ пропастью воротъ изъ полуобгесанныхъ камней. Стоитъ онъ на такомъ мѣстѣ, откуда видно далеко по долину Чегема въ обѣ стороны, виденъ прекрасно и самый ауль. Не было-ли здѣсь сторожевого пункта, и не подавались-ли отсюда при посредствѣ этого столба въ ауль сигналы о нападеніяхъ? Такое-же значеніе могъ имѣть и второй столбъ для крѣпости, остатки которой сохранились на противоположной скалѣ и видимы со стороны ущелья Джилки-су. До развалинъ этой крѣпости, видимыхъ снизу только отчасти, нѣтъ никакой возможности добраться: время смыло бывше пути къ нимъ и оставило только отвѣсныя стѣны исполиевскихъ скалъ. Изъ ущелья Джилки-су видны остатки стѣнъ бывлой крѣпости, да фундаменты какихъ-то сооружений. Отсюда-же видны въ скалѣ на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ сажени двѣ несомнѣнно обитаемыя

когда-то пещеры. Ближайшая къ аулу имѣетъ высѣченный въ скалѣ входъ правильной четырехугольной формы; отверстіе второй не носить слѣда искусства. Къ обѣимъ пещерамъ вели высѣченныя ступенями лѣстницы съ кладеными на извести парапетами. Лѣстница къ первой пещерѣ скоро обрывается, что исключаетъ теперь всякую возможность добратъся до нея: отсюда до отверстія еще около пяти саженой гладкой отвѣсной скалы. Говорятъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще существовалъ карнизъ, на который можно было поставить ногу, и что въ пещеру лазилъ съ опасностью жизни какой-то мѣстный смѣльчакъ, побуждаемый любопытствомъ и желаніемъ воспользоваться предполагаемыми въ пещерѣ сокровищами, но онъ нашелъ въ ней только мракъ и пустоту. Время смыло и этотъ карнизъ.

Ко второй пещерѣ тоже вела винтообразная въ своемъ началѣ лѣстница. По этой лѣстницѣ можно подняться на двѣ трети всей высоты скалы; далѣе тропа идетъ по выступу известняка и, не доходя десятка саженой до первой пещеры, круто поворачиваетъ на верхъ и теряется на вершинѣ скалы. Пещера лежитъ на половинѣ всего этого пути. Карнизъ, по которому былъ ходъ въ пещеру и далѣе на вершину скалы въ крѣпость, мѣстами расширяется до 4 аршинъ. Въ расширенныхъ мѣстахъ карниза уцѣлѣли еще фундаменты какихъ-то цилиндрическихъ сооружений, быть можетъ, башенъ. По карнизу свободно можно пройти саженой 25—30, далѣе онъ суживается до 3—4 вершковъ и, наконецъ, не достигая пещеры, обрывается вовсе на нѣсколько саженой. Дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, если взглянуть отсюда въ глубину ущелья, кружится голова и чувствуется тошнота. Неожиданный выстрѣлъ въ ущельѣ Джилки-су и оглушительное долгое эхо его повергли пишущаго на узкую тропу, и только удачная случайность паденія вдоль карниза спасла отъ возможности свалиться въ страшную пропасть. Испуганныя выстрѣломъ

совы подняли страшный крикъ въ пещерахъ, изъ которыхъ повывлетѣли летучія мыши крупной породы. Орлицы съ орлятами оставили свои гнѣзда и тоже закружились въ воздухѣ. Спускаться со скалы и трудно и страшно: передъ глазами все время зіяющая пасть страшной пропасти. На полудорогѣ къ пещерѣ изъ скалы сочится вода, утолявшая, быть можетъ, жажду томившихся когда-то въ пещерахъ и крѣпости.

Обратимся теперь къ кладбищу, лежащему вблизи аула. На немъ сохранились большіе памятники въ видѣ часовень, владенныхъ прочно на извести и оштукатуренныхъ внутри.

Нывѣшнимъ обитателямъ долины вовсе неизвѣстно искусство кладки на известковомъ цементѣ. Въ Чегемѣ нѣтъ ни одной сакли, которая могла-бы сравняться въ прочности и чистотѣ отдѣлки съ памятниками.

Пять большихъ часовень четырехгранной формы съ каменною крышею принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, древнимъ христіанамъ. Въ нихъ нѣтъ вовсе дверей, а дугообразныя сверху окна во всѣхъ часовняхъ продѣланы на востокъ; такое-же расположеніе и склеповъ и прочихъ могилъ. Обстоятельство это даетъ основаніе предположить общій христіанскій обычай—класть покойниковъ ногами на востокъ, дабы, возставъ изъ гробовъ въ день суда Господня, они могли-бы помолиться Создателю на восходъ солнца къ Эдему. Быть можетъ, именно съ этою цѣлью и продѣланы были окна въ восточныхъ стѣнахъ памятниковъ. На этомъ-же кладбищѣ среди множества христіанскихъ могилъ и памятниковъ въ видѣ большихъ и маленькихъ часовень возвышаются еще три большихъ памятника, по всѣмъ вѣроятіямъ, магометанскихъ. Каждый изъ нихъ по формѣ представляетъ восьмигранную съ вуполообразною каменною крышею пирамиду $2\frac{1}{2}$ саж. высотой и $1\frac{1}{2}$ саж. въ нижнемъ поперечникѣ. Пирамида подъ крышею опоясана карнизомъ въ 4 вершка шириною. Вершина пирамиды увѣнчана каменнымъ шаромъ, который составляетъ одно цѣлое съ

последнимъ камнемъ крыши. Дверей въ нихъ тоже нѣтъ, а небольшое окно продѣлано въ южной стѣнѣ, что даетъ нѣкоторое основаніе приурочить эти памятники магометанству, такъ-какъ у магометанъ тоже свой обычай,—сажать покойниковъ въ могилѣ лицомъ къ югу, дабы они могли молиться въ сторону Мекки и Каабы.

Объ группы большихъ памятниковъ, судя по одному и тому-же способу кладки и матеріалу, принадлежать одному періоду времени. Вѣроятно, здѣсь когда-то христіанство мирно уживалось съ магометанствомъ и принявшіе магометанство упокоивались на христіанскомъ кладбищѣ. Большіе памятники, вѣроятно, ставились на могилахъ князей и первыми магометанами должно быть были тоже князья, такъ-какъ, кромѣ трехъ большихъ магометанскихъ памятниковъ, на кладбищѣ нѣтъ иныхъ слѣдовъ магометанства.

Время принятія магометанства чегемцами и другими горцами относятъ къ концу VII вѣка. «Въ концѣ VII вѣка Шамхаломъ Тарновскимъ были посланы проповѣдники мусульманства изъ Дагестана къ чегемцамъ и проч. горцамъ» («У подошвы Эльборуса» Ковалевскаго и Иванюкова). Все это такъ, но древнее чегемское кладбище, намъ кажется, должно отнести къ болѣе раннему періоду времени, такъ-какъ чегемцы и проч. горцы, по ихъ преданіямъ, заняли уже кѣмъ-то разоренныя и пустыя земли невѣдомаго племени. Кладбище, очевидно, принадлежитъ тѣмъ древнимъ обитателямъ, что строили на скалахъ укрѣпленія и прятались въ пещерахъ. Край этотъ, быть можетъ, разоренъ былъ въ XIII или XIV вѣкахъ ордами татаръ и вѣроятноѣ всего Тамерлана, который, по кавказскимъ преданіямъ, пронесли грозною тучею чрезъ Кавказскій хребетъ, обращая цвѣтушія мѣста въ пустыни. «Желѣзный хромецъ», по кавказскимъ легендамъ о немъ, особенно золь былъ на христіанъ и изъ череповъ ихъ воздвигалъ громадныя пирамиды. Отсюда понятны и преданія чегемцевъ и

проч. горцевъ, говорящія, что въ разоренномъ краѣ предки ихъ не застали ни одной живой души.

Могилы подъ большими памятниками на чегемскомъ кладбищѣ уже вѣкъ-то давно разрыты. Въ настоящее время памятники представляются въ слѣдующемъ видѣ. Полъ въ часовняхъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ известковаго цемента. На полу каменная рама, раздѣленная каменнымъ-же сплошнымъ цилиндромъ. Въ обонхъ отдѣленіяхъ рамы пустые каменные гробы, а подъ ними довольно глубокіе склепы, въ которыхъ множество скелетовъ. Склепы, такимъ образомъ, служили усыпальницей цѣлаго рода и замуровывались только по наполненіи ихъ покойниками, которые полагались въ могилы безъ гробовъ.

Говорили намъ, что на костяхъ одного скелета найдены были сапоги съ голенищами изъ хорошо обработанной кожи и куски шелковой матеріи. Говорили намъ еще, что нѣскольکو лѣтъ тому назадъ была разрыта подобная-же древняя могила въ поселкѣ Думала (версты двѣ отъ аула) и что въ этой могилѣ найденъ былъ скелетъ мужчины съ необыкновенно большимъ черепомъ, скованный по рукамъ желѣзною цѣпью со скелетомъ жезницы. Черепъ и цѣпь, говорятъ, приобрѣтены вяземъ Измаиломъ Урусбиевымъ для его коллекціи. Драгоценностей въ разрытыхъ могилахъ христіанъ не находили. Множество другихъ памятниковъ на кладбищѣ представляютъ въ миниатюрѣ форму часовень. Есть нѣсколько каменныхъ каре; внутри ихъ замѣтны могилы, выложенныя по краямъ камнями. Все это могилы простыхъ смертныхъ и ихъ семействъ. Ихъ щадятъ хищники, ибо не надѣются найти въ нихъ что либо цѣнное.

Кладбища и памятники, подобныя описаннымъ, встрѣчаются по всей долинѣ отъ Чегема до Башиль-су. Аулы чегемцевъ возникли на развалинахъ древнихъ поселеній.

Современные обитатели долины Чегема живутъ въ гряз-

ныхъ земличкахъ, ни о какой культурѣ не помышляютъ, не ищутъ лучшаго, вполне довольны настоящимъ. Наиболѣе богатые князья соблазняются, впрочемъ, прелестями слободской русской обстановки и для шикю строятъ хаты въ русскомъ мѣщанскомъ вкусѣ, имѣютъ самовары и даже занавѣси на окнахъ. Свѣтелки эти большею частью не обитаемы, и предназначаются для приѣма начальства и гостей, почему и называются кунацкими. Земледѣіемъ почти не занимаются за недостаткомъ пахатной земли вблизи ауловъ. Небольшая площадь пахатной земли по берегамъ рѣки засѣяна овсомъ и ячменемъ для пива (бузы). Пшеницы сѣютъ очень мало, овощей же нѣтъ никакихъ. Пашни исключительно принадлежатъ княжескимъ фамиліямъ. Хлѣбъ покупаютъ у казаковъ, на него и здѣсь смотрятъ, какъ на лакомство. Какъ на рѣдкость смотрятъ здѣсь и на фрукты. Сванеты осенью приносятъ сюда дикія груши и яблоки и мѣняютъ ихъ на скоть. За папку грушъ даютъ ягненка.

Главнымъ и исключительнымъ занятіемъ чегемцевъ является скотоводство и особенно коневодство. Богачи князья имѣютъ табуны до 3—4000 головъ. Роды княжескихъ фамилій такъ разрослись, что изъ нихъ исключительно и составился аулъ Чегемъ. Остальное бѣднѣйшее населеніе живетъ въ поселкахъ и находится въ кабалѣ у князей. Всѣ земли—пахатныя, сѣнокосныя и даже лучшія пастбища—принадлежатъ князьямъ. Бѣднѣйшіе жители вынуждены наниматься пасти скоть у князей изъ-за десятой части приплода (овецъ и козъ) и за право пользованія пастбищами. Почти весь годовой заработокъ уходитъ обратно къ князю въ уплату за сѣнокосы и пахоть. Бѣдняки изъ кожи лѣзутъ, чтобы только приобрести путемъ покупки хотя клочекъ земли и выбиться изъ состоянія батрака. Нѣкоторыя семьи изъ княжескихъ фамилій такъ захудали, что живутъ не лучше бѣдняковъ. Они, впрочемъ, сохраняютъ княжескій гоноръ. Князь, какъ-бы онъ бѣ-

день ни былъ, ни за что не найдется работать къ другому, даже къ туристу въ проводники. Они не нанимаются, а предлагаютъ свои услуги проводить туриста, требуютъ найма подъ себя лошади (князю стыдно итти пѣшкомъ), а плату назначаютъ только яко-бы за потерю для нихъ дорогого времени. Торговаться за эти услуги считаютъ большимъ униженіемъ и обидой для себя.

Въ общемъ чегемцы производятъ впечатлѣніе народа зажиточнаго и даже богатаго. Дѣлаютъ богатыя пожертвованія въ Константинополь на магометанскія духовныя училища. Мушлы составляютъ значительные капиталы изъ добротныхъ даяній своихъ прихожанъ. На средства общества въ аулѣ выстроена очень красивая деревянная мечеть съ желѣзною крышею, рѣзными балконами, круглымъ минаретомъ и куполомъ надъ нимъ. Вблизи мечети надъ рѣчкой Джилки-су, тоже на средства общества, выстроены аульные ватеръ-клозеты. Въ нихъ правовѣрные дѣлаютъ свои омовенія изъ ручья, проведеннаго нарочно изъ Джилки-су.

«Въ Чегемѣ не было-бы бѣдныхъ, если-бы не было лѣнтяевъ», говорили намъ чегемцы. И это до нѣкоторой степени справедливо. Вы въ аулѣ не увидите, чтобы кто-либо занимался дѣломъ. Здѣсь царство праздности. Здоровые работники вмѣстѣ со стариками и дѣтьми сидятъ вучками во дворѣ мечети, у заборовъ, во дворѣ управленія, болтаютъ, храпятъ, дремлютъ въ тѣни, забавляются борьбою и играми ребятишекъ. Одни отъ скуки и бездѣлья ѣдутъ на базары въ казачьи станицы, другіе безъ цѣли развѣзжаютъ по кошамъ. Ни единаго ремесленника, ни единаго ремесла. Въ бытовыхъ своихъ обычаяхъ чегемцы ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ карачаевцевъ и причисляютъ себя къ одному племени съ ними. О чегемцахъ пришлось-бы повторить все то, что уже сказано нами о карачаевцахъ.

Оригинальнымъ показался намъ обычай—заемъ—воров-

ство лошади. Обычай этотъ въ ходу у всѣхъ горскихъ татаръ, какъ намъ говорили.

Горцу нужно выѣхать по дѣламъ изъ аула; свои лошади далеко на кошахъ. Вблизи-же аула бродятъ лошади, оставленныя для домашняго обихода. Нуждающійся воровски ловитъ первую попавшуюся ему лошадь, сѣдлаетъ ее и ѣдетъ. Потомъ, по минованіи надобности, лошадь возвращается на то мѣсто, откуда взята. Случается и такъ: пристала на дороге своя лошадь—путникъ бросаетъ ее, а беретъ воровски изъ табуна любую и продолжаетъ путь. На возвратномъ пути происходитъ обмѣнъ лошади на свою. Чужую лошадь путникъ можетъ оставить въ любомъ селеніи или кошѣ. Онъ долженъ только заявить, что взялъ ее тамъ-то. Сельчане и пастухи обязаны, по обычаю, возвратитъ занятую лошадь въ указанное мѣсто или хозяину, хотя-бы разстояніе измѣрялось сотнею верстъ, иначе они, а не заявшій, отвѣчаютъ за пропажу лошади. Хозяинъ можетъ не дать лошади, если поймаетъ заемщика на мѣстѣ преступленія. Если ему самому нужно было выѣхать, и онъ узналъ, что его лошадь уже занята, то онъ много не тужитъ, не ругаетъ заемщика, не жалуется на него, а поступаетъ такъ-же, какъ и онъ, т. е. въ свою очередь занимаетъ лошадь. Просить же объ одолженіи лошади у своихъ считается большимъ стыдомъ. Просить вообще стыдно. Въ этомъ отношеніи барачаевцы имѣютъ много общаго со сванѣтами и особенно въ обычныхъ правилахъ гостепріимства. Въ гости односельцы приглашаются здѣсь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., на свадьбу и помяньи, да и тутъ вмѣстѣ съ званными являются и незваные гости. Гостепріимство въ полномъ значеніи этого слова существуетъ только для чужихъ—мы уже говорили объ этомъ въ первой главѣ. Посмотримъ теперь, какъ принимаются свои односельцы.

Односельцы ходятъ въ гости всегда почти безъ зова и приглашенія, какъ-бы въ свой собственный домъ. Разные по-

воды представляются пойти въ гости. Зарѣзалъ кто-либо барана—къ нему являюся незваные гости и хозяинъ обязанъ раздѣлить съ ними трапезу. Его при этомъ не приглашаютъ даже сѣсть за общій столъ: онъ молча садится самъ, какъ въ собственной семьѣ. Изъ особаго уваженія къ гостю иногда подаютъ ему пищу на особомъ маленькомъ столикѣ. Приѣхавъ кто-либо съ базара и привезъ что-либо съѣстное, лакомство—незваные гости и тутъ, и опять угощеніе съ сообщеніемъ новостей. Къ сосѣду привезли съ коша молоко и сыръ, а у меня все вышло. Мнѣ нельзя просить у него взаимы—стыдно просить. Остается пойти въ гости, и меня накормятъ. Обычай эти—остатокъ родовой жизни, когда было все свое, общее, родовое, когда не вужно было просить что-либо, не къ кому было и ходить въ гости.

Оригиналенъ взглядъ горскихъ татаръ и на воровство. Оно преступленіе и наказуемо. Оно въ тоже время не безправственпо. Воръ не безславится въ обществѣ, на немъ не лежитъ пятна позора, его никто не смѣетъ упрекнуть въ его проступкѣ. Воръ наказуется только тѣмъ, что возвращаетъ краденое или его стоимость и уплачиваетъ пеню за убытки потерпѣвшему, пеню муллѣ и угощаетъ судей.

Оригиналенъ и осенній праздникъ Курманъ. Съ наступленіемъ холодовъ на альпійскихъ пастбищахъ скотъ сгоняется въ долины къ ауламъ на зимовки. Здѣсь онъ сортируется: часть отдѣляется для продажи, часть оставляется на весну, часть идетъ на уплату долговъ, калыма, часть муллѣ и на мечеть, и часть рѣжутъ и солятъ на зиму для продовольствія семьи. Затѣмъ наступаетъ праздникъ Курманъ съ плясками, свачками, пѣснями и прочими забавами. Старики говорятъ, что въ древнія времена предки ихъ въ праздникъ этотъ приносили благодарственныя жертвы Богу за хорошей приплодъ скота и молили Бога сохранить скотъ въ долгую суровую зиму. Теперь-же жертвъ не приносятъ, а въ воспоминаніе этого

обычая жертвуютъ седьмую часть мяса бѣднымъ. Жертвы эти собираютъ, главнымъ образомъ, сванеты, которые приходятъ на этотъ праздникъ большими партіями.

Въ Чегемѣ намъ пришлось наблюдать горскую свадьбу. Она у горскихъ татаръ обставлена многими оригинальными бытовыми обычаями и повѣрьями чисто мѣстнаго характера. Самую видную роль въ бракѣ играетъ обычай — купля-продажа невѣсты. Говорятъ, что обычай этотъ привился горскимъ татарамъ уже подъ вліяніемъ магометанства. Старики думаютъ, что древніе предки ихъ не знали этого обычая, и что даже ихъ дѣды и отцы да и они сами считали этотъ обычай пустою формою, необязательной для брачующихся сторонъ. Теперь-же обычай этотъ укоренился настолько, что отъ «калыма» (цѣна за невѣсту) не избавляетъ жениха и похищеніе своей суженой.

Дѣвушка, такимъ образомъ, низведена здѣсь магометанствомъ до степени товара: ее продаютъ и покупаютъ и чѣмъ она красивѣе, тѣмъ дороже за нее платятъ. Продаютъ дочь родители, покупаетъ самъ женихъ независимо отъ своихъ родныхъ. Но это не совсѣмъ такъ. Въ сущности невѣста продаетъ самое себя, такъ-какъ калымъ идетъ не въ пользу ея родителей, а становится ея неотъемлемою собственностью. Калымъ не поступаетъ даже въ общую собственность жены и мужа. Онъ возвращается женѣ по смерти мужа, не идетъ въ дѣлежъ наслѣдства между дѣтьми или родственниками мужа; разведенная жена беретъ свой калымъ со всѣми накопившимися прибавками къ нему и существуетъ на эти средства; если-же она возвращается въ домъ своихъ родителей, то калымъ, оставаясь все-таки ея собственностью, поступаетъ въ пользованіе семьи, какъ плата за содержаніе.

Все это умаляетъ значеніе дѣвицы какъ вещи, товара, и придумано народомъ для того, чтобы женщина могла имѣть хотя-бы матеріальную независимость отъ мужчинъ. Дѣвушка

приносить въ домъ своего мужа приданое—«бирене», которое, поступая въ пользованіе семьи, тоже остается ей собственностью и должно быть возвращено ей въ случаѣ развода. Дѣти наследуютъ всегда имущество отца, а не матери, и если умираетъ мать, то, по обычаю, калымъ и приданое должны быть возвращены ей родителямъ, если послѣдніе того пожелаютъ.

Приданое дѣвица начинаетъ собирать себѣ чуть-ли не съ самаго дня рожденія. Родственники дарятъ младенца деньгами, скотомъ. Дарятъ потомъ въ разныхъ случаяхъ: въ праздники, въ случаѣ выгодной продажи, при хорошемъ урожаѣ и приплодѣ скота и т. п. Изъ подарковъ этихъ составляется необходимый инвентарь будущей хозяйки: мѣдные кувшины, миски, тазы, котлы, сковороды и т. п. Живя еще въ домѣ родныхъ, дѣвушка можетъ имѣть свое особое имущество и прирацать его. У нея есть овца или корова, приплодъ съ которыхъ обращается въ деньги, а на послѣднія заготавливаются подушки, перины, одѣяла, бѣлье и проч. У нея есть куры, приносящія ей небольшой доходъ, для нея отдѣляется часть пражы, и она обращаетъ ее, смотря по надобности, или въ деньги или въ вещи. Смѣтливая, практичная дѣвушка за время пребыванія у родныхъ собираютъ такимъ путемъ небольшіе капиталчики, обезпечивающіе ихъ на черный день.

Рано начинаеть готовиться къ свадьбѣ и женихъ. Уже въ возрастѣ 15—16 лѣтъ онъ вынужденъ подумать о женитьбѣ и начать готовиться къ ней. Ему, во-первыхъ, нужно заготовиться костюмомъ, оружіемъ; если онъ думаетъ выдѣлиться изъ семьи, то необходимо построить новую саблю и завести новое хозяйство; главное-же, ему необходимо заготовиться деньгами для пиршества, калымомъ и подарками для родныхъ невѣсты. На все это нужны годы терпѣнія и труда, особенно-же для бѣдняка. Замѣчательно здѣсь отношеніе родныхъ жениха къ нему. Если будущій молодоженъ остается жить въ семьѣ,

что чаще всего бываетъ, то ничего не получаетъ для расходовъ по задуманному браку. Калымъ и все остальное онъ долженъ заготовить самъ, своими трудами. Родные помогаютъ ему въ этомъ случаѣ, но такъ, чтобы цѣльность хозяйства не нарушалась. Родные жениха не принимаютъ никакого участія даже въ сдѣлѣ съ родными невесты. Словомъ, женихъ здѣсь предоставленъ самому себѣ, даже въ желаніи жениться. Выраженіе «женить сына» не имѣетъ мѣста у горскихъ татаръ. Родные, впрочемъ, возстаютъ противъ неравнаго и почему-либо несоотвѣтствующаго ихъ желаніямъ или позорящаго семью брака (въ случаѣ женитьбы на иновѣрцѣ и иноплеменцѣ, когда невеста принадлежитъ къ низшему сословію или враждующему съ семьею дому и т. п.), но воспретить сыну жениться не могутъ. Въ случаяхъ несогласія родныхъ на бракъ женихъ обыкновенно рветъ семейную связь и выдѣляется изъ семьи до брака. Бракъ, считающійся позорнымъ для семьи, влечетъ за собою ненависть родныхъ, а иногда и лишеніе наслѣдства по приговору старцевъ. Такіе случаи здѣсь весьма рѣдки: они предупреждаются муллами и старцами, увѣщанія которыхъ имѣютъ большую силу.

Самое трудное для жениха собрать калымъ, размѣры котораго не ограничены. Въ средѣ бѣдняковъ калымъ достигаетъ почтенной суммы для горцевъ—300 руб. деньгами или натурою, въ средѣ-же князей онъ измѣняется тысячами и не падаетъ ниже 500 рублей. Такъ-какъ размѣры калыма по обычаю объявляются родными невесты еще въ періодъ наступленія половой ея зрѣлости, то женихъ, благодаря этому, заранее знаетъ, сколько придется заплатить ему за невесту.

Недостатокъ средствъ заставляетъ жениха обращаться иногда къ воровству и грабежамъ. Вообще воровство у горцевъ не считается большимъ преступленіемъ, — воровство же для калыма считается геройствомъ, удальствомъ джигита, а краденая вещь, въ силу обычая, поступаетъ въ калымъ съ

двойною стоимостью. Такъ, напр., собственный конь идетъ въ калымъ какъ стоимость въ 30 руб., краденый-же засчитывается въ 60 руб. Самое удалство вражи помогаетъ иногда жениху получить согласіе на бракъ какъ невѣсты, такъ и родныхъ ея и уменьшаетъ иногда цѣну калыма. Если-же удалство жениха дойдетъ до вполне удачной покражи самой невѣсты, то калымъ за нее иногда и вовсе не платится. Обычай въ этомъ случаѣ разрѣшаетъ самому жениху опредѣлить размѣры калыма.

Покража невѣсты чаще всего происходитъ при ея согласіи и содѣйствіи. Согласіе-же это вынуждается чувствомъ любви къ жениху въ ущербъ, очевидно, своимъ матеріальнымъ интересамъ.

Причинами покражи бываютъ чаще всего нежеланіе родителей почему-либо выдать дочь свою за сватающагося и недостаточность калыма, предлагаемаго женихомъ. Случается, что женихъ не въ силахъ добыть требуемый за невѣсту калымъ. Онъ проситъ уменьшить его, и получаетъ отказъ, который и вынуждаетъ его или на воровство, или на покражу невѣсты. Отказываютъ жениху вовсе, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ причинамъ: если онъ принадлежитъ къ низшему сословію, если онъ безнравствененъ по горскимъ понятіямъ и если между обоими домами существуетъ явная или скрытая вражда.

Во всѣхъ обществахъ горскихъ татаръ замѣчается какъ разноплеменность (которую, впрочемъ, можно угадать только по внѣшнимъ признакамъ, по наружности), такъ и разнословность, которая основана на выведенномъ уже русскими крѣпостничествѣ и рабствѣ. Сословность играетъ весьма видную роль въ брачныхъ дѣлахъ и служитъ причиною смутъ въ средѣ горскихъ татаръ. Въ Чегемѣ, напр., четыре княжескихъ фамиліи: Болваровы, Кереметовы, Барасбіевы и Кучуковы. Роды этихъ фамилій составляютъ около $\frac{2}{3}$ всего населенія.

Кромѣ князей (таубіевъ), есть еще дворяне (каравши), находившіеся въ вассальной зависимости у князей до русскаго владычества. Остальное населеніе составляетъ изъ отпущенныхъ на волю рабовъ и холоповъ и изъ пришельцевъ со стороны. Князья и под-днесь оспариваютъ другъ у друга первенство: чествать одинъ другого самозванцами и не могутъ рѣшить вопроса, кто настоящій природный князь—потомокъ древнихъ вождей. Нѣкоторые дворяне тоже имѣютъ поползновеніе причислять себя къ роду князей, основываясь на преданіяхъ и выдумкахъ. Князья причисляютъ себя къ кореннымъ обитателямъ, и потому захватили всѣ лучшія земли въ свои руки. Каравши, по преданіямъ, добровольные пришельцы. Они нанимались на службу къ князьямъ, но подъ условіемъ личной свободы и могли оставить князя, когда имъ вздумается. Въ благодарность за услуги въ войнахъ съ сосѣдами каравши получили небольшіе надѣлы земли, которыми и владѣютъ теперь.

Чегемскіе князья по типу близки къ осетинамъ, чего нельзя сказать о другихъ, напр., о князьяхъ въ Безинги, гдѣ они несомнѣнно татарскаго происхожденія. Князья чегемскіе и сами не отрицаютъ своего осетинскаго происхожденія. Они говорятъ: «и мы, и карачаевцы одного племени, а наши предки, вѣроятно, были осетины». Впрочемъ, о своемъ происхожденіи всѣ горцы имѣютъ весьма смутныя представленія.

Какъ уже сказано было, многіе роды князей такъ захудали, что въ матеріальномъ отношеніи не отличаются отъ бѣднѣйшихъ жителей аула изъ низшаго сословія. Лишившись богатствъ, они уже упали на степень обыкновенныхъ смертныхъ и менѣе уважаются въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ богатые сравнительно каравши. Тѣмъ не менѣе обычай брать невѣсту только изъ своего сословія въ полной силѣ, и князь не рѣшится жениться на дочери каравши, какъ не рѣшится и дочь свою выдать за каравши, а тѣмъ болѣе за бывшаго холопа или пришельца съ темнымъ происхожденіемъ. У

караши въ свою очередь достаточно гонора, чтобы не брать невѣсты изъ низшаго сословія.

Затѣмъ многочисленное родство въ свою очередь служить препятствіемъ браку. Горскимъ татарамъ извѣстны многіе случаи родства, препятствующіе браку. Вотъ главные, кромѣ ближайшаго кровнаго, родового фамилнаго родства: нельзя жениться на дѣвушкѣ изъ рода молочной матери, нельзя жениться на дѣвушкѣ изъ рода «болушъ», т. е. лица, въ домѣ котораго скрывается женихъ въ первые дни брака (объ этомъ дагѣ); «жемчекъ» (воспитанникъ) *) не можетъ жениться на дѣвушкѣ изъ рода «аталыка» (воспитателя) и друг. Между брачующимися родами возникаетъ свойство, равное по значенію кровному родству. Свойство это, какъ и случаи некровнаго родства, признается правовыми обычаями, идущими въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ съ законами религіи. Всѣ эти стѣсненія къ браку порождаютъ большія смуты. Противъ этихъ обычаевъ появились уже протесты. Жизнь возьметъ, вѣроятно, свое, и старыя обычая уступятъ мѣсто необходимости. Жениться надо, а жену найти трудно: одна въ родствѣ, другая не пара по сословію, третья уродъ, семья четвертой во враждѣ, пятая бѣдна слишкомъ, за шестую требуютъ непосильный калымъ и т. д. Что же дѣлать жениху и что дѣлать невѣстѣ? А что дѣлать въ томъ случаѣ, когда ко всему этому примѣшается еще и страсть, часто взаимная? Отсюда насиліе, смуты, отъ которыхъ не избавляетъ даже и похищеніе невѣсты. Смуты эти порождаютъ вражду, кровавую месть и рѣзню.

Обратимся теперь къ похищенію (касхагерха). Оно нѣкоторымъ образомъ право. Похитившій удачно невѣсту получаетъ право на бракъ съ нею. Удачно похитить—это значитъ: увести, украсть невѣсту изъ дому и успѣть лишить ее

*) Существуетъ обычай у князей отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе въ чужія семьи.

дѣвства. Если погоня поймаетъ бѣглецовъ до совершения этого акта, то невѣста возвращается родителямъ, а женихъ расплачивается за безчестье или головой или, въ лучшемъ для него случаѣ, карманомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ похититель лишается права на получение невѣсты даже и въ томъ случаѣ, если онъ приготовить требуемый калымъ. Доставить ему жену и избавить его отъ общаго презрѣнія можетъ только вторичное удачное похищеніе. На похищеніе поэтому рѣшаются только самыя отважныя изъ молодежи.

Къ похищенію готовятся долгое время и по возможности тайно. Самое важное добыть вѣрнаго могучаго коня, который вынесъ-бы бѣшеную 25—30-верстную иногда скачку и оставилъ-бы далеко за собою погоню, давъ тѣмъ возможность укрыться съ невѣстой въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ. Необходимо также заручиться согласіемъ самой невѣсты на похищеніе и условиться съ ней о времени увоза. Надо подкупить деньгами и подарками бдительный надзоръ за невѣстой въ лицѣ прислужницъ (у князей и богачей). Необходимо узнать всѣ порядки въ домѣ невѣсты: кто гдѣ спитъ, каковы запоры, гдѣ удобнѣе всего спрятаться и т. п. Родные невѣсты часто знаютъ о готовящемся похищеніи и берегутъ ее, какъ зѣницу ока. Затѣмъ похититель заручается пріятелями, которые помогаютъ похищенію. Погоня иногда обманывается тѣмъ, что въ темнотѣ ночи съ женихомъ скачутъ его пріятель, которые въ критическій моментъ рассыпаются въ разныя стороны, по разнымъ дорогамъ, оставляя погоню въ недоумѣніи: въ какую-же сторону гнаться. Иногда пріятель жениха вступаютъ въ бой съ погоней и даютъ этимъ возможность жениху укрыться въ безопасномъ мѣстѣ. Хорошъ долженъ быть конь-иноходецъ и много нужно удали и ловкости, чтобы ускользнуть съ невѣстой на рукахъ и скрыться отъ погони! Въ погоню за похитителемъ иногда бросается весь аулъ, такъ-какъ вража невѣсты безчестье для цѣлага аула.

Перейдемъ теперь къ обрядамъ, сопровождающимъ обыкновенное бракосочетаніе. Когда у жениха все готово для брака, онъ выбираетъ изъ среды своихъ ближайшихъ родственниковъ довѣренныхъ лицъ. Самымъ почетнымъ довѣреннымъ считается дядя по матери. Довѣренные отправляются къ родителямъ невѣсты и сговариваются съ ними. Если соглашеніе между довѣренными жениха и родителями невѣсты состоится, то призывается невѣста и ее спрашиваютъ, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Невѣста, по обычаю, должна отвѣтить: «это миль моимъ родителямъ, тотъ миль и мнѣ», или: «я исполняю волю моихъ добрыхъ родителей». О нежеланіи невѣсты догадываются только по второму отвѣту. Отвѣчать-же отказомъ она, по обычаю, не имѣетъ права. Если родители, дѣйствительно, добры къ своей дочери, то они отказываютъ довѣреннымъ, несмотря на состоявшееся уже соглашеніе въ случаѣ второго отвѣта.

Получивъ согласіе невѣсты и ея родныхъ, довѣренные жениха вмѣстѣ съ довѣренными невѣсты отправляются къ муллѣ, которому и заявляютъ о желаніи такого-то вступить въ бракъ съ такою-то. Мулла записываетъ въ книгу всѣ условія брака съ размѣромъ калыма включительно, затѣмъ получаетъ отъ довѣренныхъ жениха установленную плату себѣ и жертву въ пользу мечети, послѣ чего приступаетъ къ совершенію церковнаго обряда (накахъ). Въ присутствіи довѣренныхъ читаются установленныя молитвы и нравоученія изъ корана, относящіяся къ данному случаю. Этимъ и заключается обрядъ вѣнчанія. Послѣ совершенія некаха бракъ считается вполнѣ заключеннымъ, и можетъ быть расторгнутъ только на условіяхъ развода. Уважительными-же причинами развода признаются только бесплодіе и крайняя безнравственность одной стороны. Разведенные ни въ какомъ случаѣ не обрекаются на безбрачіе. При разводахъ всѣ дѣти остаются отцу.

Послѣ совершенія накла брачующимися сторонами назначается, по взаимному соглашенію, день увоза невѣсты. Наканунѣ этого дня женихъ сзываетъ своихъ пріятелей и устраиваетъ для нихъ пирушку — проводы холостой жизни. На другой день поѣзжане съ довѣренными отъ жениха отправляются за невѣстой. Невѣста въ большинствѣ случаевъ находится въ другомъ аулѣ, такъ-какъ въ своемъ уже успѣли всѣ породниться. Въ день увоза невѣсты у послѣдней собираются ея родственники и подруги. Тутъ тоже идетъ пиръ горой. Довѣренные жениха вручаютъ роднымъ невѣсты калымъ и раздаютъ подарки: лошадь (или пару воловъ) отцу, лошадь старшему дядѣ по матери, лошадь молочной матери и лошадь старшему брату невѣсты. Гостямъ невѣсты привозится угощеніе изъ пива и сластей. Молодежь и невѣста веселятся, поютъ пѣсни, танцуютъ подъ гармонику. Обычай горскихъ татаръ нисколько не препятствуютъ сближенію молодежи обоихъ половъ. На шумныхъ пирахъ у невѣсты часто затѣваются новыл свадьбы. Невѣста все время должна быть весела и больше другихъ должна плясать лезгинку и другіе танцы съ пріятелями своего жениха. Свадебнаго пира не должны омрачать ни чьи слезы. Ни мать, ни отецъ не должны плакать или печалиться при разставаніи съ дочерью.

Вотъ, наконецъ, наступаетъ часъ увоза. Родные невѣсты вручаютъ довѣреннымъ жениха бирене—приданое невѣсты, которое тутъ-же и выютится на запасенныхъ лошадяхъ. Невѣста прощается съ родными. Ее одѣваютъ въ бѣлыя одежды, закрываютъ лицо чадрой и вручаютъ старшему довѣренному отъ жениха. Довѣренный садится на коня и сажаетъ передъ собою невѣсту на привязанную къ сѣдлу подушку, послѣ чего свадебный поѣздъ трогается въ путь. Впереди скачутъ наѣзники съ неистовымъ гиканьемъ, съ флагами въ рукахъ и несмолкаемою стрѣльбою. Лошади наѣзниковъ украшаются разноцвѣтными платками. Изъ сосѣднихъ домовъ выбѣгаютъ

ребятишки и швыряютъ въ поѣзжанъ палками и камнями. На пути въ какомъ-нибудь узкомъ мѣстѣ, чаще всего на мосту, устраиваются жителями встрѣчныхъ ауловъ баррикады изъ камней и бревенъ. Джигиты должны перескочить черезъ баррикаду и промчатся черезъ толпу, сплошной стѣной стоящую за баррикадой. Толпа состоитъ изъ ребятшекъ, бабъ и даже взрослыхъ мужчинъ. У каждаго въ рукахъ длинная хворостина, которою хлещутъ и лошадь, и всадника, покушающагося пробиться. Происходитъ цѣлое сраженіе, изъ котораго выходятъ многіе съ ранами и ушабами. Доходитъ дѣло иногда и до убійства, хотя и ненамѣреннаго. Визгъ, крики, плачь задавленныхъ, неудачныя попытки джигитовъ пробиться, насмѣшки надъ этимъ—все это и пугаетъ, и смѣшить въ то-же время.

Если хоть одному всаднику удастся промчатся сквозь толпу, то дѣло послѣдней проиграно, и свадебный кортежъ движется далѣе. Если-же толпа устоитъ, то всадникамъ ничего другого не остается, какъ откупиться отъ нея. Съ этою цѣлью сзади свадебнаго поѣзда слѣдуетъ вьюкъ (на счетъ жениха) съ пивомъ и бараниной. Вьюкъ отдается въ распоряженіе толпы, которая, получивъ угощеніе, разступается передъ поѣздомъ и пропускаетъ его. Толпа угощается тутъ-же на мѣстѣ сраженія.

Невѣста помѣщается не въ домѣ жениха, а у кого-либо изъ его ближайшихъ родственниковъ. Сюда собирается родня жениха, молодежь обоюго пола, сосѣди и всѣ, кто захочетъ. Шумный пиръ идетъ день, два и болѣе, начинаясь раннимъ утромъ и оканчиваясь позднимъ вечеромъ. Женихъ, по обычаю, въ день привоза невѣсты долженъ скрыться въ домъ кого-либо изъ своихъ пріятелей, который такимъ образомъ вступаетъ съ нимъ въ родство (болушь), равное по силѣ и значенію родству кровному. Женихъ не долженъ никому показываться на глаза недѣлю, иногда мѣсяць, а у князей и нѣсколько мѣсяцевъ. Если новобрачнаго встрѣтятъ на улицѣ

даже ночью, то избьютъ палками и загонятъ его въ его убѣжище. Къ женѣ онъ уходитъ глубокою ночью и то тайкомъ, воровски. Съ разсвѣтомъ онъ снова скрывается, а къ женѣ снова сходятся гости и веселятся. Если узнаютъ, что новобрачный пробрался къ женѣ и заперся съ нею въ саклѣ, то молодежь взбирается на крышу сакли и бросаетъ въ трубу вамина кошекъ, пѣтуховъ, щенятъ и всякую мерзость.

Новобрачный все время своего заключенія считается нечистымъ; обычай запрещаетъ даже прикасаться къ нему въ теченіе 7 дней—минимума заключенія. Если обстоятельства не позволяютъ скрываться долѣе семи дней, то называется день выкупа. Наканунѣ этого дня глашатыи (бегуль), увѣдомленный молодоженомъ о желаніи выкупиться, обходитъ весь ауль, сзывая желающихъ на сборное мѣсто (нагипшъ). Сюда привозится отъ жениха пиво, жаривается нѣсколько барановъ цѣликомъ на вертелѣ и начинается пиръ, на который стекается весь ауль. Новобрачные тоже присутствуютъ на этомъ пирѣ. Этимъ обрядомъ и заканчивается весь свадебный процессъ. Новобрачный всенародно признается очистившимся и законнымъ мужемъ.

Хотя законъ магометанскій и разрѣшаетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, но многоженство не въ ходу у горскихъ татаръ и по слѣдующимъ причинамъ: трудно, какъ мы видѣли, отыскать и одну жену; большія издержки разорительны и для одной свадьбы, тяжело прокормить и одну небольшую семью, главное же—«предки наши не знали этого обычая», т. е. многоженства. Исключенія изъ этого правила встрѣчаются у князей и то весьма рѣдко. Возрастъ брачующихся неопредѣленъ строгими обычаями, да здѣсь народъ и не ведетъ лѣтсчисленія такъ-что ни одинъ татаринъ въ точности не знаетъ, сколько лѣтъ ему и его дѣтямъ. Не принято, впрочемъ, жениться или выходить замужъ слишкомъ рано. Дѣвушка объявляется невѣстою въ 12—14 лѣтъ, при этомъ объявленіи и назна-

чается размѣръ калыма за нее. Мужчины обыкновенно женятся послѣ 20 лѣтъ. Ранніе браки являются рѣдкимъ исключеніемъ. Холостяки за 30 лѣтъ и дѣвушки за 20 лѣтъ встрѣчаются здѣсь нерѣдко.

Свадьбы устраиваются преимущественно лѣтомъ до начала рабочаго времени и осенью послѣ праздника «Курманъ». Зимю-же аулы дремлютъ подъ сугробами снѣга и забавляются вьюгами да метелями.

Разставаясь съ долиной Чегема, нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ истокахъ этой рѣки. Въ ясную погоду изъ аула видны двѣ живописныя панорамы на снѣговые вряжи по раздвоенному ущелью Чегема. Въ верстахъ 15 отъ аула къ истокамъ Чегемъ раздѣляется на двѣ довольно большія рѣки: лѣвый истокъ течетъ изъ ледниковъ цѣпи Башильтау и называется Башиль-су, правый—изъ ледниковъ цѣпей Тютюргу и Гора-башъ и называется Гора-су (кислая вода). Обѣ послѣднія цѣпи раздѣляются замѣчательно красивой вершиной Тейхтенгенъ. Вершина эта, выдавшись немного изъ вряжа, замыкаетъ долину Гора-су. Она не высока, но замѣчательно правильной конической формы, а склоны ея обрамлены красивыми рядами лѣсной, кустарниковой и луговой земли, изъ которой подымается бѣлоснѣжная шапка. У подножья Тейхтенгена изобиліе малины, черники и проч. ягодъ. Здѣсь-же между холодными прѣсными ключами пріютился углекислый источникъ. Изъ-подъ скалы вытекаетъ цѣлый ручей этой весьма пріятной на вкусъ воды. По вкусу источникъ Гора-су напоминаетъ кислородскій Нарзанъ. У источника пастухи поставили колоду, наливаемую желобкомъ. Сюда пригоняютъ пить овецъ. Скотъ очень любитъ эту воду. Быки и лошади сами отыскиваютъ источникъ и приходятъ сюда пить за нѣсколько верстъ, хотя прѣсныхъ источниковъ очень много по всей долинѣ.

Прѣсные источники здѣсь поражаютъ своею величиною.

Въ самомъ аулѣ, на берегу Джилки-су, бьетъ изъ-подъ скалы такой большой ручей, что воды его достаточно для двухъ горныхъ мельницъ. Въ долину Гора-су встрѣчаются источники въ два—три раза болѣе. Нѣкоторые изъ нихъ въ Закавказьѣ называли-бы рѣками. Въ долину Гора-су растетъ прекрасный строевой лиственный и хвойный лѣсъ, который беспощадно истребляется владѣльцами его и на нужды и безъ нужды. Черезъ Гора-тау и Башиль-тау пролегаютъ горные проходы въ Сванетію, и именно въ Мужаль и Мулахъ. Истоки Гора-су, Башиль-су были свидѣтелями многочисленныхъ сванетскихъ грабежей. Земли въ этихъ истокахъ сванеты и доселѣ считаютъ своими, хотя уже и не пользуются ими.

IV. Безинги и Болкаръ.

Переваль въ долину Урвана.—Безингійцы.—Переваль въ Болкарію.—Долина Черека.—Нравы болгарцевъ.—Истоки Черека и ледники ихъ питающіе.—Минеральное болото.—Коштанъ-тау и Дыхъ-тау.—Дигорскій вряжъ.—Пасисъ-мта.—Переваль въ истокамъ Цхенисъ-цхали.—Кадера-уди-каа.—Снѣжная площадь на гребнѣ.—Истоки Цхенисъ-цхали.—Переваль въ истокамъ Ріона.—Истоки Ріона.

Долины рѣкъ Чегема и Урвана *) раздѣляются высокимъ отрогомъ отъ главной цѣпи Корга-шили-тау. Къ Чегему съ юга доходятъ пониженныя плоскогорія этого снѣгового края подъ именемъ горъ Муколь-тапа. Но прежде, чѣмъ добраться до этого плоскогорья, приходится повернуть отъ поселка Думала круто въ востокъ и взбираться на крутизны известковаго вряжа Ахъ-каа. Съ вершины послѣдняго горцы могутъ наблюдать за жизнью далекихъ степей: отсюда взоръ не встрѣчаетъ препятствій ни къ востoku, ни къ сѣверу.

Прекрасны горы въ своемъ суровомъ величій—прекрасны и степи въ своей необъятности. Чудныя мѣста! Сколько здѣсь поэзіи, сколько высокаго наслажденія! Прелестные пейзажи смѣняются другъ друга...

Поднявшись по извилистой узкой тропинкѣ на Ахъ-каа, вы поворачиваете къ юго-западу и вступаете на довольно обширное плоскогорье, огражденное съ юга главною цѣпью, съ запада ея снѣжными отрогами и съ сѣвера горами Тупъ-тау. Вы ѣдете по альпійскимъ лугамъ, и кажется, что вы не на горахъ, а на слегка волнистой плоской поверхности степей.

*) Рѣку эту правильнѣе называть Хулумскимъ Черекомъ или по-кабардински „Черекъ-глаго.“

Вы здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаете ручьи, которые рождаются тутъ-же прямо на поверхности. Вамъ преграждаютъ путь многочисленныя топи и болота. Приходится колесить по этой плоской возвышенности на высотѣ 7—8000 фут., ища удобнаго пути по едва замѣтнымъ выпуклостямъ, которыя образуютъ на зеленомъ полѣ нѣчто въ родѣ волнъ слегка колеблющагося моря. Отвѣсныя стѣны далекихъ известковыхъ скалъ кажутся берегами этого волнующагося моря зелени, въ которой точно корабли ныряютъ темныя скалистые утесы. Въ туманной дали, у самаго небосклона, вздымаются высоко-высоко коническіе бѣлоснѣжные пики, а надъ ними величаво царить грозная утесистая Дыхъ-тау и пирамидальная красавица Коштанъ-тау. Вершины эти лежатъ на отрогѣ, который своею высотой и дикостью далеко превосходитъ самый Главный хребетъ. Тутъ мы въ первый разъ замѣтили противорѣчіе карты съ названіями туземцевъ. На картѣ несомнѣнная ошибка, въ чемъ мѣ убѣдились изъ многочисленныхъ разспросовъ у туземцевъ. Названія упомянутыхъ пиковъ слѣдуетъ помѣнять, тогда и названія рѣкъ, текущихъ съ нихъ будутъ соответствовать названіямъ вершинъ, чего нѣтъ на картѣ. Кстати уважемъ еще и на другую подобную-же ошибку. Названія частей цѣпи въ истокахъ Кубани Узунъ-коль и Кичкине-коль тоже слѣдуетъ помѣнять для соответствія съ названіями рѣкъ, текущихъ съ нихъ. Новая пятиверстная карта, по всей вѣроятности, исправитъ погрѣшности съеомокъ прежняго времени *).

Часа черезъ три томительнаго пути по топямъ альпійскихъ пастбищъ мы подъѣхали къ обрыву, которымъ плоскогорье Муколь-тапа спускается въ долину Урвана. У ногъ нашихъ громадная известняковая стѣна и чрезвычайно глубокая

*) На картахъ послѣднихъ двухъ лѣтъ Дыхъ-тау и Коштанъ-тау обозначены вѣрно.

долина, на днѣ которой реветъ Урванъ, а къ берегамъ его тѣснятся деревушки безингійцевъ. Сакли ихъ вѣдутся отсюда карточными домиками, а рѣка—ручейкомъ, который безъ труда можно перешагнуть. Спускъ чрезвычайно крутъ. Узкая тропа вѣется мѣстами по карнизамъ стѣны, и мы вынуждены были цѣпляться руками за скалы, чтобы сохранить равновѣсіе при головокруженіи. Съ полугоры предметы въ глубинѣ долины принимаютъ болѣе ясныя очертанія, и передъ вами развертывается цѣлая картина минувшаго разоренія. На южныхъ склонахъ хребта Муколь-тапа глазъ отыскиваетъ многочисленныя развалины башенъ, крѣпостей, храмовъ.... Все разрушено беспощадной рукою свирѣпыхъ завоевателей,—разрушено до основанія, разрушены даже памятники на кладбищахъ. Долина Урвана и безъ того имѣетъ дивій суровый видъ, а груды разваливъ и обезображенные остовы древнихъ сооруженій еще болѣе усугубляютъ безотрадное впечатлѣніе. Удручающее впечатлѣніе производитъ и главный безингійскій аулъ Тюбенель: грязныя норы вмѣсто жилыхъ строеній, вонь, грязныя кривые проходы между норами, нескончаемый лай собакъ, мракъ въ долинѣ—все это дѣлаетъ внѣшность аула крайне непривлекательною. Обитатели, встрѣтившіе насъ, тоже какъ-то особенно гармонировали съ окружающимъ безобразіемъ. Злыя выразительныя лица съ выдавшимися скулами, атлетическій ростъ и сложеніе, грубый рѣзкій татарскій говоръ, лохмотья—вмѣсто одежды, взгляды, полные презрѣнія, ненасытной вражды и злости, недоброжелательные вопросы: кто? куда? что надо?—вотъ съ чѣмъ мы встрѣтились въ аулѣ. Общественная нора, въ которой принимались случайные посѣтители аула и которая въ свободное время служила кузницей, была занята венгерскимъ путешественникомъ Деши (Déchy) съ его проводниками. Мы очутились подъ открытымъ небомъ, что было небезопасно. Два часа хлопотъ—и намъ старшина очистилъ одну изъ обывательскихъ норъ. Вмѣсто

дровъ намъ принесли немного зеленыхъ березовыхъ вѣтокъ и за это потребовали 40 коп. Огня намъ эта зелень не дала, несмотря на всѣ старанія, а другихъ дровъ въ аулѣ не оказывалось: лѣсу въ долинѣ нѣтъ вовсе; въ истокахъ Урвана растутъ только кусты березъ, которыми жители и топять. Изъ вѣтокъ-же большею частью плетутся и обывательскія норы. Необходимый строевой лѣсъ привозится изъ-далека. Между тѣмъ спустилась уже туманная ночь. Намъ принесли сухое полѣно и просили за него 1 рубль. За 10 яицъ взяли 20 коп., за курицу, которую варили потомъ три часа и все-таки не сварили, взяли 50 коп.; нужно было воды, и за это просили 20 коп. Послѣднее уже окончательно возмутило насъ, и мы сами, рискуя попасть на зубы громадныхъ собакъ, отправились отыскивать воду, которая, къ счастью, оказалась неподалеку отъ нашей норы. Въ короткое время къ нашей норѣ сбѣжалось чуть-ли не полъ-аула, и каждый принесъ что-либо для продажи: сыръ, яйца, пѣтухи, полѣно дровъ, охапку вѣтвей... За все запрашивали безсовѣстно много, а конкуренція не только не сбавляла цѣны, напротивъ—каждый продавецъ старался запросить больше другого, видимо потѣшаясь нашимъ невыгоднымъ положеніемъ. Продавцы эти съ неудовольствіемъ удалились тогда только, когда увидѣли, что мы вовсе не такъ ужъ нуждаемся въ пищѣ, какъ они думали: у насъ были еще въ запасѣ холодныя закуски и ячменный хлѣбецъ. Сосѣдка-татарка, продавшая намъ курицу, видимо устыдилась, что такъ дорого взяла за нее, старалась чѣмъ-либо услужить намъ: добыла гдѣ-то тайкомъ сухое полѣно, раздула огонь, принесла таганъ для котла и кувшинъ для воды. Мы и за это предложили ей деньги, но она обидѣлась и указала на небо, какъ-бы говоря этимъ, что не забыла еще Бога.

Всѣ эти подробности приведены здѣсь для того только, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о дивости и грубости нра-

вовъ безингйцевъ, достойныхъ потомковъ орды Чингисъ-хана или, быть можетъ, Тамерлана. Обо всемъ этомъ насъ предупреджали еще въ Чегемѣ, но мы не хотѣли вѣрить всѣмъ розсказнямъ объ этомъ разбойничьемъ народѣ. Такъ не человѣчески безингйцы относятся не только къ иностранцамъ, но и къ своимъ соплеменникамъ: проводники наши, напр., не могли найти здѣсь пріюта и даровой пищи и пристроились къ намъ, ругая безингйцевъ. Деши говорилъ намъ потомъ, что и онъ въ Безинги не разъ испытывалъ на себѣ то-же, что и мы, а потому, наученный горькимъ опытомъ, запасся мясомъ и всѣмъ необходимымъ еще въ Сванетіи, откуда онъ только-что перевалилъ весьма опаснымъ Мужальскихъ ледникомъ—Цанери и потомъ Безингйскимъ глетчеромъ. Ледникъ Цанери течетъ въ узкомъ скалистомъ ущельѣ съ с.-западныхъ склоновъ Тетнульда, вершина котораго считалась недоступною. На этотъ разъ съ помощью проводниковъ и снарядовъ Деши съ другими спутниками удалось взобраться и на эту вершину. Перевалъ въ своей вершинѣ представляетъ, по словамъ Деши, совершенно горизонтальную обширную снѣжную площадь, на южномъ краю которой выдвигается вершина сванетскаго Тетнульда, а на сѣверномъ—татарскаго. Подобныя площади на вершинѣ Главнаго гребня не разъ повторяются въ предѣлахъ истоковъ Кубани и Ріона. Перевалъ въ Безинги избѣгаютъ даже сванеты, предпочитая ему сосѣдній въ истокахъ Чегема. Многіе думали, что и съ сѣвера, и съ юга можно видѣть Тетнульдъ, тогда какъ съ сѣвера сванетскаго Тетнульда не видно вовсе, а съ юга (съ Латпарскаго перевала) видна только самая шапка татарскаго Тетнульда, который оказался, по словамъ Деши, немногимъ выше сванетскаго.

Негостепримство безингйцевъ заставило насъ покинуть ихъ земли, несмотря на дождь, которому, казалось, конца не будетъ. Погода, впрочемъ, скоро прояснилась и мы, взобравшись на предгорье Коштанъ-тау—Джуру-сыртъ, увидѣли

по долинь Урвана нѣсколько ауловъ хуламцевъ. Хуламцы, по происхожденію, какъ намъ говорили, почти всѣ кабардинцы, но причисляются къ обществамъ горскихъ татаръ. Часть хуламцевъ—отатарившіеся горскіе евреи. Занимаются хуламцы больше торговлею, чѣмъ скотоводствомъ, а потому народъ весьма зажиточный.

Покинувъ Урванъ верстахъ въ 7 къ его истоку отъ аула, мы вступили въ боковое ущелье бѣшеной рѣченки Дума-ла. Рѣчка эта начинается подъ самой шапкой Коштанъ-тау изъ могучаго глетчера и во всемъ своемъ теченіи представляетъ грозный каскадный потокъ. Вода скатывается послѣдовательными водопадами по страшно крутому уклону. Глазъ не въ силахъ услѣдить за теченіемъ. У смотрящаго на воду появляется сильное головокруженіе, а за нимъ потеря равновѣсія. Тропинка вьется надъ каскадами и обрывами въ нѣсколько десятковъ саженой высоты. Сидѣть на лошади немислимо. Взбираться на крутизны и пѣшкомъ чрезвычайно опасно и тяжело. Проводники нѣсколько разъ предупреждали насъ не смотрѣть внизъ. Были и такія мѣста, гдѣ и привычныя горскія лошади робѣли и упрямылись, не двигались впередъ, несмотря на плети, которыми ихъ усердно стегали. Въ такихъ случаяхъ одинъ изъ проводниковъ велъ лошадь подъ уздцы, отводи ей морду въ сторону отъ воды, другой-же тянулъ ее за хвостъ, поддерживая этимъ въ равновѣсіи дрожащаго при чувствуемой опасности коня. Проводники наши вмѣсто договоренной вьючной лошади дали намъ хваленнаго осленка, который могъ пронести нашъ вьюкъ только нѣсколько верстъ по долинь Урвана. При подъемѣ-же Джуру-сыртъ вьюкъ пришлось везти на верховыхъ кляченокъ, которыя и сами-то едва волкли ноги, зарабатывая, тѣмъ не менѣе, хозяевамъ по 2 руб. въ сутки. Мало того, одинъ изъ вызвавшихся проводниковъ, единственный въ аулѣ знающій десятка два русскихъ словъ, оказался на столько хилымъ, что не могъ подыматься на горы

и требовалъ подъ себя лошадь на нашъ счетъ, которую, не смотря на всѣ старанія проводниковъ, не могли достать для него, а посему при дальнѣйшемъ пути намъ приходилось поневолѣ чередоваться въ ѣздѣ съ хилымъ дворяниномъ. Въ истокахъ р. Думала вблизи глетчеровъ Коштанъ-тау былъ крытый кошъ одного изъ нашихъ проводниковъ. За деньги мы наши здѣсь пріютъ и пищу. Здѣсь-же наняли еще одну лошадь. Пастухи, впрочемъ, все-таки выглядѣли добрѣе и различнѣе постоянныхъ жителей аула. Здѣсь къ намъ отнеслись по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ и оказали гостепримство, хотя и не такое радушное, какъ прежде въ Карачаѣ. Большинство пастуховъ и здѣсь народъ бѣдный, находящійся въ экономической зависимости у князей и дворянь.

До ледниковъ Коштанъ-тау отсюда было не болѣе 2—3 версты. Громадные глетчеры этой вершины спускаются въ ущелье р. Думала двумя грандіозными ледяными каскадами. Разрушительныя силы природы являются здѣсь во всемъ величїи своей дѣятельности. Морены этихъ глетчеровъ являются здѣсь цѣлыми горами и крижами изъ громадныхъ обломковъ скалъ. Грандіозныя каскады льда образуютъ отвѣсныя стѣны въ нѣсколько десятковъ сажень. Не только-что на ледникѣ, но и до устья его мало возможности добраться. Горцы говорятъ, что за этими ледниками въ скалахъ обитаютъ цари горъ и льдовъ (эмегены) и что еще ни одинъ смертный не осмѣлился потревожить ихъ обиталища. Горы закрывались безпрестанно туманами, моросилъ дождь, а это мѣшало намъ видѣть Коштанъ-тау, видъ на которую отсюда долженъ быть великолѣпнымъ. Изъ Безинги въ Болварію есть другой короткийъ путь, но гораздо сѣвернѣе. Намъ нужна была еще лошадь, которую проводникъ обѣщалъ добыть на своемъ кошѣ. Случай этотъ привелъ насъ подъ самую шапку Коштанъ-тау и доставилъ возможность обойти эту вершину съ трехъ сторонъ. Отъ коша, гдѣ мы ночевали, намъ пришлось перебраться

ся через бурливую рѣчку и подняться на правый пологій ея берегъ. Скоро мы вступили на обширные альпійскіе луга у самаго подножья Коштанъ-тау, пирамидальную шапку которой мы увидѣли-таки на нѣсколько мгновеній въ одинъ изъ просвѣтовъ между облаками. Вершина вынырнула неожиданно и очень близко отъ насъ, высоко надъ тучами. Намъ казалось, что мы стоимъ у основанія величественной колокольни, увѣнчанной бѣлоснѣжнымъ куполомъ и задрапированной бѣлоснѣжной пеленой тумановъ.

На пастбищахъ мы встрѣтили такое обиліе перепеловъ, что ихъ можно было бить плетми. Стаи альпійскихъ воронъ или клушицъ носились въ воздухѣ и оглашали своимъ докучливымъ крикомъ дремавшія въ туманахъ окрестности. Многочисленныя стада черныхъ, какъ смоль, горныхъ овецъ украшали зеленые холмы живописнаго нагорья и мирно, во всевозможныхъ положеніяхъ, жевали жвачку. Сытые быки развлекались борьбою. Сражающихся богатырей окружила толпа зрителей той-же породы и ревомъ выражали свое одобреніе побѣдителю, а побѣжденнаго награждала пинками. Кучка пастуховъ-подростковъ устроили тамашу подъ тихіе пріятныя звуки пастушеской свирѣли, предоставивъ надзоръ за отдыхающими стадами вѣрнымъ и добросовѣстнымъ сторожамъ—восматымъ овчаркамъ.

Мирныя отрадныя картины пастушеской жизни! Пролетѣли они свѣтлымъ радостнымъ облачкомъ, оставивъ неизгладимыя пріятныя воспоминанія.

Скоро мы повернули въ с.-востоку; намъ показалось, что мы идемъ назадъ въ Безинги. Оказалось, однако, что мы ужъ слишкомъ далеко зашли въ горы и пришлось вернуться назадъ, чтобы обогнуть скалистой снѣговой усь отъ Коштанъ-тау по рѣчкѣ Чайнашки. У конца отрога мы встрѣтили настоящую дорогу въ Болкарію. Скоро передъ нами открылась живописная долина, и въ ней многочисленныя аулы болгарь.

Рѣка Черекъ беретъ начало въ ледникахъ вершины Цишгъ-баши-кая *). Вершина эта лежитъ въ Главномъ гребнѣ между горами Пасисъ-мта и Эдена. Отъ нея отдѣляется снѣговой отрогъ—Дигорскій вряжъ, отдѣляющій Осетию отъ Болгаріи. Нѣкоторое созвучіе словъ Черекъ и Терекъ сбило съ толку англійскихъ альпистовъ. Грове въ своихъ запискахъ «Холодный Кавказъ» истоки Черека принялъ за истоки Терека и измѣнилъ самое названіе Черекъ на Терекъ. Изъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей мы убѣдились, что самое названіе Черекъ не есть имя собственное, а нарицательное названіе всякой большой рѣки и долины, заселенной горцами. Рѣку Черекъ слѣдовало-бы назвать Болкаръ-черекъ, такъ-же какъ, напр., Урванъ болгарцы называютъ Безинги-черекъ, Чегемъ—Чегемъ-черекъ, а Терекъ—Тэркъ-черекъ. Впрочемъ, у Болкаръ-черека есть и собственное имя, котораго нѣтъ на картѣ: его болгарцы называютъ Ишмырты (ы неясно артик.). Урванъ на картѣ еще названъ и Черекъ-тхахо, что еще разъ подтверждаетъ нарицательное, а не собственное названіе «черекъ». Въ этомъ смыслѣ слѣдовало-бы исправить наши карты.

Назаніе народа «балкаръ», намъ кажется записано и выговаривается не вполне правильно. Въ выговорѣ этого слова слышится вмѣсто б какой-то особенный звукъ, составляющій между б и м, но ближе къ послѣднему. Звукъ этотъ можно произнести, стараясь выговаривать м по способу выговариванія б. Второй звукъ въ словѣ слѣдуетъ измѣнить на о и поставить на немъ протяжное удареніе такъ-что все слово приметъ начертаніе «молкаръ». Горцы смѣялись, когда мы выговаривали «балкаръ» и, поправляя насъ одобрительно кивая головою, когда мы старались произнести это слово по нашему начертанію.

*) Половину всей своей воды Черекъ получаетъ съ того вряжа, на которомъ воздымается Дыхъ-тау и Коштанъ-тау.

Объ истовахъ Болгарь-черека скажемъ дальше, а пока обратимся къ населенной Болкаріи.

Долина Ишкырты отъ Куныма вдругъ расширяется и образуетъ въ глубинѣ своей почти горизонтальную плоскость до 4 версты шириною и до 8 въ длину. Замѣчательно фантастически-узорчатый коверъ представляетъ эта зеленая плоскость, если смотрѣть на нее сверху отъ поселка Тюбенель. Вся плоскость обработана подъ посѣвы. Трудолюбивая рука пахаря собрала съ каждой нивки всѣ камешки и сложила ихъ стѣною вокругъ каждой пашни. Самыя нивки, благодаря каменнымъ оградѣмъ, получили всевозможныя очертанія. Яркая зелень пашенъ расписывается такимъ образомъ темносѣрыми линиями каменныхъ оградъ подобно узорамъ на коврѣ. Коверъ этотъ почти пополамъ прорѣзывается змѣвидною свѣтлою полосой Ишкырты, къ которому, точно дѣти къ матери, живописными каскадами стремятся съ окружающихъ плоскость возвышенностей горныя потоки. На с.-востокѣ долина снова замыкается известняковыми скалами, которыя и тутъ образуютъ естественныя ворота въ Болкарію со стороны степей. За воротами пачинаются уже пониженія, а за ними видны степи.

Въ зелени пашенъ утопаютъ болгарскіе аулы и древнія кладбища. Они кажутся отсюда темными островками на волнистомъ морѣ зелени. На предгорьяхъ, ограждающихъ болгарскую плоскость, высятся стражи минувшихъ временъ—боевыя башни и полуразрушенныя вѣрности. Рука безпощадныхъ завоевателей не тронула однако башенъ, и, быть можетъ, сами завоеватели не разъ прибѣгали къ ихъ защитѣ. Башни эти отличаются отъ призматическихъ сваветскихъ. Онѣ имѣютъ форму, близкую къ усѣченной четырехгранной пирамидѣ. На нихъ печать христіанства—крестъ. Это еще одно изъ доказательствъ тому предположенію, что татары поселились на земляхъ, занятыхъ здѣсь когда-то культурными христіанами. Крестъ образуется круглыми отверстіями, украшавшими баш-

ню со всѣхъ сторонъ. Ряды этихъ отверстій вершка 2-3 въ диаметрѣ, составляютъ карнизъ башни. Боевыя дугообразныя окна помѣщаются немного ниже этихъ отверстій. Ширина башенъ около 3 саж., высота болѣе 10 саж. Нѣкоторые изъ башенъ полуразрушены уже временемъ, прочія-же стоятъ пезыблимо, будто недавно выстроенныя. Въ верстѣ отъ аула Кунымъ часть зеленого поля отвоевало себѣ древнее кладбище, украшенное такими-же памятниками, какіе мы уже видѣли на чегемскомъ кладбищѣ.

При въѣздѣ въ первый аулъ, Тюбенель, насъ встрѣтила любопытная толпа бабъ и дѣвицъ, разряженныхъ по праздничному въ яркіе разноцвѣтные костюмы. Шумное веселье, гармоника, танцы, пѣсни все это говорило о какомъ-то ликованіи аула. Въ дѣйствительности-же никакого праздника не было. Это были обыденные вечерніе хороводы, которыми болгарки оканчиваютъ трудовой день. Мужчины почти всѣ отсутствовали изъ аула по разнымъ дѣламъ: одни на покосѣ, другіе на кошахъ, третьи въ развѣздахъ по торговымъ и инымъ дѣламъ и т. д. И несмотря на отсутствіе большей половины населенія, аулъ просто поразилъ насъ своимъ оживленіемъ.

Обыкновенно при въѣздѣ въ горскій аулъ вамъ кажется, что все въ немъ дремлетъ, начиная отъ столѣтнихъ старцевъ на бревнахъ и кончая огромными овчарками на плоскихъ земляныхъ крышахъ. Вы можете видѣть праздное населеніе аула только у мечети въ часы намаза и у сборнаго мѣста въ сельскомъ управленіи, куда любопытные собираются посмотреть на пріѣзжихъ.

Въ болгарскомъ аулѣ совсѣмъ не то. На крышахъ здѣсь стоятъ женщины съ веретенами въ рукахъ: онѣ переключаются съ сосѣдками, не оставляя ни на минуту своей работы; на улицахъ вы видите толпы дѣтей обоого пола, танцующихъ на потѣху своимъ матерямъ; пѣсни несутся отовсюду. А между тѣмъ это обыкновенный заурядный день, и то, что мы назва-

ли праздничнымъ нарядомъ—обыкновенный повседневный костюмъ болгарки.

Такое шумное веселье и такое изобиліе ребятишекъ и дѣвчонокъ намъ случалось встрѣчать только въ аулахъ горскихъ евреевъ и въ еврейскихъ кварталахъ нѣкоторыхъ закавказскихъ городовъ. Изобиліе потомства и особое оживленіе, чего мы не встрѣчали въ другихъ аулахъ горскихъ татаръ, суть національныя черты еврейскаго быта. Ужь не привились ли эти черты и всему болгарскому населенію, въ племенной составъ котораго, какъ увидимъ ниже, входитъ и эта ассимилировавшаяся съ татарами и кабардинцами раса?

Празднаго мужского населенія въ болгарскихъ аулахъ не видно вовсе, не видно даже и старцевъ. Всѣ, кто можетъ такъ или иначе трудиться, всѣ заняты дѣломъ, не исключая и праздныхъ, повидимому, бабъ и дѣвушекъ. Въ болгарскихъ аулахъ васъ поражаетъ какое-то непонятное соединеніе труда и веселья. Вотъ, напр., молодой человекъ лѣтъ 17 и немного моложе его дѣвушка (вѣроятно, братъ съ сестрою) собираютъ и складываютъ въ красивыя пирамиды просушенные на солнцѣ кирпичи. Здѣсь-же кирпичный ящикъ и замѣшанная лошадьми глина. Очевидно, это горскій кирпичный заводъ на окраинѣ аула. Пара работниковъ теперь собираетъ въ пирамидки трудъ своей дневной работы. Вамъ кажется, что они не работаютъ, а шалать. На нихъ чистые костюмы; за серебрянымъ поясомъ у дѣвушки влокъ шерсти и веретено, которыми она покручиваетъ въ минуты отдыха, необходимаго для сгибаемой въ работѣ спины. Пара эта только мелькомъ взглянула на насъ и продолжали свою работу, шути и весело болтали. Здѣсь трудъ, а въ аулѣ веселье. Ёдемъ далѣе. Вотъ къ аулу по извилистой крутой тропинкѣ подымается отъ родника съ большими кувшинами на спинахъ нѣсколько дѣвушекъ, болтающихъ весело между собою. Кувшинъ увязанъ веревками такъ, что руки остаются свободными, но не праздными:

онѣ безпрестанно вертять веретено, суча шерстяныя нитки. Дѣвушки, при встрѣчѣ съ нами, выстроились въ рядъ и показали намъ спины, оставивъ на минуту свою работу. На наше привѣтствіе онѣ отвѣтили молчаніемъ и, пропустивъ насъ, продолжали свой путь и работу.

При спускѣ въ долину на полугорѣ встрѣтились намъ еще двѣ пожилыя уже женщины и одна дѣвушка. На нихъ яркіе праздничные костюмы. Медленно поднимаются онѣ въ гору по крутой тропинкѣ и, весело болтая, ни на минуту не выпускають изъ рукъ веретена. Дѣвица при встрѣчѣ съ нами потупила голову и, по обыкновеію, показала намъ спину; женщины-же съ любопытствомъ насъ разсматривали и на наше привѣтствіе отвѣчали привѣтствіемъ. Очевидно, всѣ онѣ возвращались изъ гостей, а въ гости, слѣдовательно, безъ работы не ходятъ. Въѣзжаемъ въ нижній аулъ. Здѣсь тоже новостъ. Ни въ одномъ изъ горскихъ ауловъ мы не видѣли и клочка подъ огородами—здѣсь-же заботливая рука женщины обработала подъ грядка все, что возможно: крыша жилой савли—огородъ и цвѣтникъ; огородъ—въ развалинахъ башни, огородъ на каждомъ свободномъ клочкѣ земли въ два—три кв. аршина. Подсолнухи, горохъ, бобы, картофель, тыквы, огурцы, лукъ, кукуруза и пр.,—все это посѣяно какъ будто ради забавы, а не для пользованія. Во всемъ видна заботливость, а главное чистота и аккуратность: на грядкахъ ни одной сорной травинки, возлѣ домовъ ни соринки. Въ другихъ-же аулахъ мы тонули въ грязи и мерзостяхъ, а отъ вони носъ зажимали.

Женщина-болгарка никогда не разстается съ своимъ веретеномъ: оно у нея если не въ рукахъ, то за широкимъ поясомъ. Веретеномъ и огородомъ не исчерпывается, однако, область труда здѣшней женщины: мы видѣли ее и за ткацкимъ станкомъ, и на покосѣ,—увидѣли-бы и на вивѣ, которая еще не подоспѣла къ жатвѣ. А вотъ и еще случай тру-

да женщины, — труда не подстать, казалось-бы, ея полу. При въѣздѣ въ ауль Фардыкъ (а неясно артик.) встрѣтилась намъ около моста дѣвушка, возвращавшаяся съ мельницы. Осель идетъ съ вѣкомъ, а сзади за нимъ дѣвица-погонщикъ съ веретеномъ въ рукахъ вмѣсто палки. Веретеномъ она работаетъ и погоняетъ лѣнливое животное. На ней чистое бѣлое платье какого-то особаго покроя на подобіе хитона и кисейная фата, замѣняющая ей зонть. Миловидное смуглое лицо однако открыто было, такъ-какъ время было уже подъ вечеръ. Костюмомъ, позой и миловиднымъ лицомъ еврейскаго типа она напомнила намъ библейскую Ревекку. Не доставало только кувшина въ рукахъ, а колодезь былъ тутъ-же въ нѣсколькихъ шагахъ. Неожиданная встрѣча съ нами видимо сконфузила ее: остановивъ въ-попыхахъ осла, она обернулась къ намъ спиною и окаменѣла на мѣстѣ. Мы уже были далеко отъ нея, когда она тронулась въ путь. Обычай, какъ оказалось, не требуетъ закрывать лица, но смотрѣть на незнакомаго мужчину считается преступленіемъ противъ правилъ скромности. Обычай этотъ мы встрѣтили только въ Болгаріи. Здѣсь-же замѣтили и особенность костюма у женщинъ: вмѣсто женскаго бешмета здѣсь носятъ нѣчто въ родѣ еврейскаго хитона, съ широкими растробомъ рукавами и застежками до-низа.

Проѣхавъ три аула, мы не встрѣтили ни одинаго мужчины. Казалось, что мы попали въ царство женщинъ. Сельское управленіе было заперто. Около часа мы ходили вокругъ обширнаго зданія, не зная, что предпринять. Выручила насъ изъ неловкаго положенія сосѣдка-татарка: она указала намъ на одно изъ оконъ управленія и показала знаками, что надо стучать. Минуть двадцать стучу во всѣ окна и двери — и вотъ, наконецъ, открылась ставня и въ окнѣ показалась заспанная фізіономія писаря, который оказался къ нашему удовольствію русскимъ малымъ. Размѣстившись кое-какъ въ обширномъ общественномъ зданіи, мы стали наводить кое-какіе справки у

писаря. Оказалось, что все мужское население въ отсутствіи по дѣламъ. Старшина въ Нальчикѣ по вызову начальства. Онъ вернулся только въ моментъ нашего отъѣзда изъ аула. Къ ночи должны были вернуться нѣкоторые изъ мужчинъ съ ближайшихъ кошей и покосовъ.

Въ ночи, дѣйствительно, мы познакомились съ наличнымъ штатомъ аульныхъ властей, которыя, надо отдать имъ справедливость, приняли въ насъ самое любезное участіе.

«Для васъ мы сдѣлаемъ все, что можемъ, чтобы вы не сказали потомъ, что въ Болкаріи нѣтъ гостепримства»,—такъ перевелъ намъ писарь рѣчь властей.

Такъ-какъ мы явились прямо въ управленіе, то и гостепримство, по обычаю, должно было быть со стороны всего общества, т. е. на общественный счетъ. Если-бы мы явились въ домъ старшины или въ кому-либо изъ обывателей, то считались-бы только личными гостями принявшаго насъ. Старшина много сожалѣлъ о томъ, что мы миновали его домъ, всегда открытый для гостей.

Какъ-бы то ни было, а вечеромъ въ управленіи устроено было для насъ угощеніе: зарѣзанъ баранъ, предложено было горское пиво (буза), зелень, молоко, сыръ и пр. Отказаться отъ угощенія—значило-бы обидѣть гостепримныхъ жителей. Оставалось принять съ благодарностью все, что предлагали. Ужинали мы въ обществѣ человѣкъ пятнадцати горцевъ. Въ выраженіяхъ лести, похвалъ и радушія недостатка не было и здѣсь. Тутъ-же за ужиномъ обсудили вопросъ о дальнѣйшемъ пути. Проводниковъ и лошадь намъ нашли скоро. Поденную плату назначили сами власти, предварительно обсудивъ вопросъ, сколько слѣдуетъ заплатить людямъ по рабочему времени; въ расчетъ былъ принять и обратный путь проводниковъ. Назначено: 2 руб. въ сутки на проводника и 1 р. на лошадь.

Личный опытъ убѣдилъ насъ, что гораздо практичнѣе

слѣдовать примѣру англійскихъ альпистовъ — совершать путешествіе въ горахъ пѣшкомъ. Верховую лошадь по здѣшнимъ дорогамъ почти не приходится пользоваться, а на ледникахъ она только лишнее бремя. Дальнѣйшій путь мы рѣшились сдѣлать пѣшкомъ, а потому взяли въ Болкаріи только вьючную лошадь и двухъ проводниковъ. Утромъ сбѣжалась толпа болгарцевъ поглядѣть на насъ. Типы болгарцевъ, насколько мы имѣли возможность приглядѣться къ нимъ, отличаются тоже своимъ разнообразіемъ. На большинствѣ лежитъ отпечатокъ еврейства. Встрѣчаются субъекты несомнѣнно еврейскаго происхожденія — такъ рѣзки наружные признаки горскаго еврея. Еще въ Чегемѣ намъ говорили, что добрая половина болгарцевъ и часть хуламцевъ евреи, что они хотя и приняли магометанство давно, но придерживаются еще и своихъ древнихъ обычаевъ и не забыли еще своего происхожденія. Третью часть населенія составляютъ отатарившіеся свѣтлорусые осетины, потомки коренныхъ обитателей горскихъ долинъ. Остальное населеніе состоитъ изъ татаръ и кабардинцевъ. И болгарская народность представляетъ, такимъ образомъ, конгломератъ взаимно ассимировавшихся нѣсколькихъ племенъ, при чемъ ядромъ этой народности являются все-таки татары съ языкомъ, близкимъ къ турецкому и съ религіей Магомета. Какимъ образомъ большинство населенія измѣнило себя кореннымъ образомъ подъ вліяніемъ меньшинства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ что это меньшинство были завоеватели и князья, руководившіе издавна всѣмъ населеніемъ. На помощь князьямъ-татарамъ явилась магометанская религія и языкъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ татарство и одержало побѣду, хотя и не полную, какъ увидимъ, надъ прочими народностями. Татарство прежде всего одержало полную экономическую побѣду. Во всѣхъ горскихъ обществахъ лучшія земли и уголья очутились въ рукахъ князей и каракшей-та-

тарь. Родовое же населеніе очутилось въ крѣпостной зависимости, а съ отмѣной ея въ кабальѣ у нихъ. Экономическая зависимость у князей—вотъ та первоначальная и самая главная сила, которая привела разноплеменное горское населеніе въ общему знаменателю—татарству. Но и этой силѣ не удалось сломить нѣкоторыхъ особенностей быта и нравовъ составныхъ народностей. Національныя черты, чуждыя татарству, живутъ въ массѣ и доселѣ и сказываются во многомъ. Мало того, само татарство измѣнилось, перенявъ многое отъ поработанныхъ имъ народностей. Все это рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо, выступаетъ наружу въ Болкаріи.

Всѣ горскіе татары, какъ уже мы видѣли, приличнымъ для себя занятіемъ считаютъ только скотоводство. Занятіе это не только необходимость по мѣстнымъ условіямъ: оно наслѣдіе отъ предковъ; оно освящено преданіями старины, оно въ крови населенія вмѣстѣ съ любовью къ кочевому образу жизни и къ лихому наѣздничеству. Какъ-же татары относятъ къ другимъ занятіямъ?

Всякую торговлю, кромѣ продажи собственнаго скота, татары презираютъ. Слово торговецъ у нихъ—бранное слово, злая насмѣшка. Къ ремесламъ они относятся равнодушно, не считая ихъ приличнымъ занятіемъ для себя. Татары не имѣютъ, какъ мы видѣли, даже собственнаго сукна на черкесску, сафьяну для обуви. Земледѣліе они ни во что не ставятъ и не потому только, что условія климата и мѣста не позволяютъ заниматься въ большихъ размѣрахъ: мы видѣли въ долинѣ Баксана и другихъ мѣстахъ, что древнія пашни обращены татарами въ пастбищныя мѣста. Земледѣліемъ и огородничествомъ не занимаются потому, что, во-первыхъ, имъ не занимались предки, во-вторыхъ, оно требуетъ большого труда, а татары обожаютъ праздность, въ-третьихъ, необходимо умѣнье, а его нѣтъ... Да на что имъ земледѣліе, когда хлѣбъ только пустое лакомство для нихъ, а засѣваемого овса

и ячменя для бузы достаточно, недостачу-же можно вымѣнять на скоть у сосѣдей. По указаннымъ причинамъ татары пренебрегаютъ и прочими занятіями.

Таково-ли населеніе Болкаріи? Слонило-ли и здѣсь татарство національныя особенности племень, которыми оно руководитъ изстари? Мы уже видѣли, что нѣтъ. Мы видѣли прекрасно воздѣланныя поля, кирпичный заводъ; видѣли, что каждый болкарскій аулъ—фабрика для суконъ, что эта работа идетъ здѣсь безпреставно, поспѣшно и составляетъ гордость для болкарокъ; видѣли мы и огороды и любовь къ чистотѣ. Какая народность оставила здѣсь любовь къ земледѣлію—сказать не легко; во всякомъ случаѣ не евреи и не кабардинцы, а менѣе всего татары. Остаются только осетины, которые и до-нынѣ хорошіе земледѣльцы.

Евреи оставили здѣсь любовь къ торговлѣ. Она ведется болкарцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Торгуютъ болкарцы прежде всего произведеніями своихъ ремеслъ. Добрая половина всѣхъ горскихъ татаръ одѣвается въ болкарскія сукна и обувается въ болкарскій сафьянъ. Затѣмъ болкарцы выдѣлываютъ овчины и шьютъ шубы, которыя и развозятъ по горскимъ ауламъ. Занимаются болкарцы и выдѣлкой золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ украшеній.

Короткое пребываніе въ Болкаріи не дало намъ возможности собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о ремеслахъ. Ихъ несомнѣнно больше. Произведенія своихъ ремеслъ болкарцы болшею частью промѣниваютъ на скоть, который потомъ перепродаютъ съ большою выгодой. Не брезгаютъ болкарцы и другими видами торговли: привозятъ съ базаровъ ситцы, табакъ и проч. и все это перепродаютъ при случаѣ.

Но несмотря на склонность болкаръ къ торговлѣ, специальныхъ торговцевъ между ними нѣтъ. Торговля и ремесла здѣсь не обособлены и являются подспорьемъ скотоводству и земледѣлію. Скотоводство остается все-таки главнымъ излю-

бланнымъ занятіемъ. Болкарцы какъ-бы щадятъ этимъ татарскую традицію.

Любя земледѣліе вообще, болкарцы почему-то игнорируютъ садоводство, которое, намъ кажется, было-бы здѣсь возможно. Болкарцы могли-бы посадить кое-какія фруктовыя деревья, хотя-бы около домовъ для красоты и тѣни, но ничего подобнаго нѣтъ. На всей болкарской плоскости и окружающіхъ ее склонахъ—ни кустика, ни деревца. Ворочемъ, близъ Кундюма на холмѣ возлѣ какого-то древняго замка и башни стоятъ нѣсколько большихъ деревъ—наслѣдіе минувшихъ временъ.

Взглянемъ теперь на болкарскій языкъ. Татарство и здѣсь оказалось несостоятельнымъ: оно не могло привить покореннымъ народностямъ своего языка во всей его чистотѣ. И вообще-то въ языкѣ горскихъ татаръ находятъ много словъ осетинскихъ и кабардинскихъ; но въ Болкаріи вліяніе языковъ подчиненныхъ народностей пошло еще далѣе: оно измѣнило здѣсь рѣзкій татарскій говоръ въ особое мягкое болкарское нарѣчіе. Въ татарской рѣчи болкаръ слышится то-же присвистываніе и прицокиванье, которое мы слышали у кабардцевъ. Вотъ образчики замѣченныхъ нами измѣненій въ чисто татарскихъ словахъ: агча (деньги) болкарцы выговариваютъ ахча; джѣгть (нѣтъ) выговариваютъ зѣхть (въ Закавказьѣ выговариваютъ это слово ѣхъ, ѣхть и ѣхтуръ); джумуртха (лицы) выговаривается ззюмуртха (въ Закавказьѣ—джемуртахъ); учъ (три)—уцъ.

Затѣмъ нѣкоторые мѣста и горы носятъ названія, тоже звучащія этимъ прицокиваніемъ и присвистываніемъ, какъ, напимѣръ: Кацера-уці-кая (эхо трехъ вершинъ—съ татарскаго); Цигить-баши-кая (вершина въ Главномъ гребнѣ; Цигить—названіе аула и, вѣроятно, древнее названіе р. Черекъ; баши—голова; кая—гора); Циштиль и Ювари-Цигить

(названія ауловъ); Фѣтнарги (названіе края, гдѣ фѣт выговаривается на подобіе свиста «фитъ» съ быстрымъ і.

Приписать-ли всѣ эти измѣненія исключительно вліянію кабардинскаго языка на татарскій говоръ? Несомнѣнно, что ему слѣдуетъ приписать первенство въ этомъ отношеніи, но не могли оставаться индеферентными въ этомъ вліяніи и осетинскій языкъ и еврейскій говоръ, такъ-какъ и тогъ и другой изобилуютъ также мягкими гласными и свистящими согласными. Чисто осетинскія слова сами, впрочемъ, потерпѣли нѣкоторое измѣненіе. Такъ, напр., болгарцы выговариваютъ вцѣкъ вмѣсто вцэкъ (осетинское слово, означающее вообще переваль). Вотъ еще нѣсколько осетинскихъ названій, удѣлѣвшихъ на болгарской почвѣ: Гезе-вцѣкъ (ледникъ и переваль къ истокамъ Ріона); Шари-вцѣкъ (ледникъ и переваль къ истокамъ Цхенисъ-цхали) и Фардыкъ (а неясное)—названіе одного изъ болгарскихъ ауловъ. «Фардыкъ» по-осетински—буса. Осетинское названіе болгарскаго аула вмѣстѣ съ другими данными указываетъ несомнѣнно на то обстоятельство, что долина Болкаръ-черева въ древности населена была осетинами. Осетинами, по всей вѣроятности, оставлены здѣсь и слѣды христіанства и христіанства культурнаго, какъ мы видѣли *).

Дѣло лингвистовъ разобраться въ языкѣ болгаръ и вообще въ языкѣ горскихъ татаръ, дѣло археологовъ разобраться въ остаткахъ горской старины,—мы-же съ своей стороны только заявляемъ фактъ существованія особаго болгарскаго нарѣчія, небызъинтереснаго въ лингвистическомъ отношеніи и указываемъ на древности, также небызъинтересныя въ археологическомъ отношеніи.

Добавимъ еще къ сказанному о нарѣчіи болгаръ и то

*) Объ этомъ смот. Осетинскіе этюды, Вс. Миллера. Ч. III. Москва, 1887 г.

обстоятельство, что мягкій вообще болгарскій выговоръ не чуждается и твердаго болгарскаго. Болгарцы легко и свободно выговариваютъ, напр., и такія татарскія слова: Дыхъ-тау, Коштанъ-тау, Ишкырты, Кыртыхъ, Шкѣнты (ауль) и осетинское Фѣрдыкъ.

Недостатокъ времени не позволилъ намъ остановиться въ Болгаріи хотя-бы на нѣсколько дней: канюлы близились къ концу, и мы спѣшили къ мѣстамъ службы. Жаль было разстаться съ этою гостепримною странюю. Намъ предстояло еще разъ перевалить Главный хребетъ, а потому не слѣдовало терять времени: хорошая погода могла измѣниться на дурную, и тогда пришлось-бы тянуть долгое ожиданіе, ясныхъ дней подъ ледниками, что, впрочемъ, и случилось.

Взявъ выючную лошадь и двухъ проводниковъ, мы пѣшкомъ тронулигь далѣе въ истокамъ Болгарь-черека. Верстахъ въ 2—3 отъ Кунума, послѣдняго болгарскаго аула, начинается дикое ущелье и лѣсъ. Лѣвый берегъ рѣки буквально запруженъ массою громадныхъ гранитныхъ глыбъ, падающихъ сюда съ отрога Коштанъ-тау. Ущелье глубоко чрезвычайно и узко на столько, что вы видите со дна его только полосу неба. Лѣсъ мелкій листовенный. Кусты орѣшника, бузины, малины, барбариса, черники, шиповника, деревца бука, березы, клена—все это нѣсколько сглаживаетъ впечатлѣніе дикости, пока вы не взглянете вверхъ, гдѣ грозно нависшія скалы, кажется, вотъ-вотъ ринутся въ бездну и погребутъ васъ подъ своими осколками. Верстахъ въ 12 отъ Кунума въ Болгарь-черекъ изливается бѣшеный потокъ Коштанъ, берущій начало высоко въ ледникахъ Коштанъ-тау. Вершины этой, однако, со дна ущелья не видно, хотя она не болѣе 5 верстъ по прямой горизонтальной отъ устья Коштана. Здѣсь насъ застала ночь. Укрылись на кошѣ. Пастухъ обошелся весьма грубо съ нами, не захотѣлъ даже продать молока. Къ намъ присоединился еще какой-то рыжебородый татаринъ съ косою на пле-

чахъ. Проводники наши шепнули намъ, что рыжебородый и пастухъ родныя, и что они народъ подозрительный, ненадежный, что съ ними нужно держать ухо востро.

«Безинги—народъ очень плохой народъ; безинги—народъ въ Болкарѣ мало... Ухъ! разбойникъ, шайтанъ безинги—народъ!»—такъ повѣствовалъ намъ одинъ изъ проводниковъ, Эльдаръ—юноша лѣтъ двадцати, весьма симпатичный и обладавшій небольшимъ запасомъ русскихъ словъ, которымъ онъ научился въ Нальчикѣ, куда хаживалъ на работы. Изъ его разсказовъ мы поняли, что часть болкарцевъ одного происхожденія съ безингійцами, что эта часть населенія обладаетъ той-же грубостью нравовъ, которую мы видѣли въ Безинги, что всѣ грабежи, убійства, смуты въ обществѣ—все это должно быть приписано, главнымъ образомъ, этимъ шайтанамъ и что, наконецъ, къ этимъ наслѣдникамъ татарщины остальное населеніе относится весьма недружелюбно. Эльдаръ совѣтовалъ намъ написать старшинѣ о поступкѣ пастуха и передать письмо съ первымъ встрѣчнымъ.

«Старшина—хорошъ человекъ; пастухи будутъ много бить, штрафъ возьметъ, тюрьма отдастъ», не унинался Эльдаръ. Обидѣтъ гостя, хотя-бы словами, по татарскимъ понятіямъ большое преступленіе, наказуемое пеней, штрафомъ, какъ за грабежъ. Мы, конечно, не сочли удобнымъ воспользоваться совѣтомъ Эльдара. Рыжебородый, однако, среди ночи покушался стащить что-либо изъ нашей палатки, но во время былъ замѣченъ, и воровство не удалось. Онъ скрылся въ темнотѣ, а минутъ черезъ пять заоралъ пѣсню, оглашая дикимъ крикомъ спящія во тьмѣ скалы.

Утромъ рано тронулись мы дальше. Отъ Тутынъ-су (табакъ вода), вытекающей тоже изъ ледниковъ Коштанъ-тау, ущелье Болкаръ-черека нѣсколько расширяется. Склоны здѣсь одѣваются уже хвоемъ, выше которыхъ видны мѣстами альпійскія зеленныя поляны. Верстахъ въ 5—6 отъ Главнаго

гребня долина Болварь-черека раздваивается: одна часть ея поворачиваетъ круто на западъ и образуетъ чрезвычайно дикое, непроходимое ущелье съ рѣчкой Дыхъ-су, берущей начало въ ледникахъ Дыхъ-тау; другая долина поворачиваетъ на юго-востокъ и образуетъ весьма живописную долину съ рѣчкой Кара-су (черная вода). Кара-су принимаетъ съ востока отъ Цигитъ-баши-кая рѣченку Акъ-баши *), по долину которой горный проходъ въ Дигорію подъ именемъ Стуль-вцѣвъ. Дыхъ-су, начинаясь на склонахъ Дыхъ-тау и сосѣднихъ съ нею горъ, протекаетъ по тущобамъ, рѣдко посѣщаемымъ **). Скалы здѣсь громоздятся другъ на друга, образуя грозные утесы и запирая мѣстами ущелье на столько, что оно имѣетъ видъ небольшой щели. Съ высоты Главнаго гребня видны громадные ледники, сползающіе съ Дыхъ-су. Стѣсненные въ скалахъ ледники эти имѣютъ ужасный видъ нагроможденія ледяныхъ глыбъ. Въ этихъ ледникахъ, по всей вѣроятности, и погибли два англійскихъ альписта—Донкинъ и Фоксъ и проводники ихъ швейцарцы—Фишеръ и Штрайхъ. Они пытались перевалить Дыхъ, взобраться на Дыхъ-тау или Коштанъ-тау и спуститься въ долину Болварь-черека по ущелью Дыхъ-су.

При сліяніи Дыхъ-су съ Кара-су у самаго подножья скалъ Фѣтнарги построена изъ бревенъ болгарская караулка и застава для провѣрки прогоняемаго скота.

Кара-су ведетъ въ двумъ горнымъ проходамъ: первый черезъ глетчеры Шаривцикъ въ истокамъ Цхенись-цхали, вто-

*) Названія этихъ рѣчекъ путаютъ и сами болгарцы. Первую изъ нихъ они называютъ часто Акъ-су (бѣлая рѣчка), а вторую Кара су (черная рѣчка).
Н. Д.

**) Это ущелье посѣщается охотниками-болгарцами, и было пройдено отъ начала до конца мною, а также чинами Военно-Топографическаго Отдѣла.
Н. Д.

рой через ледник Гезевцикъ къ истокамъ Ріона. Переваломъ Шаривцикъ прогоняется скоть изъ Болкарин, Безинги и Чегема въ Лечгумъ на ярмарку въ Цагерахъ, черезъ перевалъ Гезевцикъ скоть идетъ въ Рачу и Кутаисъ. Каждый прогонъ тщательно провѣряется карауломъ по свидѣтельству сельскаго управленія. Въ свидѣтельствѣ обозначено имя прогонщика или покупщика, число прогоняемаго скота и мѣты (тавра) его. Караульщики, сличивъ тавро съ рисункомъ въ свидѣтельствѣ, пропускаютъ скоть по штукѣ черезъ узкія ворота у моста черезъ Дыхъ-су. Миповать мостъ невозможно, ибо другой переправы нѣтъ. Караулы общества содержать на свой счетъ въ видахъ обузданія воровства скота. Скалы Фѣтнарги выдѣляютъ, какъ намъ говорили, соль на своихъ вершинахъ. Сюда стекаются позавомиться солью большія стада туровъ и дикихъ вожъ, которыхъ можно видѣть на скалахъ ежедневно въ утреннюю пору. Болкарскіе охотники, прельщаясь добычей, взибраются на скалы за турами и рассказываютъ ужасы о пропастяхъ въ этихъ скалахъ *).

Рѣка Кара-су, начинаясь въ ледникѣ Гезевцикъ, несетъ совершенно черную воду отъ раствореннаго въ ней рылага шифера. Подобно этому Дыхъ-су несетъ воду совершенно желтаго цвѣта. Двѣ эти разноцвѣтныя воды на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженой не смѣшиваются между собою и текутъ рядомъ, представляя оригинальное зрѣлище.

Долина Кара-су отъ караулки значительно расширяется и верстахъ въ 2-хъ отъ первой караулки образуетъ на днѣ своемъ горизонтальную площадь, обращенную въ красное минеральное болото. На восточномъ берегу этого болота бьетъ изъ-подъ камня превосходный кисло желѣзистый ключъ. Нѣ-

*) Эти скалы и соленые источники также были осмотрѣны мною. Дорога къ нимъ очень трудна, но особенныхъ ужасовъ не представляетъ.

сколько таких-же жилъ выходить къ болоту неподалеку отъ источника. Въ самомъ болотѣ, вѣроятно, тоже бьютъ ключи и, вѣроятно, горько-соленые: такой вкусъ имѣетъ вода въ огненномъ болотѣ. Скотъ пьетъ воду въ болотѣ съ большимъ удовольствіемъ. Въ болотѣ растетъ густая высокая трава, напоминающая нѣсколько осоку.

Видъ въ окрестностяхъ минеральнаго болота великолѣпнѣе. На берегахъ его возвышаются красивые, въ формѣ испанскихъ кургановъ, холмы, убранные хвойными рощами. Съ запада противъ болота къ лѣвому берегу Кара су сползаетъ красивый глетчеръ Агштанъ. Глетчеръ этотъ принадлежитъ къ числу величайшихъ и красивѣйшихъ глетчеровъ Кавказа: онъ залегаетъ высоко на скалахъ и сливается съ снѣговыми полями Главнаго гребня. Стѣсненный скалами въ узкомъ ущельѣ, которое мѣстами прорѣзывается порогами, глетчеръ Агштанъ являетъ живописную, но и страшную картину разрушенія. Ледникъ этотъ имѣетъ довольно скорое движеніе по значительному уклону; его конецъ нависъ надъ скалами; движущійся ледъ, переходя черезъ скалы, ломается отъ собственной тяжести, и громадныя глыбы его летятъ въ Кара-су, разбиваясь въ осколки и оставляя за собою цѣлое облако блестящей, искрящейся ледяной пыли. Удары, подобные отдаленному залпу орудійныхъ выстрѣловъ, слышатся весьма часто въ глетчерѣ. Промежутки-же между обвалами глыбъ измѣряются минутами. Свою разрушительную работу глетчеръ не оставляетъ ни на одинъ часъ. Мы его наблюдали въ теченіе двухъ сутокъ, и не было того часа, чтобы не свалилось съ него два—три ледяныхъ завала. Горцы тоже говорятъ, что глетчеръ этотъ они никогда не видѣли въ спокойномъ состояніи *).

*) Такой характеръ имѣетъ только нижняя часть глетчера; средняя же и верхняя очень пологи, трещинъ на нихъ очень мало и поверхность льда гораздо чище, чѣмъ на прочихъ глетчерахъ Кавказа. Н. Д.

Глетчеръ Агштая въ своемъ теченіи не разъ встрѣчаетъ скалистые пороги и, не имѣя возможности одолѣть ихъ сопротивленія, самъ ломается на глыбы, которыя громоздятся другъ на друга. Меньшія глыбы силою напора выбрасываются на поверхность глетчера и, обтаивая, принимаютъ разнообразныя красивыя формы: одни торчатъ на подобіе зубьевъ, башенъ, другіе получили форму конусовъ, пирамидъ, призмъ и т. п. Въ свѣжихъ изломахъ ледъ имѣетъ нѣжный голубой цвѣтъ, переходящій по краямъ глыбъ въ зеленый. Залитый огненными лучами заходящаго солнца, Агштая представляетъ чудную картину. Красивой рамкой для этой картины служатъ темно-коричневыя скалы, убранныя у подножья своего свѣтлой зеленью хвойныхъ лѣсовъ. Глетчеръ Агштая течетъ отъ одной изъ вершинъ Шаривчика. Вершина носитъ названіе Атъ-зола, что значитъ «лошадиный путь» (на 5-вер. кар. не обозначена). По Агштая, мимо этой вершины, по словамъ горцевъ, пролегалъ когда-то лошадиный путь въ Имеретію. Путь этотъ успѣлъ уже отойти въ область преданія.

Перейдя зеленое плоскогорье между Кара-су и Акъ-баши, мы спустились въ ту часть долины истоковъ Кара-су, которая, по справедливости, можетъ быть названа прелестною въ своей грандіозной дикости. Она какъ-бы отрѣзана отъ всего міра окаймляющими ее со всѣхъ сторонъ могучими вряжами. На югѣ простирается Главный гребень съ безконечными рядами свѣжыхъ пиковъ и съ необъятными снѣговыми полями, отъ которыхъ ползутъ громадныя глетчеры, испещренныя трещинами, темными шиферными моренами и торчащими ледяными глыбами на подобіе глыбъ Агштая. На востокѣ начало Дигорскаго отрога съ рядами живописныхъ вершинъ и глетчеровъ; на западѣ темныя скалы Шаривчика, а надъ ними безконечныя глетчеры, обрывающіеся въ долину отвѣсными зелеными стѣнами; на сѣверѣ изъ-за зеленыхъ холмовъ видны высоко въ небѣ грандіозныя вершины Дыхъ-тау и Ко-

штанъ-тау съ ихъ могучими глетчерами и страшными въ своемъ нагроможденіи скалами.

Англійскій туристъ Грове въ своихъ запискахъ «Холодный Кавказъ» говоритъ, что живописце этой долины онъ не встрѣчалъ и въ горахъ Швейцаріи, что онъ не знаетъ красивѣ этого пейзажа въ цѣломъ мірѣ.

Особое вниманіе обращаетъ на себя глетчеръ Гезевцикъ. Начинаясь у горнаго узла Цигитъ-баши-каля, онъ сползаетъ въ долину двуграннымъ угломъ, у основанія котораго открывается зіяющая темная часть правильной дугообразной сверху тоннели; изъ тоннели кипучими волнами вырывается черная рѣка, ребро угла обозначается темною шиферною мореною, за предѣлами которой страшныя нагроможденія ледяныхъ глыбъ, а за ними уже конические пики Главнаго гребня и Дигорскаго отрога. Горный проходъ по этому леднику къ истокамъ Ріона въ это лѣто сдѣлался недоступнымъ по причинѣ образованія новыхъ безчисленныхъ трещинъ и нагроможденій. Для насъ оставался второй, правый проходъ черезъ Шаривцикъ къ истокамъ Цхенись-цхали. Здѣсь, подъ этими ледниками, застигли насъ дожди и туманы—самая непріятная вещь для туристовъ. Холодъ, пронизывающая до костей сырость, дождь, временами крупа и снѣгъ, неизвѣстность будущаго,—все это наводитъ удручающую тоску на душу и заставляеть забыть окружающія красоты, погребенныя въ туманахъ.

Страшныхъ двѣ ночи пришлось пережить намъ въ этой дивной долинѣ у самаго подножья Главнаго гребня. Дождь лилъ безпрестанно; дровъ нѣтъ, и приходилось разжигать съ большими усиліями сырыя вѣтви рододендроновъ; ослѣпительныя громадныя молвіи ежеминутно пронѣзывали огненными линиями непроглядную тьму ночи и, разражаясь страшнымъ трескомъ и оглушительными раскатами грома, грозили ежеминутно смертью. Трескъ въ ледникахъ и завалы съ горъ усиливали впечатлѣніе ужаса. Мы вспомнили, что остановились

среди груды валуновъ, скатившихся со скалъ Шаривцка. Вблизи нашего становища рухнулъ новый каменный заваль. Мы уже готовы были бѣжать, но гдѣ найдешь убѣжище во тьмѣ ночной, тѣмъ болѣе, что обратный путь преграждался намъ рѣкою, черезъ которую мы едва нашли бродъ и днемъ? Проводники наши не менѣе насъ были объаты ужасомъ и читали молитвы. Утромъ мы возвратились назадъ и снова поднялись на плоскогорье, на одномъ изъ холмовъ котораго была заброшенная уже караулка, сложенная изъ плитъ шифера. Очистивъ по возможности это обиталище, мы укрылись въ немъ отъ безпрестаннаго дождя и холоднаго вѣтра. Пастухи были недалеко, и намъ удалось добыть дровъ и пищи. Вторая ночь была не менѣе грозной. Громъ и завалы Агштана всю ночь не давали покою. Къ разсвѣту, однако, къ общей радости, лебо очистилось, выплыла луна и озарила прелестныя окрестности. Скоро лунный свѣтъ смѣнился солнечнымъ. Терять нельзя было ни минуты. Въ глубинѣ долины, на оставленномъ нами становищѣ, ночевало нѣсколько человѣкъ рачияцевъ съ купленнымъ въ Болкаріи скотомъ. Они уже тронулись въ путь, давъ намъ знать, чтобы мы не мѣшкали, не то худо будетъ.

Мы, однако, помѣшкали съ минуту, чтобы полюбоваться за стаканомъ чаю тѣмъ фантастическимъ грандіознымъ снѣговымъ кольцомъ, которое насъ окружало. Видъ съ караулки оказался наилучшимъ изъ всѣхъ видовъ, которые только намъ встрѣчались. Снѣговое кольцо, составившееся изъ Главнаго гребня, отрога Дыхъ и Дигорскаго врыжа, размыкалось только узкою глубокою щелью на сѣверѣ по долину Кара-су. Отсюда художникъ могъ набросать десятка два самыхъ разнообразныхъ прелестнѣйшихъ пейзажей.

Въ 6 часовъ утра начали мы восхожденіе на Главный гребень. Два часа карабкались по обрывистымъ скаламъ Шаривцка до снѣговыхъ полей. Здѣсь набожные наши провод-

ники долго и горячо молились на снѣгу: они очень боялись предстоящаго перевала, во-первыхъ, потому, что выпавшій новый снѣгъ засыпалъ всѣ трещины въ глетчерахъ, а еще болѣе потому, что изъ глубины долины неслись уже къ намъ густые желтоватые туманы, грозившіе намъ опасностью потерять путь въ ихъ непроглядной мглѣ. Шли мы торопясь, напрягая свои силы, безъ отдыховъ, погружаясь по колѣно въ снѣгъ. Вьючная лошадь то и дѣло проваливалась и падала; приходилось общими силами вытаскивать ее; въ заключеніе разобрали вьюкъ по частямъ на собственные плечи. Проваливались и мы не разъ въ узкія, запорошенные снѣгомъ, трещины; паденіе, къ счастью, приходилось поперекъ трещины, и падавшій отдѣлывался только страхомъ. Часа черезъ два пути по леднику мы достигли высшей точки перевала. На далекое пространство лежитъ здѣсь совершенно горизонтальная плоскость, а на ней коническими шапками торчатъ снѣжные пики, имѣя-же нѣсть числа.

Взобраться на любой изъ нихъ не представляло большо-го труда, но мы не имѣли времени для этого. Съ коническихъ шапокъ къ нашимъ ногамъ скатывались комья снѣгу, оставляя за собою красивыя бороздки. До верхушекъ этихъ шапокъ оставалось отсюда, какъ казалось, не болѣе 100 фут.

Туманы, поднятые солнцемъ, остановились, какъ только достигли вершины гребня: охладившись и сгустившись еще болѣе, они не въ силахъ уже были подняться выше къ пикамъ и разрядились, вѣроятно, снѣгомъ и дождемъ. Мы успѣли таки убѣжать отъ нихъ.

Блуждая часа два по снѣговой платформѣ на высотѣ тысячъ 12—12½ футовъ, мы переходили отъ одного конического пика къ другому, ища слѣда рачинцевъ, только что прогнавшихъ скоть. Слѣдовъ этихъ къ удивленію не оказалось, и мы шли на-удачу. Три коническихъ пика, вдымающихся на плоской вершинѣ гребня и образующихъ своимъ

расположеніемъ треугольникъ, проводники назвали намъ Кацера-уци-каа (эхо трехъ горъ). Здѣсь, дѣйствительно, слышится весьма отчетливое эхо, если произносить слово, обращаясь къ каждой вершинѣ по очередно. Другое эхо даютъ шиферныя скалы, идущія внизъ на югъ параллельными лучами къ западу отъ Кацера-уци-каа. Это эхо оригинальнѣе перваго: слово повторяется много разъ и какъ-бы произносится нѣсколькими субъектами сразу и не-впопадъ. Вы слышите рядъ долго несмолкаемыхъ окончаній сказаннаго слова.

Южнѣе и восточнѣе Кацера-уци-каа, у самой оконечности снѣговой площади, возвышается коническій Лапырь-башъ, иначе—по-грузински—Пасисъ-мта (Фазиса вершина). Рачинцы называютъ этотъ пикъ еще Лапури. Послѣднее названіе, по всей вѣроятности, исковерканное татарское названіе Лапырь-башъ. Пикъ этотъ показался намъ не выше остальныхъ конусовъ гребня; онъ только южными склонами нѣсколько выдвигается изъ линіи гребня и со стороны истоковъ Цхенись-цхали и Ріона кажется особою горою. Съ западныхъ склоновъ Пасисъ-мты сползаетъ глетчеръ, питающій Цхенись-цхали, которая начинается водопадомъ порядочныхъ размѣровъ. Истокъ Цхенись-цхали горцы сѣвера называютъ Шари-су, производя это названіе отъ перевала Шаривциѣ. Съ вершины Главнаго гребня открывается прекрасный видъ на сѣверъ и особенно на отрогъ Дыхъ. Коштанъ-тау рисуется отсюда красивой почти правильной пирамидой, уходящей отъ дикихъ нагроможденій скалъ высоко въ небо.

Къ полудню мы прошли уже снѣговыя поля и начали спускъ по южнымъ склонамъ гребня. Шиферныя вывѣтрившіяся скалы очень затрудняли шествіе. Лошадь и мы поминутно срывались и изъ подъ нашихъ ногъ летѣли внизъ обломки скалъ. Ряды скалъ спускаются лучами въ глубокую долину Цхенись-цхали и притока ея Зесхва. За ними на западѣ видна цѣпь Сванетскаго края, а изъ-за него выдвигает-

ся главная цѣпь съ живописными сванетскими вершинами. Спускъ особенно труденъ тѣмъ, что не представляется возможности дѣлать зигзаги: приходится поневолѣ держаться прямого направленія между обрывомъ къ востоку въ истокъ Цхенись-цхали и шифернымъ скалистымъ лучемъ къ западу. Мы и здѣсь прибѣгли къ сидячему путешествію внизъ, волоча за собою по мягкому снѣгу свои вещи.

Солнце печетъ немилосердно; воздухъ накаленъ до невозможности. Шиферныя скалы такъ горячи, что къ нимъ невозможно прикаснуться. Снѣгъ и скалы отражаютъ теплоту въ воздухъ и дѣлаютъ зной положительно невыносимымъ.

Въ часть дня мы спустились, наконецъ, на дно долины и укрылись отъ зноя въ тѣни вербъ и лопуховъ. Продолжать путь не могли,—такъ болѣла голова у всѣхъ. Ледяные компрессы предупредили опасность солнечнаго удара. Дождавшись заката, мы поднялись на отрогъ отъ Пасисъ-мты и здѣсь нашли татарскій кошъ, гдѣ и пріютились на ночь.

Болкарцы и кабардинцы арендуютъ здѣсь земли у рачинцевъ въ истокахъ Ріона и у сванетскихъ князей Геловани и Гордобхадзе въ истокахъ Цхенись-цхали. Сюда пригоняется скотъ, обреченный на продажу въ тѣхъ видахъ, чтобы продать его въ Имеретіи по-дороже позднею осенью, когда переходъ черезъ горы становится уже невозможнымъ. Арендная плата— 1 баранъ со 100 штукъ.

На-утро, обогнувъ вершину Пасисъ-мта съ юга, мы увидѣли подъ собою во всей красотѣ южной флоры долину Ріона.

Перезалъ отъ истоковъ Цхенись-цхали къ истокамъ Ріона едва-ли не труднѣе перевала черезъ Главную цѣпь. Отъ Пасисъ-мта къ югу отдѣляется отрогъ Лухуну-цвери, составляющій водораздѣлъ между водами Ріона и Цхенись-цхали. Гребень этотъ у своего начала образуетъ страшныя нагроможденія шиферныхъ скалъ, раздѣленные пропастями и глубокими котловинами. Мы прошли этотъ гребень у самаго его начала,

переваль-же изъ Рачи въ Дадіановскую Сванетію остался гораздо южнѣе. Отъ Пасисъ-мта еще отдѣляется небольшой отрогъ на востокъ по правому берегу Ріона. Гребень этотъ чрезвычайно узокъ. Мы шли по его остроконечной вершинѣ, любуясь истоками Ріона и далекой панорамой уходящихъ въ сипеву снѣжныхъ горъ. На вершинѣ этого гребня намъ встрѣчались кристаллическія отложенія на плитахъ шифера. Попадались большія группы красивыхъ кристалловъ горнаго хрустала и молочный кварцъ. На гребнѣ-же при спускѣ въ долину Ріона мы встрѣтили послѣдній кошъ, въ послѣдній разъ напились кефиру, въ послѣдній разъ купили козленка. Хозяинъ коша оказался богатымъ кабардинцемъ, любителемъ чая; у него мы купили фунтовъ пять сахара.

Истокъ Ріона беретъ начало изъ глетчеровъ Пасисъ-мты. Глетчеры эти нависли высоко надъ скалами, не велики и ничего особенно живописнаго не представляютъ. Ниже ихъ на пологихъ склонахъ и въ глубинѣ долины альпійскія пастбища, арендуемая у рачинцевъ кабардинцами. Гораздо живописнѣе и больше глетчеровъ Пасисъ-мты глетчеры сосѣдней вершины Эдена. Отъ нея стремятся могучіе потоки и впадаютъ въ Ріонъ шумными каскадами въ 5—6 верстахъ отъ его начала. До слиянія съ этими потоками Ріонъ имѣетъ восточное¹ направленіе, далѣе-же круто поворачиваетъ на югъ. Отъ этого поворота начинается прекрасный лиственный лѣсъ, въ которомъ мы и заочевали, чтобы на-утро тронуться по долинѣ Ріона въ Кутаисъ.

В. Я. Тетцовъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ

о с. Варташенѣ и его жителяхъ.

На востокъ отъ г. Нухи, въ 35 верстахъ, находится с. Варташенъ ¹⁾, расположенное на высотѣ почти 2500 ф. у подошвы южнаго склона Кавказскаго хребта, /отроги котораго окаймляютъ селеніе съ востока и съ запада; на югъ тянется гладкая равнина. Варташенъ состоитъ изъ собственно Варташена и Кишлагъ-Варташена, находящагося въ 2 верстахъ на ю. отъ перваго.

По восточной сторонѣ селенія, дѣлая множество изгибовъ, протекаетъ р. Эльджиганъ, берущая начало съ главнаго хребта: чистыя и быстрыя ея воды, богатая форелью, служатъ для поливки садовъ, огородовъ, заливки чалтычныхъ (рисов.) полей; осенью и весною рѣка нерѣдко выступаетъ изъ береговъ, размываетъ сады и заливаешь улицы Варташена, который и безъ того богатъ разными родниками. Весною и осенью идутъ частые дожди, а зимою выпадаетъ много снѣга ²⁾; засухи рѣдки.

¹⁾ Варташенъ, по преданію, основанъ священникомъ удинскимъ поэтомъ Вартаномъ и слово Варташенъ въ переводѣ означаетъ село Вартана; по мнѣнію другихъ, названіе села произошло отъ словъ „вардисъ“ и „шенъ“, т. е. розъ селеніе; въ окрестностяхъ и нынѣ растетъ много розъ. Во всякомъ случаѣ Варташенъ основанъ давно, о чемъ свидѣтельствуютъ старинные курганы и кладбища, которыхъ много и въ окрестностяхъ и въ самомъ селеніи.

²⁾ Съ 1 сентября 1889 по 1 сент. 1890 г. шелъ дождь: сент. 17, 29, 30; окт. 8, 7, 15, 24, 25.; ноябрь: 8—5, 11—14, 17, 18, 20, 27; декабрь: 1, 5—7; мартъ: 1, 22—24, 29, 30; апрѣль: 6, 8—15, 22, 26, 30; май: 2, 4, 8, 10, 17, 18, 27; июль: 30; июль: 1—4, 6, 8, 9, 17—19, 26.; августъ: 11. Снѣгъ: декабрь—2, 3, 4, 8, 9, 15, 16, 22; январь—5, 6, 8, 21, 28, 29, 31; февраль—туманы: 1, 2, 3, 4, 6.

Климат вообще здоровый; рѣзкихъ переходовъ отъ зноя къ холоду не бываетъ.

Растительность богата: весь Варташенъ утопаетъ въ зелени и издали кажется густымъ лѣсомъ. Деревья, особенно чинаръ, каштанъ, дубъ и орѣхъ крупный, достигаютъ значительной величины. Въ садахъ растутъ груши, яблони, сливы, вишни, черешни, абрикосы, алыча, орѣхъ (мелкій и крупный), тута, айва, шишки, кизиль, ежевика, крыжовникъ, малина, виноградъ и др. ³⁾ Густые окрестные лѣса состоятъ изъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ: ель, липа, грабъ, букъ, дубъ, дикій виноградъ и разныя плодовые. Луга весною бывають покрыты разнообразными кормовыми травами.

Немнѣе разнообразно царство животныхъ и птицъ. Въ окрестныхъ лѣсахъ водятся бѣлки, горностаи, куницы, соболи, лисицы, ласки, зайцы, олени, дикія козы, серны, каменные бараны, кабаны, туры, шакалы, волки, медвѣди, тигры и др.; изъ птицъ — воршуны, ястреба, кочички, совы, филины, орлы, журавли, цапли, аисты и многія другія, въ томъ числѣ: бурочки, фазаны, перепела, голуби, соловьи.

*) Названіе растеній	Почки рас- пускаются	Начало цвѣтенія	Листья ра- спускаются	Первые не- зрѣлыя плоды	Плоды со- зрѣлы.
Кизиль	6 марта.	25 февр.	2 апр.	1 мая.	15 іюля
Абрикосъ	7 "	26 марта	7 "	30 апр.	2 "
Алыча	6 "	27 "	11 "	21 "	26 іюня
Слива	17 "	25 "	19 "	29 "	30 "
Груша	18 "	29 "	22 "	27 "	10 "
Яблоня	15 "	4 апр.	21 "	24 "	30 авг.
Черешня	6 "	25 мар.	1 "	5 "	21 мая
Вишня	21 "	4 апр.	12 "	17 "	10 іюня
Орѣхъ крупный	19 "	2 "	12 "	26 "	1 сентабра
Персикъ	22 "	5 "	6 "	17 "	20 авг.
Айва	21 "	11 "	19 "	6 мая	19 сент.
Орѣхъ мелкій	29 "	7 "	18 "	18 апр.	20 іюля
Шишки	30 "	21 "	16 "	17 "	—
Тута	20 "	—	12 "	14 "	30 мая
Виноградъ	2 "	—	19 "	30 "	4 авг.
Подсѣянникъ	—	20 фев.	—	—	—
Физалка	—	25 "	—	—	—

Населеніе составляютъ удины (православные и григоріане) ⁴⁾, армяне, татары и евреи. Эта разноплеменность отразилась и на устройствѣ сельскаго управленія. Администрацію села составляютъ: старшина, 3 помощ. старшины, 3 кандидата къ нимъ и 4 човуша (десятскій). Помощники избираются по одному отъ православныхъ, евреевъ и татаръ; старшина избирается всѣми. Сельскій судъ состоитъ изъ 5 лицъ: по 1 отъ православныхъ, татаръ, евреевъ и 2 отъ григоріанъ. Письменная часть ведется писаремъ на армянскомъ языкѣ.

Удины и татары занимаются хлѣбопашествомъ, шелководствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, скотоводствомъ и отчасти торговлею; армяне—торговлею, а евреи—табаководствомъ и торговлею. У каждаго мѣстнаго жителя есть садъ, участокъ земли для пашни, чалтыка и сѣновоса (по жребію). Между собственно Варташеномъ и Киплагъ-Варташеномъ есть болѣе 2000 десятинъ пахотной земли (Каван), но ею владѣютъ только нѣкоторые ворташенцы. За Киплагъ-Варташеномъ есть около 10000 десят. земли, раздѣленной на участки, которыми жители пользуются по жребію; сѣютъ пшеницу, просо, ячмень, рисъ и пр. Евреи земли не имѣютъ; богатые изъ нихъ занимаются торговлею, а бѣдные—табаководствомъ: сѣютъ махорку на чужихъ земляхъ изъ-за половины сбора и продовольствіе получаютъ отъ хозяина.—Обработка земли, какъ и все хозяйство, производится примитивнымъ способомъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ занимается и шелководствомъ, и садоводствомъ, и хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, но всѣмъ какъ-то странно. Въ саду, напр., можно встрѣтить

⁴⁾ Удины живутъ въ сс. Варташенъ и Нижъ, и говорятъ на горскомъ языкѣ, въ который вошло много татарскихъ словъ. Удины жьвуть на Кавказѣ съ давнихъ временъ и нѣкогда составляли особое Агванское царство. Преданіе говоритъ, что многіе удины выселились въ разныя мѣста Азіи, что прежде они жили во всѣхъ селеніяхъ Нухинскаго уѣзда; еще не очень давно въ разныхъ селахъ были старики, которые знали по-удински. Удины издавна приняли христіанство и во всѣхъ почти татарскихъ селеніяхъ Нухинскаго уѣзда есть развалины старинныхъ церквей. Удины православные и григоріане, говорятъ между собою по-удински. Евреи говорятъ по фарсидски.

шелковицу, яблоню, абрикосы, крупный и мелкій орѣхъ, сливовыя, персиковыя и каштановыя деревья, но всѣ они посажены безъ всякаго порядка, и мѣшаютъ другъ другу расти; фруктовыя деревья остаются безъ солнца, заслоненными тѣнью огромныхъ дубовъ, каштановъ, орѣховъ и чинаровъ; по деревьямъ, въ вѣтвяхъ и листьяхъ этихъ гигантовъ, вѣтся виноградъ, тоже безъ солнца, въ тѣни. Разъ-два въ годъ садъ поливается, и этимъ ограничивается весь уходъ за нимъ. У хозяина сада нѣтъ времени: не успѣетъ онъ посѣять яровой хлѣбъ, какъ принимается за шелководство, затѣмъ за сѣнокосъ, за жатву пшеницы, за посѣвъ чалтыка, за сборъ плодовъ, а тамъ и зима съ ея заботами, сборомъ дровъ, заготовленіемъ лѣса для починокъ и построекъ,—о садѣ нѣкогда и подумать. Главный доходъ сада—мелкій и отчасти крупный орѣхъ, каштанъ и шелковица.—Шелководство процвѣтало до 50-хъ годовъ, когда пріѣхали французы, роздали жителямъ зараженную грену и съ тѣхъ поръ шелководство стало падать. Крестьяне начали рубить туовыя деревья и разводить мелкій орѣхъ. Въ послѣднее время, благодаря содѣйствію мѣстнаго начальнаго двухкласснаго училища ⁵⁾ и отдѣленію тифлисской шелководственной станціи, шелководство вновь возрождается.—Мелкій орѣхъ и каштаны даютъ сравнительно хорошей доходъ; крупный орѣхъ продается французамъ на срубъ и множество прекрасныхъ деревьевъ уже уничтожено.—Винодѣліе находится въ жалкомъ состояніи, и вино получается плохое.

Изъ Варташена вывозятъ главнымъ образомъ: шелкъ, коконы, махорку (около 8/т. пуд. въ годъ), мелкій и крупный орѣхъ, рисъ, каштаны, сушенныя черешни, и др.

⁵⁾ Въ Варташенѣ два училища: общее (земское) и церковное армянское. Общее училище открыто было въ 1860 г. отцомъ моимъ Степаномъ Безановымъ; въ 1876 г. отецъ мой оставилъ службу учителя, и его мѣсто занялъ, ученикъ его, г. Котіевъ; въ 1880 г. учителемъ отъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ назначенъ былъ мой братъ, Георгій Безановъ; въ 1883 г. школу закрыли. На земскій счетъ открыто въ 1887 г. существующее нынѣ 2-хъ классное училище.

Въ селеніи имѣется около 15 постоянныхъ лавокъ; базары бывають по понедѣльникамъ. ⁶⁾ Торговый оборотъ въ годъ достигаетъ 200/т. рублей ⁷⁾. Въ 1888 г. открыто было 3, а въ 90 г. еще одна паровая фабрика для размотки шелка; ручныхъ фабрикъ прежде было до 12, но теперь число ихъ уменьшилось. Черепичныхъ и гончарныхъ заводовъ—33. Винокурение, съ введеніемъ акциза, почти прекратилось; дѣйствовать одинъ заводъ.

Постройки съ каждымъ годомъ улучшаются, получаютъ видъ европейскихъ. Въ прежнихъ постройкахъ стѣны дѣлались изъ сырого кирпича, фундаментъ—изъ камня, крыша—изъ соломы; чердаки устраивались высокіе, просторные и служили не только мѣстомъ склада разныхъ домашнихъ вещей и корма для скота, но и черводнями. Большинство домовъ состояло изъ двухъ-трехъ комнатъ, и рѣдко изъ большаго или меньшаго

⁶⁾ Средняя цѣна продуктовъ и фруктовъ: 1 ф. свѣж. масла 30 к., 1 ф. топл. масла 40 к., 1 ф. сыру 8 к., 1 ф. баранины 7 к., 1 ф. говядины 4 к., 1 ф. свинины 3 к., курица 20 к., 10 яицъ 6 к., 1 ф. фруктовой водки 25 к., одна бутылка вина 7 к., 1 ф. керосину 4 к., индѣйка 90 к., 1 ф. каштанъ 3 к., 1 ф. мелкаго орѣха 4 к., 1 ф. крупнаго орѣха 2 к., 1 ф. шишекъ 2 к., фунтъ винограда 2 к., ф. айвы 1 к., 3 яблока 1 к., 2 груши 1 к., гранатъ (крупный) 2 к., 1 ф. меду въ сотахъ 15 к., 1 ф. меду очищ. 20 к., бут. уксусу 10 к., 1 ф. картофеля 2 к., 1 ф. орѣховаго масла 25 к., 1 ф. льнянаго масла 15 к., диня 3 к. арбузъ 5 к., 1 ф. тешки 15 к., яйца 15 к., курочка 8 к., фазанъ 20 к., 1 ф. форели 10 к., 1 ф. лососини 20 к., махорки 1 пудъ 3 к., 1 голов. капуста (качанъ) 4 к., 1 ф. инжиру 4 к., 1 ф. земляники 5 к., 20 бадражанъ 5 к., 1 п. луку 60 к., 1 ф. чесноку 5 к., 1 ф. лобія (сушен.) 4 к., 1 пудъ туты (для вывокурения) 15 к., 1 ф. панидоръ 1 к., 15 огурцовъ 5 к., 1 ф. персиковъ 1 к., 1 ф. алычи садовой 2 к., 1 ф. черешень 1 к., 1 ф. вишень 2 к., 1 ф. кураги 1 к., бакмазъ 1 ф. 8 к., полба 1 пудъ 60 к., 1 пудъ проса 40 к., 1 п. ячменя 30 к., 1 пудъ пшеницы 65 к., 1 п. крупы 1 р. 20 к., раковъ 100 шт. 55 к.

⁷⁾ Употребляются слѣд. мѣры 1) *длины*: аду—ханскій аршинъ—24 верш. чяррѣзъ (1/2 часть)—8 верш.; гире—1 верш.; чад—100 адуламъ. 2) *Выса*: пунт—40 фун.; гирвѣндрѣ—96 зол.; уруб—1/2 фун.; мискал—1 золот. 3) *Мѣры шелка и времени*: ман—25 фунт.; истил—50 зол.; шаі—5 зол. 4) *жидкости*: лорак—48 фунт.; чяррѣзъ—12 фун.; зѣунгг—6 фунт.; зарч—6 фун. 5) *Сыпучихъ вещей*: забар—20 пуд. пшеницы или 19 пуд. ячменя—10 каіз; каіз—2 пуд. пшеницы и 1 1/2 пуд. ячменя; каіз—2 пунѣк; пунѣк—2 булѣ.

числа; одна комната съ каминомъ предназначалась для гостей, а въ остальныхъ ютились сами хозяева. Жилая комната—довольно большая, четырехугольная, съ отверстіями вмѣсто оконъ; потолокъ укрѣплялся двумя толстыми балками, которыя поддерживались столбами (ол); посрединѣ потолка продѣлывалось четырехугольное квадратное отверстие (2 арш. д. и ш.), подъ которымъ на землѣ устраивался костеръ: здѣсь готовили пищу, здѣсь же согрѣвалась и вся семья; огонь не угасалъ ни днемъ, ни ночью: часть ствола дерева горѣла медленнымъ огнемъ и, по мѣрѣ горѣнія, подвигалась въ костеръ; днемъ, для притока свѣта, дверь никогда не затворялась. Въ стѣнахъ устраивались ниши, гдѣ хранились постель, посуда, горшки съ маринадами; домашнюю утварь ставили по верху стѣнъ; мѣдная посуда устанавливалась на полкахъ вдоль стѣнъ; для хранения муки въ углу комнаты придѣлывался родъ ящика изъ глины. Вечеромъ комната освѣщалась глиняною свѣтилкою, въ которой горѣлъ мазуть (фитиль—изъ тряпокъ).—Теперь, какъ я сказалъ, такихъ зданій немного: нынѣ строятъ одно и двухэтажные дома изъ камня, съ окнами, балконами; стѣны комнатъ оклеиваютъ шпалерами, полы дѣлаютъ изъ орѣховыхъ и дубовыхъ досокъ; крыши кроютъ черепицею. Одна изъ лучшихъ построекъ—православная церковь, находящаяся въ центрѣ селенія; она, выстроена въ 1822 г. при дѣдѣ моемъ свящ. Иосифѣ. Крестообразной формы она сложена изъ известняка, привезеннаго изъ Шемахи и покрыта жестию; полъ каменный, стѣны оштукатурены алебастромъ; иконостасъ очень красивъ; около церкви колокольня. Армянская церковь находится недалеко отъ православной; довольно ветхая. У евреевъ есть двѣ синагоги. Синагога это большой залъ, посрединѣ котораго стоитъ каеэдра для раввина; въ стѣнахъ множество нишъ, куда евреи кладутъ свои молитвенники и бѣлыя покрывала; полъ, устланъ коврами,—на нихъ, во время богослуженія, евреи сидятъ, поджавши ноги.

Одежду мужчинъ составляетъ архалукъ изъ ситца или шелка, чоха—изъ мѣстной матеріи или изъ сукна, шаровары изъ тѣхъ же матерій; архалукъ опоясывается у бѣдныхъ кожаными, а у богатыхъ серебрянными поясомъ, стоимостью—отъ 7 р. и до 100 рублей. Зимомъ и лѣтомъ обувью служатъ лапти, а у состоятельныхъ чусты и полусапожки; многіе вмѣсто носковъ носятъ „џаџава“ (портянки). џаџава обхватываетъ всю ступню до колѣнъ (мѣстныя женщины дѣлаютъ џаџава изъ шерсти); кто носитъ носки, тотъ обтягиваетъ шаровары „џаџвадукъ“ (џаџвадукъ это тоже самое, что и џаџава, но втрое уже и ткуть его изъ чистаго шелка и каджи; шириною въ 2 вершка, а длиною въ одинъ аршинъ, и кончается бахрамою). На головѣ носятъ папаху изъ бараньяго мѣха.

Женщины носятъ длинныя, доходящія до ступни, краснаго цвѣта рубашки (гурат); поверхъ рубашки надѣваютъ доходящій до колѣнъ архалукъ,—у молодыхъ свѣтлаго, а у старыхъ—темнаго цвѣта. Рукава женскаго архалука, очень длинны, съ разрѣзомъ, и украшаются серебрянными пуговицами и монетами. Архалукъ опоясывается кушакомъ (шелковымъ или ситцевымъ) или же серебряннымъ поясомъ шириною въ два вершка, цѣною отъ 45 до 200 рублей. По праздникамъ носятъ бархатныя шубки, немного длиннѣе архалука, съ короткими рукавами. Удѣнки въ праздничные дни одѣваются въ шелговую одежду. Обувью женскою служатъ коши (лалаџан). Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ разныхъ предметовъ, украшенныхъ серебрянными шариками, жемчугами, золотыми или серебрянными монетами, серебрянными крючками.

Евреи мужчины одѣваются такъ же, какъ всѣ татары, но носятъ длинныя архалуки; еврейки одѣваются почти такъ же, какъ татарки, но съ небольшимъ измѣненіемъ въ головномъ уборѣ и носятъ особое покрывало.

Жители большею частью употребляютъ пшеничный хлѣбъ,

и только бѣдные примѣшиваютъ просо; хлѣбъ пекутъ въ печи, называемой „ѣрна“.

Варташенцы употребляютъ довольно разнообразную мучную, молочную, мясную и растительную пищу. Почти каждый крестьянинъ имѣетъ до 100 куръ, корову, буйволицу, заготавливаетъ разные маринады (огурцы, джонджоли, капусту, сельдерей, помидоры и др.). Въ скоромные дни варташенцы ѣдятъ слѣд. кушанія: 1) хаѣо—борщъ; 2) чѣѣрма—висловатый супъ; 3) жаркое; 4) қоурма—жаркое изъ печени и легкихъ; 5) толма—голубцы; 6) чѣѣна хуп (съ масломъ каша)—пловъ; 7) наѣна хуп—каша съ айраномъ; 8) наѣла хуп—каша; ее ѣдятъ съ кислымъ молокомъ; 9) булмухурун хуп—висловатая каша на наварѣ трѣбухи и бараньей головы; 10) вokoцун іѣарікат (курицы супъ)—жидкая каша на бульонѣ изъ курицы; 11) оѣалін хуп (супа каша): каша изъ вруны; ѣдятъ съ супомъ; 12) ѣчна халва; 13) бѣші—пирогъ; 14) шѣла хуп—жидкій пловъ, каша на мясномъ отварѣ; 15) хѣрса; 16)

¹⁾ Кладутъ говядину или баранину въ котелъ съ водою, туда же кладутъ капусту, лукъ разную зелень и сушенныя сливы для кислоты.

²⁾ Варятъ курицу, затѣмъ сѣживаютъ наваръ; жарятъ въ маслѣ лукъ и кнѣзу, сюда кладутъ разрѣзанную на куски сваренную курицу и немного еще поджариваютъ, и все вынимаютъ въ наваръ; хорошо смѣшиваютъ и увариваютъ на огнѣ; передъ тѣмъ какъ ѣсть подбавляютъ немного муки и яйцо, смѣшанное съ уксусомъ.

³⁾ Мясо, порѣзанное на куски, кладутъ въ кастрюлю, куда прибавляютъ мясо, лукъ, 10 яицъ и жарятъ.

⁴⁾ Мясо рубятъ съ лукомъ, прибавляютъ пахучей зелени, немного крупы, и по небольшимъ частямъ заворачиваютъ въ листья капусты, винограда, лобя, бадржанъ и др. Въ жѣдной кастрюлѣ все это варятъ на водѣ.

⁵⁾ Изъ крупы варятъ не очень густую кашу, даютъ ей совершенно остыть, потомъ смѣшиваютъ съ айраномъ.

⁶⁾ Баранью голову и трѣбуху хорошо очищаютъ и варятъ съ клекиомъ; сѣживаютъ наваръ и на немъ варятъ кашу.

⁷⁾ Крупчатку (толкутъ зерно на толчеѣ) поджариваютъ безъ масла, потомъ жарятъ съ масломъ; просѣиваютъ на сѣтѣ и смѣшиваютъ съ медомъ.

⁸⁾ Мѣсятъ муку съ масломъ, жарятъ и пекутъ.

⁹⁾ Пшеницу намачиваютъ, толкутъ на солнцѣ, очищаютъ отъ шелухи и варятъ съ масломъ; ѣдятъ съ масломъ.

даґач—съ айраномъ варится каша, какъ и молочная; 17) мѣмѣж—холодецъ; 18) чѣлѣн ошала—рыбный супъ; 19) чѣлѣн оцтаі—изъ рыбы супъ; 20) чѣлѣн бузлама—изъ рыбы уха; 21) чѣлов—каша изъ сарочинской крупы; 22) кокоцун ошала—изъ курицы супъ; 23) чѣрѣц—шашлыкъ; 24) муҷанақна хуп—молочная каша; 25) муҷа нақ—сладкій айранъ (молоко); 26) муҷа нақна чо—сладкаго айрана лицо, т. е. сливки; 27) аіаѣ чѣін—не соленное (свѣжее масло); 28) хебаѣи чѣін—топлен. масло; 29) сѣзѣма—сыворотка. 30) ѣч—медь; 31) бодакун—халва (сокъ изъ винограда); 32) қақа—цун—яичница сбитая; 33) шештѣрѣнг—яичница глазками; 34) хајагѣшј—лоби, масло и яйца; 35) чѣіна цѣхла—свѣжее лоби жаренное въ маслѣ; 36) цѣхті кокоц—варен. курица; 37) корот (16); 38) наѣелј, кислое молоко; 39) шор; 40) нақ—айранъ; 41) моѣал—сыръ съ кислымъ молокомъ; 42) русме—сыръ (кусками); 43) аѣтарма—въ родѣ моѣала; 44) еқна хуп—каша съ мясомъ; 45) цѣшурук—для дѣтей кашница; 46) дабрамач—кислое молоко съ хлѣбомъ; 47) цѣцѣ—манная каша и др. *Постныя кушанья*: 1) цѣхлѣн хуп—изъ лоби каша; 2) цѣашнѣн хуп—каша изъ тыквы (ср. 1); 3) пуріта цѣхла—супъ съ лоби; 4) гѣрцѣн цѣхла—тоже; 5) цѣхлѣн іѣарікат—тоже; 6) цѣхлѣн шілахуп—жидкая каша изъ лоби; 7) ѣқна шілахуп—каша изъ орѣха; 8) цѣѣта хуп—льняная каша; 9) вѣоцунна хуп—супъ съ кислой алычей; 10) чѣвеці ѣқ, толчен. орѣхъ; 11) цѣхлѣн оцтаі—супъ съ зеленымъ лоби; 12) цѣблун іѣарікат—супъ съ каштанами; 13) цѣхлѣн толма—голубцы изъ

²⁾ Муҷа нақ молоко. Наѣелј, кислое молоко. Кислое молоко наливаютъ въ большой кувшинъ съ узкимъ горломъ и съ отверстиемъ сбоку; всбалтываютъ, вливъ немного теплой воды;—получается масло: аіаѣ чѣін (27). Нақ, айранъ, наливаютъ въ котелокъ и кипятятъ; затѣмъ выливаютъ въ мѣшокъ и цѣдятъ (мѣшокъ съ содержимымъ виситъ двое сутокъ), въ мѣшкѣ остается шор (39). Молоко наливаютъ въ бурдюки, бросаютъ туда немного пшеницы, получаютъ куски сыру и жидкость (моѣал. 41).

¹⁾ Лоби варятъ, кладутъ крупу и толчен. орѣхъ и варятъ.

лоби; 14) цілетері—супъ съ качаць; 15) ўчна (изъ меда) хашіл; 16) бадакун (изъ винограда или туты) хашіл; 17) ардаць—соусъ изъ тыквы; 18) базіргян—соусъ; 19) йахні цъахла—варен. лоби; 20) фенна харцьун—супъ съ чеснокомъ; 21) шамбалун іварікат—супъ съ грибами; 22) шамбалун ошала; 23) тўп—рўпа; 24) оқона бісі кацолі—въ уквусь маринов. огурцы и разныя овощи: шувет (укропъ), цумцул (малва), меч (кропива), чїнеор (крессъ-салатъ), навеч (кинза), гўлїлїан (мята) и др.

Удины—красиваго тѣлосложенія; лицо—чаще круглое, волосы—свѣтлые или шатеновые; ростъ средній (взросл. мужчина—2 арш. 4 верш., женщина—2 арш. 2 верш., обхватъ грудной клѣтки у мужчинъ—1 ар. 4 вер., у женщ.—1 ар. 1 вер.). Гостепріимны, готовы помочь другъ другу во всемъ, почтительны къ старшимъ; на улицѣ, на площадяхъ, при проходѣ стариковъ, почетныхъ лицъ, сидящіе молодые люди въ знакъ почтенія встаютъ и пр. Наклонность къ вляузамъ и мстительность составляютъ темныя стороны характера варташенцевъ. Отецъ есть глава и повелитель дома; ему всѣ повинуются безпрекословно; при входѣ его, всѣ члены семьи встаютъ; если есть гость, то во время обѣда, сынъ не садится, а стоитъ поотдалъ и прислуживаетъ. Удинки, отличаясь вообще доброю нравственностью, ведутъ замкнутую жизнь; обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, съ посторонними не говорятъ, закрываются; безъ разрѣшенія мужа, жена никуда не можетъ итти; она занимается домашними работами, шелководствомъ, сушеніемъ фруктовъ и пр. Въ прежнее время семейства, состоящія въ близкомъ родствѣ, жили вмѣстѣ и старѣйшій управлялъ ими; теперь только въ Ниджѣ есть большія семейства, а въ Варташенѣ молодые семьи выдѣляются. Все наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями, при чемъ холостымъ дается особая часть (субаїлў), такъ какъ на женатыхъ пошло немало при женитьбѣ.

Въ свободное отъ занятій время собираются компании и гуляютъ, а въ праздничные дни танцуютъ, играютъ, борятся, жигитуютъ. Важными праздниками считаются слѣд.: 1) Вербное Воскресенье, 2) Пасха, 3) 2 и 3-ій день Пасхи, 4) Вартиверь (Преображеніе Господне), 5) Мѳрѳц (арм. праздникъ Хачерацъ), 6) 25-ый день Великаго поста, когда жители идутъ въ монастырь св. Георгія; пиршествуютъ, играютъ, танцуютъ, качаются на качеляхъ и пр.

Въ Вербное Воскресенье (Заразартаръ) всѣ дѣвушки и невѣсты приходятъ въ церковь и приобщаются св. Таянъ. Женщины, у которыхъ въ домѣ умеръ кто нибудь, раздають на заутренѣ фрукты маленькимъ дѣтямъ. Это единственный день въ году, когда сходится въ церкви молодежь обоихъ половъ.

Наканувъ праздника Пасхи, при закатѣ солнца, въ оградѣ церкви собирается молодежь, приглашается зурна, устраиваются танцы, игры и продолжается все это до начала литургіи (до 2 час. ночи), которая оканчивается съ разсвѣтомъ. Приносятъ „ахар“, *) чтобы всякій даже бѣдный могъ разговѣться мясомъ. Заранѣе, по выбору общества, нѣсколько лицъ ходятъ по всѣмъ дворамъ и собирають пожертвованія, — покупають барашковъ, и рѣжутъ ихъ ночью въ церковной оградѣ, варятъ, и, по окончаніи литургіи, раздають всѣмъ по куску мяса съ хлѣбомъ; одну ляжку отъ каждаго зарѣзаннаго барашка отдають священнику.

На другой день Пасхи всѣ идутъ на кладбище, несутъ туда пловъ, молочную кашу, всевозможные фрукты и сладости. Священники (православный и григоріанскій) освящаютъ всѣ могилы; въ 2—3 час. садятся обѣдать; такъ какъ священники не успѣвають къ этому времени освятить всѣхъ могилъ, то продолжаютъ послѣ обѣда и оканчиваютъ почти вечеромъ. Все принесенное съѣдается, и послѣ обѣда постепенно всѣ

*) Однолѣтніе барашки; ихъ варятъ дома и приносятъ въ церковь тѣ, у которыхъ были покойники въ томъ году.

расходятся. (Такия общія поминки бывають еще въ половинѣ сентября).

Третій день Пасхи—день престольнаго праздника Ёала гергец (Большая церковь). Этотъ монастырь находится въ ю. в. части села, за садами; армяне называютъ его Језіш аразел (церковь св. Елисея). Монастырь живописно расположенъ на холмѣ, покрытомъ большими деревьями, которыя почитаются священными, неприкосновенными („святой накажетъ, если рубить будутъ“). Почти каждое воскресенье сюда собирается много молящихся, а въ день престольнаго праздника (третій день Пасхи) сходятся не только всѣ варташенцы, но и многіе армяне изъ нухинскаго и другихъ уѣздовъ. Это одинъ изъ торжественныхъ дней: старики и молодые, одѣтые въ лучшіе костюмы, приходятъ въ монастырь съ провизіей, приносятъ барана *) въ жертву, готовятъ обѣдъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся до заката солнца и позднѣе. Каждый богомолецъ, по приходѣ въ монастырь, тотчасъ прикладывается къ иконамъ и ставитъ свѣчи; предъ обѣдомъ и послѣ него, а также предъ уходомъ каждый прикладывается къ иконамъ. Веселье иногда кончается ссорами, драками. Монастырь выстроенъ на казенной землѣ православнымъ удиномъ Петромъ Силиковымъ; потомки его приняли армяно-григоріанскую вѣру и монастырь передали григоріанамъ, что повело къ безконечнымъ спорамъ православныхъ съ григоріанами.

На в. отъ Варташена, въ $\frac{1}{4}$ верст., находится полуразвалившаяся старая православная церковь Ёидке гергец (т. е. малая церковь). Въ этой мѣстности, поросшей пальмою (шумшѣт), находится множество могилъ: очевидно, это какое-то старое кладбище.

Въ двухъ верстахъ отъ Варташена, на востокъ, находятъ

*) Барана ободать 3 раза вокругъ церкви, кормятъ освященной солью, смѣшанной съ землею и затѣмъ рѣжутъ, при чемъ отъ каждаго барана одну лажку обязательно даютъ священнику. Бѣдныя приносятъ въ жертву пѣтуха, — но это рѣдко.

ся развалины (сохранился фундаментъ) церкви Кала Ціцік (т. е. храмой цвѣтокъ). Это очень живописное мѣсто, куда варташенцы ходятъ гулять и гдѣ приносятъ жертвы. Въ 1883 г., во время эпидеміи оспы, одинъ варташенецъ имѣлъ во снѣ видѣніе, которое сказало, что жители избавятся отъ оспы, какъ только пойдутъ на богомолье въ Кала Ціцік, — съ тѣхъ поръ, по воскресеньямъ, многіе стали ходить сюда для молитвы и принесенія жертвы.

Въ концѣ села, на горѣ, находится святое мѣсто „Цімери“ св. Георгія: по срединѣ мѣста, окруженнаго деревянною оградю, сложены камни, къ которымъ молящіеся привѣрѣпляютъ зажженные восковыя свѣчи. Богомольцы ходятъ сюда почти каждый воскресный день и особенно въ день Преображенія Господня (Варзівер). Наканунѣ праздника дѣвушки красятъ свои руки бальзамною, собираютъ разные плоды и полевые цвѣты (варзівері ціцік), изъ которыхъ дѣлаютъ кресты; съ разсвѣтомъ, рано утромъ, онѣ разносятъ на блюдечкахъ собранные плоды (крестъ изъ цвѣтовъ кладется на плоды) родственникамъ и знакомымъ, отъ которыхъ получаютъ деньги и разные продукты. Вечеромъ дѣвушки собираются и устраиваютъ себѣ угощеніе. Въ день праздника почти всѣ варташенцы (григоріане и православные), въ лучшихъ своихъ нарядахъ идутъ къ св. Георгію; здѣсь дѣвушки и юноши танцуютъ подъ звуки зурны, качаются на качеляхъ, юноши состязаются въ борьбѣ и въ 3 час. всѣ расходятся. Молодые сходятся; юноши выбираютъ невѣсть. Въ прежнее время составлялись изъ дѣвушекъ и юношей хоры, которые состязались въ пѣніи національныхъ пѣсень.

Какъ во время праздниковъ, такъ и въ часы отдыха варташенцы охотно предаются разнымъ играмъ, изъ коихъ я нѣкоторые здѣсь опишу.

1. „Бухілда байғал“ (заходящій въ середину) — игра въ мячъ. Всѣ играющіе берутъ по одной палкѣ и становятся въ сере-

динѣ круга, а двое служатъ въ полѣ на противоположныхъ сторонахъ круга; служащіе стараются запятнать играющихъ въ кругу ударомъ мяча, а играющіе защищаются палкой, ловятъ и бьютъ далеко мячъ, за которымъ долженъ бѣжать служащій; если послѣдній запятнаетъ когонибудь изъ играющихъ, то мѣняются мѣстами.

2. „Зангу“ — тоже игра въ мячъ; играющіе дѣлятся на двѣ партіи, выбираютъ два пункта — „дѣб“ (городокъ); по жребію рѣшаютъ, кто бросаетъ первымъ; затѣмъ каждая партія становится въ своемъ „дѣб“, и поочередно одна бросаетъ мячъ вверхъ, а другая ловитъ; какая партія раньше сдѣлаетъ пять очковъ, та посылаетъ одного изъ своей среды въ другой партіи, въ качествѣ наѣздника; послѣдній садится на спину когонибудь изъ другой партіи, при чемъ его партія бросаетъ мячъ, и если наѣздникъ поймаетъ, то и его товарищи должны всѣ сѣсть на играющихъ другой партіи, а если не поймаетъ, то лошакъ долженъ сѣсть на наѣздника; когда всѣ играющіе одной партіи сядутъ на плечи другой партіи, то становятся въ кружокъ, перебрасываются мячемъ, и при этомъ называютъ дни недѣли, начиная отъ понедѣльника; когда называютъ воскресенье, то всѣ лошаки мѣняютъ мѣста: если кто изъ наѣздниковъ не поймаетъ при этомъ мяча, то всѣ наѣздники должны слѣзть и на нихъ садятся лошаки и продолжаютъ игру.

3. „Нѣко беш һинг“ (игра въ мячъ). Играющіе раздѣляются, по жребію, на двѣ равныя партіи и выбираютъ изъ среды себя двухъ вожаковъ, а остальные по-парно отходятъ въ сторону и условливаются между собою относительно своихъ названій (одинъ называетъ себя золотомъ, а другой серебромъ или одинъ — указательнымъ, а другой среднимъ пальцемъ и пр.); возвратившись, спрашиваютъ одного изъ вожаковъ, кого онъ хочетъ: золото или серебро, указательный или средній палецъ? Названный вожакомъ отходить къ его партіи, а другой къ противной. Такое раздѣленіе на партіи называется „һјаллі есун“.

Раздѣлившись, бросаютъ жребій, кто будетъ играть, кто служить. Играющіе всё берутъ по палкѣ и бьютъ мячъ по одному разу, а вожакъ три раза; чтобы имѣть право бить мячъ второй разъ, играющій долженъ добѣжать до „дѣб'а“ и обратно, при чемъ служащіе ловятъ мячъ и бьютъ имъ бѣгущаго, и если его запятнаютъ, то онъ долженъ тотчасъ же поймать мячъ и запятнать когонибудь изъ служащихъ, а послѣдніе, чтобы не быть запятнанными, моментально собираются въ одному изъ пунктовъ, тогда служащіе идутъ на мѣсто играющихъ, а послѣдніе на мѣсто первыхъ.

4. (Игра съ кушаками). Играющіе дѣлятся на двѣ партіи. Чертятъ на землѣ большой кругъ; бросаютъ жребій, кому быть въ кругу и защищать кушаки и кому быть внѣ круга и нападать. Каждый изъ партій, стоящей въ кругу, кладетъ свой кушакъ однимъ концомъ на чертѣ, и сторожитъ его; по командѣ нападающіе бросаются на защищающихъ кушаки, стараются отнять ихъ и не быть запятнанными ударами ногъ защищающихъ. Если у когонибудь отнимутъ кушакъ, то игру продолжаютъ: отнявшій, размахивая кушакомъ, бьетъ защищающихъ; когда отняты всё кушаки кромѣ одного, тогда всё оберегаютъ этотъ кушакъ, а нападающіе бьютъ отнятыми прежде кушаками; если при этомъ кто-нибудь изъ партій внѣ круга будетъ запятнанъ ударомъ ноги, то эта партія становится въ кругу защищать, а другая партія выходитъ нападать. Если же у одной какой-нибудь партіи забраны всё кушаки, то всё члены этой партіи прижавшись другъ къ другу спиною, становятся въ средину круга, а другая партія бьетъ ихъ своими кушаками. Это называется „аѣл“, и игра кончается.

5. „Чілінг цсті“ (игра въ палки). Играющіе, по жребію дѣлятся на 2 партіи: на играющихъ и служащихъ. Дѣлаютъ въ землѣ яму, на которую кладутъ палку длиною въ одинъ аршинъ; кто-либо изъ играющихъ подбрасываетъ ногою „чілінг“

т. е. палочку вершка три въ длину, съ заостренными концами *); служащіе должны или поймать или ударить палкой. Если никто не попадетъ, то играющій беретъ палку и ударяетъ по концу чилинга, который отъ этого взлетаетъ вверхъ; играющій долженъ ударить палкой и отбить подалеже. Играющій имѣетъ право бить по концамъ „чилинга“ три раза, — если онъ дастъ промахъ и „чилинг“ упадетъ на меньшемъ разстояніи отъ ямы, чѣмъ на величину палки, то считается проигравшимъ.

Послѣ троекратнаго отбиванія „чилинга“ измѣряютъ палкой разстояніе между чилингомъ и ямой: сколько будетъ такихъ палокъ, столько считается за нимъ очковъ; очковъ должно быть всего 30; если первый играющій не окончитъ 30 очковъ, то продолжаетъ другой, третій и т. д. играющіе товарищи. Когда получаютъ 30 очковъ, тогда всѣ играющіе начинаютъ отбивать „чилинг“ на-лету палкой; сколько разъ отобьютъ, столько же разъ должны бить „чилинг“ съ руки: служащіе взявъ съ того мѣста въ руку „чилинг“, гдѣ онъ упалъ послѣ послѣдняго удара, должны бѣжать до ямы, во все время кричать „чадіра зу...зу...зу...“: если одинъ прекратитъ, то начинается другой и т. д.

6. „Чувз“ (игра съ шарами). Играющіе берутъ по палкѣ; потомъ на землѣ чертятъ кругъ, и вырываютъ ямки, — одну въ центрѣ, а по окружности столько, сколько играющихъ безъ одного. Всѣ играющіе становятся въ кругъ и кладутъ палку на ямку (лунку). Одинъ служащій, извнѣ круга загоняетъ палкой деревянный шаръ въ среднюю ямку; играющіе стараются отогнать шаръ и если при этомъ играющій слишкомъ увлечется отбиваніемъ шара, и служащій займетъ его ямку концомъ своей палки, тогда онъ начинаетъ служить. Если служащій загонитъ шаръ въ среднюю ямку, то всѣ мѣняютъ свои лунки; при этомъ служащій захватитъ

*) Три раза не подбросившій считается проигравшимъ.

себѣ мѣсто, а если не можетъ этого сдѣлать,—то опять служить, или служить тотъ, кто не могъ найти себѣ лунки.

7. „Ғоҳқа кош лахсун.“ Играющіе садятся въ кружокъ; одинъ изъ нихъ, держа въ рукѣ поясъ и обходя кружокъ, долженъ положить его тайкомъ кому-нибудь изъ играющихъ, которые при этомъ не имѣютъ права поворачиваться, чтобы видѣть, кому владется поясъ. Подложивши тайкомъ поясъ, играющій идетъ дальше по кругу и если успѣетъ вторично подойти къ тому, кому онъ подложилъ поясъ, и послѣдній этого не замѣтитъ, то онъ начинаетъ бить прозѣвавшего, и затѣмъ садится, а прозѣвавшій обходитъ сидящихъ. Если же тотъ, кому подложенъ поясъ, замѣтитъ, то онъ вскакиваетъ, беретъ поясъ и бѣжитъ за подложившимъ, и старается догнать его. Такимъ образомъ оббѣгаетъ кругъ три раза, и если не догнать, то подложившій садится, а тотъ обходитъ.

8. „Ғур-ғур.“ Играющіе вырываютъ на поватомъ мѣстѣ ямку, затѣмъ каждый изъ нихъ поочередно, отъ назначеннаго пункта, правою рукою бросаетъ горсть орѣховъ въ ямку и сколько орѣховъ попадетъ въ нее, столько орѣховъ выигрываетъ.

9 „Ғушум-Ғушум.“ Играющіе выбираютъ маткой хорошо знающаго птицъ; онъ садится на какомъ-нибудь мѣстѣ, а остальные становятся около него полувругомъ; матка беретъ поясъ за одинъ конецъ, а другой даетъ играющему, что стоитъ съ краю, и говоритъ: „у меня есть птица таково роста (показываетъ рукою), крылья такія-то, клювъ такой-то, мясо мнѣ, а внутренность тебѣ (а если мясо не употребляется въ пищу то говорить: и мясо тебѣ и внутренность тоже)!“ Крайній долженъ отгадать, о какой птицѣ говорится; если не отгадаетъ, то поясъ передаетъ слѣдующему и т. д., пока не отгадаютъ; если кто отгадаетъ, матка говоритъ: „вур чатгасун“ (бей и ударяй)! отгадавшій гонится за всѣми, бьетъ и не допускаетъ близко къ маткѣ, причемъ все время матка говоритъ: „корен

ворпрі“ (гони), а какъ крикнетъ: „палал цорен“ (правда пшеницы)!, тогда онъ долженъ бѣжать къ маткѣ; остальные играющіе стараются схватить его, валять на землю, отбираютъ поясъ, шапку и прячутъ; послѣ этого матка спрашиваетъ: какъ называется птица?;—пока онъ успѣетъ назвать, матка считаетъ: разъ, два, три и т. д.; затѣмъ приводятъ его къ маткѣ, которая спрашиваетъ: „кто тебя поймалъ, кто отнял шапку и поясъ и гдѣ они находятся?“ онъ долженъ отвѣтить на всѣ эти вопросы; всякая ошибка считается очкомъ. Послѣ угадыванія онъ садится на того, кто поймалъ, а другіе его бьютъ поясомъ столько разъ, сколько онъ сдѣлалъ очковъ.

10) „Азтурма.“ По землѣ проводятъ черту, на которой становится одинъ выбранный по жребію игрокъ, согнувши спину; затѣмъ выбираютъ матку, и начинаютъ перепрыгиваютъ черезъ него, упираясь руками въ спину; послѣднимъ перепрыгиваетъ матка, и куда онъ прыгнетъ, туда переходитъ стоявшій; перепрыгиваніе черезъ него продолжается, при чемъ прыжокъ начинается съ прежняго мѣста,—поэтому, чѣмъ дальше идетъ игра и чѣмъ дальше отходитъ согнувшійся игрокъ, тѣмъ труднѣе становится перепрыгиваніе, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не оступится; послѣдній становится на чертѣ, и игра начинается снова.

11. „Баскі азтурма“. При этой игрѣ одинъ изъ игроковъ ложится на землю лицомъ вверхъ, согнувъ колѣна; перепрыгивающій подбѣгаетъ, упирается въ колѣна лежащаго и, опустивъ голову и взбросивъ вверхъ ноги, перебрасывается черезъ лежащаго; при чемъ послѣдній руками поддерживаетъ перепрыгивающаго за спину. Когда каждый играющій перепрыгнетъ три раза, тогда лежавшій встаетъ, а ложится слѣдующій поочереды и т. д.

12. „Қоша азтурма.“ При этой игрѣ каждый играющій выбираетъ себѣ товарища; двое изъ нихъ становятся такъ,

что второй обхватывает первого руками, владеть свою голову ему на спину; оба стоят согнувшись; остальные играющие перепрыгивают через них; послѣ трое-кратнаго перепрыгиванія каждаго изъ играющихъ, на мѣсто первой пары становится другая.

13. „Ѕин азтурма.“ Одна пара играющихъ составляетъ руками кольцо; играющіе черезъ это кольцо перепрыгиваютъ; послѣ троекратнаго перепрыгиванія, становится другая пара.

14. „Арці азтурма“. Играющіе дѣлятся по парно, двое садятся лицомъ къ лицу, и упираются другъ о друга подошвами ногъ; играющіе начинаютъ перепрыгивать; послѣ троекратнаго перепрыгиванія, сидящіе кладутъ ногу на ногу; опять перепрыгиваютъ (каждый играющій три раза), затѣмъ сидящіе надъ ногою кладутъ кулакъ руки, потомъ и кулакъ другой руки, послѣ этого держатъ надъ ногою сперва пядень одной руки, а затѣмъ и другой. При каждой перемѣнѣ рукъ или ногъ, играющіе перепрыгиваютъ по три раза, затѣмъ сидящіе встаютъ, а на мѣсто ихъ садится другая пара.

15. „Ѕарахѡ“. Для этой игры выбирается матка. Играющіе проводятъ черту; становятся въ рядъ по чертѣ, держа руки назадъ. Матка беретъ нѣсколько камушковъ, ходитъ позади играющихъ и говоритъ, кладя въ руку кому-нибудь изъ играющихъ камень: „Ѕарахѡ, жѣ задъз, жѣнах оставар бѣѡ, оставар тѣта“ (камень дамъ, камень крѣпко держи, крѣпко бѣги). Кому матка положить камушекъ, тотъ долженъ бѣжать до назначеннаго пункта, а тѣ, кому не положенъ камень, должны бить своими шапками бѣгущихъ и запятнать; запятнанные остаются въ полѣ; послѣ этого матка опять повторяетъ тоже самое, нова изъ играющихъ останется только одинъ, который долженъ нести всѣхъ играющихъ отъ пункта (съ поля) къ чертѣ (въ городокъ) поодиночѣ; затѣмъ опять начинается игра снова.

16. „Ашвѣ фоз“. Играющіе проводятъ маленькій кругъ

и діаметръ въ немъ; на послѣднемъ каждый играющій кладетъ по два крупныхъ орѣха или каштана; затѣмъ, всѣ играющіе поочередно съ назначеннаго пункта бросаютъ въ орѣхъ альчикъ, и стараются выбить изъ круга орѣхъ или же чтобы альчикъ сталъ вблизи, тогда бросившій, съ близкаго разстоянія, — выводитъ орѣхи изъ круга; если онъ сѣумѣетъ всѣ орѣхи вывести изъ круга, то продолжаетъ другой, третій и т. д. Когда всѣ орѣхи выигриваются, тогда вновь кладутъ орѣхи и начинаютъ игру.

17. „Қағ“ (крикъ вороны). Одинъ сидитъ, а другой караулитъ, чтобы не ударили перваго; защищающій беретъ сидящаго за руку и ходитъ кругомъ, а остальные нападаютъ на сидящаго и кричатъ, какъ ворона: „қағ“; защищающій долженъ кого-нибудь ударить ногою; запятанный садится, а сидѣвшій его защищаетъ.

18. „Хан“. Играютъ на масляницѣ. Одного изъ участниковъ одѣваютъ въ ханскую одежду (ордена, ленты, мундиръ и пр.), а другихъ въ одежду всадниковъ и ратныхъ служащихъ. „Хана“ возятъ на арбѣ и ходятъ по дворамъ собирать дань; никто не смѣетъ возрожать, должны дать, что потребуетъ ханъ; на собранныя деньги пируютъ. (У грузинъ *қейноба*).

Кромѣ описанныхъ, есть много и другихъ игръ, которыми забавляются взрослые и малые варташенцы.

Въ бракъ вступаютъ очень рано: юноши отъ 16, а дѣвѣцъ отъ 13 лѣтъ. У евреевъ женихъ бываетъ лѣтъ 12-ти, а невѣста 5 и 7 лѣтъ; въ этомъ случаѣ родители жениха воспитываютъ невѣсту у себя дома. Я опишу обрученіе и свадьбу, какъ исполняли „атабаба“, т. е. прадѣды: въ послѣднее время обряды сильно измѣнились. Какъ сказано выше, въ день Вартивера, на третій день Пасхи и въ нѣкоторые другіе праздники, всѣ удивы и удивки отправляются на богомолье по монастырямъ, и здѣсь молодые люди избира-

ють себѣ невѣсть. Родители жениха, по соглашенію съ дядею по матери дѣвушки, отправляютъ послѣдняго къ невѣстѣ; за это женихъ платитъ слѣдующій по обычаю одинъ рубль (халілузъ т. е. доля дяди). Если родители невѣсты согласны выдать свою дочь, тогда начинаются переговоры относительно денегъ и разныхъ вещей, которыя женихъ долженъ отдать по обычаю невѣстѣ. Родители невѣсты взыскиваютъ съ жениха, въ 1-хъ) „іагна зѣнгѣ“, т. е. деньги за дорогу, въ количествѣ отъ десяти и до шестидесяти рублей, смотря по состоянію жениха; 2) 12 руб. такъ называемой „взятки“, 3) серебряный женскій поясъ, и 4) разныя серебряныя вещи для головного убора. Дядя невѣсты, по окончаніи переговоровъ, даетъ родителямъ ея серебряное кольцо, и это означаетъ начало обрученія или маленькое обрученіе, называемое „балжга“. Если жениховъ бываетъ много, то выборъ представляется невѣстѣ: каждый сватъ жениха даетъ одну вещь, — именно, одинъ даетъ рублевую бумажку, другой яблоко и т. п.; эти вещи на блюдѣ несутъ невѣстѣ и говорятъ: „это вещь отъ такого то жениха, а это отъ такого то“ и т. д., — затѣмъ спрашиваютъ, за кого она желаетъ выйти за мужъ: чью вещь она возьметъ, за того и желаетъ выйти... А если сватаетъ только одинъ женихъ, то родители не спрашиваютъ, желаетъ ли она выйти или нѣтъ: въ этомъ случаѣ она вполне подчиняется волѣ родителей. Затѣмъ совершается большое официальное обрученіе. Женихъ приглашаетъ всѣхъ, какъ своихъ, такъ и невѣсты родственниковъ, и дѣлаетъ большое угощеніе: рѣжутъ барановъ, гуляютъ цѣлую ночь, приглашаютъ пѣвцовъ, зурну, комиковъ (шутовъ), фокусниковъ мѣстныхъ и пр. Во время ужина на деревянномъ блюдѣ готовится „тапакъ“: кладутъ разныя сладости, лакомства, голову сахару, бутылку водки, варенаго кашлуна и др.; этотъ „тапакъ“ подносятъ брату невѣсты, а если его нѣтъ, то ближайшему ея родственнику; братъ или родственникъ изъ этого „та-

пава“ беретъ все-что себѣ, а остальное раздаетъ всѣмъ присутствующимъ гостямъ. На этомъ угощеніи родители невѣсты не могутъ присутствовать. Кромѣ этого, женихомъ приготовляются на трехъ деревянныхъ блюдахъ болѣе богатый, чѣмъ первый, „тапак“, куда вкладуть большой красный шелковый платокъ цѣною 10 рублей, два серебряныхъ кольца, и посылаютъ, по окончаніи пиршества, въ разсвѣту, въ домъ невѣсты; при этомъ посылаютъ еще одного живого барана; „тапак“ и барана несутъ отъ жениха къ невѣстѣ ея же родственники. Послѣ обрученія, родители жениха посылаютъ къ невѣстѣ два „ман“¹⁾ шерсти, „ѡац“ (хлопокъ изъ козюновъ), краску и др. вещи для приготовленія приданого; невѣста должна изъ этой шерсти выткать до свадьбы „ѡвгѣ“ (сумку), „мајзар“ (покрывало для хлѣба), „ѡецим“, веревки и др. нужные предметы для крестьянскаго семейства; приданое готовится на средства какъ жениха, такъ и невѣсты. Невѣста остается обрученною отъ одного до четырехъ лѣтъ, и во все это время она приготовляетъ приданое. Такъ какъ послѣ обрученія вѣнчаются не раньше года, то на всѣ большіе праздники женихъ отправляетъ невѣстѣ разные подарки; а именно: 1) Въ церкви, въ день Вербнаго Воскресенія, невѣстѣ даютъ шелковый платокъ цѣною рублей 5 („ѡиразун іаллуз“, т. е. платокъ со свѣчою); для поднесенія этого платка покупаютъ большую свѣчу, платокъ завязываютъ бантомъ на этой свѣчѣ и отдаютъ невѣстѣ; невѣста эту свѣчу беретъ домой на сохраненіе, а во время вѣнчанія эту свѣчу даютъ ей въ руки; кромѣ того, родственницы жениха тутъ же раздаютъ заранѣе приготовленные фрукты родственникамъ невѣсты. 2) Въ день Пасхи женихъ беретъ маленький шелковый платокъ, пару кошъ (женская обувь), водку, вино, красныя яйца, разные сладости и несетъ невѣстѣ и, поздравляя ее съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, говорить;

¹⁾ Одинъ „ман“ равняется 48 фунтамъ.

„Ѓрісте а҃зда“, т. е. Христось воскрес! Этимъ шелковымъ платкомъ невѣста закрываетъ лицо. 3) На третій день Пасхи, всѣ отправляются въ монастырь „Ѓала Гергец“ (монастырь св. Елисея) на богомолье принести въ жертву барана и хорошенько погулять. Тутъ женихъ во время обѣда отправляетъ отцу невѣсты, т. е. будущему тестю, „тапак“ и богато-украшенную елку—„шах“; а тесть награждаетъ деньгами того, кто приноситъ. 4) Когда шелковичныя черви приходятъ въ третій возрастъ, выбираютъ одинъ „џџџ“¹⁾ червей и съ разными сладостями, фруктами и продуктами посылаютъ невѣстѣ; этихъ червей невѣста воспитываетъ для себя. 5) Наканунѣ праздника „Вардѣвер“ женихъ посылаетъ невѣстѣ краску для окрашиванія пальцевъ, одну пару кошъ, чулки и разныя сладости. 6) Въ половинѣ сентября въ воскресный день идутъ на кладбище всѣ варташенцы для поминокъ; въ этотъ день родители жениха отправляютъ невѣстѣ полъ-барана, кашлуна, биши (въ родѣ пирога), алу, арбузь и т. п. 7) Такой же подарокъ отправляется къ невѣстѣ и предъ Рождествомъ, а передъ масляницей отправляютъ самый богатый и роскошный „тапак“. 8) Лѣтомъ, когда начинаютъ созрѣвать плоды, женихъ собираетъ ихъ, приноситъ въ садъ невѣсты и кладетъ тамъ, гдѣ должна пройти невѣста; она, проходя, замѣчаетъ подарокъ жениха, беретъ и уноситъ домой. 9) За мѣсяць до свадьбы, одинъ изъ близкихъ родственниковъ жениха отправляется къ невѣстѣ для переговоровъ относительно вѣнчальнаго платья; обыкновенно женихъ покупаетъ одну пару парчеваго платья и одну пару ситцеваго.

Родители жениха, покупая матерію для платья, назначаютъ время, когда эту матерію должны взять къ невѣстѣ.

¹⁾ До третьяго возраста черви располагаются отдѣльными квадратными кусками, четыре квадратныя аршина въ каждомъ кускѣ, эти куски называются „џџџ“, въ третьемъ возрастѣ мѣняютъ постылку и ихъ соединяютъ вмѣстѣ, образуя четырехугольникъ шириною въ три аршина, а длиною до 30 аршинъ, этотъ четырехугольникъ называется „џір“.

Въ этотъ день родители невѣсты приглашаютъ своихъ близкихъ родственниковъ и родственницъ, чтобы они всѣ видѣли матерію и приняли участіе въ кройкѣ, а родители жениха приглашаютъ своихъ близкихъ родственниковъ и во главѣ одного изъ нихъ отправляютъ ихъ къ невѣстѣ. Матерію долженъ нести мужчина, котораго невѣста награждаетъ предметами своего рукодѣлія. Одна изъ родственницъ невѣсты беретъ ножницы для кройки и кладя ихъ на матерію, говоритъ: „ножницы не рѣжутъ, нужно отточить“. Родственница жениха даетъ ей заранѣе приготовленные деньги (отъ 20 коп. до одного рубля), послѣ чего приступаютъ къ кройкѣ, по окончаніи которой обѣдаютъ и расходятся по домамъ. Если невѣста состоятельна и имѣетъ свое вѣнчальное платье, то изъ матеріи, купленной женихомъ, шьютъ платье послѣ свадьбы. За два—три дня до свадьбы приходятъ къ жениху товарищи его, родственники и знакомые. Днемъ раньше женихъ отправляетъ нѣсколькихъ человекъ приглашать родственниковъ и знакомыхъ на свадьбу; приглашаются на свадьбу очень многіе — отъ 200 до 1000 человекъ. Во время приглашенія даютъ главѣ семейства яблоко, говоря: „завтра пожалуйста на свадьбу съ своимъ семействомъ“; близкихъ же родственниковъ и важныхъ знакомыхъ приглашаетъ лично самъ женихъ, поднося имъ тунгу вина (6 фун.) и говоря: „я васъ приглашаю на свадьбу; свадьба начнется завтра, а сегодня вечеромъ пожалуйста на совѣщаніе“. Татары приглашаютъ деньгами, согласно обычаю ихъ, и даютъ отъ одного до пяти рублей. Носящимъ трауръ, приглашая, даютъ разныя вещи: одну пару коши, или папаху, или чусты (азиатскія туфли), или же деньги отъ 10 до 20 коп. и этимъ освобождаютъ ихъ отъ траура.

Наканунѣ свадьбы вечеромъ, какъ я сказала, у жениха собираются приглашенные имъ родственники и знакомые; этотъ вечеръ называется: „машлаһау зоі“, т. е. совѣщательный ве-

черь для свадьбы. Въ этотъ вечеръ избираются: дружки, зой баші (управляющій и глава свадьбы), іасоул (блюститель за порядкомъ), ашъаз (поварь), виночерпій, два чардагчи ¹⁾.

Послѣ выборовъ начинается ужинъ, во время котораго поетъ народный пѣвецъ; послѣ ужина играетъ зурна и гости танцуютъ; въ 12 часовъ ночи расходятся. Въ этотъ вечеръ у невѣсты тоже собираются ея родственники и гуляютъ до поздней ночи.

Обязанность дружекъ заключается въ слѣдующемъ: они исполняютъ всю свадебную работу, приносятъ воду для пищи, доставляютъ дрова, сортируютъ посуду и провизію, накрываютъ столъ, подаютъ кушанье, раздаютъ вино гостямъ, — словомъ, они являются хозяевами и работниками; кромѣ того, они сопровождаютъ жениха, куда бы онъ ни шелъ. Въ 12 часовъ ночи, когда гости расходятся, дружки рѣжутъ барановъ, телятъ и быковъ („аттуг“), и до утра сортируютъ все мясо для пищи. Когда рѣжутъ „аттуг“ соблюдаются, слѣдующія церемоніи: все время зурна играетъ плачевный мотивъ; быка рѣжутъ на плугъ, кровью этого быка мочатъ заранѣе приготовленные куски матеріи отъ вѣнчальнаго платья, какъ жениха, такъ и невѣсты; куски эти завязываются въ узлы нитками и мать или сестра жениха прячетъ ихъ; окровавленный плугъ владется около очага; послѣ свадьбы, въ тотъ вечеръ, когда жениху вручаютъ невѣсту, берутъ плугъ и уносятъ, а названные выше узлы, напитанные бычачьей кровью, сожигаютъ на огнѣ. Названныя церемоніи совершаются для предостереженія отъ чародѣйныхъ силъ, ибо враги крадутъ кровь и несутъ къ чародѣю, который въ день вѣнчанія своими чарами лишаетъ жениха силы, является полнѣйшая атрофія, вслѣдствіе чего умираетъ женихъ; если чародѣй чи-

¹⁾ Чардагчи все время находятся на чердакѣ зданія, такъ какъ тамъ складываютъ всю провизію и посуду для свадьбы; они являются полными хозяевами этой провизіи и отъ нихъ зависитъ выдача провизіи.

таеть свою молитву на кускѣ желѣза или на свинцовой пулѣ, то отъ этого спасенія нѣтъ, такъ какъ эти предметы не сгораемы, а если на деревѣ и на другихъ сгораемыхъ предметахъ, то на это есть средство спасенія,—ихъ надо сжечь. Чтобы чародѣйство было болѣе удачно, свинцовую пулю дѣлать пополамъ и каждую половину владуть по сторонамъ той улицы, по которой пройдутъ женихъ и невѣста; когда они проходятъ, то эти половины берутъ, соединяють по прежнему и плавятъ на огнѣ,—послѣ этого никакая сила не въ состояніи спасти жениха отъ гибели. Чтобы избавиться отъ названныхъ бѣдъ, всегда соблюдаются тѣ церемоніи, которыя я выше описалъ.

Утромъ начинается свадьба: играетъ зурна, постепенно собирается народъ, танцуютъ, веселятся и пр.

Женихъ въ это время занятъ своимъ дѣломъ: его купаютъ дружки въ медовой водѣ (вода смѣшанная съ медомъ), при чемъ водой обливаютъ тотъ изъ дружекъ, который имѣетъ въ живыхъ родителей. До купанія приглашенный цирюльникъ брѣетъ жениха, который ему за это не платитъ, и цирюльникъ собираетъ отъ родственниковъ жениха (сборъ бываетъ отъ 2 до 5 рублей). Послѣ этого женихъ одѣвается въ вѣнчальный костюмъ, и съ дружками отправляется въ „Бѣла Гергец“ (монастырь св. Елисея), „Цімері“ (св. Георгія) и др. Когда женихъ выходитъ изъ дому, зурна сопровождаетъ его до воротъ, а по возвращеніи, дружки ружейнымъ выстрѣломъ даютъ знать, что женихъ возвращается; зурна идетъ встрѣчать его у воротъ. Все шествіе въ монастырь и обратно сопровождается пѣніемъ и ружейными выстрѣлами; сопровождая жениха, дружки бываютъ вооружены ружьями. У удино-григоріанъ, когда женихъ идетъ въ монастырь, зурна отправляется въ домъ крестнаго отца и его жену берутъ къ жениху на свадьбу. По возвращеніи жениха изъ монастыря, начинается церемонія свадьбы.—Женихъ, крестный

отецъ ¹⁾, зѡї баші (глава свадьбы), магар баші (глава дружекъ), становятся рядомъ около зурны; зѡї баші держитъ въ рукѣ мѣдное блюдо съ тремя зажженными свѣчами, магар баші держитъ въ рукѣ тунгу вина и стаканъ; всѣ они стоятъ лицомъ на востокъ; зурна играетъ особый мотивъ (называемый царскимъ). Мать жениха приноситъ красный шелковый платокъ, обвиваетъ имъ шею сына, поздравляетъ и цѣлуетъ, а крестному отцу даетъ маленькій шелковый платокъ; послѣ этого постепенно приходятъ всѣ приглашенные гости, и кладутъ на блюдо деньги отъ 10 коп. до 5 рублей или же дарятъ шелковые или простые платки; магар баші подаетъ стаканъ вина; гость, поздравляя жениха, пьетъ за его здоровье и уходитъ. Всѣ эти деньги и платки поступаютъ въ пользу жениха (обычай дарить платки и деньги называютъ по удински „чо бајсун“ ²⁾).

Когда всѣ гости кончаютъ дарить деньги и платки, зѡї баші, есаул и магар баші отходятъ въ сторону, считаютъ платки и деньги, потомъ возвращаются назадъ; есаулъ приказываетъ замолчать зурнѣ, и объявляетъ всему народу на татарскомъ языкѣ ³⁾, какая сумма денегъ и количество платковъ собралось, слѣдующими словами: „да сохранить Богъ общество, да благоденствуетъ оно за оказанную помощь! собралось (напр. сто рублей деньгами и 70 платковъ). Общество отвѣчаетъ: „спасибо!“ Вся эта церемонія называется: „бег бесун“, что значить дѣлать жениха царемъ; по окончаніи церемоніи родители и близкіе родственники танцуютъ.

Затѣмъ, всѣ гости, женихъ, крестный отецъ, глава свадь-

¹⁾ У удинъ шаферовъ не существуетъ, а бываетъ одно лицо, которое во время вѣнчанія мѣняетъ кольца; его называютъ крестнымъ отцомъ.

²⁾ Значить: дарить при личномъ присутствіи жениха. Говорятъ, что этотъ обычай существуетъ съ давнихъ поръ; цѣль этого обычая оказать общественную помощь жениху, чтобы всякій бѣднякъ могъ бы отпраздновать свадьбу.

³⁾ Такъ какъ въ числѣ приглашенныхъ бываетъ не только удинны, но и татары евреи, а общепонятный языкъ есть татарскій.

бы, вооруженные дружки съ зурною, — всѣ они отправляются въ домъ невѣсты; по дорогѣ зурна играетъ маршъ, а дружки поютъ, играютъ на бубнахъ, кричатъ ура, стрѣляютъ изъ ружей и всѣми мѣрами стараются увеселить общество, сопровождающее жениха. Когда подходятъ къ воротамъ невѣсты, то ворота затворяютъ, и кто нибудь изъ родственниковъ невѣсты не пропускаетъ, пока не заплатятъ слѣдующихъ по обычаю денегъ (10 коп., называемыхъ „дохрашхи“ (плата за ворота). Какъ входятъ во дворъ, то сейчасъ же выносятъ изъ комнаты на деревянномъ блюдѣ три хлѣба, яичницу и три зажженныхъ свѣчи — „тузлугъ“ т. е. хлѣбъ-соль; этимъ блюдомъ распоряжаются дружки. Тутъ опять выносятся мѣдное блюдо съ тремя зажженными свѣчами съ виномъ; мать невѣсты приноситъ большой шелковый платокъ, обвязываетъ крестообразно черезъ шею грудь, и даетъ полотенце, вышитое шелкомъ, крестному отцу; она мѣняется съ женихомъ и крестнымъ отцомъ яблочками; затѣмъ гости, приглашенные родителями невѣсты, тоже дарятъ деньги и платки. Въ это время дружки заняты стрѣльбой въ цѣль: на верхушкѣ самаго высоваго дерева нанизывается яблоко, называемое „нишанъ“; кто собьетъ этотъ „нишанъ“, тотъ получаетъ платокъ отъ жениха; стрѣльба подымается страшная, такъ какъ каждый дорожитъ платкомъ жениха: онъ служитъ украшеніемъ ружья. Послѣ этого подають обѣдъ или закуску. Если родители невѣсты желаютъ дать обѣдъ, то женихъ накануне присылаетъ цѣлаго барана и 4 батмана вина ¹⁾, а если же закуску, то четверть барана и полтора батмана вина, — это вино и баранъ называется „узайганъ“.

Жениха во время обѣда, сажаютъ на особо убранное коврами мѣсто, называемое царскимъ мѣстомъ.

Во время обѣда одна родственница одѣваетъ въ вѣнчалное платье невѣсту и убираетъ голову, за что получаетъ отъ

¹⁾ Батманъ = 48 фун.

40 коп. до 1 руб. Затѣмъ приходитъ есаулъ къ зюі баші и проситъ за „енгу“, ¹⁾ „халіклузъ“, т. е. слѣдующа дядѣ и „шіпан“, т. е. деньги, слѣдующа невѣстѣ; на эти деньги, которыя дѣлаются ея собственностью, она покупаетъ какую-нибудь серебряную вещь и хранитъ ее до смерти.

За симъ невѣста подходитъ къ очагу, гдѣ сидитъ отецъ; цѣлуетъ землю очага, а потомъ руку отца, мать и др. родственниковъ; отецъ и мать благословляютъ ее на бракъ. Лицо невѣсты бываетъ покрыто большимъ шелковымъ платкомъ, а все тѣло окутывается бѣлымъ покрываломъ „чадіра“. Послѣ этого женихъ съ друзьями и крестнымъ отцомъ входятъ въ комнату невѣсты. Крестный отецъ беретъ платокъ, даетъ одинъ конецъ невѣстѣ, а другой жениху, и такимъ образомъ выходятъ во дворъ. Друзья стрѣляютъ залпомъ и кричатъ ура; процессія двигается въ церковь. Невѣсту, во время шествія, поддерживаютъ съ одной стороны „енгъ“, а съ другой—братъ, чтобы она не упала, такъ какъ плохо видитъ черезъ платокъ. Послѣ вѣнчанія женихъ, невѣста и всѣ гости тѣмъ же порядкомъ идутъ въ домъ жениха. По дорогѣ всѣ близкіе родственники приглашаютъ къ себѣ, дарятъ невѣстѣ шелковую матерію, „халазъ“, а жениху выносить „тузлузъ“, тапазъ и вино. Если женихъ богатый, то процессія до захода солнца едва доходитъ домой, такъ какъ всякій приглашаетъ къ себѣ во дворъ и одариваетъ халаз’омъ тузлуз’омъ и пр. По прибытіи въ домъ жениха, родители выносятъ жениху и невѣстѣ „тузлузъ“, а всѣ родственники опять дарятъ или деньги, или платки, или же „халазъ“. Родители и близкіе родственники танцуютъ. Затѣмъ невѣсту ведутъ въ комнату. Предъ входомъ, на балконѣ, братъ невѣсты не пускаетъ ее, пока ему не заплатятъ отъ 20—50 коп. При входѣ ея на порогѣ дверей кладутъ блюдо съ свѣжимъ

¹⁾ Спутница невѣсты во все время.

масломъ; она беретъ и масло прилѣпливаетъ къ верхней части рамы дверей, а блюдо владеть въ сторону. Когда не-вѣста входитъ черезъ порогъ въ комнату, ее останавливаетъ братъ, желая вырвать платокъ, за концы котораго держатъ женихъ и не-вѣста; женихъ съ своей стороны старается вырвать у не-вѣсты, чтобы у жениха не вырвали платокъ и этимъ не обидѣли его и не смѣялись бы надъ нимъ,—друзья помога-ютъ ему и женихъ остается побѣдителемъ. Затѣмъ ее ведутъ за „гърдаб“; ¹⁾ въ это время приходитъ къ ней мать жениха и благословляетъ свою не-вѣстку, говоря: „дай Богъ тебѣ долгоденствія, счастья, чтобы съ прибытія твоего въ нашемъ домѣ царствовалъ миръ, покой“ и т. д.; потомъ цѣлуетъ ее. Послѣ этого уже сажаютъ всѣхъ гостей за столъ, а женихъ, съ крестнымъ отцомъ и зюй баши стоятъ вмѣстѣ въ той ком-наты, гдѣ мужчины должны обѣдать, и они не садятся, пока всѣ гости не сядутъ за столъ. Когда садится женихъ за столъ, мать его даетъ не-вѣстѣ отъ 1—5 рублей или же какую нибудь серебряную вещь, чтобы и она сѣла за ширмою, такъ какъ она все время стоитъ на ногахъ. Когда накрывается столъ, то жениху и крестному отцу подносятъ богатый тапакъ, таковой же тапакъ подносятъ и енгѣ. Во время обѣда приво-зятъ отъ не-вѣсты, приданое ²⁾. Приданое привозитъ мальчикъ; за это ему должны дать отъ 40 коп. до 1 руб., иначе онъ не слѣзетъ съ лошади; получивъ деньги, мальчикъ отдаетъ приданое, а самъ возвращается обратно.

¹⁾ Ширма, которую не-вѣста приготовляетъ специально для себя; этою занавѣсью отдѣляется часть комнаты, за которую она прячется отъ мужчинъ, исклю-чая своихъ близкихъ родственниковъ. Эта ширма снимается черезъ 6 мѣсяцевъ. Ширма готовится изъ кусковъ разнаго цвѣта матеріи; въ общемъ она очень красива.

²⁾ Постель, сундуки и пр. Постель состоитъ изъ одѣла, подушки, тюфака и „іан дошаг“ (узкій тюфакъ, на которомъ сидятъ); уданы сидятъ поджавши ноги на тюфакъ, а подъ тюфакомъ бываетъ разстланъ или коверъ, или войлокъ, „іан дошаг“ шьютъ изъ разныхъ трехугольных шелковыхъ и парчевыхъ матерій.

Послѣ обѣда начинаются опять танцы; теперь уже танцуютъ всѣ; такъ называемую игру „ялли“ танцуютъ отъ 10 до 40 человѣкъ: держа другъ друга за руку, и имѣя во главѣ лицо, котораго всѣ слушаются, они подражаютъ своему главѣ во всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ. Танцы и игры продолжаются до поздней ночи, а потомъ постепенно всѣ расходятся; остаются только близкіе родственники жениха, остается такъ же и зурна; пируютъ почти до разсвѣта. Въ этотъ вечеръ женихъ даритъ друзьямъ въ ихъ полное распоряженіе или цѣлаго барана или же четверть быка они рѣжутъ барана здѣсь же, готовятъ пищу и опять накрываютъ на столъ, приглашаютъ оставшихся близкихъ родственниковъ жениха; во время ужина играетъ баламандъ или же поетъ приглашенный пѣвецъ и пр.; почти всю ночь остаются всѣ эти гости, а на разсвѣтѣ уходятъ.

На другой день свадьбы женихъ приглашаетъ всѣхъ своихъ близкихъ родственниковъ; онъ обѣдаютъ. Вечеромъ, предъ уходомъ, „енга“ поручаетъ невесту жениху и вмѣстѣ съ другими уходить домой. На слѣдующій день женихъ опять приглашаетъ своихъ близкихъ родственниковъ и родственницъ, устраиваетъ хорошее угощеніе; послѣ обѣда невеста умываетъ ноги всѣмъ присутствующимъ, которые при этомъ даютъ ей отъ 20 коп. до 1 руб.; этотъ обрядъ называютъ „чо цевкал“, что значитъ невесту выводить на показъ близкимъ родственницамъ; послѣ этого невеста можетъ въ присутствіи этихъ родственниковъ не прятаться за ширмою, а являться съ открытымъ лицомъ. Во время обѣда показываютъ простыню брачной постели.

Въ прежнее время, обязанностямъ брачнаго ложа обучали „енга“ невесту, а дружки—жениха. Если молодая жена бываетъ небезупречна, то мужъ ея въ первый же вечеръ, раздѣвъ съ головы до ногъ, одѣваетъ въ шубу наизнанку и гонитъ къ родителямъ, а если оставляетъ у себя, то бьетъ до

полусмерти; а если она оказывается дѣломудренною, то ее родителямъ посылаетъ тунгу вина, а родители сейчасъ готовятъ пловъ и посылаютъ невѣстѣ.

Родители невѣсты, какъ въ день свадьбы, такъ и въ другіе дни, не могутъ присутствовать на пиршествахъ; безъ особаго приглашенія не могутъ ходить къ жениху. Приглашеніе бываетъ на восьмой день послѣ свадьбы. Женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, и даетъ имъ право приглашать своихъ близкихъ родственниковъ. Женихъ приглашаетъ своихъ близкихъ родственниковъ, говоря: „дамун енаѳо фі ѹз сан“, значить: завтра придете ко мнѣ пить вино. Женихъ устраиваетъ хорошее угощеніе. Всѣ приглашенные садятся за столъ. Когда накрывается столъ, то отцу невѣсты подносятъ тапакъ и дарятъ чусты или папаху и др. вещи; подносятъ тапакъ и матери невѣсты и дарятъ ей шаль или ситецъ, или же кусокъ (одну штуку) шелковой матеріи и пр.; далѣе, крестному отцу и важнымъ лицамъ подносятъ вареную курлицу; тапакъ такъ же подносится и женѣ крестнаго отца.

Невѣста не можетъ выйти въ гости къ родителямъ, роднымъ и къ сосѣдямъ, пока родители невѣсты не пригласятъ ее къ себѣ. Когда родители невѣсты приглашаютъ невѣсту и зятя, то они имъ дарятъ ситецъ, или носки, или шаль и др.

✓ Невѣста въ присутствіи старшаго деверя, свекра и постороннихъ старцевъ закрывается въ теченіе лѣтъ десяти—пятнадцати, а не говоритъ почти до старости своей.

Чтобы не быть бесплодною, въ сумерки ни женихъ, ни невѣста не должны идти за водою и переходить черезъ воду; невѣста за водою не ходитъ отъ 6 мѣсяцевъ и до 3-хъ лѣтъ. Во время беременности, женщину не заставляютъ дѣлать трудныхъ работъ, она ходитъ на богомоліе по святымъ мѣстамъ, причащается; предъ родами, для облегченія ихъ, дѣлать хлѣбъ пополамъ надъ головою роженицы, даютъ пить горячее топленное масло, воду, пополоскавъ предварительно

въ ней grenу, вочергу, руки мужа; также ей даютъ пить воду изъ лаптя. Послѣ родовъ у нѣкоторыхъ женщинъ бываетъ сильное истеченіе крови, и онѣ лишаются чувствъ: удины говорятъ, что это дѣйствіе злого духа— „нал“ и для предупрежденія этого подъ подушку женщины кладутъ вилжалъ, шампуръ, чеснокъ, окружаютъ постель цѣпью, заставляютъ женщину откусывать чеснокъ, Послѣ родовъ сейчасъ же даютъ „хашимъ“. ¹⁾ Всякій удинъ встрѣчаетъ съ торжествомъ рожденіе только сына, иные удины рожденіе дѣвочки считаютъ даже несчастіемъ; многіе мужья бьютъ своихъ женъ, ругаютъ, если родится дочь. Многія женщины ненавидятъ себя, если у нихъ рождается дочь. Рассказываютъ, что одна женщина даже убила свою новорожденную дочь. Если рождается сынъ, сейчасъ начинаютъ поздравлять, пьютъ, гуляютъ, заказываютъ молебень, приглашаютъ на обѣдъ, угощаютъ всѣхъ, приглашаютъ комивовъ, акробатовъ, которые увеселяютъ народъ. Если родится дитя мужескаго пола, то мать поздравляетъ всѣхъ родныхъ и беретъ отъ всѣхъ деньги, а если женскаго пола, то она молчитъ и ничего не говоритъ, даже никого не поздравляетъ.

По разрѣшеніи сейчасъ приглашаютъ священника, чтобы освятить домъ.

До крещенія ребенка, роженицу кормятъ изъ особой посуды, которую не смѣшиваютъ съ другими; она сама не должна трогать посуды. По рожденіи мальчика въ теченіе 40 дней, а дѣвочки—48 дней роженица исполняетъ не всякую работу; такъ, она тѣста не мѣситъ, хлѣба не печетъ, крупы и посуды не моетъ, за ворота не ходитъ. Ребенка не выносятъ во дворъ подъ солнцемъ, а держатъ въ комнатѣ. Эти 40—48 дней называются „чурхи“, и соблюдаютъ очень строго.

Родственники и знакомые, поздравляя родителей новоро-

¹⁾ Хашимъ состоитъ изъ воды и изъ муки; муку, смѣшавъ съ кипяченой водою, долго растираютъ; муку прибавляютъ до тѣхъ поръ, пока не образуется густая масса; хашимъ ѣдятъ съ масломъ или съ медомъ.

жденнаго, приносятъ цѣлое блюдо плова, молочную кашу и тунгу вина, а въ постные дни постный пловъ.

✓ Близкіе родственники дарятъ младенцу деньги или вещи. Поздравленіе продолжается до истеченія „qvrxi“. (Этотъ обычай называется: „ajel baʒal ganu ʒajsun“, и соблюдается строго. Крещеніе совершается въ восьмой день по рожденіи, а если ребенокъ и мать больны, то крещеніе совершается и раньше, даже на другой день. Если мать отъ родовъ умретъ, то сначала крестятъ младенца, а потомъ совершаютъ погребеніе. Крещеніе не совершается ни въ среду, ни въ пятницу. Крестный отецъ даритъ аршинъ калинкору и аршина три ситцу, а если крестный отецъ богатый, то онъ приноситъ штуку шелковой матеріи и даритъ деньги въ пользу ребенка. Родители во время обѣда подносятъ крестному отцу „xilu“. (Хіла состоитъ изъ одного блюда фруктовъ, сладостей, пары носковъ, ʒajvaduk'a, кошелька и шелковой маленькой сумки). Крестный отецъ вообще пользуется особымъ уваженіемъ: въ день новаго года, въ первый день великаго поста и въ день Пасхи посылаютъ ему разные подарки.

Дѣтей кормятъ сами матери въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ, а иногда 7—8 лѣтъ.

Купаютъ дѣтей большею частью ежедневно около 10 часовъ утра, до истеченія „qvrxi“, т. е. 40 или 48 дней. Затѣмъ до трехъ лѣтъ купаютъ въ недѣлю два раза, далѣе въ недѣлю разъ, а дѣтей старше семи лѣтъ очень рѣдко купаютъ, только въ недѣлю разъ моютъ голову и мѣняютъ бѣлье. Дѣтей купаютъ въ деревянныхъ корытахъ въ теплой водѣ; температуру воды опредѣляютъ рукою. Купаніе продолжается не болѣе пяти минутъ. Выкупавши, ребенка обертываютъ въ сухую чистую простыню и вытираютъ. Одѣваютъ въ ситцевую рубашку, а сверху жилетикъ; восьмимѣсячному ребенку уже шьютъ арха-лукъ и штаны съ прорѣзомъ, а трехлѣтній ребенокъ уже носитъ полный костюмъ.

Ребенка укладываютъ въ деревянную колыбель, внизу которой дѣлается отверстіе, куда вставляется урна для нечистотъ ребенка. Въ колыбель кладутъ маленькій матрасъ, набитый шерстью, съ отверстіемъ посрединѣ. Для мочи употребляютъ тростникъ, съ отверстіемъ, смазаннымъ воскомъ, другой конецъ тростника проходитъ въ урну. При укладываніи въ колыбель, руки и ноги связываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ двигать ни однимъ членомъ. Если ребенокъ беспокоенъ, кричитъ и не засыпаетъ, то ему даютъ разныя снотворныя вещества.

Дѣти удинъ большею частью проводятъ время на чистомъ воздухѣ,—маленькія за игрой, а большія за работой. Восьмилѣтній ребенокъ уже служитъ помощникомъ отцу; отецъ беретъ его на полевныя и др. работы. Всѣ удинскія дѣти хорошо умѣютъ лазить на самыя высокія деревья и на высокія скалистыя горы. Когда ребенокъ укрѣпится на столько, что въ состояніи приподняться на ноги, ему даютъ трехколесную „чѣран“ или же дѣлаютъ на дворѣ безколесный „чѣран“.

Уходъ за дѣтьми бываетъ до 14—15 лѣтъ, за тѣмъ они становятся самостоятельными и готовятся къ женитьбѣ.

Стариками считаютъ тѣхъ, возрастъ которыхъ превышаетъ 60 лѣтъ; многіе живутъ 80—100 и больше лѣтъ. Распространенію эпидемическихъ болѣзней въ Варташенѣ способствуетъ еврейскій кварталъ. Евреи, не имѣя земли, живутъ очень густо; не имѣютъ ни садовъ, ни ретиранныхъ мѣстъ, ни помойныхъ ямъ: всѣ нечистоты, навозъ, соръ, трупы животныхъ, даже экскрименты выбрасываютъ во дворъ и на улицу; отъ страшнаго зловонія не возможно пройти по ихъ улицѣ. Каждая эпидемія появляется прежде всего въ еврейскомъ кварталѣ и уноситъ сотни жертвъ (особенно дѣтей).

Во время появленія болѣзней, варташенцы обращаются къ гадальщикамъ, которые приказываютъ принести въ тотъ или

другой монастырь чернаго или бѣлаго барана, пѣтуха, поставить свѣчу въ ростъ больного, или самого больного взять въ монастырь, чтобы онъ тамъ провелъ ночь. При эпидемическихъ болѣзняхъ приносятъ общественныя жертвы.

Если больной не лѣчится, его берутъ на „глежда, т. е. на могилу самоубійцы. Наканунѣ воскресенія или среды собираютъ въ платокъ чеснокъ, ячмень, угли, кусокъ желѣза, яйцо и глиняную чашку съ водой и кладутъ подъ подушку больного; на другой день берутъ больного, воду съ чашкою, платокъ съ вещами и отправляются на могилу самоубійцы: чеснокъ, кусокъ желѣза, ячмень, угли, яйцо и ногти отъ рукъ и ногъ больного зарываютъ въ головѣ могилы самоубійцы; водою моютъ руки и ноги больного надъ могилой, глиняную чашку разбиваютъ о камень могилы и средній камень могилы поворачиваютъ, послѣ этого уходятъ и, не глядя назадъ, возвращаются домой.

Если кто заболѣлъ отъ испуга покойника или же отъ чрезмѣрнаго сожалѣнія по усопшемъ, для лѣченія берутъ его рубашку, моютъ на рѣкѣ, затѣмъ несутъ ее къ могилѣ самоубійцы, и переворачиваютъ средній камень могилы; послѣ этого рубашку несутъ домой и падѣваютъ на больного.

При лѣченіи отъ испуга больному даютъ пить воду, въ которую передъ тѣмъ опускаютъ семь ерочковъ отъ дверей; или еще лѣчатъ такъ: въ то время, когда больной спитъ, надъ нимъ протягиваютъ шнурокъ изъ ваты крестообразно такъ, что два конца шнура находятся у головы больного, а другіе два конца находятся у ногъ; затѣмъ съ трехъ концовъ зажигаютъ эти шнуры; горѣніе шнура оканчивается четвертымъ концомъ его у ногъ больного; полученную золу мочатъ водою и мажутъ подошву ноги больного, при этомъ говорятъ: „выходи испугъ изъ него!“. Кромѣ этого, у изголовія больного кладутъ чашку съ водою, а потомъ берутъ раскаленный кусокъ желѣза и сразу опускаютъ въ воду: шипѣніе пугаетъ больного. Это повторя-

ется три раза; больной долженъ выздороветь. Если эти мѣры не помогаютъ, тогда обращаются въ мѣстнымъ знахарямъ и бабкамъ.

Больныхъ лихорадкою берутъ во святія мѣста, приносятъ жертвы и привязываютъ на деревѣ тряпочки, чтобы болѣзнь осталась на мѣстѣ. Лѣкарства же даютъ слѣдующія: настой бузинныхъ сѣмянъ, горный чай и др.

Помѣшанныхъ лѣчатъ молитвою и гаданіемъ. Приглашаютъ чародѣя, который читаетъ какую-то молитву, и потомъ пишетъ на длинной узкой бумагѣ или матеріи (по татарски, если онъ татаринъ, по армянски—если армянинъ); бумагу складываетъ въ видѣ треугольника, заворачиваетъ въ наощенную тряпочку и пришиваетъ къ платью больного на спину, или же опускаетъ въ чашку съ водою, и даетъ пить больному. Помѣшанныхъ лѣчатъ еще такъ: призываютъ азіатскихъ музыкантовъ (зурну) и заставляютъ играть нѣсколько дней подрядъ, а помѣшаннаго заставляютъ все время танцовать; если и это не поможетъ, то болѣзнь считаютъ неизлѣчимою.

Желтуху лѣчатъ искрою отъ кремня: больного берутъ въ специалисту, который умѣетъ лѣчить посредствомъ искры отъ кремня при ударѣ кресала; онъ ударяетъ три раза, а въ воскресенье—разъ. Даютъ лѣкарство, состоящее изъ смѣси разныхъ травъ, тывы, сажи, съ свѣжимъ масломъ и варятъ; этимъ мажутъ рану.

Отъ колотья избавляются такъ: кладутъ заколдованную бусу въ воду и даютъ пить больному (только нѣкоторые имѣютъ такую цѣлебную бусу).

При болѣзни глазъ въ самый ясный день, когда на небѣ нѣтъ ни одного облачка, знахарь собираетъ семь дѣвочекъ, ставитъ ихъ въ кружокъ, а больного сажаетъ въ середину круга, и передъ нимъ ставитъ блюдо съ водою; дѣвочки поочередно берутъ крупу и мажутъ больной глазъ, при чемъ знахарь говоритъ: „на небѣ нѣтъ облачка, а въ глазу зачѣмъ бѣльмо?“ Эти слова повторяютъ дѣвочки поочередно.

При ушной болѣзни вливають въ ухо воду, грушовой сокъ, сокъ зеленой пшеницы, топленое масло, фотагенъ и др.

При болѣзни легкихъ и сердца даютъ пить воду, процеженную съ золою, квасцовую воду, водку, медь смѣшанный съ солью и др.

Больныхъ горячкою купаютъ въ кисломъ айранѣ, кладутъ въ бузину: если тѣло покраснѣетъ значитъ больной выльчится, а если тѣло посинѣетъ, то больной не выльчится.

При глистахъ трутъ три раза спину утромъ, натошакъ; по средамъ даютъ смѣсь меда съ солью.

Отъ завала лѣчатъ такъ: кладутъ на животъ топоръ лезвиемъ, поднимаютъ и опять кладутъ, и это повторяютъ три раза; въ блюдечко наливають медъ, и потомъ, помазавъ медомъ дно блюда, даютъ имъ животъ.

Укушенныхъ бѣшеной собакою отводятъ въ монастырь св. Георгія, что близъ сел. Бидензъ; или въ продолженіи срока дней водятъ на мельницу, при чемъ больной не долженъ перейти и подойти къ водѣ, не долженъ пугаться. Если укушенный бѣшеною собакою не выльчивается, а бѣсится, то лицо его брызгаютъ водою черезъ сито, чтобы онъ скорѣе умеръ.

Какъ только больной умираетъ, тотчасъ собираются родственники и знакомые, обмываютъ тѣло, оплакиваютъ его; надѣвають саванъ и приглашаютъ священника на отпѣваніе. До отпѣванія даютъ всѣмъ присутствующимъ закуску, а послѣ отпѣванія покойника выносятъ на тюфякѣ во дворъ и кладутъ на особо приготовленную лѣстницу, называемую „салаца“, сверху покрываютъ покойника шелковымъ покрываломъ „хоці“; чтобы покойникъ не упалъ съ лѣстницы, въ двухъ мѣстахъ привязываютъ шелковымъ сирцемъ, который называется „хажазі“. Шелковая матерія, шелкъ сирецъ и лѣстница достаются церковному причту. По отпѣваніи, священникъ

кладеть на покойника крестъ и всѣ присутствующіе подходят и прикладываются къ кресту и кладутъ деньги; священникъ беретъ крестъ и деньги, а четыре челоѵка берутъ лѣстницу съ покойникомъ и несутъ въ церковь. По дорогѣ близкіе родственники останавливаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ процессію, и служится литія по усопшемъ, прикладываются къ кресту и даютъ священнику деньги. Ночью покойникъ остается въ церкви. На другой день приходятъ всѣ родственники и знакомые на литургію, послѣ которой, до отпѣванія, собираются всѣ женщины, садятся вокругъ покойнаго и оплакиваютъ его: женщина, болѣе даровитая, громогласно восхваляетъ дѣянія покойнаго, а остальные хоромъ плачутъ безъ словъ; минутъ черезъ 20 приходитъ священникъ и заставляеть прекратить плачь; начинается отпѣваніе, во время котораго одна изъ женщинъ даетъ покойнику въ руки восковую свѣчу, заѣбливаетъ ему ротъ воскомъ, окутываетъ ватою грудь и ротъ, послѣ чего зашиваютъ въ савань. Послѣ отпѣванія тѣло покойника выносится во дворъ церковный, тутъ священникъ опять кладеть крестъ на покойника и каждый, подходя, цѣлуетъ и кладеть деньги; затѣмъ несутъ на кладбище. Женщины изъ церкви возвращаются въ домъ покойника, а мужчины послѣ похоронъ идутъ туда же, и ѣдятъ „патарак“. ¹⁾ На „патарак“ не приглашаются, а приходитъ всякій, кто желаетъ; поэтому на „патарак’ѣ“ бываетъ очень много народу; хозяева должны кормить всѣхъ, а то грѣхъ будетъ. Обѣдающіе сидятъ на корточкахъ длинными рядами. Для обѣдовъ имѣется особыя длинныя скатерти на двѣсти персонъ; бѣдные и богатые даютъ одинаковую пищу, а именно: сыръ, ²⁾ жакні, ³⁾ чоурма, шлахуц, ³⁾ водку и вино. Состоятельные устраиваютъ „патарак“ отъ трехъ до семи разъ; на второй „пата-

¹⁾ У грузинъ ჯგუჯბო, у русскихъ гризна.

²⁾ Отваренное мясо.

³⁾ Каша готовится изъ мясного бульона.

рае⁶ каждый приносит блюдо плова или молочную кашу съ тунгою вина. Предъ „патарак’омъ“ заранѣ служатъ литургію, а послѣ литургіи приглашаютъ священника на кладбище, чтобы совершить литію надъ могилой усопшаго, послѣ чего, отправляются домой обѣдать (кушать патарак). Въ восьмой день опять приглашаютъ священника на кладбище, для совершенія литіи; приглашаютъ всѣхъ родственниковъ и тутъ же раздаютъ одежду покойника тѣмъ, кто обмывалъ покойника; одежду дѣлятъ между двумя лицами, такъ какъ покойника покупаютъ двое. Сверхъ этого еще раза четыре собираются и справляютъ тризну (патарак), но не всѣ варташенцы.

Жизнь варташенцевъ полна разныхъ суевѣрій, предразсудковъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Когда невѣсту одѣваютъ въ вѣнцу, кушакъ ея долженъ завязать братъ,—а то съ нею несчастье случится.

Послѣ того, какъ родители невѣсты получаютъ отъ жениха іақна зѣнгѣ, невѣста не должна выходить на улицу,—несчастье случится; а женихъ не долженъ ничего скручивать, а то лишится мужеской силы.—Послѣ вѣнчанія до брачнаго ложа женихъ и невѣста не должны выходить изъ дому.

Для излѣченія отъ бесплодія: а) Женщину слѣдуетъ испустить водою изъ чаши (зілісімун цам) съ 40 цѣпочками, выливъ на нее воду 40 разъ въ той комнатѣ, въ которую она вошла послѣ вѣнчанія. б) Бесплодная женщина должна держать за руку роженицу въ моментъ родовъ послѣдней; пупокъ у родившагося ребенка нужно отрѣзать на ногѣ бесплодной. в) Бесплодная женщина должна собрать изъ семи домовъ восемь и, растопивъ его, влить въ тростникъ, и наблюдать, какого предмета фигура получится,—то и есть причина бесплодія. г) Если женщина бесплодна, то ее нужно провести подъ гробомъ мертвеца;—или: д) освободить лягушку, пойманную змѣей, убить ее, высушить и пришить къ плечу бесплодной.

Женщина сдѣлается бесплодною, если послѣ родовъ посѣятъ ее тѣ, которые передъ тѣмъ были на свадьбѣ или на похоронахъ.

Беременная, при посѣщеніи св. мѣстъ и монастырей, не должна чесаться, — а то у ребенка, что родится, будетъ красный или синій знакъ тамъ, гдѣ она себя почешетъ. — На косога смотрѣть ей не слѣдуетъ: ребенокъ косою родится. — Беременная не должна ночью выходить во дворъ и ходить за водою. — Женщина не должна выливать горячей воды на землю: вода можетъ попасть на черта, и онъ сильно отомститъ ей во время родовъ. — Если въ домѣ есть беременная и филинъ кричитъ пискливо — дѣвочка родится, а громко — мальчикъ; если же нѣтъ беременной, то въ домѣ умретъ кто-нибудь.

Пустую колыбель не нужно качать — у дитяти животъ разболится. — Если съ ребенкомъ случится обморокъ, — не слѣдуетъ называть его по имени, а то злой духъ еще сильнѣе овладѣетъ имъ. — Чтобы хилое дитя поправилось, надо провести его подъ верблюдомъ. — Если ребенка возьмутъ въ гости и тамъ заночуютъ, то въ его колыбель, дома, нужно положить ножикъ; такъ нужно поступать и дома, когда ребенокъ заснетъ въ колыбели, а мать выйдетъ во дворъ или въ садъ. — Ребенокъ ночью не спитъ, — пришей на плечѣ его волосъ верблюда. — Ночью черезъ воду нельзя переносить ребенка.

Если новорожденный ребенокъ умретъ до крещенія, то его обливаютъ впяткомъ или отрубиваютъ голову, чтобы онъ не ожилъ: если ребенокъ оживетъ, то умрутъ всѣ родственники его, начиная съ матери. Рассказываютъ, что во время одной эпидеміи, открыли могилу умершаго ребенка и нашли его краснымъ, съ правой рукой у рта; отрѣзали голову, и оказалось, что ребенокъ былъ живъ.

Если обувь, когда ее снимаютъ, упадетъ вверхъ подошвою, — въ домѣ умретъ кто-нибудь.

Женщина никогда не должна носить двухъ кушаковъ,

если въ первый разъ замужемъ,—а то мужъ умереть.—Во время обѣда мужъ и жена не должны обмѣниваться ложками, умереть тотъ изъ нихъ, кто перемѣнитъ ложку.

Если мертвецъ является подрядъ нѣсколько почей, то возьми лукъ, выжми сокъ и дай его мертвенцу такъ: выбрось сокъ во дворъ и скажи: „На, возьми свою долю! уходи и больше не приходи!“ Если это не поможетъ,—умреть кто-нибудь.

Если умираетъ порочный человѣкъ, то онъ обращается въ звѣря („Гавтар зусті“) и ходить по дворамъ, крадетъ дѣтей, уносить къ себѣ и ѣсть ихъ.

Въ звѣря обращаются и живые люди: днемъ они больны, а ночью обращаются въ звѣря, ходятъ по дворамъ и пожираютъ домашнихъ животныхъ и дѣтей. Рассказываютъ: лѣтъ 35 назадъ обращался въ звѣря нѣкто А.... А...., который цѣлый день лежалъ больнымъ, а ночью обращался въ волка, надѣвалъ заколдованную волчью шкуру, къ утру возвращался домой, спиналъ шкуру и пряталъ въ тайное мѣсто. Сосѣди жаловались, что кто то ѣсть ихъ домашнихъ животныхъ, и начали караулить. Замѣтивъ, что А. А. желаетъ надѣть заколдованную волчью шкуру, Н выстрѣломъ изъ ружья убилъ его. Такихъ людей нельзя убить, если они надѣнутъ уже шкуру, поэтому необходимо выслѣдить тотъ моментъ, когда они хотятъ надѣть шкуру; подкарауливъ его, ловятъ, снимаютъ шкуру, привязываютъ къ дереву, такъ какъ шкуры нельзя сжечь, если не привязать больного къ дереву,—онъ подымаетъ такой ревъ, что въ ухахъ больно становится. Послѣ сжиганія шкуры, больной дѣлается опять такимъ же разумнымъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде.

Если ножикъ случайно ляжетъ вверхъ лезвіемъ,—значитъ Богъ жертвы просить.

Убьешь лягушку,—будетъ дождь долго идти.

Воетъ собака,—въ домѣ будетъ несчастье (собакѣ даютъ хлѣбъ и приносятъ жертву Богу).

Собака валяется на спинѣ, — прїѣдетъ гость на лошади.

Недалеко сидитъ сорова и кричитъ, — это съ вѣстью пришла. Если съ добромъ, — мѣсто переменяи, а если со зломъ, — почешись.

Встрѣтишь въ пути кого съ пустымъ кувшиномъ, или рыжаго съ примѣтою, или съ голубыми глазами или зайца, — удачи не будетъ.

У кошки семь душъ.

Отрѣзанные ногти или зарой въ землю, или брось на землю правою рукою черезъ плечо.

Когда увидишь новолуніе, протяни мизинецъ къ лунѣ и скажи: дай мнѣ и моимъ любимымъ жить до тѣхъ поръ, пока мизинецъ не дорастетъ до тебя!

При первомъ весеннемъ громѣ лягъ на спину и говори: „въ эту тяжесть дай мнѣ шелку!“, — и ты не заболѣешь.

При переходѣ черезъ воду, говори: „слава Богу!“ , — а то овладѣетъ тобою водяной.

Вечеромъ подъ балкономъ воды пить нельзя.

Будешь спать ночью подъ кизилковымъ деревомъ, — дїаволь поразитъ тебя.

Тоганецъ вверхъ ножками поставишь, — дїаволь проклянетъ.

Въ дверяхъ сидѣть не годится, не хорошо.

Вечеромъ постороннему лицу не давай пить у воротъ, — а то болѣзнь его семьи перейдетъ къ твоей.

Если во время ѣды, держа хлѣбъ въ одной рукѣ, возьмешь и въ другую руку хлѣбъ, то не ѣшь перваго куска: его чертъ отуманилъ.

При затменіи луны нужно стрѣлять изъ ружей и шумѣть: этимъ можно прогнать чудовище, проглотившее луну. Слѣдуетъ пойти въ церковь и отслужить молебенъ.

Въ удача превратилась молодая невѣстка: она мыла свою голову; пришелъ свекоръ — она закрылась корытомъ; гребешокъ,

бывшій въ корытѣ, зацѣпилъ за волосы; она обратилась въ птицу и улетѣла.

Въ верхней части с. Варташенъ стоитъ дерево чинаръ— царь дерево: стволъ его въ обхватѣ 32 аршина. О немъ существуетъ слѣдующее преданіе: Удины христіане, гонимые татарами, исповѣдывали свою религію тайно. Разъ, ожидая нападенія, христіане, желая спасти Евангеліе отъ рукъ магометанъ, зарыли его въ землю, и чтобы не потерять мѣста, гдѣ скрыли Евангеліе, посадили маленькое чинаровое дерево, которое выросло и въ настоящее время представляетъ чудное дерево; оно почитается святымъ, подъ нимъ зажигаютъ свѣчи, приносятъ жертвы. Никто не смѣетъ отламывать не только зеленыхъ вѣтвей, но даже и сухихъ; послѣднія собираются въ кучу подъ деревомъ и употребляются только во время жертвоприношенія.

О св. Георгіи существуетъ между удинами слѣдующее преданіе: Св. Георгій все охранялъ отъ дѣволовъ, которые вслѣдствіе этого не могли никому сдѣлать зла. Дѣволы рѣшили прибѣгнуть къ хитрости и побить св. Георгія, взяли на вершину высокой горы, бросить оттуда и разбить его на части. Такъ и сдѣлали: пригласили въ гости, взобрались съ нимъ на самую высокую гору и бросили оттуда внизъ. Изъ разбившихся семи частей св. Георгія образовались семь такихъ же святыхъ, какъ Георгій, которые теперь всѣ дѣйствуютъ за одно.

Въ самой сѣверной части Кабалинскаго участка Нухинскаго уѣзда, ближе въ Кавказскому хребту, во время язычества, язычники поранили св. Георгія, посадили на осла и повезли черезъ горы; при этомъ выше Варташена, на вершинѣ одной горы, вѣтви Кавказскаго хребта, упали капли крови св. Георгія. Это мѣсто почиталось и почитается святынею.

Пятница—счастливыи день: что ни начинай въ пятницу, все пойдетъ успѣшно.

Среда и отчасти суббота несчастные дни.

Наканунѣ среды вечеромъ работать грѣхъ; въ ночь на среду ангелъ въ образѣ старухи обходитъ всѣ дома, осматриваетъ всѣхъ и вокругъ камина; если кругомъ чисто убрано и подметено и если почью хозяева не работали, то она оставляетъ въ этомъ домѣ благодать, а если она видитъ противное, то проклинаетъ домашнихъ. Однажды въ большомъ семействѣ женили сына; когда невесту привели въ домъ, то она удивилась, что наканунѣ среды всѣ домашніе работали; ей, конечно, было не ловко сидѣть безъ дѣла, и она начала прядь нитки; когда всѣ заснули, она взяла свои пряденныя нитки, положила въ огонь и подмела вокругъ камина. На другой день видятъ—въ огнѣ что то блеститъ; смотреть—кусокъ золота и удивляются; невестка рассказала, что она сдѣлала; всѣ убѣдились, что дѣйствительно грѣшно работать наканунѣ среды вечеромъ, что Богу пріятно было, когда невестка бросила свою работу въ огонь и не пожалѣла ее сжечь.

Рассказываютъ еще, что въ одномъ домѣ молодая невестка никогда не работала наканунѣ среды; ее возненавидѣли домашніе, и когда она должна была родить, ее вывели въ отдѣльную комнату, и одну оставили тамъ; тайкомъ начали подсматривать черезъ щель двери, и видятъ: пришли какіе то незнакомые, окружили ее, и она безболѣзненно родила ребенка. Удивились домашніе, поняли причину, и послѣ этого домашніе полюбили невестку, начали уважать и сами тоже перестали работать по ночамъ подъ среду.

Слѣдующіе обычаи наблюдаютъ при оживленіи грены:

Грену связываютъ въ платокъ и кладутъ въ сито; туда же кладутъ яйцо и сталь; часть этой грены берутъ въ монастырь св. Елисея для освященія; зажигаютъ свѣчу, ладонь, и приносятъ въ даръ яйцо и деньги; немного изъ этой грены отдаютъ пономарю, а остальную берутъ домой.

Послѣ оживленія грены—воду называютъ напиткомъ, а большой ножъ—рѣжущимъ, мурашекъ и другихъ насѣкомыхъ называютъ мелкими дѣтьми.

Въ періодъ оживленія грены не одалживаютъ другъ другу ни огородныхъ сѣмянъ, ни огня, ни др. вещей.

Если черви болѣютъ, то говорятъ, что ихъ сглазили, и принимаютъ слѣдующія мѣры: 1) берутъ раскаленные угли и бросаютъ по одной штукѣ въ чашку съ водой, причемъ проносятъ имена тѣхъ лицъ, которые посѣтили червоводню и если при названіи имени когонибудь, раскаленный уголь пойдетъ на дно чашки, то, значитъ, тотъ самый субъектъ и сглазилъ; тогда берутъ этотъ уголь, обращаютъ въ порошокъ и бросаютъ на улицу, или этимъ углемъ дѣлаютъ крестъ на дверяхъ червоводни, а воду выливаютъ на улицу. Кромѣ того, призываютъ колдуна, который, обходя кругомъ червоводню, читаетъ какую то молитву.

Въ періодъ оживленія грены чужой человѣкъ не долженъ приносить во дворъ грены, если хозяинъ не хочетъ купить.

Когда владутъ коконники, то приносятъ воду изъ-подъ мельницы, брызгаютъ листья шелковицы и кормятъ червей: черви также быстро завьютъ коконы, какъ быстро вертится колесо мельницы.

Когда владутъ коконники, то это нибудь долженъ лѣзть на дерево и кричать кукуреву: червь поднимется на коконникъ.

При оживленіи грены, часть ея отдѣляютъ и воспитываютъ особо: это „жертва“. Урожай коконовъ отъ этихъ червей продаютъ особо и покупаютъ барана въ жертву для Бога.

До пятого возраста не снимаютъ коры съ шелковицы, чтобы червь свободно могъ лизать.

Маленькіе круглые коконы бросаютъ черезъ крышу червоводни, чтобы на слѣдующій годъ урожай коконовъ былъ хорошъ.

Чужой не долженъ входить въ червоводню, имѣя при себѣ золотыя и серебряныя вещи.

Въ червоводнѣ не откликиваются на зовъ „у“, а на зовъ „гей“.

Во время сбора коконовъ нельзя перешагнуть черезъ коконники.

Въ тотъ день, когда ставятъ коконники, ничего не покупаютъ; дворъ и комнату не подметаютъ.

Въ червоводнѣ нельзя свистѣть.

Въ день Вознесенія надъ дверью червоводни вѣшаютъ кусокъ красной матеріи и чеснокъ.

Кому достанется въ день Вербнаго Воскресенья вѣтка съ многими цвѣтами, у того будетъ большой урожай коконовъ въ томъ же году.

У двери червоводни нельзя стоять подбоченясь.

Что бы въ червоводнѣ не было муравьевъ, варятъ молочную кашу и раздаютъ сосѣдямъ.

Между шелковичными червями бываютъ золотыя. Если ихъ кто замѣтитъ, то, объ этомъ никому не говоря, долженъ взять, посадить въ новый глиняный горшокъ, и кормить шелковичными червями, а не листьями,—этотъ червь обратится въ золото.

Если на червей нападаютъ муравьи, то зажигаютъ свѣчу, чтобы черви избавились отъ мурашекъ; если по зажженіи свѣчи муравьи не удалятся, то говорятъ: „мы видѣли, какъ собаки грызли другъ друга“, послѣ этого муравьи должны непременно уйти.

Когда во снѣ увидишь въ какомъ-нибудь домѣ пожаръ, то въ этомъ домѣ въ томъ году будетъ отличный урожай коконовъ.

Хорошій урожай коконовъ будетъ, если во снѣ увидѣтъ яйца кучками.

Разсказываютъ: одинъ незнакомый съ шелководствомъ, хотѣлъ воспитать шелковичныхъ червей, и спросилъ своего

сосѣда, знающаго это дѣло: „чѣмъ кормить червей?“ тотъ изъ зависти, сказалъ: „крапивую“. Началъ новичекъ кормить крапивую; черви не только не умерли, но быстро начали расти. Когда черви были въ пятомъ возрастѣ, онъ спросилъ: „что нужно дѣлать?“ тотъ сказалъ, опять изъ зависти, — поставить вмѣсто кокониковъ комочки, чтобы черви подошли, но черви не подошли, а завили всѣ коконы. Послѣ завивки новичекъ опять спросилъ: „что теперь дѣлать съ кокониками?“ Тотъ говорить: „вынеси во дворъ и сожги на огнѣ“, онъ такъ и сдѣлалъ: на другой день видятъ, — всѣ сожженные коконы обратились въ золото.

Добрые духи—это ангелы; они являются добрыми вѣстниками и помощниками въ трудахъ.

Злые духи: „нал“, „цин“, „шејзан“, „кашаејзан“.

„Нал“ (аль)—вынимаетъ сердце и печень, желая лишить роженицу жизни; она впадаетъ въ обморокъ; на помощь являются мужчины: стрѣляютъ изъ ружей, одинъ открываетъ ей ротъ, держитъ за языкъ, другой таетъ за уши, третій бьетъ по щекѣ, четвертый тащитъ за волоса, { кричатъ, зовутъ по имени, — такъ изгоняютъ злого духа „нал“. Женщина просыпается и оживаетъ. Во время этого процесса опорожняютъ всѣ кувшины съ водою, чтобы злой духъ не бросилъ сердце и печень въ кувшинъ. Когда женщина приходитъ въ себя, то ей даютъ жевать кеву, нитку наматываютъ въ клубокъ, кладутъ косу въ ротъ, или же приводятъ къ больной женщинѣ осла и на подолѣ ея даютъ ослу ѣсть ячмень, чтобы злой духъ „нал“ вторично не пришелъ. Рассказываютъ: одинъ варташенецъ засталъ около рѣчки злого духа „нал“, который хотѣлъ мыть печень и сердце женщины; онъ поймалъ духа, отрѣзалъ его косу и его самого хотѣлъ взять домой, „нал“ сталъ просить: „ради Бога, пусти меня! я сердце и печень возьму обратно, что бы женщина не умерла“, — варташенецъ отпустилъ его. Теперь отрѣзанная коса нал'а находится у него

въ домѣ и когда какую-нибудь женщину одерживаетъ „һал“, то косу берутъ и показываютъ ей, и она выздоравливаетъ. Женщина не умираетъ, пока „һал“ не опуститъ сердце и печень ея въ воду.

„Ціп“ (джинъ) любитъ душить людей, кататься на красивыхъ коняхъ. Одинъ „ціп“ сильно мучилъ лошадей; хозяинъ смазалъ спину лошади дегтемъ и пустилъ на поле; ціпъ пришелъ и сталъ садиться на спину лошади, но тутъ же и прилипъ; когда лошадь пришла домой, хозяинъ схватилъ „ціп“ и укололъ его иглою ушкомъ внизъ. „Джинъ“ сдѣлался плѣннымъ и остался у хозяина. Однажды, когда дома никого не было, кромѣ маленькаго мальчика, „ціп“ обратился къ этому мальчику и попросилъ вынуть иглу, что тотъ и исполнилъ; „ціп“ сдѣлался свободнымъ и скрылся.

„Шейзан“ (шейтанъ) діаволь и „кала шейзан“ (хромой діаволь)—соблазняютъ людей; являются въ образѣ чловѣка и берутъ свою жертву въ лѣсъ, въ горы, сбрасываютъ въ оврагъ и убиваютъ. Рассказываютъ: одинъ варташенецъ отправился въ лѣсъ на охоту; на возвратномъ пути онъ услышалъ звуки зурны, и направился прямо въ ту сторону, откуда слышны были они; пришелъ и видитъ: играютъ свадьбу! Присутствующие—все его знакомые; его приглашаютъ и сажаютъ съ собою; начинаются танцы, во время которыхъ онъ замѣчаетъ, что одна женщина одѣта въ платье его жены; онъ кинжаломъ рубитъ часть рукава отъ ея архалука, для примѣты. Приводятъ быка, рѣжутъ, готовятъ пищу, садятся ѣсть и пить, и предъ нимъ кладутъ пищу и большой кусокъ мяса; къ утру попойка кончается, и всѣ расходятся, остается только онъ одинъ и видитъ, что предъ нимъ вовсе не мясо лежитъ, а куча навозу.... тогда только онъ догадался, что онъ имѣлъ дѣло съ шейзан'омъ. Приходитъ домой, и видитъ: рукавъ архалука жены, дѣйствительно, отрубленъ кинжаломъ!

Лѣтъ 20 или 25 тому назадъ умеръ армянинъ М.; тѣло

его принесли въ церковь. На другой день приходятъ всѣ знакомые и родные на литургію, и видятъ, что дверь изнутри кто то заперъ; сколько ни стараются, но отворить не могутъ. Одинъ храбрець соглашается спуститься черезъ крышу; его спускаютъ по веревкѣ, и онъ видитъ, что покойникъ сидитъ съ „шејзан“ (шейтанами) и бесѣдуетъ; увидѣвъ его, шейтаны скрываются, а покойникъ ложится опять попрежнему; храбрець подходитъ къ дверямъ, отворяетъ, но говорить не можетъ: отъ страха онѣмѣлъ! Съ этого времени онъ сталъ болѣть и черезъ нѣсколько времени умеръ. Говорятъ, что покойникъ былъ грѣшный человѣкъ и перешелъ въ руки шейтановъ, которые пришли въ церковь и имъ распоряжались.

М. Бежановъ,

смотритель Варташенскаго училища

А. А.

ОТДѢЛЪ П.

т̄залагј імакеу, јаз̀мдурдакуа ац̄а јазр̀схуејт,
животное ни было беременно безъ его вѣдома илюдъ излаку изъ утробы,
іһ̀вјт.
сказалъ.

Ујејц̀вб̀в уѣ іһ̀вјт: абріуож̀в істах̀взар ајхат̀в гу-
Младшій его такъ сказалъ: это теперь если захочу желѣзнымъ за-

̀ара һа̀зусвршуојт, іһ̀вјт.
боромъ обведу насъ всѣхъ, сказалъ.

Ујејц̀вб̀в уѣ іһ̀вјт: сара, ахуш̀б̀в акуч̀вш̄ јману,
Младшій его такъ сказалъ: я ястребъ цыпленка и҃ла,

а̀жѡан іқазаргі, сеіхсн̄в ахуш̀б̀в ш̄н̄в, акуч̀вш̄,
въ небесахъ если бы былъ, выстрѣлилъ, ястреба убилъ бы такъ, цыпленка

јарбанц̄ст̄взалагј; ац̄ст̄в, животное, јарбан—залагј, какое
бы ни было.

імакеу—жеребая кобылица; ејмг̀дуц—о коровѣ, духум-
т̀дуц—о женщинѣ беременной.

јаз̀мдурдакуа, совершенно безъ его вѣдома; дакуа, со-
вершенно; изд̀руејт—я знаю, пов. ід̀р; дурз̀мдурт; ад̀рра,
званіе.

јазр̀схуејт—извлекаю изъ утробы: азр̀, утроба; свхуејт,
извлекаю; јал̀схуејт—дѣлаю что изъ чего.

абріуож̀в—абрі это, уож̀в—теперь (см. Усл. уа).

ајхат̀в—желѣзный; ајха, желѣзо; т̄в—принадлежность.

(і)һа̀зусвршуојт—обвожу вокругъ насъ всѣхъ; ір̀всвршу-
ојт, я обвожу вокругъ нихъ; ір̀всврша, обведи.

ахуш̀, ястребъ, употребляемый на охотѣ.

ахуш̀б̀в, ястребъ дикій, не поддающийся прирученію.

сеіхсн̄в; свхсуејт, я стрѣляю: ах̀сра, стрѣляніе, стрѣ-
лять; ух̀с—стрѣляй.

Ішнѣуаз дѣк ачѣв, амаѣ раһшѣ ілв.цудашанѣ,
 Какъ они пришли поле на, змѣй сестру ихъ сильно обвинѣ кольцомъ
 дшѣмаз, рбѣјт. Ајһабѣв дунѣјнв амаѣ, јазумдѣрдѣакуа
 какъ имѣтъ, увидѣли. Старшій подошедши къ змѣю, безъ вѣдома его совер-
 дамјхвјт, афѣрһа амаѣ рѣшѣталт; јанрѣшѣтала,
 менно отнялъ ее, мигомъ змѣй погнался; когда онъ послѣдовалъ за
 ујѣјѣбв ајхаѣтв гуѣра рвѣкѣршејт, ахѣ
 нинѣ (за старшимъ) младшій желѣзнымъ заборомъ обвелъ ихъ, во
 јанпѣмкѣлакуа, јѣјнв дѣрцагѣјт
 онъ не могъ совершенно удержать его (змѣя) пріѣла, онъ ее силою отнялъ у нихъ
 јанѣнхѣала, ујѣјѣбв, дѣлхснв амаѣ, шнѣв дамѣнѣцафрнв,
 когда поднялся, младшій, выстрѣливъ, въ змѣя, убитаго выпавъ изъ рукъ,
 дѣкуалѣау лѣчаѣлхвјт; афѣрһа рејѣвбѣа дѣфлѣнѣцаххнѣ
 быстро направилъсь внизъ (сюда); мигомъ самый младшій подхватилъ

ілв.цудашанѣ, онъ ее сильно обвинѣ; сѣкѣшѣуејт, обхожу,
 пов. уѣкѣуша, обойди вокругъ него (безсм. созд.), пов. усѣкѣша,
 обойди вокругъ меня. ц—усиленіе дѣйствиѣ, кѣу—поверхъ.

дшѣмаз; дѣсѣмѣдѣп.

рбѣјт; ізбѣдѣјт, я вижу.

афѣрһа—мигомъ, ф...р...р.

рѣшѣталт; срѣшѣталејт, я гонюсь: пов. урѣшѣтал; ашѣта,
 слѣдѣ.

јанпѣмкѣлакуа, онъ совершенно не могъ удержать ее;
 інѣскѣлуејт, я оставляю, пов. інѣѣл.

дѣрцагѣјт; ізгѣјт, я беру; іцѣзгѣуејт, я отнимаю у него
 пасильно (ц).

јанѣнхѣала; схѣалејт, я поднимаюсь, взбираюсь, пов. ухѣл,
 взберись.

дамѣнѣцафрнв; свѣмпѣнѣцафрејт, я падаю изъ рукъ кого
 либо (муж. рода).

дѣкуалѣау—однѣвъ вертѣсь, раскрывъ руки, падаетъ внизъ.
 лѣчаѣлхвјт; сѣчаѣсхѣуејт, я пріѣду.

дѣфлѣнѣцаххнѣ—мигомъ подбѣжавъ подѣ нее.

дүҗевҗт, дүрүману аонү жаѣт. Аонү жахѣз ран
 понималъ, имѣя домой пришли. Дома когда пришли ихъ мать

кабак дахнү абарца икнѣлхајт:
 бешметъ спитый подь навѣсомъ (предь входомъ въ домъ), повѣсила

абри акаба имазајт абри спѣла даѣзгѣз,
 этотъ бешметъ пусть того (онъ) имѣеть этотъ мою дочь кто привелъ,

—лнҗт. Ајхабѣ: сара ісуҗнагуѣт,—іһнҗт; ізѣбан, ѿһуазар,—
 —сказала она. Старшій: мнѣ слѣдуетъ,—сказалъ; зачѣмъ если вы

сара сѣуп, дамүзхүз, іһнҗт. Агј, ајхаѣ
 спросите я есмь (тотъ), который отналъ сказалъ. Другой желанный

гуара қасцнҗт, іһнҗт, сара сѣуп, ізқунагау, іһнҗт. Агј
 заборъ я сдѣлалъ, сказалъ: я есть которому слѣдуетъ сказалъ. Дру-

сара сѣқумзар, даману ііцахјан, сеіхснү
 гој я если бы не я, имѣя съ собою было уже пошла вверхъ, выстрѣливъ

існнҗт; ақумзар, сара сѣуп ізқунагау, іһнҗт. Реј-
 убилъ если бы не такъ, я есть которому слѣдуетъ сказалъ. И са-

цүбгі: сара сѣуп ізқунагау, іһнҗт: агүрҗ дамүр-
 мнѣ младшій я есмь которому слѣдуетъ, сказалъ: и другіе хотя отпа-

хүјт, ахѣ сара дүсүмевүр, дүкѣһану дүцсхјан, іһнҗт.
 ли, но я если-бы не понималъ, упавъ она бы умерла, сказалъ.

кабак опр.; акаба, бешметъ.

дахнү вм. ідахнү; іздахуејт, я шью что-либо, сүдахуејт
 я шью.

абарца, навѣсъ на столбахъ предь входною дверью въ домъ.

ікнѣлхајт; ікнѣсхуејт, я вѣшаю; пов. ікнѣһа.

имазајт, пусть ему принадлежитъ, пусть онъ имѣеть.

ізѣбан, зачѣмъ (ср. ізбан, я видѣлъ).

ѿһуазар—если вы будете говорить, если вы спросите.

агј, другой.

қасцнҗт; іқасцуејт, я дѣлаю.

дүкѣһану; скѣһуојт, падаю, пов. укаһа.

дүцсхјан, она бы умерла; сүцсүојт, я умираю, пов. уц-
 сү; ацсра, смерть; уцсү, твоя душа (ср. с и с).

Аццѡкѣ еѣмаркѣѣт, ахѣ изѣунагуѣз дурѣвѣмдѣрт.
И четѣро начѣли спорѣть, но кому слѣдовѣло (получѣть) не могли узнѣть.

Аццѣхѣ ацѣтѣ еѣжѣт, ахѣ ирѣвѣмдѣбѣѣт. Аццѣхѣ
Пѣтоѣ село собралѣсь, но разсудѣть (рѣшѣть) не могли. Послѣ

ацѣтѣ ирѣѣз асѣ ирѣѣт.
сѣла нѣтъ нѣхѣ однѣѣ възлѣ.

Јахѣ сарѣ убрѣ сѣѣан, ехѣ абрѣхѣ сѣѣѣт.
Вчѣра вечерѣмѣ я тамѣ былѣ, сѣгодня сѣда прѣшегѣ.

(Сказка эта записана Смотрителемъ Сухумской горской школы К. Мача-
варіани о словѣ ученика Дмитрія Гулія. Учитель той-же горской школы г. Ад-
жамовъ, природный абхазецъ, проверилъ эту сказку по библѣскому нарѣчію. Пе-
чатается по редакціи г. Аджамова).

еѣжѣѣт; аѣжѣара, сходка; һѣѣзѣѣѣт, мы собираемѣся.
ирѣвѣмдѣбѣѣт; сѣѣдѣѣѣѣт, сужѣсь сѣ ѣѣмѣ-либо, адѣбра, суд-
бище; адѣѣѣ, судѣя.
еѣмаркѣѣѣт; имасѣѣѣѣѣт, я спорѣю сѣ нимѣ, имас, пов.
ацѣтѣ; аһѣбла, деревня.

Русскій переводъ.

Жили-были четыре брата; у нихъ была сестра. Какъ умеръ
ихъ отецъ, они заперли въ комнатѣ свою сестру, да тамъ и
держали ее. Каждый день ходили они охотиться на звѣрей и
кормили сестру ихъ мозгомъ. Разъ, когда они были на охотѣ,
мать ихъ, взявъ мозгъ, пошла къ дочери; но какъ только от-
ворила дверь, въ комнату вскочилъ большой змѣй, схватилъ
дочь и унесъ. Мать начала сильно плакать и убиваться. При-
шли сыновья, она и говорить имъ: „Дѣти мои! чтобы вы мог-
ли бы сдѣлать, если бы случилось какое-либо несчастье?“ Стар-
шій изъ братьевъ на это сказалъ: я могу, незамѣтно для жи-
вотнаго, вынуть изъ чрева его ребенка. Второй братъ ска-
залъ какъ захочу, мигѣмъ могу окружить всѣхъ насъ желѣз-
нымъ заборомъ. Третій сказалъ: если бы ястребъ, похитивъ

цыпленка, улетѣлъ въ небеса, я бы могъ убить ястреба выстрѣломъ такъ, что съ цыпленкомъ ничего не случилось бы. Младшій же братъ сказалъ: что-бы ни падало сверху (съ неба), я могъ бы схватить его, не причинивъ ему боли.

Хорошо, сказала мать: змѣй унесъ вашу сестру.—Если мы не достанемъ сестры—не вернемся, сказали братья и пошли. Идутъ и видятъ: на полѣ змѣй обвиняетъ сестру ихъ и держитъ. Старшій братъ подошелъ и незамѣтно для змѣя взялъ сестру. Змѣй вскочилъ и погнался, по въ это время второй братъ окружилъ ихъ (старшаго брата и сестру) заборомъ; это его не удержало и онъ отнял ихъ сестру и поднялся съ нею вверхъ; тогда третій братъ выстрѣлилъ и убилъ змѣя, а сестра стала быстро опускаться внизъ. Четвертый братъ подбѣжалъ и подхватилъ ее. Они съ сестрой пошли домой. Тѣмъ временемъ мать повѣсила подъ навѣсомъ при входѣ въ домъ спитый ею бешметъ; пришли они, она и говоритъ: тому бешметъ, кто отнял сестру. Старшій говоритъ: мнѣ онъ принадлежить, ибо я отнял. Второй говоритъ: мнѣ, ибо я сдѣлалъ заборъ. Третій говоритъ: мнѣ! если бы меня не было, змѣй унесъ бы сестру, но я выстрѣлилъ и убилъ его. Самый младшій говоритъ: мнѣ! другіе хотя и отняли сестру, но если бы я ее не подхватилъ, она упала бы и убилась.—Всѣ четверо начали спорить, кому долженъ достаться бешметъ; все село собралось, но рѣшить не могли; послѣ одинъ изъ поселянъ взялъ бешметъ себѣ.

Вчера вечеромъ я тамъ былъ, сегодня сюда пришелъ.

ДУДАХАРСКІЯ ПѢСНИ.

Въ 60-хъ годахъ покойный П. К. Усларъ составилъ грамматику языка названнаго имъ „Хюркилинскимъ“ по имени селенія Хюраки, лежащаго въ центрѣ Даргинскаго округа Дагестанской области, недалеко отъ урочища Дашлагарь. На этомъ языкѣ говорятъ жители не одного только селенія Хюраки, но всего Даргинскаго округа съ смежнымъ съ нимъ Кайтаго-табасаранскимъ. Населеніе этихъ округовъ, сходное между собою по языку и образу жизни, нѣкогда дѣлилось на множество вольныхъ обществъ, и не имѣетъ общаго, племеннаго названія; языкъ его пришлось назвать „хюркилинскимъ“, наиболѣе чистымъ изъ всѣхъ нарѣчій этого языка.

Хюркилинскій языкъ весьма богатъ звуками, особенно гортанными, и алфавитъ его, составленный П. К. Усларомъ, заключаетъ въ себѣ 42 буквы: шесть гласныхъ, одну полугласную и 35 согласныхъ.

Гласныя: а, ә, і, о, у, е; съ помощью полугласной j, которая на концѣ словъ читается какъ русское й, образуются изъ этихъ простыхъ гласныхъ сложныя: ja=я, ju=ю, je=e и др.

35 согласныхъ звуковъ дѣлятся на:

а) губные: б, п, ц, м, в, w;

б) передне-язычные: { а) шумные: д, т, т̣, з, з̣, ц, ц̣;
ж, ц̣, ч, ч̣, ш, с;
б) сонорные: л, н, р.

в) задне-язычные: г, ġ, з̣, к, қ, ħ, k, q, h, ḥ, x, ħ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что хюркилинская азбука

весьма богата задне-язычными (гортанными звуками) (13) самых разнообразных видовъ.

Я постараюсь здѣсь описать ихъ произношеніе, насколько это возможно, и укажу произношеніе тѣхъ буквъ, которыя расходятся съ русскими, какъ по своей формѣ, такъ и по произношенію.

Таковыя буквы суть:

1) æ—произносится при совершенно раскрытомъ ртѣ (напр.: bæli—Али) *);

2) e—произносится какъ русское э (напр.: emin—эминъ);

3) ц—произносится немного сильнѣе п, плотно сжавши губы и выпустивъ ихъ моментально, при чемъ п нельзя произнести иначе, какъ выпустивъ все дыханіе, а для произнесения ц достаточно того воздуха, который заключается въ полости рта (напр.: цаца—шапка);

4) w—произносится какъ уа, при чемъ у произносится лишь наполовину, не какъ гласная, а въ видѣ согласной; чтобы вѣрно произнести w, нужно раскрыть немного ротъ, вытянуть губы впередъ, какъ при издаваніи свиста, а затѣмъ раскрыть ротъ, произнося въ это время уа (ва), не касаясь языкомъ ни неба, ни зубовъ и зубами не касаясь губъ **);

5) ʒ—твердое т, отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что конецъ языка при произнесеніи его надо упереть сильнѣе и ближе къ деснамъ и воздуху надо выпускать меньше (напр.: ʒal—столбъ);—арабское ʒ.

6) ʒ—усиленное з, произносится какъ д, но такъ, чтобы слышенъ былъ одинъ звукъ, а не два (напр.: ʒav—дождь);

*) „æ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе; это есть звукъ, промежуточный между а и е и соответствующій англійскому а въ словахъ and, fat“, говорить Усларъ.

**) „w совершенно соответствуетъ англійской буквѣ того же начертанія. Этотъ звукъ составляетъ крайне-блглый переходъ между нашими у и в. Сочетанія wa, wæ, we, wi встрѣчаются весьма часто; на нихъ можно смотрѣть, какъ на дифтонги; wу никогда не встрѣчается, но въ составномъ словѣ можетъ случиться, что одинъ слогъ кончается на w, а другой начинается съ у“. См. Усларъ.

7) ċ (č) — усиленное ц; произносится какъ ц, но воздуху выпускается меньше, чѣмъ при произношеніи ц, и самый языкъ сильнѣе прижимается къ небу (напр.: ċа—огонь);

8) ċ (č) — усиленное ж, произносится какъ ж въ одинъ звукъ, сильнѣе, чѣмъ ж (напр.: ċан—душа)—арабское ċ;

9) ċ (č) — усиленное ч; чтобы его произнести, нужно надавить языкомъ на небо и воздуху выпустить меньше, чѣмъ при произношеніи ч (напр.: ċċала—жѣя);

10) ġ — произносится какъ г въ словѣ градъ, лат. g (напр.: ġама—дерево);

11) ġ — произносится какъ мягкое г въ словѣ Господь (напр.: ġулі—мѣхъ);

12) ġ — арабское ġ, произносится какъ англійское или еврейское p, при чемъ кончикъ языка упирается въ нижнюю челюсть, а средняя часть—касается неба (напр.: ġaj—разговоръ);

13) ġ — произносится какъ в, но надо плотнѣе прижать языкомъ къ небу и выпустить воздухъ отрывисто (напр.: ġа-цġ—листь);

14) ġ — произносится горломъ немного глубже, чѣмъ к и ġ, но воздухъ выпускается весь; слабѣе к (напр.: ġаġ—спина);

15) ġ — усиленное ġ, отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что воздухъ выпускается сильнѣе (напр.: ġу—пашня);

16) ġ — арабское ġ, произносится немного глубже въ горлѣ, чѣмъ к и сильнѣе послѣдняго (напр.: ġаġарġ—горло);

17) ġ — арабское ġ, похоже на звукъ, получающійся при свогѣ; это не что иное, какъ открытое и усиленное горловое а, произносящееся какъ согласный звукъ (напр.: ġур—потомъ);

18) ġ — арабское ġ, и произносится, какъ лат. или франц. ġ придыхательное (напр.: ġġġ—дыханіе).

19) ġ — произносится какъ русское х (хорошо) (напр.: ġамġа—пѣна);

20) ġ — арабское ġ, есть усиленное ġ; при произноше-

ни́и воздухъ выпускается нѣсколько сильнѣе, чѣмъ при h; напр.: бамба—осель);

21) x—усиленное ħ, произносится грубо горломъ, какъ при выдѣленіи мокроты изъ горла (напр.: хажір—польза);

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ произношеніи своемъ буквы п и ц, т и џ, ц и џ, в и ꙗ—подвергаются однимъ и тѣмъ же законамъ усиленія вторыхъ буквъ сравнительно съ соотвѣтствующими имъ первыми. Въ хюркил. яз. есть еще ѣ—короткое, которое изображается Усларомъ посредствомъ запятой ('), напр.: мі'—міа, при чемъ ѣ произносится отрывисто, почти не слышно. Другой знакъ—тире (—) служитъ для отдѣленія гласной отъ согласной буквы, напр.: мај-а= май—а (потъ). Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ хюркилинская азбука Услара вполне удовлетворительно обозначаетъ всѣ звуки этого языка, не исключая ни одного изъ его нарѣчій.

Цудахарцы живутъ недалеко отъ Гуниба, смежно съ аварцами, въ самой бесплодной и суровой горной мѣстности Андійскаго хребта. Скучная почва, недостатокъ лѣсовъ и горная природа сдѣлали цудахарца дѣятельнымъ, трудолюбивымъ и даже промышленнымъ, хотя и грубымъ отчасти. Въмѣсто дровъ онъ употребляетъ „квзякъ“, свой клочекъ земли (въ среднемъ, не превышаетъ полъ десятины) онъ удобряетъ пепломъ (для чего собираетъ вучу дерна и поджигаетъ ее); собственноручно насыпаетъ землю на голыя скалы и съѣтъ тамъ хлѣбъ. Главный предметъ занятій и торговли цудахарца составляетъ разведеніе абрикосовъ (вурега); это благородное растеніе даетъ ему плоды, не требуя за собой почти никакого ухода и выростая на каменистой почвѣ, часто даже изъ щелей скалъ. Цудахарецъ развозитъ эти абрикосы на своихъ почти единственныхъ и терпѣливыхъ донельзя животныхъ—ослахъ—по всѣмъ горамъ, спускается даже на плоскость и вымѣниваетъ на вурегу хлѣбъ (мѣрку на мѣрку). Этотъ хлѣбъ составляетъ единственную пищу большинства цудахарцевъ; имъ

они питаются до будущаго урожая куреги и горе имъ, если урожай будетъ плохой: они остаются безъ куска хлѣба! Кто не имѣетъ куреги, тотъ дѣлается слесаремъ, серебрякомъ, или-же уходитъ на равнину для заработковъ. Цудахарцы занимаются еще скотоводствомъ и выдѣлываютъ изъ бараньей или верблюжьей шерсти весьма тонкое сукно, которое славится во всемъ Дагестанѣ и въ Закавказьѣ; послѣднее время оно стало распространяться и на Сѣверномъ Кавказѣ. Такимъ образомъ, цудахарцы прокармливаютъ себя разнаго рода промышленностью. Жизнь въ горахъ и сосѣдство съ аварцами, сходными по характеру и образу жизни съ цудахарцами, сдѣлала послѣднихъ воинственными и храбрыми. Еще во времена Ермолова цудахарцы совершали набѣги на пограничныя области и Грузію; такъ называемые набѣги „лезгинъ“ не были совершаемы исключительно лезгинами, т. е. аварцами, а соединенными толпами горцевъ изъ различныхъ національностей. Немалую роль въ этихъ набѣгахъ играли и воинственные цудахарцы съ соплеменниками своими акушинцами. Они побѣждали даже грознаго дагестанскаго имама Хамзатъ-Бека, что видно изъ пѣсни про Хамзата. Всѣ почти пѣсни, которыя записаны мною, говорятъ о битвахъ горцевъ съ русскими, грузинами, между собою и т. п., въ битвахъ этихъ, конечно, такъ или иначе участвовали и цудахарцы.

Замѣчательно, что цудахарцы поютъ всѣ пѣсни на аварскомъ языкѣ, на томъ будто-бы основаніи, что на аварскомъ языкѣ легче пѣть и можно короче выражаться. Поэтому, нельзя достовѣрностью сказать, принадлежать-ли эти пѣсни аварцамъ или цудахарцамъ: онѣ поются одинаково, какъ тѣми, такъ и другими по аварски, и только цудахарскія дѣти и незнающіе по-аварски поютъ ихъ посвоему. Почти всѣ онѣ отличаются, какъ я сказалъ, воинственнымъ духомъ; въ нихъ восхваляется храбрость и благородство и порицается трусость, измѣна.

Такъ, въ одной пѣснѣ пѣвецъ провозноситъ такое проклятіе буршлинцамъ *), которые позвали къ себѣ на помощь горцевъ, а сами по трусости не вступили въ битву съ русскими: „Пусть треснуть буршлинскія ружья въ срединѣ, потому что въ ту ночь, когда брали ихъ селеніе, изъ нихъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла! Дорогія сабли буршлинцевъ пусть пропадутъ отъ красной ржавчины, потому что въ ту ночь, когда русскіе оскорбляли буршлинскихъ красавицъ, никто ихъ не вынулъ изъ ноженъ! Да не растеть ни одной травки вокругъ Буршли, потому что оно усыяно было костями русскихъ!“

Другія пѣсни рисуютъ передъ нами любовь молодыхъ людей и тѣ грустныя картины, которыя бывають послѣ потери любимаго существа. Въ одной пѣснѣ молодая и прекрасная женщина нѣжно и страстно любившая своего мужа, со скорбью въ душѣ и съ тяжелымъ предчувствіемъ въ сердцѣ, расстаётся съ любимымъ своимъ, далеко—далеко провожаетъ его глазами на войну, становится на колѣни и съ молитвой на устахъ говорить: „Поведи и приведи его, о праведный Боже! понеси и принеси ты, вороной конь!“ Со слезами на глазахъ она возвращается домой, ждетъ и не дожидается своего милаго. Она боится за него, проводитъ цѣлыя дни у окна и все вдаль глядитъ; однажды она замѣчаетъ приближающуюся точку всадниковъ, она взлѣзаетъ на крышу дома; вотъ уже всадники вѣхали въ ауль, а ея милаго все нѣтъ. Она бросается навстрѣчу имъ и узнаетъ отъ перваго всадника слѣдующее: „Твой суженный остался на полѣ Каври (въ Грузіи); русская пуля пробила ему грудь, казачій штыкъ прокололъ ему легкія, и горныя хищныя птицы выпивають теперь его глаза, а лѣсныя волки терзають его сердце.“ Этими словами былъ нанесенъ тяжелый ударъ любящему сердцу. Сказавши: „Да отпадетъ языкъ мой, спросившій васъ, а вамъ спасибо за

*) Буршлинцы говорятъ на татарскомъ языкѣ и живутъ на плоскости.

отвѣтъ!“ она стала рвать на себѣ волосы, царапать грудь и проливать слезы ручьемъ. Затѣмъ она встрѣчается съ своею матерью и убитая горемъ, говоритъ ей: „О, матушка! пока существуютъ на небѣ солнце и луна, могла-ли я подумать о потерѣ моего милаго! Постели мнѣ, моя матушка, мягкую постель: я не сдвинусь съ бока, покамѣсть не сгніетъ онъ; подложи и мягкую подушку: я не подыму съ нея головы, пока не выпадутъ всѣ волосы!“ Старушка-мать старается ее утѣшить, указывая на то, что она еще хороша собою и что найдется много жениховъ среди молодежи, которые замѣнятъ ей умершаго мужа. Но не такъ думаетъ любящая вдовушка: „Конечно, найдется и другой мужъ, но можно-ль позабыть и малѣйшую шутку его?“ говоритъ она и, отуманенная несчастіемъ, проклинаетъ всѣхъ жителей Алирасты *), которые будто-бы для того и начали воевать, чтобы погубить ея единственнаго друга.

Въ другой пѣснѣ молодая невѣста, узнавъ о смерти своего любимаго жениха, бѣжитъ, вопреки обычаю и приказаніямъ отца, на его могилу и обращается съ слѣдующими словами къ могильщикамъ: „Не копайте могилы для друга моего: я положу его въ серебряный гробъ; если-жъ выкопаете могилу, не сыпьте земли: вмѣсто земли я насыплю драгоценныя камни; если-жъ насыпете землю, не дѣлайте надгробнаго памятника: вмѣсто него стану я сама на его могилѣ лицомъ къ югу; но если и памятникъ поставите вы, то не читайте погребальныхъ молитвъ: вмѣсто нихъ я спою любовныя пѣсни!“ — Такъ умѣетъ любить дагестанка до конца жизни своей и, разъ полюбивши кого-либо, вѣчно остается преданной ему: пройдутъ и десятки лѣтъ, а все-таки она будетъ часто вспоминать о немъ въ своихъ грустныхъ пѣсняхъ.

Въ пѣснѣ про Казамиль-Али, грузины вторгаются въ числѣ

*) Алираста—мѣстность въ Грузіи.

семи верховыхъ въ предѣлы Дагестана и покидаютъ съ открытаго поля одну молодую дѣвушку, по имени Месуду, дочь старика отца и сестру семерыхъ братьевъ, засватанную за Казамиль-Али. Узнавъ объ этомъ, Казамиль-Али, прежде ея родныхъ, пускается въ погоню и настигаетъ дерзкихъ похитителей; завязывается горячая перестрѣлка: грузины стрѣляютъ въ него пулями, но каждый разъ мимо, а онъ дѣлаетъ семь выстрѣловъ изъ лука и кладетъ на мѣстѣ всѣхъ грузинъ. Захвативъ лошадей и оружіе грузинъ, Казамиль-Али сажаетъ на свою лошадь невѣсту и пускается въ обратный путь. На пути встрѣчаются съ нимъ братья и отецъ невѣсты; они хотятъ отнять ее у Казамиль-Али, но она проситъ оставить ее и говоритъ: „Ради Единого Бога, братья мои, оставьте куропатку въ рукахъ сокола, потому что я спасена его подвигомъ! и ты, отецъ, оставь овечку въ пасти волка, потому что она спасена имъ!“ Отецъ и братья согласились на ея просьбу и ихъ обвинчали тутъ-же на дорогѣ.—Но особенно ясно и въ самой идеальной формѣ выразилось понятіе горцевъ о любви въ тѣснѣ „Казикумыкъ и азайка.“ Молодой казикумыкъ пріѣхалъ въ селеніе Азайни повидаться съ родителями своей невѣсты и привезъ для нея въ подарокъ множество браслетъ и колець. На свиданіи съ нею, она умоляетъ его не уѣзжать, но подождать немного; онъ не внимаетъ ея просьбамъ, считая неудобнымъ долго оставаться у невѣсты, и отправляется въ обратный путь. Не успѣвъ онъ проѣхать нѣсколькихъ верстъ отъ Азайны, какъ догоняетъ его всадникъ и сообщаетъ ему, что его „любимое свѣтило закатилось“ и его несутъ хоронить. Онъ возвращается въ Азайни и, въ ужасу своему, дѣйствительно встрѣчаетъ похоронное шествіе. По его просьбѣ муллы развязываютъ саванъ и показываютъ ему его умершую невѣсту; онъ бросается къ ней, припадаетъ губами къ ея мертвымъ устамъ и въ такомъ положеніи умираетъ тотчасъ-же: „ея глаза осушили его глаза, ея сердце проглотило его сердце и ея

тѣло отняло у него душу“—сказано въ пѣснѣ. Эта въ высшей степени трогательное и необыкновенное происшествіе привело въ изумленіе всѣхъ муллъ, и они остановивъ похороны, послали въ Казикумухъ бумагу, спрашивая у тамошнихъ муллъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Тѣ отвѣтили имъ слѣдующее: „Умершихъ отъ взаимной любви и взаимной тоски слѣдуетъ похоронить въ одной могилѣ, сдѣлавши имъ общій савань.“ Такъ и сдѣлали. Народная фантазія представляетъ на могилѣ этихъ двухъ счастливицевъ два дерева—одно сахарное, другое гранатовое: когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, они обнимаются, а когда дуетъ южный, то они расходятся.—Но, къ несчастію, и среди горцевъ, какъ вообще среди людей, бывають случаи неискренней, ложной любви, что видно изъ пѣсни „Молодого кубачинца.“ Его невѣста во время его пребыванія въ ея домѣ, извѣстила его кровниковъ объ этомъ, и тѣ въ сопровожденіи толпы аульной молодежи окружили домъ ея и бросились въ комнату. Молодой кубачинецъ вскочилъ съ постели и убилъ троихъ своихъ враговъ. Но жители подожгли домъ, и мученикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ пламенемъ, затушилъ заувывную пѣсню, въ которой онъ выражаетъ скорбь не о потери жизни, а объ измѣнѣ его любимой невѣсты; онъ говоритъ: „ О арвукинскіе (кубачинскіе) молодцы! не довѣряйте своимъ подругамъ (невѣстамъ), потому что мнѣ измѣнила одна позорная дѣвушка, только вчера бывшая въ моихъ объятіяхъ!“ Послѣ этихъ словъ всѣ озлобились на измѣнницу, и каждый съ презрѣніемъ сталъ смотрѣть на нее: она принуждена была уходить изъ аула въ аулъ; даже собаки не считали ее достойной того, чтобы понюхать, какъ говоритъ намъ пѣсня.—Вотъ общая характеристика пѣсенъ цудахарцевъ и вообще даргинцевъ. Хотя кромѣ приведенныхъ мною пѣсенъ, какъ-то историческихъ, героическихъ или любовныхъ, бывають у цудахарцевъ и другіе виды ихъ, какъ напримѣръ, религіозныя, хвалебныя и т. п.,

но я о нихъ умолчу за неизвѣніемъ данныхъ, потому что привсемъ моемъ желаніи я не успѣлъ ихъ записать.

Считаю нужнымъ замѣтить еще, что почти всѣ пѣсни, приведенныя мною, въ особенности повѣствовательныя—всѣ четырехстопныя, при чемъ чаще всего три первыя стопы—дактилическія, а послѣдняя—спондей; поются онѣ на разные мотивы; рѣзмы въ стихахъ встрѣчаются рѣдко и вообще не имѣютъ большого значенія.

Баширъ Даматъ.

Цудахарскія п'есни.

(Со словъ цудахарца Хаджи записаны Баширомъ Далатъ).

I.

Кумуѣла Мумуѣммад.
Казикумскій Мукмухаммадъ.

Хунзакле діван дарқів Шамілла наівтали; діваплізіу
Въ Хунзахъ совѣщаніе сдѣлали Шаміла набы; на совѣщаніи
зајукун Ёәлі Исхандер Чәнқа; „пал сарі, зулму сарі іхді
заговорилъ Али Исхандеръ Чанка; „насиліе есть, бѣда есть въ этихъ
ѣара Хайдакле іх гванза віцаквіті дінагвар капуртела!“
черныхъ Хайдакахъ эту землю наполнившихъ безъ вѣры невѣрныхъ!“
Діваннізіу віқ варқів Кумуѣла Мумуѣммад. Шамілли суніс
Въ совѣщаніи главой сдѣлали Кумикскаго Мукмухаммада. Шамиль ему
вітѣв цува арпла арлічул лінтін дарајла вајрак. Ватвіфілі
отдалъ съ бѣлаго серебра древомъ красной даран (шелка) знамя. Отправившись
арвіқвән. Варткеін алдатурті Урһукіла дувурті әкілі дур-
пошли. Оленемъ не пройденныя Урхукінскія горы пройда вышли
вукун акіл дувулла шіді. Ул дувулліу кунзіқвар Кумуѣла
высокой горы на верхъ. На этой горѣ гуляетъ Ку-
муѣла Мумуѣммад; варфі әківіл манзі каплан-он ууә-
микскій Мукмухаммадъ; солнце (день) прошедшее время какъ левъ слу-
букун Шірахјела шілізі; Шірахјела ші аві суніін сенгер
стился въ Шірахинское селеніе; Шірахинскаго аула вокругъ онъ окопы
дарқів. Діқаллі сенгер дарқів Гувдалан Таһір Қаді; діқаллі
сдѣлалъ. Отдѣльно окопы сдѣлалъ Гувденецъ Таиръ Кадій; отдѣльно
сенгер дарқів міскітла алаучаллі, ну мур'ул әліна ілі. Асі-
окопы сдѣлалъ мечети вокругъ, а мужчина хорошій сказавъ.

лі ціува дурна Кумуҗла Муқмуҗеммад тапізуллі баріқвар
 Взвѣши бѣлую трубу Кумуҗцїй Мукмуҗаммадъ ставни смотритъ
 сенгелла урқлазівад, Капаражла авлаклев сі-бѣел савјера ілі.
 оковѣ изъ-за досокъ, на Капарая долині что-такое происходитъ ска-

Када віців діріу-он дузі дастві шідіу, діріулізір
 завъ. Ущелье наполнившїй какъ туманъ густо полки онъ видить, въ туманѣ
 марка-он бѣрбуваан ітулі; гванзалізірті қарцад базаѣ
 какъ роса (влага) пулями кидая; на землѣ какъ трава казакѣвъ

урус ківіу; қарлізідті вауницад вајракуні кідіу. Піл таман
 русскихъ видить; въ травѣ какъ цвѣты знамена видить. Это пока
 вақараші Шірахантла ургува бурвунаан віціків дінагвар ка-
 кончиль Шірахантское поле войсками наполнили безъ вѣрн не-

пуртела. Дівар сенгер дарқіві Гувдалан Таһір Қаді мур-уа
 гѣрнхъ. Отдѣльно окопы сдѣлавшіі Гуденець Таһрь Кадій мужчина

аѣнарә іқул, сенгерра дарбдатуллі урухлі һауқун. Пірі
 хорощъ я говорившіі, окопы покниувши испуганннсь убѣжалъ. Полдень

ваара урқів Кумуҗла Муқмуҗеммад, бѣрбѣ ігул му-
 пока насталь сражался Кумуҗцїй Мукмуҗаммадъ, пуля попадающее въ

сані һагва кузвітірқулі; һуліві һілі діцілі һірјекі ваів-
 мѣсто трыку затыкал; глаза кровью наполнивъ полдень когда насталь

һілі сајра қанніон кајків. Қвел Цамаула нукерта шівіһілі
 и онъ какъ перещегъ упалъ. Двое Джамава нукерѣвъ напавши

сај уців. Суніиі мїлат дарқів Цамаула нукертазі: „Малугава
 его поймали. Онъ мольбу сдѣлалъ Джамава всадникамъ: „Не давайте

наѣвазі дінагвар капуртела!“ Һіліді чвелла нукерта салдатуні
 въ руки безъ вѣрн невѣрнхъ!“ Эти двое нукерѣвъ солдатъ

саткїлі нуҗві һіла діһуқун; һајварқілі аруків Цамаула
 приведши руки назадъ привязать заставили; вывѣвши увели Джамава

таухунтазі. Цамаула таухунтазір хуліті діван дарқів уру-
 въ дома. Джамава въ домахъ большія совѣщанія сдѣлали рус-

сла есуртела, дірқала талкунтела, азајнівіл Шамхвара.
 снхъ офицерѣвъ, плоскостныхъ князей, и Азайһійскаго Шамхала.

Веѣ һалав бусрав дарқів ілқувті есурталі: „Вашигва
 Прежде всѣхъ просьбу (вопросъ) сдѣлали тамошніе офицеры: „Иди-ка

храбрецомъ. Кумыкскій Мукмухаммадъ взялъ въ руки бѣлую трубу и началъ смотрѣть изъ-за досокъ укрѣпленія на капарайское поле, чтобы узнать тамъ происходящее. Онъ видитъ густыя массы войскъ, подобныя туману, наполнившему ущелье, выпускающія множество пуль, подобно росѣ въ туманѣ; онъ видитъ столько казаковъ, сколько травы на землѣ и видитъ столько знаменъ, сколько цвѣтовъ въ этой травѣ. Покамѣстъ онъ смотрѣлъ на это, Ширахинская равнина наполнилась русскими войсками. Гувденецъ Таиръ кадій, особо укрѣпившійся, считая себя храбрецомъ, тогда покинулъ свое укрѣпленіе и побѣжалъ по трусости. Кумыкскій Мукмухаммадъ бился до полудня, втыкая тряпку въ мѣста, куда попадала пуля. Въ полдень и онъ палъ, подобно перепелкѣ, съ глазами, налившимися кровью. Два нукера Джамава напали и схватили его. Тогда онъ обратился съ мольбою къ нукерамъ Джамава: „Не отдавайте меня въ руки невѣрныхъ!“ Но оба нукера Джамава призвали солдатъ, связали ему руки назадъ и увезли его въ домъ Джамава. Устроили совѣщаніе въ домѣ Джамава русскіе офицеры, плоскостные князья и Азайнскій Шамхаль. Прежде всѣхъ офицеры обратились къ нему съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Прими нашу вѣру; мы вылѣчимъ твои раны и дадимъ тебѣ войско.“ — „Боже праведный! что говорить онъ теперь, видя меня въ вашихъ рукахъ?!“ Заскрежетавъ зубами, онъ перепугалъ князей, наполнявшихъ комнаты; моргнувши глазами, онъ обратился въ бѣгство караулъ, наполнившій дворъ. Затѣмъ запрягли шесть лошадей въ почтовую повозку, посадили его туда и отправили его въ Дербентъ; но не доѣзжая до Дербента, онъ скончался на капарайской равнинѣ. Супруга Джамава оторвала свои косы, говоря: „Да пойдетъ онъ, Кумыкскій Мукмухаммадъ, во всѣ семь раевъ; не грѣшно ли было отдать такого мужа въ руки русскихъ.“ [Въ Дербентѣ выкопали могилу для умершаго Мукмухаммада, построили на ней домъ и поставили въ этой комнатѣ караулъ;

изъ могилы виходить свѣтъ, и при его появленіи караулъ убѣгаетъ. Царскіе офицеры посѣщали эту могилу три раза въ день, чтобы гулять вокругъ нея; говорятъ, что она-могила доблестнаго мужа].

II.

Вуршлівія дїрз. Вуршлінскій бой.

Іх вуршліла қадіін ділқун казар датақів ақушела
Этотъ вуршлінскій қадій написавъ писъмо послалъ къ ақушннскому
қадічу: „Урус ші лівқwæліну кумјекіс wаші“ ілі. Ақушјела
қадію: „Русскіе идуть на помощь иди,“ сказавъ. Ақушннскій
қадіін алаwчаллі дарқаів, Ѓурвуні дучіс ілі сунічурад казурті.
қадій воаруъ отпранилъ, войска собратъ сказавъ отъ себя писъма.
Ѓурвуні дурадукун Даргwала шімазірад, гwанзалізірті қар-
Войска выстунели изъ Даргннскихъ селеній, на земгѣ какъ
цад, қарлізідті wawнецад вајрақуні насівлі. Ватвіхувлі арвеф-
трава, какъ въ травѣ цвѣтм знамена взявши. Вышедши пошли
wan вуршлантес кумјек варқіс. Ѓурвуні Ѓура-қадів калла
вуршлнцамъ помочъ. Войска остановились грушеваго
Ѓінізла мақлі. Қацані чалурвіра кақур лівлііпалла, дугела
колодда углу. Въ шапку жребій положили всѣ, ночи
цѣвдішлізір іх Вуршліла шілізі чала вақівті вуқас. Суніла
въ темнотѣ въ это Вуршлінское селеніе жребій пришедшимъ пойти. Его
чала вақів міқѳwan Чамса-қаділа. Чала аѳвақівкјера Ѓінтін
жребій вышелъ мнѣкхннца Чамса қадія. Жребій хотя не вышелъ красннй
ца авалқукун Ѓінііѳ-аулла віцлев Даргwала ватірталі, чала
огонь зажгли Иннѳ-аула на вершинѣ Даргннскіе молодцм, жребій
вақів wатуллі. Вунаћла ѳапа дарқав газаватлізі віқwæј
вышедшаго оставивъ. Грѳха прощеніе да будетъ въ битву пошедши
зувзніон алхунтела, цудар муқалла қацні сенгјертас қаді-
какъ мужчнны умершихъ, чернаго курпе шапки для укрѣпленія полк-

кілі чу'ні нїт дїрꙗ варꙗвну; фїнтїн фїлі дїцакїв нїх Вуршлїла
 живѣ они эту битву ибо сдѣлали; красною кровью наполнили этою Вуршли
 цакурвї. Их Вуршлїла шїлізір хар кулір ч'ві-ч'вел
 улицы. Этомъ Вуршлинскомъ селенїи въ каждой комнатѣ по два
 тупанг даж'лізірад ꙗꙗч дїкав, чула шї хајсул дугї цагла
 ружья посреднїѣ пусть треснутъ, нхъ селенїе берущуюся ночь на одно
 ꙗꙗнꙗ бадукунну. Их Вуршлїла шїлізір вахалї дур-
 не выстрѣлило ибо. Въ этомъ Вуршлинскомъ аулѣ цѣною доро-
 ка турмї фїнтїна маерꙗлі дїргав, Вуршлїла цагва рурсвї
 гїя сабли красною ржавчиною пусть сѣдаеть, Вуршлинскихъ красавицъ
 јаезїк кавїрꙗубїлі цаелла афїајтунтї; ца чїалла ꙗꙗр
 несчастными когда дѣлали никѣмъ не вынутїя; ни одинъ листь травы
 маꙗꙗв Вуршлїла шї алавлї, ꙗꙗрлїс ꙗꙗдїн вїцївну
 пусть не идетъ Вуршлинскаго аула вокругъ, травы вмѣсто ибо наполнилось
 урусла лїгувалї.
 русскихъ костюми.

Вуршлинскїй бой.

Вуршлинскїй кадїй написаль и отправилъ бумагу (пись-
 мо) къ Акушинскому кадїю: „Такъ какъ пришли русскїе, иди
 на помощь!“ Акушинскїй кадїй отправилъ отъ себѣ тоже
 бумаги во всѣ стороны, чтобы собрать войска. Войска вышли
 изъ Даргинскихъ ауловъ, подобно травѣ на землѣ, взявши
 столько знаменъ, сколько цвѣтовъ въ травѣ. Они отправились
 на помощь къ вуршлинцамъ. Войска расположились возлѣ гру-
 шеваго колодца. Всѣ они положили въ шапку жребїи, чтобы
 вынувшїе жребїи отправились въ аулъ Варшли. Жребїи вы-
 палъ на мивяхинскаго Чамса-кадїя. Хотя и не выпалъ жребїи,
 все-таки даргинскїе молодцы зажгли огонь на вершинѣ Иннї-
 аула, оставивъ вынушаго жребїи. Да простятся грѣхи тѣмъ,
 которые выйдя на войну, умерли какъ мужи; сдѣлавши укрѣ-
 пленїе изъ черныхъ бараньихъ шапокъ, они завязали бой и
 наполнили кровью вуршлинскїя улицы. Да треснутъ посреднї-
 нѣ надвое ружья, находящїяся въ каждомъ домѣ у буршлин-

цевъ, потому что въ ту ночь, когда брали ихъ селеніе, не было сдѣлано ими ни одного выстрѣла! въ этомъ аулѣ Варшли да заржавѣютъ отъ красной ржавчины дорогія сабли вуршлинцевъ, потому что, когда русскіе оскорбляли вуршлинскихъ красавицъ, никто ихъ не вынималъ! Пусть не растеть ни одной травки около аула вуршлинцевъ, потому что вмѣсто травы оно наполнилось костями русскихъ!

III.

Хунзакла талкунтела вѣзѣа.
Хунзахскихъ князей смерть.

Пуцатлан Пѣмзатлі казар ватазів: „Ваши лу, Умахан, Уцатлинецъ Хамзатъ письмо послалъ: „Иди ты, Умаханъ, Пуравалізі, Пуравара лугас лу віқ варқілі“. Ваѣ мурна войну, и войско дамъ тебѣ главою сдѣлавъ“. Полосою (съ) золотилі ділзуніл дуркал місрі тур віхун, вај' чум-а-саваѣдів томъ исписанною дороною египетскую саблю подвязалъ, станъ стянулъ цуварцла wjelhaj суніс дікаєні елі, суніиinna даренъ бѣлаго серебра поясомъ ему ударяющей если будетъ, и онъ чтобы отвѣдкєс; вај' мурхілі ділзуніл талпацара уѣајтун. титъ; (съ) средней золотомъ исписанной пистолетъ тоже заложилъ (за поясъ). Сунічу варх басдурів цуткран гвавза Вуѣара. „Ліwqmalіw-Съ нимъ вмѣстѣ приготовился цудахарецъ молодець Вуга тоже. Не иди қаєдра, Вуѣа, дічу варх Пуруназі.“ — „Лу увзуніл варбілі Вуга, со мной вмѣстѣ на войну. Ты умирающей день ва; павақісіа нура аваап алwақіпі, лачін діла Умане намѣревающей притти я отъ матери не родился-бы, соколъ мой Умахан“. Дісулі һадііів Хунзаклан Ваху: „Армєқаєда Пуша Пураванъ. Плача унала Хунзахка Ваху: Не идите вы на валізі іл ламартла казар далі ваһурдану.“ Watііів, аревойну это коварное (ложное) письмо я узнала ибо. Вышелъ, отпра- Ёон Хунзаклан Умхан; сунічу вархлі ліw цуткран Вуѣара. вилса Хунзахлинецъ Умаханъ; съ нимъ вмѣстѣ есть цудахарецъ Вуга тоже,

Чәтирті пидіу Пуду-мајдајзір, діқаллі шівіу Пәмзатла чәтир.
Палатки видять на Худу-майдань, отдѣльно видять Хаямата палатку.

Пәмзатла чәтилла һала арвйқwән:— „Ассаламу һәләјкум,
Хамзата палатки шпередь пошли: Ассаламу алайкумъ,

Һуцдатлан Пәмзат!“ — „Ва һәләјкум салам, лачин Ума-хан!“
Хуцдатиннець Хамзатъ! Ва алайкумъ саламъ, сокогъ Ума-ханъ!

Урчі чула дущів, һура-каварқів; іл чәтилла вуһна саві
Лошадей ихъ подержали, спѣшили (приняли); этой палатки во-внутрь ихъ

арвубів; чәтилла вуһнав зајвйқwіс кавіів, цув чәтилла дубнар
увели; палатки во внутри разговаривать стали, бѣлой палатки во внутри
валғніра дарқів. Сәһәт арабвйқwән чәтилла вуһнав, дураукуј
и молитвы совершили. Часа не прошло палатки во-внутри, вышедши

Пәмзат wәwйқwіс кај-ів: „Пүша һәдурдеја, һуза һурава, діл-
Хамзатъ кричатъ началъ: Вы приготовьтесь, гордые войска, заръ

һwіс дібів нәквазі цірһті гула унци!“ — „Дилуліw, Ума-
затъ попались въ руки жрыне откормленные быки! Любяшь-ли, Ума-

хан, макрула зај һуд?“ — „Дигулі ірзулла, wa цуткран Ву-
ханъ, измѣническія слова тебѣ? Любя слышу, о цудахарець Ву-

за.“ — „Нарі қанті мајруд, лачин Ума-хан.“ — „Сјеп қанті
га. Смотри не мягкимъ сдѣлайся, сокогъ Умаханъ. Затѣмъ мягкимъ

іруса, варкаван Аллаһ, ца варпіі аһину қwавва увқані?“
сдѣлаюсь, праведный Боже, не одинъ-ли день есть мужъ умирающій?

Пәмзатлі ціїв чәтилла дурав:— „Ума-хан дурјерхwі чәтилла
Хамзатъ позвалъ палатки снаружи: Ума-ханъ выйди палатки

дура!“ — „Wаллаһи һјерхwіша чәтилла дура, цув чәтилла һајві
наружу! Ей Богу не выйду палатки наружу, бѣлой палатки веревки

тулли дал-ара!“ — „Ірһwаја, wәкәеја, һуза муріді!“ Чә-
мечомъ пока не перерѣжутъ! Стрѣляйте, бейте, гордые моряды! Па-

тилла дуравад тупангүвй іwһів; һәвал һуза мурід Вузаан
латки снаружи ружья выстрѣлили; тронхъ бравыхъ морядовъ Вуга

кавушів, веһ чәлма вуршул Ума-хај кавшів. — „Діқwәј
убилъ, самой чалмой толстой Умаханъ убилъ. Отправившись

Пүша сатһаја хунзақлан Ваху, ділһуј сарі лајдақіс сумала
вы приведите хунзаку Ваху, зарѣзавши ее чтобы бросить на сжатое

куші!“ Ца даршал мурда сатііс варѣаів; пірјела аквалліс
поле! Около ста верховныхъ привести послать; къ полуденной молитвѣ

Хунзакле аваів, дабівајспір даргів Хунзаклан Ваху.
въ Хунзахъ они доѣхали, на молитвѣ (намазѣ) нашли Хунзахку Ваху.

Салам дітқарапі, савур-баварқів, салам дітквіпі-
Саламъ (конецъ намаза) пока не отдала, подождали, саламъ когда отдала

лі сунізі җај-ів:— „Ушідәкә Ваху шаһрустан баҗар,
ла, ей сказали: Закрой Ваху шахрустанскую (персидскую) бумагу,

іт пула Ума-хан лүзі ціңуліну.“ Дарқіҗла шје-
тотъ твой Умаханъ тебѣ заветъ ибо. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлали не на-

бахур палтар шјехулли, даршал мурда халар датдібів, арді-
дѣванное платье надѣвши, сто верховныхъ впереди пошла, отпра-

қwәен.— „Агваріа валас діла Умахан, Умахај датуріа Хун-
вилась. Что нѣтъ знаю мой Умаханъ, Умаханомъ оставленная Хун-

закла улка пірјела манзіра нам цәвлі сарі!“ Датдібів,
захская земля и въ полуденное время жнѣ темна есть! Пошла,

дітаів Пуду-мајдајмі; Пәсмзатла четілла хала датдібів; кајкілі
дошла на Худу-майданъ; Хамзата палатки впередъ пошла; унавшимъ

піу сунна Ума-хан; суніла мәдлів цутқран Вуҗа лів.
видитъ своего Умахана; его возлѣ цудахарецъ Вуга находится.

— „Арцла сіранів ајқуріа Ума-хан, хан; сјен дақівара
Въ серебряной юлькѣ выкормленный Умаханъ, сонъ зачѣмъ попалъ

сумала күпір? Мурҗела утані кер-ул пу Вуҗа, һәңҗе
на не сжатошь полѣ? На золотое кресло садившійся ты Вуга, на земляной

қвалліші сен пу карітәкіллә? цуварцла мікурві хун-
обрывъ зачѣмъ ты оперся? изъ блага серебра груди хунзах-

зак талкунті, сјен лүні кавушадје, імансіз Пәсмзат!“— „Дәк-
скихъ князей, зачѣмъ ты убилъ, нечестивый Хамзатъ! Много

кіа җај мадірқудну, һәвсур шіббаті, халав нәкѣ вај-івіс
разговору не дѣлай, бешметъ скинь, прежде руку отрѣзавшему

вітуган савину; һілі діцарапі чакмара пірдаті, пу
отданъ должень быть ибо; кровью пока наполнятся и сапожки скинь, тебя

таман-дарқівіс дітугантіну. Іwhаја, вәкәја, йуҗа мури-
докончившему ибо должны быть отданными. Стрѣляйте, бейте, гордые мюри-

ді, халав нѣѣ вай-івіс ꙗвсур асаја, таман-кадѣривіс чакма
ды, прежде руку отрѣзавшему бешметъ возьмите, докончившему сапожки
асаја!“ Пунул кадупівіс талѣѣ ꙗлуга, даарі алгівну
возьмите! Женщину убившему счастья не дастъ, достаточнаго ибо не даю
сај кавш ꙗмзатліс.
онъ да будетъ убить Хамзату.

Гибель хунзахскихъ князей.

Худатлинецъ Хамзатъ послалъ письмо: „Иди ты, Умаханъ, на войну; я отдамъ тебѣ войско подъ твое начальство.“ Онъ подтянулся поясомъ изъ бѣлаго серебра, привязалъ дорожную египетскую саблю съ клинкомъ, исписаннымъ золотомъ, для того, чтобы отвѣтить, если кто ударитъ его; онъ заложилъ за поясъ и пистолетъ съ серединой, исписанной золотомъ. Съ нимъ приготовился и цудахарецъ Вуга.— „Не иди, Вуга, со мной на войну, потому что я иду на призывъ ложнаго письма.“— „Пусть-бы не родила меня мать, если я не пойду съ тобой въ день твоей гибели, о мой соколъ Умаханъ.“ Рыдая упала хунзахка Ваху: „Не ходите вы на войну, потому что я угадала, что это письмо ложное!“ Вышелъ и отправился хунзахлинецъ Умаханъ; вмѣстѣ съ нимъ отправился и цудахарецъ Вуга. Они видятъ уже палатки на Худу-май-данѣ и видятъ отдѣльно палатку Хамзата.— „Здравствуй, худатлинецъ Хамзатъ!“— „Здравствуй и ты, соколъ Умаханъ!“ Взяли ихъ лошадей, а ихъ самихъ увели въ гости во-внутрь этой палатки. Въ палаткѣ они завели разговоръ и въ серединѣ бѣлой палаткѣ совершили молитву. Не прошло и часу времени, какъ Хамзатъ вышелъ изъ палатки и началъ кричать: „Приготовляйтесь бравыя войска, потому что въ наши руки достались (рѣзать) жирныя, откормленные быки!“— „Любо-ли тебѣ слышать эти измѣнническія слова?“— „Любо мнѣ, и я ихъ слышу, о цудахарецъ Вуга.“— „Смотри, не смягчайся сердцемъ, соколъ Умаханъ.“— „Зачѣмъ мнѣ печа-

литься, о праведный Боже? Развѣ далъ Онъ не одинъ день для смерти человѣка?“ Хамзатъ позвалъ за палаткой: „Умаханъ, выйди изъ палатки!“ — „Ей Богу не выйду изъ палатки, пока мѣсть веревки бѣлой палатки не будутъ перерѣзаны саблей!“ — „Стрѣляйте, бейте, о гордые мюриды!“ Снаружи палатки раздались выстрѣлы изъ ружей. Вуга убилъ троихъ бравыхъ мюридовъ, а Умаханъ убилъ мюрида съ самой толстой чалмой. — „Идите и приведите ко мнѣ хунзаху Ваху, чтобы зарѣзать ее на сжатомъ полѣ!“ Сто мюридовъ было отправлено въ Хунзахъ; они доѣхали туда въ полдень и нашли хунзахку Ваху на молитвѣ. Пока она молилась, они ждали, а когда она кончила молитву, сказали ей: „Закрой, Ваху, шахрустанскую бумагу (коранъ); твой Умаханъ зоветъ тебя.“ Одѣвшись въ платье, ни разу еще не надѣванное съ тѣхъ поръ, какъ спили, она отправилась впереди сотни мюридовъ. — „Я знаю, что Умахава нѣтъ болѣе; хунзахская земля, покинутая Умаханомъ, мнѣ и днемъ кажется темной.“ Она доѣхала до Худо-майдана, пошла къ палаткѣ Хамзата и увидѣла павшаго Умахана, а рядомъ съ нимъ лежалъ и цудахарецъ Вуга. — „О Умаханъ, воспитанный въ серебряной люлькѣ! Зачѣмъ попалъ на тебя сонъ на непаханномъ полѣ? А ты, Вуга, сидѣвши на серебряномъ стулѣ, зачѣмъ-же склонился къ земляному обрыву? Зачѣмъ ты, коварный Хамзатъ, убилъ сереброгрудыхъ хунзахскихъ князей?“ — „Не говори много, а сними бешметъ, чтобы отдать раньше всѣхъ отрѣзавшему руку твою; скинь и сапожки, пока мѣсть наполнятся кровью, чтобы отдать покончившему съ тобой. Стрѣляйте, бейте, brave мюриды! Отрѣзавшему прежде всѣхъ руку отдайте бешметъ, а докончившему отдайте сапожки!“ Не будетъ счастья тому, кто убьетъ женщину, какъ не достаточно (полнаго) счастья у достойнаго смерти Хамзата.

IV.

Пѣмзат кавшне далај.
О Хамзата убіеніи гѣсна.

Дуге шала дікажі шімі насів Салталара Кудалара
Ночи свѣтъ пока насталь селенія взяль Салтинское и Буда
хуцдатлан Пѣмзатлі; Ывѣнпучъ варбі авукара дувурташі ші-
хуцдатлинець Хамзатъ; утромъ солнце пока взошло на горы взо-
wæbîbîv, пірје аквар вѣлчараші сјенгурті таман-дарқів; сјен-
брася, полудня молитву пока прочли укрѣпленія оковчили; укрѣ-
гјелла бѣблѣшівад Пѣмзат баріқwіс kaj-iv, ix цуткріла
пленія со спини Хамзатъ смотрѣть сталъ, въ этомъ цудахарскомъ
шілізір сі-бѣл сарјера ілі. Лівqwæлі тев шівіу дірзлізів цѣ-
селенія что есть сказавъ. Идущихъ тамъ видять въ битвѣ могу-
қіл цуткур. — „Чум-алі бадізіра қарақјела qwaчнарті!“ Лівq-
чихъ цудахарцевъ. Крѣпко стоите аварскіе владѣтели сумокъ! Иду-
wæлі ківіура тwæfмазів кунѣ бѣяквант. — Пѣдулли бадізіра
цихъ видять въ ногахъ легкихъ алквантцевъ. Наготовѣ стоите
бандавулла warннарті!“ Вурзүлі Ыббірдара ца қаділа
авдавурскихъ бурокъ владѣтели! Сражася пока не погибла одного каді
пуравай кар дувура діціків діріwліін бѣдаон. Пѣмзатла пу-
войско верхъ горы наполнило какъ туманъ лошину. Хамзата вой-
равалі пірјекі ваараші дѣрқівті чу'ні сјенгер сјенгеллізі ал-
скомъ до полудня наступленія сдѣланныя ими укрѣпленія за укрѣпленія не
ділбун, ца-ца тупанг ірhwілі шіді таслі арвіqwæн. Веѣ
сочло, по одному ружью выстрѣливъ сверху прыгнувъ ушли. Прежде
һалав аваівтес хwалал давлара вѣііv, Ылаv-он аваівтес бѣв-
вѣхъ дошедшимъ большое богатство досталось, попозже дошедшимъ по
бѣвал урчі діііv. Ли хуцдатла Пѣмзат Ылаwæліі һав-
три лошади достались. Этотъ хуцдатскій Хамзатъ обратно бѣ-
укун; хуцдатла місқітле суніін діван дарқів: — „Цѣ-
жалъ; въ хуцдатской мечети онъ совѣщаніе (судъ) сдѣлалъ: За-
бѣ цумæb-варбілі тупангуні махуда, тапанцуні, Ынцултіра ма-
тра въ пятницу ружьей не носите, пистолетовъ, кинжаловъ не

худа, іварагла шаріѣет дігул варпі савіну!“ Діваннізів
носите, пророка шаріатъ прохсодящій день есть ибо! На совѣщаніи
зај варқів Ѓәлі Іскандер Чәенґа: *) „јарақ ахілі дақіс
разговоръ сдѣлалъ Али Іскандеръ Чанка оружіе не привесли притти
аршіѣарад лірқwәллw?“ Пірјела аевар вилчун, халқ даѣивај-
съ жатви развѣ идемъ? Полуденную молитву проѣли, народъ на на-
ші вірwәен. Місқитла бапулічу Пәмзатлі бәраул батур,
мазъ пошевъ. Мечети у воротъ (дверей) Хамзатъ караулъ поставилъ,
„јарақ лірхулі лірқwәл маліwқәкәда“ ілі. Даѣивајші wa-
оружіе нося приходящаго не пускайте сказавъ. На намазъ от-
тіһів Ѓәлі Іскандер Чәенґа сунна јарақра сајра. Капуліwіа
правилъ Али Іскандеръ Чанка съ своимъ оружіемъ и самъ. Привратный
бәраул мәқәд ілі віқујје, — „наѣвзів чулај сајра, ліпвзів
караулъ не иди говоря хотя говорилъ, въ рукахъ калѣка есмь, въ умахъ
һwәенґа сајра, чунгла хавар дігулла“, іқулі бәраујзі, аріқwәј
глухой есмь, книги разсказъ хочу“, говоря караулу, пошедши
сај ташбајзур Пәмзатла варһлі һіла, бәвал суннатра дарқів,
овъ сталъ Хамзата прями саади, три сунната сдѣлалъ,
„варі чархара“ ілі Пәмзатла дуліқлізі бәвал бәрпәера іw-
„вогъ за здравіе“ сказавъ Хамзата въ легкіа три пули вы-
һів. Чум-аті бәлмабар дів һуңдатла місқитанір, улқ-
стрѣлгъ. Крѣикіе (большіе) безпорядки были въ хуңдатской мечети, изъ
лавадлі һawуқун Ѓәлі-Іскандер-Чәенґа; хwалал варчан әкілі
огна убѣжалъ Али-Іскандеръ-Чанка; большую рѣку перешедши
Цудакарі сај waқів, „Пәмзат кавшівда“ ілі цуткуліс
въ Цудахаръ онъ пришелъ, Хамзата убилъ я сказавъ цудахарцамъ
хавар хілі. Пудатлан Пирдаціін чарлі казар датаів „Пәм-
вѣсть принесши. Хуңдатлинець Пирдаць обратно письмо послалъ Хамзата
зат кавшівіл душман ірцмјерцукуда“ ілі.
убившаго убійцу не оставьте (въ живыхъ) сказавъ.

Убіеніе Хамзата.

Еще до разсвѣта Хамзатъ взялъ селенія Салту и Куду.
Раннимъ утромъ, до восхода солнца, онъ поднялся на горы, а

*) Двокродный братъ убитаго Умакана.

пока насталъ полдень, кончилъ укрѣпленія. Сзади укрѣпленія Хамзатъ сталъ высматривать, чтобы узнать происходящее въ цудахарскомъ аулѣ: онъ тамъ увидалъ идущихъ могучихъ въ битвѣ цудахарцевъ (и сказалъ): „Твердо стойте, аварскіе носители сѹмокъ!“ Далѣе онъ видитъ идущихъ легко-погихъ аякантцевъ (и говоритъ): „Крѣпко держитесь, владѣтели аядавурскихъ буроекъ!“ Не успѣвши погибнуть еще, войска одного кадїа наполнили вершину горы, какъ туманъ (наполняетъ) долину горъ. Войско Хамзата не сочло за укрѣпленія то, что оно построило до полудня, и, сдѣлавъ по-одному выстрѣлу, перескочило черезъ нихъ и пустилось въ бѣгство. Раньше всѣхъ пришедшимъ (цудахарцамъ) досталась большая добыча, дошедшимъ по-позже досталось по три лошади. Худдатлинецъ Хамзатъ бѣжалъ обратно. Въ Худдатлинской мечети онъ устроилъ совѣщаніе (и сказалъ): Въ завтрашнюю пятницу не носите съ собой ни ружьевъ, ни пистолетовъ, ни кнжаловъ, потому что завтра-день, въ который исполняется шарїатъ пророка!“ Въ совѣтъ заговорилъ Али-Искандеръ-Чанка: „Мы развѣ идемъ съ жатвы, чтобы не носить оружія?“ Прочѣли полуденную молитву, и народъ пошелъ на намазъ. У дверей мечети Хамзатъ поставилъ караулъ, приказавши не пропускать никого съ оружіемъ. На намазъ отправился и Али-Искандеръ-Чанка, имѣя съ собой оружіе. Хотя привратный караулъ говорилъ ему, чтобы онъ не входилъ, но онъ, сказавъ: „Я не владѣю руками, не слышу ушами, желаю услышать рассказъ изъ книги“, вошелъ и сталъ прямо за Хамзатомъ. Онъ совершилъ три молитвы (суннатъ) и, сказавъ: „вотъ на здоровье!“, всадилъ три пули въ легкія Хамзата. Въ Худдатлинской мечети произошли большіе беспорядки. Али-Искандеръ-Чанка выбѣжалъ изъ окна. Перешедши большую рѣку, онъ прибылъ въ Цудахаръ съ извѣстіемъ объ убійствѣ Хамзата. Худдатлинецъ Пирдацъ прислалъ туда-же (слѣдующее) письмо: „Не оставьте въ живыхъ убійцу Хамзата!“

V.

Мусала Ҳедалаула нунар.
Муси Адалави подмигъ.

Мусала Ҳедалаули дилқун казар, датазів Шиндаурла
Муси Адалавъ написалъ писмо отправилъ въ Шиндаурския
шимазі: „цанніс Һалжан ісуті, Һедур-дihwaja,“ ілі, „гур-
селенія „душъ рай покудающіе пригответесь“ сказавъ „на гру-
цїле буравалі“. Дугје шала дикажі Ҳедалау вабул Һунні
зигъ войною“. Ночи свѣтъ пока насталъ Адалавъ идущій на дорогъ
бурава цайна-вїчів; бѣбвїхублі арвїшван Цаври-Һарқла музани,
войско соединилось; двинувшись пошли Каври-рѣки на возвы-
Цаври-Һарқра зеківлі гурцназі біттакбукун; даулагіс
неніе, Каври-рѣку перешедши къ грузинамъ направились; какъ богатства
ілі Һасів цудар сақлала тупі, Һунні варқисра вуців азнаур
сказавъ взяли чернаго сука туюк, женами сдѣлать поймали азнаур-
цагва рурсві. Һасівлі хвалал даула Һелумвѣблї чар-
скихъ красивыхъ дѣвушекъ. Взявши большое богатство обратно верну-
вукун; ја-рахлі хавар дїчів саж каушла Лїпїханліс, *) Һірҫі
лісь; случайно вѣсть дошла онъ да будетъ убитъ до Липихана, въ до-
Чәпар ватаів „мур-ул зѣпсі іһодлі дәула Һәләл дїх-
гонку Чәпара отправилъ „мужъ хорошій если еси битвы результатъ пока
вара дура лешҫуннідану!“ — „Мур-ул қалї зѣпсіда, қуқә қалї
случится и я иду!“ Мужъ-то хорошъ а, войско очень
қїла лїр, дәула Һәләл дїхвара ірҫән сажра ну“ івлї,
малое есть, битвы слѣдствіе пока случится сражающійся есмь я“ сказавъ,
Һәлум Чәпар ватазів. Муснела лерҫун қарцад тавдте ду-
обратно Чәпара отправилъ. Изъ земли идущая какъ трава горци слу-
рававукун, қарлїзїдїл шавнецад туптупхана Һасівлі; Ҳедалаура
стїлись, въ травѣ какъ цвѣтки пушки взявши; и Адалавъ
ташїзур Цаври-Һарқла музани. Дуцї шала дївара Һә-
остановился Каври-рѣки на возвышенїи. Ночи свѣтъ пока насталъ Ада-
далау чар мајдунтї чәгїрталї цударқів гурцнала буравалї;
лава вокругъ мѣстности палатками побѣлили грузинское войско;

*) Липиханъ — князь или царь Грузїи.

леді Кізікла вургје мурдавалі діцаків. Ївѣннуѣла кукрје
 всѣ Кезика вершини верховини валопили. Утреніе намази
 дарқів, кура гіттіра дарқів чула дуркасі валга; ја мус-
 совершили, и намазъ и тѣ совершили ихъ дороги молитви; и земли
 нера зуврера Аллаһізіе дулгулі, ја вазра ја варбіра амин івлі
 и небеса Богу молясь, и луна и солнце аминъ сла-
 дігулі, „Ғәдалаула қуқәліс га, Аллаһ, талиһ“ івлі. Ївѣн-
 завъ говора, „Адалава войску дай, Боже, успѣхъ“ сказаъ. Утро
 нуѣ пірхвјерлізіла тупангла дір; дабдішів Ғәдалаула қуқәлі;
 пока вспихнуло ружейный бой начала Адалава войско
 саві мурдалі вабул цанніркар ібар урчі куврјела
 (топш); они верхомъ идущихъ тѣмъ душа дороже лошадей въ шеяхъ
 кадәкәвлі сангуртас саллі қаур. Чу-џвел вірху, зај-
 отрѣзавши для укрѣпленія впереди положили. По-два становятся, гово-
 віқвар азнаур цагва рурсві, дуцівлі арһуд івлі Дәғустанна
 ратъ азнаурскія красивыя дѣвушки, поймавши поведуть сказаъ Дәгестана
 улвалје. Гурцналі міллат варқів: „вашігва һу шурукін,
 въ землю. Грузины просьбу сдѣлали: иди-ка ты вернись,
 ва Мусала Ғәдалау, сәһлі мурһі умцідну, вархалі арц кал-
 о Мусы Адалавъ, мѣркой золото я дамъ, мѣрой серебро выси-
 қідну, давла івлі іқваді!“ Луггај давлара сассів, ца-ца
 пшю ибо, богатства сказаъ если говоришь! Даваемое войско они взяли, по-одной
 рурсвјера вуців, сај чарукунні ваџів іл Мусала Ғәдалау.
 дѣвушкѣ поймали, онъ вернувшись пришель этотъ Мусы Адалавъ.

Подвигъ Мусы Адалава.

Адалавъ, сынъ Мусы, написалъ и отправилъ въ Шин-
 давурскія селенія (слѣдующую) бумагу: „Желающіе купить
 рай для души своей, приготовьтесь на войну противъ грузинъ!“
 Не успѣла еще вспыхнуть заря, когда войско собралось на
 дорогѣ, по которой ѣхалъ Адалавъ, и направилось къ возвы-
 шенію рѣки Каври; затѣмъ перешли эту рѣку Каври и дви-
 нулись къ грузинамъ. Они захватили, какъ добычу, тюки чер-
 наго сукна, а также поймали азнаурскихъ красавицъ себѣ въ

жены. Взявши большія богатства, они двинулись въ обратный путь; но случайно слухъ объ этомъ достигъ до Липихана—да погибнетъ онъ убитымъ! Онъ въ догонку послалъ Чапара, сказавъ: „Если ты хорошій мужъ, то я приду, чтобы рѣшить дѣло битвою!“—„Мужъ-то я не плохой, только войско у меня весьма малое; я сражаюсь всегда до исхода битвы“, сказавши онъ отправилъ Чапара обратно. Вышло (изъ горъ) столько грузинъ, сколько травы на землѣ, взявши съ собой столько пушекъ, сколько цвѣтовъ въ травѣ. Адалавъ остановился на возвышеніи рѣки Каври. Пока разсвѣло, грузинское войско наполнило мѣстности, лежащія вокругъ Адалава бѣлыми палатками; всѣ вершины Кизика наполнились всадниками. Рано утромъ они (аварцы) совершили свой намазъ, а также прочли свои драгоценныя молитвы. И земля и небеса молились (съ ними) Богу, и луна и солнце повторяли аминь, говоря: „Дай, Боже, успѣхъ (войску) отряду Адалава!“ Утромъ, пока вспыхнула заря, началась ружейная пальба; отрядъ Адалава зарѣзалъ лошадей своихъ, которыя были для нихъ дороже души, и положилъ передъ собой для прикрытія. Азнаурскія красавицы стали сходитья по-двѣ и говорить стали о томъ, какъ ихъ схватятъ и увезутъ въ Дагестанскую землю. Грузины обратились съ (слѣдующей) просьбой: „Вернись обратно, Адалавъ, сынъ Мусы; за это мы отмѣримъ тебѣ золото мѣркою и высыпемъ серебро большою мѣркою, если тебѣ нужны богатства“. Адалавъ, сынъ Мусы, взялъ предложенную добычу, кромѣ того по одной дѣвицѣ для каждаго (воина) и вернулся обратно.

VI.

Казамилъ Гѣлі.

Казамилъ Али.

Арцілі ірцілі ца цагва рурсі
Отъ дурной травы очаящая одна красивая дѣвушка

Шініш ургувалібер сарі лілле,
На зеленой ниві она будучи,

Чідділа сарваців ца-вербал гурці;
Сверху пришли семь грузинь;

Веранна гурціла цуддара урчі,
У семерихъ грузинь черныя лошади,

Веранна гурціла цуварцла жарац.
У семерихъ грузинь изъ благаго серебра оружіе.

„Гералтуніл валхад цудар гурціналі,
Что не оставятъ знаю черныя грузины,

Їаєклі мучі деѳвај дудешра шевқав,
Далеко (высоко) просо посіявшій и отецъ пусть умретъ.

Варха павақажті узвера алхвав,
Вмѣстѣ не пришедшіе и братья пусть умрутъ,

Ну ірце ратақаж діла неш реқав!“
Меня въ поле пославшая моя мать пусть умретъ!

Сунелі чајкул цуварцла карлуц
Ею надѣваемое изъ благаго серебра ожерелье

Арціла қәлшілі ілла қац-барқів,
Травы горстью и его прикрыла,

Вецаанна тул деців цуварцла тулемје
Десятъ пальцевъ наполнившія изъ благаго серебра кольца

Мучіла чувкеліші ілді чеарнур.
Проса на колосья ихъ нанивала.

Саві чіккавеқів цуддара гурціне:
Они приблизились черныя грузины:

— „Шініш ургувлебар һіла чје сарде?“
На зеленой ниві ты кто такая еси?

— „Веранна узіла рузі сарда ну,
Семерихъ братьевъ сестра есмь я,

Віқ һәніл адала рурсіра сарда,
Головою сядого отца и дочь есмь,

Казаміл һәліла һалмазра сарда.“
Казамиль Али и подруга есмь.

— „Веранна узіра нушјела душман,
И семеро братьевъ наши кровники (враги),

Веқ бәніл адара нушјела душман,
И головою сѣдой отецъ нашъ врагъ,

Казаміл Бәліра һатіра душман,
И Казамилъ Али еще богѣ врагъ,

Рудаја, рикаја кәбвала рурсі!“
Схватите, ведите позорной женщины дочь!

Ліфа нәѣ дучівлі урчіле һасів;
Правую руку взявши на лошадь взяли;

Аһи-івлі рісу іл міскін рурсі
Горько плачетъ эта бѣдная дѣвушка

Шінна һулвіһала дақ-бадақара.
Вода изъ глазъ пока не перестала течь.

— „Верлал далі дірқул һуwal дурқал какъ,
Днежъ мною совершаемыя пѣть дорогихъ молитвъ,

Аман сјеін дірқусје Гурґістаннісір,
О какъ буду совершать въ Грузіи,

Кавлі һитті дулгајті дівһеті валга
На намазѣ эти читаемыя маленькія молитвы

Неһе һадірқідда кіласалиһад!“
Теперь я не буду совершать въ церкви!

Лаг-һатһал һарріқвар іт міскін рурсі,
Вверхъ-внизъ смотритъ эта бѣдная дѣвушка,

Чідділа сарвачів мазала вуқун,
Сверхъ пришелъ овечій пастухъ,

— „Аллаһ ваһанадан, мазала вуқун,
Бога ради овечій пастухъ,

Казаміл Бәлічу ца хавар дуһа,
Къ Казамилъ Али одну вѣсть понеси,

Верал узілічу wәwdиш дивака,
Къ семернымъ братьямъ крикъ отнеси,

Рудівлі арқудда һудар гурґиналі.“
Пойманная увожусь черными грузинами.

— „Казаміл Ђæлічу хаварра архід,
Къ Казамилъ Али и вѣсть отнесу,

Пала цува мѣкрі дерчвіс гадалі,
Твою бѣлую грудь съѣсть если дашь,

Вербал узілічу wæwdиш дѣркакід
Къ семернимъ братьямъ крикъ отнесу!

Ївел цуддара пулі дерціс гадалі.“
Два черныхъ глаза выпить если дашь.

— „Дерчвіс сеп лугганѣ цува мѣкрі,
Съѣсть зачѣмъ давать бѣлую грудь,

Дерціс сен луггане цуддара пулі,
Выпить зачѣмъ отдать черные глаза,

Руцівлі арбулда цуддар гурцналі?“
Пойманная уведима черными грузинами?

Рурсі jæзіk-різур зарів дурбæліс,
Дѣвушка жалка стала бѣдному мальчику,

Сунелі дікуріл даршанна маза
Имъ вскормленную сотню овецъ

Їрба һитте іһув, давурле дерчвіс.
Палку въ нихъ пустиль, въ горы погналь.

Лела дуцукун мазала вуқун,
Оттуда побѣжалъ овечій пастухъ,

Сай гумајзіw *) варців Казаміл Ђæлі.
Его на гумаѣ нашель Казаміла Али.

— „Валqважі, Ђæwіxwі, бæла qавул һалмаз
Поторопись, поспѣши, твою избранную подругу

Руцівлі анручів цуддар гурцналі!“
Поймавши уведи черные грузины!

Сай мурдалі дівул цуддара урчі
Овъ верхомъ водному черную лошадь

Цуварцла рахтілі іл qвачaj-варців,
Изъ бѣлаго серебра подругой ее подтянуль,

Ца-вербал саздакра кәклізі діхун;
И около семи стрѣлъ къ снѣгъ привязалъ;

*) Гумај—мѣсто, гдѣ собираются ираидные жители.

Лєла дуцукун Казаміл Їєлі,
Оттуда поскакалъ Казамиль Али,

Вербал-вербла һуні ца варбі датур;
Семи-дневный . путь въ одинъ день проѣхалъ;

Арбуни чивігу цуддара гурцні,
Удаляющихся видеть черныхъ грузинъ,

Кркулі чідіу сунела һалмаз;
Увозимую видеть свою подругу;

Їєлум-вєѣ шурвукун цуддара гурцне,
Назадъ повернулись черные грузини,

— „Узінну һекечи Казаміл Їєлі,
Стой перестань Казамиль Али,

Їанц чацла һєрбєлі тєрквєд-іқуддіну,
Синяго свинца пулей ибо продырявимъ,

Їанціл хіпцулталі чувај-ірқуддіну!“
Синими книжками ибо раздвоимъ!

— „Уз-һєвқуд, һєкһјєркуд, цуддара гурцне,
Не стану, не перестану, черные грузини,

Дірз һитті агварлі һалмаз һєкакід!“
Виты той безъ подругу не пуцу!

— „Ца Аллаһ ваһандан, ца діла һалмаз,
Единаго Бога ради, единственный мой другъ,

Ца ду ваһанадан һу увз-мјєвқудра?“
Одной меня ради ты не умирай?

Гурцналі іwhура, Їєліс чіһјєјгу;
Грузини стрѣляютъ, въ Али не попадаютъ;

Їєлілі ірһура, ца вјєркуккура.
Али стрѣляетъ, одного укладываетъ.

Вєранна гурцнєла таман-каварқів,
И семерыхъ грузинъ окончилъ,

Вєранна гурцнєла јарақ һадєрдєв,
И семерыхъ грузинъ оружіє содралъ,

Гурцнєла урчілє сај мурда-іжів,
На грузинъ лошадь онъ сѣлъ,

Сунела урчіле һалмаз һадатур.

Ма свою лошадь подругу посадилъ.

Цъела чарукун Казамил Ёселі;

Оттуда вернулся Казамиль Али;

Левбунни вѣбѣжів веранна узі;

Идуціе встрѣтились семь братьевъ;

Рурсі һала-рукун, һѣвал зај дарқів:

Дѣвушка впереди стала, три слова сдѣлала:

— „Ца Аллаһ ваһандан, веранна узі,

Единога Бога ради, семеро братьевъ,

Кірзула нѣклиѣад ѣйва датіра,

Ястреба въ лапахъ куропатку оставьте,

Сунела һунарлі рарһратукуддану!“

Его подвигомъ ибо я избавлена!

Һаѣнра вѣбиччів вјеқ һѣніл ада,

Еще встрѣтился головою сѣдой отецъ,

Пәдула қацалі мај-а ушкувлі.

Бараньей лапайой потъ вытирая.

Қана чідасівлі вусрав-қадарқів:

Платокъ снявши стала умолять:

Ја вѣцла қаклеѣад муқара даті,

И волка въ пасти ягненка оставь,

Сунела һунарлі ратакурдану?“

Его подвигомъ ибо я избавлена?

Кірзула нѣклиѣар ѣйвара ратур,

Ястреба въ лапахъ и куропатку оставили,

Ја вѣцла қалеѣад муқара датур,

И волка въ пасти ягненка оставили,

Іл Сапарла һујшід маһар һадішів:

На этой Сапара дорогѣ обручение совершили:

Ілді чъел зарівла мурад дитаһур.

Этихъ двухъ бѣдняковъ счастье (желаніе) исполнилось.

Казамиль Али.

Одна красивая дѣвушка очищала зеленую ниву отъ сор-

ныхъ травъ, и ее застигли семь грузинъ; у всѣхъ семи грузинъ были черныя лошади, у всѣхъ семи грузинъ—серебряное оружіе.— „Я знаю, что черныя грузины не оставятъ меня; да погибнетъ отецъ, посѣявшій такъ отдаленно просо, пусть гибнуть и братья, не пришедшіе со мною, да умереть и мать, пославшая меня на работу“. Такъ сказавъ, она прикрыла свое серебряное ожерелье горстью травы, а также надѣла на колось проса серебряныя кольца, наполнявшія всѣ десять пальцевъ. Черныя грузины подѣхали къ ней.— „Кто ты такая на зеленой нивѣ?“ — „Я сестра семи братьевъ, дочь сѣдого-старца-отца, и подруга Казамиль Али.“ — „И семеро братьевъ, и старикъ-отецъ и Казамиль Али—всѣ наши враги, ловите, ведите ее, дочь позорной женщины!“ Взяли ее за правую руку и посадили на лошадь; бѣдная дѣвушка начала плавать до тѣхъ поръ, пока не высохли глаза отъ слезъ.— „Совершаемая мною пять драгоценныхъ молитвъ, о какъ я буду совершать васъ въ Грузіи? Не придется мнѣ читать въ церкви молитвы, читаемая во время намаза.“ Бѣдная дѣвушка стала озираться то вверхъ, то внизъ; сверху показался овечій пастухъ.— „Бога ради, овечій пастухъ, понеси одну вѣсть къ Казамиль Али, къ семи братьямъ крикъ донеси, ибо меня поймали и уводятъ черныя грузины.“ — „И вѣсть отнесу къ Казамиль Али, если ты дашь поѣсть твои бѣлыя груди, и крикъ возвѣщу семи братьямъ, если ты дашь испить твои оба черныя глаза.“ — „Зачѣмъ-же отдавать мнѣ черныя глаза, чтобы выпить, зачѣмъ отдавать мнѣ бѣлыя груди для сѣденія, меня вѣдь пойманную уводятъ черныя грузины?“ Бѣдный мальчикъ пожалѣлъ дѣвушку, кинулъ палку въ сотню овецъ, выворвленную имъ самимъ, и прогналъ ее въ горы, а затѣмъ онъ побѣжалъ и нашелъ на гумаѣ Казамиль Али.— „Скорѣй, поспѣвши, твою избранную подругу поймали и увезли черныя грузины“. Свою черную верховую лошадь Казамиль Али подтянулъ серебряной подпругой, привязалъ къ спинѣ семь стрѣлъ

и поскакалъ. Онъ въ одинъ день проѣхалъ семидневный путь и увидалъ ѣдущихъ черныхъ грузинъ, увозившихъ его подругу; назадъ повернулись черные грузины: „Перестань, удались, Казамиль Али, вѣдь мы продырявимъ тебя синими, свинцовыми пулями и разрѣжемъ тебя синими винжалами.“ — „Не оставлю, не удалюсь, черные грузины, безъ боя не позволю вамъ увести подругу мою!“ — „Ради Единаго Бога, единственный другъ мой, не подвергай себя смерти ради одной меня?“ Грузины начали стрѣлять, но не попадаютъ въ Али; стрѣляетъ Али и укладываетъ одного изъ нихъ. Онъ покончилъ съ семью грузинами, содралъ оружіе съ нихъ и сѣлъ самъ на лошадь грузина, посадивъ на свою лошадь подругу свою. Затѣмъ Казамиль Али пустился въ обратный путь. Онъ встрѣтился на пути съ семерыми братьями; дѣвушка стала передъ ними и заговорила три словца: „Ради Единаго Бога, семеро братьевъ, вы оставьте въ рукахъ ястреба куропатку, ибо я освобождена его подвигомъ?“ Затѣмъ встрѣтился съ ними старикъ-отецъ съ сѣдой головой, вытирая потъ бараньей шапкой. Она скинула платокъ и обратилась къ нему съ просьбой: „Оставь, отецъ, ягненка въ пасти волка, ибо его подвигомъ я избавлена?“ Въ рукахъ ястреба и куропатку оставили и въ пасти волка ягненка оставили и на этомъ пути Сапара обручили ихъ, чѣмъ осчастливили этихъ двухъ бѣдняковъ.

~~~~~

VII.

Хвалчвар Ваһадур.
Холчварь Вахадурь..

— „Павідај-ці, wa нiш, чјевiл Хузакле,
Итгi-ль, о матъ, въ верхній Хузахъ,

Ѓiрђi-вачiвлi лев Хузага талканна?“

Посланное есть отъ Хузахскаго хана?

— „Армæзд, ва дурбæ чјевіл Хунзакле,
Не иди, о сынъ въ верхній Хунзахъ,
Пу бјејгуті вæккіл Хунзла шілізів.“
Тебл не любящихъ много въ Хунзахскомъ селеніи.

Нешлі ај баварқів турла Ваһадур,
Матерью связаннаго не сдѣлалъ сабли Вагадуръ,

Һира-вачів дурбæс дукна унц дечів,
Посланному юношѣ стараго быка отдадъ,

Хунзакла рурсвајслі тулкмјера һасів,
Хунзахскимъ дѣвушкамъ и кольца вьзлгъ,

Һајварқів, һаріqwæн турла Ваһадур.
Погналъ, отправилса сабли Богатырь.

Хунзакла ганзіле һјезівлі-лівлі,
На Хунзахскую лѣстницу когда дохчалъ,

Ца даста вѣбæцив булукавјела;
Одна толпа встрѣтилса юношей;

Салам дитѣвбјера, салам сад-һасів;
Саламъ (привѣтъ) хотя онъ отдадъ, саламъ они не приняли;

Хунзакла талканна кулі арјеһван.
Хунзахскаго князя въ домъ отправилса.

Тавхунті діцівлі лев Хунзла талкунті:
Комнаты (гостинныя) наполнивъ естъ Хунзахскія князья:

— „Ассаламу Һæлајкум, Хунзла талкунті!“
Ассаламу Алайкумъ, Хунзахскія князья!

— „Ва Һæлајкум салам, турла Ваһадур,
Ва алайкумъ саламъ, сабли Богатырь,

Ваши һура-варқа, турла Ваһадур,
Иди остановись (гостемъ), сабли Богатырь,

Талкунтас баварқај буллубъ вірқідну.“
Князьмъ не оказанную услугу (пріемъ) окажемъ.

Талкунтела һајкла јарақра һаків,
Князей на вѣшалку и оружіе повѣсилъ,

Нішла дѣбәлиһар һадіхун нубви
Матери съ колибели не привязанныя руки

Цаг чіді-вулкајта ілдера дехун;
Силу больша імвѣщіе и эти саззали;

Саж wæwіçwіç-Һажів Хунзакла манѣуш:
Овъ крвачать сталь Хунзахскій крикунъ:

— „Уркри ледіталі уркри діцаја,
Арбы імвѣщіе арбы наволните,

Ѓумбрі ледіталі Һумбрі діцаја,
Ословь імвѣщіе ословь нагрузите,

Хвалал ца һадіқад Хунзла гумајзі!“
Большой костерь зажжемъ на Хунзахскомъ гумаѣ!

Уркри ледіталі уркріра діців,
Арбы імвѣщіе арбы наповнили,

Ѓумбрі ледіталі Һумбріра діців,
Ословь імвѣщіе и ословь нагрузили,

Хвалал ца һадіқун Хунзла гумајзі.
Большой костерь зажгли на Хунзахскомъ гумаѣ.

— „Wаші-ці, wa Хвалчвар, Хунзла гумајзі,
Иди-ка, о Холчварь, на Хунзахскій гумаѣ,

Хвалал цара дургар, сабватра вургар!“
Большой костерь найдется, и пирь найдется!

Хвалчварра аручів Хунзла гумајзі,
И Холчвара увели въ Хунзахскій гумаѣ,

Хвалал цара варців, сабватра варців;
И большой костерь нашли, и пирь нашли;

Пәсукунні вәјжів цала музани.
Прыгнувши сълъ костра на верхушку.

— „Шіқдарқа-ці, Хвалчвар, Һәела һунарті,
Начни-ка, Холчварь, твои подлиги (искусства),

Һәела һунартјела хавар савіну,
Твоимъ подлигомъ рассказъ ибо есть,

Дурса-ці, wa Хвалчвар, деңла мәѣнуві,
Скажи-ка, о Холчварь, пѣсни содержания,

Ца Һәела дүңвела хавар савіну!“
Одной твоей пѣсни рассказъ ибо есть!

— „Далі бевурсалі, буша валхадда,
Я (мною) хотя не скажу, вы знаете,

Цірзїрі агварлі діч дал'-падіркур.“
Бубна безъ пѣснѣ не выйдеть.

Qwatлі бѣярвукун, цірзїрі даргів;
По части (аула) стали искать, бубень напши;

Ноѣві дїрқвіс івлі цаһілтї віхув,
Руки развязать сказаъ юноши стали (говорить),

Мајқвіддаја івлі тѣмадні віхув:
Не развязывайте сказаъ старики стали:

Цаһілтї вак-віхув, ноѣвера дїрқур.
Юноши больше стали, и руки развязали.

Сунна сулзѣј вѣѣлі цірзїрі дущів,
Своей лѣвой рукой бубень взялъ,

Пѣрїра мурһѣла арцла цірзїрі,
Заборъ и золотой серебряный бубень,

Леѣавіл вѣклїін цірзїрі вѣкѣв.
Правой рукою бубень поигралъ.

Ваѣвлі кавїжів талканна дурһне,
Пришедши съли князя дѣти,

Ўвенна қудалїја ца-ца кавїжів.
На оба колѣна по-одному съли.

— „Лїѣака, каядіка, бѣѣва-хунзакла,
Замолчите, перестаньте, позорные хунзацци,

Далі дарқїдану діла һунартї,
Мноу (я) ибо сдѣлаю мои подвиги,

Далі дурсїдану дѣчла мѣѣнурві.
Мноу ибо скажу пѣсни содержания.

Хунзакліла дїрқѣј гвазнела јѣелкі
Изъ Хунзаха погнание кобылицъ табуни

Іх Палла-ѣарқлев дуѣј ду саяді;
На этой Ихалъ-рѣкѣ раздѣлившїй я былъ;

Чарлі ѣарвіқwartї гам-аснї-һунні
Кругомъ смотрящихъ вдовъ

Мур'лі кавушівлі гам-а варқівда;
Мужей убивши вдовами сдѣлазь;

Һуннала қуқваја дівѣара дурһні,
Женщинъ на колѣняхъ малолѣтнія дѣти,

Һілі кавушівлі Һур-а-віхувсне;
Многу убивши осиротѣли;

КалҺурве діцајгі цагвасіа рурсве
Крыши наполовиншіа красивыя дѣвушки

Мікурві дәлчунні ноёві кадамсур.
Груди раздавливал руки устали.

Ріс-марісуд аја діла нешлізі,
Не плачь скажите моей матери,

Һададі һевчівну Хвалчвар Ваһадур,
Но напрасно ибо умерь Холчварь Вахадурь,

Чъвел улі wewчівну сунела Хвалчвар!“
Два поць ибо умерь ея Холчварь!

ВалтҺалтуніа ваһур зарів Хвалчваллі,
Что не оставлять узналь бѣднѣй Холчварь,

Чъвела қуқалівті талканна дурһні
На обонхъ колѣняхъ князей дѣтей

Ца-ца нәёва вуців ілді чъвел дурһнә,
По-одной (каждой) рукой схватяль этихъ двухъ дѣтей,

Цәсуқун, ітуқун цала дағліҗа.
Прыгнуль, бросился костра въ средину.

Wәw-віҗвар, чъер-віҗвар талканна дурһні.
Кричатъ, пишутъ князя дѣти.

— „Дісмадісудаја, йәёвала дурһні,
Не плачьте, позорной женщины дѣти,

Дамлірвар вуҗаллі һуһім аггвара!“
Чъмъ мнѣ жарче вамъ нѣтъ!

Богатырь Холчварь.

„Пойти-ль мнѣ, о матушка, въ верхній Хунзахъ, при-
шелъ посланный отъ хунзахскаго князя?“ — „Не ходи, о сынъ,
въ верхній Хунзахъ, потому что въ Хунзахѣ много твоихъ

недруговъ“. Онъ не исполнилъ того, что говорила мать: посланному юнопѣ подарилъ стараго быка и взялъ кольца для хунзахскихъ дѣвицъ; выѣхалъ и отправился богатырь сабли. Когда онъ доѣхалъ до террасы (мѣстности) Хунзаха, съ нимъ повстрѣчалась толпа хунзахской молодежи; на его привѣтъ они не отвѣтили, и онъ отправился въ домъ хунзахскаго князя. Хунзахскіе князья наполняли гостинныя. — „Ассаламу алайкумъ, хунзахскіе князья!“ — „Ва алайкумъ саламъ, богатырь сабли, мы окажемъ тебѣ услугу, не оказываемую князьямъ.“ Онъ повѣсилъ оружіе свое тамъ, гдѣ вѣшали князья, и руки его, не связанные ниѣмъ съ материнской колыбели, связали пересилившіе его люди. Хунзахскій крикунъ сталъ кричать: — „Имѣющіе арбы наполняйте арбы, имѣющіе ословъ нагружайте ословъ, мы разведемъ большой костеръ на Хунзахскомъ гумаѣ!“ Имѣющіе арбы наполнили арбы, имѣющіе ословъ нагрузили ословъ и развели большой костеръ на хунзахскомъ гумаѣ. — „Иди-ка, о Холчваръ, въ Хунзахскій гумаѣ, тамъ найдется и большой костеръ и пирь.“ Холчвара увели на Хунзахскій гумаѣ; онъ нашелъ большой костеръ и пирь, прыгнулъ и сѣлъ на верхушку костра. — „Начни-ка, Холчваръ, свои подвиги, ибо то и дѣло говорятъ о твоихъ подвигахъ; спой-ка, о Холчваръ, свои пѣсни, ибо всюду говорятъ о пѣсняхъ твоихъ.“ — „Если даже я и не скажу, вы сами знаете, что безъ бубна пѣсня не выйдетъ.“ Поискали въ этой части аула и нашли бубень. Молодые люди начали говорить, что нужно развязать руки, а старики говорили, что не нужно развязывать; но молодежи было больше, и они развязали руки ему. Онъ взялъ въ лѣвую руку бубень, съ золотыми стѣнками и весь серебряный, а правой рукой заигралъ на немъ. Пришли и сѣли на оба колѣна его княжескія дѣти, по одному на каждое колѣно. — „Молчите, успокойтесь, незаконнорожденные хунзахцы, потому что я совершу свои подвиги и спою пѣсни. Погнавшій и раздавшій на рѣбѣ Ихоль табуны кобылицъ

вашихъ былъ я; вдовъ, кругомъ смотрящихъ здѣсь, сдѣлалъ таковыми тоже я, убивши ихъ мужей; малолѣтнія дѣти на колѣняхъ у этихъ вдовъ осиротѣли, благодаря мнѣ; я утомилъ свои руки, сдавливая груди вашихъ дѣвицъ, наполняющихъ крыши. Скажите моей матери, чтобы не плакала она, ибо не даромъ погибъ богатырь Холчварь, а погибъ съ двумя подъ собой!“ Бѣдный Холчварь догадался, что его не оставятъ въ живыхъ, а потому схватилъ съ колѣней обоихъ князеньковъ, каждаго въ одну руку, и прыгнулъ въ середину костра. Княжескія дѣти начали кричать и писчать. — „Не плачьте, незаконнорожденные, вѣдь вамъ не жарче, чѣмъ мнѣ!“ (Сказалъ Холчварь въ огнѣ).

~~~~~
VIII.

Мургуза-Бяеліра Месудура.
Мургуза - Али и Месуду.

Şumечуwіl ханна казар кадазів:
Казикумухскаго хана бумага пришла:

— „Цявлі буравалі бядур-діноја
Скорѣй на войну . приготовьтесь

Бядур-бяѣхувілла унци делхwіда,
Кто не приготовится быковъ я зарѣжу,

Мурда-бяжівілла kwæв кадæкідa!“
Кто не садеть верхомъ шеп отрѣжу!

— „Урчїмал дус сарде ду дїгајлізїр,
Девять лѣтъ была я въ любви,

Индус weц-івїл дус калла-рїхувда.“
Въ этомъ году десятомъ году я стала женой.

Ца һалмаз дуклаwлі русунї-леллі,
Однѣ другъ когда въ объятїяхъ спала,

Дурала wæwрїквар ца гам-а бунул;
Со двора кричитъ одна вдова;

Дурбѣ хайзараја рурсі харісур,

Юноша пока всталъ дѣвушка встала,

Пурқласі авшівлі дура саррачів.

Одна отворивши на дворъ вышла.

Урқлајліур лер ца гам-а бунул:

Подъ окнами есть одна вдова

— „Пѣдур-файхувлі-це Муртаза-Гѣлі,

Не готовъ-ли Муртуза-Али,

Пѣдур-вікулігва іш піла шанті?“

Ибо готовятся этого аула жителей?

Урқласі чједукун, фалум шуррукун,

Къ окну бросилась, назадъ вернулась,

Жарған акдүцівлі дукла карјерхун.

Одѣяло поднявши въ объятія бросилась.

— „Дурар хавар сјеј, қавуліл халмаз?“

Надворъ случай какой, избранная подруга?

— „Гѣдаді вѣвріқвал гам-а бунуде,

Напрасно кричащая вдова есть,

Кwэв чум-али дуца, фала халмаз ревқ.“

Шею крѣпко держи, твоя подруга пусть умретъ.

Сафет арфѣверқwэен чwеллара вуфнав,

Часа не прошло двое вѣсотъ когда были,

Паценна вѣвріқвар іл гам-а бунул;

Опять стала кричать вдова;

Дурбѣ хайзараја, рурсі харісур,

Юноша пока всталъ, дѣвушка встала,

Кѣрдали хаківіл цуварцла јарақ

На гвоздь повѣшанное серебряное оружие

Сунелі урдішів зарів рурсілі,

Она положила внизу бѣдная дѣвушка,

Азварліфа діхаж вѣрѣнг тѣј урчі

На-дворъ привязанного семидѣтнаго жеребенка

Тевлаліфа діхун зарів рурсілі;

Къ столу привязала бѣдная дѣвушка;

Рурсі нала аррефон фурава вуфун бунні,
Дѣвушка впередь пошла на войско пошедшю дорогу,

Палмазла хавар івлі.

Друга . рассказъ сказавъ.

— „Ассаламу Ђәләјкум, Муртуз-Ђәәліла халмаз!“
Ассаламу Алайкумъ, Муртуза-Али подруга!

— „Ва Ђәләјкум салам, мурдавјела фурава;
Ва Алайкумъ саламъ, верховныхъ войско;

Діла қавул халмаз: чінаw ватурдај?“

Моего милого друга гдѣ оставили?

— „Пала қавул халмаз (қавріліw *) кәл-ун,
Твой милый другъ въ Каври остался,

Урусла фәрһәлі мікрі дәкәвлі,

Русской пулей въ грудь пробитый,

Кәзабла пидәлі дулјәк дурсівлі,

Кавака штыкомъ въ легкое разсѣченный,

Акшурла кirkәәлі булві дуцулі,

Высокой скалы хщивъ глаза выпивая,

Ваца чабулталі урчі дугулі.“

Лѣса волками сердце съдая.

— „Пушәзі һарвизәј діла лизми валз,

Вамъ спросившей мой языкъ пусть пропадетъ,

Һардазівлі вурсәј пушим варкалла!“

Спросенной сказавшимъ вамъ спасибо!

Гледа чаррукун іл міскін рурсі,

Оттуда вернулась эта бѣдная дѣвушка,

Веқлиділті чутмі һәввадірқулі,

На головѣ косы срывая,

Цуварцла мікірі нәәлі лутулі,

Бѣло-серебристую грудь рукою сжимая (разрывая),

Цудар булвела һинтін һілі раһулі.

Изъ черныхъ очей красною кровью истекая.

— „Ассаламу Ђәләјкум дурарқівлі діла нешт!

Ассаламу Алайкумъ меня родившая моя мать!

*) Каври—мѣстность въ Грузіи.

Зувразід ваз-варбі саді ліраллі
На небесахъ гуна-солице они пока существуять
Увқул бавахурда ца діла халмаз;
Что умрешъ не знала одинъ мой другъ;
Каци-ці, діла неш, қантісі вуруш,
Постели-ка, моя мать, мягкую постель,
Шалі дірбараја шурбарулқадну;
Бокъ пока не спієть або не двинусь;
Дітіба, діла неш, қантіл бваніла,
Подложи, моя мать, мягкую подушку,
Чурмі чанқдіхара веқ чікадіркід!“
Коси пока не слізуть голову положу!
— „Рак қақа-марірхуд, ніқа Меседу,
Слешкомъ не тівнись (горюй), молодая Меседу,
Царінна камберхвар іуддара чука.“
И другая найдется черная черкесска (мужъ).
„Царіл-қун камберхвіс іуддара чука,
Другая-то найдется черная черкесска,
Ца нәйла масхара сіон кумуртға!
Одна руки шутка какъ позабыть!
Сарі цәвлі реқав уннаріл гам-а,
Она поскорій пусть умреть сосѣдняя вдова,
Дуклала кайтуніл халмаз кавшақів;
Въ объятіяхъ находящагося друга заставила убить;
Цаланна кадмалгав Іалірасталів *)
Някого пусть не останется въ Алирастѣ
Ца дела кавшақіс дерз дабдівајте!“
Одного моего чтобы убилы бой начавшіе!

Муртуза-Али и Месуду.

Пришла бумага отъ Казикумувскаго хана: „Скорій при-
готовьтесь на войну; кто не приготовится, у того я зарѣжу
быка, и кто не сядетъ на лошадь, у того отрѣжу голову!“

*) Алираста—мѣстность, гдѣ происходило сраженіе въ Грузіи.

Девять лѣтъ я была въ любовныхъ отношеніяхъ, а въ нынѣшнемъ, десятомъ году, вышла замужъ. „Когда она спала въ объятіяхъ друга, на дворѣ закричала одна вдова; не успѣлъ встать юноша, какъ встала дѣвушка и высунулась на дворъ, отворивъ окно. Подъ окномъ была одна вдова. „Не готовъ развѣ, Мургуза-Али, вѣдь жители аула всѣ готовятся?“ Она заперла окна, вернулась обратно въ постель, подняла одѣяло и припала въ объятія друга. „Что такое дѣлается на дворѣ, любезная подруга?“ — „Это-вдова, напрасно кричащая. Обнимай крѣпче шею, да погибнетъ твоя подруга.“ Не прошло и часу, какъ они находились вмѣстѣ, и вдова снова стала кричать. Пока юноша успѣлъ встать, дѣвушка вскочила; серебряное оружіе, повѣшанное на гвоздь, спрятала бѣдная дѣвушка; привязаннаго на дворѣ семицвѣтнаго жеребенка бѣдная дѣвушка привязала къ стойлу. Юноша всталъ и вышелъ на дворъ. Привязаннаго на дворѣ семицвѣтнаго жеребенка, гдѣ привязала ты, негодная; на гвоздѣ висѣвшее серебряное оружіе, куда-жъ положила ты, любезная подруга? Пока я одѣнусь, поддержи оружіе, а пока я вооружусь приготовь коня.“ Пока онъ одѣвался, она держала оружіе, а пока онъ вооружался, осѣдлала коня. Жители этого аула стали выступать; сталъ садиться верхомъ и Мургуза-Али. „Приготовленный матерью моею бѣлый платокъ наполнивъ серебромъ, если пойду я къ хану Казикумухскому, не оставятъ-ли онъ моего друга?“ Въ это время пришла другая бумага хана Алибея: „Ей Богу никого не оставлю, шею отрѣжу.“ Она проводила до конца аула; а когда любимый другъ ея прошелъ аулъ, она поддержала стремена, посадила его верхомъ, и разъ обняла шею его правою рукою. „Не забудь меня, любезный другъ мой, я-то не забуду тебя, черноглазый?“ Затѣмъ, ставши тамъ, она совершила молитву: „Поведи Ты, и приведи, Всевышній Боже, повези ты и привези, вороной конь!“ Затѣмъ она вернулась въ свою комнату; но не терпится ей, бѣдной, въ ком-

натъ: на оянѣ гнѣють бѣлыя груди ея, и глаза болятъ отъ напряженнаго взора. Она стала на золотую лѣстницу и поднялась на крышу, какъ золотая статуя на возвышеніи крыши. Видитъ она возвращающуюся толпу молодежи, но не видитъ въ ней любезнаго друга, ни коня его вороного. Дѣвушка пошла встрѣчать на дорогу, по которой шло войско, чтобы разузнать о другѣ. — „Ассаламу алайкумъ, подруга Муртуза-Али!“ — „Ва алайкумъ саламъ, конное войско! Моего суженаго друга гдѣ же вы оставили?“ — „Твой суженый другъ остался на полѣ Каври, убитый русскою пулей въ грудь, пронзенный казачьимъ копьемъ въ легкія; горные хищники пьютъ его глаза, лѣсные волки сѣдаютъ сердце.“ „Да пропадетъ языкъ у меня, спросившей у васъ; вамъ-же, отвѣтившимъ на мой вопросъ, спасибо!“ Затѣмъ она вернулась, бѣдная, срывая съ головы косы свои, царапая рукою бѣлосеребристыя груди свои и капая красною кровью изъ черныхъ очей. — „Ассаламу алайкумъ, родившая меня матушка! пока на небесахъ существуютъ луна и солнце, могла-ли я думать, что умереть мой единственный другъ? Постели, мать моя, мягкую постель, и я не тронусь съ нея, пока не сгніетъ мой бокъ; положи, мать моя, мягкую подушку, и я склоню на нее голову, пока она не лишится вощь.“ „Слишкомъ не печалься, молодая Меседу, найдется и другая черная черкесска!“ — „Другая-то черкесска можетъ найтись, но можно-ль позабыть даже одну ласку руки? Да помретъ скорѣе сосѣдка-вдова; она вѣдь погубила друга моего, вырвавъ прямо изъ объятій! Пусть ни одного человѣка не останется въ живыхъ въ Алирастѣ, потому что они завязали битву лишь для того, чтобы убить лишь одного друга моего!“

IX.

Ївѣрвуѣан јасір дурбѣ.
Арвукінецъ бѣдний юноша.

Рігул һалмазъ ваһандан веѣліја һі дичівлі һіліс дур-
Любимой подруги ради на голову кровь упавши за кровь на дворъ
ареһван чвѣрвуѣан јасір дурбѣ. Їварајла шілізів сунелі
вышелъ арвукінецъ бѣдний мальчикъ. Въ Хуварайскомъ селеніи оу
міна-дарѣв; қіла-хвалал дірѣулі ітағур арѣла уста. Ца рах-
поселился; малое-большое дѣлал сталъ серебрякомъ. Какъ-то слу-
лед хавар дичів кавшів дурбѣела авас, дурбѣела һал-
чайно вѣсть (оу этомъ) дошла до убитого юноши матерн, юноши къ
мазлічу верлал һѣјна раһура:— „Іқ һѣла қавул һалмазъ
подругѣ въ день три раза ходитъ: Тотъ твой избранный другъ
ваѣақадлі һѣла ша, һѣвал дурбѣ хів діла, һад вігајліс ріп-
если придетъ въ твой аулъ, трое сыновой есть моихъ, тебѣ угодному отдамъ-
да.“ Верхулли дуравукун чвѣрвуѣла севдјарті, һанді ванснаја
Вышедши отправились арвукініскіе торговцы, къ Анди прямо
івлі. Ітті арһон һуннічі рурсі һала анреһон:— „Салам,
сказавъ. Эти идущіе на дорогѣ дѣвушка навстрѣчу пошла: Поклонъ
калам дурсаја іқ діла һалмазлізі, саламлі ірхбергванні сај
передайте тому моему другу, поклону если не повѣритъ оу
һіѣалі дарѣвіл һіѣа тулла туліка чідкадатулли детѣв „сау-
маленькимъ сдѣланное мизинца кольцо снявши отдала „въ
затліс дуѣа“ івлі. „Һѣла віѣла душманті қвел цалі. цара
подарокъ понеси“ сказавъ. Твоей головы кровники двое одинъ другого
кадур, ца дурара-ареһон, һура зһавза іһодлі, ваһі діла
убилъ, одинъ и въ язганіе вышелъ, и ты если мужчина еси, иди въ мой
ша“ івлі. Ївѣрвуѣла савдјарті ватвішівлі һавазів Їу-
аулъ“ сказавъ. Арвукініскіе купцы вышедши дошли (пришли) въ
варајла шілізі.— „Ассаму һѣлајкум, чвѣрвуѣан јасір дурбѣ!“
Хуварай аулъ. Ассаламу Алайкумъ, арвукінецъ бѣдний юноша!
— „Ва һѣлајкумлі салам, чвѣрвуѣла севдјарті!“ Ївѣрвуѣла
Ва алайкумъ саламъ, арвукініскіе купцы! Арвукініскуу

хавар івлі дурбѣе хала ітукун.— „Салам-калам датазів бѣла
 вѣсть сказавъ юноша навстрѣчу вышеть. Поклонъ послала твоя
 қавул халмазлі; саламлі ірхбергваді бу ніқалі дарқівлі
 избранная подруга; на поклонъ если не повѣришь ты маленькимъ сдѣланное
 ніқа-тулла туліва бѣд савзатліс датазів; бѣла веқла душманті
 мизинца кольцо тебѣ въ подарокъ послана; твои головы кровника
 қвел цалі цара кақур, ца дурара арефон, бура қававза-
 двое одинъ другого убили, одинъ и въ изгнаніе вышеть, и ты если
 іходлі ваши діла ша“ івлі.“ Ёлвал тумјен *) дікувлі казам-
 мужчина иди въ мой аул“ сказавъ. Три тумана расплавивъ для верх-
 ліс кардуц дарқів, қал ёрушпра дікувлі ноёвес кулхміра
 ней части тѣла ожерелье двадцать рублей расплавивъ для рукъ браслеты
 дарқів, вецал ёруш дікувлі тулвес тулхміра дарқів, хал-
 сдѣмалъ, десять рублей расплавивъ для пальцевъ и кольца сдѣлали, под-
 мазліс савзат івлі. Марқайіла делчара Урқарәккі ітазів,
 ругъ подарокъ сказавъ. Вечернюю молитву пока прочли въ Урхарахъ дохалъ,
 муқатілла делчара халмазла ёапу дәкәев. Сунела дуркал
 ночную молитву пока прочли подруги до воротъ дошелъ. Своей дорогой
 ёірім унзалізі қуилт-дарқів; шінзірад чічалаон вурша-
 хремкой (ружье) онъ въ дверь постучали; изъ воды какъ вода въ по-
 ніла чвәѣ-ріқун, рурсе қама акріхув.— Ёләј гвацала харават,
 стели растаялась, дѣвушки крикъ поднялся. Ай сука тварь
 ілқадда һајғуһілі, ваҷі селі ріқваде?— „Һај-аман була ду
 если такъ не любишь, иди зачѣмъ говорила? Ай твоя я
 ревқ,
 бу сајіл һавахуріл!“ Авквлі калла унза кулі
 пусть погибну, ты что если не узнавала! Отперевъ дома дверь въ домъ
 уһна һацаків; вамсурлі-іхвіс івлі һуніларә удішів, гуш-
 въ средину ввела; усталъ сказавъ и подушку положила, голо-
 лі-іхвіснү івлі зујіл вірқвала дарқів, мул-улі-іхвіс івлі
 дегъ сказавъ соленую пищу приготовила, жаждеть сказавъ
 зі кақур шінні вахун: Мур-ілі қайріқулі қамлі һира
 соль положенную воду дала (наполни). Сладко говоря весьма близко
 каріів; һәнқіқулі-сај івлі қантіл вурш увақур; дурбѣе вур-
 сьма; спать хочеть сказавъ мягкую постель постлала; юноша въ по-

*) Туманъ - 10 рублей.

шані кайһун, рурсі дукла карерхур. Кwaев дувіті ноьваја
 стель легь, дьвущка въ объатія опустелась. На шею державшія руки
 арцла кулхмі шікарһур, ірақурті тулваја бaев-баевал
 серебряныя браслеты надѣл, на шлетшіеса пальцы по три
 туліка һархур; рурсіла казамліја арцла кардуц чіарһур, „һал-
 кольца надѣл; дьвущки на грудь серебра ожерелье надѣл, „под-
 маз, буд савзат“ івлі. Ія дурбае һајзараја, һарізулі һіа
 руга, тебь подарокъ“ сказавь. Этотъ юноша пока всталъ, вставши эта
 рурсі дурбаела дуркал мажар, дубна шінні діцівлі, баердаліші
 дьвущка юноши дорогое ружье, середину водою наполнявь, на гвоздь
 чіһаків; дурбаела дуркал ханцал, дубна лу'мјес картівлі
 повѣсила; юноши дорогой кинжалъ, въ середину клей валивши
 қwаерталіца кадерчів. Рахлеу дурбае чіварзів, „һалмаз, мул-
 въ ножны вложила. Случайно юноша проснулся, подруга, я
 гулі-сајда; діка кінтал шін“ івлі.— „Дура мулгулі-сарда; ду
 жажду; дай немного воды сказавь. И я жажду; я
 шінніла рацара діла вуршаніw калжін.“ Рурсі шінні-арре-
 сь водою пока приду въ моеи постели оставайся. Дьвущка по-воду пош-
 һон, датрішілі каразів һурвуқалла гумајзі, рурсі wаew-річwіс-
 ла, вышедши она дошла въ арвукінскій гумай, дьвущка кричать
 ріжів:— „Һурвуқла һуллукаві, Хwажа-Һајдарла дурһні, һушалі
 стала: арвукінскіе юноши, Хожа-Хайдара дѣти, и
 се вірқудаж, һушала віціл душман чевагwај діла куліw!“
 что дѣлаете, вашей головы врагъ есть въ моеи комнаті!
 Һурвуқалла цаһілті саві wаewдібілі вукун, веђ сарсар вуһна-
 Арвукінскіе юноши они на крикъ вышли, прежде всего вь-
 вукун Хwажа-Һајдалла дурһне. Сансар вуһनावукајті Хwажа-
 жали Хожа-Хайдара дѣти. Прижде вошедшіе Хожа-
 Һајдарла дурһне дубна лу'мјеслі діцај хінцаллі қwел
 Хайдара дѣти въ серединѣ вьсеюь наполненнѣмъ кинжаломъ дьохъ
 кавушів, дубна шінні діцівһер тупанглі ца кайкаків.
 убилъ, средина водою хотя наполнядась ружьемъ одного убилъ.
 Һалавилті цаһілті вуһनावукіс һавіхув, кунні чарлі ца ақур-
 Остальныя юноши войти не смогли, дома вокругъ огонь развели.

Пінтин џала дај'либар бурвуқан јасір дурбае, сунели далај делџун
 Краснаго огня посреди арвукинець бѣдний юноша, онъ пѣсно спѣлъ
 дунела шішим-аллис: „бурвучела буллуқви! Палмазлі ірх-мар-
 отъ мірской тоски: арвукинскіе юноши! На подругу не пола-
 худай, дамра ламарт-ріхувну дуді дуклар кал-ункѣр ца
 гайтесъ, и мнѣ намѣнила ибо вчера въ объятіяхъ хотя была одна
 гваџала харават!“ Панапара тір-іквар іа гваџала харават
 суки созданіе! И теперъ есть говорятъ эта суки созданіе
 ші-шлізі рабулі, хвелінна сунџ-перулі.
 изъ аула въ аулъ ходя, и собакой не пихаемая.

Бѣдний арвукинскій юноша.

Ставъ кровникомъ изъ-за любимой своей подруги, одинъ
 бѣдний юноша-кубачинець *) отправился въ изгнаніе за про-
 литую кровь. Онъ поселился въ аулъ Хувара. Исполняя то
 незначительную, то крупную работу, онъ сдѣлался серебря-
 комъ. Какъ-то случайно вѣсть объ этомъ дошла до матери
 убитаго имъ молодого человѣка. Та стала трижды въ день
 посѣщать подругу атого юноши.—„Если ты заставишь притти
 въ нашъ аулъ своего избраннаго друга, то я возьму тебя за
 любого изъ трехъ моихъ сыновей“, говорила она дѣвушкѣ.
 Вскорѣ вышли и отправились арвукинскіе торговцы по на-
 правленію къ селенію Анди. Дѣвушка пошла навстрѣчу имъ
 на ту дорогу, по которой они направились, и сказала: „Пе-
 редайте поклонъ моему другу.“ Чтобы онъ повѣрилъ ея сло-
 вамъ, она попросила передать ему небольшое кольцо съ мизин-
 ца, сдѣланное еще въ его дѣтствѣ, сказавъ. „Отнесите это
 кольцо, какъ подарокъ, и скажите ему, что двое изъ его
 кровниковъ убили другъ друга, а третій находится въ изгна-
 ніи; поэтому пусть онъ придетъ ко мнѣ, если считаетъ себя
 храбрымъ мужчиной.“ Арвукинскіе торговцы отправились въ

*) Кубачинець, или иначе—арвукинець, житель извѣстнаго аула Кубачи въ Дагеставѣ.

путь и пришли въ селеніе Хуварай. — „Здравствуй, несчастный юноша-арвукинецъ!“ — „Здравствуйте, арвукинскіе торговцы!“ Желая узнать вѣсти изъ Арвуки, юноша вышелъ къ нимъ на-встрѣчу. — „Твоя избранная подруга шлетъ тебѣ привѣтъ; если-жъ ты не вѣришь привѣту, то вотъ кольцо, присланное ею, снявъ съ своего мизинца, сдѣланное ею для тебя въ твоёмъ дѣтствѣ. „Двое изъ твоихъ кровниковъ убили другъ-друга, а третій находится въ изгнаніи, а потому, если ты храбрый мужчина, иди въ мой аулъ“, сказала она. Онъ расплавилъ тридцать рублей серебромъ и сдѣлалъ ожерелье на шею; расплавилъ двадцать рублей и сдѣлалъ браслеты для рукъ; расплавилъ десять рублей и сдѣлалъ кольца для пальцевъ — въ подарокъ своей подругѣ. До возвѣщенія вечерней молитвы онъ дошелъ до аула Уркарахъ, а до возвѣщенія ночной молитвы дошелъ до воротъ своей подруги. Онъ постучался въ дверь своимъ дорогимъ крымскимъ ружьемъ. Подруга его растянулась въ постели, какъ змѣя, выползшая изъ воды, и начала кричать. — „Ахъ ты, негодная! Если такъ сильно не любишь меня, зачѣмъ-же звала ты къ себѣ?“ — „Ахъ, да погибну я, твоя подруга, не узнавшая тебя!“ Отперевъ двери, она впустила его въ свою комнату. Полагая, что онъ усталъ, она подложила подъ него подушку; думая, что онъ голоденъ, она приготовила для него соленое кушанье, и думая, что онъ жаждетъ, она напоила его соленой водой. Мило бесѣдуя, она подѣлала къ нему очень близко. Видя, что онъ засыпаетъ, она постлала мягкую постель; юноша легъ въ эту постель, а дѣвушка упала въ его объятія. На руки, державшія его шею, юноша надѣлъ серебряные браслеты; на сплетшіеся пальцы онъ надѣлъ по три кольца, а на грудь дѣвушки онъ положилъ серебряное ожерелье, сказавши: „Подруга! это-подарокъ тебѣ.“ — Пока юноша спалъ, дѣвушка встала и, наполнивъ водой его дорогую крымку, повѣсила на гвоздь; а на его дорогой кинжалъ она налила клею и вложила въ ножны. Юно-

ша проснулся случайно и сказалъ: „Подруга! я хочу пить; дай мнѣ немного воды.“ — „И я хочу пить, а потому будь въ постели, пока я вернусь, сходявши за водой.“ Дѣвушка пошла за водой. Вышедши изъ дому, она отправилась въ арвукинскому гумаю и начала кричать: „Арвукинскіе юноши и дѣти Хожа-Хайдара, что-же вы бездѣйствуете; вѣдь вашъ кровникъ находится въ моей комнатѣ?“ Арвукинскіе юноши сбѣжались на крикъ, и раньше всѣхъ ворвались въ ея комнату сыновья Хожа-Хайдара. Изъ нихъ юноша двухъ сыновей Хожа-Хайдара, раньше другихъ ворвавшихся, убилъ кинжаломъ, наполненнымъ клеємъ, а ружьемъ, наполненнымъ водою, уложилъ третьяго. Остальные молодые люди не осмѣлились войти въ комнату и подожгли домъ со всѣхъ сторонъ. Посреди краснаго огня бѣдный юноша, кубачинецъ запѣлъ пѣсню отъ мірской скорби: „О арвукинскіе юноши! не довѣряйте подругамъ своимъ, потому что мнѣ измѣнила одна негодная тварь, несмотря на то, что только вчера находилась въ моихъ объятіяхъ!“ Эта позорная дѣвушка, говорятъ, жива еще и теперь, бродя изъ аула въ аулъ; но даже и собаки не обращаютъ на нее вниманія.

Х.

Ца рурсілара дурбѣелара діга.

Одной дѣвушки и юноши и любовь.

Урчі-жарақ һасівлі чуннаја ду берқунда, чарх ісвахі
 Лошадь и оружіе вьавши за турами я не ходилъ, тѣло красивое
 саж-івлі зајвіқвара адімі; дарај палтар һахурні қақвеһав
 есть-сказавъ говорятъ люди; шелковую одежду надѣвши по улицамъ
 ёвонз-һајқоде, дуқла валијь-сај івлі зајала лер
 я не рассказывалъ, подмышку (для объятій) годится сказавъ разговоръ есть
 рурсвазід. Ца һівізла музалір дерпіра ца-чинтар шін,
 среди дѣвушекъ. Одного колодца на возвышеніи я выпилъ немного воды,

шарав деллі бавалхад, цақлі кјешла-варқівда; ца шаһарла
напитокъ была-ль не знад, очень опьянила меня; одного города
музалір деркунна ца-қіла қаї, уцу іра, бағіра,
на комѣ я стѣлъ немного хлѣба, какъ напившійся сталъ, лишился сознания,
бағіхувлі вајчівда, урчі чавар дарқівлі, чарх авадан-
лишившись сознания упалъ я, сердце сахаромъ сдѣлавъ, тѣло
дарқівлі; „чавар асаја“ івлі қақвјешіла кјерхурда: урқлазіла
успокойте; сахаръ купите сказавъ по улицамъ я прошелся: въ оконъ
саррачів дін цагвал іздаг-рурсі;— „чавар сјелізі, дурбѣ?“
высунулась по роду красивая княжна; сахаръ почемъ, юноша?
івлі варважів.— „Murhjelis дарсар саді, арцліс қві'налі
сказавъ спросила. На золото въ обмѣнъ есть, на серебро двое
саді!“— „Чавар-қале ісаді, ду чарлі мехла баала бапулеһад
есть! Сахаръ-то я-бы купила, меня вокругъ желѣзной башни у воротъ
барлаул.“ Аріқвәнні вазаллі, асівлі маскав һарқи, вуцакулі
караулъ. Пойдя на базаръ, купивъ московскую водку, пил
барлаул бағварқівлі кавічів; дурбѣ чідді ареһон іл іздаг-рур-
караулъ лишивши разсудка упалъ; юноша навѣрхъ пошелъ къ княж-
сілічу. Дѣп дѣпле цугречів ца рукнасі бараваш, цударіл
нѣ. Лицомъ къ лицу встрѣтилась одна старая рабыня, чернаго
қів агварсі, дувшар цула агварсі.— „Рурсі рігулеј дурбѣ?
волоса не имѣющая, во рту зуба не имѣющая. Дѣвушку желаешь юноша?
рурсі ріганні, ваші.“ Карваш саррітіхувлі рурсілічу
если дѣвушку желаешь, иди. Рабыня иди впереди къ дѣвушкѣ
арувів.— „Ассаламу һәләјкум, дә;устан нурла *) чірақ!“—
повела. Здравствуй, дагестанскаго свѣта свѣча!
„Wa һәләјкумІ салам, Шірван арцла һвәрчімаг!“ Дурбѣ
Здравствуй, въ Ширванскаго серебра плеть! Юноша
гушли-сај івлі, цувил чавар кадішів, чаварлізіла дарха мур-іл
голодень сказавъ, бѣлый сахаръ положила, съ сахаромъ вмѣстѣ сладкіѣ
шарап кадішів. Дурбәлі чірақ вуців, рурсілі вуруш ка-
напитокъ положила. Юношей (—а) лампу подержавъ, дѣвушкой постель пост-
чур; чірақ дуців ліба нәѣ кwәвліһала датурлі, ілді қwелла
лала; лампу державшую правую руку на шеѣ оставивши, они оба

*) Нур— свѣтъ, выходящій изъ могилы и считающійся священнымъ.

кавіўн..... Ёўаннуч рурсі чжерарзів маллалі аевар
 леглі..... Утромъ дѣвушка встала (проснулася) муллою призывъ къ

ара: „hajzi, дурбѣ, аруаен, бараул чівсаргара,
 молитвъ пока прочель: встань, юноша, уйдн, караулъ пока проснетя,
 чвенна нуша цабналі ілдалі кадуршідну.“ Ёѣйна уммај-рар-
 двокъ насъ вмѣстѣ ним (они) нбо убють. Трижн поцѣловавъ,

қівлі, урқлазіла пѣсукун; рурсілізіла діқлі дурбѣ аруаес
 изъ окна онъ высочилъ; по дѣвущкѣ отъ тоски юноша уйтн

ђерхвар, ѣелум-вѣблі баріқвар. Рурсі һитте барріқвар: іа
 не можетъ, назадъ озираетя. Дѣвушка туда смотритъ: этого

дурбѣ чіігура, тупанглі дѣкѣев вец-он ѣелумвѣблі баріқулі;
 юношу ова видить, какъ ружьемъ раненый волкъ назадъ оглядывающа-

вазарла қақурваѣew рурсілі һитте вѣw-ів, дурбѣ ѣе-
 гоя; базара на улицахъ дѣвущкой (-ка) туда закричала, юношу по-

зіқварқівлі.. — „Алхваліра улхаба чвелла нуша цалібар; ваші
 жалъвши. Если умирать умремъ оба мы вмѣстѣ; иди

ѣу діла кулі, урчіліс қавул һалмаз!“ Waj' дарајлі іхунні
 ты въ мою комнату, сердцу любезный другъ! Станъ шелкомъ перевязавши

урқлајліѣваад һасів, чар уннуві варгівлі хваласі
 изъ (въ) окна она подняла (его), кругомъ сосѣдей нашедши и большой

мібра варқів, шіла қаді сачівлі ѣелал маһар һадішів. Дурбѣ
 прѣ сдѣчала, аула каді приведши законное обрученіе совершила. Юноша

ча сајде адлі, дурбѣ Муѣѣммад *) сајді.

кто былъ, если спросишь, юноша Мухаммадъ былъ.

Любевъ одной дѣвущки и молодой юноши.

Я не ѣздилъ за турами на охоту верхомъ на конѣ и
 съ оружіемъ въ рукахъ, а все-таки люди считаютъ тѣло мое
 красивымъ; не гулялъ я въ шелковой одеждѣ по улицамъ,
 а дѣвущки говорятъ, что я рожденъ для объятій. Я напился
 воды у возвышенія одного родника: не знаю, былъ-ли этотъ
 напитокъ, но я опьянѣлъ. На возвышеніи одного города я
 поѣлъ немного хлѣба: отъ этого у меня вскружилась голо-

*) Здѣсь вставляется пѣвцомъ имя всякого лица (присутствующаго), по же-
 ланію пѣвца.

ва, и я упалъ, какъ пьяный, съ сердцемъ, уподобившимся сахару, и успокоившимся тѣломъ. Я сталъ ходить по улицамъ, предлагая купить сахаръ. Изъ окна одного дома показалась красивая урожденная княжна. Она спросила: „Почемъ сахаръ, молодецъ?“ — „На золото—въ обмѣнъ, на серебро—вдвое.“ — „Я бы купила сахаръ, да у воротъ этой желѣзной башни стоитъ караулъ.“ Купивъ на базарѣ московской водки, онъ напоилъ ею караулъ, который ошанѣлъ и повалился. Юноша пошелъ навѣрхъ къ этой княжнѣ. Лицомъ въ лицу съ нимъ встрѣтилась одна старая рабыня, не имѣвшая ни одного чернаго волоса на головѣ и ни одного зуба во рту. — „Тебѣ, молодецъ, нужна дѣвушка? если нужна, то иди!“ Рабыня пошла впередъ и повела его къ княжнѣ. — „Здравствуй, дагестанское свѣтило!“ — „Здравствуй, плеть изъ ширванскаго серебра!“ Сообразивъ, что юноша долженъ быть голоденъ, она положила передъ нимъ бѣлый сахаръ и вмѣстѣ съ сахаромъ поставила сладкій напитокъ. Юноша подержалъ лампу, а дѣвушка поправила постель. Затѣмъ юноша легъ съ дѣвушкой, оставивши на шеѣ ея руку, державшую лампу. Утромъ, пока мулла еще не прочелъ акваръ, дѣвушка проснулась и сказала: „Встань, юноша, и иди, пока спитъ караулъ, ибо онъ убьетъ обонхъ насъ вмѣстѣ.“ Онъ три раза поцѣловалъ ее и выпрыгнулъ въ окно. — Но отъ тоски по дѣвушкѣ юноша не можетъ удалиться и сталъ озираться назадъ. Дѣвушка посмотрѣла туда и видитъ этого юношу, оглядывающагося назадъ, какъ волкъ, раненный пулею. Дѣвушка пожалѣла юношу и позвала его на улицахъ базара. „Если гибнуть, такъ погибнемъ оба мы вмѣстѣ; иди ко мнѣ въ домъ, сердцу любезный другъ.“ Она перевязала станъ его шелковой матеріей и подняла его въ окно. Созвавъ сосѣдей, они устроили большой пиръ и совершили законное обрученіе, призвавши аульнаго кадя. Если спросить, кто это былъ за молодой человекъ, то это былъ Мухаммадъ.

XI.

Кувел халмаз.
Два друга.

Верпал варпі іхув халмаз бјерхулі,
Семь дней прошло какъ другъ заболѣлъ,

Верпал бјербѣ агав ваһунрїхваллі.
Семь пудъ пусть попадетъ если она узнала.

— „Рудѣн-ці, ва јудаш, ца халмазлічу,
Иди-ка, о подруга, къ единому другу,

Ізул це садаллі діла халмазла.“
Больное что есть моего друга.

Пѣв-рангла чакаллі хунціра деців,
Трехдѣтнимъ сахаромъ и сумки наполнила,

Цув чініла шішні шаравлі деців.
Изъ бѣлаго фарфора бутылки напиткомъ наполнила.

Ратрїшів, арребуѣн рурсіла јудаш;
Вышла, пошла дѣвушки подруга;

— „Ассаламу бѣлајевум, јудашла халмаз!
Здравствуй, подруги другъ!

Ізусі се ліді, јудашла халмаз,
Больное что есть, подруги (моей) другъ,

Дурбувсі се ліді, јудашла халмаз?“
Поломанное что есть, подруги другъ?

— „Ізусі лер діла, бѣј-падіркусі,
Больное есть мое, не останавливающееся,

Дѣчунсі лер діла далі-падалхурсі,
Поломанное есть мое не заживающее,

Селі парачіві іт діла халмаз?“
Зачѣмъ не пришла та моя подруга?

— „Ја рачіс бѣрїхув іт бѣла халмаз,
И притти не смогла та твоя подруга,

Сартан-вуцізунті узві кулівлі,
Какъ шакалы братья ибо дома,

Хвела ді' дерчвісіл ада кулівлі.
Собаки мясо готовий съѣсть отецъ въ домѣ ибо.

— „Ца ділічу саррачїс бѹза-рїхувну,
Разъ ко мнѣ притти вгордилась,

Бѹзалі бѹванзрїчвїс діла бѹзѡв чамгі;
Гордо будетъ гулять моея могилы вокругъ;

Дїла-шулї рачїс пахру дарқівну,
Ко мнѣ притти гордость ибо сдѣлала,

Пахрулі баррїчвїс діла ганзілі.
Гордо будетъ смотрѣть на мою глѣстницу.

Іудаш чаррукара кулір ташбарїзур,
Пока подруга вернулась въ домѣ не оставовилась,

Рурсї дурарукун халмазла хавар дарқїс.
Дѣвушка вышла друга свѣдѣнїя сдѣлать.

Дїрбулі чїдіу мурҗєла ганзі.
Какъ дѣлають видять золотую глѣстницу.

— „Шїс дїрбусї-вара, варкаван Аллах?
Для кого приготавлиють, праведный Боже?

Убѣулі кїдіу цуддарасї бѹзѡв.
Какъ роють видять мрачную могилу.

— „Нїс убѣулі-вара, діла уннувї?
Для кого роють, моя сосѣда?

Ца гам-а-һунулли сунезї зај-їв:
Одной вдовой ей сказала:

— „Ца Ірала халмазліс убѣулі-сарї,
Единоному твоему другу копають,

Іт бѣла халмазла ганзіра садї.
Эта твоего друга глѣстница есть.

Ратрїшїв, арребѡвѡн іт мїскїн рурсї.
Пошла, отправилась эта бѣдная дѣвушка.

— „Бѹзѡв убмавбїдаја діла халмазліс,
Могилы не копайте моему другу,

Арцла қван-їлібе далї вайбїдну.
Въ серебряный сундукъ мною (я) ибо положу.

Ѓвѡв дурѣаддаліра, ѣанці кімајіда,
Если могли выкопаете, земли не насыпайте,

Ѓанцілішід кајзід кара-іѣані;
Вмѣсто земли нбо насыплю бобы - камни;

Ѓанці каѣадаліра, ѣелда мадірқід,
Если землю насыпете, памятник не дѣлайте,

Ѓелдаліс тапрілзасну қівлаіраѣлі;
Вмѣсто памятника нбо стану я на югъ;

Ѓелда каѣакѣдра, талқім мавучад,
Если памятник поставите, молитвы не совершайте,

Талқімліслід дучад дігајла хавар.“
Вмѣсто молитвы я спол любви пісни (разказы).

Два друга.

Прошло цѣлѣхъ семь дней съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ другъ: да попадетъ въ его подругу семь пуль, если она знала объ этомъ.— „Иди-ка, о подруга, въ единственному другу моему и узнай, чѣмъ онъ боленъ.“ Она наполнила сумки трехцвѣтнымъ сахаромъ, а бутылки изъ бѣлаго фарфора наполнила напиткомъ. Дѣвушка вышла и отправилась. „Здравствуй, товарищъ моей подруги! что у тебя болитъ, товарищъ моей подруги? и что у тебя передомлено?“— „У меня болѣзнь неизлѣчимая и переломъ незаживающій. Зачѣмъ не пришла ко мнѣ подруга моя?“— „Подруга твоя не могла притти сюда, потому что у нея въ домѣ находятся братья, подобные шакаламъ, и отецъ, готовый сѣсть собачье мясо.“— „Она сочла унизительнымъ для себя притти ко мнѣ, а потому гордо будетъ рассказывать вокругъ моей могилы; она не сочла меня достойнымъ посѣщенія, а потому съ пренебреженіемъ будетъ смотрѣть на мои носилки.“ Эта дѣвушка не дождалась возвращенія своей подруги и вышла изъ дома, чтобы разузнать о своемъ другѣ. Она увидѣла, какъ готовили золотыя носилки и спросила: „Для кого-же готовятъ эти носилки“

ки, о праведный Боже?" Увидѣла она какъ копали мрачную могилу и спросила: „Для кого-же копаютъ могилу, сосѣди мои?“ Одна вдова ей отвѣтила: „Могилу копаютъ для твоего единственнаго друга и носилки приготавливаютъ для него-же!“ Эта несчастная дѣвушка пошла на могилу и сказала: „Не копайте могилы для друга моего, ибо я положу его въ серебряный гробъ; если-жъ выкопаете могилу, то не насыпайте земли, ибо вмѣсто земли я насыплю драгоценные каменья; если-же насыпете землю, то не дѣлайте статуи, ибо вмѣсто статуи стану къ югу сама я; если-же поставите статую, то не читайте погребальныхъ молитвъ, ибо вмѣсто молитвъ я буду пѣть любовныя пѣсни!“

ХII.

Зумікан дурбѣра Азајлан рурсіра.
Казкумыкъ юноша и Азайнійская дѣвушка.

Зумікан дурбѣлара, азајлан рурсілара дібіллі-
Между казкумыкомъ юношей, и азайнійской дѣвужкой возгорѣ-
іквар діга. Нің зумікан дурбѣлі һіх азајлан рурсіліс
ласъ любовь. Тѣмъ казкумыкомъ юношей этой азайнійской дѣвужкѣ
шаһі камлі швал тумјеп дітақів кулхмі духів; һің зумі-
пяти копѣекъ безъ пять тумановъ вѣсившіе браслеты повесь; тѣмъ кази-
кан дурбѣлі һіх азајлан рурсіліс шаһі камлі швал ку-
кумыкомъ юношей этой азайнійской дѣвужкѣ пятачла безъ пять руб-
руп дітақів тулемі духів.— „Урқіла қавул һалмаз, һанаһа
лей вѣсившія кольца повесь. Сердца любезный другъ, теперь
ну чарулкас.“ — „Урқіла қавул һалмаз, чарулкадлі һу
я вервусъ. Сердца любезный другъ, если (ты) вернешься ты
кајбі, цув қалулла *) дәһлізір цудар қалулла һулів һілар
домой, на бѣло-джалуловомъ лицѣ черно - джалуловые глаза позади

*) Джалуль— драгоценный камень, соответствующаго названія которому я въ русскомъ языкѣ не знаю.

датулли уқәән. “Цуь цалулла дæблѣзир цудар цалулла булви
оставивъ иди. На бѣло-джалуловомъ лицѣ черно-джалуловыя глаза

ѣлар датулли уқәс, була ваккал рузвали „мур-и шаравну
позади оставивши уйтъ, твоими многочисленными сестрами сладкій напитокъ

ілі“ дудуну, абдалтасра. — „Урқіла қавул һалмаз, бу ар-
сказавъ выпьютъ, почему не оставлю. Сердца избранный другъ, ты если

қwæли-арқәдлі, цувиѣяла чархлізир дал-ун чавалла урқі
уходишь, на бѣло-каменномъ тѣлѣ колотаго сахара сердце

ѣлар датутулли уқәән. — „Дал-ун чавалла урқі ѣлар
позади (за собой) оставивши иди. Колотаго сахара сердце позади

датулли уқәс, булла ваккал узвали „цува чаварну“ ілі
оставивши итти, твоими многочисленными братьями „бѣлый сахаръ“ сказавъ

дугану, абдалтасра. — „Арқwæли бу арқәдлі, урқіла қавул
сѣдятъ, почему не оставлю. Если ты идешь, сердца избранный

һалмаз, Азајунтла ші ака, ѣявал һварчімаг дæка, ѣяјна
другъ, Азайнійское селеніе пройди, три плети ударъ, трижды

ѣлаwæѣ бар-а. “ Азајунтла ші æкѣв, ѣявал һwærчімаг дæ-
назадъ взгляни. Азайнійское селеніе прошель, три плети уда-

кæв, ѣяјна ѣлаwæѣ бар-ів: ѣіwіулі мурда ліw. — „Ассаламу
ривъ, трижды назадъ посмотрѣль: догоная всадникъ есть. Здравствуй,

ѣялајкум, пæкѣр зумѣван дурбæ! — „Wa ѣялајкум салам, ур-
бѣдний казникумъ юшоа! Здравствуй, ло-

чіла мурда! — „Азајунтла маллува була қавуліл шала акваллі
пади всадникъ! Азайнійскими муллами твое любимое свѣтло подливши

архуліну, ѣлаwæѣлі чарһажі. “ Тæсукуј бураукун, ѣлаwæѣ-
ибо несуть, почему обратно вернись. Пригнувши сѣзъ, обрат-

лі чарукун, кашлі һурһур датаів, урчіва ватвітаів, ѣлаwæѣлі
во вернулся, на луку уздечку положилъ, и лошадь выпустилъ, обрат-

ласукун. Урқіла қавул шала дæѣ-дæѣлі цугсадѣив, азај-
вернулся. Сердца избранный свѣтъ лицомъ къ лицу встрѣтися, азайній-

унтла маллува аквалліин архулі. — „Ассаламу ѣялајкум, азај-
скими муллами поднятый и ушесимый. Здравствуйте, азайній-

унтла маллуви! — „Wa ѣялајкум салам, пæқѣр зумѣван дурбæ!“
скіе муллы! Здравствуй, бѣдний казникумъ юшоа.

— „Ца Аллах ваһанадан, квірдібаја гванзайші, арзаја
 Единого Бога ради, положите на землю, распорите
 вібри-капан, ца шіон-дайкаја.“ Вібри-капанна арзів, суніинна
 саванъ, разъ покажите. И саванъ распорили, и нмъ (онъ)
 шідаів суніла қавул шала. Цаназалі цан асів, булвалі булві
 увідѣлъ свое избранное свѣтло. Трупомъ душу взялъ, глазами глаза
 дірців, урқілі урқі дірвун. Азајунтла маллува зумікіла
 вышли, сердцемъ сердце съѣли. Азайнійскими муллами къ казкумнскому
 маллачу ділқун казар, дарбаів: — „Ца дігајлі алхунтес,
 мулгъ написавъ письмо, отправили: Отъ одной любви умершихъ,
 ца карцілі вівқитес дарман сі саре?“ ілі. — „Ца
 отъ одной радости скончавшихся гѣкарство какое есть, сказавъ. Отъ одной
 дігајлі алхунті, ца карцілі вівқівті ца бівæрі баві-
 любви умершихъ, отъ одной радости скончавшихся въ одну могилу помо-
 баја, падабі капан дақаја.“ Падабі капанна дæқів, ца
 жите, одинъ саванъ сдѣлайте. И одинъ саванъ сдѣлали, и въ одну
 бівæріра бавібів. Іл бівæвла дупнарадлі қвіјал галгара дақів:
 могилу положили. Этой могилы изнутри и два дерева выросло:
 ца чакалла, ца налла. Ыаддвæб бавукалірі, цалічу-ца
 одно сахарное, другое гранатовое. Сверху вѣтеръ если дулъ, другъ къ другу
 кацдірбів, аддвæб авукалірі қвелла діқарадірбів. *)
 принимали (обнимались), снизу вѣтеръ если дулъ оба расходились.

Юноша-казкумыкъ и дѣвушка-азайлантка.

Возгорѣлась, говорятъ, любовь между молодымъ казку-
 мыкомъ и азайнійской дѣвушкой. Тотъ молодой казкумыкъ
 понесъ этой азайнійской дѣвушкѣ браслеты, вѣсившіе пять-
 десять рублей безъ пяти копеекъ, тотъ молодой казкумыкъ
 понесъ этой молодой Азаянтѣ и вольца, вѣсившія пять руб-
 лей безъ пяти копеекъ. — „Сердцу моему угодная подруга,
 теперь я возвращусь.“ — „Сердцу угодный другъ, если ты те-
 перь вернешься домой, то возвращайся, оставивъ за собой чер-

*) Эта гѣсія записана на хурклинскомъ языкѣ.

ные джалуловне глаза въ бѣломъ джалуловомъ лицѣ.“— „Черные джалуловые глаза, если оставить на бѣломъ джалуловомъ лицѣ, твои многочисленныя сестры, принявъ ихъ за сладкій напитокъ, могутъ выпить, а потому не оставлю.“— „Сердцу милый другой, если ты непременно уходишь, то на бѣло-каменномъ тѣлѣ оставь сердце изъ золотого сахара и иди.“— „Если я оставлю за собой сердце изъ золотого сахара на бѣло-каменномъ тѣлѣ, твои многочисленные братья примутъ его за бѣлый сахаръ и съѣдятъ, а потому не оставлю.“— „Если ужъ непременно ты уѣзжаешь, милый другъ моего сердца, то пройди селеніе Азайни, ударь три раза вьнотомъ и трижды посмотри назадъ.“ Онъ проѣхалъ селеніе Азайни, три раза ударилъ плетью и трижды посмотрѣлъ назадъ: за нимъ ѣдетъ въ догонку всадникъ.— „Здравствуй, бѣдный юноша-казикумыкъ!“— „Здравствуй всадникъ!“— „Азайнскіе муллы несутъ съ молитвой твое любимое свѣтило, а потому вернись обратно!“ Онъ прыгнулъ съ лошади, спѣшился, и направился въ обратный путь, уздечку опустивъ на луку сѣдла и выпустивъ лошадь. Сердцу милое свѣтило встрѣтилось съ ними лицомъ къ лицу, уносимое съ молитвами азайнскими муллами.— „Здравствуйте, азайнскіе муллы!“ Здравствуй, бѣдный казикумыкъ-юноша!“— „Ради единого Бога, положите ее на землю, развяжите саванъ и хоть разъ покажите мнѣ ее?“ Они развязали саванъ, и онъ увидѣлъ свое любимое свѣтило. Трупъ отнял у него душу, ея глаза выпили его глаза и сердце проглотило его сердце. Азайнскіе муллы написали и отправили къ казикумыкскимъ мулламъ слѣдующее письмо: „Что дѣлать съ умершими отъ взаимной любви и отъ одной радости?“— „Умершихъ отъ взаимной любви и скончавшихся отъ общей радости похороните въ одной и той-же могилѣ и сдѣлайте одинъ общій саванъ!“ Сдѣлали одинъ общій саванъ и положили ихъ въ одну могилу. Изнутри этой могилы выросло два дерева—одно

сахарное, а другое гранатовое: когда дулъ сѣверный вѣтеръ, то они обнимались другъ съ другомъ, а когда дулъ южный то оба расходились.

АВАРСКИЯ СКАЗКИ.

(Записалъ и перевелъ Біакай-Абдулаевъ).

1. Рацдал чу. Морской конь.

Вуқаніла вуқінчіла го пачаф; пачафасул цабго
Быль (говорять) не былъ (говорять) одинъ царь; у царя и три

вафгі вуқаніла. Шіѣаб аллафасул қојаі, радарадаліса,
сынъ-и былъ (говорять) Каждый Божій день по утрамъ

інсуде таде унааніла цабауго вас, дос шібда
отцу къ, вверхъ ходилъ (говорять) всѣ трое сынъ тотъ что же

буѣурулајалі біфізе. Іѣаніла ал го қојаі інсуде
прѣкажетъ видѣтъ Пошелъ (говорять) они одинъ день отцу

таде, ватаніла азда ау пісаб неѣого цаг паш-
къ, вверхъ нашелъ (говорять) ими (въ нихъ) онъ счетъ не ямѣи очень пе-

ман. «Дује іунараб шіб, раѣараб којшаб хабаріш,
чальный. Тебѣ случившіеся что слышанное дурной повости что-ли

таде бунѣараб қудіѣаб балаһіш, дур пашманці
на, къ, вверхъ достигнутое, большой бѣда что-ли твой печаль

шіб?» Піқаніла аз інсуда. «Раѣараб којшаб хабаргі
что Спросилъ (говорять) они отца. Слышанное дурной и новостъ

горін, таде бунѣараб қудіѣаб балаһгі неѣін», абуніла
нѣтъ на, къ, вверхъ достигнутое большой и бѣда нѣтъ сказалъ

інсуца; «дун урѣалиѣ реѣараб жо һаб
(говорять) отецъ я, меня въ безпокойствіе бросившее то это

араб сардії діда біһараб мало бугін: бітун рац-
прошлой ночью мною видѣнный сонъ есть прямо (какъ разъ) изъ

даһан қоатібе бақ бакхулеб һужаһ, бақалда хадуб
моря наружу солнце выходящее порой солнцемъ за, сзади

рақадраһалде то һазокаһаб чу қанцанін;
на морской берегъ одинъ снѣжно-бѣлый конь, лошадь вскочилъ, прыгнулъ

бер қаншізеһан мехаһ ꞑабцол дуніјалгі сојрун терһун
глазъ закрывать временемъ трижды міръ и окруживъ скрывшись

накујгі раңдаһе анін еб; елда хадуб раңдал тиналде
опять въ море ушелъ оно нимъ за морское на дно

бортун араб һадін дір рақгі һуһанін, һаб дір
упавъ пошелъ будто мое и сердце сдѣлалось это мой

улкајалдаса, дуніјалалдасаго рақ анін дір,
изъ отъ парства даже отъ свѣта сердце ушелъ отъвратилось мой

һеб мало біһаралдаса». Һебгі бітун, һенекхун
это сонъ съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ. И это рассказавъ выслушавъ

чаніла пацаһ. «Ниж інін, емен, еб чода хадур»,
сталъ (говорять) царь. Мы уйдемъ отецъ это конемъ за

абуніла ꞑабауго ваѣас, ја еб батун, ја хун, қіја-
сказалъ (говор.) всѣ трое сынъ или оно найдя или умерши изъ

һулго тојаб һуһінчогон ніж накрусінарін».
двухъ одно не случивш., не сдѣлавш. мы назадъ не вернемся

Реқаніла ꞑабауго чода, һуһаніла қоатіре.
Сѣлъ (говорять) всѣ трое на лошадь вышелъ (говор.) наружу

ꞑабабілеб қојаһул қаңул һужалда шоаніла ал
На третій день въ полуденное порой прібылъ (говор.) она

нух ꞑабіпулеб бақалде; нух біпуда чоан
дорога три раздѣлившее на мѣсто дорога на раздѣлѣ вбитъ, убить

занігі бугіла, зонода коарал һал раһабігі ругіла:
и столбъ есть (говор.) на столбѣ написанные эти и слова суть (говор.)

«коанараб нухаїгі, којѣаб нухаїгі араце шїбго
правой дорогой и лѣвой дорогой и шедшему ничто (никакой)

лїнқи нечо, хорлосеб нухаї арау ја хоїла ја
боязнь, опасность нѣтъ среднїй дорогой шедшїй или помереть или

талїб лун вусїна. Кудїјау вац коанараб нухаї валаһа-
счастье отдавъ вернется. Старшїй братъ по правой дорогой смотрѣль,

нїла, хорлокеу којѣаї валаһанїла,
направился (гов.) среднїй по лѣвой смотрѣль, направился (говорять)

нїїнас бїтуке боцанїла.

младшїй прямо погналь (говорять).

«Кївеїн мун інеу, неб лїнқараб нухаї, нежеда тадак
Куда ты идешь что опасный дорогой съ нами (насъ) вмѣстѣ

їїаїн», аїтанїла асде вацал. «Кїоарїчїн! Аллаһас коа-
пойдемъ крикнуль (говорять) ему братья. Ничего Богомъ на-

раб буқїнеб батїлїн, аїн нужго, нагаһ дун вусїнчонанї
писанное будетъ навѣрно или сами въ случаѣ я если не вернусь

їїуһа-бакараб інсудегї бетеїн», небгї абун жїндїрго нухаї
о случившемся и отцу разскажи и это сказавъ своего дорогой

їїанїла ау.

попелся (говорять) онъ.

їїанїла ау һанжі, іїанїла, һеме́рау іїанїла,

Попелъ (говорять) онъ теперь пошелъ много (долго) пошелъ (гов.)

даһау іїанїла, қад іїанїла, қасе іїанїла,
мало, коротко пошелъ (гов.) днемъ пошелъ (гов.) ночью попелъ (гов.)

неїер мебер то танїла чїјар мебер қїго танїла, қїго-
наша гора одинъ оставилъ (г.) чужой гора два оставилъ (гов.) два-

рабго шоб танїла, шуго-анїго хал танїла, маһар-
три холмъ оставилъ (гов.) пять-шесть ущелье оставилъ (гов.) (отъ,

зукa қалдїребадал қудїјал нухалгї тун шоанїла ау
изъ) носа до рта (такихъ) большихъ и дорогъ оставивъ дошелъ онъ

то заманаддасан цаѣаб гамилаб роѣове. Сојрданила
черезъ одно время очень, очень дремучій въ лѣсъ. Крутился (гов.)

ау неб роѣоу, сојрданила, ая.ица сојрданила, моѣица сојрда-
онъ это въ лѣсу крутился (гов.) недѣлю крутился мѣсяць крутился

нила, вѣго, ѣабго, унѣо моѣица сојрданила; ја ѣадамасул
два, три, четыре мѣсяца крутился или человѣческій

ѣарѣ батіѣила, ја ѣадамасул руѣел батіѣила, ја
слѣдъ не нашель (г.) или (ни) человѣческій жилище не нашель (г.) ни

роѣоса қоѣѣбе нух батіѣила. Ваѣанила ау, ѣечанила,
изъ лѣса наружу дорога не нашель (г.) Голодалъ (г.) овъ жаждалъ (гов.)

ѣад реѣараб реѣел хоанила, зорл реѣараб чу
на верху одѣтый одежда износилаь (умеръ) на низу осѣданный лошадь

хоанила јарѣѣа лаву ѣоанила, руѣалдаса ѣул
издохъ (умеръ) на оружїяхъ рѣавчина появилаь (г.) отъ души надежда

ѣоѣанила. Неб ѣалаалда вуѣаго, батанила асда, то ѣојаѣ,
отрѣзалась. Это положенїе находяь нашель (г.) отъ одинъ день

ѣадамасул ѣарѣ, аршун ѣеѣуда бугеб; ѣабго аршун ѣалат-
человѣческій слѣдъ аршинъ по ширинѣ имѣющїй три аршинъ по дли-

ѣуда бугеб.

яѣ имѣющїй.

їѣанила ау, ѣанѣї, вѣїѣѣукан ѣарѣѣа хадуу ѣемерау
Пошелъ (г.) онъ теперь прямо слѣдомъ за свади много

їѣанила, даѣау їѣанила, шоанила роѣїл бегералде; бала-
пошелъ (г.) мало пошелъ (г.) дошелъ (г.) лѣса до головы поспо-

ѣанила бугїла ѣудїѣаб аулак; аулак балуї зобаладе
трѣль (г.) есть (г.) большой поляна поляна срединѣ къ небесаь

араб кала бугїла, калајалда сојрун махул ѣобоѣа
шедшїй замокъ есть (гов.) замки кругомъ желѣзнымъ прутьѣмъ

ѣуѣараб чармїл казік бугїла, казік рїхун қоѣабун ѣада-
переплетенный стальной колъ есть (г.) колъ считая вѣить человѣ-

масул бетергі бугіла; шоаніла ау абзарајуве, йуһаніла жа-
ческая голова и есть (г.) дошелъ онъ во дворъ вошелъ

ніве, жігіла цадак бодојқун карт. Вежерун дојул кеке
внутрь есть (г.) у огня сидя баба-яга. Подбъжавъ ея спська

қалдіб қоаніла ас.

въ ротъ вложилъ онъ.

«Мун дір вақнанін, һанжі, дун дур ебелһанін, горе-
Ты мой усыновился теперь я твой матерью стала иначе,

бані, діца мун һадін һавлаанін», абуніла картіца, қібігі
не то я ты (тебя) такъ сдѣлала-бы сказалъ бэба-яга и пополамъ

тун заста бегун буқараб ветогі хун рехун.
разорвавъ у камня лежавъ находившагося кошка — проглотивъ бросивъ.

Һіқаніла һанжі ај вақасда: «мун кісајін, дур қоара-
Спросилъ теперь она юношу ты откуда твой дѣло

Һел шібін»? жіндірго қоараҺел буқа, нухта йуһа-бакараб
что свое дѣло-ли въ дорогѣ случившееся-ли

буқа, шіјаб жо бітаніла ас алда.

каждый вещь рассказалъ онъ ей.

«Анлаго вақ вугевін дір», абуніла картіца, «анлаугогі
Есмь сынь есть мой сказалъ баба-яга всѣ семеро

нарт; шіјаб Аллаһасул қојај чанаре һоадулелін ел,
богатырь каждый Божій день на охоту ходять они

жақагі унругелін, накрусіне мехгі шунбугебін езіје;
и сегодня ушедший суть назадъ вернуться и время наставъ есть имъ

Һаб Һансініу вахчун һагі вуқажін мун; гороні, виһунака,
этотъ въ сундукѣ спрятавшись хоть будь ты иначе, нето если уви-

ез мун қоаюгон теларін; дур мурадқун бугеб жо
лять они себя, ты не убьвз не оставитъ твой желаніемъ сущій вещь

діца езда һіқілін, езул тојасданігі қаюгон хутіларебін еб Һан-
я ихъ спрощу ихъ хоть однимъ не узнавъ не останется оно въ

сініу ваґгі вахчаніла, абзараїуб руруј угрузулі
сундуѣ юноша тоже спрятался (говор.) на дворѣ вой, лаї гончихъ и

бақаніла, анлауго нартгі ваїаніла; шіјасда ґежда
ждался всѣ семь богатырь и пришелъ (говор.) у каждаго на плечѣ

џун чінарідал ґојт бугіла, шіјаб ґоґода
положивъ чинаровой древо есть (говор.) на каждомъ деревѣ

того чан бугіла. Абзараїуре шојгон ґодоре
по одному олень есть (говор.) Во дворѣ прядя на поль, на

зутбігі рехун, ґаг џејан ебелалдегі
землю деревья тоже бросивъ котель поставъ матери тоже

ґаралгі ґабун, ґабіґадін сенґелаго іуґаніла анлауго
крикъ тоже сдѣлавъ какъ собаки нюхая вошли (говор.) всѣ семеро

жаніве, авласго абуніла тадак: «ґадамасул маї буго ґа-
внутри всѣ семь сказалъ (говор.) виїстѣ челоѣчій запахъ есть че-

дамасул маї буго». «Нуж туруніш, ґагџуніш?» абун
ловчій запахъ есть. Вы сѣѣслись чтоли съ ума сошли сказавъ

јаґаніла азде ебел, «кісајін буқунеб ґаніб ґадамасул маї?
выругала имъ мать откуда будетъ здѣсь челоѣчій запахъ

нождаго бахун батілін еб кіркірнігі сојрді-
на васъ сѣмихъ мазать, заразивъ навѣрно есть оно по-всюду крутясь

лагон». Беџун ґангі џуніла ебелаї азда цебе,
Сваривъ мясо тоже положивъ (говор.) мать имъ передъ

асқоб то руқґанасеб ґаґдал ґереґгі џуніла.
рядомъ одинъ величиною съ комнат. джабиній кувшинъ тоже положиъ

Коанан ґеқон ракараб мехаї, ґіқаніла ебелаї
(гов.). Наѣвшисъ напившисъ вставшее время спросилъ (г.) мать

азда: «раґдаїан қоатібе баџунеб, бер қаншізеґан мехаї
ихъ изъ моря наружу приходящее глазъ закрывать время

ґабқол дуніјал сојрулеб, ґедінаб чуго бугебішан?» абун.
трижды свѣтъ крутящій такое конь есть что-ли сказавъ.

Анѣауго қудіау парт қаңаҫогон ҫавіла, вішун
Шестеро старшіі богатырь не говоривъ стагъ (г.) самый

Һітінас абуніла: «бугебін, ебел, һедінаб чу, һеңул
младшіі сказаль (говор.) существ. есть мать такое конь его

бетерһанҫігі раңдал тиналда вугеу раңдал паҫаһін. Шіјаб
хозяинъ тоже морской на днѣ живущій морской царь. Каждый

Аллаһасул қојаі, раңдаһан қоатібе бақ бакхулеб һужаһ
Божій день взъ моря наружу солнце выходящее порой

раңдаде қаңцубебін еб чу; бер қаншізеһан мехаһ цаб-
на сушу вскакиваетъ это конь глазъ закрывать время (мигъ) три-

цол дуніалгі сојрулебін ең, раңадраһалда бугеб раһдал
жды свѣтъ и окружаетъ она на морс. берегу сушиі молочномъ

Һорінібгі чордон, ҫалдагі гебеганқдун, тәрһун
въ озерѣ и выкупавшись на песокъ и повалявшись скрывшись

накујгі каһілаб раңдаһе унебін еб; раңадраһалда, зобаладе
опять синій въ море уходитъ оно на морскомъ берегу къ небесамъ

араб то ҫинарі бугебін, һелда тоһіб, һеб чода
шедшіі одинъ чинарь и есть на него верхушкѣ это па коня

цолеб меҫеділ лілігі, елда балеб һартол цолор-
кладущій золотой сѣдло и на него надѣваемый серебряный уздечка

кагі бугебін....» «Һелін, һелін, ліжајін һанжі, соакоан
тоже есть довольно довольно спи теперь уставшіі

ратілін нуғ», абуніла ебелаһ ваҫаде. Регун анлауго
суть навѣрно вы сказаль (говор.) мать сыновьямъ. Лежа всѣ семеро

нартгі ліжавіла, ҫансініса қоатібе аһ ваҫгі
богатырь и заснулъ (гов.) изъ сундука наружу она юношу и

вечаніла; реҫіне реҫелгі луніла аһ асіје, реҫіне
выпустиль (говор.) надѣтъ одежда тоже отдалъ (говор.) она ему сѣсть

чугі луніла, базе јараҫгі луніла, қоара-
конь и отдалъ (гов.) навѣситъ оружіе и отдалъ (гов.) все

Ѓаншінаб жогі лун, раџаке нухгі бибізабун, аніа
нужное вещь и отданъ къ морю дорогу и показавъ ушелъ (г.)

валаһизавун. Іџаніла ау, іџаніла, њемерау іџаніла, да-
направнишисъ Пошелъ онъ пошелъ много пошелъ (гов.)

Һау іџаніла, шовніла, то замавадасан, раџадра-
мало пошелъ (гов.) дошелъ (гов.) одинъ черезъ время на морской

џалде. Раџалда донџгі буканіла ас, њеб донкнивегі іџу-
берегъ. На берегу яма тоже выкопалъ (гов.) онъ это въ эту тоже вой-

һун, бер қашіџогон, бақ бакхізеџан џодоуџун вуџаніла ау.
ля глазъ не сомкнувъ солнце до восхода сидя былъ (гов.) онъ.

Роһаніла кабіџгі бавіла, раџаџан қоаџібе бақгі бакхани-
Утренній разсвѣтъ тоже изъ моря наружу солнце тоже вышло

ла; бақалда хадуб балаһун аугі вуџагон, раџадра-
солнца за, задн смотря онъ и когда былъ на морской

џалде чугі қанџаніла, бер қаншізеџан мехаџ џабџол дуні-
берегъ конь прыгнулъ (г.) трижды

јагі сојрун, раџдал һорінібігі чордон џалда
въ молочномъ озерѣ тоже выкупавшисъ на пескѣ

гебеганџділа буџаніла аб. Қанџун ехедегі вакун, бороџ
валяласъ (гов.) она. Вспрыгнувъ вверхъ и вставъ зѣџа

Һадін жеманіла аіџул горбода ваџ; џабџол кабілаб зодік
какъ обвился на его шеѣ юноша снній на небѣ

тункіледук ехеде қанџаніла каџаб чу, џабџол, џодоб
чуть не ударясь вверхъ прыгнулъ (гов.) бѣлый конь на землю

реџун џеџераб рал џорезабуніла, — кінго бечачіла
ударившисъ черное земля заставилъ колыхаться ни за что не выпустялъ

ваџас вхураб габур. «Берһзнін мун дідаса дурџанін һавжі
юноша схвачено шел. Побѣдилъ ты отъ меня твоимъ сталъ теперь

дун; џејін діда лілі, бајип діда џолорка, тад мунгогі
я положи на меня сѣдло надѣнь на меня уздечка на верху ты самъ в

реқажін», абуніла чоца. Ҷоғодаса боқун лілігі җуніла ас
садисъ сказаль конь. Съ дерева взявъ сѣдло и положивъ (г.) онъ

алда, чолоркагі баніла, тад жиугогі реқаніла. «Дуца
на нее уздечка и надѣль (г.) на верху самъ и сѣль (г.) Ты

маҗејін, ханжі, діца һабілін», абуніла чоца.
приказывай, учи теперь я сѣдлаю сказаль (г.) конь.

«Вачејін дун дір інсул улкажалде», абуніла вақас.
Вези меня мой отца владѣніе сказаль (г.) юноша

Іҗаніла, ханжі ал іҗаніла, һемерал іҗаніла, даһал іҗаніла,
они

тәрһун бақгі аніла, лаҗһеһераб сордоһаніла; һеб
скрывшись солнце и ушелъ (г.) углечерное ночью сталъ это

саһатаһ, накујгі, қад-қо һадін җунһаніла. «Абго шіб
часъ опять свѣтъ, день какъ сдѣлался (г.) Это что за

һаламаһи?» абун, цеве балаһаніла вас, бугіла қудјаб
диво сказавъ впередъ посмотрѣль юноша есть (г.) больше

аулак, аулак балуј, кунҗо-кунҗан, то жогі бугіла. Һабу-
поляна, поляна срединѣ одинъ вещь и есть (г.) Уда-

ніла ас, бақаніла шоаніла таде бугіла меҗеділ һу-
рплъ (г.) онъ погвалъ (г.) дошелъ вверхъ, до него есть (г.) золотой пухъ.

лі. «Боқіліш діца һаб, боқіларіш?» һіқаніла ас чода.
Взять, возьму я это или не возьму спросилъ (г.) онъ коня

«Боқанігі рақалда буҗіліл дуда, боқіһонігі буҗіліл», абуніла
Возьмешь пожалѣешь тебя и не возьмешь пожалѣешь сказаль

чоца. «Боқіһонігі рақалда буҗулеб еб, боқунго буҗун җіқін»;
конь. Не взявшій и пожалѣеть оно взявши жалѣть лучше

абун, тоғрода һулігі қазабун іҗаніла ау. Іҗаніла,
сказавъ на шапку пухъ и воткнувъ пошелъ, поѣхаль (г.) онъ. Шель (г.)

іҗаніла, шоаніла то шаһаралде; сојрун галаһ бугіла қан
шчъ (г.) дошелъ одинъ въ городъ кругомъ стѣна есть (г.) запер-

кавабі ругіла, кісанго жаніве џуһіне баџ һеџіла.
тымъ ворота суть (г.) ни откуда во внутрь войти мѣсто вѣтъ (г.)

Шаһараџул раһалда го іц батун һеніу респтаніла
Города на краю одинъ ключъ, родникъ найдя тамъ слѣзь, оста-

ау. Абуніла чоца асде: «бечажін һанжі дуца дун
новился (г.) онъ. Сказаль конь ему отпусти теперь ты меня

харде; қоараһараб мехаџ, һараал һабејін дуца, анлго меһер
на траву въ нужное время крикъ сдѣлай ты семь гора

бегундобеҳун бугонігі, бер қаншізеһан мехаџ, дуда
по ту сторону хотя буду глазъ моргнуть время тебя, тобой

цебе џелебін дун». Бечаніла ас чу, зора
передь стану я. Отпустиль (г.) онъ конь внизъ, подь собой

џенгі тамуніла, қаданіб лілігі џуніла, таде
потникъ и подостлаль (г.) подь голову сѣдло и положилъ (г.) на верхъ

буртінагі реһаніла, тоғродаса бакун веҗеніб меҗеділ һулігі
бурку и бросилъ (г.) изъ шапки вынулъ въ карманъ золотой пухъ и

џуніла, ліжаніла һанжі ау, џабқого сордо-қо бор-
положилъ (г.) заснулъ теперь онъ шестьдесятъ ночь-день (сутки) ко-

џарау чі һадін. Ҷад һадін сордо гоанзун бібідал
торый не спалъ челоувѣкъ каҗъ. Днесь какъ ночь сіяющимъ увидя

џақ һінқаніл доб шаһараџул һадамал; паҗаһасуке җонҗа-
очень испугался тотъ городской люди къ царю прыгну-

ніла, біһараб һаламат бігіне; аздасагі џақ
ли, кинулись видѣнный диво разсказать ихъ самихъ очень, сильво

жіуго паҗаһ һінқаніла, шаһар сојрун караул таніла,
самъ царь испугался (г.) города кругомъ караулъ поставилъ, оста-

роһінеһан ліжіііла. Роһараб мехаџ, нуҗго чі
вилъ до утра, разсвѣта не спалъ (г.). Когда разсвѣло сто чело-

вітаніла паҗаһас, реҗа-ворчуи, шаһартун қоатіве.
вѣкъ послалъ (г.) царь вооруженнымъ городъ оставилъ наружу.

Жігі ворчіґогон ватаніла азда ау ваґ; тунка-лунсун
Еще не проснувшись нашель (г.) они, ихъ онъ сынъ, толчкомъ, убо-

ворчізегіһавун, пачаһасуке вачаніла аз ау. «Мун
ломъ (уколовъ) разбудивъ къ царю повель они онъ. Ты

шіу, дур роґо-рал, кісан шоарау һавіве?» һіґаніла пача-
кто твой селеніе, страна откуда дошелъ сюда спросилъ (г.) царь.

Һас. «Дідагогін ґаларін дун кісајалі, һадінго, ґалһаде ду-
Я самъ даже не знаю я откуда такъ себѣ со скуки свѣтъ

ніјал сојрулеу чі вугін дун», абуніла ас. «Һаб
крутящій человекъ есть я сказалъ (г.) онъ. Это

араб ґордо гоанґјаһул һаламат, ґаларіш дуда, мун
прошлый ночь сіянія диво (причина) не знаешь тебя, ты ты

ґоатіугі вуґанін?» һіґаніла пачаһас ґіабізегі. «Пеһул һа-
снаружи и были спросилъ (г.) царь вторично. Это диво

ламат һалејін», абун луніла ас пачаһасуке, кеґеніса
(причина) вотъ она сказавъ отдавъ (г.) онъ царю изъ кармана

Һакун, меґеділ һулі. Ајан һулі біһігон, бігун һадан
вынувъ золотой пухъ. Лпшь, едва пухъ увидѣвъ разсказавъ человекъ

божілареб, ролі вханіла пачаһасула доб һулі ґаса
не вѣрящій любовь появилась (попалъ) у царя тотъ пухъ сверху

бортараб боржунеб жојаһуґ. Абуніла пачаһас асде: «кіса
упавшаго летящій за вещь (птица). Сказалъ (г.) царь ему отку-

балаһунгі, һаб һулі ґаса бортараб руһіґагоґі шојзабејін
да-бы не искалъ это пухъ сверху упавшее существо доставъ

дуца діке, гороні, діца дур беґер ґоґун рехілін». Жінцаго
ты ко мнѣ иначе я твой голова отрѣзавъ брошу. Самимъ

бујурараб жо ґобазабізе һедізегі һавуніла ау пача-
приказавшую вещь чтобъ исполнить поклясться и заставилъ (г.) онъ царь

Һас. Іһаніла ваґ һодобе беґергі ґамун; шаһар-
Пшелъ (г.) юноша на полъ, внизъ голова и повѣсивъ оставивъ

тун қоаџиве шоараб мехаї, һабунїла ас чоде һарап,
городъ наружу дошедшїй время сдѣлалъ (г.) онъ коню крикъ

кїсан баџарабалї џаџогон, себе џанїла асда каџаб чу.
откуда пришедшїй не зная передъ сталъ (г.) его, нїмъ былъ конь

«Дур пашманџї шїб?» һїџанїла аї ваџасда. Бїтанїла
Той печаль что спросилъ (г.) она сына, юношу. Разказалъ

ас алда паџабасулгон џуһа-баџараб. «Расгі пашманџуге мун»,
онъ ей съ царемъ случившееся. Ничуть не печался ты

абунїла чоца: «һебһан бїһаџегїјин һеїеје кїнабо жо;
сказалъ (г.) конь какъ это пусть будетъ легко намъ все вещь

џоб дун жанїб чордараб раһдал һор һеїш?» абунїла чоца.
тотъ я внутри купавш. молочный озеро не-есть сказалъ (г.) конь.

«Бугїн», абунїла ваџас. «Раһдал паџабасул џабго јас
Есть сказалъ (г.) сынъ, юноша. У морскаго царя три дочь

јїгејїн», абунїла чоца; «шїјаб аллаһасул қојаї, қаџуде
есть сказалъ (г.) конь каждый Божїй день къ полудню

баџ бахараб мехаї, макхалџун раџун раһалда
солнце поднявшїсь время въ голубей преврїтївшїсь прїдя на берегу

макхазул џовалгі таса рехун, һеб һорїнїр чордоле.нїн ел; јї-
голубей шкуры и сверху бросивъ это въ озеръ купаются они са-

шун һїџиналдаса бортараб һулїјин џоб һеїеда батараб һулї.
мой съ младшей упавшїй пухъ (есть) тотъ наша найденный пухъ.

Һор сојруп ругел каркаї вахчун вуџајїн мун; жанїре дол
Озеро кругомъ сущїе въ кустахъ спрятавшїсь будъ ты внутри тѣ

џуһараб мехаї, боџун џороб џејїн дуца јїшун һїџїнаџул
вошедшее время взявъ за пазуху положи ты самой младшей

џон; џедон раһалдегі јаџун, һарїлебїн еї дуда џон,
шкура приплывъ на берегъ и прїдя будетъ просить она тебя шкура

һаке лејан абун; ворејїн шїб еї бїтајаїеһоло, балаһугејїн
назадъ отдав сказавъ смотри-же что-бъ онъ не разказалъ не смотри

мун еіук: чара-Іамал нечебін тінгі еііје дуда хадуј
ты на нее возможность нѣтъ тогда, потомъ ей тебя зади

іііңчогон». Рекавила ваѣ чода; тін қаніун форике
не пойдя. Сѣль (г.) юноша, сынъ на коня разъ прыгнувъ къ озеру

чугі шоавіла; каркаіі ваѣгі вахчаніла, қаңуде бақгі
конь и дошелъ (г.) въ кустахъ юноша и спрятался (г.) къ полудню солк-

бахавіла, рачун форіл рабалда рабго микхігі чаніла.
це и поднялось (г.) прядя озера на берегу три голубя и остановился,

Таса макхазул тоналгі ракун, нурбадал мусудул—
сталъ. (г.) Сверху голубей шкуры и снявъ какъ радуга въ красави-

пунгіракун, рудун фориііре авіла ра-
цы и превратившись скрывшись, нырнувъ въ озеро ушелъ (г.) всѣ

бајго. Қаніун вакун, қороб қуніла ваѣас жішун
трое. Вспрыгнувъ вставъ за пазаху положилъ (г.) сынъ, юноша самой

нітінаіул тон; іедон рабалдегі јачун, хараніла аі асда
младшей шкура приплывъ на берегъ и прядя просилъ (г.) она его

тон наке лежан абун. Кібан доіі харанігі, бенехіііла
шкура назадъ отдай сказавъ. Сколько та не просила не послушался

ау. Жеде-жедерго тоналгі ретун, роржун авіла қіјајго қу-
онъ. Свои шкуры и надѣвъ полетѣвъ ушелъ (г.) объ стар-

діјај жац. Аітаніла нітінај азда хадуј: «јацал! но-
шая сестра Кригнулъ (г.) младшая нимъ, ихъ за, зади сестры отъ

жодаса јацапун ханіј хутула жігін дун ханжі, дір ретел-
отъ всѣ разставшись здѣсь остаюсь я теперъ мой одежда

техъ бугеб замасбагі шожабејін ножоца ханібе». Раб-
въ котор. есть сундукъ хоть доставьте вы сюда. Триж-

іол чу қаніізебан, накрусунгі рачун, форіл
ды конь пока сдѣлаеть прыжокъ назадъ вернувшись и прійдя озера

рабалда го зарбанасеб замасгі пун, роржун, ка-
на берегу одинъ величиною съ кулакъ сундукъ и положивъ полетѣвъ си-

лілаб зодіре авіла кїјаго кудїяј жац. «Довехун васажін,
нее кънебу ушель (г.) обѣ старшая сестра. Отвернись

діца ретел ретїнеѣан», абунїла жацаї; вусанїла ау.
я одежда пока одьну сказаль (г.) дочь, дѣвица повернулся онъ.

Пабан абїзе ѣаларєб, ѣемер гоанзїяї балаханї бер ун-
Это сказать не знаемый много отъ сїяніе если смотрѣть глазъ за-

тулеб жојаїул ретелгі ретун, чанїла ај асда
болѣеть изъ вещи (изъ матери) одежда и надѣвъ сталъ (г.) она нимъ, его

цеје. Реѣанїла ваѣ чода, нака жаґї
передъ. Сѣлъ (г.) юноша, сынъ на коня назадъ, до дочь, дѣвица, и

реѣнајунїла, іѣанїла. «Кїејїн јачунеј дуца дун?»
посадиль (г.) пошель (г.) Куда везешь, ведешь ты я, меня

нїданїла жацаї ваѣасда. «Паб неїеда цебе бугєб
спросиль (г.) дѣвица, дочь юношу. Это намъ, насъ передъ судїй,

шаһар бїћулїш дуда?» абунїла ваѣас. «Бїћу-
находящїйся городъ видишь-ли ты, тебя сказаль (г.) юноша Вижу

ла», абунїла жацаї; һаб шаһараїул паґаѣасє лєзе ја-
сказаль (г.) дѣвица это городскому царю отдать

чуна јїгїн мун діца», абунїла ваѣас. «Есїе шеїн
везу ты я сказаль (г.) юноша. Ему зачѣтъ

лєлєј дуцаго кїнїн јачунареј дун?» абунїла ја-
отдаешь ты самъ отчего, какъ не возьмешь я сказаль (г.) дѣ-

цаї. Бїтанїла ас жїндїргогі паґаѣасулгі іјуһабакараб.
вица. Разсказаль (г.) онъ и своего-же царя и случившеся.

Неїул бїтуваго, шаһараїул раѣалде шоанїла ај;
Объ этомъ рассказывая города, городской на край дошелъ (г.) они

һенїб чуґї бєчан, јачун јаґгон паґаѣасуке іѣанїла ау.
тутъ конь и отпустивъ взявъ дѣвицу и къ царю пошель (г.) онъ

Јаґ јїћїгон, зарзарѣан бергі һунїла паґа-
Дѣвица лишь увидя величиною съ кулакъ глазъ и сдѣлался (г.) цар-

ласул, мегеж тұртуданіла, тоғаї табі лабавіла, ото-
скій, царя борода затряслась (г.) между собою зубы бились (г.) какъ

цаһадин себе мац рехавіла, шібо раһі наке таміґогон
быкъ впрелъ языкъ бросиль (г.) ничего слово назадъ не отклады-

јаґ јачіне қас һабуніла ас. «Мун һадау херасе
вая дѣвица взятъ намѣрене сдѣлалъ (г.) онъ. Какъ ты такому старику

јаґунарејін дун, қого ґон барау һо-
не приду, не выйду я двадцать лѣтъ которому, совершилось моло-

локанчіңун вакајін, һеб мехаї јачінін дује дун»,
дымъ человекомъ превратись въ это время приду, выйду тебѣ я

абуніла јаґаї. «Араб һурмі діца ківін нақбусінабілеб?»
сказалъ (г.) дѣвица. Прошедш. жизнь я какъ назадъ верну

қаңаніла паґаї. «Шаһараїул раһалда рабқо аршун ґорід-
вышолвилъ (г.) царь. Городской на край 60 аршинъ въ глу-

ңуда бугеб гојнд букізабејін дуца», абуніла јаґаї;
быв. имѣющій колодезь прикажи выкопать ты сказалъ (г.) дѣвица

«һеб гојнд раґадал баһарал һачіјазул раһдалгі ґезабун,
это колодезь чистые красныхъ коровъ молокомъ и наполнивъ

һелда жаніу чорданаві қого ґон барау һолоканчіңун
этого внутри если выкупаешься 20 лѣтъ совершив. молодымъ чел.

ваківін мун». «Дір улкәјалдаго ратіларін һеб гојнд раї-
превратишься ты. Мой даже въ царствѣ не найдется это колодезь мо-

дал ґезабізеһан баһарал һачі», абуніла паґаһас. «Ма
локомъ чтобы наполнить красныя коровы сказалъ (г.) царь. На

һаб», абуніла јаґаї, кеґеніса бакун то һіґінаб којрбац.
это сказала дѣвица изъ варяна вынувъ одинъ маленькое платокъ

паґаһасукегі дун; «һабгі боґун, то чі віґејін дуца.
царю и отдавъ это и взявъ одинъ человекъ пошли ты

маһарде тоһиве вахараб мехаї, һаб һоаһејін абејін дуца.
на гору на вершину поднявшись время это махни скажи ты

есде, — һаб мукго җелебин еб мехаһ баһарал һа-
ему эта вся страна наполнится тогда красных ко-

чиҗазул. Толго шаһар гојнд букизегі тамуніла пачабас;
ровь. Весь, все городъ колодезь копать и заставилъ (г.) царь

то чи којрбаЦгі лун, маһардегі виҗанила. Тоһиве
одинъ чсловѣкъ платокъ и отдавъ на гору и послалъ (г.) На вер-

вахараб мехаһ, һоаһанила ас којрбаЦ, — роһадаса,
шину когда поднялся махнулъ овъ платокъ изъ лѣсовъ

муһрудаса, азарго батабатајаб бақалдаса, һерһелаго қанца-
сь горь тысяча различное мѣсто мыча прыг-

ніла баһарал һачі шаһараһул раһалде. Речанила јасаһ
нулъ (г.) красныя коровы городской на берегъ. Подоилъ дѣвица

ал, җуніла гојнд. Кингі һинқаніла па-
они, ихъ наполнился колодезь. Какъ-бы то ни было испугался (г.) царь

чаһ, қојҗіла жаніве һуніне. «Рачејин һаніре то рішун
не могъ (г.) внутри войти. Ведите сюда одинъ изъ самыхъ

херал рос-җаді», абуніла јасаһ. Вачун ваҗанила нуҗго сон
старые мужь-жена сказалъ (г.) дѣвица. Привела (г.) сто лѣтъ

барау, то херау чигі ефедінау то җужугі чор-
совершивш. одинъ старикъ чловѣкъ такую-же одинъ женщина и вы-

дезаруніла јасаһ ал гојнднір, қоҗо сон барау һоло-
купалъ (г.) дѣвица они, ихъ нъ колодецъ 20 лѣтъ совершив. молодымъ

канчиҗун херау вақаніла, аниҗлашуго сон барај
чловѣкомъ старикъ сталъ, всталъ (г.) 15-ть лѣтъ совершивш.

јаҗһаданҗун херај јақаніла. Тоқау дове-ҙове балаһиҗогон
дѣвицей старуха стала, встала (г.). Болҗе туда-сюда несмотря

қанқаніла пачаһ гојндниве, — тоһиҗадін жанівегі ун һанжігі
прыгнуль (г.) царь въ колодезь какъ свинець внутри и уйда и теперь

вугіла еу еніу. Һиҗ руқајан доб шаһараһул һадамадегі
есть (г.) овъ тамъ. Хорошо будьте тотъ городскимъ людямъ и

абун, вахун тадегон, нака јасгі рекінајун јорџізабу-
сказавъ поднявшисъ наверхъ и сзади дѣвица и посадивъ заставилъ

ніла ваѣас каѣаб чу,—шоаніла то шаѣаралде.
итти мноходою юноша бѣлый конь дошелъ (г.) одинъ въ городъ.

Іѣаніла ау базаралде, жіндіего қоараѣараб жо боѣізе;
Пошелъ (г.) онъ на базаръ себѣ нужно вещь взять

ватаніла жіндірго қудіјау вац, хохораб реѣелгі реѣун
нашелъ (г.) свой старшій братъ изорванный одежда и надѣвъ

беѣербакінаѣе чед бічула. Роѣаніла, қунчаніла,
для существованія хлѣбъ продающаго. Обрадовались (г.) обнялись

бітаніла тутаде жедерго іѣуна-баѣараб. Реѣіве реѣелгі
рассказавъ (г.) другъ-другу свой случившійся. Надѣтъ одежда и

боѣаніла ас ваѣасе, реѣіне чугі боѣаніла, базе јаѣаѣгі
кунилъ (г.) онъ брату сѣсть конь и купилъ (г.) висѣтъ оружіе и

луніла, вачаніла таѣак. Шоаніла тојігі шаѣаралде,—ва-
отлалъ (г.) повелъ (г.) висѣтъ. Дошелъ (г.) въ другой городъ на-

таніла хорлокеу вац, қудіјау нуѣгоѣан паѣіраб ѣалалда
шелъ (г.) средній братъ старшій во сто разъ жалкомъ положеніи

хаѣабчіјасда цеѣе ѣан бічула. Боѣаніла асіјегі қоара-
мясникомъ передъ мясо продающаго. Купилъ (г.) и ему все нуж-

ѣаншінаб жо; іѣаніла ѣанжі ѣабауго вац, таѣак јасгі
ное вещь пошелъ (г.) теперь всѣ три братъ висѣтъ дѣвица и

јачун, біѣіѣукан інсул улѣајалде ралаѣун, ѣаѣаб
взявъ прѣмъ отцовскій въ царство направившисъ (смотря) сильное

жаѣлда кѣаніла ѣанжі қудіјал ваѣазул ѣіѣінасдеѣун.
зависть появилась теперь старшіе братьевъ къ младшему.

«Ніі дуніјалдаго ківін руѣінеѣ, еѣел-інсудаго ківін рі-
Мы даже на свѣтѣ какъ будетъ мать отцу какъ по-

ѣілеѣ, ја нііго хојзе кѣелін роѣоре шојзеѣан, ја ау
важемся или мы сами умереть должно домой до прибытія или онъ,

хојзавізе кхелін неїца», абуніла аз тутаде. Абу-
его умејтвить должно мы сказалъ (г.) они другъ-другу. Ска-
ніла Корлокеу вацас: «неїца тебе то цақаб зоріаба-
залъ (г.) средній братъ насъ переди одинъ очень глубокий
гојнд бугебін, негде таде шологон, абізін неїца вацасде:
колодезь есть до него доѣжая скажемъ мы брату

ваѣајін чујал тамізе! тамун інагон, хорловегі
иди, давай кони пустить, скакать скача въ средній и

кхезавун, вітун гојндде таде вачінін неїца доу, — еб ме-
помѣстивъ прямо колодцу къ поведемъ мы его, онъ это вре-

хаі чугі жіугогі іневін жаліве рехун». Реқавіла негда
мя и конь и самъ пойдетъ внутрь бросившись. Согласился (г.) на это

қіјауго вац. Гојндде таде шологон, абуніла вацаца асде:
оба братъ. Колодцу къ доѣжая сказалъ (г.) братья ему

«ваѣајін чујал тамізе!» Веѣанкілагон абуніла ас: «бер
иди, давай скакать. Смѣясь сказалъ (г.) онъ въ

қаншізеѣан мехаі цабцол дуніјал сојрулеб дір чугуи, ножор
одинъ мигъ трижды свѣтъ крутящ. мой съ конемъ вашъ

чујал ківін рекерулел?»
кони какъ будутъ бѣжать.

«Қоарічін», абуніла аз, «дур чол бекеріѣагі бібілеба-
Ничего сказалъ (г.) они твой коня хоть бѣгъ можетъ

тілін нежеда». Тамуніла цабасго, хорлове-
быть увидимъ насъ, мы. Пустивъ, поскакалъ (г.) всѣ троє въ сере-

гі кхезавун вітун гојндде таде вачаніла аз ау; таде
динъ и помѣстивъ прямо колодцу къ повелъ (г.) они онъ на верхъ

шоараб мехаі, чоараб маѣ ѣадін каѣаб чугі чані-
дошедшее время вбитый гвоздь подобно, какъ бѣлый конь и сталь,

ла веѣеріса жаніве рехун вагі аніла. Асул
остановился (г.) вверхъ ногами внутри бросивъ юноша и ушелъ. Его

чу вхоже рортаніла қудіјал вадал,—којр беһігон
көнъ ловить винулись (г.) старшіе братья рука какъ только протя-

берзула терһаніла аб. Јачун јағсон іһаніла һанжі ал;
нуғъ изъ глазъ скрылся оно. Веда дѣвицу пошелъ (г.) теперь они

шоаніла інсул шаһаралде. Калајаһуј јағсі тамун
дошелъ (г.) отцовскій въ городъ. Въ замокъ дѣвица и заключивъ

тад караулгі тун, іһаніла ал інсуде таде. То һерсіда
на верху караулъ и оставивъ пошелъ они отцу кт. Одинъ лжи

тад аңіго реқезабуніла, аңігојалда тад нуғо реқезабуніла:
надъ десять помѣстивъ десяти надъ сто помѣстивъ

«дуда маліі біһараб чугі», абуніла, «дуніјалалдаго һеѣб
тебя во снѣ видѣнный конь и сказалъ (г.) даже на сѣтѣ не су-

жо буқунбугін; зобалда қорл ралалда тад,
ществующ. вещь есть сказывается небесами подъ, внизъ землѣ надъ,

ніж шојѣб, нежеца кіршіѣб бақ хутіѣн ја еб
вверхъ мы недошедш. мы, нами не рывшее мѣсто не остался ни это

чу біһарауһагі, қалеуһагі раһарау һагі чі нежеда
көнъ видѣвшаго знающаго не слышавшаго человекъ насъ, мы

ватіѣн». «Чуго қоаріѣн діје, кивејін арау ножор һі-
не нашелъ. Конь-то вепужно, ничего мнѣ куда ушелъ вамъ

тінау вац?» абуніла пачаһас. «Унгејан аһтѣла ніжгі
младшій братъ сказалъ (г.) царь. Не ходи, иди крича насъ, мы и

тун то којшаб һінқараб нухаі анін еу», абуніла
оставилъ одинъ нехорошее опасный дорогою ушелъ тотъ, онъ сказалъ

аз, «тоқау віїѣн нежеда, хоарау қаларін, вакарау қала-
онъ болѣе не видалъ насъ, мы умеръ-ли не знаемъ живъ-ли не зна-

рін». Цақ пашманқаніла емен, шаһаралдаго руқ ріхун маһо
емъ. Очень опечалился отецъ во всемъ городѣ домъ считая плачь

қуніла, улкајаһго ѣһер баніла. Һодізајуніла һанжі
положилъ все подданство трауръ надѣлъ (г.) Заставилъ ходить теперь

қіјауго вацас дој јасалде таде то қоролај діје жаҗајан тојас,
оба брата той дѣлицѣ къ одинѣ вдова мнѣ иди (г.) одинѣ.

«Чаділгі һаналгі базар һабулел чаһазе дун јаҗу-
Хлѣбный и мясной базарѣ, торговля дѣлающимъ людемъ я не иду,

нарејін», абуніла аҗ; «дун јачунеу чі дідаго җа-
не выйду сказаль (г.) она я, меня берущаго человека я сама знаю

лін, цодор руқажін жалго». Балаһун јіқаніла ај то қојај
пусть берегутся сами. Смотря была (г.) она одинѣ день

каладукан, қіјабго бер алдехунгі бітун, бугіла қаһаб чу
изъ замка оба глазъ на нее и устремивъ есть (г.) бѣлый конь

аулакалда женділа; һоаһаніла аҗ којр, баҗун җаніла
на полявѣ крутящимся махнулъ (г.) она рука пріидя ставъ, остано-

калајалда зорл. «Кіу вугеу дур бетерһанчі», һіқаніла
вылся башня внизъ. Гдѣ есть твой хозяинъ спросилъ (г.)

аҗ. «Гојнднive рехун вугеуні җаларіш дуда?» абуніла чоца.
она. Въ колодезь брошенъ что есть не знаешь ты, тебя сказаль конь.

«Еу таде вакізе җабабго буқінаріш?» һіқаніла аҗ. «То-
Онѣ вверхъ вытащить средство не будетъ что-ли спросилъ (г.) она. Одно

јаб бетералда қіҗігі бугеб, җабқоғо аршун халат-
на концѣ (головѣ) петля и имѣющій шестьдесятъ аршинъ въ дли-

җудагі бугеб коар рехејін дуца дір горбоде», абуніла
ну и имѣющій веревка бросъ ты мой на шею сказаль (г.)

чоца, «қіҗіца дір габур кхунані, вакілін діца доу та-
конь петлею мой шея если поймаетъ вытащу я онѣ, того на

де», асқоб коаргі батіҗіла јасалда; раландаса жіндірго
верхъ рядомъ веревка и не нашель (г.) дѣвица подъ основаніе свое

залалгі қотун, аураніла аҗ җабқо аршун халатҗуда бугеб
косы и отрѣзавъ скрутилъ (г.) она 60 аршинъ въ длину имѣющій

коар; тојаб бетералда қіҗігі зун, аніла рехун, — хапун
веревка одно на концѣ петля и сдѣлавъ ушелъ (г.) бросивъ

вхуніла жі́ціца чо́л габу́р; ту́ра́ніла һені́са ка-
пыйма́гъ, схвати́гъ петля конско́й ше́я по́чма́гъ (г.) откуда бѣ-

па́б чу, шо́аві́ла го́јндде та́де, бе́һаві́ла жа́нібе ко́ар,
лы́й ко́нь доше́гъ (г.) ко́лодцу бѣ́ опу́стигъ (г.) вну́тръ ве́ре́вка

вхуні́ла ва́са́с ту́рқа́ніла а́й, ва́кун ва́чані́ла та́де.
схати́гъ ю́ноша дерну́гъ (г.) она́ вы́тащивъ прише́гъ (г.) на ве́рхъ.

Ре́қа́ніла ау чо́да і́йа́ніла ша́һара́лде. Ві́йа́ніла ау ва́ца-
ста́гъ онъ на ко́ня поше́гъ (г.) вѣ́ городъ. Уви́дагъ (г.) онъ бра́ть-

да ва́йна, — то́јау ба́рба́кху́де ту́ра́ніла, то́јау ба́ртербу́де
евъ вду́щимъ оди́нь на восто́къ пу́стигъся бѣ́жать оди́нь на запа́дъ

ту́ра́ніла; і́на-і́на ру́гіла һа́нжі́гі. Ва́с ви́йгон во́хані́ла
пу́стигъся бѣ́жать вду́тъ (г. е́ще) и те́перь. Сы́нь уви́дѣвъ обра́довался

па́чаб, хи́нқа́ніла улка́ја́гего ро́хелқа́ніла. Те́мер
(г.) па́рь нагрѣ́лся все́му подданству ра́дость наста́ла (г.). Мно́го

ра́бі ха́латһа́бун ши́біле́б ва́са́с ја́сгі ја́чані́ла езі́л
сло́во удлинивъ что дѣ́лать ю́ноша дѣ́вица и (взя́гъ) же́нился мѣ́дный

қа́лі ла́буні́ла, қо́бол зу́рма пу́ніла, ва́дарау́ һорқа́ніла,
ба́раба́нъ би́гъ (г.) ко́жаный зу́рһа ду́гъ (г.) голо́дный насы́тился

па́шманаву́ во́хані́ла, һе́б һала́лда ру́гіла һа́нжі́гі.
г.) печа́льный обра́довался (г.) э́то вѣ́ положеніи́ су́тъ (г.) и те́перь.

Морской конь.

Жилъ былъ царь; у царя было три сына. Каждый Божій день, по утрамъ, они ходили къ отцу узнать, что онъ прикажетъ. Пошли они однажды къ отцу и наплакали его въ великой печали. «Что съ тобою случилось?»—спросили они отца. «Или ты слышалъ дурныя вѣсти, или тебя постигло большее несчастье, что ты такой печальный?»—«Дурныхъ вѣстей я не слыхалъ; большого несчастья тоже нѣтъ», сказалъ отецъ, «но меня безпокоитъ видѣнный мною прошлой ночью сонъ: какъ разъ въ то время, когда солнце вышло изъ моря, на морской берегъ вслѣдъ за солнцемъ выскочилъ бѣлоснѣжный конь; въ одинъ мигъ онъ обѣжалъ три раза вокругъ свѣта и скрылся опять въ морѣ, а за нимъ на морское дно упало какъ будто бы и мое сердце; съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ этотъ сонъ, сердце мое отвратилось отъ моего царства и даже отъ всего свѣта». Разказавъ это, царь задумался. «Мы пойдемъ, отецъ, за этимъ конемъ», сказали сыновья: «или найдемъ его, или погибнемъ сами, иначе не вернемся назадъ». Съѣли всѣ трое на лошадей и поѣхали. На третій день, въ полуденное время, доѣхали они до перекрестка трехъ дорогъ; видятъ—столбъ стоитъ и на столбѣ написаны слѣдующія слова: «Кто пойдетъ направо или налѣво, тому нѣтъ никакой опасности; но кто пойдетъ прямо, тотъ или погибнетъ, или вернется со счастьемъ». Старшій братъ наспраился по правой дорогѣ, средній—по лѣвой, а младшій погналъ лошадь прямо. «Зачѣмъ ты ѣдешь по этой опасной дорогѣ? Поѣзжай съ нами!» закричали ему братья. «Ничего! что Богомъ написано, то и будетъ; поѣзжайте сами и, въ случаѣ, если я не вернусь, разкажете отцу о случившемся». Сказавъ это, онъ поѣхалъ своей дорогой. Ѣхалъ онъ, Ѣхалъ, долго-ли, коротко-ли, Ѣхалъ днемъ, Ѣхалъ ночью, нашу гору проѣхалъ

одну, чужихъ—двѣ, миноваль два—три холма, пять—шесть ущелій и много такихъ большихъ дорогъ, какъ отъ носа до рта, наконецъ, доѣхаль онъ до дремучаго лѣса. Плуталь онъ въ этомъ лѣсу, плуталь, плуталь недѣлю, плуталь мѣсяць, плуталь два, три, четыре мѣсяца; ни слѣда, ни жилища человѣка, ни дороги изъ лѣса онъ не могъ пайти. Его мучали голодъ и жажда, одежда его износилась, лошадь пала, оружіе заржавѣло, онъ потерялъ всякую надежду. Будучи въ такомъ положеніи, онъ нашель однажды человѣческой слѣдъ длиною въ три аршина и шириною въ одинъ аршинъ. Вотъ онъ пошелъ прямо по этому слѣду, шелъ долго-ли, коротко-ли, дошелъ, наконецъ, до конца лѣса; смотритъ,—большая поляна, на срединѣ поляны замокъ, доходящій до неба, вокругъ замка стальные столбы, переплетенные желѣзными прутьями, на каждомъ столбѣ насажено по человѣческой головѣ; зашелъ онъ во дворъ, вошелъ въ замокъ, смотритъ,—сидитъ у огня баба-яга (великанша). Подбѣжавъ къ ней, онъ началъ сосать ея грудь. «Ты сталъ теперь моимъ сыномъ, а я—твоею матерью; иначе я съ тобою сдѣлала-бы вотъ такъ», сказала баба-яга, разорвавъ пополамъ кошку, лежавшую у очага, и проглотивъ ее. «Ты откуда? какое у тебя дѣло?» спросила она юношу. Дѣла свои и все случившееся въ дорогѣ онъ рассказалъ ей. «У меня есть семь сыновей, и всѣ семеро богатыри (великаны); каждый Божій день они ходятъ на охоту и сегодня на охотѣ; теперь пора имъ вернутся, и ты спрячься въ этомъ сундукѣ, а то, если увидятъ, они убьютъ тебя; о твоёмъ желаніи я ихъ спрошу. Одинъ изъ нихъ, навѣрно, знаетъ объ этомъ»,—сказала баба-яга. Юноша спрятался въ сундукъ. Во дворѣ послышался лай гончихъ: то прибыли семь богатырей. У каждого на плечѣ по чинару; на каждомъ чинарѣ по оленю. Придя во дворъ и бросивъ чинары на землю, они закричали матери, чтобы она ставила бутель. Вошли всѣ семеро въ замокъ, нюхая, какъ собаки, и сказали: «человѣчьимъ духомъ пахнетъ, человѣчьимъ духомъ пахнетъ!» «Вы

съ ума сошли или сбѣснлись!» выругала ихъ мать: «откуда здѣсь будетъ человѣчій духъ? Навѣрно вы сами имъ заразились, блуждая повсюду». Когда сварилось мясо, мать поставила его передъ ними, а рядомъ кувшинъ величивою съ комнату. Когда-же они наѣлись и напились, мать спросила ихъ: «Существуетъ-ли такой конь, который выходитъ изъ моря и обѣгаетъ въ одинъ мигъ три раза вокругъ свѣта?» Шестеро старшихъ богатырей ничего не отвѣтили, а самый младшій сказалъ: «Мать, такой конь существуетъ; онъ принадлежитъ морскому царю, живущему на морскомъ днѣ; каждый Божій день, во время восхода солнца, изъ моря онъ выскакиваетъ на сушу, въ одинъ мигъ обѣгаетъ три раза вокругъ свѣта, потомъ, выкупавшись въ молочномъ озерѣ, находящемся на морскомъ берегу, и повалявшись на песокъ, онъ скрывается опять въ синемъ морѣ. На морскомъ берегу стоитъ чинарь, доходящій до неба, на верхушкѣ его золотое сѣдло, которымъ осѣдлываютъ его, и серебряная уздечка, которой взвздываютъ...» «Довольно! засните теперь, вавѣрно вы устали...» сказала мать сыновьямъ. Когда сыновья легли и заснули, мать выпустила юношу изъ сундука; давъ ему одежду, оружіе, коня и все необходимое, она показала ему дорогу къ морю.

Ѣхаль, Ѣхаль, долго-ли, коротко-ли, доѢхаль, наконецъ, до морскаго берега; выкопавъ на берегу яму, онъ просидѣлъ въ ней до восхода солнца, не сомкнувъ глазъ. Вотъ разсвѣло, и солнце показалось изъ моря, и вслѣдъ за нимъ на морской берегъ выскочилъ конь. Обѣжавъ въ одинъ мигъ три раза вокругъ свѣта и выкупавшись въ молочномъ озерѣ, онъ сталъ валяться на песокъ. Вспрыгнувъ, какъ змѣя, юноша обвился вокругъ его шеи. Три раза конь подскакивалъ вверхъ, чуть не касаясь самаго сиваго неба, три раза ударялся о землю такъ, что черная земля колыхалась, но юноша ни за что не хотѣлъ оставить обвитой шеи. «Побѣдилъ ты меня. Теперь я сталъ твоимъ. Осѣдай меня, надѣнь на меня уздеч-

ку и садись самъ!» сказалъ конь. Связъ сѣдло съ дерева, юноша осѣдлалъ коня, надѣлъ уздечку и сѣлъ самъ. «Приказывай мнѣ, а я буду дѣлать», сказалъ конь. «Вези меня ко владѣніямъ моего отца», сказалъ юноша.

Ѣхалъ онъ, Ѣхалъ, долго-ли, коротко-ли, и солнце спряталось, и настала темная ночь; вдругъ опять стало свѣтло, какъ днемъ. «Что это за диво?» сказалъ юноша, посмотрѣвъ впередъ. И видитъ онъ впереди большую поляну; по срединѣ поляны лежитъ что-то необыкновенно сіяющее. Погналъ онъ коня туда; смотритъ: лежитъ тамъ золотой пухъ. «Взять мнѣ это или нѣтъ?» спросилъ онъ коня. «Не возьмешь—пожалѣешь, возьмешь—будешь каяться!» сказалъ конь. «Лучше каяться, взявши, чѣмъ жалѣть, не бравши». Сказавъ это, онъ воткнулъ пухъ въ шапку и поѢхалъ далѣе.

Ѣхалъ онъ, Ѣхалъ, доѢхалъ до одного города: вокругъ города стѣна; ворота заперты, нигдѣ нѣтъ входа. Найдя на краю города родникъ, юноша остановился тамъ. «Пусти ты меня на траву», сказалъ ему конь, «а когда понадобится, кликни только, и хотя-бы я былъ за семью горами, въ тотъ же мигъ я явлюсь къ тебѣ». Отпустилъ онъ коня; подостлалъ подъ себя потникъ, положилъ подъ голову сѣдло, вынулъ изъ шапки золотой пухъ, спряталъ его въ карманъ, накрылся буркою и заснулъ, какъ человѣкъ, не спавшій шестьдесятъ сутокъ. Когда жители того города увидѣли, что ночь сдѣлалась свѣтлой, какъ день, сильно перепугались и кинулись къ царю рассказать про чудо; еще сильнѣе ихъ перепугался царь, и поставилъ онъ вокругъ города стражу и до самаго утра не спалъ. Когда разсвѣло, царь послалъ за городъ сто вооруженныхъ всадниковъ; они пашли юношу еще не проснувшимся; разбудивъ его толчкомъ и пипкомъ, всадники повели его къ царю. «Ты кто, гдѣ твое селеніе—страна, откуда ты прибылъ сюда?» спросилъ юношу царь. «Я самъ не знаю, откуда я; такъ себѣ, отъ скуки, путешествую по свѣту!» сказалъ юноша. «Такъ какъ ты былъ за городомъ, то не знаешь-ли

причины удивительнаго явленія этой ночи?» спросилъ царь вторично. «Причина этого—вотъ!» сказалъ юноша, и вынулъ изъ кармана золотой пухъ. Трудно повѣрить, какъ сильно заинтересовался царь птицей, потерявшей его. «Доставь мнѣ, гдѣ хочешь, существо, съ котораго упалъ этотъ пухъ, иначе я отрублю тебѣ голову»,—сказалъ царь, и чтобы юноша исполнилъ его приказаніе, взялъ съ него клятву.

Пошелъ юноша, повѣсивъ голову. Выйдя за городъ, кликнулъ онъ коня; откуда ни возмись, бѣлый конь сталъ передъ нимъ. «Что ты такой печальный?» спросилъ онъ юношу. Разказалъ ему юноша о случившемся. «Ты ничуть не печалься», сказалъ конь: «дай Богъ, чтобы все такъ легко было намъ, какъ это! Ты знаешь то молочное озеро, въ которомъ я купался?» спросилъ конь. «Знаю», сказалъ юноша. «У морскаго царя есть три дочери», сказалъ конь: «каждый Божій день, когда солнце доходитъ до полудня, онѣ, превратившись въ голубей, прилетаютъ на молочное озеро и, сбросивъ съ себя на берегу шкуры голубей, купаются въ этомъ озерѣ; мы нашли пухъ, который упалъ съ самой младшей дочери. Ты спрячься въ кустахъ, которые растутъ близъ озера и, когда онѣ войдутъ въ воду, возьми шкуру самой младшей дочери и положи ее за пазуху; приплывъ къ берегу, она будетъ просить тебя, чтобы ты возвратилъ шкуру; но ты, чтобы она тебѣ ни говорила, не слушай; тогда она принуждена будетъ идти за тобой».—Сѣлъ юноша на коня; въ одинъ прыжокъ онъ перенесъ его къ озеру. Юноша спрятался въ кустахъ. Только что солнце дошло до полудня, прилетѣли три голубя и сѣли на берегу озера. Снявъ съ себя шкуры голубей и, превратившись въ неописанныхъ красавицъ, онѣ бросились въ озеро. Юноша, выскочивъ изъ кустовъ, схватилъ шкуру самой младшей и положилъ за пазуху. Приплывъ къ берегу, она стала просить его, чтобы онъ возвратилъ ей шкуру. Сколько она ни просила, онъ не слушалъ. Двѣ старшихъ сестры, надѣвъ свои шкуры, улетѣли. Младшая крикнула имъ:

«Сестры! расстаюсь я теперь съ вами и остаюсь здѣсь; доставьте сюда хоть мой сундукъ, въ которомъ мое платье. Черезъ короткое время, когда лошадь успѣла-бы сдѣлать только три прыжка, сестры возвратились съ сундучкомъ, величиною съ кулакъ, поставили его на берегу озера и полетѣли къ сипему небу. «Отвернись, пока я одѣнусь», сказала дѣвица. Юноша отвернулся. Она одѣлась въ такое неописанное платье, отъ блеска котораго могли-бы заболѣть глаза, и стала передъ нимъ. Сѣлъ юноша на коня и, посадивъ сзади дѣвицу, поѣхалъ. «Куда ты меня везешь?» спросила она его. «Ты видишь городъ, который передъ нами?» сказалъ онъ. «Вижу», сказала дѣвица. «Я везу тебя, чтобы отдать царю этого города», сказалъ юноша. «Отчего ты не возьмешь меня самъ, а отдаешь ему?» сказала дѣвица. Онъ разсказалъ ей о томъ, что случилось между нимъ и царемъ. Пока онъ разсказывалъ объ этомъ, они доѣхали до города. Тутъ онъ отпустилъ коня и, взявъ съ собою дѣвицу, пошелъ къ царю. Когда царь увидалъ дѣвицу, борода у него затряслась, зубы застучали, глаза сдѣлались съ кулакъ, языкъ высунулся, какъ у быка; не откладывая, онъ рѣшилъ жениться на ней. «Я за такого старика, какъ ты, не выйду; сдѣлайся двадцатилѣтнимъ юношей, тогда я выйду за тебя», сказала дѣвица. «Какъ-же я верну прошлую жизнь?» замѣтилъ царь. «Вели выкопать за городомъ колодезь, глубиною въ шестьдесятъ аршинъ», сказала дѣвица: «наполни этотъ колодезь молокомъ чисто-красныхъ коровъ, выкупайся въ немъ, станешь двадцатилѣтнимъ юношей». — «Во всемъ моемъ царствѣ не найдется столько красныхъ коровъ, чтобы наполнить молокомъ этотъ колодезь», сказалъ царь. «Возьми это!» — сказала дѣвица, вынувъ изъ бармана маленькій платочекъ и отдавъ его царю: «пошли съ нимъ на гору одного человѣка и скажи ему, чтобы онъ махнулъ имъ, когда онъ дойдетъ до вершины, — вся эта страна наполняется красными коровами». Царь заставилъ весь городъ копать колодезь, а одного человѣка послалъ на

гору съ платкомъ. Когда посланный человекъ дошелъ до вершины и махнулъ платкомъ,—изъ лѣсовъ, горъ и тысячи различныхъ странъ, мыча, побѣжали красныя коровы къ городу; дѣвица подоила ихъ и наполнила колодезь. Царь испугался и не могъ войти въ колодезь. «Приведи ко мнѣ сюда самыхъ старыхъ мужчину и женщину!» сказала дѣвица. Привели одного столѣтняго старика и такую-же женщину. Выкупила ихъ дѣвица въ колодезь: старикъ сталъ двадцатилѣтнимъ юношей, а старуха—пятнадцатилѣтней дѣвцею. Увидавъ это, царь стремглавъ бросился въ колодезь и пошелъ, какъ свинець, ко дну! Говорять и до сихъ поръ еще онъ тамъ. Попрощавшись съ жителями того города, юноша сѣлъ на бѣлаго коня и, посадивъ сзади дѣвицу, поѣхалъ виходею. Приѣхавъ въ другой городъ и, прийдя на базаръ купить себѣ необходимое, онъ встрѣтилъ своего старшаго брата въ изорванной одеждѣ продающимъ хлѣбъ для своего существованіи. Обрадовались братья, обнялись и рассказали другъ другу о случившемся съ ними. Младшій братъ купилъ своему старшему одежду, лошадь, оружіе и поѣхалъ съ нимъ далѣе. Приѣхавъ въ третій городъ, они нашли средняго брата въ положеніи во сто разъ худшемъ, чѣмъ то, въ которомъ былъ старшій: онъ служилъ у мясника и продавалъ мясо. Купивъ и ему все необходимое, братья поѣхали прямо во владѣнія отца. Старшіе братья стали сильно завидовать младшему. «Какъ теперь мы будемъ жить на свѣтѣ? какъ покажемся отцу-матери?» сказали они другъ другу: «или мы должны умереть дорогою сами, или-же умертвить его». «Впереди насъ есть глубокой колодезь», сказалъ средній братъ: «не доѣзжая до него, мы скажемъ ему: давай скавать! во время скачки мы помѣстимъ его въ серединѣ и направимъ прямо на колодезь; тогда онъ вмѣстѣ съ конемъ полетитъ въ колодезь». На этомъ порѣшили старшіе братья. Когда стали доѣзжать до колодца, старшіе братья сказали младшему: «давай скакать!» «Какъ будутъ скакать ваши кони съ моимъ, который въ одинъ мигъ

три раза обѣгаетъ вокругъ свѣта?» отвѣтилъ младшій братъ, смѣясь. «Ничего!» сказали братья: «мы покрайней мѣрѣ увидимъ бѣгъ твоего коня». Поскакали. Помѣстивъ младшаго брата въ серединѣ, они направили его прямо на колодезь. Бѣлый конь, доскававъ до колодца, сталъ, какъ вбитый гвоздь, а юноша полетѣлъ вверхъ ногами въ колодезь. Старшіе братья бинулись ловить коня, но только что протянули руки, какъ онъ уже скрылся съ глазъ. Взявъ съ собою дѣвицу, поѣхали старшіе братья. Прибывъ въ отцовскій городъ, заперли ее въ замокъ и, приставивъ къ ней стражу, пошли къ отцу. Помѣстивъ на одной лжи десять, на десяти—сто, рассказали они отцу о своихъ приключеніяхъ. «Оказывается, что конь, видѣнный тобою во снѣ, на свѣтѣ вовсе не существуетъ; нѣтъ такого мѣста подъ небомъ—на землѣ, гдѣ-бъ мы не были и не искали его; нѣтъ ни одного человѣка, который слышалъ-бы о немъ или видѣлъ его», сказали они отцу. «Коня мнѣ не нужно! Гдѣ вашъ младшій братъ?» спросилъ царь. «Онъ поѣхалъ по одной опасной дорогѣ; мы говорили ему, чтобъ не ѣздилъ, но онъ не послушался», сказали они: «болѣе мы его не видѣли и не знаемъ, живъ онъ или мертвъ». Сильно опечалился отецъ; въ городѣ, въ каждомъ домѣ, слышался плачь,—всѣ подданные надѣли трауръ.

Каждый изъ братьевъ посылалъ вдову къ дѣвицѣ, угсворить ее выйти за него. «Я не выйду за людей, которые торгуютъ хлѣбомъ и мясомъ», отвѣчала она: «я сама знаю, кто женится на мнѣ, пусть они лучше берегутся». Однажды смотрѣла дѣвица изъ замка; видитъ—на полянѣ крутится бѣлый конь, уставивъ на нее оба глаза; махнула она ему рукой, и въ одинъ мигъ конь былъ у замка. «Гдѣ твой хозяинъ?» спросила она. «Развѣ ты не знаешь, что онъ брошенъ въ колодезь?» отвѣтилъ онъ. «Нѣтъ-ли средства вытащить его оттуда?» спросила она. «Брось ты на мою шею веревку», сказалъ конь, «длинною въ шестьдесятъ аршинъ и съ петлею на одномъ концѣ; если петля охватитъ мою шею, я вытащу его». Дѣвица не нашла

около себя веревки и, обрѣзавъ подь самое основаніе свои ко-
сы, скрутила веревку длиною въ шестьдесятъ аршинъ. Сдѣлавъ
на одномъ концѣ петлю она бросила веревку, и петли охвати-
ла шею коня. Помчался отсюда конь къ колодцу и, домчав-
шись до него, опустилъ веревку; юноша схватился за конецъ
веревки, и конь вытащилъ его наверхъ; сѣлъ юноша на ко-
ня и поѣхалъ въ городъ. Когда братья увидали его ѣдущимъ
на бѣломъ конѣ, одинъ пустился бѣжать на западъ, другой—
на востокъ, и теперь еще, говорятъ, бѣгутъ. Увидавъ сына,
обрадовался царь, повеселѣлъ; повеселѣли и всѣ подданные.
Долго рассказывать нечего: юноша женился на дѣвицѣ, били
въ мѣдный барабанъ, дули въ кожанную зурну, голодные на-
сытились, печальные развеселились, такъ что, говорятъ, и по-
нынѣ все это продолжается.

2. Тіліпін.

Медвѣжье ухо.

Вуқаніла, то заманада, то пачаф; пачафасул, Царь-
Былъ (г.) одинъ время одинъ царь у царя извѣст-
арај, бертінај јасігі јіқаніла. Шіјаб Аллаһасул қојај,
ная красавица дочь-и была (говор.) Каждый Божій день
жіндірго заравашалгон, мадуһалзабазул јасалгі рачун, ін-
со своимъ рабынями сосѣдей дочерей и веда от-
сул ахіле унааніла ај јаф. Лоба бола-болараб пікгі
цовскій въ садъ ходилъ (г.) эта дѣвица. Тамъ какое угодно фрук-
коанан, чалһивеһан расандун, махсарагі һабун, ца-
ты и сѣвъ пока надоѣдало повгравъ шутки и сдѣлавъ къ
сејалде роқоре накрусунааніла ал. То қојај, һеб мах-
вечеру домой назадъ возвращались (г.) они. Одинъ въ день это въ
сарајалда ал руқагон, кісан баҷарабалі цаҫогон, јасаде
шуткѣ они находясь откуда пришедши не зная дѣвицалъ

зорїегі қанцун, горбоде пачафасул жағсі рехун, турун
между (ипи) и прыгнувъ на шею царскій дочь и бросивъ убѣжавъ

анила то ті. Неб тіла, то лурул нокода
ушелъ (г.) одинъ медвѣдь. Отъ этого медвѣдя одинъ пещерный скалъ

қинајгі іун, бадамасул сурат бугеу, тіл бін-
беременный и слѣвавшись человекій фигура имѣющій медвѣжіи уши

дул ругеу ваҫ навунила ај. То қо бараб ме-
имѣющій сынъ сдѣлалъ оча. Оданъ день совершившееса вре-

хај моц барау бадау іуһун, моц бараб
ия мѣсяць совершившееса какъ сдѣлавшись мѣсяць совершившееса

мехај пабарау бадау іуһун неб палалда қудіјау һун,
время годичный какъ сдѣлавшись такъ образомъ выроставъ

то цақ кубат бугеу чі іуһанила ау. То қо-
одинъ очень сила имѣющій человекъ сдѣлаҫя (г.) онъ. Одинъ въ

јајі, боадізе ті араб мехај, абуніла ас ебелалде:
день гулять медвѣдь ушедшее время сказалъ (г.) онъ матери

«хаб нокоде ниі кивін кхарал? жиҫго мун кісајін
эта въ пещеру мы какъ попались, очутились сама ты откуда

һаније јаҫарај? дун кивін навурау?» Бітаніла асде ебе-
сюда пришла меня какъ рождень. Разказала ему мать

лај долго жиндірго іуһараб қісас. Неб қаңај һа-
все свое случившееса приключеніе. Это разговоръ сдѣ-

була ал руқагон, нокоде бахун баҫіна буқаніла
лат.... они когда были въ — пещеру поднявшись шелъ

ті. Речанила алда тілһіница то қудіјаб гамаҫ, ботъ-
медвѣдь. Ударилъ на нее медвѣжье ухо одинъ большой камень въ го-

рој добгі шун, жанібе халакегі гебегун, қіһі
лову тотъ и попавъ ввутри въ ушелье и скатившись пополамъ

чеһгі бікун, хоанила ті. Абунила һанжи
животъ и разорвавъ умеръ, вздохъ (г.) медвѣдь. Сказалъ (г.) теперь

Іваніла ебеліае: «хурро івоті доје аїа мун Іанжі;
медвѣжье ухо муніа твоего медвѣжій уха муніа твоего»

дун ебеліае Іваніла. Тіа Іванілау дун ебеліае шіббіего-
я тіа муніа твоего медвѣжій уха муніа твоего

ріа «рарабару?» івоті роріе ебеліа авіла. То
муніа твоего медвѣжій уха муніа твоего

ракадідун тілінігі Іваніла. Іваніла ау, Іваніла,
въ стору медвѣжье ухо я (сказалъ г.). Пшель г.) онъ пошелъ г.)

Іемерау Іваніла, дабау Іваніла, қасе Іваніла, қад
много пошелъ г.) жало пошелъ г.) ночью пошелъ г.) днемъ

Іваніла, шоаніла то қудіаб шаһаралде. Сојрданіла тіл-
пошелъ г.) дошелъ г.) одень большой въ городъ. Крутился Мед-

Іјін шаһаралда жаніу Іалті балаһун. Раһаніла доб ша-
вѣжье ухо въ городъ во внутрь работа искавъ. Сынхалъ г.) тотъ го-

һараіула пачабасда, һадінго-һадін, шаһаралде тіл Іјіндул
родской царь, царя такъ и такъ въ городъ медвѣжій уши

ругеу чі ваіун вугін. «Вачејін еу һаніве, тіл
имѣющій человекъ пришедшій есть. Веди его сюда медвѣжій

Іјіндул ругеу чіго кінін вукунеу?» Абуніла пачабас.
уши имѣющій человекъ какъ существуетъ сказалъ г.) царь.

Вачунваіаніла тіліні. «Мун шіу, дур роҫа-рақ, дур
Привели Медвѣжье ухо. Ты кто твой селеніе, земля твой

піша шіб?» һіқаніла асда пачабас. Тілінін вугін
ремесло что спросилъ г.) его царь. Медвѣжье ухо есть

дун», абуніла ас; «дір пішагі, Іалтігі, дун Іалтізе
я сказалъ г.) онъ мой и ремесло и работа меня работать

кхурау чіјасда һалін!» «дїца вхојлін мун», абуніла пача-
напятай человекъ узнаеть я найму тебя сказалъ г.) царь.

Лас. «Іезваһан һіқ», абуніла тілініца, дудаса һіқау чі
Очень хорошо сказалъ медвѣжье ухо тебя лучше человекъ

дієгі вуґіварін, дідаса іґіау, дудагі ватіларін, бібілеб батілін
миѣ и не будетъ меня лучше ты и не найдешь увидишь можетъ

дудаго». Кхуніла ханжі пачаѣас тілґін. То зама-
быть ты самъ. Нанялъ теперь царь медвѣжье ухо. Одняъ черезъ

налдасан, качаніла пачаѣас нуґо чі цуладе ві-
нѣкоторое время приготовилъ (г.) царь сто человекъ за дровами по-

тізе. «Дунґадау чігі вуґагон, шејін дуда цуладе чіјар
слать. Такого человекъ какъ я имѣя зачѣмъ ты за дровами чужой

чабі ріцулея?» абуніла тілґініца пачаѣасде. «Дахаб цул
люди посылаешь сказалъ медвѣжье ухо царю. Мало дровъ

қоараґун һейін діе, һеззаґан қоараґун бугін, то дуда баґа-
нужень нѣтъ мѣ много нужень есть одинъ ты прине-

раб цулал пајда шібіи?» абуніла пачаѣас. «Ну-
сенное отъ дровъ, деревянный польза что сказалъ царь. Въ-

сауго чіјасе һабураб којнгі лејін дуда діе», абуніла тілґі-
сто человекъу сдѣланное пища и отдай ты мѣ сказалъ мед-

ніца, «нусауго чіјасул коаралгі лејін діе, һеб мехаі дуде
вѣжье ухо всѣ сто человекъа веревка и отдай мѣ это время тебѣ

бураб цул діца бајінчоні, хоалчен дурін, габур дірін».
довольное дровъ и если не принесу сабля твоя шея моя.

Нуґо чіјасе һабураб којнгі коаніла тілґініца,
Сто человекъу сдѣланное пища, кушанье и сѣлъ (г.) медвѣжье ухо

нусауго чіјасул коаралгі росаніла, іґаніла, шоаніла роґове.
всѣ сто человекъа веревка и взялъ (г.) пошелъ (г.) дошелъ (г.) въ садъ.

Шіјаб зоґода тоґо коаргі базабун, Іаніла ас, зал-
Каждое на деревѣ по одному веревка и задѣвъ потянулъ (г.) онъ съ

балгон ракун раґаніла нуґо зојт. Хадур зоґлі рекеркун,
корнями вытащивъ пришли сто дерево. Сзади тѣ и волоча

іґаніла ау шаһараде.
пошелъ (г.) онъ въ городъ.

«Пачаф! запу батід habeјін, ваѳанін дун роѳоса», апѳа-
Царь ворота расширь пришелъ я изъ лѣса закры-
вила тѣлѣн. Вакавила пачаф qоатѣве, валаѳаніла, —
чалъ (г.) медвѣжье ухо. Вышелъ (г.) царь наружу посмотрѣлъ (г.)
цебе ѳараб роѳаѳ, дуніјалго бѣуларіла. Пінqаніла
переди стоящаго лѣса, лѣсомъ свѣтъ даже не видно (г.) Испугался (гсв.)
пачаф, турqаніла, кіннігі ау чіјас ѳіјаб. хабілареб qан,
царь вздрогнулъ (г.) это человекъ хорошее не сдѣлаетъ узнавъ
хојзавізе вусунареб баqаде ау віѳізе, урqаніла ханжі.
умертвить невозвратное къ мѣсту онъ послать задумалъ (г.) теперь.
Абуніла пачаѳас тѣлѣніде: «хаб веѳеда цебе бугеб-
сказалъ (г.) царь медвѣжьему уху это пась, нами передъ сушіѣй
меѳералда нака картіл руqел бугебін, еј картіца, ноqого-
на горѣ сзди бабы-ягѣ ямлище есть эта баба-яга съ дав-
жалдаса, то qалі халіл бугін діје лезе; кінго поларін
нихъ поръ одинъ мѣрка гороха есть мнѣ отдать никакъ не даетъ.
еѳ еб; еѳука еб бакун ваѳајін мун». Іѳаніла тѣлѣн
она это отъ нея это отнявъ приходи ты Пошелъ (г.) Медв. ухо
картіл дове. Пloцїј јатаніла асда карт.
къ бабѣ-ягѣ. Въ гумнѣ нашелъ (г.) онъ, его баба-яга.

«Нежер пачаѳасе наѳі шејін полареб дуца, нујджас»,
Нашъ царю долгъ зачѣмъ не отдаешь ты окаянный
абун ваqаніла ау картіде; «неххо-неххо лејін діке, го-
сказавъ обругалъ (г.) онъ бабѣ-ягѣ скоро-скоро отдай мнѣ иначе
роні, јекеркун мунго јачінін діца пачаѳасуке». «Паніу ѳајін
волоча самаго поведу я къ царю Здѣсь стой
дахаб мехаѳ», абуніла картіца, «роqоса ѳіјаб, баqадаб
мало время сказалъ (г.) баба-яга изъ дома новое чистое
голо пелін діца дује». Пeбгі абун жаніје роqоје картгі
горохъ отдашь я тебѣ. Это и сказавъ во внутрь въ компату баба-

аніла, хоціу аугі ходоуқаніла. «Ваѣајін ханжі холо
яга в ушла (г.) въ гунѣ онъ и сѣлъ (г.) Приходи теперь горохъ

боѣзе», айтваніла карт. Іѣаніла тѣлѣн. «Леб зан-
взять зкричалъ (г.) баба-яга. Пошелъ (г.) медвѣжье ухо. Это ль

сініб бугебін холо, дуцаго боѣејін хеніса», абуніла кар-
сундукъ есть горохъ ты самъ возьми оттуда сказаъ (г.) баба-

тіца, то рудѣанасеб замасгі бібізабун. Тѣцелгі
яга одинъ величиною съ комнату сундукъ и показавъ. Крышка и

борхун, беһаніла замасгіне којр тѣлѣніца, — жого хечіла
поднявъ опустили (г.) въ сундукъ рука медвѣжье ухо ничего нѣтъ

жаніб. Накасан віјабо бохгі кхун жаніве рехула вуѣа-
(г.) внутри. Сзади оба нога и держа въ внутръ бросаем. былъ

ніла ау картіца; қан габургі кхун жіго қазајуніла тѣлѣніца
(г.) онъ баба-яга сжавъ шея и держа самое всунуль (г.) медвѣжье

ај зоја.
ухо она тамъ.

«Јечаяјін дун қоатіје, дује болараб һабілін, дује болараб
Выпусти я наружу тебѣ любимое сдѣлаю тебѣ любимое

леліи діца», абун һарданіла карт. «Јечаларо, најджас,
отдамъ я сказаъ просила (г.) баба-яга. Не выпусти океанный

ліргон чет ше буѣараб дује?» абуніла ас. Муззаде
со мною, съ моимъ споръ зачѣмъ было тебѣ сказаъ онъ. На спину

замасгі рехун, іѣаніла ханжі тѣлѣн, шованіла
сундукъ и бросивъ пошелъ (г.) теперь медвѣжье ухо дошелъ (г.)

пачаһасуке. «Бакарабіш наѣі?» һіқаніла пачаһас асда.
къ царю. Отнял что-ли долгъ дошелъ (г.) царь его.

Наѣі лезе ајгі қабулѣічін», абуніла, тѣлѣніца, пача-
Долгъ отдать она и не согласился сказаъ (г.) медвѣжье ухо царя

һасда себе замасгі пун, «наѣујеһоло жіго јачанін діца
передъ сундукъ и положивъ взаимѣн долга самое привелъ

аж аніје; халејін раџаџе болараб халејін ханжі». Пінчаніла
она сюда вотъ сердцу любимое сдѣлай теперь. Испугался (г.)

пачаѣл, віханіла, аніу рѣчаніла, дова рѣчаніла, канџізе
царь растерялся (г.) зѣсь ударился (г.) тамъ ударился (г.) прыгнувъ

баџго таѣаніла. Парданіла ау тілѣніде: «мун віжарау
мѣсто даже кончился. Просилъ (г.) онъ медвѣж. ухо ты создавшій

Бішасе боло, хологі балангорін діје, хејгі јалангорін; јі-
Создателя ради горохъ и не хочу мнѣ эти и не хочу глѣ

џараџује шојзајейн дуда еј». Жіндірго руџалідегі шојзајун,
была отведи ты она, ес. На свое жилищ. и отведши

муџаџ малгі бан, тоџај діда јібізе јіџунгејангі
спинѣ пиногъ и давъ болѣ меня, я видѣть, показаться не будъ и

абун тавіла тілѣніца карт. Їџаџ урџел
сказавъ оставилъ (гов.) медвѣжье ухо баба-яга. Сильное безпокойство

кханіла ханжі пачаѣлсда; «халілеб жого шібін ханжі?
напалъ (г.) теперь (на) царя сдѣлаемое вещь что теперь

віда џаднігі џеѣераб џо џезабілін хау чіјас дір бете-
когда нибудь черный день возстановитъ этотъ человекъ мой на голо-

ралда», хедін жіуго-жіндего гаргаданіла пачаѣл. То даѣаб
вѣ такъ самъ самому разговорился (г.) царь. Одинъ малое

мех хорлоб бајгон, абуніла наџујгі пачаѣл тілѣні-
время въ средняѣ пройда, спустя сказалъ (г.) опять царь медвѣжъ-

де: «хал неѣеда біѣулеб роѣл бетералда аздаѣо
ему уху это насъ видимый глѣса на головѣ, концѣ чудовище зѣѣ

бугебін; діје лезе то от бугін елда, еѣука еб наџі
есть, находится мнѣ отдать одинъ быкъ есть ее отъ нея это долгъ

бакун ваџајін мун». Пѣаніла тілѣн шоаніла азда-
отпаявъ прійди ты Пошелъ (г.) медвѣжье ухо дошелъ (г.) чудо-

подаѣл руџаліде. «Лејін, најджас, нежер пачаѣлсасе бугеб
еще зѣѣя въ жилищѣ. Отдаѣ океанный нашъ царю сдѣлаемый

наці», абуніла тіл҃ініца, «кідацізе҃нанін ҃адамал мехсара-
долгъ свазалъ (г.) медвѣжье ухо до какиѣхъ поръ люди издѣ-

де вхоілея дуца?» Бортаніла асде таде азда҃но. Катіа
васься ты бросилъ ему на верхъ чудовище змѣй. Кошки

҃адін раладаса қіјабго ҃інгі вхун пача҃басуке бачаніла
какъ-у подъ основаніе обѣ ухо и держа къ царю повелъ (гов.)

ас аб. Тадегі ҃емер ҃інқаніла пача҃б, бадіб лер ху-
онъ оно. Еще, сверхъ больше испугался (г.) царь къ глазу цвѣтъ не

тічіла асда, чорхоі руф хутічіла, а҃птаніла ау тіл-
остался (г.) его въ тѣлѣ луша не остался (г.) закричалъ (г.) онъ Мед-

҃ініде: «Алла҃хасе ҃олојін, отгі қоарі҃чін діје от го-
вѣжьюму уху. Богу ради быкъ и ничего, не нужно мнѣ быкъ

ребгі қоарі҃чін, наке бачејін неб, жіндірго руқаліде шож-
остальное и не нужно дальше отведи это на свое мѣсто от-

забејін». «Жужа҃б батагіјін а҃іјегі дужегі кідацізе҃нанін дун
веди Адъ чтобъ достался и ей и тебѣ до какиѣхъ поръ я

вуқінеу карталгі азда҃набігі рударуқаліде рачула»,
буду и бабъ-ягъ и чудовище змѣй по своимъ мѣстамъ таскаемымъ

абуніла тіл҃ініца азда҃ногі бечантун. Тураніла
сказалъ (г.) медвѣжье ухо змѣя и отпустилъ. Убѣжалъ, помчался

҃еніса азда҃но, жібго хороца камураб тамах-҃адін; нуха-
оттуда змѣй само вѣтромъ гонимый листъ какъ, подобно по до-

са ҃ебеде, пача҃басул ҃улузул ре҃едгі қул҃чаніла а҃і, не҃їца
рогъ царскій кобылъ табувъ и проглотилъ (г.) она мы

хіңқ қул҃чулеб ҃адін. Іабілесеб жого та҃аніла ҃анжі па-
галушка глотаетъ какъ. Сдѣлаемый вещь кончился (г.) теперь у

ча҃басул. Ы҃іқалан мех хорпоб бақун хадуб, ҃іңқ ур҃ізе-
царя Хорошенько время въ срединѣ спустя задн хорошо поду-

гі — ургун, абуніла, қабабізегі пача҃бас тіл҃ініде,
мать и подумавъ сказалъ (г.) въ третій разъ парь медвѣжьему уху

Чунхараб то җалагі бікізабун. «Наб җалагі бачун ма-
влячи одинъ кобыла и показавъ. Это кобыла и ведя на

җарде ајин мун, цаг балаг бугин аб, жібо җанқодал хоно
гору иди ты очень худой есть оно само курное яйцо

җадін аб җуһараб мехаҗ гороні накҗивусунгејин». Іҗаніла
какъ оно сдѣлавшись время иначе назадъ и не возвращался. Пошелъ

тілҗин җалагі бачун маҗарде; асда хадуу, жіндірго
(г.) медвѣжье ухо кобыла и ведя на гору его сзади свое

улкајалда бугеб реқараб-целаб богі бачун, пачаҗгі
въ царствѣ находящееся верховое пѣшее войско и ведя царь и

вазараніла. Сојрунгі вхун, җуніла пачаҗасул боца тілҗині-
двинулся (г.). Кругомъ держа положилъ (г.) царскій войско медвѣжье

да тад раг. «Пачаҗасул җала біһун вугеу мискін-
ухо на верху, надъ битва. Царскій кобыла хранивъ сущій бѣдний

чі вугин дун, тејин ножоца жіуго», абҗаніла
человѣкъ есмь я оставъ вы самого закричалъ (говор.)

азде тілҗин. «җунејин дурго җиндул, вибілін җанжі киведа
ниъ медвѣжье ухо. Береги свое уши увидимъ теперь буда

ворҗулајалі?» Абҗаніла данде пачаҗ, бода хорлосангі
вырешься. Закричалъ (г.) на встрѣчу царь войска изъ середины и

вакхун. «А! һедініш мун вугеу?» абуніла тілҗиніца.
выглянувъ. А! такъ ты еси сказалъ (говор.) медвѣжье ухо.

җодоб лабун, унq җалагі бікізабун, реҗаніла
0 землю ударивъ на 4 кобыла и разорвавъ ударилъ (говор.)

ас то бох,—азарго чі кхезавуніла; тогі реҗаніла —
онъ одинъ нога тысяча человекъ уложилъ другой ударилъ

җіазарго кхезавуніла; һеб җалалда, һаке чі теҗогон,
лвѣ тысячи уложилъ (г.) такимъ образомъ назадъ человекъ не оставивъ

җураніла ас пачаҗасул бо. Һеб һунаргі һабун, іҗаніла
стребилъ (г.) онъ царское войско. Это подвигъ и сдѣлавъ пошелъ (г.)

Һанжі тїлїн бер балаһараһувеһун; һемерау иҫанїла
теперь медвѣжье ухо глазъ куда глядїть много шель (гов.)

даһау иҫанїла, балаһанїла цеве, — ваҫїна вугїла то
мало пошелъ (г.) посмотрѣлъ (г.) впередь идущимъ есть (г.) одинъ

чї данде, долбоҫа бакун қїго чїнарідал зотҫгї
человѣкъ на встрѣчу изъ корня выдернувъ два чинаровый дерево и

зежда ҫун. «Шїу, һудул, ҫаҫау чї?» абунїла
на плечѣ положивъ. Кто другъ молодець человѣкъ сказалъ (гов.)

тїлҫїнїца. «Кїсајїн дїје ҫаҫҫї? ҫаҫауни раһулїн тїлҫїн,
медвѣжье ухо. Откуда мнѣ молодц. молодець-то слышно (г.) медвѣжье

јачун пачаһасуке ҫарт шојзајурау», абунїла дос. «Дун
ухо ведя къ царю баба-яга доставившїй сказалъ тотъ. Я

турї еу», абунїла тїлҫїнїца. «Мун ватанї, дунгї дур һал-
вѣдь это сказалъ медвѣжье ухо. Ты если есть я и твой то-

маз вугїн». Абунїла зутҫїраҫїца. Иҫанїла һанжі қїјауго
варищѣ есмь. Сказалъ (г.) древоносець. Пошелъ (г.) теперь оба

һудул; һемерал иҫанїла, даһал иҫанїла, балаһанїла
другъ много шель (гов.) мало шель (гов.) посмотрѣлъ (гов.)

цере, — вугїла то чї нух балуҫгї һодоуҫун, на-
впередь есть (г.) одинъ человѣкъ дорога въ серединѣ и сїдя на

калда һобо сојрдїзабула. «Шїу, һудул, ҫаҫау чї»,
колҫнѣ мельница крутит. вертящимъ. Кто другъ молодець человѣкъ

абунїла аз. «ҫаҫауго һеҫїн дун; ҫаҫауни раһулїн
сказалъ (г.) они. Совсѣмъ молодцоват. не я молодець-то слышно

тїлҫїн, кетоһадїн пачаһасуке аздаһо бачарау», абу-
медвѣжье ухо какъ кошка къ царю чудовищ. зїҫї отведшїй ска-

нїла дос. «Дун турї еу», абунїла тїлҫїнїца. «Мун
залъ (гов.) тотъ. Я вѣдь это сказалъ (гов.) медвѣжье ухо. Ты

затанї, дунгї дур һалмаз вугїн», абунїла һабїһанас. Иҫа-
если есть я и твой товарищ есмь сказалъ (г.) мельникъ. И-

ніла һанжі һабауго һудул, доре һоадавіла, зоре
шелъ (г.) теперь всѣ трое другъ туда (вгнрхъ) ходилъ (г.) туда (вннзъ)

Һоадавіла; тарамазата, чезе һіјаб һадаб бақгі бала-
ходилъ (г.) наконецъ остановиться хоршее подобное мѣсто и искавъ

Һун, чавіла һабауго, чанаре һоадун бетербакінгі
оставовился (г.) всѣ трое на охоту ходя существованіе (гов.)

Һабуніла аз. То қојаі, қавуда зутбірачігі тун,
сдѣлалъ (г.) онн. Одиный въ день мѣсто жилищ. древоносець и оставивъ

ііһаніла тілһінгі һабіһангі чанаре. Һанал һаггі цеза-
пшелъ (г.) медвѣжье ухо и мельникъ на охоту. Мясомъ котель и напел-

бун, којн һабула вуқаніла зутбірач; раһаніла асда, то
внвъ пища сдѣлаемымъ былъ (г.) древоносець слыхалъ (г.) его одиный

шуршурі, балаһаніла, — реқаб һанқідагі реқун вақіпа вугі-
шуршаніе посмотрѣлъ (г.) хромой на зайца и сидя идущимъ естъ

ла то чі, жіндаго роо бугеу магжіда һабго роо-
(г.) одиный человекъ самого четверть выткшіи на бороде три чет-

бугеу. «Даһаб һан ле», абуніла ас; луніла зут-
верть выткшій. Мало мясо отдай сказалъ (г.) онъ отдалъ (г.) дре-

бірачіца. «Даһабгі ле», абуніла ас. «Чеһ бікагіјін
воносець. Еще немного отдай сказалъ (г.) онъ. Животъ чтобъ разорвался

дур!» абуніла зутбірачіца, «ајін дуру нухаі». Тіршун һо-
твой сказалъ (г.) древоносець иди свое дорогою Живо на

довегі рещтун, магжідаса то расгі тун, һеі ву-
полъ и соскочивъ, слѣзши съ бороды олинъ волосъ и оторвавъ этииъ при-

Һун зутбірачігі реқун, һаке жо тећогон һангі коанан,
внзавъ древоносець и бросивъ назадъ вещь не оставивъ мясо и сѣвъ

вачараб нухаі авіла һанқіл-реқарау. Чанаса һалмаззабі
пришедшей дорогою ушелъ (г.) заячий всадникъ. Съ охоты товарищи

вачараб мехаі, һез вичаніла зутбірач; бітаніла ас
ишедшее время эти развязали (г.) древоносець разсказавъ (г.) онъ

азіе іуна-бакараб. Қіабілеб қојаі, ііаніла тілһін ча-
нимъ свучившееся. Второй въ день пошелъ (г.) медвѣжье ухо на

наве тадакъ зүтбірачігі вачун, қавуда һабіһангі тун.
охоту виѣстѣ древоносецъ и веда на мѣсто жилищ. мельникъ и оставивъ

Добго һалалда ваѳун, добго жо асіјегі һабуніла һан-
Такимъ-же образомъ прійдя тоже самое вещь ему и сдѣлалъ (г.) заячій

қіл-реқарас. Үабабілеб қојаі, чанаре һалмаззабігі рітаніла
всадникъ. Третій въ день на охоту товарищи и отправивъ

тілһініца, қавуда жиугогі чаніла. Һагі-
(г.) медвѣжье ухо на мѣсто жилищ. самъ и остановился, остался. Изъ

һиса һан бакула ау вуқагон, ваѳаніла таде һанқіл-ре-
котла мясо когда онъ вынималъ пришель (г.) на верхъ заячій всад-

қарау. «Даһаб һан пе», абуніла ас. «Леларин! інсул
никъ. Мало мясо дай сказалъ (г.) онъ. Не дамъ отцовскій

бетер коагіјін дуца», абуніла тілһініца. Тіршун һанқі-
голова чтобы съѣлъ ты сказалъ (г.) медвѣжье ухо. Живо съ зай-

дасагі рештун, мағжідаса расгі тун, вортаніла һақіл-
ца и слѣзши съ бороды волосъ и вырвавъ бросилъ (гов.) заячій

реқарау асде-таде,—қутун кодовегі воѳун, бікізе то чіна-
всадникъ на него живо на руки и взявъ разодратъ одиһъ чи-

рігі һабун, һелда һорлоб мегежгі қазабун тавіла тіл-
һаръ и слѣлавъ ее въ середниһъ борода и вгунувъ оставилъ (г.) мед-

һініца ау. Чанаса һалмаззабі русараб мехаі, алгі рачун
вѣжье ухо онъ. Съ охоты товарищи вернувшіеся время они и веда

ііаніла тілһін досде валаһізе, долбоја бакун хадуб
пошелъ (г.) медвѣжье ухо тому смотрѣть изъ корня вырвавъ сзади

зотјгі бекеркун ун ватаніла һанқіл-реқарау. Зотоца
дерево и волоча ушедшимъ нашель (г.) заячій всадникъ. Деревомъ

бакараб мук кхун, ііаніла ал; қобақінеһангі ііун,
снятое слѣдъ, линія держа пошелъ (г.) они цѣлый день и идя

қасегі іңун қіабілеб қожаң, қаңілезде, шоаніла ал то
 ничью и идя второй въ день къ полудню дошелъ (г.) они одинъ
 роборе; робі баууң жаніса - жанібе араб то
 въ лѣсъ лѣсъ въ середияѣ, изъ ввутри во ввутрь шедшее одинъ
 вараңгі бугіла, вартіл қалте рехун чінарігі бугіла. Ба-
 дыра и есть (г.) дыры въ отверст. бросивъ чинарь и есть (г.) По
 луға халатаб коаріцагі вулун, веһаніла, зутбірачіцагі һабі-
 средияѣ длинное веревкою и обвязавъ опустили древносецъ и мель-
 һанасгі, тілһін жавіве,—тін Цорон хожзе ваканіла,
 никъ и медвѣжье ухо во ввутрь разъ заморозивъ умереть всталь, выта-
 ау, тін вулун хожзе ваканіла, бечан коаргі
 щилъ онъ разъ сгорѣвъ умереть всталь, вытащилъ опутивъ веревка и
 таһаніла, чарбіда асул һетегі чаніла. Бала-
 кончился (гов.) на полъ его нога и наступилъ, остановился (г.). Посмо-
 һаніла, бацадаб һарат—меседаңул рудзал ругіла, һодож-
 трѣль (г.) чистое серебро золотой дома, комнаты суть (г.) сндя
 қун, жіндірго нураңуке јударіла, моцбадаб һомераңул
 свое при свѣтъ (радуга) шьюшая какъ луна лица
 јасбадан јігіла һеңул вакалда мегежгі цун, діжун
 дѣвица есть (г.) ее, на нея на волѣнъ борода и положивъ спящия
 һанқіл-реқараугі вугіла. «Вуј! мун шіу? кісан ваґарау һаніве?
 заячій всадникъ и есть (г.). Ахъ ты кто откуда пришелъ сюда
 тоқау балаһіцогон наквусајін, гороні, ворґунака дір
 больше несмотря назадъ вернись иначе если, когда проснется мой
 росас мун чоаґогон теларін», абуніла јасаң. «Бішасук
 мужъ ты не убивъ не оставишь сказаль (г.) дѣвица. У Создателя
 бугін хојл—ракін», абуніла тілһіница хапун ралавдаса
 есть смерть жизнь сказаль (г.) медвѣжье ухо живо подъ основаніе
 досул мегежгі вхун; катіл һадаб һаралгі һабун, хурханіла
 его борода и держа у кошки какъ крыкъ и сдѣлавъ вѣщилъ

асда җад мегежқодо; сурізауніла ау тілһініца,—
его на верху больша борода бросилъ съ силою его, онъ медвѣжье ухо

тун кодоб мегежгі хуҗаніла, қадаї реҗун панқ
оторвѣвъ въ рукахъ борода и осталъ (г.) въ стѣнѣ ударившись блинъ

һадін жиугогі йуһаніла. Һанжі һіқаніла тілһініца
какъ самъ и сдѣлалъ, сталъ (г.). Теперь спросилъ (г.) медвѣжье ухо

јасалда: «Кісајін мун меҗедо? дур емен шівін, ебел шіјін?»
дѣвицу Откуда ты красавица твоей отецъ кто такой мать кто такая

абуніла јаҗаї: біҗен халатһабун шибгорін һабілеб, па-
сказалъ (г.) дѣвица рассказъ длинный сдѣлавъ что дѣлать (ничего) цар-

җабасул јаҗ жігін дун; инсул роқосагі камун жің-
скій дочь емь я отцовскій изъ дома и погнавъ, похитивъ себѣ

діего җужуңун кхун јіҗанін дун һас». Абуніла тілһініца:
женою держа была я онъ. Сказалъ (г.) медвѣжье ухо

«Һанжі аугі хоанін, җадегі јақілін мун діца, инсул роқо-
теперь онъ и умеръ навѣрхъ и вытащу ты я отцовскій въ

јегі шојзајілін, амма, дур пурман бугонані, діје јаҗајан-
домъ и отвѣду но твой разрѣшеніе если имѣтъ мнѣ и замужъ

гі абілін діца дуде, цақо јолункханін мун діје». «Ше
выйди и скажу я тебѣ очень понравилась ты мнѣ. Затѣмъ

јаҗувареј дује дун? дуца јаҗунака, мун гореу چیго
не выйду, не выйти тебѣ я ты если женишься ты кромѣ чело-

валангорін діје, һасул којршалиһагі јакарај гуріш дуца
вѣка не хочу мнѣ его отъ владычества отнявъ вѣль ты

дун», абуніна јаҗаї. Һанжі, жаніб батарабшінаб жо: һа-
я сказалъ (г.) дѣвица. Теперь внутрь все найденное вещь се-

раҗһагі, меҗедһагі, тогі хазинаһагі, бугебан абураб жо, бу-
ребро-ли золото-ли другой сокровище-ли находится сказанный вещь при-

һаніла коаріда тілһініца, Цаніла һалмаззабаца җаде
вязалъ (г.) на веревку медвѣжье ухо вытянулъ (г.) товарищи на верхъ

буһавіла ас, Цаніла доз. Шіҗаб жо Цан тадегі
привязалъ (г.) онъ тащилъ, тингулъ (г.) тѣ. Каждое вещь тянущъ на верхъ

бакун, хутаніла жавір тілһингі дој јаҗгі. «Ја-
и вытащивъ остался (г.) внутри медвѣжье ухо и та дѣвица. Поды-
хајін һанжі мунгі таде», абуніла тілһиңца јаҗалде. «Горін,
мись теперь и ты на верхъ сказалъ (г.) медаѣжье ухо дѣвиць. Нѣтъ

цевекхун мун вахајін, дун цеје јахані дур һалмаҗзабаца
снерва ты подымись я впередъ если подымусь твоей товарищи

мун һавіуго телінан ліндун жігін дун», абуніла јаҗај.
ты здѣсь-же что оставитъ испуганъ емь я сказалъ (г.) дѣвица.

«Теларевін ез дун, едівал чабі горелін ел, јахајін мунго»,
Не оставитъ они и такіе люди не суть они подымись самъ

абуніла ас. Қабул һабуларогон буҗаніла јаҗај; кінгі теҗі-
сказалъ (г.) онъ. Не соглашаясь (говорятъ) дѣвица никакъ не

ла тілһиңца. Коаріца таде јақун інагон, абуні-
оставилъ (г.) медвѣжье ухо. Верекою на верхъ вытащивъ идя сказалъ

ла јаҗај асде: «шіб горін җалєб, һагаһиңун һалмаҗзабаца
(г.) дѣвица ему что, кто знаетъ, знаемый въ случаѣ товарищи

мун һаніу танані, то жо мајун тезін діца дуда: да-
ты здѣсь если оставитъ одно вещь научивъ оставимъ я тебя ка-

інаб қојај, каһиңи балеб һужај, қіго куј қавцулебін һаб
ждый день утренней порой два баранъ прыгаетъ это

роқобе, то җеһераб, то каһаб; каһалде таде қанцізе
въ. комнату одинъ черный одинъ бѣлый бѣлому вверхъ прыгать

Һамал һабєјін дуца, еі мун җаса дуніјалалде рехілевін; җеһе-
стараніе сдѣлай ты она ты на верхній свѣтъ броситъ чер-

ралде таде қанціані зорла дуніјалалде рехун іневін мун».
ному вверхъ если прыгнешъ на нижній свѣтъ бросивъ уйдешъ ты.

Небгі абун таде јақун авіла јаҗ. «Тоҗаб Цазе
Это и сказавъ на верхъ вытащивъ ушелъ (г.) дѣвица. Больше тянутъ

жо бугіш?» айтанила зүтбірачгі һабіһангі. «Печін хуҗа-
вещь есть-ли закричалъ (г.) древносець и мельникъ и. Нѣтъ остав-
раб жо дун вакејін һанжі», айтанила тилһин. «Мун
шееса вещь меня вытащи теперь закричалъ (г.) медвѣжье ухо. Ты

ениу вуҗајин», абун, жанібе коаргі рехун, картіл җалта
тамъ оставайся сказавъ во внутрь веревка и бросивъ дыры въ отверстие.

то һобоһанасеб гамаҗгі җун, јачун јасгон іһанила
одинъ величною съ мельницу камень и положивъ веда дѣвца пошелъ

ал. Җанила тилһинида һалмаззабазул ламартҗи, хуҗанила
(г.) они. Узналъ медвѣжье ухо товарищей подлость остался (г.)

һанжі жіуго тобо, муқулуқалде цингі бахун. Ма, қасе
теперь самъ единимъ къ горлу гѣвъ и поднявъ. Вотъ вечеромъ

җордогі роһанила, роһалил каһиҗі баніла асде себе қіго
ночь и разсвѣло (г.) утренній заря и сыпалъ (г.) ему передъ два

кујгі җанҗанила, то җебераб, то каһаб.
баранъ и прыгнулъ (г.) одинъ чернѣй одинъ бѣльшій.

Каһалде таде каһиҗула вуқун, жіндірго хеһиҗај,
къ бѣлому на верхъ прыгая будучи свой торопливостью

җебералде таде вханіла тилһин; рехун анила
къ черному на верхъ попался (гов.) медвѣжье ухо бросивъ ушелъ (гов.)

һениса җораа дуніјалалде, доанкан ваканила то руҗаһул
оттуда на вышій свѣтъ трескъ поднялся (г.) одинъ домовой, дома

тохта; балаһанила,—бугіла қудіјаб шаһар. Катамаҗан җор-
на крышъ посмотрѣлъ (г.) есть (г.) большой городъ. Поскорѣе внизъ

легі рещтун, іһуһанила жанібе роқове, — жігіла то херај
и слѣзши вошелъ (г.) внутрь въ комнату есть (г.) одинъ старуха

җужу, һодојқун кун лурула. «Даһаб іһин ле, ебел, җечоца
женщина сидя нить прядя. Мало вода дай мать отъ жажды

холаго вугін дун», абуніла тилһиница. Җаса дуні-
совсѣмъ умираемимъ есть и сказавъ (г.) медвѣжье ухо. Не изъ верх-

алалдаса һагі гуревіш мун ваҗарау, һадамал махсараде кхојзе?
няго-ли свѣта ты пришель надъ людьми издѣваться

һезего-һеҗеб іјин кѣсајин бакілеб діца дује? абуніла
совѣтъ не имѣемый вода откудъ выташу я тебѣ сказала (гов.)

херај. «Іјинго буқунаребіш ножор?» һіқавіла ас. «Іјинві
старуха. Вода не бываетъ ли у васъ спросилъ (г.) онъ. Вода-то

шејин буқунареб? буқунин», абуніла ај, «буқажайеһоло
зачѣмъ не бываетъ бываетъ сказала (гов.) она хотя и бываетъ

шібин іцул бегералда іҗбетерілаб аздаһо җун бугеһул.
что-же ключа на головѣ девятиголовый чудовище змѣй когда стоитъ

Ҙаһалідаса-Ҙаһаліде то — то јаҗ лолін ростаца еһі-
Изъ года въ годъ одинъ одинъ дочь, дѣвица отдаетъ селеніе ей

іје, һеб қојај бечалин еһ іјин, горони, накујгі Ҙаһизеһан
этотъ въ день отпускаетъ она вода иначе опять пѣлый годъ

нежеје іјин қотулин еһ». «Биһејин діке қіго һеретъ, кин
намъ вода отрѣзываетъ она. Дай (сюда) мнѣ два кувшиня какъ

еһ іјин бечаларебалі то дунгі балаһизин», абуніла
она вода не отпускаетъ одинъ разъ я тоже посмотрю сказалъ (г.)

тілһиніца. «Воре, воре, дір васъ, унгејин мун», абун җіҗіда-
медвѣжье ухо. Берегись мой сынъ не ходи ты сказавъ взвила

ніла херај, евіве ун мун накувсінарін, җоалин аз-
(г.) старуха туда отправившись ты назадъ не возвратишься убьетъ

даһојај; дудаса қадарал баһарзал руқинҗин еһ җоарал
змѣя отъ тебя хуже молодцы, храбр. не были она убитые

чаһі». «Ҙоани җоалеу ватілін, җоаҗоні гурһун
люди. Если убьетъ убьетъ можетъ быть если не убьетъ пожалѣвъ

телеу ватілін, ріһејин һаніре һертал», абуніла тілһиніца.
оставитъ можетъ быть дай сюда кувшины сказалъ (г.) медв. ухо.

Ҙоділагон пуніла херај асуке һертал. Іһаніла тілһин,
Плача отдала (г.) старуха ему кувшины. Пошелъ (г.) медвѣжье

шоаніла іцукє; цезабуніла қіябго бєрет, вусані-
ухо дошелъ (г.) къ ключу наполнилъ (г.) оба кувшинъ вернулєя

ла—нак; қаңаңіла асде аздаһо. Роқор бєрталгі
назадъ ничего не сказаъ (г.) ему змѣй. Дома кувшины и

чєбон, іңаніла накујгі, цезаруніла бєртал, вусаніла—
опорожнивъ пошелъ (г.) опятъ наполнилъ (г.) кувшины вернулєя

нак; һаб нухалдаі қаңаңіла аздаһо. Шаһаралдаго
назадъ это разъ и ничего не сказаъ (г.) змѣй. Въ городѣ

тібіғаніла тілһініл һунар, пачаһасде баханіла.
распространилєя (г.) медвѣжьє ухо подвигъ царю дошелъ (говор.)

Асқовегі аһун, абуніла асде зорпа дуніјалаһул пачаһас:
Къ себѣ и позвавъ сказаъ (г.) ему вижняго свѣта царь

«нежеје ңін қотулеб аздаһо дуда чоазе қоанані, дује
намъ вода отрѣзываетъ змѣй тебѣ убитъ если сможєшь тебѣ

бодараб жо пєлін діца, шіб мурад дур буговігі, тобазабілін
любимое вещь отдамъ я какое-бы желаніє твой хотя будетъ исполню

діца; қојзегі — қојлін дуда еб чоазе, қоларебані, һедаһанго
я и навѣрно сможєшь тебѣ оно убитъ если-бы не могъ такъ

һінқи һєчогон, елде таде інароанін мун». «Ңің бугін, ја
боязнъ не имѣя ей къ не пошелъ-бы ты. Хорошо есть влє

дїеңілін һанжі, ја еңіеңілін, дурго раһі дулагі қочонгєјін»,
ниѣ будетъ тепєрь или ей будетъ своего слово ты и не забудъ

абуніла тілһініца пачаһасде. Қіго, буртінадул һінгі һа-
сказаъ (г.) медвѣжьє ухо царю. Два войлочный ухо и сдѣ-

буніла ас, жівдірго һіндуда һелгі хун, іңаніла ау роқун
лаъ (г.) онъ свой на уши эти и надѣвъ пошелъ (г.) онъ взявъ

бєрталгон іцукє. «Ле вақ!» абуніла аздаһојаһ, «тін
кувшинны къ ключу. Эй юноша сказаъ (г.) змѣй разъ

вақун һоболів танін діца мун, қіабізе вақун һудулін.
прїѣдє какъ гостя оставилъ я ты го второй разъ прїѣдє какъ друга

танін, џабабізегі ваџіне нечезеџагііш мун нечелареу;
оставилъ въ третій разъ пріятн неужелп ты не стыдншься

дурго рупалдаџагііш барахшілареу?» «дур таліџ џаџаб
свой хоть душа не пожалѣешь твой счастье чтобы прекрат.

наџ», абуніла тілџініца, «мунго шеџін нечолареб Бі-
дрянъ сказаль (г.) медвѣжье ухо ты самъ зачѣмъ не стыдншься Бо-

шас біжараб џін џадамазе џоџізе, шеџін нечолареб ебел-ін-
гомъ созданный вода людямъ рѣзать зачѣмъ не стыдншься мать отца

сул роџоса ракун џаго џасал хуџне; џодор буџаџін һавџі,
изъ дома отнявъ живымъ дѣвнцѣ глотать берегнсь теперь

болжалалде шоарабін мун!» ехедегі борхун, баніла аздаһо-
въ сроку дошелъ ты вверху и поднявъ ударилъ (г.) змѣй

џаџ тілџініца коач,—бакун аніла џіџабго буртнанадул џін;
медвѣжье ухо лапа отнявъ ушелъ (г.) оба войлочный ухо

ҺоаҺаніла тілџініца, һанџіл-реџарасул роџоса шоараб
макнулъ (г.) медвѣжье ухо у заячьего всадника изъ дома доставшееся

алмас-хоалчен,—таҺанван бортаніла аздаһоџаџул іџабго бетер.
алмазь сабля упаль (г.) змѣя девять голова.

Іџабго бетераџул авџілла мнпабго һінгі џоџун, маџін! абун;
Девяти головъ восемнадцать ухо и отрѣзавъ на сказавъ

пуніла тілџініца пачаҺасуке. Һудіџаб рохел џуніла
отдадь (г.) медвѣжье ухо царю. Большое радость положилъ (г.)

доб шаҺаралда, іџан хуџаніла зорпа дуніџалго һагџізе:
тотъ въ городѣ чуть остался (гов.) нижній весь свѣтъ съ ума сойти

тоџал реџаніла, тоџал һоданіла һемерау чі тоџаџгін
одни смѣялись (г.) одни плакаль (г.) много человекъ между собою

пабаніла һемер рохџаџ. ҺадамалҺагі, һамулҺагі, ба-
даже подрался (г.) много отъ радости. Люди и ослы и те-

чалҺагі, рупі бугебан абураб жо, бортаніла џеде. Та-
лята и душа есть сказанное вещь броснлся къ водѣ. Поря-

манау чі хун вуго неб қојаһ, тоҭаца мерһун-
радочно человекъ умершій есть этотъ въ день другъ друга растоп-
вигі, џеџе экуннигі, џин һемер һефон чеһ поатунигі.
тан. ли въ воду попалъ-ли вода много выпивъ животъ лопнувъ-ли.

Абуніла һанжі пачаһас тілһиниде: «дјегі дір улвајаџегі
Сказалъ (г.) теперь царь медвѣж. уху мнѣ и мой царству

дуца һабураб хажір кідаго бігун бакінарін һедаһан
ты сдѣланное польза никогда разсказавъ не окончишь на столько

қудіаб бугін еб; ісана дір јаҫалде буқанін ерга
большой есть оно въ нынѣшнемъ году мой дочери былъ очередь

аздаһојаџе хујне пезе; болані ејгі јаҫејін дуца, дір тахі-
змю глотать отдать если хочешь ее и женись ты мой на

дагі һодоуҫајин; һелдаса тоҫаб һабізе һал қолебани,
тронъ и садись этого больше сдѣлать средство если-бы могъ

ебгі һіблаанін діца дује». Абуніла тілһиница: «ҫаса ду-
это-и сдѣлалъ-бы я тебѣ. Сказалъ (г.) медвѣжье ухо верхняго свѣ-

ніјалаһул чі вугін дун ха, дуда дун еніве вакізе қоа-
та человекъ есмь я тебя я туда вытащить если

нані, һеб бугін дје бішун болараб, һанжі дір мурадһун
сможешь это есть мнѣ самое любимое теперь мой желаніемъ

бугеб жо; дур бақ болуларогонгі горін, дур јаҫ јолуларо-
сущій вещь твой мѣсто не любя и нѣтъ твой дочь не любя и

говгі горін, ҫаго хутагіјин нуж; кінгі дунго
нѣтъ живымъ чтобъ остался вы какъ-бы то ни было я самъ

віжараб ралалде һасратһі бугін дір». Абуніла пачаһас:
созданное къ землѣ желаніе есть мой. Сказалъ (г.) царь

«ҫаса дуніјалалде мун вакізе дір һал қојларін; чі-
на верхній свѣтъ ты вытащить мой сила, средство не сможетъ чі-

һарідал роһоб бугеб којк гороні, тоҫаб мун еніве вакізе
шаровой въ лѣсу сущій орелъ кромѣ больше ты туда вытащить

қолөб рублиґагоңігі буқинарин. Елде чі вітун вііізін
смож. существо и не будетъ. Къ ней человекъ пославъ посмотримъ

діца, шіб горін қалөб еі мун таде вакілеуігі».

я кто знаетъ она ты наверхъ можетъ быть вытащить.

Авила чі вітун, қабул һабіііла кокоца. Іїаніла
Ушелъ (г.) человекъ пославъ не согласился (г.) орелъ. Пошелъ (г.)

һанжі жиуго тілһин кокоје бетер қоазе, шоаніла чина-
теперь самъ медвѣжье ухо орлу голова убить дошелъ (г.) чина-

рідал робове, батавіла кокол боцен; жібго које батіііла.
ровый въ лѣсъ нашелъ орла постель само орелъ не нашелъ (г.)

Харун бахун іна бугоаніла кокол танчаде таде лаһче-
Ползая поднимаясь шло, шелъ (г.) орла дѣтенышамъ къ угле-

һераб қабетерілаб бороб; бжараб баһадін добгі һабун,
черный трехъ-головый змѣй крошенное какъ колбасъ тотъ и сдѣлавъ

зоғол Һодоуқаніла тілһин које баіінеһан. Баііна
подъ деревомъ сѣлъ (г.) медвѣжье ухо орелъ до прихода. Идетъ

бугіла то заманалдасан које, нахул бачаһадін. Баіун
(г.) одинъ черезъ нѣкоторое время орелъ какъ туча. Прііда

Һодобқаніла босада. Чір - чір, чір - чіран, қақаніла алде
сѣлъ (г.) на постель. Чиръ-чиръ, чиръ-чиръ, говорили ей

танчі. «Ле, һадаміла ңімер!» абуніла кокоца тілһініде:
дѣтеныши. Эй человекій дятя сказалъ (г.) орелъ медвѣж. уху

«діргі, дір ріжулгі тушман қоанін дуца, бујурејін діде то
мой и мой потомковъ и врагъ убилъ ты прикажи мнѣ одинъ

кулук, кібан қудіаб бугованігі тобазабілін діца еб». «Ліца
служба сколько большое хотя и будетъ исполню я оно. Я

дуде һарілін, дуда қолөбпун батані, дун таса дуніјазал-
тебъ попрошу ты, тебя если сможешь я на верхній свѣтъ

де вакејін», абуніла тілһініца. «Қіқојалда аңіго
вытащи, вынеси сказалъ (гов.) медвѣжье уху. Пятьдесятъ

гамуш кун хангі қағажін дуца», абуніла кокоца,
буйвола зарѣзавъ мясо и приготовъ ты сказалъ (говор.) орелъ

«қіқојалда аңцаңулго тон ңураб ңінгі қағажін; дује бола-
всѣ пятидесяти шкура полное вода и приготовъ тебѣ куда

раңуве ваклілн діца мун». Пачаңасул роңдоңа бачун, қіқо-
хочешъ вытащу я ты, тебя. Царскій изъ табуна ведя пять-

јалда аңдо гамушгі куніла тілһініца, қіқојадда аңца-
десять буйвола и зарѣзалъ (г.) медвѣжье ухо всѣ пятидесяти

ңулго тон ңелгі ңезабуніла; ковол тојаб корлода һан
шкура водой и наполнилъ (г.) орла на одномъ крылѣ мясо

ңуніла тојалда ңін ңуніла, бапуң жиугогі бодоу-
положилъ (г.) на другой вода положилъ (г.) въ срединѣ самъ и сѣлъ

қаніла. «Бозарејін һанжі», абуніла тілһініца,—лапшго-лап-
(г.) Двинься теперь сказалъ (г.) медвѣж. ухо лапшго лап-

шан боађезаруніла кокоца вурабі. «Һан» абураб мехаң,
шанъ взмахивалъ (г.) орелъ крылья. Мясо сказавшее время

һан полааніла тілһініца аңіје, «ңін», абураб мехаң,
мясо отдавалъ (г.) медвѣжье ухо ей вода сказавшее время

ңін полааніла. Таде ракізе то ропођан
вода отдавалъ (г.). На верхъ вытащиться одинъ величиною съ четверть

манзіл хутараб мехаң, таһаніла һан. «Һан», абуніла
разстояние оставшееся время кончился (г.) мясо. Мясо сказалъ (г.)

кокоца; жіндірго маңалдасагі қотун, чоборі пуніла тілһі-
орелъ свой отъ ляшки отрѣзавъ тѣло отдалъ (г.) мед-

ніца аңіје. Рақаніла таса дуніјалалде.
вѣжье ухо ей. Вытащились, поднялись (гов.) на верхъ свѣтъ.

Кокодасагі рештун реқділагон іһаніла тілһін. «Ле
Съ орла и слѣзавъ хромая пошелъ (говор.) медвѣжье ухо. Эй

вақ! ше мун реқдулеу?» абуніла кокоца. «Һадін-
юноша зачѣмъ ты хромаешь сказалъ (говор.) орелъ. Такъ се-

го, бох унтун бугін», абуніла ас. «Горін, бітејін!» абубѣ нога болить естъ казалъ (г.) онъ. Нѣтъ разскажи ска-

ніла кокоца. «Пан таѣараб мехаі, маѣалдаса қотун чоборі залъ (г.) орелъ. Мясо ковчавшее время отъ ляшки отрѣзавъ тѣло

пун буқанін діца дује, неі вугін дун редділа», абуніла отдавъ было я тебѣ этимъ есмь я хромаю казалъ (г.)

тілһініца. Лаѣаніла кокоца чоборі, тутун пацогон пу-медвѣжье ухо. Отрыгнулъ (г.) орелъ тѣло отплюнувъ слюна поло-

ніла ружнада тад,—буқуке іуѣаніла маѣ. Іѣаніла жылъ (г.) рану на какъ было сдѣлался (гов.) ляшка. Пошелъ (г.)

һанжі тілһін, шоаніла жіндірго руқаліде; Һенекханіла,—теперь медвѣжье ухо дошелъ (г.) свой жилище подслушалъ

Һадан зуқілеб куј бугіла жаніб, балаһаніла, — человекъ оглушительный шумъ естъ (гов.) внутри посмотрѣлъ

Белкалһадін ретаріла ругіла зуқбірачгі һабіһангі, јақ ді-какъ пѣтухи рвущимися еуть (г.) древносець и мельникъ дѣвица шѣ

јежан тојау, діјежан тојау; тілһініје гороні інаріван (говоря) одинъ шѣ (говоря) одняъ медвѣжьему уху кромѣ не пойдутъ (го-

чіѣла јақгі жігіла. «Шоарасе — шоараб буқіне-вора) крича дѣвица и естъ (г.). Кому доставнется доставшееся будетъ

бін», абун, лабуніла тілһініца тојасда,—қала зорле пуні-казавъ ударилъ (г.) медвѣжье ухо одного ртомъ внизъ поло-

ла, лабуніла тојасдагі,—чеба таде пуніла, һеніса, жылъ (г.) ударилъ (г.) и другого живот. вверхъ положилъ (г.) оттуда

јақгі јачун, іѣаніла тілһін аіул інсул улқалде; дѣвица и веда пошелъ (г.) медвѣжье ухо ея отца царство

дове шојгон қудіаб тој һабун догі јачун һанжігі ву-какъ прибылъ туда большой той сдѣлавъ ее и взявъ теперь и естъ

гіла тілһін пачаһасда һолбок һодоуқун.

(г.) медвѣжье ухо цара рядомъ сядя. Digitized by Google

Медвѣжье ухо.

Нѣкогда жилъ царь, и была у него дочь, извѣстная красавица. Каждый Божій день со своими рабынями и дѣвушками сосѣдей она ходила въ отцовскій садъ. Тамъ онѣ ѣли разныя фрукты, играли, шутили, пока имъ не надоѣдало, и къ вечеру возвращались домой. Однажды, когда онѣ играли въ саду, откуда ни возмись,—медвѣдь; схватилъ онъ царскую дочь, взвалилъ ее на спину (на шею) и убѣжалъ. Отъ этого медвѣдя, въ пещерѣ, она забеременела и родила сына съ человѣческой фигурою и медвѣжьими ушами. Когда ему исполнился одинъ день, онъ сталъ, какъ мѣсячный, когда исполнился одинъ мѣсяць, онъ сталъ, какъ годовой и, выростая такимъ образомъ, онъ сдѣлался очень сильнымъ человѣкомъ. Однажды, когда медвѣдь ушелъ гулять, онъ сказалъ матери: «какимъ образомъ мы попали въ эту пещеру? откуда ты сама сюда пришла и какъ меня родила?» Разказала мать всѣ свои приключенія. Когда они разговаривали объ этомъ, медвѣдь подымался къ пещерѣ. Медвѣжье ухо бросилъ большимъ камнемъ, который попалъ медвѣдю въ голову, и онъ свалился въ ущелье, разорвавъ себѣ пополамъ животъ,—и издохъ. «Ступай ты теперь къ своему отцу! а туда не пойду: для чего нуженъ ему я, родившійся отъ медвѣдя?»—сказалъ Медвѣжье ухо матери. Мать пошла въ отцовскій домъ, а Медвѣжье ухо направился въ другую сторону. Шелъ онъ, шелъ, долго-ли, коротко-ли, шелъ днемъ, шелъ ночью, пришелъ, наконецъ, въ одинъ большой городъ. Сталъ Медвѣжье ухо ходить по городу, ища работы. Услыхалъ царь того города, что такъ и такъ: въ городъ прибылъ человекъ съ медвѣжьими ушами. «Приведи его сюда! какъ можетъ быть человекъ съ медвѣжьими ушами!»—сказалъ царь. Привели Медвѣжье ухо. «Кто ты, твое

селеніе — страна, какое твое ремесло?» — спросил его царь. — «Я Медвѣжье ухо», сказалъ: «мое ремесло и занятіе узнаеть тотъ, кто найметъ меня работать». «Я найму тебя», сказалъ царь. — «Хорошо», сказалъ Медвѣжье ухо: «лучшаго человѣка мнѣ не надо, и тебѣ лучше меня не найти, — увидишь самъ». Напаялъ тогда царь Медвѣжье ухо. Спустя нѣкоторое время, царь приготовилъ сто человѣкъ послать за дровами. — «Зачѣмъ ты посылаешь за дровами чужихъ людей, имѣя такого человѣка, какъ я?» — сказалъ Медвѣжье ухо царю. «Мнѣ нужно не мало дровъ, а много; какая польза отъ дровъ, которыя ты принесешь одинъ?» — сказалъ царь. — «Ты отдай мнѣ кушанье и веревки, приготовленныя ста человѣкамъ», сказалъ Медвѣжье ухо, «и если я не принесу тебѣ достаточное количество дровъ, то сабля твоя, а шея моя». Медвѣжье ухо сѣлъ кушанье, приготовленное ста человѣкамъ, взял ихъ веревки и пошелъ. Пришелъ въ лѣсъ. Задвѣвъ каждой веревкой по дереву, потянулъ онъ и вытянулъ сто деревьевъ съ корнями. Волоча ихъ за собою, онъ пошелъ въ городъ. «Царь, расширь ворота, пришелъ я изъ лѣса!» закричалъ Медвѣжье ухо. Вышелъ царь, смотреть, — и не видитъ свѣта отъ лѣса, лежащаго передъ нимъ. Испугался царь, вздрогнулъ, и, узнавъ, что этотъ человѣкъ хорошаго не сдѣлаеть, задумалъ умертвить его, посылая въ такія мѣста, откуда не возвращаются. «Видишь эту гору?» — сказалъ царь Медвѣжьему уху: «за ней находится жилище бабы-яги, которая съ давнихъ поръ задолжала мнѣ одну мѣрку гороху, и до-нынѣ мнѣ его не отдаетъ; пойдѣ и отними у нея этотъ горохъ». Пошелъ Медвѣжье ухо къ бабѣ-ягѣ. Нашелъ онъ ее на гумнѣ. «Зачѣмъ ты не отдаешь долгъ нашему царю, окаянная?» — обругалъ онъ бабу-ягу: «отдай мнѣ поскорѣе долгъ, иначе я тебя самое поволоку къ царю». — «Постой здѣсь немно-го», сказала баба-яга: — «я тебѣ отдамъ изъ дома чистаго, свѣжаго гороха». Сказавъ это, баба-яга зашла въ комнату, а онъ сѣлъ на гумнѣ. «Иди теперь и возьми горохъ», закрича-

ла баба яга. Пошелъ Медвѣжье ухо. «Въ этомъ сундукѣ—горохъ, бери самъ оттуда», сказала она, указавъ ему сундукъ величиною съ комнату. Поднявъ крышку, Медвѣжье ухо опустилъ руку въ сундукъ, но въ немъ ничего не было. Баба-яга, схвативъ его сзади за обѣ ноги, хотѣла бросить въ сундукъ; но Медвѣжье ухо, схвативъ за шею, ее самое всунулъ туда. «Выпусти меня, я сдѣлаю все, что ты захочешь; отдамъ тебѣ все, что потребуешь!» стала баба-яга его просить. «Не выпущу, окаянная! зачѣмъ тебѣ было со мною тягаться?» сказалъ онъ. Взваливъ сундукъ на спину, пошелъ тогда Медвѣжье ухо обратно; пришелъ къ царю. «Отобралъ долгъ?»—спросилъ его царь. «Долгъ отдать она не согласилась», сказалъ Медвѣжье ухо, поставивъ передъ царемъ сундукъ: «а взамѣнъ долга, я принесъ ее самое сюда. Вотъ она! что твоему сердцу угодно, то и сдѣлай теперь». Испугался царь, растерялся, туда бросился, сюда бросился, и не зналъ, куда дѣваться. Сталъ онъ просить Медвѣжье ухо: «Ради создавшаго тебя Творца, отведи ее туда, гдѣ она была; не нужно мнѣ ни гороха, ни ея». Медвѣжье ухо отвелъ бабу-ягу на ея мѣсто и, давъ пивка въ спину, сказалъ, чтобы она ему больше не попадалась. Сильное безпокойство напало тогда на царя, и сталъ онъ говорить самъ себѣ: «Что-же теперь мнѣ дѣлать? Когда нибудь черезъ этого человѣка большая бѣда падетъ на мою голову». Спустя немного времени, сказалъ опять царь Медвѣжьему уху: «На концѣ этого, видимаго нами, лѣса живетъ чудовище—змѣй, онъ долженъ мнѣ одного быка; отними ты отъ него этотъ долгъ. Пошелъ Медвѣжье ухо; пришелъ въ жилище змѣя. «Отдай, окаянный, слѣдующій долгъ нашему царю!» сказалъ Медвѣжье ухо: «до какихъ поръ ты будешь издѣваться надъ людьми?» Бросился змѣй на него. Схвативши змѣя за уши, какъ кошеу, повелъ его Медвѣжье ухо къ царю. Еще больше испугался царь: лицо его потеряло цвѣтъ, въ тѣлѣ не осталось души; закричалъ онъ Медвѣжьему уху: «Ради Бога, удали его, отведи на свое мѣсто, мнѣ не нужно ни быка и

ничего другого». «Чтобъ вамъ обонимъ въ адъ попасть! До какихъ поръ я буду таскать змѣевъ и бабъ на свои мѣста?» сказалъ Медвѣжье ухо и отпустилъ змѣя. Пустился змѣй отсюда бѣжать, какъ листъ, гонимый вѣтромъ, и проглотилъ по дорогѣ табунъ царскихъ кобылъ, какъ мы глотаемъ галушку. Ужъ не зналъ царь, что тогда дѣлать. Спустя достаточно долгое время и, подумавъ хорошенько, сказалъ царь Медвѣжьему уху въ третій разъ, указывая на влячу кобылу: «Иди ты съ этой кобылой на гору: она очень худа, и не возвращайся оттуда, пока она не сдѣлается круглой, какъ куриное яйцо». Пошелъ Медвѣжье ухо съ кобылой на гору, а за нимъ двинулся и царь со всѣмъ своимъ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, находившимся въ его царствѣ. Окруживъ Медвѣжье ухо, царское войско дало ему битву. «Я бѣдный человѣкъ, охраняющій царскую кобылу; оставьте вы меня въ покоѣ!» закричалъ имъ Медвѣжье ухо. «Береги свои уши; увидимъ теперь, куда ты дѣнешься!» — закричалъ царь въ отвѣтъ, выглянувъ изъ середины войска. «А! ты такъ!» — сказалъ Медвѣжье ухо. Ударивъ кобылу о землю и разорвавъ ее на четыре части, ударилъ онъ одною ногою — уложилъ тысячу человѣкъ; ударилъ другою — уложилъ двѣ тысячи. Такимъ образомъ, не оставивъ ни одного человѣка, истребилъ онъ царское войско.

Совершивъ этотъ подвигъ, пошелъ Медвѣжье ухо куда глаза глядятъ; шелъ долго-ли, коротко-ли, смотритъ впередъ, — идетъ на встрѣчу ему человѣкъ, несущій на плечѣ два чинаровыхъ дерева, выдернутыхъ съ корнями. «Кто ты, другъ-молодецъ?» — спросилъ Медвѣжье ухо. «Откуда мнѣ быть молодцомъ? а слышно, молодецъ-то Медвѣжье ухо, который привелъ къ царю бабу-ягу», сказалъ тотъ. «Вѣдь это я», сказалъ Медвѣжье ухо. «Если это ты, то я твой товарищъ», сказалъ друконосецъ. Пошли тогда оба друга, шли долго-ли, коротко-ли, смотря впередъ, — сидитъ среди дороги одинъ человѣкъ, и вертитъ на колѣнѣхъ мельницу. «Кто ты, другъ-молодецъ?» — спросили они. «Вовсе я не молодецъ, а, слышно, молодецъ-то

Медвѣжье ухо, который привелъ къ царю чудовище—змѣя, какъ кошку», сказалъ тотъ. «Вѣдь это я», сказалъ Медвѣжье ухо. «Если это ты, то я тоже твой товарищъ», сказалъ мельникъ. Пошли тогда трое друзей; бродили тамъ-сямъ и, наконецъ, найдя хорошее мѣсто для пристанища, остановились; тутъ они охотою поддерживали свое существованіе. Однажды, оставивъ дома древоносца, Медвѣжье ухо и мельникъ пошли на охоту. Наполнивъ котелъ мясомъ, древоносецъ сталъ готовить пищу; вдругъ слышитъ шуршаніе, смотритъ,—ѣдетъ, сидя на хромомъ зайцѣ, одинъ человекъ, величиною съ четверть, а борода три четверти. «Дай немного мяса», сказалъ онъ. Древоносецъ отдалъ. «Дай еще», сказалъ тотъ. «Чтобъ у тебя лопнулъ животъ! ступай своей дорогой!» сказалъ древоносецъ. Соскочивъ на землю и, вырвавъ изъ бороды одинъ волосъ, заячій всадникъ связалъ древоносца, съѣлъ все мясо, ничего не оставивъ, и отправился прежнимъ путемъ. Когда товарищи вернулись съ охоты, они развязали древоносца, и онъ разсказалъ имъ о случившемся. На другой день, Медвѣжье ухо пошелъ на охоту съ древоносцемъ, а мельника оставили дома. Явившись опять, заячій всадникъ точно также поступилъ и съ нимъ. На третій день Медвѣжье ухо послалъ на охоту товарищей, а самъ остался дома. Когда онъ вынималъ изъ котла мясо, пріѣхалъ къ нему заячій всадникъ. «Дай немного мяса», сказалъ онъ. «Не дамъ!»— «чтобъ ты съѣлъ отцовскую голову!» сказалъ Медвѣжье ухо. Соскочивъ съ зайца и, вырвавъ изъ бороды волосъ, бросился на него заячій всадникъ. Быстро схвативъ его на руки, Медвѣжье ухо, разодралъ чинаръ и защеmplъ его за бороду. Когда товарищи вернулись съ охоты, Медвѣжье ухо пошелъ съ ними къ заячьему всаднику, но послѣдній скрылся, волоча за собою дерево, вырванное имъ съ корнемъ. Пошли они по слѣду, оставленному деревомъ; шли цѣлый день, шли ночь и въ полдень второго дня пришли въ одинъ лѣсъ; среди лѣса—глубокая дыра, на краю дыры брошенъ чинаръ. Мельникъ и

древносець, обвязавъ Медвѣжье ухо поперекъ тѣла длинной веревкой, спустили его внутрь дыры. Сперва онъ чуть не умеръ отъ холода, потомъ отъ жары, наконецъ, веревку спустили до конца, и ногами онъ сталъ на землю. Смотритъ Медвѣжье ухо, — комнаты изъ чистаго серебра и золота, сидитъ тамъ дѣвица и шьетъ при свѣтѣ своего лица, которое было какъ луна; тутъ-же, положивъ на ея колѣни бороду, спитъ и заячій всадникъ. «Ахъ! ты кто? откуда пришелъ сюда? — сейчасъ-же вернись назадъ, иначе, когда проснется мой мужъ, непременно убьетъ тебя», сказала дѣвица. «Отъ Бога зависитъ жизнь и смерть», сказалъ Медвѣжье ухо, схвативъ за бороду заячьяго всадника. Вскрикнувъ, какъ кошка, вѣпился большая борода въ него, а Медвѣжье ухо такъ хватилъ его объ стѣну, что у него въ рукахъ осталась только борода, а самъ заячій всадникъ прилипъ къ стѣнѣ, какъ блинъ. Тогда Медвѣжье ухо спросилъ дѣвицу: «Откуда ты красавица? кто такой твой отецъ, кто твоя мать?» «Долго рассказывать нечего: я дочь царя, меня онъ похитилъ изъ отцовскаго дома и сдѣлалъ своею женою», сказала дѣвица. «Теперь онъ умеръ, я тебя вытащу на верхъ и отведу въ отцовскій домъ, и съ твоего дозволенія скажу тебѣ, чтобы ты вышла за меня замужъ, потому что ты мнѣ очень понравилась», сказалъ ей Медвѣжье ухо. «Отчего-же мнѣ не выйти за тебя, если ты возьмешь? кромѣ тебя, я никого не желаю, — ты освободилъ меня отъ этого человѣка!» сказала дѣвица. Тогда Медвѣжье ухо сталъ привязывать за веревку все найденное внутри: золото, серебро и другія сокровища, — а товарищи его вытаскивали ихъ наверхъ; наконецъ, вытащили все, остались внутри только Медвѣжье ухо и дѣвица. «Подымайся теперь и ты на верхъ», сказалъ Медвѣжье ухо дѣвицѣ. «Нѣтъ, сначала поднимись ты: если я поднимусь впередъ, я боюсь, какъ-бы твои товарищи не оставили тебя здѣсь», сказала она. «Не оставлять они меня: не такіе люди они! подымайся сама!» сказалъ онъ. Дѣвица долго не соглашалась, но Медвѣжье ухо

настоялъ на своемъ. Поднимаясь вверхъ, она сказала ему: «Кто знаетъ, если товарищи оставляютъ тебя здѣсь, я тебѣ посоветую вотъ что: каждый день на разсвѣтѣ въ эту комнату вскакиваютъ два барана, одинъ черный, другой бѣлый; ты постарайся въ это время вспрыгнуть на бѣлаго барана, и онъ тебя вынесетъ наверхъ, а если ты вспрыгнешь на черного, то очутишься въ подземномъ мѣрѣ». Сказавъ это, дѣвица подвиглась наверхъ. «Есть-ли еще что нибудь вытащить?»—крикнули мельникъ и древоносецъ. «Больше ничего не осталось, теперь тащите меня!» закричалъ Медвѣжье ухо. «Ты оставайся тамъ!» Сказавъ это, они бросили веревку въ дыру, закрыли отверстіе камнемъ, величиною съ мельницу, а сами ушли, взявъ съ собою дѣвицу. Узнавъ тогда Медвѣжье ухо подлость своихъ товарищей и остался одинъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Вотъ ночь стала смѣняться днемъ, показался разсвѣтъ; въ это время выскочили два барана, одинъ черный, другой бѣлый. Желая вспрыгнуть на бѣлаго, Медвѣжье ухо поторопился и поцалъ на черного и очутился въ подземномъ мѣрѣ, на крышѣ одного дома. Смотрить,—большой городъ. Живо спрыгнувъ съ крыши, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла старуха и прядла пряжу. «Дай, матушка, немного воды, я умираю отъ жажды!» сказалъ Медвѣжье ухо. «Не изъ верхняго ли свѣта ты пришелъ сюда издѣваться надъ людьми? откуда я возьму воды для тебя, которой совсѣмъ нѣтъ»,—сказала старуха. «Развѣ у васъ воды совсѣмъ не бываетъ?»—спросилъ онъ. «Какъ-же не бываетъ,—бываетъ!» отвѣтила она: «но чтожъ изъ того, что она есть, когда у бассейна сидитъ девятиголовый змѣй; ежегодно городъ даетъ ему по одной дѣвицѣ и въ этотъ день отпускаетъ онъ намъ воду и опять до слѣдующаго года запрещаетъ брать ее. «Дай мнѣ два кувшина, посмотрю и я, какъ онъ запрещаетъ брать воду», сказалъ Медвѣжье ухо. «Берегись, сынъ мой, не ходи», завывла старуха: «если ты пойдешь туда, то не вернешься, тебя убьетъ змѣй; не хуже тебя были молодцы, убитые имъ». «Убьетъ

такъ убьетъ, а пожалѣетъ — оставить. Давай сюда кувшины», сказалъ Медвѣжье ухо. Съ плачемъ подала старуха кувшины. Пошелъ Медвѣжье ухо, пришелъ въ бассейнъ и, наполнивъ оба кувшина, вернулся назадъ. Ничего не сказалъ ему змѣй. Опороживъ дома кувшины, онъ пошелъ опять. Наполнилъ—вернулся назадъ; змѣй и въ этотъ разъ ничего не сказалъ. Подвигъ Медвѣжьяго уха распространился по всему городу и дошелъ до царя. Призвавъ его къ себѣ, царь подземнаго міра сказалъ ему: «если ты въ состояніи убить змѣя, который не даетъ намъ воды, то я отдамъ тебѣ все, что ты хочешь, исполню все, что ты желаешь; а я увѣренъ, что ты сможешь убить его: если-бы ты не могъ, то такъ смѣло не пошелъ-бы къ нему». «Хорошо, достанется теперь или мнѣ, или ему, а ты не забудь своего слова!» сказалъ Медвѣжье ухо. Сдѣлавъ изъ войлока чехлы и надѣвъ ихъ на свои уши, онъ пошелъ съ кувшинами къ бассейну. «Эй, юноша!» сказалъ змѣй: «въ первый разъ я оставилъ тебя, какъ гостя, во второй разъ, какъ друга,—неужели тебѣ не стыдно прійти и въ третій разъ, или же ты не жалѣешь своей души?» «Экая дрянь», сказалъ Медвѣжье ухо: «отчего ты самъ не стыдишься созданную Богомъ воду отнимать у людей, отчего не стыдишься пожирать живыхъ дѣвицъ, отнимая ихъ отъ отца-матери? Берегись, теперь пришелъ и твой конецъ!» Змѣй приподнялся, ударилъ Медвѣжье ухо лапой и сорвалъ съ него войлочные уши. Тогда Медвѣжье ухо махнулъ саблей, которую досталъ въ домѣ заячьяго всадника—и всѣ девять головъ змѣя пали на землю. Отрѣзавъ съ девяти головъ восемнадцать ушей, Медвѣжье ухо отдалъ ихъ царю. Великая радость распространилась въ томъ городѣ, чужь съ ума не сошелъ весь народъ подземнаго міра: одни смѣялись, другіе плакали, многіе отъ радости даже подрались между собою. И люди, и ослы, и телята, однимъ словомъ, все живое бросилось къ водѣ. Говорятъ, много людей погибло въ этотъ день: одни были потоплены другими, нѣкоторые падали въ воду, у **иныхъ** лоп-

нули животы отъ дитя. «Польза, принесенная тобою мнѣ и моему царству, до того велика, что ея нельзя выразить; въ нынѣшнемъ году была очередь моя отдать дочь змѣю на пожраніе, поэтому, если ты хочешь, возьми ее замужъ и садись на мой престолъ; если бы я былъ въ состояніи сдѣлать для тебя больше этого, я-бы сдѣлалъ», сказалъ царь Медвѣжьему уху. «Я человекъ верхняго свѣта, поэтому, если ты въ состояніи доставить меня туда, то это и есть мое единственное желаніе, и это не потому, что я не хочу твоего мѣста, или не люблю твоей дочери—дай Богъ вамъ жизни!—но потому, что я стремлюсь па свою родину», сказалъ Медвѣжье ухо. «На верхній свѣтъ тебя доставить я не въ состояніи, и, кромѣ орла, живущаго въ чинаровомъ лѣсу, больше никакое живое существо тебя туда доставить не сможетъ; я попробую послать къ нему человека: кто знаетъ, можетъ быть, орелъ доставить тебя туда», сказалъ царь. Послали человека; не согласился орелъ. Пошелъ тогда самъ Медвѣжье ухо къ орлу челомъ бить; пришелъ онъ въ чинаровый лѣсъ,—не нашелъ самаго орла, а нашелъ его гнѣздо, гдѣ находились его дѣтеныши, въ которымъ въ это время ползъ угле-черный трехъ-головый змѣй. Изрубивъ его въ колбасу, сѣлъ Медвѣжье ухо подъ деревомъ, дожидаясь прихода орла. Черезъ нѣкоторое время летитъ орелъ, какъ туча. Прилетѣвъ, сѣлъ въ гнѣздо. «Чирь-чирь, чирь-чирь»—разказали дѣтеныши ему про свое спасеніе. «Эй, дитя человека!» сказалъ орелъ Медвѣжьему уху: «ты убилъ моего врага и врага моего потомства! прикажи мнѣ сослужить тебѣ службу, и я исполню ее, какъ велика-бы она ни была». «Я прошу тебя, вынеси меня на верхній свѣтъ, если только ты въ состояніи», сказалъ Медвѣжье ухо. «Ты приготовь мясо пятидесяти буйволловъ», сказалъ орелъ, «и шкуры ихъ наполни водой, тогда я вынесу тебя, куда угодно». Взявъ изъ царскаго стада 50 буйволловъ, Медвѣжье ухо зарѣзалъ ихъ, наполнилъ ихъ шкуры водой, положилъ на одномъ крылѣ мясо, на другомъ воду и самъ сѣлъ по срединѣ. «Трогай-

ся теперь», сказалъ Медвѣжье ухо. Замахалъ орелъ крыльями.... Когда орелъ говорилъ: «мясо!» Медвѣжье ухо давалъ ему мясо; когда говорилъ: «вода!» — давалъ воду. Когда оставалось подняться до-верху разстояніе одной четверти, кончилось мясо. «Мясо!»—сказалъ орелъ; Медвѣжье ухо отрѣзалъ кусокъ отъ своей ляшки и отдалъ ему. Поднялись на верхній свѣтъ. Слѣзъ съ орла Медвѣжье ухо и пошелъ, хромя. «Эй, юноша! отчего ты хромаешь?»—спросилъ орелъ. «Такъ себѣ! нога болитъ...» сказалъ онъ. «Нѣтъ, скажи!» сказалъ орелъ. «Когда кончилось мясо, я отдалъ тебѣ кусокъ, отрѣзавъ отъ своей ляшки, отъ этого хромаю я», сказалъ Медвѣжье ухо. Отрыгнувъ этотъ кусокъ ляшки, орелъ поплевалъ на него, приложилъ къ ранѣ и ляшка сдѣлалась прежней.

Пошелъ тогда Медвѣжье ухо. Пришелъ къ своему жилищу; подслушиваетъ,—внутри шумъ, отъ котораго человекъ можетъ оглохнуть; смотритъ,—дерутся, какъ пѣтухи, древоносецъ съ мельникомъ, а дѣвица плачетъ, говоря, что не выйдетъ ни за кого, кромѣ Медвѣжьяго уха. «Кому что достанется, тому то и останется!» сказалъ Медвѣжье ухо. Ударилъ одного—уложилъ внизъ лицомъ, ударилъ другого—уложилъ вверхъ лицомъ; затѣмъ, взявъ дѣвицу, пошелъ онъ въ царство ея отца; какъ только прибылъ, тотчасъ Медвѣжье ухо, устроивъ большой пиръ, женился на дѣвицѣ, и теперь, говорятъ, сидитъ рядомъ съ царемъ.

КЮРИНСКІЕ ТЕТЫ.

Граматическія замѣтки.

Для кюринскаго языка П. К. Усларъ предложилъ азбуку изъ 49 буквъ: а, æ, б, в, w, г, ç, ġ, д, е, ж, ħ¹⁾, л, з, h, ĩ, ï, i, j, к, ê, ç, k, ê, л, м, н, о, п, í, ç, ç, q, b, p, с, т, ç, ç, у, ý, ф, х, ц, ç²⁾, ç, ч, č, ç³⁾, ш.

О буквахъ, которыя имѣютъ одинаковое звуковое значеніе съ русскими, я не буду говорить, а приведу только нѣкоторыя краткія, отрывистыя замѣчанія о тѣхъ, которыхъ или вовсе нѣтъ въ русской азбукѣ, или имѣютъ иное значеніе.

Æ, æ—обозначаетъ промежуточный звукъ отъ а къ е; продольноротый (Акад. азб. э).

Е, е—открыторотое русское э.

І, у, о—часто бываютъ неясноартикулированы и въ произношеніи (ї, ŷ, ѓ) слышатся почти одинаково.

W, w обозначаетъ звукъ средній отъ у къ в.

Ÿ, ŷ—соотвѣт. и фр. Jo, jo соотвѣт. ѓ.

Í, í—соотвѣтствуетъ русскому п.

П, п—аспирированный звукъ п (Акад. ç).

Ç, ç—взрывной звукъ п (Акад. ĩ).

Ç, ç—соотвѣт. русскому т.

Т, т—аспирированный звукъ т (Акад. ç).

Ç, ç—взрывной т (Акад. ĩ).

К, к—соотвѣтствуетъ русскому в, но длиннѣе: ê.

1) ç, 2) ĩ, 3) č.

К̣, к̣—аспирированный звук к (Акад. 𐎤).

Взрывные: К, к (Акад. 𐎤).

„ Қ, қ (Акад. 𐎥).

„ К̣, к̣ (Акад. 𐎤).

„ К, к (Акад. 𐎤).

Н, н—соответствует нѣм. n.

Н̣ (н̣) соответствуют русскому х.

Г, г—соответствует великор. г (гора).

Г̣, г̣—задній звонкій спирантъ (Акад. 𐎦).

З, з—обозначаетъ звукъ з съ болѣе рѣзкимъ отдѣнкомъ (Акад. 𐎧 съ знакомъ густого придыханія?)

Н, н—соответствуетъ арабскому, обозначаемому буквою ځ.

Х, х—соответствуетъ (Акад. 𐎨).

Д̣ (ц) сложный д + ж.

З̣—сложный д + з.

Т̣, т̣—сложный взрывной тч (Акад. 𐎩, 𐎪).

Ч̣, ч̣—энергичное ч.

Т̣, т̣—сложный взрывной тс (Акад. 𐎩, 𐎪).

Ц̣, ц̣—соответствуетъ русскому ц.

Ц, ц—слабѣе рус. ц (кончикъ языка слабѣе и ниже упирается въ зубы чѣмъ при произношеніи русскаго ц) *).

*) Эти замѣчанія о звуковомъ значеніи буквъ, какъ онѣ употреблены были П. К. Усларомъ, не согласуются съ описаніями, данными покойнымъ П. К. Мои наблюденія я просилъ кн. Ліонидзе провѣрить на мѣстѣ у кюринцевъ; онъ тоже нашелъ описанія П. К. не соответственными употребленію буквъ. Въ грамматикѣ Услара сказано: «п кюринское есть русское п; при болѣе еще сильномъ сжатіи губъ, происходитъ звукъ ѱ. П̣ есть п съ придыханіемъ»; «т есть русское т; т̣ произносится при сильнѣйшемъ прижиманіи языка къ зубамъ; 𐎦 есть т съ придыханіемъ»; «𐎧—е съ придыханіемъ 𐎧—приблизительно по-русски ккх».—Мои наблюденія надъ тѣми словами, въ которыхъ П. К. Усларъ употребляетъ т, 𐎦, т̣, п, ѱ, ц̣ и пр., привели къ заключеніямъ, несогласнымъ съ описаніемъ П. К. звукового значенія этихъ буквъ.

Имя существительное.

§ 1. За неимѣніемъ родовыхъ окончаній и примѣтъ, полъ одушевленныхъ предметовъ обозначается или прибавочными словами, или словами, неимѣющими между собою ничего общаго; напр. руш—дочь, хва—сынъ; қун—возель, џеһ—коза; ерѣкѣ сев—медвѣдь, діші сев—медвѣдица; севре шараг—медвѣженокъ.

§ 2. Чисель два: единственное и множественное.

§ 3. Основныхъ падежей 4: именительный, творительный, родительный и дательный. Сверхъ этого, есть особыя формы для обозначенія разныхъ положеній одного предмета по отношенію въ другому.

§ 4. Падежныя окончанія въ единственномъ числѣ.

<i>Им...</i>	—				
<i>Твор..</i>	-ді,-ні,-ра,-ре,-ру,-а,-е,-і,-у,-ѳ				
<i>Род..</i>	—	—	—		+и
<i>Дат..</i>	—	—	—		+з.

Напр. *Им.* баба, јаѳ, сіқ, ѳаб, тар, қал,
отець, быкъ, лисца, женщина, дерево, корова.
Тв.. баба-ді јаѳра сіқре ѳаѳа тарці қалі
Род. баба-ді-н и т. д.
Дат. баба-ді-з

Отъ творительнаго образуются родительный прибавленіемъ и и дательный прибавленіемъ з. (Въ разговорной рѣчи и чаще отбрасывается).

Почти всѣ существительныя двухсложныя и многосложныя образуютъ творительный падежь прибавленіемъ къ именительному окончанія ді.

Большая часть односложныхъ словъ принимаетъ въ творительномъ пад. окончаніе ні, вставляя предъ этимъ окончаніемъ гласныя і, у, ѳ (беш-і-ні, листомъ, цутъ-ѳ-ні, парю); если въ корнѣ слова есть а, ѣ, е, і, то іні; если у, то уні или іні; ѳ—ѳні.

§ 7. Для означенія разумныхъ дѣйствователей служитъ окончаніе бан, чаще чі, а также причастія; напр. рæзʷ—мельница,—рæзʷухбан, мельникъ; ёалтахчі, изготовляющій арчаки; фу чірадајді, хлѣбъ пекущій, хлѣбопекъ.

Склоняются эти существительныя однообразно; напр. рæзʷухбан, твор. рæзʷухбанді; (въ) рæзʷухбанда (ді); мн. ч. рæзʷухбанар; чі: чіді, (въ) чіда, чіјар.

Имя прилагательное.

§ 1. Находясь при существительномъ, прилагательное не измѣняется ни по числамъ, ни по падежамъ: кісен баба, кісен бабаді и т. д., хорошій отецъ, хорошимъ отцомъ и т. д.

§ 2. Если прилагательное употреблено самостоятельно, то склоняется такъ:

<i>Им...</i> кісенді, хорошій	кісенбур	Мѣстныя формы: кісендак; кісендакѣ; кісенбуруѣ. и т. д.
<i>Твор.</i> кісенда	кісенбуру	
<i>Род..</i> кісендан	кісенбурун	
<i>Дат.</i> кісендаз	кісенбуруз	

§ 3. Кромѣ качественныхъ прилагательныхъ, есть относительныя, образуемыя отъ родит. пад. ед. и мн. чиселъ: іаіарун генібап, женское платье (адан азурун іаіарунді ја, его сідѣніе женское есть).

§ 4. Прилагательныя, обозначающія время, образуются отъ нарѣчій времени прибавленіемъ окончанія и: гіла, теперь—гілан, теперешній; іака, завтра—іакаһан, завтрашній и т. д.

§ 5. Прилагательныя, означающія мѣсто, образуются при помощи причастій: ёене, внутри; ёеневаяј (ёене-авај, внутри-находящійся)—внутренній. Қулал, на серединѣ,—средній—қулалаяј (=қулал-алај).

§ 6. Ослабленное значеніе качества и сравненіе выражается при помощи біз—такъ какъ, или бітін—подобный; гзаф—очень, мадні—еще и. Ам јерубіз ја, онъ красноватъ есть. Was са қецібітін тім акупані—тебѣ одинъ *хромотоподобный* чело-

вѣкъ видѣлся-ли? Пачаһбіз айведа вун—какъ царь ходишь ты. Адала гзаф чіхі ја—очень большой.

Мѣстоименіе.

§ 1. Склоненіе личныхъ мѣстоименій.

Единственное.

<i>Им...</i>	зун,	вун,	ам(а)
	я	ты	онъ
<i>Твор.</i>	за	вуна (на)	ала
<i>Род..</i>	зі(н)	ві(н)	адан(н)
<i>Дат.</i>	заз	ваз	адаз

Мѣстные формы.

заі	заіә	заіді	ваі	адаі
зав	завә	завді	вав	
зак	закә	закді	вак	
за	зә		ва	
зал	зәлә	залді	вал	и т. д.
чаі	квекі			и т. д.

Множественное.

<i>Им...</i>	чун	кун	абур
<i>Твор.</i>	чина	куне	абуру
<i>Род..</i>	чі(н)	кү(н)	абуру(н)
<i>Дат.</i>	чаз	квез	абуруз

чав	квев
чак	квек
ча	кве
чал	квәл

§ 2. Родит. пад. лич. мѣст. употребляется въ значеніи притяжательныхъ: адаз қанда зі вах, ему любитя моя сестра.

Если притяж. мѣстоименіе стоитъ отдѣльно отъ существительнаго, то принимаетъ окончаніе н: қіл тда зін, голова болитъ моя.

Если притяжательное мѣстоименіе употребляется самостоятельно, вмѣсто существительнаго, то оно, какъ прилагательное, принимаетъ окончаніе въ им. пад. ед. ді, множ.— бур и измѣняется по падежамъ; напр. зід(і), зіда, зіда(н), зідаз; зідаі; зібур и т. д.

§ 3. Возвратное мѣстоименіе жуу. Оно склоняется такъ:

Им. жууа. *Твор.* жууа. *Род.* жууан. *Дат.* жууаз. *Мѣстн. формы:* жууаі, жууав, жууак, жууа, жууал и т. д.

Мѣстоименіе жуу можетъ быть замѣняемо формами мѣстоименій: зу, ву, чу, кү.

§ 4. Указательныя мѣстоименія: і, а, аҗа, вані, аҗа, һа,

употребляясь предъ существительными, остаются безъ измѣненія; і чім, і чімдін,—этотъ человекъ, этого человека и т. д.

Находясь отдѣльно отъ существительныхъ, эти мѣстоименія принимаютъ форму: імі, ама, аґама, ваніма, аґама, һама и склоняются такъ:

Единственное.

Мѣст. ф.

Им... імі¹⁾ ама аґама ваніма аґама һама¹⁾ ідаі

Твор. іда ада аґада ваніда аґада һада ідау

Род.. іда(н) ада(н) аґада(н) ваніда(н) аґада(н) һада(н) ідаі

Дат. ідаз адаз аґадаз ванідаз аґадаз һадаз іда

Множественное.

ідал

Им... ібур абур аґабур ванібур аґабур һабур и т. д.

Твор. ібуру абуру аґабуру ванібуру аґабуру һабуру

Род.. ібурун абурун аґабурун ванібурун аґабурун һабурун

Дат. ібуруз абуруз аґабуруз ванібуруз аґабуруз һабуруз

¹⁾ Конецныя гласныя а, і чаще отбрасываются.

І—указываетъ на предметы, которые находятся близко къ говорящему, а также о которыхъ только что говорилось.

А указываетъ на предметы, удаленные отъ говорящаго или о которыхъ только что не говорилось.

Аґа указываетъ на предметы, удаленные отъ говорящаго и слушающаго.

Вані указываетъ на предметы, которые находятся выше говорящаго.

Аґа указываетъ на предметы, находящіеся ниже говорящаго.

Һа=тотъ, о которомъ говорено было; вышеупомянутой.

Примѣчаніе: Отъ указательныхъ мѣстоименій образуются нарѣчія и прилагательныя: 1) Нарѣчія въ значеніи *такъ*: іқ(і), ақ(а), аґақ(а), ваніқ(а), аґақ(а), һақ(а); въ значеніи: *столько, столь, сколько, сколь*: іқуан, ақуан, аґақуан, ваніқуан, аґақуан, һақуан. 2) Прилагательныя съ значеніемъ *подобный, такой*: іһтін, аһтін, аґаһтін, ваніһтін, аґаһтін, һаһтін; ібур һітін, абур һітін и т. д.

§ 5. Мѣстоименія вопросительныя:

Имен... wуж, кто? wуч, что? **Hi**, который

Твор... hi

hу

Если hi находится при существительномъ, то не выдѣляется; употребляется отдѣльно отъ существительнаго, склоняется по образцу imi: hiда и т. д.

Род..... hiн

hун

Дат... hiз

hуз (hwes)

Мъст. hiк

hук (hwek)

формы: hiw

hуw (hwew)

hiк

hук (hwæk)

he

hwe

hæл

hwæл

и т. д.

и т. д.

Примыч. Отъ hi образуется нарѣч. hiç(i), какъ? hiçwan, сколько, какъ? Прилагательное hihtin, каковъ. hiмhiз, какъ кто?

§ 6. Определенныя мѣстоименія:

1) Мѣстоименіе wуч, самъ.

Единс. *Им.* wуч. *Твор.* wiçi. *Род.* wiçin. *Дат.* wiçiz.
Множ. *Им.* чеб, сами. *Твор.* çii. *Род.* çiin. *Дат.* çiiz.

Мъстн. форма wiçik и т. д.

wiçiw

wiçik

wiçe

wiçæl

çiiik

çiiiw

и т. д.

2) Wari, весь, вся, все. *Твор.* warida и т. д.

3) Mihiз, весь. *Твор.* mihiзда; *множ.* mihiзbur.

4) Har, каждый (=har ca) употребляется непосредственно предъ существительнымъ; отдѣльно отъ существительнаго: harma, *твор.* harда, *р.* harдан, *дат.* harдаз; *мн.* harбур, harбуру и т. д.

§ 7. Неопределенныя: harwуж, harwуч—кто бы то ни былъ, что бы то ни было.

Примѣч. *harwuj, harwuc* употребляются съ сослагательной или условной формой глагола.

Са *кас*, нѣто; са *заѣ*, нѣчто, съ отрицат. глаголомъ = нѣто, ничто. *Кван* са *касдіні* неч — камня нѣто не станеть ѣсть.

Без, нѣкоторые (передъ существительнымъ).

Маса, другой. Отдѣльно отъ сущ.: *И. масад Т. масада* (маса) *Р. масадан* (масдан) *Д. масадаз* (масдаз) и т. д.

Меку, иной.

Садбур — *садбур*, одни — другіе.

Имя числительное.

§ 1. Количественныя: 1 сад, 2 *qwед*, 3 *іуд*, 4 *қуд*, 5 *wad*, 6 *руғуд*, 7 *ерід*, 8 *мужуд*, 9 *қуд*, 10 *іуд*, 11 *іусад*, 12 *ііqwед*, 13 *іііуд*, 14 *іудуд*, 15 *іуwad*, 16 *іуруғуд*, 17 *іерід*, 18 *іемужуд*, 19 *іеқуд*, 20 *ѣад*, 21 *ѣанні сад*; 30 *ѣанні іуд*, 31 *ѣанні іусад*, 40 *жахіур* (*јэхқур*) 41 *жахіурні сад*, 50 *жахіурні іуд*. 60 *путѣад*. 70 *путѣанні іуд*. 80 *қудѣад*. 90 *қудѣанні іуд*, 100 *wіш*, 101 *wішні сад*, 200 *qwед wіш*, 300 *іуд wіш* и т. д. 1000 *азур*.

Примѣч. Конечное *д* передъ существительнымъ опускается: сад — са *тім*, одинъ *человѣкъ*.

При соединеніи количественныхъ съ существительными — тѣ и другія остаются безъ измѣненія.

Если же количественное числительное стоитъ отдѣльно, то оно измѣняется по падежамъ; напр. сад, сада, садан, садаз; садаѣ, садаw и т. д., сабур, сабуру и т. д.

При соединеніи же съ мѣстоименіемъ количественное числительное ставится послѣ него и согласуется съ нимъ въ падежахъ.

§ 2. Порядковыя выражаются при помощи причастія *луһудаді*, сказываемый (*луһун*, сказать): сад *луһудаді*, *qwед луһудаді* и т. д.

§ 3. Дробныя выражаются различно: *половина*: *зур* (*ғур*),

пай. Пуд пайнін са пай—трехъ частей одна часть, т. е. *треть*.
 Қуд пайнін пуд пай—четырехъ частей три части, т. е. $\frac{3}{4}$.

§ 4. СобираТЕЛЬНЫя образуются при помощи санап, во
 едино, вмѣстѣ: қвед санап, двое и т. д. Раздѣлительныя: са-
 сад, по одному, қведқвед, по два и т. д.

§ 5. Қведара қвед қуд=дважды два четыре. Пудара
 пуд қуд—трижды три девять. Қудара қуд цуруғуд—четырежды
 четыре шестнадцать. Вадара вад канні вад—пятью пять
 двадцать пять и т. д.

Глаголь.

§ 1. Неопредѣленныя наклон. глаголь употребляются
 какъ существительныя; они оканчиваются на ун, ұн, ан и
 рѣдко ін. Склоняются одинаково: гун, дать,—твор. гуні, (въ)
 гунік; мн. гунар.

§ 2. Окончанія глаголь измѣняются только по временамъ.

§ 3. Спряжение существительнаго глагола, который слу-
 житъ связью связуемаго съ подлежащимъ:

<i>Утвердительныя формы</i>	<i>Отрицательныя</i>
<i>Настоящее вр.</i> .. ја, да ¹⁾	туш, дач,
<i>Прошедшее</i> . . . тір, дај	тушір, дачір
<i>Условное наст.</i> .. јата, дата	тушта, дачта
„ <i>прош.</i> тірта, дајта ²⁾	тушірта, дачірта
<i>Причастіе</i> . . . тірді, ді, ³⁾ дајді	тушірді, дачірді
<i>(прош. и наст.</i> <i>время).</i>	
<i>Днепричастіе:</i>	
<i>Настоящее</i> јаз	—
<i>Прошедшее</i> тіз	тушіз
<i>Посль того какъ</i> }	
<i>был</i>	{ тірдалә, дајдалә (мѣст. ф. прич.) въ соединеніи съ гвәніз или қулуқді

Въ то время
какъ, когда. . . ! тірла, тірлак, тірлакді; тушірла, дајла
 дајлак, дајлакді

Отлагол. суц. тірвал, дајвал тушірвал, дачірвал

¹⁾ Ја имѣть болѣе общее значеніе, чѣмъ да, съ которымъ соединяется понятіе о томъ, что оказывается, обнаруживается нѣчто прежде неизвестное.

Да присоединяется къ сказуемому: ам кісенда, онъ хорошъ (ср. ам кісен ја, онъ хорошъ).

²⁾ Черезъ присоединеніе къ условнымъ формамъ ні (и), они получаютъ значеніе: если и . . . хотя.

³⁾ Причастіе ді присоединяется къ прилагательнымъ, употребляемымъ отдѣльно отъ существит.: кісенді, хорошій=хорошъ сушій. Тірді склоняется, какъ ді: тірда, тірдан и т. д.

§ 4. Нахожденіе въ пространствѣ или посреди извѣстныхъ обстоятельствъ выражается вспомогательными глаголами: ава ¹⁾—общее, неопредѣленное; ала—нахожденіе на; ġwa ²⁾ нахожденіе около, при, у; ġwa—нахожденіе подъ; ġala ³⁾—нахожденіе за, съ; ама—остаюсь. Всѣ эти глаголы измѣняются по слѣдующему образцу:

Утвердительныя *Отриц.*

Наст. . . . ава авач *Послѣ того*

Прошед. . . awaj авачір *какъ.* . . . awajдала

Усл. наст. . . awaṭa авачṭа *Въ то время*

Усл. прош. . . awajṭa авачірṭа *какъ, когда.* awajла авачірла

Причастіе. awajді авачірді awajлак и т. д.

(awaj) awajлакді

Двеприч. . . awaz авачіз *Отлаголн.* awajвал авачірвал

¹⁾ Всѣ формы глагола ава могутъ соединяться съ јаз, дѣпр. наст. отъ ја, и съ дѣпр. аваз. Глаголы ала, ġwa, ġwa, ġala соединяются съ ама.

²⁾ ġwani=позади. ³⁾ ġalaz=вмѣстѣ, съ.

§ 5. Вспомогательный глаголѣ һун употребляется въ значеніи сдѣлаться, случиться, оказаться, обнаружиться.

Неопредѣлен. накл. һун (һунуһ) ¹⁾ даһун или һунтавун

Прош. сов. 1-е. . . һана һанач

„ „ 2 (нов.) һаја һанч

<i>Давнопрошедшее . .</i>	банај	банчір, баначір
<i>Услов. прошедшее . .</i>	баната	баначта, дабаната банчта
<i>Услов. будущее . . .</i>	бајіта	дабајта, бунтагурта
<i>Услов. предполагаем.</i>	банаята	дабанаята, бан(а)чирта
<i>Причастіе прошед.</i>	бајі (бајіді, если прича- стіе стоятъ отдѣльно).	дабајді, бунтагурді
<i>Послъ того какъ . .</i>	бајідалае	
<i>Дъеприч. прошед. . .</i>	бана ²⁾	дабана, бунтагуна
<i>Въ то время какъ, когда</i>	бајіла, лак, лакді	дабајла, бунтагурла
<i>Только что</i>	банамаз (бајівалді)	дабанамаз, бунтагу- (т. е. бана амаз—сдѣ- лавшись, оставшись) бунтагурвалді
<i>Отглагол. существ. . .</i>	бајівал	дабајвал, бунтагурвал
<i>Повелительное</i>	буб	жемір, межер
<i>Повел. допускающее:</i>	буј	дабуј, бунтагурај
<i>(для выраж. соглас.).</i>		

¹⁾ Измѣняется по падежамъ: тв. буні, р. бунін, д. буніз и т. д.

²⁾ Дъепр. прош. бана въ соединеніи съ формами гл. ава образуетъ новыя формы, которыя показываютъ совершившійся переходъ въ извѣстное состояніе: банава, банавај, банавата и т. д.

Недостающія формы гл. бун пополняются формами другого ворня:

<i>Утвердительныя</i>		<i>Отриц.</i>
<i>Дъепричастіе</i>	жез, дѣлаясь	дежез (жентејіз)
<i>Аористъ ¹⁾</i>	жеда	жедач
<i>Будущее</i>	жеді	жеч
<i>Завис. отъ условія.</i>	жедір	жечір
<i>Прошед. повторит.</i>	жедај ²⁾	жедачір
<i>Условное аориста . .</i>	жедата	жедачта (дежедата, женте- јдата)
<i>Условное предполал.</i>	жедајта	жедачирта (дежедајта, жен- тејдајта)

Причастіе: жедаяді (жеріді) дежерді (дежедаяді, женте-
їдаяді, жентеїді)

Когда. жедаялак, же- дежедаяла
дажжякді (же-
деяла) и пр.

Пока, прежде чѣмъ. жедалді дежедалді, жентеїдалді
Только что. . . . жезамаз дежезамаз, жезамачїз, жентеїзамаз

Отлагольное сущ.. жедаявал дежедаявал, жентерїявал,
дежервал, жентеїдаяївал

1-е л. пов. и желат. жен дежен, жентеїн.

¹⁾ Эта форма означает неопредѣленное время: то настоящее, прошедшее, то будущее (несомнѣнное).

²⁾ Во всѣхъ формахъ, гдѣ есть слогъ аї, онъ можетъ замѣняться еї.

Гл. жез можетъ соединяться съ ава и образуетъ новыя формы: наст. жез ава, пр. несов. жез аваї; услов. наст. жез аваїа, усл. прошед. и предпол. жез аваїїа; причастіе настоящее: жез аваїді, жез аваз, дѣпр. наст., жез аваїїа, дѣлаясь когда былъ и т. д.

§ 6. Спряж. вспомог. гл. авун, дѣлать, сдѣлать.

Утвердительныя.

Отрицат.

<i>Неопредѣленное</i> . . .	авун	тавун, авунтавун
<i>Прошед. соверш. 1</i>	авуна	авунач
" "	2 авура	авунч
<i>Довнепрошедшее</i> . . .	авунаї	авунчїр, авуначїр
<i>Услов. прошедшее</i> . .	авунаїа	авуначїа, авунчїа
<i>Услов. будущее</i> . . .	авурїа	тавурїа, авунтавурїа
<i>Услов. предпол.</i> . . .	авунаїїа	тавуннаїїа, авунчїрїа, авуначїрїа
<i>Прич. прошедшее</i> . .	авур, авурді	тавурді, авунтавурді
<i>Дѣпр. прошедшее</i> . .	авуна ¹⁾	тавуна, авунтавуна
<i>Въ то время, когда</i> .	авурла, авурлак, авурлакді	тавурла, авунтавурла.

<i>Только что</i>	{ авунамаз агурвалді	тавунамаз, авунтавунамаз тагурвалді, авунтагурвалді
<i>Отг. существит.</i> . . .	агурвал	тагурвал, авунтагурвал
<i>Повелител. 2-е л.</i> . . .	аја	ејімір, мејір
<i>Повелит. допуск.</i> . . .	агурај	тагурај, авунтагурај

¹⁾ Авуна часто встрѣчается въ соединеніи съ ава.

Недостающія формы временъ гл. авуна восполняются отъ другого корня, а именно:

<i>Утвердительныя</i>	<i>Отриц.</i>
<i>Дѣепричастіе.</i> ејіз ¹⁾	тејіз, ејінтејіз
<i>Аористъ</i> ејіда	ејідач
<i>Будущее</i> ејіді	ејіч
<i>Зав. отъ услов.</i> ејідір	ејічір
<i>Прош. повтор.</i> ејідај	ејідачір
<i>Усл. аориста.</i> ејідата	ејідачта, тејідата, ејінтејідата
<i>Усл. предпол.</i> ејідајта	ејідачірта, тејідајта, ејінтејідајта
<i>Причастіе</i> ејідајді	тејідајді, ејінтејідајді, тејірді, ејінтејірді
<i>Въ то время какъ, когда</i> . . .	ејідајла тејідајла, ејінтејідајла, тејірла, ејінтејірла
<i>Пока, прежде чѣмъ</i>	ејідалді тејідалді, ејінтејідалді
<i>Только что</i> ејізамаз	тејізамаз, ејізамачіз, ејінтејізамаз
<i>Отглагол. суц.</i> ејідајвал	тејідајвал, ејінтејідајвал, тејірвал, ејінтејірвал

1 л. пов. и жел. ејін тејін, ејінтејін

¹⁾ Ејіз весьма часто образуетъ сложныя формы вмѣстѣ съ гл. ава.

§ 7. Всѣ остальные глаголы составляютъ двѣ группы:

1) одни изъ нихъ образуютъ свои простыя формы на основѣ вспомог. глаголовъ и 2) другіе образуютъ свои формы самостоятельно.

1-ая группа. Для образованія простыхъ формъ глаголовъ этой группы служатъ основою формы глаголовъ да, һун, жез и чаще авуна, ејіз.

Изъ соединенія, напр. корня 1) абад, богатый, съ гл. һун, жез образуется: абадһун, разбогатѣть; съ гл. аѡун, ејіз—абада-вун или абадун; обогатиться бѣмъ или чѣмъ либо.

2) аѣваз, стой!—аѣваз аѡун=аѣвазун, стой, сдѣлать, стать, остановиться.

Напр. 1) отъ корня чі (чір): а) чіһун (чірһун), сдѣлаться извѣст-нымъ, узнать, б) чіравун=чірун, сдѣлаться извѣст-нымъ, узнать черезъ посредство кого или чего-либо; в) чіда, чідај, чідата, чідајта, чідајді, чідајла, чізамаз, чідајвал, чіз, знаясь, будучи извѣстнымъ.

2) Отъ корня қан: а) қанһун, сдѣлаться желаемымъ, по-любиться, понравиться. б) Қінарун, сдѣлаться желае-мымъ, полюбиться, понравиться черезъ посредство кого или чего-либо. в) Қанз (қан јаз), қанда, қанду и пр.,—желаться, любиться, нравиться должно.

Если корень слова, съ которымъ соединяется аѡун, кон-чается гласною, то вм. аѡун авляется вун: јаѡа, непослушный: јаѡавун, сдѣлаться непослушнымъ, јаѡавуна, јаѡавура; жеке —великій и т. д. Јекевун и т. др., беми, недостаточный: ке-мівун и т. д.

Если же корень слова оканчивается на согласную, то въ гл. аѡун выбрасывается аѡ.

§ 8. Глаголы *второй группы* весьма разнообразно обра-зуютъ основныя формы, отъ которыхъ довольно правильно производятся всѣ остальные.

Напр. 1) гл. бачун, взять.

1. неопред. накл. . бачун	<i>Прош. совер. 1-е.</i> бачуна
<i>Повел. 3 л. допус..</i> бачурај	<i>Давнопрошедшее.</i> бачунај
<i>Повелит. 2 лицо.</i> бачу	<i>Услов. прошедшее.</i> бачунаѡта
<i>Дѣепричастіе.</i> . . . бачуз	<i>Услов. предполог.</i> бачунајѡта
<i>Аористъ.</i> бачуда	<i>Дѣеприч. прошед.</i> бачуна
<i>Будущее.</i> бачуді	<i>Только что.</i> . . . бачунамаз
<i>Зав. отъ условія.</i> бачудір	<i>Прошед. совер. 2-е.</i> бачура 1)

няясь съ формами всѣхъ вспомогательныхъ глаголовъ, образуютъ формы сложные.

§ 10. Залогъ *понудительный* образуется: 1) присоединеніемъ къ дѣепр. наст. гл. тун, оставить: аwurf, дѣлать, — еіѣтун, заставить сдѣлать и пр; 2) слогомъ ар: айваз, айвазун, стать, айвазарун, заставить стать; 3) war: азуq, азуqун, сѣсть, азуq-варун, посадить; 4) дар: азап, азапун, полѣзть, азадарун, заставить полѣзть; 5) д (если корень оканчивается на ъ): аwurf, аwurfун, спуститься, аwurfун, спустить; 6) измѣненіемъ корневой гласной и постановкой д. вм. т.: алат, алатун, опередить алу дун, заставить опередить.

Нарѣчія. Нарѣчія качественныя образуются прибавленіемъ окончанія з (сокращ. дѣепр. јаз) къ прилагательному; напр. јава, непослушный—јаваз, непослушно.

Подтверженіе и отрицаніе выражается посредствомъ еп, да, wa' или посредствомъ повторенія глагола вопроса въ положительной или отрицательной формѣ.

Нарѣчія образности происходятъ отъ мѣстоименій; напр. іq, аq, атаq, wаниq, азаq, һаq—такъ, и др.

Нарѣчія количественныя: іqван, аqван, атаqван, wаниq-ван, азаqван, һаqван—столько, сколько.

Нарѣчія времени: гіла, теперь, гіладала, отнынѣ, гіладалді (гілалді, гілаіведалді), до сихъ поръ, гіламаз, тогда; кус? когда? абіре, тогда и др.

Нарѣчія мѣста образуются отъ мѣстоименій указательныхъ и подлежатъ разнымъ измѣненіямъ:

Союзы: ні, ¹⁾ ја, или, амма, но, ахіа, потомъ, һапнѣ, поэтому, кі, что.

¹⁾ Означаетъ также вопросъ, а присоединяясь къ условнымъ формамъ, — хотя (если и).

Междометія һа, еј, һај, wah, ah и др.

(По соч. Услара: „Кюринскій языкъ“).

М. Завадскій.

КЮРИНСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ И СКАЗКИ.

А) *Записаны и переведены г. Лионидзе съ Касумъ-Кентъ.*

Пословицы.

1. Хавді бағшај малдін сараріз кілігіч.
2. Күрөмір куншідал, wi қилални кведі.
3. Wичі еғwinәј фурүз wуч awätди.
4. Пардаз жуw jекез акwада hadät ja.
5. Наһаған стхадлә чара кунши ксан ja.
6. Чірһајта wаз, чірһуј, чірдаһајта, wi qwед wилә хтуј.
7. Парса кәсди пәјди кәхчүди.
8. Аләһ wi қиліз кілігзаwач, wi рiqіз кілігзаwа.
9. Ламрәз прар јана лухүз шiw жедәч.
10. Инсанди(н) јетег бадалди аләһди(н) јетег қурта ксан ja.
11. Wакәк галәз ацуқәјди қарәда, мiрқәк галәз ацуқәјди цүкwеда.
12. Ina пәјди әна гүди.
13. Қәңјди һүлүн кiрәхдал—дақәңјди wилн кiрәхдал.
14. Ксанwиліз ксанwал һарса кәсди(н) кәр ja, пiсwиліз ксанwал мәрди(н) етмдн кәр ja.
15. Қәндәни һазарлудіз лухудәј кән ja.
16. Iqwan за минетһәта чуwүдди wичн лам гүдiр.
17. Pеғwелләјди wичн қур рәғwеда, мүбүда wичн рiq рәғwеда.
18. Ксанwал әја, weh һүлүз, чiрһајта зедрәз, чiрһуј зедрәз чiрдаһајта, аләһдiз чiржеди.
19. Адәз крчәр аләј јацни, јапәр аләј лам—чидәч.
20. Cpa қүләғар awa лухүз, cрә екечiз женни?

21. Чархі(н) кам, лам qeјлэ, ламра(н) јеріндал сүпэ
ќваздэј чеа ја.
22. Віліі фїјта, қіл јаба; қулук ќвазајта, қвечер
гатада.

Переводъ.

1. Скотинѣ, подаренной ханомъ, въ зубы не смотрять.
2. Не смѣйся надъ сосѣдомъ, на твою голову падеть.
3. Въ яму, тобою вырытую, самъ и упадешь.
4. Каждый кажется себѣ великимъ.
5. Чужой сосѣдъ лучше бесполезнаго брата.
6. Оцѣни (узнай) то, что я тебѣ сдѣлалъ,—если не поймешь, то пусть оно станетъ тебѣ во вредъ.
7. Каждый посвянное имъ и собираетъ.
8. Богъ смотритъ не на твоё имущество, а на твоё сердце.
9. Надѣвъ на осла сѣдло—лошадью не сдѣлается.
10. Чѣмъ хватать человѣка за подолъ, лучше просить Бога (если столько-же просить у Бога, сколько у тебя, то Богъ давно бы далъ просимое).
11. Сидящіе со свиньей—грязны, а сидящіе съ джейраномъ—всѣ въ цвѣтахъ.
12. Посвянное здѣсь—тамъ пожнешь (за земные поступки отвѣтишь на томъ свѣтѣ).
13. Любимый,—хоть на берегу моря, останется любимымъ, а нелюбимый,—хоть на краю глаза, все таки нелюбимымъ останется.
14. За добро платить добромъ можетъ каждый человѣкъ, но за зло платить добромъ нужно быть героемъ.
15. Больного не слѣдуетъ спрашивать: хочешь-ли?
16. Если бы я столько просилъ еврея, онъ подарилъ бы мнѣ осла.

17. Мельникъ мелеть свою муку, а что-то другое сердце его мелеть.
18. Брось въ море рыбу! если она не оцѣнитъ благодѣнія, Богъ это увидитъ.
19. Онъ не знаетъ: рога ли у быка, уши ли у осла.
20. Если въ могилѣ есть змѣи, то можно ли выйти оттуда? (не бѣжать мнѣ изъ общества, если въ немъ есть враги мои).
21. Осель издохнетъ—осленокъ его мѣсто займетъ.
22. Впередъ пойдешь—головой ударишься, назадъ пойдешь—ногой ударишься.

Примѣчанія. 1. Ханді, ханомъ; твор. пад; отъ хан. Баџшај, подарившаяся; прич. прош. вр. отъ баџшун (ауун). Малдін, род. п.; мал, рогатый свотъ. Сараріз, зубамъ; дат. мн.; сас, зубъ. Кілігіч, не посмотрится; отрицат. форма буд. вр. отъ кілігун.—2. Күремір не смѣйся; повел. отриц. отъ күрүн. Куншідал=коншідал, на сосѣда; конші, сосѣдъ; мѣстн. форма сближенія. Ві, твоя. Қілал-ні: мѣстн. фор.; қілал—ні, на голову—и; қіл, голова. Кведі придетъ; буд. вр. отъ аун, притти, итти. 3. Вічі, твор. отъ вуч, самъ. Езвінај, вырывшаяся; прич. прош. отъ езүн=æзүн. Фур, яма; фуруз—дат. пад. Аватді, упадешь; будущ. вр. гл. аватун.—4. Пар, каждый; хардаз, дат. п. Жуw самъ; возвр. мѣст. Жекез, великій будучи;=жеке јаз; жеке, великій; јаз, будучи; дѣспр. наст. сущ. гл. ја, есть. Аквада видѣется; аор. отъ гл. акун, видѣтъ. Ја, есть; настоящ. вр.—5. Наһақан, напрасный (отъ наһақ, напрасно). Стадлæ, изъ брата; мѣстная форма; ситха (стха). Чара, чужой. Кунші, сосѣдъ. Ксан (кисан) хорошъ. 6. Чірһајіта, знаніе если сдѣлается: отъ чір (извѣстность, знаніе)—гл. чірһун; будущ. усл. чірһајіта; повел. чірһуј; отриц. буд. усл.: чірдаһајіта. Wаз, дат. отъ вун, ты: твор. вунà или на, род. wі(н). Wі(н), твой. Qwed, два.

Вілæ изъ глаза; мѣст. ф. удаленія отъ вил, глазъ. Хтуј, пусть придетъ: повел. навл. гл. хтун (ср. агун) возвратиться на прежнее мѣсто. 7. Парса, всякій. Касді, человекѣмъ; твор. пад. отъ кас, человекъ, тварь. Цајиді, сѣмое; прич. наст. отъ гл. цун, сѣять. Кахчуді, возьметъ; будущ. отъ гл. кахчун. 8. Қіліз, рукъ; дат. п. отъ қіл. Кілігзавач, смотрясь не находится; отриц. ф. наст. отъ гл. кілігун: кіліг—дѣпр. наст.; авач, отр. наст. вр.; ава, наст. полож. гл. авун. Ріқіз, сердцу; дат. п.; ріқ. 9. Ламраз, ослу; дат. п.; лам. Прар=пуар, сѣдло. Јана, ударилъ; пр. сов. отъ гл. јан, ударить. Луһуз, сказывая; дѣпр. отъ гл. луһун. Шіw, жеребець. Жедач, отр. форма наст. вр. отъ гл. һун, сдѣлаться. 10. Инсандін, человекъ; род. пад. отъ инсан. Јетег, подоль. Кадаалді, пова схватится (кад—алді). Қурта, если схватится; усл. буд. отъ гл. қун, держать. 11. Вавак, со свиньею; мѣстн. ф. сблиз. отъ ваќ. Гаһаз, съ. Ацуқаді, сидящій; прич. наст.; ацуқун. Қарада, въ грязи; мѣст. ф. покоя отъ қар. Мірзік, съ оленемъ, джейраномъ; м. ф. отъ мирз. Цўќведа, въ цвѣтахъ; мѣст. ф. отъ цўќ, цвѣтокъ. 12. Іна—ана, нарѣч. мѣста: здѣсь—тамъ. Цајиді, посѣянное; прич. отъ гл. цун. Ёўді, пожнетъ; будущ. отъ ёўн. 13. Қанјиді, любимый; прич. отъ гл. қанһун; дақанјиді, отриц. форма. Пўлўн, моря; род. п. һўл, море. Кірахдал, на берегу; мѣст. ф. покоя, отъ кірах. Вілін, глаза; род. п. отъ вил. 14. Ксанвіліз, добротѣ; дат. отъ сущ. ксанвал. Кар, дѣло. Пісвіліз, плохому; дат. пад. отъ пісвал. Мердін, героя; род. п. отъ мерд. Етімдін, человекъ; род. отъ етім. 15. Қанда, хочешь-ли; қан—да; вопр. ф. қанда—ні. Һазарлудіз, больному; дат. п. отъ һазарлу, больной. Луһудај, сказавшійся; прич. отъ гл. луһун.—Қан, обыкновеніе. 16. Іқван, столько. За, мною. Мінетнаца если просился; прош. усл. отъ гл. мінетун. Чувудді, евреемъ; твор. п. отъ чувуд.—Вічін, род. п. отъ вуч, самъ.—Гўдір, дался-бы; зав. отъ услов. отъ гун. 17. Қўр, мука. Рæғведа, мелется; аор. отъ рæғўн.—

Мубуда, другимъ; твор. пад. отъ мубуди (безъ существительнаго). Рің, сердце.—18. Аја, сдѣлайся; пов. 2 л. гл. аwун. Weh, брось; пов. отъ wiñin. Пұлұз, морю; д. п. отъ һул. Зедраз, рыбѣ; дат. п. отъ зед. Чіржеді, извѣстно будетъ; буд.; чірһун. 19. Адаз, тому; дат. п. отъ ада. Крчар, рога; им. мн. отъ карч. Алај, находился на; прош. отъ гл. ала. Јаң-ні, быкъ ли; ні, вопрос. частица. Јаһар, уши; мн. отъ јаб, ухо.—20. Сра, въ могилѣ; мѣст. форм. покоя отъ сур. Зұлөзар, змѣи; им. множ. отъ зұлјаз. Аwa, находятся; наст. отъ аwун. Срә, мѣстная форма удаленія: изъ могилы. Екечиз, выходя; дѣспр. отъ гл. екучун. Жен-ні, сдѣляется-ли; пов. накл. гл. жез.—21. Чарх, назван. мѣстности. Кам, равнина, низменность. Цејла, когда умретъ; отъ гл. қин. Ламран, осла; род. п. отъ лам. Јериндал, на мѣсто; мѣстная форма отъ јерин. Супа, годовалый осленокъ. Къваздај, стоящее; къвазун. Чва (чѣва), мѣсто.—22. Wилик, впередъ; мѣст. ф. отъ wil, глазъ. Фјіта, если пойдешь; усл. буд. гл. фјун, итти. Қил, голова. Јаһда, бьется; аор. отъ јәен, ударить. Қулуқ, позади; мѣст. форма на к. Къвазјта, если будешь стоять; буд. усл. отъ къвазун. Къвечер, ноги; мн. ч. отъ қвач, нога. Гатада, побьется; аор. отъ гатун, колотить, бить.—Р.

Сказки.

1. Чхwәр(ин) пачаһ.

Еwәл заманда аwајqwan, аwачqwan са чхwер пачаһ; им бағда баткис бараздајqwan са бwалал чур абалтна атана барлаә һуз са сиқ чхwерар нез йкәна. Пар бакамахд чхwерар цигинтејлз һана. Ахпа бwебwена і кас, бағдин цузункә са тубен цигәна. Ідани і тубендин сiwәл рақар кәһна. Са һуз і сиқ атана бағдис, һаһдајла і рақарә һатна. Бакамахд баразна чхwер-пачаһ фејлакд, сиқ рақарә һатна цигәна. Ка-

чўна җилз дигәј таз, гатәна һәд јабна сик. Ахпә сикрә лаһана: чан чхвер-пачәһ, на зун рәқиһр, за ваз са ксанвал ејди чхвер-пачәһди адавә хабәр қўна: „wawә заз wуч ксанвал жеді“, лаһана, „zawә ваз Лалі шеһердавәј пачәһдин руш җиз жеді“, лаһана. Фәна, сикрә лаһана: чхвер пачәһдин пул алҗумиз wi зирба һе, лаһана. Зирба гвас хтәна. Хвәна, зирбадалди чхверәр алцўмна квтаһпәјлә, и сикрә и зирбадин китқердә са бисті тўна, гвас кфәна. Лалі шеһердин пачәһди хабәр һачўна: wi пачәһдиз һиқван пул алцўмнаһана?“ Зи пачәһдин пулуһи һсаб гүз жедәјвал туш. И сик әлвәһәна, хтәна чхвер-пачәһдин қилw. Каркә са һуз и сик фәна, Лалі пачәһдин руш чхвер-пачәһдиз һе лүһүз. И сикрә wiһи метләб лаһана. Лалі пачәһни разпәһана. Хтәна, сикрә чхвер-пачәһдиз лаһана: „Wi һазурлүх әја меһер ејдәјвал“. Инә и чхвер-пачәһани һачўна, чамәрни галәз и сик фидәјлә, һәлтна са wафәл. Сикрә лаһана: „ej qej xwa чхвер-пачәһ!“ Вал гинибашәрни алач,—за wун Лалі пачәһдин қилw адә(һ) језнә ја, лаһана, за wун һиқ тхун.“ Чирпәјтә wаз, чирпәј, чирпәһәјтә, wi қwed wилә хтүј. Зун пачәһдин қилw һарајдиз фиди: wi језнәдин гинибашәр wафү тхвәна, лаһана; и чхвер-пачәһ и wафүн қилw афүқарна, сик һарајдиз фәна,—лаһәја: „Wi језнәдин гинибашәр wафү тхвәна: ја һикди һwes жедәјвал туш, ја әһикди кфиз жедәјвал туш. И wахтўнда Лалі шеһердин пачәһди пачәһwилз ләјқ тир са һат партәл и сикрәw гәна, руфүрна. Ахпә и сикрә и гинибашәр идәл алүқна, идәз лаһәја:“ ej qej xwa! За wун пачәһдин мецлсдиз тхwәјлә, wун wi гинибашрләә wил аладрз килгмир. Ахпә и сикрә гинибашәр алүқна, гвас фәна. Им пачәһдин мицлсда афүқәјлә, им wичеләә wил аладрз акүрла, һбри сикрәwә хабәр қўна: им ахмәқ јени, wүча! Им һиқван wичиһ гинибашрз килгда. Сикрә лаһана: идәз wичелләј гинибашәр бегемпшзавәч“, чўһки идан са һат гзаф киметавәј гинибашәр wафү тхвәна; һәһнәә им wичелләј гинибашрз килгзавә. Идә лүһүда ки ја раб! Шаләр јәтә, шхер јәтә? И wахтўнда һазі җәна, и пачәһди(һ) wичиһ руш һи-

кәһна, ібрәл тапшүрмишна. I җуwүз i рушәз са күүлi мал-дewлёт гана; i рушәк галәз реҗе түра; ібурни, сwәсни, i дewлётни гwаз хтана. Wафәе екеңајла, сiҗрә лаһаја: ја қwал җурхајди, i ксанwал за wаз аwүна, гiла за wаз қwал һинә цузүрин. Сwас чхwәр(ин) тарцин қиніз тхуз жеч, ки. Күнә i дewәрин, i ламарин, i кәтирин, i балқанрин тумарик цаңар белг; зун бурәид(ин) кекәwәј дewлерин беләдалди фiда за анаwәј дewләр чкүрин; күн әниз ша. I wахтүнда i сiҗрә, фәна, дewлеріз лаһаја: ја қwал җурһајибур, кwез ағанә кwезаwәј пачәһдин қушүн акwазаwәчни күнә кү(н) қиліз чарә ја. I җуwүз i дewлерикә сад кәрбулухдин тамүз кәтра; амәј руғүд мұхцә чүнүхһаја i wахтүнда сiҗрәни мұхцүз цај јаһна. ібур іна кәпа қәја. I сwәсни гwаз ібур хтана, i беләдә сакинһаја. Кәрикә са кыз сiҗ һазарлүһана. I сwас ідәкә инциклиһаја. Ехирдиз сусә іда(н) тум қүна, кәриз кәдара, чүвкi іда қwелә мурдәлwал ејиз акүна. Сiҗрә, кәрағна, пачәһдиз лаһаја: „ја ламран хwa, іqwan ксанwиләр за wаз аwүна, са кыз зун һазарлүһана лүһүз зун, күнә тум қүна, кәдрин. Ксан ја; за тамаwәј аждаһан хин; ақү за wаз wуч дәта сiҗ фәна аждаһанди(н) қилiw лаһаја: ја хазан қеј аждаһан, wун һикә кәтна. А wi қwеләwәјди чхwер пачәһ ја. Ша, кфин чун, ам чкүрна, wi қwелә афүқкја“. I wахтүнда аждаһанди лаһаја: „heј қеј хwa, wаз зун алфүрәрна хәна реқиз қәндани?“ Сiҗрә қин қүна, аждаһан чалакәра. Аждаһанди лаһаја: ақ јата, зинжирдин са қил wi гардәнда тур, са қил зи гардәнда. ібур беләдал кфизаwәјлә, екеңна, чхwер пачәһди лаһаја: „heј ламран хwa сiҗ, еридәкә сад хванәлди зун рази жәдани?“ Аждаһанди сiҗрәз лаһаја: „ада wуч лүһүда? сiҗрә лаһаја: ам галәз хтунәлди азз кчәжәдани?“ лүһүда. I җуwүз аждаһанди кәтун башләмишра. інал алуғра сiҗ, әнал; ахр қәја сiҗ. Тамүз кфидәлди аждаһан қулүк килігнач. Тамүз аға-қайлақди кулүк килігна, сiҗрә сарәр ејиснаwa; i җуwүз аждаһанди лаһаја: ламран хwa сiҗ, аwүр кәрни азз аwурлақди мад күрәни зал ејда, ha!“ I җуwүз аwүртә сiҗ қәна, ідани wичин

зігндр сізрѣ(н) гарданда аѣудна, ім іна саінібаја, чхвер па-
чаһ келѣда, зунні хтана жи квелѣ.

Чхвер, груша; чхверін, род. п. Па́чаһ, государь, царь.

Евѣл, прежде. Заманда мѣст. ф. покоя; во время. Авај-
қван прошед. отъ ава: находился оказывается; қван присоед.
для обозначенія: оказывается, оказалось; иногда для выра-
женія „столько“. Авач, отриц. ф. соотвѣт. положит. ава.
Са=сад, одинъ. Чхвер=чхверін. Им, зотъ (і—ближ. пред-
меть). Багда, мѣст. форма сущ. баꝛ, садъ. Катѣіз, дѣепр. п. отъ
гл. Катѣун, лежать. Караꝛдај қван встающій бывало; прич. отъ
караꝛ. Квал-ал, на боку; ал—находж. на. Чур, трава; соб.
порча. Абалтна, поросла; прош. вр. Атана, пришедши; дѣеприч.
пр. гл. агун, притти. Карлаꝛ, изъ дней; форма удал.; отъ сущ.
жоꝛ день. Куз, дат. ед. отъ жоꝛ. Сіꝛ, лиса. Чхверар, им. п.
мн. ч. Нез, дѣепр. наст.; ѣдся; отъ гл. тун. Кткана, приви-
кла; прош. сов. отъ гл. кутбун. Пар, каждый. Бакамахді,
утромъ; ср. пака, завтра. Циꝛинтејіз бана: найтись не дѣлаясъ
сдѣлалась: ꝛ—отрицаніе; ејіз—наст. дѣепр.; гл. цуꝛун, най-
тись; бана пр. отъ бун. Ахія, потомъ. Кѣвейвена, обошед-
ши. Кас, человекъ. Багдін, род. пад. Цуꝛунꝛѣ, изъ забора,
(цуꝛун). Туꝛен, нора. Циꝛана, нашлась; гл. цуꝛун. Ідані=іда,
имъ; ні—и. Туꝛендін, род. п.; норы. Сіꝛѣл, мѣст. форма: на
отверстіе; отъ сіꝛ, ротъ, отверстіе. Раꝛар, капканы (раꝛ, же-
лѣзо). Кѣѣна, поставилсъ; гл. кѣѣун (авун). Атана, пришед-
ши; отъ гл. агун (авун). Баꝛдіꝛ, дат. п. Паꝛбаꝛла, когда
влѣзла; гл. хахун. Патна, упала; гл. батун (авун). Караꝛна,
вставши; гл. караꝛун. Феꝛлаꝛді, когда пошелъ (ла, лак, лакді
=когда, пока); гл. фјун. Качуна, взявши; гл. качун. Зіліꝛ,
ручѣ; дат. отъ гіл. Дігај, подходящее, удобное. Таз, полѣно,
свѣжая вѣтѣа. Гатана, побилась; отъ гл. гатун. Пѣл, нака-
заніе, которому подвергаютъ за прочную жизнь. Јаѣна, по-

билась; пр. с. 1; jæн. Сікре, твор. п. Лаһана, сказалося; гл. луһун. Чан, душа (=цап). На, тобою. Зун, я. Рæқимір, не убивай: мір—отрицаніе; рæқі—рæқін—қін, умереть, убиться. Was, тебѣ. Ксанвал, добро: вал, оконч. отвлеч. суц. Ејјіді, сдѣла-ется; будущ. Адаwæ, изъ него; форм. удаленія. Хабар, вѣсть. Чуна, взялась; гл. чуна, взятыся, держаться. Wawæ, отъ тебя (wун). Wуч, что. Жеді, сдѣлается; буд. вр. Zawæ, отъ меня. Was, тебѣ. Шеһердаwај, въ городѣ: шеһерда, въ городѣ, awај, находящійся (=awајді). Руш, дѣвushка, дочь. Зіз, прине-сясь; отъ гл. зун. Фена, пришедши; дѣпр. пр. гл. фіп (фјун). Пул, деньги. Алѣуміз, мѣряясь; алѣум и ејіз, дѣпр. наст. Це пов. н. гл. гун, дать. Гwаз, находясь при; дѣпр. наст. отъ гwa. Хтана, вернулась; агун,—х обозначаетъ возвраще-ніе въ прежнее состояніе, на прежнее мѣсто. Хкана, при-несши: гл. хукун, принести. Зірбадалді, мѣст. фор. посред-ства. Алѣумна, смѣрявшись. Кwтапһајла, когда кончилось; гл. кwтапһун. Кітqерда, въ трещины; мѣст. ф. Гл. кітqін, тре-спуть. Бісті, монета. Туна, всунувшись; дѣпр. гл. тун, всу-нуться, вложить. Кфена, вернулась на прежнее мѣсто (k=x). Качуна, взялась; прош. сов. гл. качун. Ніqван, сколько? Пу-лунін, род. п.; денегъ. Псаб, счетъ (=хисаб). Гуз, даваясь; дѣпр. гл. гун. Жедај-wал, дѣланіе. Туп, не есть; отр. фор. соотв. положит. тір. Аелѣwена, вернувшись; отъ гл. аелѣун. Қіліw, изъ головѣ; қіл. Карѣæ, изъ дней (мѣст. форма удале-нія; јоз, день; мпож. бар). Луһуз, свазываясь; дѣпр. отъ лу-һун. Wічін, своего. Метлеб, желаніе. Разіһана согласіе сдѣ-лалось; прош. с. гл. разіһун. Пазурлух, приготовленіе; гл. һæ-зурһун. Аја, сдѣлай; пов. гл. awун. Меһер, свадьба (мæкер?). Ејјідајwал, дѣланіе, совершеніе. Інаæ, отсюда. Пачаһа-ні=и царь. Качуна, взявшись. Чамар-ні, и дружки; чам. Галаз, на-ходясь при. Фідајла, когда шли. Палтна, встрѣтились; пр. гл. галт-ун (awун). Wафал, на рѣку; мѣст. форма сближенія; wаф, рѣка. Qej, умершій; безъ суц. qejіді; гл. qін. Хwa, сынъ.

Вал, на тебя. Гінібашар-ні, и одежда. Алач, отр. ф.,—не находится. Қіліw, въ головѣ, кз. Адап, его. Жезне, зять. Ја, есть. Ніз, такъ. Тхун, повести (=гухун). Чірһајіта=чір, извѣстность, званіе; һајіта, если сдѣлается; даһајіта, отриц. усл. буд. отъ һун. Ёуј, пов. отъ һун. Қвед, 2. Вілае, фор. удал.; wіл, глазъ. Хтуј, пусть придетъ назадъ; пов. гл. хтун (атун). Һарајдіз, крику; дат. отъ һарај. Фіді, пойду; буд. гл. фів. Вафу, твор. пад. Тхwана, унеслась; прош. гл. тхун (=түхун). Ацуqарна, посадился; понуд. зал.: афуqарун—афуqун. Інікді, сюда. Къез, идя; дѣепр. гл. атун. Жедаявал, дѣланіе. Туш, не есть. Ја, или. Апікді, туда. Кфиз, обратно, назадъ уходя. Вахтунда, во время; мѣст. ф. отъ вахт. Шеһердип, род. отъ шеһер, городъ. Пачаһwіліз, царскому сану; дат. пад. Лајq, приличная. Тір, былъ; прош. гл. ја. Һатпара, складка. Партал, одежда. Сікrew, въ лисѣ; форм. сближенія. Ёана, давши; гл. һун. Руёурна, послалась; прош. гл. руёурун=руёун. Ідал, на этого; мѣст. ф. мѣст. імі. Алуқна, надѣлась; пр. гл. алуqун. Мецлісдіз, собранію; дат. мецліс. Тхвајла, когда поведешься; гл. тхун. Аладріз, окидывая; дѣепр. н. гл. аладрун. Кілігмір, не смотри; отр. ф. пов. н. гл. кілігун. Алуқна, одѣвшись, прич. ф. Ёwas, дѣепр. гл. ёwa нахожденіе при, съ. Міцлісда; въ собраніи. Афуqајла, когда сѣлъ. Вічелә, изъ себя (wуч). Авурла, когда видѣлось; гл. авун. Қуна, взялось; держалось; гл. qун (хабар qуна=спросилъ). Ахмаq, глупый. Јені (=јаві), есть-ли (ні—вопросит. част.). Wуча,—что есть (wуч+ава). Кілігда, смотрится. Вічеллај=wичел (отъ wуч)+алај: на себѣ находящаяся. Бегемішзавач=бегеміш+ејіз+авач, праваясь не находится. Чупкі, потому-что, можетъ быть. Ёзаф, очень. Кімет-авај, цѣна находящаяся. Һабнае, потому. Кілігзава=wіліг+ејіз+ава. Кі, что, вѣдь. Раб, иглока. Шалар; шал, шерст. матерія, сукно. Јата, если есть; усл. наст. Шхер, халать. Запа, привелся; гл. qун. Тапшурмішна, передалась. Чуwуз, времени; дат. п. чуw. Кўлі, много. Мал, имѣніе. Дев-

лет, богатство. Реде, въ дорогу; мѣст. фор.; рæк, дорога. Тура, поставилъ; гл. гун. Свас-ні; свас, невѣста. Еѣѣѣајла, когда выходили; гл. еѣѣѣун. Қвал, домъ. Чурхаді прич. гл. чур-бун; портившаяся. Пінæ, откуда. Цузурин, найдись; понудит. отъ цузун. Тарцин, дерево; род. п.; отъ тар. Қініз, подъ; ср. қан, подошва. Тхуз, отвѣдась; дѣепр.; тухун (тхун). Кўне, вами. Девѣрин, и верблюды; дѣве. Балқанрин, и лошади; бал-қан. Тумарік, за хвосты; мѣст. ф. Цапар, волючки; цаз. Геліг, привяжите; гелігун. Кекевај, въ Кекевѣ находящійся. Ке-ледалді, до вѣрности; мѣст. ф.; беле. Фіда, пойду; аор. Ана-вај, тамъ находящійся. Чвурин, прогнаться; чвурин—чуву-рун. Аніз, туда. Ша, идите. Чурбајбур, порча сдѣлавшіяся. Ағанæ, свизу. Квезавај, идущій; причастіе; дѣепр. бвез отъ агун; авај—авун. Цушун, войско. Аквазавачні, виднѣясь не находится ли: акваз, дѣепр. отъ гл. авун; авач, отр. ф. наст. вр.; ні—лі. Чара, средство. Девлерікæ, мѣст. ф. удал. Тамуз; там, дѣсь. Катра, убѣжалъ; пр. сов.; ватун (=гатун). Амај, пр. отъ гл. ама, находится, остаться. Ру-гуд, 6. Мўхце, въ саманникѣ; мѣст. ф.; мўхц. Чўнўхбаја, спрятались; прош. сов. 2; чўнўбун. Цај, огонь. Јаһна, уда-рился; прош.; јабун. Кана, сгорѣли; прош.; вун. Цеја, умер-ли; прош. Келеда, въ вѣрности; мѣст. ф. Сакин (=секин), спокойно. Ціклибаја, противность сдѣлалась; ціклибун. Ехирдіз, концу; дат. п.; ехір (=æхір). Суса, невѣстою; твор. п.; свас. Цуна, взявшись; цун. Каріз, двору. Кадара, бросилась; пр. сов. 2; кадар(ун). Мурдалвал, поганность. Каразна, вставши; дѣепр.; караз(ун). Іқан, столько. Ксанвілер, доброты, добро; мн. ч. Цазарлуһана, сдѣлавшись. Луһуз (когда передается рѣчь отъ 3 лица=де); дѣепр. наст. Кадрин, броситься; кадар—ка-дарун. Тамавај, въ лѣсу находящійся; там, дѣсь. Аждаһан, дивъ. Хкин (—хукун), привести обратно. Ақу, смотри; ақун. Даға, если сдѣлается. Хазан, семья. Нікæ, изъ кого. Катна, убѣжалъ (ватун—гатун). Ша, иди; пов.; агун. Кфін, пойдемъ.

обратно. Чкурна, прогнавшись; дѣпр. пр.; чкурун. Афүг-кја, садись опять. Алѣурарна, обманувшись; алѣурарпун. Хкана, поведши; дѣпр. пр. Реқіз, умираясь. Қанда-ні, хочется-ли; қан + да. Чалакара, убѣдился. Ақ, такъ. Зінжірдің, дѣпи; рол. п.; зінцір, цѣнь. Гарданда, въ шеѣ; гардан. Кфізавајла, обратно идя когда находились: (к)фіз—дѣпр. наст.; авајла—ауун, когда находилась. Ейеісна вышелъ; пр. с.; ейецун. Еридакае, изъ семи. Хканалді, только что привелся обратно: хеун—зун, алді=пока, только что. Разі, согласный. Жеда-ні, сдѣлаюсь-ли. Луһуда, сказывается. Ѓалаз, находясь *при*. Кѣжеда-ні: к(i)ѣе, страхъ; жеда—сдѣляется; ні—ли. Катун, бѣжать. Башламішра, началось: башламішавура—башламішавурун. Ипал здѣсь на. Алукра, пр. с. 2; попалась, упала. Ахір (ахир) конецъ. Кфід-алді, только-что ушелъ обратно. Қулуқ, назадъ. Кілігнач, не смотрѣлъ; кілігун(ауун). Азақајлақді, въ то время, когда достигъ; азақун (ауун). Сарар, зубы; сас. Ейіспава, высунувши находится; ейісна (отъ ейісун), ава (ауун). Ауур, сдѣлавшееся; прич. прош. Кар-ні, дѣло и. Ауур-лақді, въ то время, какъ сдѣлалось. Мад, еще. Күрен-ні, смѣхъ—и. Зал, на мнѣ. Ејіда, дѣляется; аор. Акурға, когда покажется; усл. буд.; акун. Гарданде, изъ шеи. Албудна, вынувши; албудун. Сақін-һаја спокойный сдѣлался. Р.

Царь грушъ.

Нѣкогда жилъ былъ царь грушъ. Какъ то лиса повадилась таскать груши изъ его сада. Царь грушъ по утрамъ обходилъ деревья и не находилъ подъ ними грушъ. Разъ, обойдя кругомъ садъ, онъ нашелъ въ заборѣ нору, у отверстия которой поставилъ капканъ. Пришла лиса красть груши и попалась въ капканъ. На другой день утромъ царь грушъ отправился посмотреть капканъ, и нашелъ въ немъ лису. Царь грушъ схватилъ попавшуюся подъ руку палку и началъ

бить лису. Лиса стала просить, говоря: „Душечка, царь грушъ, не убивай меня,—я тебѣ сослужу великую службу“.— „Какую службу ты можешь сослужить мнѣ?—спросилъ царь-грушъ.“ Лиса отвѣчаетъ: „я тебѣ приведу въ жены дочь Лалинскаго царя.“ Царь грушъ освободилъ лису, которая отправилась къ Лалинскому царю и говоритъ ему: „Царь грушъ хочетъ мѣрить деньги и просить у тебя зирбу *).“ Получивъ зирбу, лиса возвратилась домой, всунула въ щель зирбы одну монету и отнесла ее обратно къ Лалинскому царю. Лалинскій царь спрашиваетъ лису: „много-ли у твоего царя денегъ?“ Лиса отвѣчаетъ: „у моего царя столько денегъ, что и счету нѣтъ имѣ.“ Однажды лиса опять приходитъ къ Лалинскому царю и проситъ его выдать дочь за царя грушъ. Лалинскій царь, прельщенный мнимымъ богатствомъ царя грушъ, соглашается на предложеніе лисы. Возвратившись къ царю грушъ, лиса приказала ему приготовиться къ свадьбѣ. Когда царь грушъ приготовился, лиса отправилась съ нимъ и со свитою его къ Лалинскому царю. На пути они встрѣтили рѣву; лиса обратилась къ царю грушъ и говоритъ: „Эй ты, мертвый, на тебѣ и приличнаго платья нѣтъ; какъ я тебя поведу къ царю? я лучше пойду къ царю и скажу ему, что при переправѣ черезъ рѣку вода унесла платье царя грушъ, и потому онъ не можетъ ни къ нему ѣхать, ни возвратиться обратно“. Лиса такъ и сдѣлала. Лалинскій царь отправилъ съ лисою пару платья, приличнаго царскому сану. Царь грушъ одѣлся въ новое платье, а лиса и говоритъ ему: „когда введу тебя въ царское собраніе, то не поглядывай на платье!“ Приѣхали къ царю. Царь грушъ, забывъ о предостереженіи, данномъ ему лисой, сталъ все поглядывать, по непривычкѣ, на свое платье. Присутствовавшіе стали спрашивать лису: „Не дуракъ-ли онъ, что все время, то и дѣло, поглядываетъ на свое платье?“ Лиса, желая защитить царя грушъ, загладитъ его неосторожность,

*) Зирба — мѣра сыпучихъ тѣлъ.

отвѣтила:— „Онъ потому такъ часто поглядываетъ на свое платье, что оно ему не нравится, такъ-какъ при переправѣ черезъ рѣку вода унесла его очень дорогое платье“. Затѣмъ, какъ бы недоумѣвая, прибавила:— „Боже мой! что это такое: грубое сукно, или холстъ простой?“— Въ это время привели вадія, и былъ совершенъ брачный обрядъ. По совершеніи обряда, царь грушъ съ молодой женой и съ богатымъ приданнымъ пустился въ обратный путь. На возвратномъ пути, послѣ переправы черезъ ту-же рѣку, лиса сказала:— „Эй, царь грушъ, бездомный ты человѣкъ! я тебя облагодѣтельствовала, — жену нашла тебѣ; гдѣ же теперь найду домъ для тебя? Вѣдь, нельзя-же невѣсту вести подъ грушевое дерево! А вотъ что: вы къ хвостамъ верблюдовъ, ословъ, катеровъ и лошадей привяжите колючки, а я пойду въ крѣпость, которая находится недалеко отсюда, — выгоню оттуда живущихъ тамъ дивовъ; вы пріѣзжайте туда и тамъ поселимся.“ — Пріѣдя къ дивамъ, лиса сказала: „Эй вы, несчастныя созданія, развѣ вы не видите, что войско царя идетъ на васъ! спасайтесь скорѣе, кто какъ можетъ!“ Дивы, увидя страшную пыль оттуда, куда имъ показывала лиса, повѣрили ей, страшно испугались, и одинъ изъ нихъ убѣжалъ въ темный, дремучій Карбулукскій лѣсъ, а остальные шесть спрятались въ саманникъ. Лиса подошла саманникъ, и дивы сгорѣли. Къ тому времени пріѣхалъ и царь грушъ съ молодою женою, и поселились въ крѣпости. Однажды лиса заболѣла. Молодой женѣ не понравилось, что лиса лежитъ больная и пачкаетъ комнаты; взяла ее за хвостъ и выбросила во дворъ. Лиса встала и сказала царю грушъ: „Эй ты, ослинное отродіе; столько добра я тебѣ сдѣлала, а теперь, когда я вамъ не нужна больше, больную выбросили меня изъ дому! Хорошо-же, погодите, я вамъ отплачу за это!“ Сказавъ это, лиса пошла къ оставшемуся изъ семи дивовъ и говорить ему: „Эй ты, бездомное существо! ты отъ кого убѣжалъ? Теперь въ твоемъ домѣ живетъ царь грушъ. Иди, пой-

демъ вмѣстѣ, прогонимъ его оттуда, и ты снова поселись въ своемъ домѣ.“ Но дивъ сразу не повѣрилъ словамъ лисы и говоритъ ей: „Эй ты, собачій сынъ! Ты хочешь меня обмануть,— поведешь туда и убьешь меня!“ Лиса поклялась, что она не съ тѣмъ намѣреніемъ пришла звать, чтобъ извести его, а съ цѣлью помочь ему выгнать изъ своего дома царя грушъ и дать ему возможность вернуть домъ и поселиться въ немъ снова. Тогда дивъ повѣрилъ присягѣ лисы и говоритъ ей: „Если ты говоришь правду, то одинъ конецъ цѣпи надѣнь себѣ на шею, а другой конецъ надѣну я себѣ.“ Лиса, конечно, согласилась, и отправились къ крѣпости. Когда лиса съ дивомъ пришли въ крѣпость, царь грушъ вышелъ и говоритъ лисѣ: „Эй ты, дохлятина, развѣ я соглашусь, что-бы ты привела изъ семи дивовъ только одного?“ Дивъ спрашиваетъ лису: „Что это онъ говоритъ?“ Лиса отвѣчаетъ: „Онъ говоритъ, что развѣ я испугаюсь тебя, что привела дива!“ Услыхавъ это, дивъ сталъ бѣжать обратно въ лѣсъ и за собою потащилъ лису. Дивъ не оглядывался назадъ, пока не достигъ лѣса,—и тутъ только оглянувшись, увидѣлъ онъ, что лиса, оскаливъ зубы, лежитъ отъ него на разстояніи длины цѣпи; дивъ подумалъ, что лиса смѣется надъ нимъ и говоритъ ей: „Эй ты, ослинное отродіе! наварила каши и еще смѣешься?“.... Но убѣдившись, что лиса не смѣется, а околѣла, онъ снялъ съ нея цѣпь, и успокоился нашъ дивъ и больше не смѣлъ и думать о возвращеніи себѣ крѣпости. Успокоился также и царь грушъ въ своей крѣпости; зажилъ счастливо со своею молоденькою женою. И я, какъ зритель этой сцены, вернулся къ себѣ домой.

2. Шејх оглі Шах Абас.

Awajqwan, awaçirqwan са пачаһ Шејх оглі Шах Абас. Садрахди ада дерwшдин партал алуғна, wичин qwe(д) wiaipни ғалас дунёда (дунјада) әәwәс фәја. Күз неһәналди әәwәја ibур неһәпикди мәрф кьвас-кьвас са(д) хурүз фәја ibур елифиз қанз. Фәја ibур кавхәдиwә тewәкүһawүра ibри чеб елифарүн. ¹⁾ Kawxәди ibрүз лаһәја: „zi қwелә Шејх оглі Шах Абасдин әәбит ²⁾ awә, sawә күн елифар жеч. Ахпә ibур фәја чawүшдин қиләwди тewәкүһ awүра чеб елифарүн. Чawүшди лаһәја: кавхәд(ин) қwелә Шејх оглі Шах Абасдин нукәр awә кьлуздал атај; зун һәниз физаwa, аз күн елифардәј мацал awәч. Ахпә ibур фәја феқид(ин) қиләwди. Тewәкүһ awүра чеб елифарүн (awүн). Феқиди лаһәја: кавхәд(ин) қwелә Шејх оглі Шах Абасдин нукәр awә, адан бујрүз ғwаз атај, зун һәниз фәна, қанда казас қәлз; sawә күн елифар жеч. Адалә ғwәһниз ibур i хурә екәфра ³⁾, са базқарин арадаwәј рәқә һәтна. Фәја. I чүwүз һәлтра ibрал кәзмәд(ин) кәwәл кьваснаwәј са(д) паб. Башләмишра ibри i папәз минет ејз: „чеб елифара,“ лаһәна. Гзаф ксан ја, цан стхәјәр, елифа, лаһәја. Папа ibур елифара wичин кәзмәдиз ⁴⁾ ibур, цәј awүна, кьлаw афүқара; ibрин балзанәр кәзмәд(ин) қилә ктүнра. I папаһн зүл i хурүн нехирбан тирқwan. Нәпикди нехир хурүз һалкејдалә гwәһниз, папәз wичин зүл awүра; ida зүерна ⁵⁾ зүлүн қиләwди фәна, зүлүз хабәр ғәја муһманрикә. Нехир хурүз һалкаwуна, i нехирбан гзаф шад-шад хтәја wичин кәзмәдиз. I wәхгүнда ida i муһманриз һүрмәт һиззәт awүра wичиз awәј зағуwәлди. Itфәқ һа физ нехирбандиз са(д) хwa хәја. Бака кьуз һәмшәһиз қанһәја нехирбандиз нехир һәлиз. I чүwүз i пачаһди idаз лаһәја: wунә кьуз һиқwan һақ кәчүда нехир хүна? Нехирбанди лаһәја: „за кьуз qwe(д) манәт кәчүда“, лаһәја.

¹⁾ Понуд. залогъ отъ гл. елифун (awун); принять на ночлежъ, остановиться навремл. ²⁾ Посылаемый для исполненія приказанія вышей власти. ³⁾ екәфра = екефра. ⁴⁾ Казма — землянка, а также: хуторъ. ⁵⁾ зүерна = гүерна.

¹ Находился, не-находился одинъ царь Ш. оглы Ш. Абасъ.
² Однажды имъ дервиша платье надѣвши, своего два визирь-и
³ съ по-міру путешествуя пошелъ. День довечера брели эти
⁴ подь-вечерь дождь идя 1 селу пошли эти приютяся хотясь. ⁵ Пошли они отъ-старшины просьба-сдѣлалась этими сами приютиться.
⁶ Старшиною этимъ сказалось: мой въ домъ Ш. оглы Ш. Аб. посланникъ ⁷ находится отъ-меня вы приютъ не-сдѣлается. Потомъ они пошли чавуша къ ⁸ просьба сдѣлалась сами приютиться. Чавушемъ сказалось: старшины ⁹ въ-домъ Ш. оглы Ш. А. нукеръ находится на-службу пришедшій; я ¹⁰ туда идя-нахожусь, мнѣ вы приютящееся время не-находится. Потомъ эти пошли ¹¹ муллы къ. Просьба сдѣлалась сами приютиться. Муллою ¹² сказалось: старшины въ-домъ Ш. оглы Ш. А. нукеръ находится, ¹³ его привазаніе съ пришедшій, я туда ушедши, слѣдуетъ бумага читая; ¹⁴ отъ-меня вы приютъ не-сдѣлается. Отъ-этого послѣ эти это изъ-села вышли, ¹⁵ одинъ садовъ въ-промежутюкъ-находящійся въ-дорогѣ попался. Пошли. Это времени встрѣтилась на-нихъ ¹⁶ землянки на-крышѣ стоявши-находящаяся одна женщина. Началось этими эта ¹⁷ женщинѣ просьба дѣлаясь: сами приютись, сказалось. Очень хорошій есть, душа, ¹⁸ братья, приютись, сказалось. Женщиною эти приютился своей землянкѣ ¹⁹ эти, огонь сдѣлавшись, уочага сѣли; этихъ лошади землянки къ ²⁰ привязалась. Эта женщины мужъ это села пастухъ былъ-оказывается. Вечеромъ ²¹ стадо селу когда гналось послѣ, женщинѣ своего мужъ показался; ею ²² побѣжавши мужа къ ушедши, мужу извѣстіе дала о-гостяхъ. ²³ Стадо селу пригналось, этотъ пастухъ очень веселый-веселый пришелъ своего ²⁴ землянкѣ. Это во-время этимъ этотъ гостямъ почетъ-почетъ сдѣлалось ²⁵ своему находящійся вещами. Случай та ночи пастуху одинъ сынъ родился. ²⁶ Завтра дню всегда какъ хотѣлось пастуху стадо гоня. Это времени ²⁷ этотъ царемъ этому сказалось: тобою дню сколько плата беретя стадо пасши? ²⁸ Пастухомъ сказалось: мною дню два рубля беретя, сказалось. —

¹) Цифры обозначаютъ строки юртинскаго текста.

Шејх оглі Шах Абаса ідас са(д) кізіл гана, лаһаја: на ві
жерндіз ⁶⁾ са(д) қwe(д) кыз нехір хуз і пулуғиқд етм јак,
вун і қағаз гвас Шејх оглі Шах Абас паҷаһдін қwеліз алағ
анә wow wуч wуғайта ⁷⁾, на ініз зі қіліwdі гвас кша. І
нехірбанні, і қағаз баҷуна, рәдә һатра. Ада, фена, і қағаз
ғәја. Пака кыз паҷаһwілілн са бат јару партәліні we паҷаһдін
нукерәрні галәз хтәја. І чүwуз і дeвршдї паҷаһwілілн гиніба-
шар алүқра. Халқариз чірһәја, кі імі паҷаһ тірчал. ⁸⁾ Па
сабатда паҷаһдї баwхәдизні, чowушдизні, феқдизні ewәриз етм
руғура, гәна. Бујурмишна паҷаһдї ібрин гардан јаб, лаһана.
І нехірбандиәә і хурун баwхә awура. Идәә гwәніз паҷаһ
әлwәја wічк галәј етмарні галәз. Са(д) тmlqwan кфінні
ідан, wизірікәә сад куреја сәллаһана. Паҷаһдї тәһацубwіләлдї
wезірдіwәә хабар баҷуна курүннн себеб. Wезірді лаһәја: не-
хірбандін сенфиз хәјл гадә жәда wі рушан зүл; чүнкї анал
іда лаһәја іһтін са(д) масә(д) ітфәқ. Паҷаһдї лаһәја: „жеч а
бар!“ і сабатдї паҷаһдї руғура са(д) нүкәр нехірбанди(н) гадә
зів. Зәбит фена, нехірбандиз паҷаһдін бујурүз лаһәја. Баҷуна,
зәја нехірбандін гадә паҷаһдін қіліwdі. А wахтүнда паҷаһ
кфизawәј са(д) резүн қіліwәә; іда і әјәл баҷуна, і резүн чур-
хардиз кадарна, чеб кфеја. Пі-кі чурхар дар тір, һаһнәә
әјәл чурхарда ақана і резw кwәзра. Резүхбан резw күз кwаз-
наҗа лунуз маптәл һана; ебәчна кілігәјта, чурхарда са(д) әјәл
ақанаwа. Пі-кі резүхбандиз әјәл awачір һаһнәә гзаф шад
һана, фад-фад кфена, паһаз лаһәја: аләһдї чаз са(д) әјәл гәна!
і чүwуз резүхбандї әјәл ақүдна чурхардәә, хәна қwеліз, wі-
чін паһаз лаһәја: „за дуһә ејда wунә амин лаһ. Wі мумариз

⁶⁾ Вмѣсто, на мѣсто.

⁷⁾ wуғайта (употребительно особенно въ Магарамъ-Кентѣ wуғайта —
отъ гун — дая).

⁸⁾ Чал, явнѣ; присоединяя къ гл. формамъ означать: молъ, де, деснать.

¹ Ш. о. Ш. А. этому одно золото давши, сказалося: тобою твое ² мѣсту 1 2 дню стадо паста эта съ-деньгами (ед. ч.) чел. держи, ³ ты эта бумага съ Ш. оглы Ш. Аб. царя дому ступай ⁴ оттуда тебѣ что передастся-если, тобою сюда моя къ находясь-при приди. Этотъ ⁵ пастухъ-и эта бумага взявшись, въ-дорогѣ вышелъ. Имъ ушедши, эта бумага ⁶ далась. Утро дню царское (сущ.) одна пара красное платье-и и царя ⁷ и нукеры съ пришелъ. Это времени этотъ дerviшемъ царское платье ⁸ надѣлось. Народу знаніе сдѣлалось, что этотъ царь былъ-де. Тотъ ⁹ въ-часу царемъ старшинѣ, чавушу-и муллѣ-и зовясь человекѣ ¹⁰ послался, привелся. Приказалось царемъ этихъ шея бей, сказалося. ¹¹ Этотъ изъ-пастуха вто села старшина сдѣлался. Изъ-этого послѣ царь ¹² вернулся своего находящійся-при и-человѣки съ. Одинъ немного уйти-только ¹³ этого изъ-визирей одинъ засмѣялся сразу. Царемъ удивленіемъ ¹⁴ отъ-визиря извѣстіе взялось смѣха причина. Визиремъ сказалося: ¹⁵ пастуха прошлой-ночи родившійся сынъ сдѣлается твоя дочери мужъ; подобный тамъ ¹⁶ этимъ сказалося такой одинъ другой случай. Царемъ сказалося: не-сдѣлается то ¹⁷ дѣло! этотъ въ-часу царемъ послался одинъ нукеръ пастуха сынъ ¹⁸ приведясь. Посланникъ, ушедши, пастуху царя приказаніе сказалося. Взявши, ¹⁹ принесся пастуха сынъ царя къ. То во-времени царь ²⁰ идя-находящійся одна мельницы мимо; этимъ этотъ мальчикъ взявшись, эта мельницы ²¹ жолобу бросился, сами обратно уѣхалъ. Такъ-какъ жолобъ узкій былъ, потому ²² мальчикъ въ-жолобѣ застрявши эта мельница остановилась. Мельникъ мельница зачѣмъ ²³ остановился-то молъ удивленіе сдѣлалось; вышедши когда-смотрѣлся, въ-жолобѣ одинъ мальчикъ ²⁴ застрявши-находится. Такъ-какъ мельнику мальчикъ не-находящійся, посему очень весель ²⁵ сдѣлался, скоро-скоро вернувшись, женѣ сказалося: „Богомъ намъ одинъ мальчикъ дался“. ²⁶ Это времени мельникомъ мальчикъ вынувшись изъ-жолоба, принесся дому, ²⁷ своей женѣ сказалося: мною молитва сдѣлается, тобою аминь скажи. Твоя груди

кек атї ајалдїз нек гудажвал^а. Доґрїданнї, їбри дуґа аwurf-далае гвәәнїз і папән мумарїз нек атәја. Іда і ајал хвїја. Ім са(д) жеке гада һаја. Ваd-ругүд салалае гвәәнїз пачәһ wичн һа і weзірәр ғалаз резүн қіліwә фїдајлакдї, ақұра їбриз ру-гүд саwәј ерїд саwәј са гада ёуғаз. Інал і weзір маd күрәја. Пачәһдї хабар құра: wун күз күрәда, лаһана. Weзірдї лаһаја: ім а гада ја wунә резүн чурхардїз weһенај қї, лаһана. Інһе qенеч, доґрїданнї wї рушән зүл жедајвал ја. І чуwүз пачәһдїз кәел атәна, еwәрна резwихбандїз, хабар кәчүна: ім нї гада ја, лаһана. Реzwихбандї лаһаја: ім зї гада ја заз ім қїзәјдї ја, заз маса(д) ајал аwачїрпїна, ⁹) за їмї хwawилә qабүлна. Пачәһдї лаһаја реzwихбандїз: і гада заз маса җе—wиш манәт-дїк. Реzwихбандї лаһаја: ам заз awәј са(д) welәд ја, zawә ам маса ғуз ¹⁰) жеч. І чуwүз пачәһдї тeweкүһ awүра і гада маса ғун qwe(д) wиш манәт ғүдї, лаһаја. Реzwихбандїн кәфї тахт һана, кфәна папәл меслапәт зәја. Папә лаһаја: ксен, це маса,—күз маса ғудач ам жи ајал түш-кї, лаһаја. Реzwих-бандї пачәһдїwә qwe wиш манәт кәчүна, і гада маса ғәја. Пачәһдїнї і гада кәчүна, фәја. Фәја-фәја, ехїр їбур фәна, акәтра са мїчї тамүз. І тамә са таракәе і гада күрсәрна, їбур чеб кфәја. І wахтүнда анә ёwezawәј са(д) кәрwән атәна һәлтра. Ақұрта са(д) таракәе са зағ күрсәрнаwа. І кәрwан-дїкә сад хкәчна, фәна; кїлігәјта, са гада күрсәрнаwа реқїз һај-һај ја. Ідани гапұр ақұдна, јаһана і гададїн гарданawәј жеб атәја. І чуwүз атәна һақра кәрwандїн жеесї. Пар һїқ һејтәнї ¹¹) іда їмї са бабат чәндал хәна; кәхчүна, ғwаз кфәја шәһәрдїз. іда ім wичїз хwawилә qабүлна, ім қәлїз фе-қл(їн) қіліw рукұрра. Са чуwүз і саwдагардїз пачәһдїн хабар атәна са кәдәрдїн егїмәрнї ғалаз қушүндїз ша, лаһана. А wахтүнда Шејх оғлї Шах Абас һазұр-һанаwәј ерїд суз дәһwә

⁹) Окончаніе һїна — такъ какъ, въ виду того.

¹⁰) маса ғун, продать.

¹¹) һар һїқ һејтәнї — такъ бы то ни было, во что бы ни стало.

¹ сосокъ да-придетъ мальчику молоко даваніе. И-дѣйствительно, эти-
ми молитва ² когда-сдѣлалось послѣ эта жены грудямъ молоко при-
шло. Этого этого мальчикъ холилса. Этотъ ³ одинъ большой маль-
чикъ сдѣлалса. 5-6 изъ-года послѣ царь своего ⁴ тотъ этотъ визири
съ мельницы мимо когда-ѣхалъ, показалса этимъ ⁵ шесть года-нахо-
дящийся семь года-находящийся одинъ мальчикъ играя. Здѣсь этотъ
визирь еще засмѣялса. ⁶ Царемъ извѣстіе держалось: ты зачѣмъ
смѣешься, сказалось. Визиремъ сказалось: ⁷ этотъ тотъ мальчикъ
есть тобою мельницы жолобу бросившійся убившійся, сказалось.
Вотъ ⁸ неумеръ, п-дѣйствительно твоя дочери мужъ дѣланіе есть.
Это времени царю ⁹ сердитость пришедши, позвавшись мельнику,
извѣстіе взялось: этотъ чей сынъ ¹⁰ есть, сказалось. М. сказалось:
это мой сынъ есть мнѣ этотъ найденный ¹¹ есть, мнѣ другой маль-
чикъ не-находился-такъ-какъ, мною этотъ въ сыновности согласился
¹² Царемъ сказалось мельнику: этотъ мальчикъ мнѣ цѣною дай сто
за-рубль. ¹³ М. сказалось: этотъ мнѣ находящийся одинъ сынъ есть,
отъ-меня ¹⁴ тотъ цѣною давлясь не-сдѣлается. Это времени царемъ
просьба сдѣлалось этотъ мальчикъ ¹⁵ цѣною дать двѣ сто рубль даст-
ся, сказалось. Мельника настроеніе ¹⁶ веселый сдѣлавшись, пошелъ
къ-женѣ условье принеслось. Женою сказалось: хорошій, ¹⁷ дай цѣ-
ною, — зачѣмъ не-продастся тотъ нашъ мальчикъ не-есть-вѣдь, ска-
залось. ¹⁸ Мельникомъ отъ-царя двѣ сотня рубль взявшись, этотъ
мальчикъ проданъ ¹⁹. И-царемъ этотъ мальчикъ взявшись, пошелъ.
Шель-шелъ, конецъ эти пошедши, ²⁰ обнаружилса одинъ темный
лѣсу. Этотъ въ-лѣсу одно изъ-дерева этотъ мальчикъ повѣсившись,
²¹ эти сами пошли(обратно). Это во-времени оттуда идя-находящийся
одинъ караванъ пришедши ²² встрѣтилса. Показываясь одно изъ-
дерева одна вещь повѣсшись-находится. Этотъ изъ каравана
²³ одинъ вышедши, пошелъ; когда увидѣлся, одинъ мальчикъ повѣс-
шись-находится умирая ²⁴ ай-ай есть. И этимъ винжалъ вынуж-
шись, ударилса этотъ мальчика на-шеѣ-находящийся ²⁵ веревка
перерѣзалась. Это времени пришедши дошелъ каравана хозяинъ.
Какъ ²⁶ если сдѣлается и-этимъ этотъ одинъ немного на-душу при-
велся; взявшись, имѣясь-при ²⁷ поѣхалъ городу. Этимъ этотъ себѣ
на-усыновленіи согласился, этотъ читаясь муллы ²⁸ къ послалса.
Одно времени этотъ купцу царя извѣстіе ²⁹ пришло одинъ немного
и-человѣки съ войнѣй иди, сказалось. То ³⁰ во времени III. оглы
III. Абась готовъ сдѣлавшись походилса семь году ссора

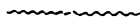
ејис виџин душмандик галаз. Пиџ ки савдагардиз пачаһди қушундиз физ бујурмиш аwуна, һаһна севдегарди виџин гададиз лаһаја: зун қушундиз фида, чан хwa! за wаз зи awај мал-деулет калурин. Гадади лаһаја савдагардиз: wун кўзи егим ја. Wi јериндиз зун фида қушундиз. Нар һиџ бејитани қанз дақанз и баба разиһана. Бабад(и) качуна идас са ксан шiw, са кат ксан партал рæқе тўра қушундиз гада wiџик галаж егимарни галаз феја wiџиз тејин awўр чкадиз. Ана пачаһ қушунни галаз awај им атана, ақурлакди халқари лаһаја: им wуџ јаҗа иһтин гурчег егим? Пачаһди лаһаја: им wўџ(j)аҗа? Маd а wesip куреја. Пачаһди лаһаја: wун кўз кўреда? Wesipди лаһаја: а цеһил а гада јеки на тамә тараке кўрсарнаwај. I чуwўз пачаһдиз гзаф кәл атана, ewәрна и гададиз лаһаја: аләд, и казас тхwана, пачаһдин қwелиз фе. Казасда кибенаwај: и казас гwај кас азақажwалди идан гардан јаһ. Идани качуна казас, феһна пачаһдин кәпүдиз. Рæқе герһана, елфна шеһердин қилiw са базда. Балқан акајана базди, wуч катһана, аладарна јапунци ахварал феһна, ксана, ақ қewиз ксанаки бакамас раз јawўн јуқаз (кўлаз) атајлакдини ахварә awатнач. I базди тирқwан Шејх огли Шах-Абасан баз. I кўз пачаһдин руш wiџин кәраwшарни галаз баздиз сердиз атана. Килигајҗа, садә wiџин балқанни баздиз акајна, қиләл јапунци чуғуна, ксанаwа. Пачаһди(н) руша wiџин кәраwушрикә сад руёўрна, ам wуџ јаҗа аwу лухўз. I кәраwаш феһна, атана, пачаһдин рушаз лаһаја: анал ксанawајди са гзаф гўзәл цеһил ја. А wахгўнда пачаһдин руш кәраwушни галаз феһна, бујурмиш awўра, јапунци хкаца, лаһана ақурта: са гзаф гўзәл гада ја. I руш идал апўрбаја; ахтармишawўрта и гадаwә ибрис казас циҗаја пачаһдин, рушани и казасдин мўһўр хана, қәлаwўна; и казасдин меҗлеб чирһајла, ида wiџин кәраwушрикә сад руёўрна қwеләк беләм dewитни, казасни wiџин бабадин мўһўрни қизтуна. I руша и казасда кбејаки и казас гwај гада зи қwелиз һаҗажwалди зи руш никәл awўна идал тапшўрмиша. Казас қiwирна, мўһўр

¹ дѣлаясь своего недруга съ. Такъ-какъ купцу царемъ войны ² иди приказаніе сдѣлалось, посему купцомъ своего сыну ³ сказалось: я войнѣ пойду, душа сынъ! мною тебѣ мой находящійся имѣніе-богатство ⁴ показаться. Сыномъ сказалось купцу: ты старый человекъ есть. Твое ⁵ мѣсту я пойду войнѣ. Какъ если сдѣлается-и хотясь не-хотясь ⁶ этотъ отецъ согласіе сдѣлалось. Отцемъ купилось этому одинъ хорошій конь, одна пара ⁷ хорошая одежда въ-дорогѣ поставился войнѣ юноша съ-своего имѣлся и-люди ⁸ съ поѣхалъ своему назначеніе сдѣлавшійся мѣсту. Тамъ царь и-войско съ ⁹ находящійся этотъ пришедши, когда-показался народомъ сказалось: этотъ кто есть-то такой ¹⁰ красивый человекъ? Царемъ сказалось: это кто есть-то?Еще тотъ визирь засмѣялся. ¹¹ Царемъ сказалось:ты зачѣмъ смѣешься? Визиремъ сказалось: тотъ ¹² юноша тотъ мальчикъ есть что тобою въ-лѣсу изъ-дерева повѣсившись-находящійся. Это времени ¹³ царю очень злость пришедши, позвавшись этотъ юношѣ сказалось: ступай, эта ¹⁴ бумага отнесши, царя дому дай. Въ-письмѣ написавшись-находилось:это письмо ¹⁵ находящійся человекъ какъ-только-дойдетъ его шея бей. И-этимъ взявшись письмо, ¹⁶ поѣхалъ царя дворцу. Въ-дорогѣ поздно-сдѣлавшись,остановился-на-ночлегъ города у ¹⁷ одинъ въ-саду. Лошадь отвязавшись лошади, самъ легъ, наврывшись ¹⁸ бурка насонъ пошелъ, уснулъ, такъ вѣриво заснулъ что завтра солнце ¹⁹ неба серединѣ когда-пришло-даже изъ-сна не упалъ (не проснулся). Этотъ и-садъ ²⁰ былъ оказался Ш. оглы Ш.А. садъ. Этотъ дню царя дочь ²¹ своей и-служанки съ саду гулянію пришедши. Когда-посмотрѣлся,однимъ ²² своей и лошади саду отвязавшись, на-голову бурка натянувшись, уснувши-находится. ²³ Царя дочерью своей изъ-служанокъ одна послалась, тотъ кто ²⁴ есть-то смотри де. Эта служанка пошедши, пришедши, царя дочери сказало-сь: ²⁵ тамъ уснувши находящійся одинъ очень красивый юноша есть. То во-времени ²⁶ царя дочь и служанки находясь-при ушедши, приказаніе сдѣлалось, бурка ²⁷ подними, сказалось когда-увидѣлся: одинъ очень красивый юноша есть. Эта дѣвочка изъ-этого ²⁸ влюби-лась; когда-обыскался этотъ отъ-юноши этихъ бумага нашлась царя ²⁹, и дочерью это письма печать сломавшись, прочиталось; это пись-ма ³⁰ цѣль узнавшись, эта своей изъ служанокъ одна послалась изъ дому ³¹ перо и чернильница и бумага своего отца и печать принесясь-заставилось.Эта дѣвочкою ³² эта въ-бумагѣ написалось, что это пись-мо имѣлась при юноша мой дому достиженіемъ моя ³³ дочь вѣнчанье сдѣлавшись на этого поручилась бумага закрѣпилась, печать

јаћана, муѣу казас циџај чвада еаѓна. Ахпа чеб јарзас ке-
 ёёчна, са ёаравушдиw ахварё авудиз тўна, лаћаја: им хи
 чеа ја вун авајди, ёараз инё, кваћ; идани, ёарана, вићин
 балкандиз пурарна, им рæќё һатра шеһердиз. Ида(н) гўæнаwаз
 пачаһди(н) рўшнi рæќё һатра шеһердиз. Гадади, фена, пачаһдин
 пажатдиз i казас wуѓаја. Пачаһдин wезiр-wекiлди казас қалажта
 кiфёнаwа: i гада зи қwелiз һақажwалди зи руш никёбна, идал тапшўр-
 миша. Пиқ-ки пачаһдин бујурўз тiр, iбри беһёмара. Ибур пабни зўл
 һана, чеб чiпiз дуланмишћаја. Iбрис хаја ајал. Са wахтундiлæ
 хабар аёатра: Шејх огли Шах Абас ёушундæ хкwезаwа, лаћана. I
 wахтунда пачаһди(н) руша i гада ајални гўæз пачаһди(н) wилiк-
 ди руёўра, лаћаја кi: фена, јархбўћ пачаһдин кwечерiк; ада
 wаз: ёараз! лухўди,—ёаразмiр. На адаз лаћ кi на wi дедёдин
 далудаваж базибандалди qин qўртa, зун ёаразди. Гада пачаһди(н)
 wилiкди са хёјли рæqиз фена, i пачаһдин қwечерiк јархћаја.
 Гада ёаразтаwўра аqwan чўwалдики ехiр пачаһди wiћин дедёдин
 далудаваж базибандалди qин qўрла, им ёаразра. I чўwуз һа
 wезiр мад кўрёна, лаћаја: им а гада јакi wуна идан гардан
 јубўј лухўз, казат wуѓана, wi қwелiз руёўрнај. Маd пачаһди
 wуч-авураж. Wiћин хгўлни ёачўна, iбур хтаја қwелiз. Ерд
 ёўзни, ерд фiзни далдамдал елигна, ёејi-ћiқелæ *) мекер авўна,
 iбур са садал тапшўрмишра. Са wахтундiлæ саwдагардиз wан
 һајаки wiћин хwа Шејх огли Шах-Абасдиз језне һана, лухўз.
 I чўwуз i саwдагар атана, Шејх огли Шах Абасдиз лаћаја:
 Алaћ патакæ һуј! Им зи хwа ја, им зак галаз рухёўра. Шејх
 огли Шах Абасди лаћаја: iqwan чўwалди wаз хwа һана, гiла
 заз хwа һуј. Инæ саwдагар wiћин қwелiз кфёја. I гада i па-
 чаһдин qилiw ћаја пачаћ реқидалди, ахпа, пачаћ рејла, i пачаһ-
 дин чвадал им пачаћ һана, идан мал dewлет wipi идас ћаја.

*) ёејi-ћiқелæ=снова.

¹ ударившись, другое письмо находящійся на мѣстѣ положилося. Потомъ сами далеко отошедши, ² одна служанкѣ отъ-сна разбудясь оставшись, сказалося: это какое ³ мѣсто есть ты находящееся, встань отсюда, пропади; и-этимъ, вставши, своей ⁴ лошади осѣдлавшись, этотъ въ дорогѣ вышелъ городу его позади находясь ⁵ царя и дочь въ дорогѣ вышла городу. Юношею, ушедши, царя ⁶ двору это письмо передалась. Царя везирь-намѣстникомъ письмо прочитавшись ⁷ написавшись-находится: этотъ юноша мой дому достиженіемъ моя дочь переувѣнчавшись, на этого поручи. ⁸ Такъ-какъ царя приказаніе было, этими исполнилось. Эти и жена мужъ ⁹ сдѣлался, сами себѣ зажали. Этимъ родился мальчикъ. Одно изъ-времени ¹⁰ извѣстіе вышло: Ш. оглы Ш. Аб. изъ-войны идя-находится, сказалося. Это ¹¹ во времени царя дочерью этотъ юноша и мальчикъ имѣясь-при царя впередъ ¹² послался, сказалося что: пошедши, упади царя подъ-ноги; тѣмъ ¹³ тебѣ встань! скажется, — не вставай. Тобю тому скажи, что тобою твоя матери ¹⁴ на-спинѣ находящійся молитвою присяга елидержится, я встану. Юноша царя ¹⁵ впереди одно разстояніе (незначительное) дорогѣ пошедши, этотъ царя подъ-ноги упаль. ¹⁶ Юноша не всталъ столько времени что копецъ царемъ своей матери ¹⁷ на спинѣ находящаяся молитвою присяга когда-держалась, этотъ всталъ. Это времени тотъ ¹⁸ визирь, еще засмѣявшись, сказалося: этотъ тотъ юноша есть что тобою его шея ¹⁹ пусть бьется говорясь, письмо вручившись, твоей дому пославшись. Еще царемъ ²⁰ что пусть сдѣлается. Своего и внукъ взявшись, эти пришли дому. Семь ²¹ дню и семь ночи и на-барабанъ барабанился, новый-снова свадьба сдѣлавшись, ²² эти одинъ на одинъ поручился. Одно изъ-времени купцу звукъ ²³ сдѣлался-что своего сына Ш. оглы Ш. Абасу зять сдѣлался, говорясь. ²⁴ Это времени этотъ купецъ пришедши, Ш. оглы Ш. Аб. сказалося: ²⁵ Богъ ради пусть-сдѣлается! Этотъ мой сынъ есть, этотъ за мною находясь-при пошлися. Ш. ²⁶ оглы Ш. Абасомъ сказалося: столько временемъ тебѣ сынъ сдѣлался, теперь ²⁷ мнѣ сынъ пусть сдѣлается. Отсюда купецъ своего дому ушелъ. Этотъ юноша этотъ царя ²⁸ къ сдѣлался царь до-смерти, потомъ, царь когда-померъ, этотъ царя ²⁹ мѣсто этотъ царь сдѣлавшись, этого имущество богатство все этому сдѣлалось.

Сказка о царь Шейхъ оглы Шахъ Абасъ.

Жилъ былъ царь по прозванію Шейхъ оглы Шахъ-Абасъ. Разъ онъ, переодѣвшись простымъ путешественникомъ, отправился съ двумя министрами по своему царству. Шли они цѣлый день, и въ вечеру застигла ихъ ненастная погода. Кое-какъ они добрались до одного села и рѣшили переночевать здѣсь. Путешественники отправились къ сельскому старшинѣ съ просьбою принять ихъ на ночлегъ. Старшина отвѣтилъ имъ, что не можетъ принять ихъ, такъ-какъ у него долженъ ночевать всадникъ, присланный съ приказомъ отъ царя Шейхъ оглы Шахъ-Абаса. Отсюда они отправились къ човушу *). Човушъ сказалъ имъ, что ему некогда: онъ-де идетъ къ старшинѣ по случаю пріѣзда нукера съ приказомъ отъ царя. Затѣмъ путешественники обратились къ сельскому муллѣ, который имъ отвѣтилъ: „меня звалъ старшина,—я иду къ нему, чтобы прочесть приказъ царя.“ Послѣ этого путешественники выѣхали изъ села и отправились по тропинкѣ, пролежавшей между садами. Здѣсь на крышѣ одной землянки они замѣтили женщину, въ которой и обратились съ просьбою принять ихъ на ночь. „Очень хорошо“, сказала имъ женщина, „ночуйте у меня“, и пригласила ихъ къ себѣ. У нея была только одна ветхая комната, гдѣ пришлось помѣститься гостямъ со своими лошадьми. Мужъ женщины, принявшей нашихъ путешественниковъ, былъ сельскимъ пастухомъ, и въ это самое время гналъ стадо обратно въ село. Завидя издали своего мужа-пастуха, женщина побѣжала къ нему и рассказала о случившемся. Пастухъ, сдавъ скотину хозяевамъ, пришелъ домой, очень обрадовался гостямъ и оказалъ имъ почетъ по своимъ средствамъ. Въ эту самую ночь у пастуха родился сынъ. На другой день, по обыкновенію, пастухъ собрался гнать пасти стадо. Тогда царь-путешественникъ позвалъ пастуха и спросилъ его: „Сколько ты

*) Помощ. старшины.

получаешь отъ села въ день за свою службу?“ Пастухъ отвѣтилъ: „получаю два рубля въ день.“ Царь-путешественникъ вынулъ червонецъ и сказалъ ему: „на эти деньги найми за себя на два дня другого человѣка, а тебѣ я дамъ порученіе.“ И тутъ же онъ написалъ письмо, вручилъ пастуху и сказалъ ему: „Садись сейчасъ же на лошадь, поѣзжай во дворецъ царя Шейхъ оглы Шахъ Абаса и принеси, что тебѣ дадутъ“. Пастухъ немедленно исполнилъ привязаніе путешественника. На слѣдующій день пастухъ вернулся обратно съ царскими всадниками и привезъ царское красное одѣяніе. Царь-путешественникъ переодѣлся, и тутъ только всѣ узнали въ простомъ путешественникѣ царя Шейхъ оглы Шахъ Абаса. Царь тотчасъ-же послалъ за старшиною, човушемъ и муллою, и тутъ же приказалъ отрубить имъ головы; а пастуха поставилъ старшиною села. Послѣ всего этого царь со всей свитою поѣхалъ обратно домой. Какъ только отѣхали они немного отъ села, одинъ изъ министровъ засмѣялся, повидимому, безъ всякой причины. Царь съ удивленіемъ спросилъ министра о причинѣ смѣха. Тотъ отвѣтилъ: „мальчикъ, родившійся въ эту ночь у пастуха, будетъ непременно въ послѣдствіи мужемъ вашей дочери;“ и тутъ же рассказалъ ему подобные же случаи. Но царь сказалъ: „не будетъ этого!“ И тотчасъ послалъ одного всадника къ бывшему пастуху съ приказаніемъ взять у него сына. Всадникъ, отправившись, объявилъ (бывшему) пастуху волю государя. Всадникъ представилъ ребенка царю. Въ это время царь ѣхалъ мимо одной мельницы; онъ взялъ ребенка, бросилъ его въ жолобъ мельничный и отправился дальше. Жолобъ былъ узокъ, и потому ребенокъ застрялъ въ немъ; мельница остановилась. Мельникъ удивился, почему мельница вдругъ остановилась; вышелъ посмотреть и увидалъ въ жолобѣ застрявшаго ребенка. Онъ очень обрадовался находкѣ, такъ-какъ былъ бездѣтень; побѣжалъ къ женѣ и сказалъ: Богъ послалъ намъ сына! Мель-

никъ взялъ ребенка, принесъ къ себѣ и говорить женѣ: „я буду читать молитву, а ты, жена, говори: аминь! и у тебя въ грудяхъ явится молоко для ребенка“. Дѣйствительно, послѣ молитвы у жены мельника явилось въ грудяхъ молоко, которымъ кормила и выростила ребенка. Шесть лѣтъ спустя, царю съ тѣми же министрами пришлось проѣзжать мимо той-же мельницы, и увидѣли у мельницы играющаго мальчика. Тотъ-же самый министр, увидя мальчика, засмѣялся. Царь спросилъ о причинѣ смѣха. Министръ отвѣтилъ: „Этотъ мальчикъ—тотъ самый ребенокъ, котораго ты бросилъ въ мельничный жолобъ; онъ живъ, и будетъ непременно мужемъ твоей единственной дочери“. Царь пришелъ въ ярость, подѣхалъ къ мельницѣ, вызвалъ мельника и спросилъ его: „чей этотъ мальчикъ?“ Мельникъ отвѣтилъ: „это мой сынъ, я его нашелъ и, не имѣя другихъ дѣтей, усыновилъ его“. Царь попросилъ мельника продать ему этого мальчика и предложилъ за него сразу сто рублей денегъ. Мельникъ возразилъ, что у него одинъ мальчикъ, и потому отказался продать его. Царь сталъ еще болѣе упрашивать и сталъ предлагать уже двѣсти рублей. Мельникъ польстился на двѣсти рублей, но рѣшиться продать не могъ, и потому пошелъ къ женѣ посоветоваться. Долго они совѣтовались, наконецъ рѣшили продать мальчика. „Все равно, не нашъ сынъ, почему не продать, когда предлагаетъ за него царь такую хорошую цѣну“,—разсуждали такъ между собою мельникъ съ женою. Рѣшили продать. Мельникъ вышелъ, получилъ двѣсти рублей, а царь взялъ мальчика и поѣхали, дальше. Ѣхали долго, наконецъ пріѣхали въ одинъ глухой лѣсъ, въ таковой лѣсъ, гдѣ ни одного человѣка встрѣтить было нельзя. Только изрѣдка мимо этого лѣса проходили караваны купцовъ. Царь велѣлъ сдѣлать петлю и повѣсить мальчика. Какъ только накинули на шею мальчику петлю, царь повернулся со всей свитой и отправился дальше. Въ этотъ самый моментъ мимо лѣса проходилъ караванъ одного богатаго купца.

Замѣтивъ что кто-то виситъ на деревѣ, одинъ изъ людей купца подбѣжалъ и видѣть повѣшаннаго мальчика; онъ моментально вынулъ кинжалъ, и перерѣзалъ петлю. Мальчикъ безъ чувствъ упалъ на землю. Къ тому времени подѣхалъ и самъ хозяинъ каравана; кое-какъ привели мальчика въ чувство, и купецъ взялъ съ собою въ городъ и такъ-какъ купецъ былъ бездѣтенъ, то онъ усыновилъ его. Здѣсь онъ далъ ему болѣе или менѣе порядочное образованіе.

Въ одно время купецъ получилъ приказаніе отъ царя Шейхъ оглы Шахъ Абаса, чтобъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ собралъ онъ маленькое войско и отправился на войну. Въ это время царь объявилъ своему непріятелю семилѣтнюю войну. Получивъ приказаніе, купецъ призываетъ сына и говоритъ ему: „Я отправляюсь на войну, а потому хочу все состояніе свое передать тебѣ“. Но сынъ возразилъ купцу: „ты человѣкъ старый, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, тебѣ нуженъ отдыхъ, а не на войну итти,“ и предложилъ ему свои услуги пойти на войну вмѣсто отца-купца. Какъ ни уговаривалъ купецъ, но сынъ настоялъ на своемъ. Купецъ купилъ сыну прекраснаго коня, одѣлъ его хорошо, какъ подобало его состоянію, благословилъ и отпустилъ въ путь. Сынъ купца пріѣхалъ со своимъ маленькимъ войскомъ на назначенное мѣсто, гдѣ расположено было царское войско и самъ царь со свитою. Вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ было обращено на этого красавца-сына купца. Царь спрашиваетъ: „кто этотъ такой?“ Министръ на вопросъ царя только усмѣхнулся. Царь спросилъ его о причинѣ смѣха. Министръ отвѣтилъ: „Этотъ молодой человѣкъ—тотъ самый мальчикъ, котораго ты повѣсилъ въ глухомъ, темномъ лѣсу.“ Тутъ царь, разгнѣвавшись, призвалъ молодого человѣка, далъ ему письмо и приказалъ ѣхать немедленно къ нему во дворецъ. А въ письмѣ было написано: „подателя сего письма немедленно убить“. Получивъ письмо, молодой человѣкъ отправился въ путь. Онъ запоздалъ

и остановился за городомъ въ одномъ саду. А этотъ садъ принадлежалъ царю Шейхъ оглы Шахъ Абасу. Здѣсь молодой человѣкъ пустилъ пастись лошадь, а самъ легъ, накрывшись буркой и заснулъ такъ крѣпко, что на другой день солнце стояло уже высоко, но онъ все еще спалъ. Утромъ рано явилась дочь царя со служанками гулять въ садъ и замѣтила она, что въ ихъ саду кто-то спитъ. Она послала одну изъ служанокъ узнать, кто это осмѣлился безъ позволенія войти въ ихъ садъ, да еще съ лошадью. Посланная служанка вернулась и рассказала царевнѣ о необычайной красотѣ незнакомца. Тогда царевна сама пошла въ сопровожденіи служанокъ, велѣла приподнять бурку, и была поражена необыкновенною красотою молодого человѣка. Она пожелала узнать, кто онъ такой. Обыскавъ его, нашли у него письмо. Царевна распечатала письмо и узнала содержаніе его. Она сейчасъ же послала домой принести чернилъ, перо, бумагу и печать отца. Когда служанка пришла, царевна написала: „подателя сего письма, какъ только прійдетъ во дворецъ, немедленно перевѣнчать съ моею единственною дочерью“. Приложила затѣмъ печать и велѣла положить это письмо туда, откуда взяли у него прежнее письмо. Послѣ этого она отошла въ сторону и одной изъ служанокъ приказала разбудить его. Когда молодой человѣкъ проснулся, царевна спросила его, какъ онъ смѣлъ войти въ царскій садъ. Юноша сталъ извиняться и оправдывался тѣмъ, что онъ не зналъ, что садъ этотъ царскій; поспѣшно сѣлъ на лошадь и поѣхалъ ко дворцу. Пріѣхавъ во дворецъ, онъ подалъ письмо министру, который, узнавъ содержаніе письма, въ тотъ же день велѣлъ перевѣнчать его съ молодою царевною. Черезъ годъ у нихъ родился сынъ.

По окончаніи семилѣтней войны царь возвратился домой побѣдителемъ. Тогда царица, узнавшая хитрость своей дочери, посовѣтовала молодому человѣку пойти съ своимъ сыномъ къ царю на встрѣчу, упасть ему въ ноги и не вста-

вать до тѣхъ поръ, пока тотъ не приметъ присяги по молитвѣ, данной ему матерью,—въ томъ, что онъ его не тронетъ. Молодой человѣкъ такъ и поступилъ: онъ пошелъ съ сыномъ на встрѣчу царю, упалъ ему въ ноги, и только всталъ тогда, когда царь принялъ присягу. Въ это время тотъ-же самый министръ засмѣялся и сказалъ царю: „Этотъ юноша твой зять, тотъ самый красавецъ, котораго ты послалъ съ письмомъ во дворецъ.“ Дѣлать было уже нечего: царь взялъ внука и отправились домой. Затѣмъ сыграли снова свадьбу, лучше прежней и зажили хорошо. Черезъ нѣсколько времени купецъ узналъ обо всемъ случившемся съ нареченнымъ сыномъ, пріѣхалъ къ царю Шейхъ оглы Шахъ Абасу и просилъ его отпустить сына своего къ нему домой. Но царь сказалъ ему: онъ теперь не твой, а мой сынъ. И купцу пришлось уѣхать обратно домой ни съ чѣмъ. Молодой же человѣкъ послѣ смерти царя Шейхъ оглы Шахъ Абаса наследовалъ престолъ своего тестя.

3. Цанавурни, сикни катир.

Авајрван са цанавурни, са сикни, са катир; Ыбур бана са дазда олдашар. Даздиз кванна ¹⁾ жиw. Сикре лаhana: ја олдашар, чун ina дуланишжоч. Цанавурди лаhana: бес, ²⁾ чина wуч ејди? Сикре лаhana: гила ina хперни амач, чунки калуз фин хперин гwæнис. Цанавурди лаhana: фин! Атана абур калуз. Цанавурди, фена, јатазділæ хпер қаз, қиз нез. Сикни цанавур дуланишбана, катирни, wæq, кач нез, дуланишбана. Амүрна Ыбур гатфаралди і теһерди. Гатфариз wæq һајила, хпер даздіз, æлwæна, кфена wiri. Ахна цанавурдизни сикрез недај зат ³⁾ қизинтејиз, јакунhana. Катир, ксан қафү wæq нез, кунhana. Цанавурдиз гешинhana, сикрез лаhana цанавурди: заз гешинhana, гила за wун неда. Сикре лаhana: Ја қејди, заке wаз wуч жёда? зун јакунhana, реқизаwа; чина қwедани і катир нен. Цанавурди лаhana: ам чи чихи олдаш ја, адас һабтин кар һик ејда? Сикре лаhana: wаз тајwедајwал. За кар расда. На һик расда, лаhana цанавурди. Сикре лаhana: wowæ хабар качурла, на јаш гзаф кала. Цанавурди лаhana: ксан ја. Са wæһдаділæ і цанавур саникди алатна. Сикре лаhana катирдиз: ја олдаш, wаз wуч авата, чидани? чидач-ки? Сикре лаhana: зунни, wунни цанавурдиз нез қанзаwа. Катирди лаhana: бес, wуч ејда? Сикре лаhana: за wi јаш хабар курла, на лаһ: заз чидач, зи ејесејдиз чидаж; ада зи қулук қwечин леһендал кифенаwа, һақ лаһ. Катирди лаhana: һуј! Хтана цанавур. Сикре лаhana цанавурдиз: чун гишинлæ реқизаwа недај зат қизинтејиз. Цанавурди лаhana: бес, чина wуч ејди? Сикре лаhana: заз чида. Цанавурди лаhana: лаһ, wаз һик чида. Сикре лаhana: за са гаф лунун: кун разіһуһ, лаhana. Цанавурди лаhana: чун

¹⁾ Падать съ большой высоты, съ неба.

²⁾ Довольно, конечно, хорошо, если такъ.

³⁾ Пшца, кормъ.

¹ Были-оказывается одинъ волкъ-и, одна лиса-и, одинъ катеръ; эти сдѣлались ² одна на-горѣ товарищи. Горѣ пришелъ снѣгъ. Лисою сказалося: эй ³ товарищи, мы здѣсь не-можемъ-жить. Волкомъ сказалося: да, ⁴ нами что сдѣлается? Лисою сказалося: теперь здѣсь и овцы неосталось, потому ⁵ низменности пойдемъ овецъ послѣ. Волкомъ сказалося: пойдемъ! Пришли тѣ ⁶ пизменности. Волкомъ, ушедши, изъ-пастбища овцы ловась, принесся ѣдась. Лиса-и ⁷ волкъ жили, и катеръ, трава, трава (жесткая) ѣдась, жилъ. ⁸ Остались эти довесны это тавимъ-образомъ. Веснѣ трава когда-сдѣлалась, овцы ⁹ горѣ, вернувшись, пошли всѣ. Потомъ волку-и лисѣ ѣдющаяся ¹⁰ вещь найдись-недѣлаясь, худы-сдѣлались. Катеръ, хорошая зеленая трава ѣдась, жирный-сдѣлался. ¹¹ Волку голодь-сдѣлавшись, лисѣ сказалося волкомъ: мнѣ ¹² голодь-сдѣлался, теперь мною ты съѣшься. Лисою сказалося: Эй мертвый, изъ-меня ¹³ тебѣ что сдѣлается? я похудѣвши, умирая-нахожусь; нами и-двумя этотъ катеръ ¹⁴ съѣдимъ. Волкомъ сказалося: тотъ нашъ старшій товарищъ есть, тому такое ¹⁵ дѣло какъ сдѣлается? Лисою сказалося: тебѣ нехождение. Мною дѣло поправится. ¹⁶ Тобою какъ исправится, сказалося волкомъ. Лисою сказалося: отъ-тебя извѣстие ¹⁷ когда-возьметса, тобою возрастъ мнѣ покажися. Волкомъ сказалося: хорошо есть. Одна ¹⁸ изъ-срока этотъ волкъ одна-въ-сторонѣ ушелъ. Лисою сказалося катеру: ¹⁹ эй другъ, тебѣ что находится-то, извѣстно-ли? не-извѣстно-что? Лисой сказалося: я-тоже, ²⁰ ты-тоже волку ѣдась хотясь-находится. Катеромъ сказалося: хорошо, что сдѣлается? ²¹ Лисою сказалося: мною твой возрастъ извѣстие когда-возьметса, тобою скажи: мнѣ не-извѣстно, мой ²² хозяину извѣстный; тѣмъ моя свади ноги на-подковѣ написавшись-находится, такъ ²³ скажи. Катеромъ сказалося: пусть-сдѣлается-такъ! Пришелъ волкъ. Лисою сказалося ²⁴ волку: мы отъ-голода умирая-находимса пища находить не-находясь. Волкомъ ²⁵ свазалося: но, нами что сдѣлается? Лисою сказалося: мнѣ извѣстно. ²⁶ Волкомъ сказалося: скажи, тебѣ какъ извѣстно. Лисою сказалося: мною ²⁷ одно слово пусть-скажу: вы согласитесь, сказалося. Волкомъ сказалося: мы

разіжеда, лаһана. Сікрэ лаһана: ја олдашар, ша, чінә, пуд олдашдіні, чи јашар дунун; һидаз тміл јаш аwärts, һам чінә нен. Цанавүрді лаһаја: ксан ја. Катірдіні лаһаја: ксан ја. Ахпә цанавүрді лаһаја сікрэс: вун зүвичі олдаш ја, еwәл на лаһ. Сікрэ лаһаја: Адамәз Павә зідалә, зун чамарда аwärts ја. Сікрэ лаһаја цанавүрдіс: вун һи чуwалә аwärts ја? Нәні лаһ. Цанавүрді лаһаја: Ноһан гемі ејидәлә, зун қарасәрі зідәјді ја. Катірдіwә хабар қуна: wі јаш һиқwанді ја. Катір д лаһаја: азз чідәч,—зі јаш зі ејесеіді зі қулүк қwечін лехендал бенаwа; за қwач хwәжин, бун кілг. Катірді қwач хwәжна, цанавүрді лаһаја сікрэс: кілг, адән таріх һиқwандіаца. Сіқ фена, јарқаләһіз кілгна. Сікрэ лаһана: зун бұзһана, зі wілеріз екіw авwадәч; вун кілг, лаһана цанавүрдіс. Цанавүрні сіқһіз јарқалә кілгна. Цанавүрдіні лаһаја: аззні ақwадәч. Сікрэ лаһаја: вун са кус муьwалһана, кілг. Муьwалһана, кілгәјлә, кәтірдіні куру јәһна цанавүрдің пел, цанавүр фена. Сікрэ лаһаја: аферін wаз, кәтір, ім іқ қеначірта, іда зүнні недәјі wүнні недәј. Пла на баіу wәсқ нез, бәф аја, аззні цанавүр недә.

¹ согласимся, сказалось. Лисою сказалось: эй друзья, идите, нами, три ² и-товарищи, нашъ возрасты скажемъ; кому мало возрастъ находится-если, тотъ нами ³ съѣдимъ. Волкомъ сказалось: хорошій есть. И-каторомъ сказалось: хорошій есть. ⁴ Потомъ волкомъ сказалось лисѣ: ты маленькій товарищъ есть, сперва тобою ⁵ скажи. Лисою сказалось: Адаму Ева когда-приводилась, я въ-скачкѣ находящійся ⁶ есть. Лисою сказалось волку: ты какое изъ-времени находящійся есть? И-тобою ⁷ скажи. Волкомъ сказалось: Ноя вочегъ когда-дѣлался, я дрова ⁸ носящій есть. Отъ-катора извѣстіе держалось: твой возрастъ сколько есть. Каторомъ ⁹ сказалось: мнѣ не-извѣстно, — мой возрастъ мой ховяномъ моя задняя ноги на-подковѣ ¹⁰ написавшись-находится; мною нога поднимется, вы смотрите. Каторомъ нога поднялась, ¹¹ волкомъ сказалось лисѣ: смотри, его число сколько-есть-то. Лиса ¹² ушедши, издалека-какъ посмотрѣлся. Лисою сказалось: я стара-сдѣлалась, мой глазомъ ¹³ свѣтъ не-видѣется; ты смотри, сказалось волку. И-волкѣ ¹⁴ лиса-какъ изъ-далека посмотрѣлся. Волкомъ-и сказалось: и-мнѣ не-показывается. ¹⁵ Лисою сказалось: ты одинъ немного близко-сдѣлавшись, посмотри. Близко-сдѣлавшись, ¹⁶ когда-посмотрѣлся, и-каторомъ нога ударившись и-волка на-лобъ, волкѣ издохъ. ¹⁷ Лисою сказалось: bravo тебѣ, катерь, это если-не-умеръ-бы, этимъ и-я ¹⁸ ѣдщійся и ты съѣдомый. Теперь тобою зеленая трава ѣдся, наслаждайся, и-мною ¹⁹ волкѣ съѣстся.

~~~~~

Волкъ, лиса и катерь.

Жили на одной горѣ волкъ, лиса и катерь. Когда на горѣ выпалъ снѣгъ, то пасшися тамъ овцы спустились внизъ. Волкъ, лиса и катерь за овцами также спустились съ горы. Лиса и волкъ воровали овецъ, а катерь ѣлъ себѣ хорошую траву. Такъ жили три товарища и прожили до весны, когда на горѣ появилась молодая трава. Овцы ушли на гору; волкъ съ лисою остались безъ пищи, и сильно похудѣли отъ голоду. Катерь продолжалъ питаться роскошною травою. Однажды волкъ обратился къ лисѣ и сказалъ: „я отъ голода умираю, и хочу тебя съѣсть“. Лиса, испугавшись, отвѣтила: „развѣ ты не видишь, что я еще больше тебя похудѣла! что же будетъ тебѣ отъ меня, если ты меня съѣшь? Лучше съѣдимъ нашего товарища катера“. Волкъ сталъ отказываться, говоря: онъ нашъ старшій товарищъ, какъ же можно его съѣсть? Но лиса сказала: „я все устрою! только, когда я спрошу тебя: сколько тебѣ лѣтъ? ты покажи себѣ много лѣтъ“. На это волкъ согласился.

Черезъ нѣсколько времени волкъ ушелъ куда-то, а лиса и говорить катеру: „Знаешь-ли ты, что волкъ хочетъ насъ обоихъ съѣсть; но я помогу бѣдѣ: когда тебя спросимъ, сколько тебѣ лѣтъ отъ роду, ты скажи, что не знаешь,—но что число твоихъ лѣтъ хозяинъ написалъ на подковѣ задней твоей ноги.“ Когда волкъ вернулся, лиса сказала: „Друзья, мы остались и умираемъ отъ голоду безъ пищи.“ Волкъ говорить: „Это правда; но что-же намъ дѣлать?“ На это лиса отвѣчаетъ: „я знаю, что намъ дѣлать! Я вамъ скажу одно слово и вы должны согласиться“. Затѣмъ лиса продолжала: „Пусть каждый изъ насъ скажетъ, сколько ему лѣтъ отъ роду, и кто окажется изъ насъ меньше всѣхъ, того и съѣдимъ.“ Всѣ согласились на предложеніе лисы. Волкъ обращается къ лисѣ и говорить: „ты меньше всѣхъ изъ насъ, а потому сперва

ты начни". Лиса сказала, что она участвовала еще въ скачкѣ во время свадьбы Адама и Евы. Волкъ сказалъ, что, когда Ной строилъ ковчегъ, ему пришлось носить дрова для ковчегга. Затѣмъ волкъ спросилъ катера о его возрастѣ. На это катерь отвѣтилъ: „я не помню,—но мой хозяинъ записалъ возрастъ на подковѣ моей задней ноги; я подниму ногу, а вы посмотрите". Катерь поднялъ ногу, и волкъ сказалъ лисѣ: „Посмотри, какое число тамъ написано". Лиса посмотрѣла издали и говорить волку: „Я стара, ничего не вижу, иди лучше самъ,—посмотри ты"! Волкъ, подобно лисѣ, началъ смотрѣть издали и сказалъ: „и я ничего не вижу". Лиса посоветовала подойти поближе и такъ посмотрѣть. Волкъ подошелъ ближе. Въ это время катерь такъ сильно ударилъ ногою волка въ лобъ, что тотъ тутъ же упалъ мертвымъ. „Браво, катерь!" сказала лиса: „еслибъ онъ не умеръ, то съѣлъ бы и тебя и меня. Теперь же ты кушай себѣ зеленую траву, а мнѣ и волка довольно."

---

4. Делі паб.

Пана са етім. Адаз пана qwe паб, сад баquлүді, сад деліді. Са куз і кас баquлі паб галаз нікәл фідәјла, дел пайпаз лаһанаки і рақар хұх; ідани лаһанаки ксан ја. Ама ацұрна, ацұрна даралмишпана, адани, рақар хвұдна, кұлаз јаһна, куншідін қwelіз фәна. Зүлви, пәбви нікәләә хтана, кілігнаки, рақар аwач. Са wахтундалә делі паб рақарни кұлаз јаһна, хтана. Абури лаһанаки ја qeјді, ім wуч кар ја, на аwүрді. Ада цуwаб гәјакі кұни заз лаһанаки рақар хұх, зані рақар хұна. Ама абурі qұна, гзаф гатәна. Амані кәтна чүлеріз, фәна, са тарциз аqахна, ацұрна. Атәпа са wерч, wичін ціцбаріз кұрт јаһна. Адаз ақһанаки wичіз минетіз атајдіһіз. Ада лаһанаки зун мад хкwedәч, лаһана. Мад атәна са кіф елүқіз. Адазни лаһајаки зун хкwedәч. Аләтна са dewә, атәна, тарциwә wичін гардән гwәз, ақwәзна. Адаз ақһанаки імані wичіз минетіз атајдіһіз. Імані ідан хатүрда әwична, dewәдін гардәнда wичін фитә тұна, імані ім гwаз қwelіз хтана. Абуриз акұнаки са dewә гwаз делі паб хтана. Абуруз шадһана. Ібурині делі пайпаз лаһајаки кә wиләр бүркі жедәј марф кwедә бес wун тандүрда һаһ. Амані танүрда һәһна. Чіп dewә тқұна, јақарни, кизиларни чүнүһна ахпә атәна dewәдік кwекwәз са етім, лаһајаки начәһдаз dewәдін јақ қанзава. Ібуру лаһајаки, чаз аwач. Делі пайпа лаһајаки wүчиз, за қәјл dewәдін јақ һинз фәја. Амані кфәна, лаһајаки фулан кәсдін қwelә аwә dewә. Еwәрна, адаз лаһајаки һинава dewә абуру хіwеқұнч. Ахпә еwәрна делі пайпаз. А ејессіні тір бүркүді. Атәјла, делі пайпа лаһајаки wі wиләрні а марф кwедәјла бүркү һанәні. Адаз ејессіді піс-піс кілігна, әма чкүрна, лаһајаки ім деліді ја.

¹ Былъ одинъ человекъ. Тому было двѣ жена, одна умная-есть, одна ² полоумная-есть. Одинъ дню этотъ человекъ умная жена находясь-при на-ниву когда-ушелъ, полоумная ³ женѣ сказалося, что эта дверь береги; и-этою сказалося, что хорошо есть. Та ⁴ сидѣвши, сидѣвши скука-сдѣлавшись, и-ею, дверь снявшись, спишь ⁵ державшись, сосѣда дому ушла. И-мужъ, и-жена изъ-нивы пришедши, ⁶ показалося, что дверь не-находится. Одно изъ-времени полоумная жена и-дверь спишь ⁷ положившись, пришла. Тѣми сказалося, что эй умершая, это что дѣло есть, ⁸ тобою сдѣлавшееся. Тою отвѣтъ дался, что вами мнѣ сказалося, что дверь храни, ⁹ и мною дверь хранилась. Та тѣми поймавшись, очень побилась. И та убѣжавши ¹⁰ полямъ, ушедши, одно дереву полѣзши, сѣла. Пришедши одна курица, ¹¹ своей цыплятамъ куть-куть ударился. Той такъ-сдѣлавшись, что себѣ просьба-дѣлаясь пришедшій-какъ. ¹² Тою сказалося, что я больше не-приду, сказалося. Еще пришла ¹³ одна собака лая. И-той сказалося, что я не-приду. Отставши одинъ верблюдъ, ¹⁴ пришедши, изъ-дерева своей шея теря, стала. Той такъ-сдѣлалося, что ¹⁵ и-онъ своей просьбѣ пришедшій-какъ. И-этотъ этого изъ-уваженія слѣзши, верблюда ¹⁶ на-шеѣ своего фата привязавшись, и-эта этотъ находясь-при дому пришла. ¹⁷ Тѣмъ увидѣвшись-что одинъ верблюдъ находясь-при полоумная жена пришла. Тѣмъ весело-сдѣлалося. ¹⁸ И-этими полоумная женѣ сказалося-что сегодня глаза слѣпая дѣлающійся дождь придетъ ¹⁹ потому ты въ-тандирѣ садись. И-та въ-тандирѣ сѣла. Самими верблюдъ зарѣзавшись, ²⁰ и-мясо, и-золото спряталась. Потомъ пришедши за-верблюдомъ ходя ²¹ одинъ человекъ, сказалося-что больному верблюда мясо хотясь-находится. Этими сказалося, что ²² намъ не-находится. Полоумною женою сказалося-что зачѣмъ, мною приведшійся верблюда мясо ²³ куда ушло. И-тотъ ушедши, сказалося, что такой-то человекъ въ-домѣ находится ²⁴ верблюдъ. Позвавшись, тому сказалося, что гдѣ-находится верблюдъ тѣми признаніе-не-держалося. ²⁵ Потомъ позвалась полоумная женѣ. Тотъ-и хозяинъ былъ слѣпой. Когда-пришла, полоумная ²⁶ женою сказалося-что твой и-глаза тотъ дождь когда-шелъ слѣпы сдѣлались-ли. ²⁷ Той хозяиномъ плохо, плохо посмотрѣвшись, та прогнавшись, сказалося-что та полоумная есть.

Полумная жена.

Былъ одинъ человѣкъ, у котораго было двѣ жены,— одна умная, а другая глупая. Разъ мужъ съ умною женою, отправляясь на ниву, приказалъ полоумной женѣ стеречь дверь, т. е. домъ. Дура долго стерегла двери, наконецъ надобло ей, сняла дверь, взвалила себѣ на спину и пошла къ сосѣду. Мужикъ съ умною женою, вернувшись домой, видятъ, что нѣтъ ни двери, ни дуры-жены. Наконецъ, является и полоумная жена съ дверью. Тѣ спрашиваютъ ее: „что это ты сдѣлала?“ На это дура отвѣчаетъ: „вы велѣли мнѣ стеречь дверь, я и стерегла.“ Мужъ съ умною женою поймали дуру и побили ее сильно. Послѣ этого дура убѣжала въ поле и влѣзла на одно дерево. Вотъ приходитъ подъ это дерево курица съ цыплятами и кличетъ ихъ. Дура думала, что курица пришла просить ее вернуться домой, и говоритъ: „нѣтъ, низачто не приду домой!“ Приходитъ затѣмъ собака и ворчитъ. Думая, что и она пришла просить ее вернуться домой, говоритъ ей: „нѣтъ, не пойду домой“. Наконецъ приходитъ верблюдъ. Дура подумала, что даже верблюдъ пришелъ ее упрашивать, а потому изъ уваженія къ нему не посмѣла отказать ему въ просьбѣ,—слѣзла съ дерева, привязала ему на шею свою фату и пошла домой, ведя верблюда за фату. Увидя, что дура вернулась—да еще съ верблюдомъ, мужъ съ умною женою обрадовались и говорятъ ей: „Сегодня придетъ сильный ослѣпляющій дождь, и чтобы не ослѣпнуть тебѣ, садись въ тандиръ. Когда дура сѣла въ тандиръ, мужъ съ женою взяли и зарѣзали верблюда, а мясо и золото, бывшее на верблюдѣ, спрятали. Черезъ нѣкоторое время приходитъ какой-то человѣкъ, посланный хозяиномъ исвать верблюда. Онъ думалъ, если прямо спросить ихъ о верблюдѣ, они не сознаются, что верблюдъ у нихъ; а потому сказалъ имъ: „больному захотѣлось верблюжьяго мяса; если есть у васъ, дайте немного“. Но

они отвѣтили, что у нихъ нѣтъ вовсе верблюжьяго мяса. Тогда полоумная жепя замѣтила имъ: „какъ нѣтъ, а куда вы дѣли мясо верблюда, котораго я привела?“ Искавшій догадался, что верблюдъ зарѣзанъ ими, пошелъ и сказалъ объ этомъ хозяину. Хозяинъ призвалъ ихъ и спросилъ: зачѣмъ вы уврали моего верблюда? Такъ какъ они не сознавались, то онъ велѣлъ позвать дуру. Хозяинъ верблюда былъ слѣпъ. Когда пришла дура, то она обратилась къ хозяину и сказала ему: „должно быть и твои глаза ослѣпли тогда, когда шелъ ослѣплявшій дождь“. Хозяинъ обидѣлся этимъ, велѣлъ дуру прогнать и сказалъ: „она сумашедшая, ей нельзя вѣрить, она все вретъ!“

Б. *Записаны Баширъ Султановымъ.*

1. Мелік Мәмед.

Папагван са пачаһ; і пачаһдиз һич са велед
 Жылъ і царь; этотъ царю никогда одинъ наслѣдникъ.
 Панац. Карікај сад буз і пачаһдін папаз јахцур хва
 не былъ. Изъ дней одинъ дню этого царя жена сорокъ сыновей
 хана. І кар қабулејиз даһана, пачаһ фена са маса пачаһ-
 родла. Это дѣло одобритъся не могли, царь пошелъ одно другое въ государ-
 лугдиз. І wilәјатдін пачаһдін қвеле фараһатһана. Імі фејла
 ство. Этой мѣстности царя дома успокоился. Этогъ когда
 идан папа јахцур ајалдизни мумачіјар қунә, хвена. Са
 пошелъ, его жена сорокъ дѣтлмъ и кормилницъ нанала кормила. Черезъ
 wәһдеділај ајалар агагна; ібуру чипін дедедіwәј қузуна: „Ја,
 нѣкоторое время дѣти подросли, они своей матери спросили: „Әй,
 дедә! чин буба һинаwа?“ Дедеді лаһаја: „Чан рухwәјар, кун
 мать! вашъ отецъ гдѣ есть?“ Мать сказала: „Милые сыновья, вы
 јахцур хва заз һајла, адаwәј і кар қабуліјиз даһана,
 сорокъ сыновья мнѣ когда были, у него это дѣло принять не могли,
 фена маса пачаһлуғдиз.“ Мелік Мәмеда, wерідалә қwечі
 пошелъ другое въ государство.“ Мелік Мәмедъ, изъ всѣхъ маленький
 хпї, лаһаја: „Чна, чі буба, цаwал алатәні, чіле аwатәні,
 снѣгъ, сказалъ: „Мы, нашъ отецъ на небѣ находится ли, въ землѣ есть ли,
 қуғурна қанда“. Іқ лаһана, һар сїтха, са нукерні Һалаз,
 найти должны.“ Такъ сказавъ, каждый братъ, одинъ нукеръ нѣл,
 һар патак фена. Мелік Мәмед аһатна са пачаһлуғдиз. Са
 каждую сторону пошли. Мелік Мәмедъ очутился одно въ государство. Одинъ
 шеһердін муқуw ібур ағуғна аwәјла, ібуруз ақуна қwед ітім
 города около они сидѣли когда были, нмъ увидѣли два человека
 балқанарал алај, қілап кард алаз, хукезаwа. Мелік Мәмед
 на лошадахъ находящ. на рукъ ястребъ находясь, шли. Мелік Мәмедъ,
 кілігawурта ібуруйә садакъ wичин дедеді лаһај шікілар кwә.
 когда посмотрѣлъ изъ нихъ въ одномъ его мать сказанние признаки нахо-
 Ібур, алатәна шеһердиз, кфејла, Мелік Мәмед ібурун
 делись. Они, проходя въ городъ, когда пошли, Мелік Мәмедъ ихъ

гвæнаг алаз, фена дүз і бур іліфај қвеліс. І зүрче-
за находясь, пошелъ прямо они остановившіяся въ домъ. Этыхъ охот-
канірікæ сад і вїлајетдін пачаһ тірқван. Пачаһдін нүкерару
шкковъ одинъ этой мѣстности царь былъ. Царскіе слуги

Мелік Мæмедан балқан қуна, вуч тухвана чїн пачаһдін
Мелік Мæмеда лошадь взявъ его повели своего царя
қвеліс. Пачаһді: афұқа! лаһајла, Мелік Мæмеда лаһаја.
въ домъ. Царь садисъ когда сказалъ, Мелік Мæмедъ сказалъ.

„Афұқдач“. Пачаһді лаһаја: „Вун вучіс афұқдач?“ Іда лаһаја:
„Не сяду“. Царь сказалъ: „Ты зачѣмъ не сядишь?“ Онъ сказалъ:

„Іна зі(н) буба аwā, һаһпæ афұқдач.“ Пачаһді вїчін јол-
„Здѣсь мой отецъ находится, по этому не сяду.“ Царь своему товари-

дашдіс лаһаја: „Бес вуна ваз рухвајар авач лүһудажїі?“
щү сказалъ: „Вѣдъ (довольно) ты тебѣ сыновья нѣтъ говоришь.“

Мелік Мæмед вїчін бубадіс чїрһана, авāјвал і пачаһдіс
Мелік Мæмедъ своему отцу узнавъ былъ, какъ бы этому царю

акāна, хтана дүз чїн пачаһлуғдіс. Са вæһдедіæ
рассказавъ, отправился прямо въ свое государство. Черезъ нѣкоторое время

амāј сїтхајарні хтана. Ікарікæ са(д) бұз і јакїур сїтхадіні
остальные братья-и прибыли. Изъ дней одинъ день эти сорокъ сыновья-и

чїн бубадіс лаһаја: чаз јакїур адахвлі цуғура, са буба-
своему отцу сказали: намъ сорокъ невѣсты найдя, отъ одного отца

діла хажї, са дедеді хажї; егер вуна цуғуртавурта,
родившія, отъ одной матери родившія; если ты не найдешь,

чна вун реқїда.“ Чара һанч пачаһдіс; Мелік Мæмед, тунā
мы тебя убьемъ.“ Средства не было царю, Мелік Мæмедъ, оставивъ

пачаһвалїјис, вуч амај рухвајарні галаз феја. Са вæһ-
царствовать самъ остальные сыновьямъ съ отправился. Черезъ нѣкот.

дедіæ і бур һалтна са ітімдал; салам гана, і пачаһді
время они наткнулся одного человека-на; привѣтствовали, этотъ царь

їдаз лаһаја: „Ја, сїтха, вун һїніз шузава?“ І ітімді лаһаја:
ему сказалъ: „Эй, братецъ, ты куда идешь?“ Этотъ человекъ сказалъ:

„Зїн папа јакїур руш ханā, абур хүз тіјез. Аеурла
„Моя жена сорокъ дочерей родила, ихъ кормить не могу. Когда увидѣлъ

зун, дунја тергавуна, фiзава. “ Шадбана пачахдiз, i кесiбнi
 а мiрѣ покинувь мду. “ Обрадовался царю, зтотъ бѣдьяга
 галаз кфенѣ, идан јахѣур рушнi бачуна, iбур аелѣвена.
 съ отпраивнвшисъ, его сорокъ дочерей взявъ они вернулись.
 Iбуруз, фiдајла, Мелик Мѣмед алаhana awajqwan: „Па-
 Имъ, когда отправлялись, Меликъ Мѣмедомъ сказано было: „Въ
 ласда бун јиф, бајитани, iлiфмир“. Нѣ Мелик Мѣмед а
 Паласъ въ ночь, если (хотя) будетъ, не остановитесь. “ Тотъ Меликъ Мѣмедъ
 лагај чкада iбуруз јиф бана, iбур iна iлiфна. Екунакди
 сказанномъ въ мѣстѣ имъ ночь была, они здѣсь остановились. Утромъ
 iбур, ахварѣаватајта, са iландi, *) дазqwan, iбурулае аелѣвена
 они, когда проснулись, одна змѣей горы съ ихъ вокругъ
 wiчiкѣ пару авуна, багбана(а)ва. Са жоq, qwe жоq iбур iна
 изъ себя вѣрность сдѣлавъ, лежалъ. Одинъ день, два дня они здѣсь
 баја; пудлухудај буз пачахдi iдас лагаја: „Еј, зѣлум! ја чун
 были; на третiй день царемъ ей сказалося: „Эй, чудовище! или насъ
 нѣ, дабајта чаз рухсат фе.“ Iландi лагаја: „Wi хва, Мелик
 съшь, если нѣтъ, намъ позволенiя дай.“ Змѣей сказалося: „Твой сынъ, Меликъ
 Мѣмед зајита, за бун рухкурда, дабајта, за бун неда.“
 Мѣмедъ если приведешь, а насъ отпущу, если нѣтъ, а гасъ съшь.“
 Чара банч пачахдiз, са хва iда рухкурна Мелик Мѣмедан
 Средства не было царю, одинъ сынъ онъ послалъ Меликъ Мѣмеду
 муquw. Iда хтавѣ Мелик Мѣмедаз лагаја: „Ја, сiтка, чун
 къ. Этогъ прибывъ Меликъ Мѣмеду сказаль: „Эй, братъ, ми
 wi чалаз кiлiгтавуна, wунѣ iлiфмир лагај дѣзда чун
 твой слугу непосмотрѣвъ, ты не остановись сказанной равнинѣ ми
 iлiфна; ана, ксана(а)вајла, чун са iландi quна; wу зајита,
 остановились; тамъ, когда спали, насъ одна змѣя поймала; ты если
 wiчi чун акајдалда, дабајта, чун weri недалда.“ Чара
 приведешь, онъ насъ отпустить, если нѣтъ, насъ всѣхъ съшь.“ Выхода
 банч Мелик Мѣмедаз: wуч фена iландiн муquw iбур рухкурна.
 не было Меликъ Мѣмеду: самъ пошелъ змѣѣ къ ихъ отпустилъ.
 Мелик Мѣмеда iландiз лагаја: „Лан, win wуч метлеб авата!“
 Меликъ Мѣмедъ змѣѣ сказаль: „Скажи твой какая служба, если есть!“

*) По кюрински — зѣлѣзди — змѣей.

Іланді лаһаја: „Егер ууна җин пачаһдин руш җајта за
Зиһа сказала: „Если ты чертей царя дочь если приведешь я
вун акајда, дабајта, җилиз вун җич, павуз вун әеҗеҗич,
тебя отпущу, если нѣтъ въ землю ты не пойдешь, на небо ты не подынешь-

за вун неда“. Јана вичин балҗандиз пурәр, Мелик Мәмед
ся, я тебя съви.“ Осјдавз свою лошадь Мелик Мямедь
һатра реҗе. Кариҗе са Һуз имі һалтна җанауурдал. Җана-
лустылся въ путь. Изъ дней одинъ день онъ наткнулся на волка. Волкомъ

вурди ідаз лаһаја: „Мелик Мәмед, вун һиниз фіда?“ Ида ла-
ему сказалоь: „Мелик Мямедь, ты куда идешь?“ Имъ ска-
һаја: „Зун іландиз җин пачаһдин руш җиз фізава.“ Җана-
залось: „Я амѣ чертей царя дочь принести иду.“ Волкомъ

вурди лаһаја: „Вун әелбүз, ууна іландиз вѣ балҗан җена
сказалоь: „Ты возвратись, ты амѣ твоя лошадь издохла

лаһана, адан балҗанриҗе са балҗан Һачуна, зі муҗуу кша.“
сказавъ, его изъ лошадей одна лошадь взявъ мнѣ ко приходи.“

Вичин балҗан җанауурдал тапшурмишавуна, іландин балҗан
Свою лошадь на волка поручилъ, амѣн лошадь

Һачуна, хтајта, җанауурди ідан балҗандин вилиҗе җуна
зявъ когда прѣхалъ, волкъ его лошади спереди держа

аҗуҗнаава. Вичин балҗан тҗуна, җанауурдиз Һана фідајла,
сидѣлъ. Свою лошадь зарѣзавъ, волку давъ когда отправ

җанауурди лаһаја: „Вун руш Һваз кфидајла, зин
лялся, волкъ сказалъ: „Ты дѣвочку мнѣ, когда вернешься, мнѣ
муҗууә ахлад.“ Са хәл реҗиз имі фејила, ідал һалтна
ко ступай.“ Нѣкоторый путь этотъ когда поѣхалъ, на него наткнулся

са ітим; і ітимди җеурна фідај мѣргериҗе неҗ аҗазавај.
одинъ человекъ; этотъ человекъ бѣгомъ идущіе отъ оленей молоко доляіи.

Мелик Мәмеда ідаз лаһаја: „Вуч игид Һас ја вун.“ І
Мелик Мямедь ему сказалъ: „Какой ловкій человекъ есть ты“. Этотъ

Һасди лаһаја: „Игид зун туш, игид, җин пачаһдин руш җиз
человекъ сказалъ: „Ловкій я не, ловкій, чертей царя дочь принести

физавај, вун ја!“ Мелик Мәмеда ідаз лаһаја: „Ваз зун һиҗи
идущій, ты есть!“ Мелик Мямедь ему сказалъ: „Тебя я какъ

чіда? “Бес вун чіржечві, лаhana Мелі́ Мæмедаз јолдаш
 знаеш?” Какъ теба хотя не узнаеш, сказа́л Мелнъ́ Мæмеду товарищъ
 hана фена; ибурал haltна, са хæл реқив фејла, са
 быъ пошелъ; на нихъ наткнулся, одинъ нѣкот. пути когда прошли, одинъ
 ігім дағлар hгін бвeнер кадарізавај. Ідаз ибуру лаhаја: „Вуч
 человекъ горы какъ камни бросающій. Ему они сказали: „Какой
 куватлу ігім ја вун!“ І касді лаhаја: „Куватлу кас
 сильный человекъ есть ты!“ Этотъ человекъ сказа́л: „Сильный человекъ
 зун туш, кун ја цін пачаhдін руш зіз фізавај, зунні
 я не есть вы есть чертей царя дочь принести идущіе, и я
 квез јолдаш ја.“ Карікæ сад кув ибурал haltна вацар бур-
 вашъ товарищъ есть“. Изъ дней одинъ день на нихъ наткнулся рѣки про-
 қардајді; ідазні Мелі́ Мæмед чірhана ибуруз јолдаш hана.
 глатывающій; ему и Мелнъ́ Мæмедъ узнавъ былъ имъ товарищъ былъ.
 Шумуднісад калæ ибур азаqна цін пачаhдін қвеліз. Цін
 Черезъ нѣсколько дней они доххали чертей царя домой. Дивовъ
 пачаhді ибурувæ цузуна: „Кун вуч ігімар ја?“ Ибуру ідаз
 царь отъ нихъ спросилъ: „Вы что люди есть?“ Они ему
 лаhana: „Чун wі руш қанзавај ігімар ја.“ Цін пачаhді ла-
 сказа́л: „Мы твоя дочь хотящіе люди есть.“ Чертей царь ска-
 hаја: „Кисен ја, за гуда квез руш, егер куне за лаhај іуд
 залъ: „Хорошо есть, я дамъ вамъ дочь, если вы я сказанные три
 буллұз бінем аwurfа.“ Мелі́ Мæмеда лаhаја: „Lah wі бул-
 подвига исполните“. Мелнъ́ Мæмедъ сказа́л: „Скажи твои под-
 лұзар вуч јага!“ „Кун ке аtа рақунін қвеле ксана
 виги что если есть“. „Вы сегодня въ этомъ желѣзномъ домѣ спать
 қанда,“ лаhаја цін пачаhді. Вацар бурқардәдаз чірhана цін
 должни“, сказа́л чертей царь. Рѣки проглатывающій узналъ чертей
 пачаhдіз вуч ејіз қанз аwата, іда лаhаја јолдашаріз: „Садра
 царь что дѣлать и, онъ сказа́л товарищамъ: „Однажды
 зу вацал фена хувен.“ Фенā вацал, іда kwāна ваца awај
 я на рѣкѣ пойдя вяду“. Пойдя на рѣкѣ, этотъ вышнв въ рѣкѣ нахол.
 јад хтапа, wічін јолдашарні галыз фена і рақун қвеліз;
 воду принялъ, свои товарищи и съ пошелъ этотъ желѣзный дому;

іна ібур батһана. Ібур рақун қwеле батһајла, ұпн пачаһ-
здісь эти легли. Эти въ желѣзномъ домѣ когда лежали, чертей царь
ді бујурмішна қарасар қана і қwелік, цай кәзін. Фіз
приказалъ дрова принеси къ этому дому, огонь дотронути. Ночью

Мелік Мәмедаз хабарһана, чеб аwај қwал ефезаwа. Waцар
Мелік Мәмеду назвѣсто стало сами находяц. домъ нагрѣвается. Рѣки

Бурқадаяда јад акәјна; і теһер пукумадалді ібур іна
проглатывающій воду вынулъ; такимъ образомъ до утра эти тутъ

кунтаwуна амудна. Пукумакә пачаһдін wезіrar кілігawурта,
несгорѣвши . остались. Утромъ царя wезири когда посмотрѣли

ібур һамамдабіз awа, wері сај ја. Цпн пачаһді лаһаја:
эти въ банѣ какъ находятся, всѣ здоровы есть. Чертей царь сказалъ:

„Гіла куне і паһліwандік дәwеһана қанда“. Квeнерка-
„Теперь вы съ этимъ богатыремъ драться надо“. Камни броса-

дардајда імі қунә, һалгна чімел. Цпн пачаһді лаһаја: „Гіла
ющій его схвативъ, ударилъ на землю. Чертей царь сказалъ: „Теперь

куне і кәрідік галаз фена фулан чүлдә awај мiргерікә
вы этой старухой съ ида въ такой то мѣстности находяц. отъ оленей

нек ацана қана қанда, егер кәрі wілік хтајта, за кун
молоко доявши принести надо, если старуха раньше придетъ, я вась

реқіда, кун wілік хтајта за кwез руш гуда.“ І кәрі
убью, вы раньше если придете, я вамъ дочь дамъ“. Эта старуха

гар һіз катдајді һана. Мiргерікә нек ацадајді кәрідік
вѣтеръ какъ бѣгущая была. Отъ оленей молоко доящій старухой

галаз фена. Ида нек ацадајла, кәріді хүкwез башламішна.
съ пошелъ. Этотъ молоко когда доялъ старуха иди начала.

Ида кәрідіз лаһана: „Wун һініз катна кфизаwа?“ Кәріді
Этотъ старуха сказалъ: „Ты куда, бѣгомъ, идешь?“ Старуха

лаһана: „Чан хwa, зун реқіді ја, зун аста-аста кфіда,
сказала: „Милый сынъ, я хрома я есть, я тихонько-тихонько пойду,

wун зак азақді.“ Са хәл реқіз ібур кфела, мiргер
ты меня догонишь.“ Одинъ нѣкотораго пути они когда пошли, оленей

ацадајдаз гішінһана; кәріді ідаз са үцү фу гана. І фу
доящему проголодался; старуха ему одинъ соленный хлѣбъ дала. Этотъ хлѣбъ

незамаз, ідаз јад қанһана, ґаріді ідаз шурбет гана.
какъ только съѣлъ, ему воду захотѣлось, старуха ему сладкую воду дала.

Ідаз мадні јад қанһана; ґаріді са шупедавај ґахір гана, імі
Ему еще воды захотѣлось; старуха одну бутылку водку дала, этотъ

пїян авуна. Мірґер ацадајді јархһајла, ґаріді, істіқан ідан
пьяный сдѣлала. Оленей дошій когда увалъ, старуха, стаканъ на его
јапал ецігна, хуґез башламшна. Меліі Мәмед дурбудај
ухо положивъ, ндти начала. Мелікъ Мямедъ изъ подозрной гр.

кіліґајта, ґарі пеһердіз аґақизава, вічін јолдаш јархһана
когда посмотрѣлъ, старуха къ городу приближается, его товарищъ упавши
ава; а ваһедеда іда јаһана тўфенґдал, адан јапал алај
есть; тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья, на его ухъ находящійся

істіқан, ама ахварәәвудна. Мірґер ацадајді кіліґавурта,
стаканъ, его разбудилъ. Оленей дошій когда посмотрѣлъ,

ґарі амач: інлә ґукурна, пеһердін муқуу ґарідік азақпа,
старухи нѣтъ: отсюда побѣжавъ, города около старухи догнавъ,

ґарі қена, неі тухвана паґаһдіз. Ғара һапч; қін паґаһдіз
старуху убилъ, молоко отнесъ царю. Выхода не было дѣвоу царю

вічін руш ібуруз ґаја; рушні ґачуна, ібур һатра реқе.
свою дочь нмъ отдалъ; дѣвочку взявъ, эти пустились въ путь.

Ғвенерқадардајді, ваґарѣурқардајді, неі ацадајді, һарма чи-
Камни бросающій, рѣки проглатывающій, молоко довшій, каждый на

пін ґвадал секіпһана. Меліі Мәмед рушні ґалаз, һатра
своихъ мѣстахъ успокоились. Мелікъ Мямедъ дѣвочку взявъ, пустился

реқе. І руша ідаваә цузура: „Меліі Мәмед, вуна зун һініз
въ путь. Эта дѣвочка его спросила: „Мелікъ Мямедъ, ты меня куда

тухузава?“ Іда лаһаја: „За вун іландіз тухуда.“ Іда іқи
везешъ?“ Онъ сказалъ: „Я тебя зигѣ везу.“ Этотъ такъ

лаһајла, руш шеһна. Ғаріқә са(д) буз ібур хтава цана-
когда сказалъ, дѣвочка заплакала. Изъ дней одинъ день эти прїѣхали вол-

вурдін муқуу; цанавурді Меліі Мәмедаз лаһаја: „Was і
ку къ волкъ Мелікъ Мямеду сказалъ: „Тебѣ эта

руш қандані? Меліі Мәмеда лаһаја: „Қанда!“ Цанавурді
дѣвочка любишь?“ Мелікъ Мямедъ сказалъ: „Люблю!“ Волкъ

ідаз лаһаја: „Флан чўлда са кўр ава ламқван, а ему сказала: „Въ такой то мѣстности одинъ заяць есть, съ осла, этотъ кўр ерід фізни, ерід кўз ксудајді ја, вилер аказ; паға ама заяць семь ночей, семь дней спящій есть, глаза открыты; завтра онъ ахварғаawatдај, жоғ ја: фена, а кўр јаһана јіқ, hereбатна проспелся, день есть: иди, этотъ заяць ударивъ, убей, поскорѣе адан рі; айудна, ріґе авај какā айудна, һалчна чілел, его сердце вынуть, въ сердцѣ находящее лицо вынуть, ударивъ на землѣ хух. А кткада іландін чан ава. Мелик Мәмедазні разсей. Въ эгомъ лицѣ змѣя душа находится. Мелик Мамеду и рушаз гзаф шадһана. Мелик Мәмеда цанавурді лаһажвал дѣвочки очень обрадовались. Мелик Мямедъ волкъ какъ сказалъ јаһана кўр қена, кава хадајла, іландіз чірһана. Мелик ударивъ зайца убилъ, лицо когда разбивалъ, змѣя узнала. Мелик Мәмед кілігајта, са теһер ілан кѣезава гум қілаз алаз. Мямедъ когда посмотрѣлъ такъ змѣя идетъ дымъ на головѣ нахо.

Іланді ідаз бапламшна минетејіз, вуч кѣедалді тур, луһуз. дясъ. Змѣя ему начала просить самъ пока придетъ оставъ говора. Мелик Мәмеда какā һалчзамаз, ілан јархһана, қена. Мелик Мямедъ лицо какъ только бросилъ, змѣя упала, издохла. Анлаэ цанавурні разіавуна рушни качуна, імі һатна реде, Оттуда и волка вознаградивъ дѣвочку взявъ, онъ пустился въ путь, хтана вічін ватандіз. Мелик Мәмед цін паҗаһдін рушни галаз, пріѣхалъ въ свою родину. Мелик Мямедъ чертей царя дочку имѣя хтана вічін бубадін муқуу. Цін паҗаһдін рушни, бубаді зајі пріѣхалъ своему отцу къ. Чертей царя ,дочь, отецъ привезен. рушни качуна вічіз. Паҗаһді паҗаһвалні гана Мелик Мәмедаз. дѣвочку взялъ себѣ. Царь корону далъ Мелик Мямеду

Абур ана сејинһана, зун іпіз хтана.
Они тамъ успокоились, я сюда пріѣхалъ.

~~~~~  
Молла Наср-Еддін.

Молла Наср-Еддіназ һанақван са қәл. І кәр чірһана
Молла Наср Эддину была одна барашекъ. Эго дѣло узнали

цеһиларуз; ибуруз хартеһердадї идан қәел пез қанһана. Са
молодые люди; нивъ всячески его барашка състь захотѣли. Одиъ
ѣуз ибуру идаз лаһаја: „Молла Наср-Еддін, пака ехир заман
день они ему сказали: „Молла Насръ Әддинъ, завтра конецъ свѣта
ја, ша чина wi қәел неш!“ Молла Наср-Еддина лаһаја:
есть, давай им твой барашекъ съдими!“ Молла Насръ Әдинъ сказалъ:
„Кисен ја, ша!“ Қәелни бачуна, ибур фена са вафун кирәхдиз.
„Хорошо есть, давай!“ Барашка взявъ, они пошли одной рѣки берегъ.
Јоғ гзаф чимиди һана. Қәел туқупа, жігадаја, ибуру wirида,
День очень жаркій былъ. Барашка зарѣзавъ, когда варили, эти всѣ,
хтуна чіпін гинібашар, молла Наср-Еддинан муқувеквез фена.
силь въ свою одежду, молла Насръ Әдина около купаться пошли.
Ибур фізамаз молла Наср-Еддина, ибурун гинібашар
Они какъ только пошли, молла Насръ Әдинъ, ихъ одежду
қватна, цуз weһена. Еквена цеһилар хтајта, гинібашар
собравъ, въ огонь бросилъ. Выкупавшася, молодые когда пришли, одежды
амач. Ибуру лаһаја: „Молла Наср-Еддін, чин гинібашар һина-
вѣтъ. Они сказали: „Молла Насръ Әдинъ наша одежда гдѣ
ва?“ Ида лаһаја: „За абур цуз weһена.“ „Wучіз?“ „Wah!“
есть?“ Онъ сказалъ: „Я ихъ въ огонь бросилъ.“ „Зачѣмъ?“ „Вахъ!“
лаһаја молла Наср-Еддина: „Пака ехир заман жедаја, куне
сказалъ молла Насръ Әдинъ „завтра конецъ свѣта если будетъ, въ
гинібашаринә wуч ејида?“
изъ одежды что сдѣлаете?“

~~~~~  
Молла Наср-Еддинни чавул.
Молла Насръ Әдинъ и еврей.

Са ѣуз молла Наср-Еддина, wичин қвеле афурна,
Одинъ день молла Насръ Әдинъ, въ своемъ домѣ сидя,
Аллаһдиз јалвармишіјиз, һана: „Ја Аллаһ, зун кесиб ја wi
Богу обращаясь, былъ: „О Господи, я бѣдникъ есть, въ твоей
хазинада гзаф ава һарса зат, wуна заз са wиш кизил
вазибъ много есть всякая вещь, ты мнѣ одна сотня золотыхъ монетъ
fel!“ Ахпа лаһаја: „Егер wишдакаә са кизил кимив һајта,
дай!“ Потомъ сказалъ: „Если отъ сотни одна монета меньше если будетъ,

заз қандач!“ Ида ікі лұһудайла, ванһана са җаууддіз;
миъ не хочу!“ Этотъ такъ когда говорилъ, услыхалъ одинъ еврей;

акван молла Неср Еддіна вуч ејідата лұһуз вiш бізілдікә
посмотримъ молла Насръ Эддинъ что если сдѣлаеть де отъ сто монеть

сад кіміз гвадарна ідан қуеліз, са пинедік втуна. Молла
одной меньше бросилъ въ его домъ, въ одну тряпку положивъ. Молла

Неср Еддин кілігавурта, пинедік вiшдакә са манат кіміз
Насръ Эддинъ когда посмотрѣлъ, въ тряпкѣ отъ сотни одна монета меньше

ава. Ида лаһаја: „Iqwanbur goji Allahdiwæ sadni guz jedi,
естъ. Онъ сказалъ: „Столько отглавшій Богъ одну дать можетъ,

i pine jebni galaz sa бізілдікә кәва, за ібур қабулејіда.“
эта тряпка веревкой съ одной монеты стоять, я ихъ принимаю.“

Җаууддіз вичин бізілар гахчуз қанһана; молла Неср Еддіна
Еврей свои деньги взять хотѣлся; молла Насръ Эддинъ

вичинбур ја лұһуз, гахкунтејізһана. Җауудні молла Неср Еддин
свои естъ говоря, не давалъ. Еврей и молла Насръ Эддинъ

дуwandiz фидажвалһана. Дуwandiz фидажла, молла Неср Еддіна
въ судъ вѣдти были. Въ судъ когда шли, молла Насръ Эддинъ

җаууддіз лаһаја: „Wun lamral ala, wal kisen ginibashar
еврей сказалъ: „Ты на ослѣ находишься, на тебѣ хорошая одежда

ала; зун јіјах ја, ескі гинібашар алаз. Дуwanda awaj
находятся; я пѣшкомъ естъ, худое платье имѣя. Въ судъ находящ.

itimaru wun akwazamaz, wu kercek ja luhudi, zun wak
люди тебя какъ только увидятъ, ты правъ естъ скажутъ, я тобой

galaz kwedach.“ Җауудді лаһаја: „Aqa jata, ma zi ginibashar,
съ не пойду.“ Еврей сказалъ: „Такъ если естъ, возьми мое платье,

wuna aluq, wibur za aluqda, lamralni wunaqah.“ Җаууддин
ты надѣнь, твою я надѣну, и на ослѣ ты садись.“ Еврея

гинібашар алуқна, адан ламрал аqахна, молла Неср Еддин
платье надѣвъ, на его ослѣ сѣвъ, молла Насръ Эддинъ

җаууд галаз атана дуwandiz. Җауудді арза аwурла, судіјару
евреемъ съ пришли въ судъ. Еврей жалобу когда сдѣлалъ, судьи

молла Неср Еддінаwæ цузура: „Бес җауудді пул вичин,
молла Насръ Эддина спросили: „Какъ же еврей? деньги его,

вучізі ја лухуда?“ Молла Наср Еддіна лахаја: „Белкі, зачѣмъ есть говорить?“ Молла Насръ Эддинъ сказалъ: „Можетъ быть, ада зал алај гинібашарні, зун алај ламні вічінбур ја луху-онъ на миѣ наход. платѣ, я наход. оселъ свои есть можетъ дажал?“ Чавуудді лахаја: „Бес абур зібур тупні?“ Судіјару бытъ скажетъ?“ Еврей сказалъ: „Развѣ эти мои нѣтъ?“ Суды чавуудді тапараравуна лухуз, адавæ цермени ёачуна. І еврей солгалъ говоря, у него штрафъ взяли. Такимъ теher молла Наср Еддин девлетлу бана. образомъ молла Насръ Эддинъ богатныгъ сдѣлалс.

~~~~~
Меликъ-Мамедъ.

Жилъ былъ царь; у него не было наслѣдника. Черезъ нѣсколько времени жена родила ему сорокъ сыновей; царь не могъ перенести этого и, не желая оставаться болѣе дома, покинулъ свое государство и отправился въ другому царю, гдѣ и успокоился. Оставшись одна, его жена собрала всѣхъ своихъ дѣтей, наняла имъ сорокъ кормилицъ и такимъ образомъ кормила ихъ. Прошло много времени, дѣти возмужали и спросили у матери: „Гдѣ нашъ отецъ?“ Мать сказала: „Милые дѣти! когда я родила васъ сорокъ братьевъ сразу, отецъ вашъ не могъ вынести этого равнодушно и, покинувъ свое государство, куда-то скрылся.“ Меликъ Мамедъ, младшій братъ, сказалъ: „Мы должны отыскать нашего отца и найти его: находится ли онъ на небѣ, или въ землѣ. Послѣ всѣ братья, взявъ себѣ по одному всаднику, отправились въ разныя стороны на поиски за отцемъ. Поѣхалъ съ ними и Меликъ Мамедъ. Однажды, отдыхая около одного города, увидѣлъ онъ двухъ охотниковъ съ ястребами; М. М. посмотрѣлъ на нихъ и въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ черты своего отца, котораго заранѣе сообщила ему мать. Всадники проѣхали мимо; Меликъ Мамедъ поѣхалъ за ними и пріѣхалъ въ тотъ домъ,

гдѣ остановились эти всадники. Одинъ изъ всадниковъ былъ царь этой мѣстности. Слуги царскіе приняли коня М. М., а его самого повели къ своему царю. Царь ему предложилъ сѣсть; онъ отказался. Когда же царь спросилъ его, почему онъ не садится, — Меликъ Мамедъ отвѣтилъ, что его отецъ находится здѣсь, и потому онъ не сядетъ: въ одномъ-де изъ охотниковъ онъ узналъ своего отца. Тогда царь сказала этому охотнику: „Какъ же ты говорилъ, что у тебя нѣтъ дѣтей?“ Отецъ Меликъ Мамеда рассказалъ все, что было, и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ отправился въ свое государство. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали всѣ остальные братья. Однажды они всѣ явились къ отцу и сказали: „Ты намъ теперь долженъ найти сорокъ невѣстъ отъ одного отца и отъ одной матери, если не найдешь, то мы убьемъ тебя!“ Нечего было дѣлать бѣдному старику: онъ оставилъ царемъ Меликъ Мамеда, а самъ съ остальными сыновьями отправился въ путь. Черезъ нѣкоторое время они встрѣтили одного человѣка. Привѣтствовавъ его, царь спросилъ: „Куда ты, братецъ, идешь?“ Бѣднякъ отвѣтилъ: „У меня сорокъ дочерей, которыхъ родила моя жена одновременно и которыхъ теперь я не могу кормить!“ Царь очень обрадовался, отправился съ этимъ бѣднякомъ къ нему, взялъ у него сорокъ дочерей и пустился въ обратный путь. Отправляя изъ дому своихъ братьевъ, Меликъ Мамедъ запретилъ имъ останавливаться въ Паласѣ. Однако, имъ пришлось переночевать именно на этомъ самомъ мѣстѣ. Утромъ, когда они проснулись, увидѣли, что громадная змѣя улеглась вокругъ нихъ. Всѣ пришли въ ужасъ. Проходитъ день, другой, змѣя ихъ не выпускаетъ, на третій день царь сказалъ змѣѣ: „Эй, чудовище! или насъ съѣшь, или отпусти!“ Змѣя сказала: „Если ты приведешь твоего сына М. М., я васъ отпущу; если же нѣтъ, — я съѣмъ васъ всѣхъ.“ Нечего было дѣлать; царь отправилъ одного изъ своихъ сыновей къ Меликъ Мамеду. Тотъ пріѣхалъ къ М. М.-у и сказалъ: „Бра-

тецъ, мы остановились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты запретишь намъ останавливаться; ночью, когда мы всѣ спали, одно чудовище окружило насъ и сказало, что если не приведемъ тебя, то оно съѣстъ всѣхъ насъ. Меликъ Мамедъ отправился туда. Змѣя отпустила всѣхъ, кромѣ Меликъ Мамеда. Тогда онъ сказалъ ей: „Чудовище, скажи мнѣ,—чего ты хочешь отъ меня?“ Змѣя отвѣчала: „Ты долженъ мнѣ привести дочь царя дивовъ; если не привезешь, то я тебя вездѣ найду и съѣмъ и нигдѣ ты ни спасешься: ни на небѣ, ни въ землѣ.“ Несчастный юноша осѣдлалъ своего коня и отправился въ путь. На пути онъ встрѣтилъ волка. Волкъ сказалъ ему человѣческимъ голосомъ: „Меликъ Мамедъ, куда ты ѣдешь?“ Онъ отвѣтилъ: „Я ѣду въ царство дивовъ, что-бы дочь ихъ царя привести змѣѣ.“ Волкъ сказалъ: „Иди къ этому чудовищу и скажи, что твоя лошадь издохла, и попроси одну изъ его лошадей. Поручивъ свою лошадь волку, М. М. отправился къ змѣѣ и взялъ у нея лошадь. Возвратился и видитъ, что волкъ сидитъ на дорогѣ и держитъ за поводъ его коня. Меликъ Мамедъ зарѣзалъ своего коня и отдалъ его волку. Когда онъ уѣзжалъ, волкъ сказалъ ему, чтобы на обратномъ пути онъ опять заѣхалъ къ нему. Проѣхавъ нѣкоторое время, М. М. встрѣтилъ человѣка, который на бѣгу доилъ оленей. М. М. сказалъ ему: „Какой ты ловкій человѣкъ!“ Онъ отвѣтилъ: „Не я ловкій, а ты, что идешь за дочерью царя дивовъ.“ М. М. спросилъ: „Какъ ты меня знаешь?“ „Какъ же тебя не знать,“ отвѣтилъ онъ: „я буду тебѣ товарищемъ.“ Тогда они отправились вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней они встрѣтили великана, который бросалъ огромные камни. М. М. сказалъ ему: „Какой ты силачъ!“ Онъ отвѣтилъ: „Силачъ не я, а ты, что идешь за дочерью царя дивовъ; и я пойду съ тобою.“ Теперь ихъ стало трое. Наконецъ, они встрѣтили другого великана, который выпивалъ за-разъ воду всей рѣки; онъ тоже пошелъ съ ними. Черезъ нѣсколько дней они при-

ѣхали въ царство дивовъ. Царь дивовъ спросилъ ихъ, что они за люди. Они сказали, что пришли за его дочью. Царь сказалъ: „Хорошо; я отдамъ вамъ ее, если вы исполните три подвига; если же нѣтъ, то я васъ убью.“ Они сказали: „Говори, чего ты хочешь отъ насъ!“ Царь отвѣтилъ: „Вы сегодня должны переночевать въ этой желѣзной комнатѣ.“ Великанъ, который могъ выпить цѣлую рѣку, сказалъ: „Товарищи, погодите, пока я пойду на рѣчку и возвращусь.“ Онъ выпилъ большое количество воды и возвратился; тогда они всѣ отправились въ желѣзную комнату. Ночью царь приказалъ, чтобы эту комнату обложили дровами и подожгли. Меликъ Мамедъ съ товарищами почувствовали, что компата раскаляется; тогда великанъ выпустилъ большое количество воды. Какъ только они почувствовали, что вода становится горячѣе, онъ сталъ прибавлять воды; такимъ образомъ они остались до утра невредимы. Утромъ, когда царскіе слуги посмотрѣли въ желѣзную комнату, то нашли тамъ всѣхъ здоровыми. Тогда царь сказалъ: „Теперь одинъ изъ васъ долженъ пойти съ хромою старухой на ту равнину и принести оленьяго молока; если старуха возвратится раньше, то вы заплатите жизнью!“ Онъ обманулъ ихъ, сказавъ, что старуха хромая: она бѣгала съ быстротою вѣтра. За это дѣло взялся другой великанъ, донтель оленей. Когда онъ сталъ донть, то старуха начала итти назадъ. Онъ сказалъ ей: „Куда ты бѣжишь?“ Она отвѣтила: „Милый сыноекъ! я хромая—ты меня догонишь.“ Когда они прошли нѣкоторое разстояніе, великану, доившему оленя, захотѣлось поѣсть; старуха отдала ему кусочекъ соленого хлѣба; ему захотѣлось пить. Старуха дала ему шербетъ (сахарная вода). Выпивъ этой сладкой воды, онъ еще сильнѣе захотѣлъ пить; старуха дала ему бутылку вина, вслѣдствіе чего онъ сталъ пьянымъ. Онъ упалъ. Старуха положила на его ухо стаканъ, а сама взяла молоко и побѣжала. Въ это время М. М. посмотрѣлъ изъ подозрной трубы и увидѣлъ, что

его товарищъ лежитъ на дорогѣ со стаканомъ на ухѣ, а старуха приближается къ городу. Онъ выстрѣлилъ изъ ружья и попалъ въ стаканъ. Великанъ проснулся и увидѣлъ, что нѣтъ ни старухи, ни молока. Тогда онъ пустился въ погоню за вею и, догнавъ ее около самого города, убилъ ее и, взявъ молоко, пришелъ и отдалъ его царю. Царь сказалъ, что теперь одинъ изъ нихъ долженъ бороться съ его богатыремъ. Вышелъ третій (бросающій камни) и поборолъ богатыря. Нечего было дѣлать и царь отдалъ имъ свою дочь. Они пустились въ обратный путь. Товарищи М. М. остановились каждый на своемъ мѣстѣ, гдѣ ихъ засталъ онъ. М. М. остался одинъ съ дочерью царя дивовъ. Она спросила его: „М. М., куда ты меня ведешь?“ Онъ отвѣтилъ: „Какъ ни тяжело мнѣ, но я долженъ отдать тебя великой змѣѣ.“ Она заплакала. Доѣхали они до того мѣста, гдѣ онъ оставилъ волка. Волкъ вышелъ къ нимъ и спросилъ его: „М. М., хочешь ли ты оставить эту дѣвушку себѣ?“ Тотъ отвѣтилъ утвердительно; тогда волкъ сказалъ: „Иди, вонъ въ той равнинѣ живетъ заяцъ величиною съ осла; онъ спитъ семь дней и семь ночей, завтра онъ проснется. Ты убей его, выйми его сердце; въ сердцѣ томъ находится яйцо, въ которомъ помѣщена душа этой змѣи. Какъ только ты вынешь яйцо, змѣя узнаетъ объ этомъ и будетъ стараться заискивать въ тебѣ; но ты не поддавайся и разбей яйцо.“ Какъ только онъ вынулъ его, то увидѣлъ, что змѣя съ дымомъ и шумомъ приближается къ нему и издали дѣлаетъ ему знаки, что-бы онъ подождалъ немного. Меликъ Мамедъ разбилъ яйцо, змѣя упала на землю и издохла. Тогда онъ взялъ все богатство змѣи, вознаградилъ (поблагодарилъ) волка и возвратился съ дочерью царя дивовъ на родину. Меликъ Мамедъ пріѣхалъ къ отцу; устроилъ свадьбу и женился на дочери царя дивовъ и на другой, которую привезъ ему отецъ. Отецъ его сдѣлалъ царемъ.

Тамъ зажили они себѣ, а рассказчикъ вернулся домой.

Молла Насръ Эддинъ.

У моллы Насръ Эдина былъ барашекъ. Молодые люди узнали объ этомъ и во что бы то ни стало захотѣли покушать этого барашка. Вотъ они пришли къ моллѣ и сказали: „Молла Насръ Эдинъ, завтра конецъ свѣта; давай съѣдимъ твоего барашка.“ На это молла отвѣтилъ: „Хорошо, давайте!“ Взявъ барашка, они отправились къ рѣкѣ. День былъ очень жаркій. Когда стали варить барашка, всѣ раздѣлись и, оставивъ свою одежду около м. Н. Э., сами пошли купаться. Какъ только они ушли, молла Насръ Эдинъ собралъ всю ихъ одежду и бросилъ ее въ огонь подъ котелъ. Вышли изъ воды молодые люди и спрашиваютъ: „Гдѣ наша одежда?“ На это молла отвѣчаетъ: „Я ее бросилъ въ огонь!“ „Зачѣмъ?“ „На что она вамъ, если завтра конецъ свѣта!“ Молодые люди ничего не могли подѣлать, ибо сами были виноваты, подшутивъ надъ моллою.
